

Стратегии исследования языковых единиц

Научное издание

Тверь
2011

УДК 811. 161. 1
ББК 81. 2Р
С 83

Редакционная коллегия:
канд. филол. наук, доцент И. М. Ганжина (отв. редактор)
канд. филол. наук, доцент И. В. Гладилина
канд. филол. наук, доцент О. Б. Власова
канд. филол. наук, доцент А. А. Дударева

Стратегии исследования языковых единиц: Сборник статей. – Тверь: Изд-во М. Батасовой, 2011. – 376 с.

Сборник выпущен по итогам международной научно-практической конференции, которая состоялась 22 апреля 2011 г. в Тверском государственном университете и была посвящена актуальным проблемам развития методологии лингвистических исследований.

ISBN 978-5-903728-45-9

© Тверской государственный университет, 2011
© Издательство Марины Батасовой, 2011

**СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ И
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ
ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ**

Е. Д. Аксенова, А. А. Кузнецова, В. М. Мирзоева (Тверь)

**НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ
В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА**

Исследование человеческого фактора в языке приобретает новый ракурс рассмотрения в связи с изучением языковой картины мира. Понятие «картина мира» относится к числу фундаментальных понятий, выражающих специфику человека и его бытия, взаимоотношения его с миром, важнейшие условия его существования в нем. Введение понятия «картина мира» в антропологическую лингвистику позволяет различать два вида влияния человека на язык: феномен первичной антропологизации языка (влияние психофизиологических и другого рода особенностей человека на конститутивные свойства языка) и феномен вторичной антропологизации (влияние на язык различных картин мира человека – религиозно-мифологической, философской, научной, художественной).

Язык непосредственно участвует в двух процессах, связанных с картиной мира. Во-первых, в его недрах формируется языковая картина мира, один из наиболее глубоких слоев картины мира у человека. Во-вторых, сам язык выражает и эксплицирует другие картины мира человека, которые через посредство специальной лексики входят в язык, привнося в него черты человека, его культуры. При помощи языка опытное знание, полученное отдельными индивидами, превращается в коллективное достояние, коллективный опыт.

Тема "Язык и картина мира", помимо определения роли языка в формировании различных картин мира у человека, имеет и другой ракурс рассмотрения. Он заключается в том, каким язык предстает в "глазах" лингвистики, семиотики, философии, теологии, мифологии, фольклора, искусства, поэтики, обыденного сознания. Каждая из картин мира, которая в качестве отображаемого фрагмента мира представляет язык как особый феномен, задает свое видение языка и по-своему определяет принцип его действия. Изучение и сопоставление различных видений языка через призмы разных картин мира может предложить лингвистике новые эвристические ходы для проникновения в природу языка и его познание.

Феномен, именуемый "картина мира", является таким же древним, как и сам человек. Создание первых картин мира у человека совпадает по времени с процессом антропогенеза. Тем не менее реалья, называемая термином "картина мира", стала предметом научно-философского рассмотрения лишь в недавнее время. Понятие картины мира находится в настоящий момент в стадии своего формирования: предпринимаются

первые попытки построения его развернутого определения и раскрытия смысла; дискутируются вопросы о том, как разумно теоретически отграничить картину мира от близких феноменов, как категориально охарактеризовать и выявить свойства и формы ее существования.

Мысль о том, что создание картины мира или картины реальности является необходимым моментом жизнедеятельности человека, развивал А. Эйнштейн.

Начиная с 60-х годов XX века, проблема картины мира рассматривается в рамках семиотики при изучении первичных моделирующих систем (языка) и вторичных моделирующих систем (мифа, религии, фольклора, поэзии, прозы, кино, живописи, архитектуры и т. д.). Культура при этом подходе трактуется как "ненаследственная память коллектива", и её главной задачей признается структурная организация окружающего человека мира, что находит свое выражение в модели мира.

В рамках лингвистики проблема восстановления древней модели мира возникала естественным образом в связи с необходимостью реконструкции семантики текстов в широком смысле слова.

Модель мира А. Я. Гуревич определяет как "сетку координат", при посредстве которых люди воспринимают действительность и строят образ мира, существующий в их сознании [2, с. 15-16]. Модель мира в каждой культуре состоит из набора взаимосвязанных универсальных понятий, к которым он относит такие понятия, как время, пространство, изменение, причина, судьба, число, отношение чувственного к сверхчувственному, отношение частей к целому. Каждая цивилизация, социальная система характеризуется своим особым способом восприятия мира. Называя основные концептуальные и чувственные категории универсальными, мы имели в виду лишь то обстоятельство, что они присущи человеку на любом этапе его истории, – но по своему содержанию они изменчивы [2, с. 17].

В лингвистике появление понятия языковой картины мира является симптомом возникновения гносеолингвистики как части лингвистики, развиваемой на антропологических началах. Понятие языковой картины мира позволяет глубже решать вопрос о соотношении языка и действительности, инвариантного и идиоматического в процессах языкового отображения действительности как сложного процесса интерпретации человеком мира. Картина мира представляет собой центральное понятие концепции человека, выражающее специфику его бытия, и адекватно охарактеризовано оно может быть лишь в общей теории человека.

Наиболее адекватным нашим задачам пониманием картины мира представляется определение ее как исходного глобального образа мира, лежащего в основе мировидения человека, репрезентирующего существенные свойства мира в понимании ее носителей и являющегося результатом всей духовной активности человека. Картина мира предстает при такой трактовке как субъективный образ объективной реальности и входит, следовательно, в класс идеального, которое не перестает быть образом реальности [2, с. 17].

Исследование человеческого фактора в языке тесно связано с изучением языковой картины мира, в которой, отражается влияние, во-первых, психофизиологических особенностей человека и, во-вторых, всевозможных социальных аспектов (религиозно-мифологических, философских, научных, художественных, экономических, политических и др.). Возникают вполне закономерные вопросы: почему, например, объ-

ективная картина мира запечатлена в языках по-разному, хотя сознание, мышление носит общечеловеческий характер и подчиняется одинаковым закономерностям у всех народов? Чем обусловлены различия в языковой картине мира: особенностями мышления народа или формально-структурной спецификой языка?

"Как представляется, в языке можно выделить универсальные, инвариантные и национально-специфические аспекты. Первые определяются психофизическими особенностями человека, общностью, сходством мотивов и проявлений его жизнедеятельности, а также тождественностью процессов мышления. Вторые определяются (в числе прочих факторов) различиями в географических, климатических, исторических, экономических, религиозных, культурных и др. аспектах существования различных народов. Все это находит отражение в языке, прежде всего в его лексической, а также в лексико-фразеологической системе" [3, с. 141–172].

Можно смело утверждать, что единство отражаемого в сознании материального мира обуславливается отсутствием принципиальных различий в содержании, передаваемом средствами любого языка [4, с. 250]. С другой стороны, хотя мыслительные процессы протекают у всех людей одинаково по своей структуре, но нетождественно по своим конкретным результатам, языковые картины мира отдельных языков могут, конечно, различаться своими деталями, и такое вполне реальное различие обнаруживает любой человек, сталкиваясь с лексическими системами разных языков [4, с. 244].

В разных языковых картинах мира можно найти как общее, инвариантное, так и своеобразное национально-специфическое. Как известно, в основе образования значения паремии лежит метафорический или метонимический ассоциативный перенос. Кроме того, поскольку в метафоре и метонимии отражаются как инвариантные, универсальные, так и национально специфические особенности менталитета народа – носителя данного языка, то становится понятным, насколько плодотворен может быть подход к сопоставительному изучению паремиологии различных языков в аспекте сходства и различия их языковой картины мира. Так, например, сходство процессов мышления, общие закономерности возникновения ассоциативных связей приводят к образованию таких эквивалентных паремиологических единиц в русской и индийской культуре, как: *Жизнь дана на добрые дела* (русск.) и *Лишь тот действительно живёт, кто помогает жить другим* (индийск.); в русской и японской культуре: *Жизнь прожить, что море переплыть* (русск.) и *Жизнь прожить, что длинный путь с грузом на спине пройти* (японск.); в русской и английской культуре: *Двум смертям не бывать, а одной не миновать* (русск.) и *Умереть человек может лишь один раз* (английск.); в японской и индонезийской культуре: *Когда умирает тигр – остаётся шкура, когда умирает человек – остаётся имя* (японск.) и *После смерти тигра остаётся шкура, после смерти человека – слава* (индонезийск.) и т. д. С другой стороны, в каждом языке существуют свои специфические ассоциативные связи, свои характерные символы, определяемые второй группой факторов (исторических, религиозных, культурных и т. д.). Наконец, следует отметить, что национальная специфика фразеологии любого языка (и паремиологии как её составляющей) связана с так называемой национально-культурной семантикой фразеологического фонда [6, с. 66–71].

Паремиологические единицы входят в сферу человеческой семантики, все их значения ориентированы на человека, отражают взаимодействие человека и мира, проявляющееся как в чувственном восприятии, так и в оценочном отношении человека к миру. Между картиной мира (как отражением реального мира) и "языковой картиной" (как фиксацией отражения) существуют сложные отношения. В центре внимания паремиологических единиц – "коллективной памяти" носителей языка, "памятника культуры", "зеркала жизни нации" – стоит человек, но не как абстрактное понятие, а как личность, которая живет в определенной среде, занимает определенное положение в обществе, входит в контакт с другими индивидуумами.

Таким образом, природа значения фразеологических единиц тесно связана с фоновыми знаниями говорящих, с практическим опытом человека, с культурно-историческими традициями говорящих на данном языке. Фразеологический состав языка наиболее отчетливо показывает специфику языкового мышления народа, особенности его культуры, его языковое сознание.

Фразеологические единицы – неотъемлемая часть всей языковой системы, которую можно рассматривать как механизм, обеспечивающий передачу знаний в специфических условиях социального взаимодействия. Эти знания, передаваясь от одного участника к другому, влияют на сам инструмент передачи – на естественный язык, фиксируя в нем в той или иной форме наивную картину мира. Фразеологические единицы приписывают объектам признаки, которые ассоциируются с картиной мира, подразумевают целую дескриптивную ситуацию в картине мира, оценивают ее. Проникновение в значение языковой единицы квалификативной деятельности сознания, выражение в нем эмотивных реакций субъекта речи на обозначаемого отражают его (субъекта) эмотивно-оценочное отношение к обозначаемому, которое может быть охарактеризовано как эмоциональная в своей основе и опосредованная сознанием особого рода субъективно-оценочная модальность.

Вопрос сопоставления языковых картин мира у носителей разных языков вызывает особый интерес среди лингвистов. Как неоднократно отмечают исследователи (Ю. Д. Апресян 1956; Е. В. Урысон 1998; Г. В. Колпакова 1999 и др.), в способе концептуализации действительности, отраженном в каждом естественном языке, присутствуют как универсальные для всех языков, так и специфичные для данного языка моменты, что и приводит к тому, что носители разных языков могут видеть мир немного по-разному, через призму своих языков.

При сравнении картин мира, отраженных в языке, несовпадение может наблюдаться и в лексике, и в грамматике, и в принципах категоризации. Оно – несовпадение – «создает множество различий в номинации одних и тех же объектов действительности . . . языки выделяют в действительности неоднотипные признаки, пользуются разными "внутренними формами", и семантическое содержание, не говоря уже о материальной форме даже весьма эквивалентных единиц, оказывается несовпадающим» [7, с. 27].

Языковые картины мира отличаются, прежде всего, в членении мира своими лексическими средствами, что и приводит к появлению разных семантических полей в разных языках, к разному наполнению одинаковых семантических полей у них, что, в свою очередь, напрямую зависит от практических потребностей носителей языка, ведь «язык отражает

действительность в соответствии с потребностями народа-носителя и богат настолько, насколько это от него требуется» [8, с. 313], и это, по всей видимости, также обусловлено условиями жизни каждого народа.

Разное видение мира проявляется также в выборе разных признаков при наименовании аналогичных предметов. Выбор различных признаков можно объяснить случайностью, а чаще уровнем познавательной деятельности народа, его психическими особенностями, складом ума, склонностями, занятиями, что зависит от материальных условий его жизни [8, с. 313].

ЛИТЕРАТУРА

1. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. – 398 с.
2. Гуревич П. С. Человек и его ценности // Человек и его ценности: сборник статей. М., 1988. Ч. 1. С. 1 – 15.
3. Уфимцева А. А. Типы словесных знаков. М., 1974. – 206 с.
4. Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. М., 1976. – 356 с.
5. Серебренников Б. А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление. М., 1988. 242 с.
6. Верещагин Е. М. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., 1990. – 246 с.
7. Костомаров В. Г., Митрофанова О. Д. Методическое руководство для преподавателей русского языка М.: Русский язык, 1976.
8. Воробьев В. В. Лингвокультурология: Теория и методы. М., 1997. – 331 с.

О. Л. Арискина (Саранск)

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В ИССЛЕДОВАНИИ МЕТАЯЗЫКА ЛИНГВИСТИКИ XVI В.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Гранта Президента Российской Федерации для молодых ученых, грант МК-2530. 2011. 6 «Терминологический аппарат учений о морфемике и словообразовании как показатель уровня развития русской лингвистической мысли (XVI–XVIII вв.)»

Метаязык лингвистики является особенной знаковой системой, в которую входят лингвистические термины, имена языков и языковых группировок, системы специального письма (транскрипции и транслитерации) и др. При этом лингвистическая терминология – ядро этой семиотики. Поэтому описывая метаязык лингвистики, мы в первую очередь должны заняться исследованием лингвистической терминологии.

Описание языкового материала в лингвокультурологическом аспекте на сегодняшний день весьма актуально и перспективно. Несмотря на это, как справедливо замечают многие авторы, до сих пор не определен круг

лингвокультурологических проблем, статус лингвокультурологии, ее предмет и методы исследования. «Общепринятым является определение лингвокультурологического исследования как изучения языка в неразрывной связи с культурой. Самым популярным материалом, иллюстрирующим особенности мировоззрения носителей языка, являются фразеологизмы и паремии. Существуют также исследования, нацеленные на выявление лингвокультурологической специфики отдельных концептов; подобные работы базируются, как правило, на текстах классической литературы. Однако изучение взаимосвязи языка и культуры исключительно на основании словарных единиц и текстов вряд ли поможет составить его адекватную картину, поэтому продуктивным для развития лингвокультурологии направлением может стать обращение к анализу дискурса» [3, с. 243].

Метаязык лингвистики в ряде случаев называют научным дискурсом. Таким образом, описание метаязыка в лингвокультурологическом аспекте продуктивно и для самой лингвокультурологии, и для терминоведения.

«Научный *термин* – это языковая единица (слово или словосочетание) преимущественно субстантивного характера, конвенционально соотносящаяся с понятием и предметом профессиональной сферы и служащая для концентрации, фиксирования, хранения и передачи профессиональной информации» [2, с. 77]. Данная дефиниция, безусловно, отражает наиболее значимые составляющие сигнификативного компонента терминологического знака. Однако относится ли вышесказанное определение к лингвистическим терминам прошлого? В истории языкознания лишь с именем М. В. Ломоносова связывают зарождение, становление научной речи, а следовательно, и терминологической лексики. Хотя нельзя забывать «о науке древности и средневековья и о ее традициях в создании научного языка: между новой наукой и наукой допетровской множество точек соприкосновения, и особенно по линии языковой» [1, с. 5]. Наш материал, показывает, что круг научных понятий, которые встречаются в грамматических трудах Средневековья, не так уж мал. Лексическое ядро метаязыка анализируемых грамматик составляет терминология. Однако рождение термина в эпоху Средневековья, как правило, намного опережало рождение его дефиниции. Поэтому для исторического терминоведения актуальны исследования в мотивологическом направлении.

Однако во многих работах (См.: Лотте 1961, 1982; Лемов 2000; Арискина 2004; Ребрушкина 2005) доказывается, что термин «мотивация» неоправданно широко используется в современной науке и что правильное (терминологически вернее) было бы разграничить мотивацию (словообразовательную производность) и ориентацию. Среди выделяемых аспектов исследования мотивации – ориентации выделяют и лингвокультурологический.

Все термины в ориентационном аспекте – абсолютно ориентирующие единицы (с начала зарождения научного знания все ученые пытались создать ориентирующую номинацию понятия; хотя различные носители языкового сознания в силу объективных и субъективных причин могут не замечать ориентационных способностей термина).

Отличие мотивации от ориентации видно на примере разноуровневости словообразовательного и ориентационного анализа. При словообразовательном анализе необходимым является выяснить: значение, моти-

вирующее слово, словообразовательное средство, словообразовательный тип, словообразовательную модель, иногда морфемную членимость и продуктивность – непродуктивность, регулярность – нерегулярность аффиксов.

При ориентационном исследовании данные словообразовательного анализа используются лишь как отдельный прием (а могут не использоваться вовсе). Ориентационный анализ по охвату языковых средств более широк. Именно для ориентационного анализа столь необходимы данные лингвокультурологии. Так, ориентирующие свойства термина прошлого можно определить посредством выяснения лингвокультурологических связей термина с другими словами. Это сложный, «тернистый» путь познания ориентационной природы термина.

Например, для исследователя языка нач. XXI в. термин *господственное слово*, функционирующий в лингвистических трудах XVI в. без должной дефиниции, может быть ориентирующим, если ученым будут правильно установлены лингвокультурологические связи. По семантике «господственное» означает «главенство». Параллельно будем анализировать оба синонима. Словообразовательный анализ: 1) господственное – господство – господин – господь; 2) главенство – главный – глава. Теперь привлекаем данные истории и лингвокультурологии. В XVI в. словом «господин» и словом «глава» называли хозяина. Это первое ориентационное пересечение: господин – хозяин – глава. Лексема «хозяин» (как и лексема «глава») имела еще значение «отец». Из теологии известно, что отец – одно из наименований Бога, то есть «господь». Это второе ориентационное пересечение. Бог – это первообраз, Бог-отец и просто отец – производящее начало. Анализ окончен: из неизвестного, «нечитаемого» термина «господственное слово», употребленного в «Адельфотисе» без дефиниции, мы пришли к известным терминам словообразования – «первообразное» и «производящее». Как видим, данный анализ содержит в себе множество этапов, характеризующихся различными приемами: выяснением семантики термина в современности и в истории, выявлением слов-синонимов, функционирующих в тот исторический период и в рамках определенной культуры, изучением словообразовательных и логических связей между словами.

Таким образом, для описания терминов прошлого – ключевых элементов метаязыка Средневековой науки – необходимо использование данных лингвокультурологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кутина Л. Л. Формирование языка русской науки: (Терминология математики, астрономии, географии в первой трети XVIII века) / Л. Л. Кутина – М.; Л.: Наука, 1964. – 219 с.
2. Лемов А. В. Система, структура и функционирование научного термина (на материале русской лингвистической терминологии) / А. В. Лемов. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2000. – 192 с.
3. Лучина Е. Н. Лингвокультурология в системе гуманитарного знания / Е. Н. Лучина // Критика и семиотика. – Вып. 7, 2004. – С. 238 – 243.

Е. А. Бирюкова (Рязань)

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ УСЛОВИЯ В СЛОЖНОПОДЧИНЕННОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ РАСЧЛЕНЕННОЙ СТРУКТУРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ)

Условные отношения формируются прежде всего как отношения между предикативными единицами с помощью условных союзов, поэтому условное значение наиболее четко выражается в сложноподчиненном предложении (далее – СПП), которое является основной структурно-смысловой единицей передачи условного значения. [1, с. 16; 2, с. 50]. В. С. Храковский разработал классификацию условных конструкций и выделил 104 реально функционирующих модели [3, с. 282]. Самой продуктивной названа модель, соответствующая следующим критериям: гипотеза относится к реальному миру; условие предшествует обусловленному; условие и обусловленное отнесены к будущему времени; условие и обусловленное однократны: Если я в ближайшие дни получу приглашение, (то) я поеду на конференцию. Эта модель не представлена в пословицах, так как они не обладают признаком однократности и конкретности и им свойственна временная обобщенность.

Вторая по распространенности модель соответствует следующим критериям: гипотеза относится к реальному миру; условие предшествует обусловленному; условие и обусловленное отнесены к настоящему времени; условие и обусловленное неоднократны: Если газеты опаздывают, (то) за ними выстраиваются длинные очереди. Эта модель – удобное средство для фиксации знаний, отражающих повседневный человеческий опыт, поэтому она находит свое выражение в пословицах: *Коли дитя не плачет, мать не слышит*.

Признаками условных СПП являются: 1) семантические союзы; 2) особенности соотношений видо-временных и модальных планов (синтаксическое время и модальность); 3) порядок расположения частей; 4) возможность употребления коррелятивов; 5) смысловое наполнение частей.

СПП со значением условия представлены предложениями расчлененной и нерасчлененной структуры. Остановимся на анализе СПП расчлененной структуры.

Среди СПП расчлененной структуры могут быть выделены 3 вида предложений (по аспекту модальности условия, предложенной Л. В. Бортэ [4, с. 67]): предложения с реализованной, нереализованной и нереализуемой возможностью. В пословицах продуктивны предложения с модальностью нереализованной возможности.

В предложениях с модальностью реализованной возможности придаточная часть сообщает об условии, которое уже осуществилось. Этот вид предложений представлен двумя группами в зависимости от способа выражения модальности.

В первой группе предложений модальность реализованной возможности выражается посредством употребления союза *коли* и соотнесения формы прошедшего времени глагола в условии с любым временным

планом в обусловленной части. Обуславливающая часть содержит реализованное действие, и оно способствует восприятию действия обусловленной части как реализованного (при наличии форм прошедшего или настоящего времени) или реализуемого (при наличии форм будущего времени или императива): *Коли взял давно, так и забыто оно; Коли заварил кашу, так не жалей масла*. Главная часть может содержать в составе сказуемого оценочные существительные: *Дурамыш, коли в крупе сохла*. Придаточные предложения содержат оттенки причины действия, названного в главной части.

Во второй группе предложений в выражении модальности реализованной возможности в обуславливающей и обусловленной частях используются гипотетическая частица *бы* и отрицательная частица *не* (в обусловленной части частица *не* может отсутствовать). Ситуация характеризуется не как собственно гипотетическая, а как мнимогипотетическая, или реальная: *Кабы на дятла да не свой носок, никто бы его не нашел*. — Ср.: Дятла находят по стуку; При отсутствии носа дятла не ходили бы.

Характерной особенностью таких структур является то, что в них возникает функциональная аналогия отрицательной частицы *не* и частицы *бы*. Сочетание *если бы* (*кабы, когда бы*) передает информацию о том, что ситуация не соответствует действительности: *если бы ..., то ...* — но это гипотетическое положение дел не существует в реальности в данное время у данных субъектов. Сочетание *если бы не* (*кабы не, когда бы не*) оформляет утверждение, поскольку два отрицания, выраженные посредством частиц *бы* и *не*, снимают негацию, то есть указывают на то, что ситуация соответствует реальной действительности. Поскольку сочетание *если бы не* (*кабы не, когда бы не*) оформляет придаточную (обуславливающую) часть СПП, то информация, содержащаяся в этой придаточной части, существует в реальности, что делает невозможным проявление факта, обозначенного в главной части: *Когда б не баня, все б мы пропали*. В экспликации *все б мы пропали* заложена имплицитная информация о том, что *мы не пропали*, и наоборот, *когда б не баня* обозначает наличие *бани*. Поэтому в данных конструкциях выражается не столько условно-следственная связь между двумя ирреальными явлениями, сколько причинно-следственная связь между двумя непосредственно не названными реальными явлениями, в результате чего и вся ситуация оказывается реальной, а пословица имеет следующий смысл: *Мы не пропали, потому что была баня*. Но анализируемая пословица может принять в результате трансформации и другой вид: *Без бани все б мы пропали*, то есть придаточная часть может трансформироваться в объектный детерминант. Структурно предложение стало простым, семантически — осталось сложным: *при отсутствии бани мы могли пропасть, но не пропали*.

Двойная семантика условных предложений с реализованной возможностью объясняется также и своеобразным семантическим дуализмом конъюнктива: предложения, включающие сказуемое в форме конъюнктива, указывают на возможность реализации названного действия (но при определенных условиях) и на отсутствие этого действия в действительности: *Кабы барыня не уськала, так бы и барин не лаял*. Причинный оттенок связан с необходимостью констатировать причину отсутствия желаемого действия или состояния. Употребляясь в пословицах, такие конструкции приобретают оттенок сожаления по поводу того, что какое-

либо действие является нереальным в силу каких-либо причин, обстоятельство: *Когда б на добром коне да не лысинка, и цены б ему не было.*

В РГ–70 такие предложения рассматриваются как специфическая разновидность предложений ирреального условия. Но их семантика противоречит определению предложений ирреального условия, где "придаточная часть сообщает об условии, которое не осуществилось и не может осуществиться" [5, с. 716], а в предложениях, рассмотренных нами во второй группе, придаточная часть обозначает событие, которое реально осуществилось, несмотря на наличие отрицательной частицы: *Кабы на крапиву не мороз, и зимой бы жгла* – Крапива зимой не жжет, потому что ее свойства изменил мороз. На наш взгляд, это условные предложения с модальностью реализованной возможности.

В предложениях с модальностью нереализованной возможности придаточная часть сообщает об условии, которое может осуществиться в настоящем или будущем. В этих предложениях могут быть употреблены союзы *коли, если, когда, как*. Временная соотносительность придаточной части с главной может быть представлена следующими вариантами:

а) условие и обусловленное соотносимы с настоящим временем. Части могут содержать глаголы-сказуемые в форме настоящего времени, составные именные сказуемые с нулевой формой глагола-связки *быть*, инфинитивы, а также части могут быть оформлены как эллиптические предложения: *Плохой праздник в дому, если мусор лежит в углу; Долог день до вечера, когда делать нечего; Не рад и блину, как кирпичом в спину.*

Подобные предложения близки по значению к предложениям с модальностью реализованной возможности, но отличаются от них тем, что действия или состояния, представленные в этих пословицах, имеют характер не единичного действия, а постоянного, обобщенного, привычного: *И слепая лошадь везет, коли зрячий на возу сидит.*

б) условие соотносимо с настоящим временем, а обусловленное содержит императив: *Ешь хлеб, коли пирогов нет; Не пеняй на соседа, коли спишь до обеда; Поди в гости смело, когда нет дома дела; Не пори, когда шить не знаешь.* Не зафиксировано подобных предложений с союзом *как*.

В таких предложениях условная семантика осложняется причинной, так как придаточное не только указывает на условие для выполнения данного приказа, но и обосновывает его правомерность, определяя причину данного приказа: *Если зять гонит из дому, то двери ищи, а если сын – на печь лезь.* Приведенная пословица, оформленная как сложная конструкция, осложнена сопоставительными отношениями.

в) условие соотносимо с настоящим временем, а обусловленное – с будущим: *Коль груба работа, не скрасит и позолота; Не будет скуки, коли заняты руки; Как деньги при бедре, так помогут при беде.*

г) условие и обусловленное соотносимы с будущим временем (в значении будущего времени может быть употреблено настоящее время, императив, инфинитив): *Хвали сон, коли сбудется; Разговором сыт не будешь, если хлеба не добудешь; Как назначат в лесу воеводой лису, пера будет много, а птицы нет.* Если рассматривать последнее предложение только как временное, то мы должны воспринимать информацию, заключенную в придаточной части, как неизбежную. Если же рассматривать это предложение как условно-временное, то информация воспринимается как возможная, но не реализуемая обязательно, то есть появляет-

ся альтернатива, заложенная имплицитно (*если назначат ..., то ..., а если не назначат ..., то ...*). Такому пониманию способствует форма будущего времени глаголов-сказуемых в обеих частях предложения, которая позволяет мыслить только о будущем действии, которое может быть реализовано, а может быть и не реализовано.

Придаточные предложения с союзом *когда* способны выражать разнообразные смысловые отношения: временные, условные, объектно-изъяснительные. Препозиция придаточной части и включение в строй главной части формантов *так (то)*, и позволяют выражать условные отношения более отчетливо: *Когда хочешь себе добра, то никому не делай зла*. Отсутствие в строе предложения одного из отмеченных выше факторов приводит к ослаблению условного значения придаточного предложения, а отсутствие всех факторов делает невозможной квалификацию последнего только как условного предложения. Важнейший из этих факторов – наличие частицы *бы* как показателя конъюнктива. Предикативное единство с союзом *когда* функционирует как придаточное предложение времени в том случае, если в главной части имеется соотносительное наречие *тогда*: *Когда деньги говорят, тогда правда молчит*. В этих пословицах основное значение времени все равно осложнено оттенком условия. Во всех прочих случаях, то есть при отсутствии формальных деталей придаточного предложения условия или времени, предикативные единства с союзом *когда* оказываются семантически недифференцированными, или условно-временными: *Худ обед, когда хлеба нет; Не время собак кормить, когда волк в стаде*.

В РГ-80 отмечается, что в СПП с союзом *когда* при соотносении глаголов в форме настоящего времени значение одновременности предстает в осложненном виде: "...одновременность, как правило, сопровождается типизацией, обобщением, создающим условно-временное значение. Это значение может реализоваться: 1) при совмещении информации "в тот момент когда" и информации "всякий раз когда"; 2) при ослаблении этих значений – в тех случаях, когда форма настоящего времени употреблена в обобщенном временном значении" [6, с. 543].

Совмещение в одном предложении двух названных значений объясняется тем, что между условием и обусловленным существует обычно постоянная временная связь: условие предшествует обусловленному. Это обстоятельство сближает условные предложения с теми придаточными времени, которые выражают неодновременно происходящие явления, так как и тем, и другим свойственна последовательность во времени. Но в условных предложениях предшествующее действие вызывает последующее, обуславливает его, а во временных – не вызывает, а лишь констатируется сам факт предшествования. В пословицах важно не столько указать на временную последовательность явлений, сколько – на их обусловленность. Условное значение преобладает над временным, если в предложении "идет речь о действии, приписываемом обобщенному субъекту" [2, с. 64].

Союз *как* характеризуется разговорной или просторечной окраской. РГ-80 отмечает предложения, выражающие условные отношения, только с сочетанием союза *как* с частицей *бы*, не упоминая при этом о союзе *как* без частицы для выражения тех же отношений [6, с. 563]. Между тем в РГ-80 говорится о том, что союз *как* может выступать в качестве эквивалента союза *когда*, который при определенных условиях выражает условно-следственную связь. Таким образом, учитывая, что основная

функция союза *как* – выражение временных отношений, не следует пренебрегать возможностью выражения с помощью союза *как* условно-временных отношений.

З. К. Тарланов считает наиболее продуктивной функцией союза *как* в пословицах функцию выражения условного значения [7, с. 37]. Заметим, что в подобных предложениях формант *так* представляет собой особые отношения, обычно не свойственные предложениям с союзом *как*: *Как жених на двор, так и пальцы на стол*.

В предложениях с модальностью нереализуемой возможности сообщается об условиях, осуществление которых невозможно, вследствие чего невозможно и осуществление действия, заключенного в обусловленной части: *Спела бы и рыбка песенку, когда б голос был*. В обеих частях таких предложений употреблена частица *бы* (чаще всего в сочетании с личным глаголом или с инфинитивом), которая является показателем форм конъюнктива и способствует выражению условной семантики без дополнительных оттенков. В таких предложениях могут быть употреблены союзы *кабы, если, когда, как*: *Когда бы все знал, так бы не погибал; Кабы знать, где упасть, так соломки б подостлал*. Союз *кабы* является стилистически окрашенным просторечным союзом. Он может оформлять две разновидности условных отношений: с реализованной и нереализуемой возможностью.

Итак, СПП расчлененной структуры способны выражать условную семантику трех модальностей: реализованной, нереализованной и нереализуемой возможности. СПП условной семантики реализованной возможности обладают причинным оттенком. СПП нереализованной и нереализуемой возможности выражают условное значение более отчетливо. В предложениях нереализованной возможности с союзами *когда* и *как* преобладает условная, а не временная семантика. Большая часть союзов (*как, если, когда*) в сочетании с частицами способна участвовать в выражении модальности реализованной, нереализованной и нереализуемой возможности.

СПП является основной структурной и смысловой единицей передачи условного значения. Однако среди пословиц не распространены предложения, построенные как сложноподчиненные, поэтому общее количество условных СПП в пословицах небольшое (по сравнению с условными бессоюзными и простыми предложениями).

ЛИТЕРАТУРА

1. Евтюхин В. Б. Категория обусловленности в современном русском языке: АДД. – СПб, СПбГУ, 1995. – 34 с.
2. Развина Г. В. Функционально-семантическое поле условных отношений в русском языке (на материале произведений-текстов современных писателей 80-90-ых гг.): Дис. ...канд. филол. наук. – Орел, 1996. – 205 л.
3. Храковский В. С. Условные конструкции в славянских языках (семантика, исчисление) // Славянское языкознание. XI Междунар. съезд славистов. Сб. докладов. – М.: Наука, 1993. – С. 278 – 290.
4. Бортэ Л. В. Анализ синтаксической категории условия (на материале русского языка I пол. 19 в.) // Филол. науки, 1979, №6. – С. 65–71.

5. Грамматика современного русского литературного языка. – М.: Наука, 1970. – 768 с.
6. Русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой: В 2т. Т. 2. Синтаксис. – М.: Наука, 1980. – 710 с.
7. Тарланов З. К. Очерки по синтаксису русских пословиц. – Л.: ЛГУ, 1982. – 136 с.

Т. В. Габлина (Тверь)

ДЕЛОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ СЕМЕЙНОГО АРХИВА БАКУНИНЫХ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Среди рукописных документов XVIII в. особую значимость имеют тексты семейных архивов, поскольку писались они, как правило, представителями двух основных слоёв Русского государства: крестьянами и помещиками, являющимися носителями местного говора, или составлялись писцами, чья профессиональная деятельность была связана с делопроизводством. В XVIII в. сословно-кастовая стратификация общества была отражена как в символической, так и в коммуникативно-прагматической деятельности человека, что, безусловно, не могло не проявиться в культуре составления деловых документов. В этот период в текстах делового содержания наблюдается «своеобразный сплав искусственных элементов канцелярского стиля и фактов, прямо отражающих живую речь того времени» [1, с. 16].

Объектом данного исследования стали документы архива Бакуниных, охватывающие временной диапазон с 1707 по 1779 гг. (хранятся в Государственном архиве Тверской области, фонд 103, опись I, единицы хранения 1396, 1401, 1402). Все материалы по формальным признакам и тематическому наполнению можно разделить на три группы: 1) официально-деловые, 2) частно-деловые, 3) письма.

Предназначенные для административно-хозяйственной деятельности и неофициального общения, все материалы писались достаточно свободно, хотя и людьми, неплохо владеющими нормами делового письма. Следование правописной выучке было необходимым условием при написании различного рода деловых документов, поскольку деловая письменность являлась письменным государственно-административным языком. В такой перспективе отношение к языковому знаку воспринималось как к элементу, обеспечивающему юридическую силу. В период радикальных преобразований, затронувших в XVIII в. все сферы человеческой деятельности, деловая письменность становится предметом общественного внимания.

Исследованные тексты написаны скорописью, которая предназначалась для составления деловых бумаг. В графике много сокращений, выносных букв, наблюдается вариантность в начертании одних и тех же письменных знаков, нечеткое отражение мягкости (*селцо, провинциальную, денги*), непроставленность -ь в конце слов, заканчивающихся согласным звуком (*принят, водвор, отпустил*), непоследовательное написание прописных букв, вынос согласных в середине слова, титла.

По жанровой принадлежности рукописные материалы очень разнообразны, среди них представлены отпускные, купчие, письма, расписка, распоряжение, допрос, копии с отказных книг, указа и межевых документов. По тематическому наполнению все тексты можно охарактеризовать как материалы хозяйственных и имущественных отношений семьи Бакуниных.

Приемы построения текстов отражают традиции оформления делопроизводственных бумаг, соответствуя выбранному жанру и целевому назначению. Материалы официально-деловой письменности в большей степени подвержены стандартизации и в отношении лексического наполнения менее разнообразны, в этих документах практически отсутствует эмоционально-оценочная лексика и слова бытовой сферы общения. Как правило, официально-деловые и частно-деловые документы соответствуют трехчастной структуре: зачин, основная часть, концовка.

Так, в зачине часто указывается время договора, лица, участвующие в делопроизводственных отношениях, место оформления сделки, например: *Тычяща седьмсот шестидесятого/ марта въ седьмыи надесять день/ военной советник Петръ ивановъ ... продать ...*

В основной части описывается предмет и условия договора: *продать я советнику канцеляриу вasilyю Михайлову сну Бакунину дворъ свои...авзяль япетръ у него Василя затот свои дворъ/ денегъ десять рублевъ...дворъ иному никому непродан незаложен ииукого нивчем / неукрепен кто вто мое место станет почему/ нибуд вступатся или наоном явится какая казенная/ доимка и мне петру и наследникам моим ево вasilyа/ и наследников ево оттого очищат поуказу также иказе/ нныи доимки платит ...*

В концовке указывается дата имущественных или хозяйственных отношений, необходимые пометы, свидетели, составитель документа: *купчую писал Санктъ питербургской / крепостной конторы писец Семен Борисов Запрещичный.*

В соответствии со структурой, в формулярах документов выделяются устойчивые формы и сочетания: *в переписных книгах написано, а в сей купчей написано, руку приложил, а я...у сей купчей свидетелем был и др.* Введение в текст документа формульных выражений было необходимым условием, позволяющим словесно закреплять правовые отношения, формировавшиеся в практике делопроизводства.

Структура текста напрямую связана с лексической составляющей документов, поскольку в рукописных материалах отражалось взаимопроникновение быта и культуры. Развиваясь в течение длительного времени, деловая письменность уже была достаточно обособлена от других жанров письма и представляла собой элемент официально-делового стиля с определенными характеристиками и нормами.

В исследованных текстах официально-деловой и частно-деловой письменности лексические группы не отличаются разнообразием, однако последовательно отражают названия документов: *купчая, указ, межевая книга, копия с указа, отказная книга, отпускная*, названия земельных участков, место жительства людей, место совершения сделок, имена и фамилии гражданских лиц и служащих приказов. В каждом деловом документе можно выделить определенное количество тематических групп с различной наполняемостью, например, лексика межевания, лексика, называющая людей по социальному положению, слова, обозна-

чающие различные должности, родственные отношения, имущественную закреплённость, собственные именованья и др.

Синтаксический строй деловых документов семейного архива Бакуниных соответствует общерусским тенденциям в области составления деловых текстов. Для деловых документов характерно широкое употребление бессоюзных предложений и подчинительных конструкций. Тексты, построенные на основе сочинительной связи, в качестве последней часто используют союзы *а, и, да*, преобладание которых в синтаксической структуре определяется содержанием документа, его юридической разработанностью и назначением. Так, сочинительная связь преобладает в тех материалах, в которых представлены события и факты, мало связанные между собой. Если же изложение событий находится в определенной логической зависимости, стержнем которых являются отношения причины, времени, следствия, места и т. д., то подчинительная связь преобладает в синтаксическом оформлении делопроизводственного материала.

Большой интерес представляет подчинительный союз *ежели*. В XVIII в., когда осознается необходимость выработки правил, регламентирующих единообразные написания, данный союз ни в одном из документов не замещается на подчинительную форму *буде* или *если*. Очевидно, тексты архива зафиксировали один из штампов делового изложения. Любопытно и ещё одно наблюдение, позволяющее говорить о том, что официально-деловой стиль развивался в границах и рамках литературного языка. В тексте копии с указа о записи имени встречается предложение с косвенной речью: *в прошении написано, онаго де 747 года генваря 15 дня...*

При анализе синтаксических параметров документов нельзя обойти характер пунктуации, которую, говоря о периоде XVIII в., уже нельзя назвать элементарной. Самыми частотными пунктуационными знаками являются запятая, которая отделяет главное предложение от придаточного, и двоеточие, которое употребляется при пояснении или перечислении.

Материалы документов дают возможность проследить некоторые фонетические процессы. Так, в текстах последовательно отражена ассимиляция по звонкости-глухости: *зделалось, здетми, тритцать семь, скаскою*), отмечается неразличение букв *е* и *ѣ* (*на реке* и *на рекѣ, на дворе* и *на дворѣ*). Очевидно, на данном этапе развития языка орфографическая норма была стабильно вариантна, причем конкурирующая способность той или иной единицы зависела и от орфографической выучки писца, и от норм, сложившихся к XVIII столетию в области составления письменных текстов.

Документы семейного архива Бакуниных дают богатейший материал для исследования морфологических процессов, в них отражены те явления, которые позволяют восстановить национальную парадигму грамматических норм начального этапа формирования языка русской нации.

В области существительных отмечается широкая вариантность падежных окончаний практически во всех типах склонения как в единственном, так и во множественном числе, — например, отражена дублетность в группе слов мужского рода, иллюстрирующая формы на *-а* и *-у*: *года — году, рода — роду, прихода — приходу*. В группах отвлеченных и вещественных существительных формы на *-у* значительно преобладают

над словами с окончанием *–а*, что соответствовало общерусским представлениям того периода о морфологической норме.

Во множественном числе также наблюдаются явления вариантности, отразившие смену старых форм на унифицированные: *съ санными покосы, съ лесными угоды, беглыми крестьянами...*

Самыми интересными источниками для лингвистического анализа являются *письма*, поскольку они отражают народно-разговорную речь наиболее ярко и непосредственно. Если правовые документы, ориентированные на образцы, отразили «стандартно-ограниченную вариативность» [2, 16], то в письмах вариантность обусловлена характером народно-разговорной речи.

Все письма имеют схожие структурные характеристики и состоят из следующих клаузул: обращение, пожелание адресату, упоминание об авторе, изложение факта, являющегося содержанием письма, концовка.

Формула обращения может состоять из трех компонентов: имени существительного, притяжательного местоимения и имени адресата: *Гсдрь мои Иванъ Михайловичъ, Свет мои Анна Михайловна*. Иногда в формуле обращения встречаются этикетные компоненты, обозначающие термины родства или социально-сословную принадлежность адресата: *Гсдрь мои батюшка Михайла Ивановичъ, Гсдрь мои братецъ иванъ михайловичъ*.

Лексическое наполнение писем значительно разнообразнее, чем лексика документов официально-деловой документации. В текстах активно употребляются слова со значением родства: *матушка, сестра, брат, батюшка, зять, золовка, муж, дети*; военная лексика: *офицер, полкъ, корпус, лагерь, сержантъ*; наименование лиц по должности или роду занятий: *канцеляристъ, служитель, секретарь, староста, регистраторъ, прикащикъ*; обиходно-бытовая лексика: *господин, госпожа, государь, указ, купчая, закладная*.

Среди общенародной лексики интересны по своему семантическому статусу слова *баба, девка, сожительница*, которые, в отличие от современного языка, не несут оттенка пренебрежительности, а характеризуются вполне нейтральной окраской без эмоционально-экспрессивного налета. Функцию экспрессивной лексики выполняют фольклорные обороты типа: *Светы моим Ивану Ивановичу, Свет мои Анна Михайловна*. Проникновение в частную переписку фольклорных оборотов и выражений – это одно из появлений демократизации письменно-литературного языка.

Синтаксический строй писем так же, как и в официально-деловой документации, характеризуется наличием сочинительных и подчинительных конструкций, но пунктуация здесь менее стандартна. Самым частотным знаком является запятая, реже отмечается двоеточие. Если активная письменность в области синтаксиса достаточно предсказуема, то в эпистолярном жанре нет строгих норм, в силу этого здесь в большей степени проявляются индивидуальные черты речевого склада пишущих.

Орфография текстов писем отражает широкую вариантность, позволяющую изучать фонетические закономерности эпохи XVIII в. лиц разных сословий, поскольку орфографическая выучка писцов свидетельствует, с одной стороны, о процессах нормализации, опирающихся на кодификационные процессы, с другой – о нормах живого произношения. В письмах, например, широко отражено ассимилятивное озвончение и оглушение согласных звуков (*дерюшка, зделотьца, вступатца, здетьми, преть богу, быть милостив, шупка...*).

Морфологический строй русского языка в материалах писем представлен во всем многообразии вариантов, отражающих явления нового и старого в процессе выработки национальной парадигмы. Вследствие обозначения авторства при составлении письма в текстах с наибольшей силой, чем в других источниках, отразились те морфологические новшества, которые обязаны своим появлением именно грамматическим процессам, а не опосредованному влиянию различных событий в ходе написания документа. Зарождаясь в разговорной речи, новые формы получали отражение в письменной реализации, ибо писцы в этом жанре большей частью были малограмотными или не имели регулярного опыта в составлении деловых бумаг, в том числе и писем. Вариантность в формах существительных а-склонения типа *у сестре, по книги, о земли*, нередко встречаемая в тверских рукописях XVII в., в текстах архива Бакуниных практически не встречается. Единственная форма на **-и** в дательном падеже: *«сестре вашей Пелагеи...»* – свидетельствует о том, что в область морфологии диалектные формы практически не проникали, а данную флексию следует рассматривать как факт редукции безударного гласного.

Напротив, существительные бывших основ на **-о** отразили процесс регламентации окончания **-у** в группе слов мужского рода с абстрактным, собирательным или вещественным значением: *Ржевского уезду, гарнизона копорского полку, 1740 году, в Торжку* и др. В XVIII столетии окончание **-у** являлось своеобразным посредником между миром различных человеческих деяний и миром речевой практики. Оно было закреплено в письменной традиции через массовое употребление. При этом в употреблении форм на **-а** и **-у** разницы между актовой письменностью и эпистолярной практически не существовало.

Новообразования достаточно свободно отражены в формах множественного числа, где унифицированные окончания **-ам, -ами, -ах** встречаются регулярно в парадигматике существительных.

В целом орфографические, синтаксические и грамматические данные деловых текстов представляют интерес не только в отношении того, насколько система не мешает или, наоборот, препятствует появлению в письменной речи форм народно-разговорных, но и в том плане, что позволяя определить степень владения нормами писцов разных категорий.

Язык деловой письменности отразил линейную сочетаемость знаков в объективном времени. Изучение деловых текстов позволяет уточнить характер нормы в ранний период национального языка, процесс формирования языковых стилей и те особенности, которые привели к пониманию важности языковой составляющей документов в юридической практике, без которой было невозможно строить государственную политику и правовые отношения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Копосов Л. Ф.* Севернорусская деловая письменность XVII – XVIII вв. (орфография, фонетика, морфология): Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2000.
2. *Кортава Т. В.* Приказный язык в функциональной парадигме русского языка XVII в. // *Филология-Philologica*: Издание Кубанского государственного университета. Вып. 11. 1997.

Е. А. Иванова (Курган)

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ-НАИМЕНОВАНИЙ ЧЕЛОВЕКА ПО СОЦИАЛЬНЫМ СВОЙСТВАМ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Семантический диапазон предметных фразеологизмов английского языка довольно разнообразен. Они обозначают людей, их характер, внешность, чувства, одежду и многое другое. В данной работе объектом нашего исследования послужили ФЕ, обозначающие человека по социальным признакам.

Названную группу фразеологизмов английского языка можно разделить на три основных подгруппы в соответствии с классификацией русских ФЕ Е. Р. Ратушной: ФЕ-наименования лиц по соц. свойствам; ФЕ-наименования лиц по ситуативным состояниям; ФЕ-наименования лиц по соотношенности, связям [3]. В английских фразеологизмах мы также смогли выделить четвертую подгруппу – ФЕ-наименования лиц по национальной принадлежности. Так как большинство из названных ФЕ имеет ярко выраженную отрицательную коннотацию (что неприемлемо в современном мире политкорректности), нами было решено не рассматривать данные фразеологизмы в рамках данного исследования.

Самая крупная (по данным различных словарей 374 ФЕ) подгруппа фразеологизмов, обозначающих человека по социальным признакам, – ФЕ-антропонимы по социальным состояниям, включающая в себя 7 группировок: общественное положение (10 ФЕ); классовая принадлежность (35); официальные почетные наименования лиц (11); роль в обществе (38); имущественное положение (13); жизненный успех (7); род занятий (260).

Материалом для исследования этих фразеологизмов в речи послужили публицистические издания, в частности, статьи еженедельной американской газеты *New York Daily News*, одной из самых читаемых в США.

Нами было выявлено 45 фразеологизмов-наименований человека по социальным свойствам, представленных 140 употреблениями в тексте.

К данной подгруппе относятся следующие фразеологизмы, наиболее частотные в публицистическом стиле: *first lady* (первая дама), *middle class* (средний класс), *Secretary of State* (министр внутренних дел), *Chief executive* (президент чего-либо), *white collar* (белый воротничок), *working class* (рабочий класс).

ФЕ *first lady* относится к группировке «высокое социальное положение» и, в отличие от других фразеологизмов данной группировки (*high-and-mighty* – сильные мира сего, *powers-that-be* – власть имущие), имеет значительное количество употреблений в публицистическом дискурсе – 15. Такое положение можно объяснить высокой популярностью президента США Барака Обамы, особенно его жены Мишель, о социальной деятельности которой сообщают все национальные СМИ:

President Obama walks with his daughters Malia and Sasha and *First Lady* Michelle Obama at the Honolulu Zoo (NYDN, 03. 01. 10). The *First Lady* of fashion showed off a sleeker, shorter bob Tuesday while accompanying **President Obama** to **Delaware** for the funeral of **Vice President Biden's** 92-year-old mother, Jean (NYDN, 14. 01. 10).

Несмотря на положительный образ президентской четы, на развитие социальных программ и поддержки населения новым правительством в период мирового кризиса, количество ФЕ *working class*, *middle class*, употребленных в пейоративных, обвиняющих контекстах довольно велико – 7 и 14. Например:

You bail out the rich and leave the *middle class* to pay back the loans (NYDN, 16. 01. 10). Federal Credit Union promises a more personal touch to banking and a departure from practices that have put big banks on *middle-class* taxpayers' naughty list (NYDN, 08. 01. 10). A Quaker, Cadbury believed cocoa and drinking chocolate were healthy alternatives to alcohol, considered to add to the miseries of the *working class* (NYDN, 19. 01. 10).

Одной из самых наполненных группировок по количеству единиц (10 ФЕ) в публицистическом тексте является группировка «роль человека в обществе»: *cat's pajamas* ((амер. сл.) человек первый сорт), *man of the hour* (герой дня), *day hero* (герой дня), *marked man* (известный человек):

Nora will be treated like the *cat's pajamas* at the Humane Awards Luncheon on Oct. 29 at the Pierre Hotel (NYDN, 16. 09. 10). On Italian Heritage Night, the 7-foot Bargnani was the *man of the hour*. He scored 14 of his 24 points (NYDN, 15. 01. 10). President Obama should be hailing Adley Birkenfeld as a modern *day hero*. Instead of rewarding Birkenfeld, Obama's Justice Department is sending him to prison (NYDN, 06. 01. 10). Hughes had made himself a *marked man*. To his credit, D'Antoni doesn't seem to get caught up in what his players say (NYDN, 18. 01. 10).

Разнообразное употребление данных фразеологизмов в публицистическом дискурсе обусловлено, прежде всего, экстралингвистическими факторами. Известное выражение «15 минут славы» родилось в США и впервые было высказано американским художником и актером Э. Уорхолом: “In the future everyone will be world-famous for fifteen minutes” (в будущем каждому человеку будет положено 15 минут всемирной известности). Это максимальное время, за которое окружающие смогут понять, если здесь что-то не так, и выгнать греющегося в лучах этой славы из эфира/со сцены/со стадиона [5].

Сегодня пресса, а особенно телевидение, способно сделать знаменитым любого, в независимости от его талантов и способностей. Зная об этом, многие люди (особенно это касается американцев и их идеи об американской мечте) способны на многое для того, чтобы стать известным хотя бы на краткий промежуток времени – участвуют в различных ток-шоу, реалити-шоу.

Фразеологизмы группировки «роль человека в обществе» также связаны с поп-культурой, родиной которой также считается США: *matinee idol* (любимец публики), *rising star* (восходящая звезда). Например:

As the mirror-mad *matinee idol*, Broadway veteran **Victor Garber**, famous for films (he went down with the ship in "Titanic") and TV (he shot from the hip on "Alias") is droll and appealing (NYDN, 22. 01. 10). Who says a *matinee idol* can't be overweight and enjoy a good cry once in awhile? Rex Ryan is the only media magnate on this team (NYDN, 7. 01. 10). Dennis is living in Nashville and is just a great musician and is a *rising star* with his band Queens Boulevard (NYDN, 18. 01. 10).

Группировка «профессия, род занятий» – самая наполненная по количеству единиц как в языковом (260 ФЕ), так и в речевом плане (18 ФЕ). В газетно-публицистическом дискурсе названная группировка довольно частотна – около 65 употреблений.

Нами было выделено 18 множеств в рассматриваемой группировке, таких как: руководители, юристы, врачи, театральные профессии, обслуживающий персонал и т. д. Несмотря на разнообразие ФЕ в языке, в речи (в нашем случае в публицистическом тексте) наиболее распространены фразеологизмы, относящиеся к политической сфере и профессии полицейского. Например: *running mate* (амер.) – кандидат на пост вице-президента (6), *Chief Executive* – президент (12), *Secretary of State* (амер.) – министр иностранных дел (10); *plainclothes cops* – сыщик (3), *undercover cop* (амер. жарг.) – тайный агент (4), *New-York's finest* – нью-йоркские полицейские (3).

«Многие из политических фразеологизмов отражают существующие реалии», такие как предвыборная кампания, наименования госслужащих [1, с. 19]. В современных СМИ доминирование ФЕ, связанных с политическим дискурсом, можно отнести, в первую очередь, к смене в конце 2008-начале 2009 года главы американского государства, и в целом активной политической позицией США и готовностью СМИ обсуждать любые политические вопросы с гражданами страны. Например:

Secretary of State Clinton will attend the **United Nations** conference called to map out a long-term strategy for the impoverished nation (NYDN, 24. 01. 10). I have been harsh on McCain for his irresponsible choice of Sarah Palin as his *running mate* (NYDN, 26. 01. 10). Joe Biden was elected vice president as Barack Obama's *running mate* (NYDN, 08. 01. 10). American International Group Inc said it has restricted the personal use of corporate aircraft by its executives, other than its *chief executive* (NYDN, 25. 01. 10).

ФЕ, обозначающие человека по полицейской деятельности, довольно активно употребляются в публицистике, что также объясняется экстралингвистическим, культурологическим фактором. В США к представителям полицейской профессии относятся уважительно, создаются и действуют законы для защиты офицеров полиции. В Америке преобладающее количество фильмов и сериалов – о жизни и профессии полицейского, где он/она редко выступает в роли «грязного» копа. Наоборот, он/она является лучшим представителем своей профессии. Например, в ФЕ *New-York's finest* уже в семантике заложена мелиоративная коннотация (*finest* – самые хорошие), во фразеологизмах *plainclothes cop*, *undercover cop* употребляется сленговое существительное *cop*, но оно не выражает негативную модальность (слово восходит к сленговому же глаголу *to cop*, который означал «схватить»):

Detective Adam Frasse personifies what it means to be one of *New York's Finest* (NYDN, 25. 01. 10). Hot new fiction from some of *New York's finest* authors, including Jonathan Dee and Shira Nayman. Castro revved the car in reverse and slammed it into the *plainclothes narcotics cops* (NYDN, 17. 01. 10). The alleged brutality occurred after two *undercover cops* were hit by bullet fragments fired by a colleague being attacked by a pit pull (NYDN, 22. 01. 10).

Итак, доминирующая (374 ФЕ) подгруппа фразеологизмов, обозначающая человека по социальным свойствам – ФЕ-антропониманты по социальным состояниям. Нами выявлены наиболее употребляемые группировки рассматриваемой подгруппы в публицистическом дискурсе: ФЕ, обозначающие человека по социальному положению (49 употреблений), по роли в обществе (21) и по роду деятельности (65).

Частотность употребления таких фразеологизмов (*first lady, middle class, Secretary of State, Chief executive, working class, New York's Finest, matinee idol*) объясняется экстралингвистическими, лингвокультурологическими факторами: национально-культурной спецификой, местными реалиями, политической направленностью публицистического издания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крупнов В. Н. Пособие по общественно-политической и официально-деловой лексике / В. Н. Крупнов. – М.: Высшая школа, 1984. – 224 с.
2. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь/под ред. М. Д. Литвинова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Русский язык, 1984. – 944 с.
3. Ратушная Е. Р. Семантическая структура фразеологизмов в процессе её формирования и функционирования / Е. Р. Ратушная. – Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2000. – 223 с.
4. Ammer, Christine The American Heritage Dictionary of Idioms. – USA: Literary of Congress Houghton Mifflin Company, 1997. – 730 p.
5. Электронный ресурс: http://en.wikipedia.org/wiki/15_minutes_of_fame.

М. И. Карнович (Тверь)

ДВОЕВЛАСТИЕ В ПРАВИЛАХ ПРАВОПИСАНИЯ

С прописной или строчной буквы написать название органа власти, должности, государственного учреждения или общественной организации – вопрос не такой и простой. Это доказывает разнообразие в написаниях, которое мы встречаем в журналистских текстах, коммерческих письмах и внутренних документах организаций. При дилемме: маленькую или большую букву выбрать – пишущий чаще предпочитает прописную, нередко игнорируя рекомендации лингвистов. Почему же сложилась такая странная практика повсеместного нарушения правил правописания?

Употребление прописных и строчных букв в данном аспекте всегда имело политическую подоплеку. Так, рекомендации "Справочника по правописанию и литературной правке"[1] Д. Э. Розенталя, составленного

на основе Правил русской орфографии и пунктуации 1956 года, в части употребления прописных букв завязаны на политико-административную систему СССР, в котором непосредственное управление государством осуществлялось из единого центра – высших эшелонов государственной власти. В связи с этим в написаниях прослеживается четкий признак пирамиды: в названиях рядовых учреждений – все буквы маленькие, в названиях средних – первая буква большая, в названиях высших – все большие. Например, швейная фабрика М. А. Железнова, профсоюзная организация завода "Торгмаш", Государственный комитет СССР по науке и технике, Гражданский воздушный флот, Верховный Совет РСФСР, Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи. Прописная буква говорила о высоком положении.

Россия сегодня – государство федеративное, и аппарат управления по существу имеет двойственный характер: есть федеральная государственная власть и подчиненная ей государственная власть каждого из субъектов федерации. Поэтому наряду с государственным аппаратом федерации работают государственные аппараты субъектов, представленные их органами законодательной, исполнительной и судебной власти. Изменение формы государственного устройства привело к тому, что действующие правила русской орфографии и пунктуации в аспекте употребления прописной буквы в названиях органов власти, политических партий, государственных должностей, званий, титулов, важнейших документов и государственных законов существенно устарели и перестали отражать реалии современной жизни.

Образовалась своего рода орфографическая лакуна. Отсутствие четких лингвистических профессиональных рекомендаций привело к разгулу стихии. Прописные буквы каждый стал писать по своему разумению. В газетах можно, к примеру, найти четыре варианта в написании органов исполнительной власти Российской Федерации и субъектов, ср.: *"Взрыв на Киевском шоссе является очевидной провокацией. Призываем депутатов Государственной Думы — наших избранных, членов Совета Федерации отклонить данный законопроект и заняться противодействием экстремизму со стороны представителей государственной власти"* [2]; *"Кампания по выборам в Государственную думу 7 декабря с. г. стала одной из самых грязных и позорных в современной истории России"* [3]; *"Заместителем главы администрации города, представителем главы города в Тверской городской Думе назначен Сергей Нагорный, ранее занимавший должность начальника управления информационно-аналитического обеспечения деятельности главы города"* [4]; *"Это решение Тверской городской думы о передаче муниципального унитарного предприятия (МУП) "Водоканал" в аренду на 11 месяцев в совместное пользование Тверской городской администрации и Росводоканалу"* [5]; а также пять различных написаний названий законов: *"Считаем, что принятие закона о "Противодействии экстремизму" приведет к легализации действий, направленных на расправу с любой оппозицией правящему режиму"* [6]; *"Вчера на заседании межведомственного совета по защите прав потребителей обсуждался вопрос о внесении дополнений и изменений в федеральный закон "О лекарственных средствах" и введение в него понятия «фальсифицированное лекарственное средство»"* [7]; *"Сегодня меня, стоящую в избирательном блоке "Власть народу!" после Н. И. Рыжкова и С. Н. Бабурина третьей по списку, вынуждают к Вам обратиться те упреки и негодование, которые приходится ежедневно"*

*слышать на улице, на работе, везде по поводу поддержки Вами **Федерального Закона** "Об участках недр и месторождениях полезных ископаемых, право пользования которыми может быть предоставлено на условиях раздела продукции" [8]; "Также депутаты просят рассмотреть возможность использования части доходов страховых компаний, полученных от реализации **Федерального закона** "Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», в качестве одного из источников целевого финансирования дорожного хозяйства и безопасности дорожного движения" [9]; "Бюджет – это финансовый документ и его разработка производилась в соответствии с **Законом Тверской области** от 22. 07. 99 г. №70-03-2 "О порядке разработки, рассмотрения и утверждения областного бюджета Тверской области на 2000 год" и в соответствии с Бюджетным Кодексом РФ, должен быть рассмотрен и принят до окончания 3-х месяцев после начала финансового года" [10, с. 1].*

Приведенные примеры достаточно красноречиво говорят о разнообразии в употреблении прописной буквы.

Орфографический разноречивый, встречающийся в журналистских текстах, конечно же, был недопустим для официальных документов: законов, постановлений, указов и т. п. Даже сложилась странная практика: за правописание стали отвечать юристы, тексты законов стали диктовать решения орфографических вопросов, эту же роль выполняли специальные справочники и словари.

Уже более 10 лет регулярно переиздается "Справочник по оформлению актов в Совете Федерации Федерального Собрания РФ" [11], составленный в отделе обеспечения законодательного процесса Правового управления Аппарата Совета Федерации. Важно отметить, что данный справочник предназначен для служебного пользования и отсутствует в широком доступе. В аннотации составители указывают, что издание подготовлено для обеспечения единообразного написания отдельных названий, слов и словосочетаний при подготовке законопроектов. Вместе с тем данный справочник – последняя инстанция для юристов и лингвистов, работающих с проектами государственных документов, и именно написание, закрепленное Справочником, появится в тексте документа.

Лингвисты попытались изменить парадоксальную ситуацию и вернуть себе инициативу. В 2007 году Институтом русского языка им. В. В. Виноградова РАН и Орфографической комиссией при Отделении историко-филологических наук Российской академии наук был выпущен справочник "Правила русской орфографии и пунктуации" [12], представляющий собой новую редакцию действующих Правил. Статус лингвистического справочника позволяет ему носить регламентирующий характер, но составители отмечают, что Справочник дополняет и уточняет Правила 1956 года с учетом современной практики письма" [13, с. 10], признавая тем самым, что сегодняшняя их редакция – это не свод правил, а попытка систематизации сложившихся написаний.

Некоторые рекомендации Справочника значительно расходятся с существующей и уже привычной практикой написания. Так, автор Справочника" [14] отмечает «в названиях высших партийных и государственных учреждений и организаций предлагалось писать все слова (кроме слова *партия*) с прописной буквы; теперь мы так пишем в них только первое слово: Государственная дума, Федеральное собрание и т. п. ».

Спорное утверждение. Значит, следуя нормам, зафиксированным в новых «Правилах русской орфографии и пунктуации», следует писать: *Совет безопасности, Федеральное собрание, Законодательное собрание Тверской области, Торжокская городская дума* и т. д. Однако привычным стало написание: *Совет Безопасности, Федеральное Собрание, Законодательное Собрание Тверской области, Торжокская городская Дума*. Например, "Необходимо также подключать **Совет Безопасности** этой организации, с тем, чтобы квалифицировать такое аномальное по масштабам производство наркотиков в Афганистане как угрозу международному миру и безопасности" [15], "Еще в своем Послании **Федеральному Собранию** в ноябре прошлого года Дмитрий Медведев вспомнил слова известного микробиолога и химика Луи Пастера, который говорил, что из всех народов первым будет тот, кто опередит других в области мысли" [16], "В конце сентября **Законодательным Собранием Тверской области** было принято, хотя и после продолжительных дебатов, положительное решение о разрешении приватизации усадьбного комплекса Степановское-Волосово" [17], "Несмотря на трудности организационного периода, сегодня можно с уверенностью сказать, что **Торжокская городская Дума** состоялась" [18].

Но, как это ни странно, эти написание нормативны с точки зрения "Справочника по оформлению актов в Совете Федерации Федерального Собрания РФ".

Получается, что сегодняшняя реальность – двоевластие в правилах правописания: с одной стороны действуют составленные лингвистами "Правила русской орфографии и пунктуации", с другой – правила, сложившиеся в практике так называемой правовой лингвистики, закрепленные "Справочником по оформлению актов в Совете Федерации Федерального Собрания РФ".

Система двух действующих сводов правил усложняется и вмешательством федеральных органов исполнительной власти. В 2007 году Организационно-инспекторский департамент Министерства внутренних дел выпустил для сотрудников МВД "Краткий справочник по написанию отдельных наименований, слов и словосочетаний при подготовке документов" [19]. В аннотации составители отмечают, что правила оформления изложены в соответствии с ГОСТ Р 6. 30–2003, современными нормативными документами в сфере связи, информации и документации.

Пристальное внимание уделено употреблению прописной буквы в названиях органов, так или иначе связанных с деятельностью Министерства внутренних дел.

Этот справочник – еще одно подтверждение тому, что нормой становятся не действующие правила орфографии, а прецедентные государственные нормативно-правовые документы. Сложившаяся практика опирается не на нормативные лингвистические документы, а на Конституцию или указы Президента РФ. Например, название *Совет Безопасности РФ* сопровождается сноской: "написание – согласно Конституции РФ", а написание названий в разделе "Правительство РФ. Федеральные органы исполнительной власти. Органы при Правительстве РФ" прокомментированы следующим образом: "приведены в соответствии со структурой федеральных органов исполнительной власти, утвержденной Указом Президента РФ от 20 мая 2004 г. № 649".

ЛИТЕРАТУРА

1. *Розенталь Д. Э.* Справочник по правописанию и литературной правке: Для работников печати. – 5-е изд., испр. – М.: Книга, 1989.
2. Завтра: электрон. версия газ. 2002. №24. URL: <http://zavtra.ru/cgi/veil//data/zavtra/02/447/16.html> (дата обращения: 08. 01. 2011).
3. Советская Россия: электрон. версия газ. 2003. №136. URL: http://www.sovross.ru/old/2003/136/136_2_3.htm (дата обращения: 08. 01. 2011).
4. Караван+Я: электрон. версия газ. 2001. №6. URL: <http://www.karavan.tver.ru/html/n328/article1.htm#4> (дата обращения: 08. 01. 2011).
5. Советская Россия: электрон. версия газ. 2006. №30. URL: http://www.sovross.ru/old/2006/30/30_1_5.htm (дата обращения: 08. 01. 2011).
6. Завтра: электрон. версия газ. 2002. №24. URL: <http://zavtra.ru/cgi/veil//data/zavtra/02/447/16.html> (дата обращения: 08. 01. 2011).
7. КоммерсантЪ: электрон. версия газ. 2004. №57. URL: <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?fromsearch=39dead91-5397-422c-bc8e-8d245d49ad3d&docsid=462246> (дата обращения: 08. 01. 2011).
8. Завтра: электрон. версия газ. 1997. №22. URL: <http://zavtra.ru/cgi/veil//data/zavtra/97/183/15lett.html> (дата обращения: 08. 01. 2011).
9. Парламентская газета: электрон. версия газ. 2005. №164. URL: <http://www.pnp.ru/archive/17810122.html> (дата обращения: 08. 01. 2011).
10. Торжокская неделя №16 (74) от 19 апреля 2000 г. О бюджете 2000 года. С. 1.
11. Справочник по оформлению актов в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации (по состоянию на 1 февраля 2009 года). М., 2009.
12. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / *Под ред. В. В. Лопатина*. – М.: Эсмо, 2007.
13. Там же. С. 10.
14. *Лопатин В.* Для всех пишущих по-русски. . . О новом академическом справочнике «Правила русской орфографии и пунктуации». URL: http://genhis.philol.msu.ru/article_246.html (дата обращения: 24. 07. 2010).
15. *Егоров И.* Иглы без разума // Российская газета. – 2010. – 4 февр.
16. *Кузьмин В.* Таланты пьют шампанское // Российская газета. – 2010. – 9 февр.
17. Тверские ведомости: электрон. версия газ. 2010. № 141. URL: http://vedtver.ru/upload/information_system_18/7/7/8/item_778/information_items_778.pdf (дата обращения: 09. 01. 2011).
18. Отчет о работе Торжокской городской Думы четвертого созыва // Новоторжский вестник. – 2010. – 22 окт.
19. Краткий справочник по написанию отдельных наименований слов и словосочетаний при подготовке документов. Министерство внутренних дел. М. 2007.

Е. А. Карташева (Краснодар)

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Сложный и многоаспектный характер соотношения языка и культуры, их взаимоотношений, взаимосвязи, взаимовлияния и взаимодействия в процессе общения людей обусловило появление новой комплексной научной дисциплины синтезирующего типа, непосредственно связанной с исследованием культуры – лингвокультурологии, которая «изучает определенным образом отобранную и организованную совокупность культурных ценностей, исследует живые коммуникативные процессы порождения и восприятия речи, опыт языковой личности и национальный менталитет, дает системное описание языковой «картине мира» и обеспечивает выполнение образовательных, воспитательных и интеллектуальных задач обучения» [4, с. 125]. Таким образом, лингвокультурология, в наиболее широком понимании, исследует «проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке» [9, с. 9].

Лингвокультурология «работает» на глубинном уровне семантики, с учетом системного и интегративного подходов к явлениям языка и культуры. Соотнося значения культурно детерминированных единиц с концептами (кодами) общечеловеческой или национальной культуры, лингвокультурологический анализ дает им глубинную и объемную экспликацию [2, с. 69].

Исследование лексической системы языка на предмет культурно-языковых связей совершенно справедливо встает во главу угла. Интерес не случаен, ведь несомненным остается, что слово является наиболее ярким отражением специфика языка в целом. Как утверждает В. В. Воробьев, «слово служит материальному оформлению понятийной системы, которой мы пользуемся в повседневной жизни» [7, с. 108].

Выделяются следующие лексически оформленные объекты исследования: 1) безэквивалентная лексика и лакуны; 2) «мифологизированные языковые единицы: обрядоворитуальные формы культуры, легенды, обычаи, поверья, закрепленные в языке»; 3) паремии; 4) эталоны, стереотипы, символы, ритуалы; 5) образы; 6) стилистический строй языка; 7) речевое поведение; 8) «взаимодействие религии и языка»; 9) область речевого этикета; 10) текст как единица культуры [7, с. 108]; наивно-языковая картина мира, передающаяся при помощи лексики ее отдельные участки [3, с. 645-646]. Лингвокультурной разработке подвергаются носители культурной информации в рамках слова: «внутренняя форма; деривационные связи; концептуальное ядро значения; коннотация; типовая (узуальная) сочетаемость; парадигматические связи (синонимия, антонимия и т. п.); «свободная» текстовая сочетаемость; ассоциативные связи» [4, с. 34], или в другой исследовательской системе координат: форма, значение, дистрибуция, коннотация [8, с. 13].

Попытки выделить сферы лексического значения, связанные с передачей культурной информации, были предприняты в ряде работ Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова [6, с. 20]. Они представили передачу культурной информации через призму семантических долей, основываясь на интерпретации лексического значения, представленного при по-

мощи знаменитого треугольника К. Огдена и И. Ричардса. Этот треугольник связывает знак, мысль и предмет, то есть слово, понятие и референт.

Здесь следует остановиться на том, что каждый из этих элементов может нести культурологический аспект и способность культурологической маркированности языковой единицы.

Естественно, что культурологически маркированная лексика не может ограничиваться только лишь единицами страноведческого характера. Вежицкая утверждает, что «культурно-специфические значения отражены не только образ жизни, характеризующий и характерный для данного общества, но и образ мысли» [5, с. 17–18].

Эта точка зрения практически отразилась в попытке И. Е. Аверьяновой выделить четыре группы культурно-окрашенной лексики: 1) слова, указывающие на реалии данного лингвокультурного сообщества; 2) слова определенного концептуального содержания, то есть слова – понятия, отражающие специфику видения мира данной этнообщностью; 3) фоновая лексика, передающая культурную информацию, которая позволяет использовать слова в речи и определяет его тематические связи; 4) культурно-коннотативная лексика, национальная окраска которых проявляется не в объективно-логической части их семантического значения, но в тех элементах, которые оказываются актуализированными в акте коммуникации и обусловлены особенностями, включая взаимоотношения друг с другом и объектом речи [1, с. 31–33].

Таким образом, культурологическая маркированность, «своего рода индекс содержания культуры» [10, с. 61], может быть обусловлена факторами различного порядка и, соответственно, различным образом манифестироваться в рамках слова.

В заключение хотелось бы привести слова Н. Ф. Алефиренко, который заявляет, что современный мир оказался преимущественно продуктом «англосаксонской» языковой среды, которая на пути к глобализации мира пытается растворить в себе этнокультурную самобытность других народов. Чтобы понять это, достаточно обратить внимание на обилие заимствований, вспышку сленговой стихии. Сокрушаться по этому поводу не стоит, поскольку естественный язык, словно воды мирового океана, способен к самоочищению. И все же соблюдение культуры национальной языковой среды могло бы преодолеть имеющийся языковой негатив [2, с. 13].

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверьянова Т. Н. Русский язык – свидетель и хранитель истории народа. М., 2000.
2. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка: учебное пособие. М., 2010.
3. Апресян О. Д. Избранные труды, т. 1. Лексическая семантика // Школа «Языки русской культуры». М., 1995.
4. Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург, 2000.
5. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание // Русские словари. М., 1997.

6. *Верецагин Е. М., Костомаров В. Г.* Лингвострановедческая теория слова. М., 1980.
7. *Воробьев В. В.* Лингвокультурология (теория и методы). М., 1997.
8. *Ладо Р.* Лингвистика поверх границ культур // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XXV. М., 1989.
9. *Маслова В. А.* Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М., 2001.
10. *Хойер Р.* Антропологическая лингвистика // Зарубежная лингвистика. М., 1999.

И. В. Киселева (Москва)

СИМВОЛЬНОСТЬ ПРОСТРАНСТВЕННОГО КОДА КУЛЬТУРЫ

Одним из общепризнанных способов реконструкции языковой картины мира является описание кодов культуры. Код культуры – категория, репрезентирующая культурные смыслы.

Ученые пытаются определить, как одинаковые с точки зрения бытовой практики реалии внешнего мира получают в «языке культуры» разную символическую значимость. В трудах Вяч. Вс. Иванова и В. Н. Топорова представлены бинарные оппозиции в истории сознания и культуры. По мнению исследователей, главным противопоставлением, теснейшим образом связанным с прагматическими целями коллектива, является различие *положительного* и *отрицательного* по отношению к коллективу и к человеку. Это главное противопоставление реализуется в серии более частных противопоставлений. На основе двойных противопоставлений выделяют коды культуры [3]. Как считает В. Н. Телия, коды культуры – это «те источники окультуренного мирознания (живые существа, артефакты, ментефакты), которые явились предметами культурного осмысления и оценивания в контексте культуры и которые служат своего рода «обозначаемыми» собственно культурных знаков, которые и лежат в основе тропеического осмысления языковых сущностей, представляя собой «подоснову» культурной интерпретации явленного в языковой оболочке языкового образа» [10, с. 38]. Коды культуры соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями человека и «кодируют» их [4, с. 298]. Они универсальны по своей природе. Но детерминируются субъективным фактором. Поэтому кодирование культурного пространства носит национальный характер, то есть оно специфично для каждой национально-культурной общности.

Считают, что базовых кодов культуры не может быть много. Можно выделить следующие коды культуры: антропный (внутри которого – соматический); пространственный; временной; предметный; биоморфный; духовный.

В данной статье мы остановимся на пространственном коде культуры, который в данном случае понимается как совокупность имен и/или их сочетаний, обозначающих членение пространства, а также отношение человека к этому членению.

Одним из способов представления пространственного кода культуры в языке являются фразеологизмы.

Фразеологизмы функционируют в языке в качестве знаков номинации и одновременно трансляции элементов культуры и менталитета. Знаковая антропометричность ФЕ эксплицируется соразмеренностью метафорического фрейма семантики фразеологизма свойствам человека [9, с. 174].

Фразеологические единицы обнаруживают двойную соотнесенность с культурой: сама их внешняя форма – это уже язык культуры [9, с. 251]. Своеобразным посредником в связи фразеологических единиц с культурной действительностью выступает внутренняя форма фразеологизмов, фактуальный план которой фиксирует реальный фрагмент культуры. Система образов фразеологических единиц является своего рода “нишей” для кумуляции мировидения [9, с. 215]. Таким образом, фразеологизмы отражают культуру непосредственно своим денотатом, и опосредованно через соотнесенность образно-мотивированного основания с эталонами, символами, стереотипами национальной культуры. Пространственные фразеологизмы являются универсальным средством членения пространства реального мира, демонстрируя тем самым мировосприятие человеком окружающей действительности.

Пространственный код характеризуется отсутствием четких границ с другими кодами культуры. Метафоры соматического кода, сформировавшиеся на основе антропоцентрического понимания мира, описывают и пространственный код. Именно человек является основой и мерой созданной им пространственной модели. Здесь происходит, как утверждает В. В. Красных, наложение соматического кода на пространственный [5, с. 235].

Например, можно рассмотреть выражение близости как элемента пространственной модели мира. Близко, рядом находится то, до чего человек может достать рукой, не меняя своего местоположения в пространстве: под рукой, рукой подать; или то, что располагается в видимой для человека зоне: под носом, на носу, под боком. В пределах досягаемости, недалеко, помещаются предметы окружающей действительности, детерминированные мерилем *шаг*: на шаг от чего, один шаг от чего, в двух (трех, нескольких) шагах от кого, от чего, ни шагу, ни на шаг и др.

Лингвокультурологический анализ позволяет установить соотнесенность фразеологизма с кодами культуры – теми реалиями, которые человек наделил культурным смыслом.

Ограничим объект исследования рассмотрением пространственных фразеологических единиц, источником культурной интерпретации которых выступают символы.

Символ – это продукт человеческого сознания. С древнейших времен человек прибегал к символизации окружающего его мира, таким образом, символ выступает специфическим элементом кодирования культурного пространства. С помощью символов национально-культурной общностью осуществляется преемственная трансляция культурной информации. Языковые символы имеют архетипическую природу. Они объединяют разные планы реальности в единое целое в процессе семантической деятельности в той или иной культуре [6, с. 97, 99].

Символ объединяет разные планы реальности в единое целое в процессе семантической деятельности в той или иной культуре. Например, фразеологизмы, отдельные компоненты которых становятся символами:

а) <плечом к плечу> – рядом, вплотную:

В дальнейшем углу стояли *плечом к плечу* те, кому бежать было некуда — трактирщик, чем-то похожий на Марта из Горофа, его тощая жена, мальчик лет девяти и девочка, та, что подавала мне полотенце. (Марина Дяченко, Сергей Дяченко. Магам можно все).

Пели люди у Горбатого моста, передавая по цепочке камни из развороченной мостовой и складывая из них баррикаду, пели под проливным дождем, плотно, *плечом к плечу* прижатые в толпе под балконом Белого Дома, когда Ручкой объявил о возможности близкого штурма и попросил отойти от стен — на случай, если полетят стекла. (Александр Городницкий. И жить еще надежде).

В образе фразеологизма *плечо* выступает как граница телесного пространства человека, соприкосновение таких границ двух субъектов означает их максимальную близость.

б) <под боком> – совсем рядом:

Иногда у меня возникало ощущение, что, кроме реального пространства-времени, в котором мы жили, Андрей имел *под боком* еще один экземпляр, сдвинутый по времени на полтора года, где как раз и обитает Пушкин со своим окружением. (Геннадий Горелик. Андрей Сахаров. Наука и свобода).

Пишите Анькины координаты, она тут *под боком* живет, через дом от института, небось на диване сейчас валяется. (Дарья Донцова. Доллары царя Гороха).

В образе фразеологизма *бок* выступает как телесная граница человека или предмета, соответственно, нахождение рядом с такой границей, выраженное предлогом «под», означает максимальное приближение к этому человеку или предмету.

в) <по пятам> – сзади рядом:

По пятам за ней следовали оба начальника. (Татьяна Устинова. Персональный ангел).

Этот невзрачный субъект, следующий *по пятам* пьяной адмиральши, всегда доставляет ее домой. (Варвара Синицына. Муза и генерал).

В образе фразеологизма *пятки* воспринимаются как граница, разделяющая «личные» пространства участников ситуации – идущего впереди и следующего за ним человека, и, будучи неотъемлемой частью ног, символически связываются с функцией передвижения в пространстве.

г) <рукой подать> – совсем недалеко, очень близко:

До Ниццы от Йера не то чтобы далеко, но и не *рукой подать*. (Вадим Крейд. Георгий Иванов в Йере).

Ладно, стоять тут недолго, сейчас въеду в тоннель, потом преодолею неприятно узкий отрезок Волоколамского шоссе, попаду на МКАД, а там и до дома *рукой подать*. (Дарья Донцова. Уха из золотой рыбки).

В образе фразеологизма *руки* очерчивают границу возможного непосредственного контакта человека с тем, что заполняет окружающий его мир, то есть зону, внутри которой человек может, не меняя местоположения своего тела, вступить в контакт с любым предметом или лицом, которые находятся внутри этой зоны или на ее границах.

Итак, культурное пространство условно членится на коды, соотносимые с архетипическими представлениями субъектов культуры. Пространственный код культуры относится к числу наиболее древних кодов культуры. Одним из способов представления пространственного кода культуры в языковом сознании являются пространственные фразеоло-

гизмы, источником культурной интерпретации которых выступают символы. Именно эта символичность образного основания фразеологизмов обуславливает их культурную специфику.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / *Отв. ред. В. Н. Телия*. М., 2006.
2. *Гак В. Г.* Русская динамическая языковая картина мира. // Русский язык сегодня. Вып. 1. Сб. статей. / РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. *Отв. ред. Л. П. Крысин*. – М.: Азбуковник, 2000. – С. 36 – 44.
3. *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965.
4. *Красных В. В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003.
5. *Красных В. В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М., 2002.
6. *Маслова В. А.* Лингвокультурология. М., 2001.
7. *Мокиенко В. М.* Идеография и историко-этимологический анализ фразеологии // ВЯ. – М.: Наука, 1995. – № 4. – С. 3 – 12.
8. *Степанов Ю. С.* Константы: Словарь русской культуры: Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Академический проект, 2001. – 990 с.
9. *Телия В. Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический, лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
10. *Телия В. Н.* О феномене воспроизводимости языковых выражений // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 30. М., 2005. С. 4-42.
11. *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. – т. I, т. II – М.: Русский язык, 1999. – I. 624 с.; II. – 560 с.

Л. М. Кузнецова (Тверь)

ОСОБЕННОСТИ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ГАЗЕТНОГО ТЕКСТА НАЧАЛА XVIII ВЕКА

Г. П. Макогоненко справедливо отмечал, что «русская проза XVIII века началась с газеты, с ораторского «слова», с делового документа, с петровских указов и «предисловий» к различным книгам... Вот почему для прозы XVIII века характерна «публицистичность» [1, с. 4]. Публицистичность наиболее полно и ярко проявляется в периодической печати, всегда затрагивающей актуальные социально-экономические и политические темы, имеющие широкое общественное звучание.

Русская периодическая печать возникла в самом начале XVIII в.: 2 января 1703 года в Москве вышел первый лист печатной газеты «Ведомости». С 1728 года издание «Ведомостей» было перенесено в Петербург, газета перешла в ведение Академии наук и получила название

«Санкт-Петербургские ведомости». В середине XVIII в. в России появилось ещё одно периодическое издание – газета «Московские ведомости», ставшая органом Московского университета (первый номер газеты вышел 26 апреля 1756 г.).

На протяжении всего XVIII в. первые русские «Ведомости», а затем и «Санкт-Петербургские ведомости» были официальным органом печати. Их сообщения убеждали читателей в правильности государственной политики, давали представление о могуществе России и её успехах на международной арене. Газета «Московские ведомости», несмотря на то что основным её содержанием были иностранные известия, имела ярко выраженное просветительское направление, определённый «университетский» отпечаток.

Однако печатная газета как способ и средство получения информации не была абсолютно новым явлением в общественной жизни России XVIII в. До появления «Ведомостей» примерно ту же роль выполняли вести-куранты и статейные списки. Историки языка относят вести-куранты и статейные списки к «деловым» произведениям русской письменности, но выделяют их в особую группу (статьейная письменность) на том основании, что она существенно отличалась от собственно делового письма и по содержанию, и по характеру текстообразующих средств [2, с. 62-75]: она не была скована стандартными формулами делопроизводства, допускала более широкое варьирование языковых средств, использование которых не было жёстко функционально ограничено, а починалось прежде всего решением «публицистических» задач. Такая жанровая стилистая природа статейной письменности обусловила возможность использования её в качестве языковой основы для зарождающегося нового стиля литературного выражения, для формирования нового жанра публицистической литературы и газетно-публицистического языка, который нашёл свое выражение в газете «Ведомости».

Газета «Ведомости» стала «преемницей» курантов и обеспечила сохранение уже в какой-то степени сложившихся традиций в передаче международной информации, имеющей важное государственное значение. Содержание газеты, её назначение и официальный статус определили в целом «книжный» характер организации языковых средств, что нашло своё выражение прежде всего в синтаксическом строе газетной речи.

Наиболее ярким показателем «книжности» синтаксической системы является «периодическая» организация речи. В газетах петровского времени нередки синтаксические построения с инверсированной расстановкой слов, со сложными периодами, состоящими из большого числа предикативных единиц (обычно 5–8 ПЕ), объединённых на основе синтаксической связи разных видов. Преобладающими среди них являются сложноподчинённые предложения с семантически разнообразными типами придаточных, которые находятся в сложной логической связи друг с другом, что в свою очередь приводило к «затруднённому движению мысли по тягучим периодам» [3, с. 125]. Например: *Салтанъ турской збѣлгородскимъ нашею его цесарскому величеству листъ послалъ, въ которомъ зѣло печалится салтанъ, что цесарское величество съ христіаны въ толь великую войну вмѣшался, и едва не всѣ войска изъ венгерской земли вывести принуждёнъ есть, а хотя венгерскіе города и мѣста добрѣ укрѣплены, можетъ тѣ войска употреблять противъ непріятелей своихъ, и онъ салтанъ обнадеживаетъ учиненный миръ*

свято содержать, и венгромъ никакова бунту или смятенія учинить не поволить [4; 24 января].

На величину объёма периодов и отдельных предложений оказал влияние немецкий язык. Исследователи это объясняют тем, что в петровскую эпоху заметно активизировалась переводческая деятельность. В Посольском приказе, который ведал изданием газеты «Ведомости», переводили в то время главным образом с немецкого, так как зарубежные газеты получали в основном из Гамбурга и Кенигсберга. Синтаксический строй немецкого языка испытал сильное воздействие латинского языка, что и оказало влияние на формирование стиля русской деловой речи и синтаксической системы языка в целом [5, с. 13, 21].

Влияние латино-немецкого синтаксиса сказалось и на порядке слов в предложении. Суть его заключалась в том, что глагол (или любая другая часть речи, выступающая в роли сказуемого) ставился в конце предложения, например: *Сапѣзу сюды ждуть, потому что король польскій опасную ему грамоту въ гданескъ ѣхать далъ* [4; 4 ноября];

...французскаго посланника герона всегда кѣ человекъ солдатъ крѣпко стерегутъ, для того что онъ нетокмо непристойнымъ окоролѣ полскамъ, и о министрахъ говорить, но и многіе злыя хитрости къ препятію мира съ королемъ свѣйскимъ исполнять [4; 15 января].

Однако в газетной речи такой порядок слов выдерживается не столь последовательно, как, например, в деловой письменности того времени (особенно в актовой): уже в первых русских «Ведомостях» сказуемое может употребляться и в середине предложения в позиции после подлежащего; в этом случае устанавливается порядок слов, более естественный для русской речи. Например: *...войска хотѣли мостъ чрезъ рѣку дѣлатъ силою, но не удалосъ имъ, потому что сильно изъ пушекъ стрѣляли другъ на друга...* [4; 15 мая]; *Генераль стейнбокъ идетъ съ войскомъ своимъ къ тикочину, чтобъ саксонцовъ оттолѣ выгнать аще возможно: ибо то мѣсто зѣло надобно шведомъ къ проходу въ литву...* [4; 15 мая].

Протяжёнными, «громоздкими» в газетном языке начала XVIII в. были не только периоды, но и сами предикативные единицы, входящие в их состав, а также отдельно взятые простые предложения (средний размер простого предложения в газетной речи – 12 слов). Однако, несмотря на достаточно большой «семантический вес» простых предложений, основной синтаксической системы газетного языка все же были сложные предложения. Коэффициент сложности в газетном тексте начала XVIII в. очень высокий: сложные предложения, по нашим наблюдениям, составляют примерно 75%. Синтаксический строй газеты характеризуется большим разнообразием средств выражения связи между отдельными предложениями (широко используется сочинительная, подчинительная и бессоюзная связь). Наиболее употребительны сложноподчинённые предложения; нами отмечены разные семантические типы этих конструкций, оформленные разнообразными подчинительными союзами, многие из которых имеют стилистическую окраску («книжности»), но очень характерны и для деловой речи: *донелѣже, дондеже, поелику, понеже, аще* и др. Наиболее частотны в газетном языке СПП с изъяснительными и определительными придаточными (они составляют 70% от числа всех СПП), но и другие структурно-семантические типы сложно-

подчиненных предложений представлены полно и разнообразно (особенно временные предложения и группы обусловленности).

В ряде случаев газетный язык начала XVIII в. носит следы заметного влияния деловой письменности. Так, некоторые газетные статьи строятся по той же композиционной схеме и даже с использованием тех же типов предложений и средств связи, что и в законодательных актах петровского времени: зачин (с союзами *понеже*, *ибо*), основная часть, где используются в основном синтаксические средства, характерные для народно-разговорного типа языка, или нейтральные (союзы *потому что*, *для того что* и т. п.), и концовка (регламентирующий вывод). Например:

Изъ въѣны ноября в КѢ день,] Понеже въѣдомо чиня, что тѣ осьмь тысячъ саксонцовъ въ шлонской земли зимовые становища занять похотятъ для своего отдоху, того ради указъ туды посланъ, да бы имъ въ чешскую землю пойти велѣть или назадъ возвратитъ, потому что имъ въ шлонской земли пребывати здѣсь неповолено, при семъ указано вскорѣ великое число телегъ собрати, да бы ихъ чрезъ пилную область прорезать...[4; 15 января].

К числу конструкций, заимствованных из деловой речи и регулярно употребляющихся в газетном языке, относятся предложения (простые и сложные) с инфинитивом в синтаксически независимой позиции. Эти предложения окрашены модальностью необходимости, долженствования, чем и обусловлено их естественное употребление в языке указов, распоряжений и т. д. Эти же конструкции мы часто находим и в газете. Так на повествовательную в целом манеру изложения насаивается «канцелярский» долженствующе-предписывающий характер. Например: *Въ нижней аустрійской землѣ указъ учиненъ о посполитомъ рушеніи. такъ что изъ трехъ дворовъ вооруженного человека поставить, и тѣхъ употребить на оборону земель* [4; 18 июля].

Вместе с тем наряду с текстами, имеющими такую сложную синтаксическую организацию, в первых «Ведомостях» достаточно частотны синтаксически однородные конструкции с присоединительными связями, построенные по принципу нанизывания простых предложений (1) или однородных сказуемых (2) с помощью повторяющихся союзов *и*, *а*. Например: 1. *Сего вечера гонецъ пригналь, возвѣщая, что французская выручка во италіи на цесарскихъ, при мантуе напала, и бой между ими былъ двѣ часовъ, и со обеихъ странъ много людей пропало, однако цесарцы побѣду одержали, и не пріятеля съ поля збили, пушки изъ обоза наши достали, и многихъ офицеровъ въ полонъ взяли* [4; 9 ноября]; 2. *Тѣ же янычаны юнѣйшаго брата салтанского изъ сараглю взяли, и того на престоль посадили, и салтаномъ поздравляли, и на алкоранѣ присягать велѣли, что ему съ янычаны жить, и умереть* [4; 7 октября].

Использование подобных конструкций, очевидно, можно считать давним «отголоском» летописной традиции: начиная с XVI в. при Московском Царском Дворе официально велись отечественные летописи, на смену которым в первой половине XVII в. приходят куранты. «Летописная» синтаксическая организация газетного материала наблюдается, как правило, в текстах, сообщающих о военных действиях или стихийных бедствиях (пожарах, наводнениях и под.). Данные синтаксические построения отражают живую разговорную речь. Они достаточно быстро ушли из газетного языка (в газетах 40–50-х гг. они уже не отмечаются).

Итак, в русских “Ведомостях” начала XVIII в. отмечены разные приёмы синтаксического построения речи, характерные, с одной стороны, для приказно-делового языка и характеризующиеся стилистической окраской книжности (высокая активность сложных предложений, частотность логически стройных периодов с разнообразными комбинациями подчинения придаточных, синтаксические штампы актовой письменности), а с другой стороны – для светского повествовательного текста (наличие конструкций с цепным нанизыванием, частотность сочинительных и бессоюзных связей). Это обусловило неоднородную синтаксическую организацию газетных текстов: преобладание паратактических средств языка (как на уровне простого, так и на уровне сложного предложения) в одних случаях и гипотактических средств – в других. Через эти структуры находят свою реализацию такие стилевые черты газеты, как точность, логичность, которая естественным образом проявляется в синтаксически сложных, но содержательных периодах, а также в простых предложениях, осложненных многочисленными рядами однородных членов, причастными и деепричастными оборотами, вводными и вставными конструкциями. Вместе с тем синтаксическая структура текста зависит от его содержания и назначения. Основная цель газеты – сообщить определенные сведения, констатировать факты, дать им оценку. Констатирующее описание исторических событий обуславливает широкое использование в газетной речи изъяснительных и определительных придаточных и наряду с ними сложносочиненных и бессоюзных сложных предложений, что, в свою очередь, снижает «накал книжности», отдаляет газетный текст от делового языка и сближает с естественной живой речью. Благодаря именно такой синтаксической организации формируется описательно-повествовательный тип изложения в газете.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Макогоненко Г. П.* Русская проза XVIII века // Русская проза XVIII века. М. –Л., 1950. Т. 1.
2. *Котков С. И.* Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 1980.
3. *Виноградов В. В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. М., 1982.
4. Цитируется по: *Первыя Русскія Вѣдомости, печатавшіяся въ Москвѣ въ 1703 году.* С. Петербургъ, 1855.
5. См. подробнее: *Гухман М. М.* История немецкого литературного языка XVI–XVII вв. М., 1984.

Т. В. Леонтьева (Екатеринбург)

СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ОЦЕНОЧНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ЧЕЛОВЕКА ПО СПОСОБНОСТИ РАБОТАТЬ И ОТНОШЕНИЮ К ТРУДУ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ)

Исследование выполнено при поддержке госконтракта 14. 740. 11. 0229 в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (тема «Современная русская деревня в социо- и этнолингвистическом освещении»).

В народной культуре, отличающейся прагматическим отношением к миру, одной из существенных характеристик человека выступает работоспособность. Предметом рассмотрения в настоящей статье будут запечатленные лексическими и фразеологическими средствами русских народных говоров представления о хорошем и негодном работнике, составляющие часть русского концепта труда. Анализ нашего материала показал, что в языке маркированы такие человеческие качества, как трудоспособность и немощность, умелость и неумелость, трудолюбие и тунеядство, умение и неумение работать в коллективе. Все названные характеристики приобретают в народной культуре «социальный резонанс». Языковые факты исследуются нами с точки зрения репрезентации в них особого, обусловленного социальными реалиями отношения носителя народной и – уже – крестьянской культуры к человеку как работнику.

1. Трудоспособность и немощность. Возраст и физическое здоровье служат естественными причинами годности или негодности к работе, на что указывает наличие в русских народных говорах цельнооформленных лексем, а также идиом, обозначающих трудоспособного либо немощного человека: том. *рабочая рука* ‘работоспособный’ (*Тятя рабочая рука один был. Отец один работал*) [6, т. 4, с. 190], олон. *быть в степёни* ‘быть бодрым, крепким, трудоспособным’ [7, т. 41, с. 140], иркут. *неработный* ‘больной’ [7, т. 21, с. 137], ленингр. *жив – не годен* ‘о нетрудоспособном человеке’ (*Он в аварию попал, сразу не умер, да всё равно жив – не годен*) [4, т. 2, с. 56]. Показательно лежащее в основе последней идиомы противопоставление между жизнью («живостью») и нетрудоспособностью, которое свидетельствует о том, что годность к работе видится носителю языка как атрибут живого, здорового человека, как одна из его функций.

Тот, кто не в состоянии работать, оказывается в стороне от общества, ср. внутреннюю форму горьк., перм. *сторонник* ‘о человеке, не способном к работе, инвалиде’ (*Заболел, его уж не стали принимать никуда: сторонник, не способный уж к работе*) [7, т. 41, с. 247]. Условное разграничение социума на центр (ядро) и периферию (окраины) – также одна из характерных черт народного мировоззрения.

«Социальные окраины» обозначаются существительными с грамматическим значением собирательности. Например, внутренняя форма волог. *лихора́тые* 'о старых немощных людях' (*В деревне остается одно лихора́тые, нерабочие кости*) [4, т. 3, с. 132] передает смыслы 'плохой, непригодный'. Волог. *подрешё́че* 'те, кто негоден к работе' (*Теперь в деревне одно подрешё́че осталось*) [4, т. 4, с. 666], возможно, связано с *решето* и выражает семантику бедности, нищеты, ср. карел. *решети́стый* 'дырявый, прохудившийся' [4, т. 5, с. 521], карел. *держáться на решете́* 'кое-как сводить концы с концами' [4, т. 5, с. 522]. Возраст как причина нетрудоспособности актуализирован в волог. *ста́рьё да ба́рьё* 'о неработающем человеке' (*Ста́рьё да ба́рьё осталось*) [7, т. 41, с. 90]. Категория собирательности является маркером того, что люди, которые не могут работать, образуют социальную группу, слой.

2. Умелость и неумелость. Пригодность или негодность к работе может состоять в умелости либо неумелости человека. Так, расторопность, быстрота действий запечатлена в печор. *всё в руках кру́жится́ у кого́* 'о человеке, который быстро, умело работает' (*Он дельный мужык, у него всё в руках кру́жится́*) [5, т. 1, с. 354], печор. *кру́тящий* 'очень быстро, проворно работающий' (*У нас Катя жыла, така кру́тящая была*) [5, т. 1, с. 356], курск., ярosl. *спори́на* 'умение, ловкость в труде, обеспечивающие достаток, прибыль, благополучие в доме' (*Вот какая у Катерины спорина при вязании, всех обогнала. Нет спорины – говорят при медленной работе*) [7, т. 40, с. 224] и т. д.

Диалектные обозначения плохой работы или неумелого человека образуют самую многочисленную группу, приведем лишь несколько фактов: арх. *из-под ле́вой руки́* 'такой, который не соответствует предъявляемым к нему требованиям, плохой' (*Тот работник из-под левой руки*) [4, т. 3, с. 103], урал. *оста́вить ру́ки* 'оставить следы своей работы (обычно о плохой работе)' (*Руки оставила, сразу видно – Иринишка делала*) [7, т. 35, с. 240], урал. *сре́дственный* 'ничем не замечательный, невидный, незаметный (о человеке)' (*Работник из самых сре́дственных*) [7, т. 40, с. 311]. Подобно этому качество прядения представлено в лексике при помощи шкалы, отражающей толщину, получаемой нити: «тонкий – средний – толстый», ср. арх. *сре́днепяха* 'о женщине, которая обычно прядет ни хорошо, ни плохо' (*Она хорошо прядет – тонкопяха, скажет, бывает толстопяха, сре́днепяха*) [7, т. 40, с. 308]. Однокоренным с *негодный* является перм. *безго́дина* 'неумелый, неспособный что-л. делать человек; неумеха' (*Он косить-то не мог, дак безгодиной звали*) [3, т. 1, с. 30].

Рамки статьи не позволяют показать все многообразие этой лексики, однако получить о ней представление можно, обратившись к работе М. А. Ереминой [1]. Упомянем только, что в народной культуре неумелость не является исключительно личностным качеством, она приобретает социальное звучание, поскольку ей придается большое значение, например, при выборе невесты, жениха, в семейной жизни, ср. контексты к перм. *беспу́тка* 'девушка, женщина, ничего не умеющая делать' (*За беспуток-то мало кто сватался, кому жена неумеха нужна*) [3, т. 1, с. 37], олон., арх., свердл. *станли́вый* 'рано встающий; работающий, трудолюбивый' (*Попрекать станут твоего мужа божоданного, что ленивая у него взята, не станливая*) [7, т. 41, с. 50], арх. *незау́мелый* 'нехозяйственный' (*Он мужик незаумелый, все деньги пропивал, по хозяйству ничего не умел, вот жена от него и ушла*) [7, т. 21, с. 48], новг., перм., урал.

необходимый 'не содержащий в порядке, в чистоте дом, хозяйство; неумелый и т. п.' (*Баба настоящая, но необходимая: много раз бывала у ее, всё грязно*) [7, т. 21, с. 98].

3. Трудолюбие и тунейдство. В связи с предметно-бытовой и социальной сферой переосмыслены также желание и нежелание человека трудиться. У работающего человека крепкое хозяйство, у нерадивого – запущенный дом: сарат. *справный в работе* 'ответственный, исправный, трудолюбивый' (*Шабёр [сосед] справный во всякой работе*) [7, т. 40, с. 259], костром., калин., пенз. *неделуха и недёлуха* 'лентяйка, бездельница' (*Иван, у тебя хозяка-та неделуха; Да она недёлуха, дома у них сроду грязь*) [7, т. 21, с. 11], свердл. *неткашиха-непряшиха* 'лентяйка, белоручка' (*Невеста-то неткашиха-непряшиха, одно слово – лентяйка*) [7, т. 21, с. 135]. Контексты передают характеристики, данные соседями, которые имеют свое мнение практически о каждом члене своего микросоциума. От этих оценок зависит построение связей внутри крестьянской общины.

4. Умение и неумение работать в коллективе. Внимание носителя народной культуры к тому, как человек работает, обусловлено и традицией общинного выполнения некоторых хозяйственных работ, обычно связанных с тяжелым физическим трудом: кемер. *работать на складах* 'оказывать коллективную помощь' [6, т. 4, с. 82], арх. *смахаться* 'срабататься, достигнуть согласованности в работе' (*Ране-то все такими пилами пиливали вручную, с кем смахешься, так хорошо работа идет*) [7, т. 38, с. 347], перм. *срабливаться* 'объединяться для общей работы' (*Дом строить срабливались мужики с мужиками*) [3, т. 2, с. 389], том. *сплестись* 'объединиться для совместной работы' (...*Несколько семей сплетутся*) [7, т. 40, с. 161], ряз. *слепиться* 'объединиться' (*Да мы на покос слепились свой*) [7, т. 38, с. 264], вят., перм., яросл. *сваживаться* 'объединяться (о крестьянах) для совместного вывоза чего-либо, для летних работ' (*Надо с соседом сваживаться навоз возить*) [7, т. 36, с. 203], арх. *артельно брать* 'делать что-либо сообща' (*Собираются соседи, помогают друг другу – вот и артельно брать*) [2, т. 1, с. 23] и др.

Между людьми, совместно выполняющими работу, возникает соревновательность, что запечатлено в контекстах к омск. *забросать снопами* 'сноровисто, быстро работать' (*Я бы сейчас всех забросала снопами, если б со мной взялись тягаться*) [7, т. 39, с. 122], новосиб. *перекашивать* 'обогнуть, обойти кого-либо в косье' [7, т. 26, с. 120].

Среди работников есть лучшие и худшие, опытные и неумелые, отсюда оценочные номинации: волж. *решимак* 'название бурлака, слабо-сильного и неумелого в работе, получающего самую низкую плату' [7, т. 35, с. 91] (ср. волог. *рёшма* 'рогожа', свердл. *рёшмонка* 'старая рваная одежда' [Там же]), волог. *спонорóвкой, спонорóвочкой* 'без усердия, с прохладцей' (*Иные работают спонорóвочкой, а в ком хитрости нет, он валяет и валяет, дует и дует, пока уж пот не потекет*) [7, т. 40, с. 219] т. д.

Сравнивая сделанное, люди замечают огрехи в работе друг друга, напрямую связывая их с неумелостью или нежеланием работать, как свидетельствует контекст к волог. *межник* 'пропущенное или плохо обработанное место на лугу при косье или в поле при пахоте; огрех' (*Межников-то у лентяев на пашне, ой, много наделано был; Подкашивать надо межники-то*) [4, т. 3, с. 216], орл. *спортáчить* 'плохо, некачественно выполнить какую-либо работу, дело; испортить' (*На поле мы*

вдвоем работали с сохой, напарница как что-нибудь спартачить) [7, т. 40, с. 232].

В условиях коллективной работы приобретает значение не только умелость, сноровка (бурят. *фóмка да ерёмка* 'случайно собравшиеся неумелые люди, взявшиеся что-либо делать' (*Какая там артель из Фомки да Ерёмки?*) [6, т. 5, с. 194]), но и умение согласовывать действия внутри трудовой группы: арх. *срабо́тка* 'согласованность в работе, сработанность' (*Сработки нет между ними, друг друга устофиливают, ругают*) [7, т. 40, с. 301].

Среди обозначений членов артели особенно много слов, называющих людей, которые не хотят или не могут должным образом выполнить свою часть работы в согласии с другими: бурят. *самóшник* 'индивидуалист, человек, противопоставляющий себя обществу, коллективу' (...*С самошником дела не сложишь... Так самошника мы потом из артели выгнали*) [6, т. 4, с. 226], забайкал. *саботёльник* 'человек, намеренно срывающий какую-либо работу или умышленно плохо ее исполняющий' (*Кто в артели из саботельников, соберется, то беда*) [7, т. 36, с. 13], моск. *прорывочник* (женск. *прорывочница*) 'тот, кто не выполняет план, допускает прорыв в работе' [7, т. 32, с. 221], бурят. *чи́га* 'человек, не желающий подчиняться заведенному порядку' (*Чига то и дело уходил неизвестно куда из артели. А когда чига приходил, его спрашивали, где был, чига отвечал, что это только дело его. Пришлось чигу из артели прогнать*) [6, т. 5, с. 291], бурят. *у́тяг* 'человек, переходящий с работы на работу' (*На утяга какая надежда. Утяг сёдне здесь, а завтра там*) [6, т. 5, с. 178], ср. костром. *смáзывать работу* 'портить, сводить на нет работу, дело' (*Товарищ всю нашу работу смазал*) [7, т. 38, с. 339].

Отношение к плохим работникам, выражающееся в желании избавиться от них, запечатлено в контексте к карел. *лóктем глаза перекрестить* 'выразить большую радость, удовлетворение по поводу чего-н.' (*Вот мне добратся до того места, так локтем глаза бы перекрестила; а можно к плохому сказать: вот уходит с бригады плохой работник, так все локтем глаза перекрестят*) [4, т. 4, с. 451].

Таким образом, в наивно-языковой картине мира негодность к работе является характеристикой не столько личностной, сколько социальной. На основании анализа лексики русских народных говоров выявляется несколько ипостасей негодности к работе, значимых для носителей народной и прежде всего крестьянской культуры: неработоспособность в силу объективных причин – возраста, болезни (немощность); недостаток мастерства и опыта (неумелость); нежелание работать (тунеядство, лень); неспособность и нежелание работать в согласии с коллективом, предпочтение своих интересов чужим. Все они репрезентируются в лексическом диалектном материале как факторы, обуславливающие структуру общества, в частности, разделение крепких хозяйственников и маргинальных слоев населения, а также как факторы, определяющие социальные взаимодействия людей внутри общины – выбор невесты и жениха, объединение для общинных работ, создание ремесленнических артелей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Еремина М. А. Лексико-семантическое поле «Отношение человека к труду» в русских народных говорах: этнолингвистический аспект : Дис. . . . канд. филол. наук : 10. 02. 01. Екатеринбург, 2003. 253 с.
2. Словарь говоров Русского Севера. Т. 1–4. / *под ред А. К. Матвеева*. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001–2009.
3. Словарь пермских говоров. Пермь, 1999–2002. Вып. 1–2.
4. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей : в 6 вып. / гл. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1994–2005. Вып. 1–6.
5. Словарь русских говоров Низовой Печоры : в 2 т. / *Под ред. Л. А. Ивашико*. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003–2005. – Т. 1–2.
6. Словарь русских говоров Сибири : в 5 т. / *под ред. А. И. Федорова*. – Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 1999–2006. Т. 1–5.
7. Словарь русских народных говоров. Вып. 1–43 / *Под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова*. М.; Л., 1965–2010.

О. Ю. Лысова (Тольятти)

КУЛЬТУРНЫЕ СМЫСЛЫ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ «КРОВЬ»

Человеческое тело в истории мировой культуры всегда являлось важным источником в познании мира. Не вызывает сомнений тот факт, что знания о себе, своём теле наши предки издавна проецировали на окружающую их действительность (сравните, например: *до дома рукой подать* – где устойчивый оборот *рукой подать* отображает стереотипное представление о близости расположения двух объектов, а *рука* является своеобразной единицей измерения расстояния).

Соматические фразеологизмы, обозначающие тело в целом или его части и органы (наружные и внутренние) и специфические для них действия и виды деятельности, хранят древнейшие культурологические сведения о поверьях, исторических преданиях, национальных обычаях, бытовых представлениях того или иного народа.

Объясняется это тем, что многие из таких идиом несут в дополнение к их природным свойствам функционально значимые для культуры смыслы, придающие этим оборотам роль знаков «языка» культуры. Именно поэтому авторы «Большого фразеологического словаря русского языка» (отв. ред. В. Н. Телия. М., 2006) выделяют при лингвокультурологическом комментарии устойчивых оборотов отдельно такой особый код культуры, как соматический (телесный) (см. об этом: указ. словарь, с. 772). При этом под кодом культуры понимаются те реалии, «которые человек уже наградил культурным смыслом и которые поэтому служат исходным материалом для культурного же осмысления фразеологизма» [1, с. 13].

Культурные смыслы фразеологизма определяются тем, что его компоненты воспринимаются как слова, именующие ситуацию, которая когда-то легла в основу образа идиомы и стала для человека знаковой в её культурном осмыслении.

Осуществляя поиск культурных смыслов, следует выяснить, какие культурные сущности воплощаются в языке и какими языковыми средствами и способами они закрепляются. При этом фразеологизмы как единицы языка должны интерпретироваться в контексте культуры, а не наоборот.

Известно, что между культурой и языком нет прямого соотношения. Но между ними можно поставить пресуппозицию (ранее приобретённое знание) как ключ к научной интерпретации. Именно знание пресуппозиции открывает путь к культурному комментарию фразеологизмов.

В этом плане большой интерес представляют собой устойчивые выражения, содержащие компоненты «кровь», «кровавый», «кровный». Используя материалы 16 фразеологических словарей, мы выявили 68 оборотов, имеющих в своей структуре указанные компоненты.

Значимость отобранных фразеологизмов определяется тем, что в лингвокультурологическом рассмотрении, в славянской мифологии кровь выступает как универсальный символ, наделённый культовым статусом. Кровь осмысляется не только как жизненно важный материальный человеческий орган, но и как

- символ,местилище жизненных сил человека (см., например: *лить/проливать кровь; до последней капли крови; кровь с молоком* и др.);

- воплощение земной (плотской) сути человека (*из плоти и крови; стать/становиться плотью и кровью* и др.);

- очищающая от грехов, спасительная сила (*смыть кровь*);
- символ кровнородственной преемственности у людей, родовой связи (ср.: *кровь от крови; родная кровь; своя кровь; узы крови; родство крови; голос крови; дурная кровь* и т. д.),

- знак благородного происхождения (*голубая кровь; царской крови; древней крови* и под.) и т. д.

«В Библии с кровью отождествляется душа: «Ибо душа всякого тела есть кровь его, она душа его» (Лев. 17), с чем и был связан запрет на употребление в пищу крови и необескровленного мяса» [3, с. 194].

Раньше при братании люди надрезали руки и смешивали свою кровь, потому что кровь являлась символом торжественной клятвы; в древности клявшиеся приносили жертву и её кровью мазали себе рот.

Известно, что кровь традиционно связана с жертвоприношением, целью которого было умиротворить небесные силы и устранить угрозу наказания. Впоследствии кровь была заменена другими наделёвшимися сакральным статусом жидкостями (вином, мёдом, молоком), олицетворявшими её. Так, вино как символ крови Христовой подают на таинстве Святой Евхаристии (причащения). В Библии говорится, что само таинство было установлено Господом на Тайной Вечере: ««Иисус взял хлеб и, благословив, преломил и, раздавая ученикам, сказал: примите, ядите: сие есть Тело Мое. И, взяв чашу и благодарив, подал им и сказал: пейте из неё все, ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов» (Мф. 26, 26-28). См. также в «Новом завете» другое высказывание: «Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь во Мне пребывает, и Я в нём» (Ин. 6: 56).

«Исходно кровь выступает символом жизни; с этим представлением связаны такие обряды архаических культур, как смазывание кровью (или символизирующей её красной краской) лба тяжело больных, рожениц и новорождённых младенцев» [3, с. 194].

Обращаясь к культурной информации, содержащейся в отобранных нами идиомах, укажем, что, например, в основе образов таких фразеологизмов, как: *до последней капли крови* (т. е. всё без остатка; полностью, совершенно, абсолютно); *лить/пролить кровь* (т. е. жертвовать своей жизнью, здоровьем); *обойтись, победить малой кровью* (не затрачивая много сил или средств; с небольшими потерями) и др. лежит представление о крови как о символе жизненных сил человека. Именно в крови пребывает энергия, делающая возможной телесную жизнь; а потеря крови означает утрату магической энергии и прекращение телесной жизни. Таким образом, кровь в перечисленных идиомах метонимически отождествляется с самой жизнью, что позволяет данному понятию выступать в качестве эталона, т. е. меры, затрачиваемых усилий, понесённых потерь.

См. также и другое выражение – *плакать кровавыми слезами* (невыносимо страдать), где прилагательное *кровавый* метафорически уподобляет утрату жизненной энергии болезненному, мучительному состоянию, испытываемому кем-либо.

Отмечая многозначность рассматриваемого компонента, укажем, что в идиоме *портить/испортить кровь* (т. е. доставлять большие неприятности, сильно раздражать) кровь выступает не только в роли символа жизненных сил, но и обозначает сильные эмоции, эмоциональное состояние, а также здоровье. Ср. также с выражениями *кровь бросилась (ударилась) в голову*; *сердце кровью обливается*; *кровь стынет в жилах* и др.

Продолжая данную тему, отметим, что в другом устойчивом обороте – *кровь с молоком* (говорится о румянном, цветущем, крепком человеке) – постулируется представление русской традиционной культуры о здоровье и красоте. Компонент «кровь», символизирующий энергию телесной жизни, вместе с компонентом «молоко», отражающим представление о достатке, благополучии (ср. с выражением *молочные реки с кисельными берегами*), в образе фразеологизма обозначает физическую крепость и здоровье. В русской культуре данный оборот связывает стереотипное представление о красоте с крупным телосложением, румяным лицом, белой кожей, силой.

Несколько иначе преломляется культурно значимая семантика компонента «кровь» в идиомах *обретать/обрести плоть и кровь* (становиться живым, реальным; получать доступный для восприятия вид) и *облекаться/облечься в плоть и кровь* (воплощаться в конкретную, живую форму, представлять наяву). Данные фразеологизмы содержат метафору, уподобляющую действие (результатом которого является получение определённого внешнего вида, доступной для восприятия формы), направленное на получение плоти и крови, т. е. материального, живого тела. Компоненты «плоть» и «кровь» выполняют здесь роль эталона телесного, вещественного воплощения. «В мифопоэтическом сознании тело часто воспринимается не только как оберег и убежище души, оно свидетельствует о бесконечном богатстве и разнообразии жизни, посредством его (тела) происходит общение с миром. Древние славяне верили в то, что с обретением душой тела связано не только обретение

материальной сущности, момент их соединения символизирует рождение, т. е. начало мирской жизни» [1, с. 129].

Обозначенные выше культурные смыслы отражаются и во фразеологизмах типа: *во/в плоти и крови* (т. е. в материальном образе) и *из плоти и крови* (о том, что человек не идеален, далёк от совершенства, как все). Здесь компоненты «плоть» и «кровь» также символически осмысляются как воплощение земной (плотской) сути человека и потому часто получают отрицательную этическую, т. е. нравственную, оценку. Объясняется это архетипическим противопоставлением «сакрального» (души) и «профанного» (тела). В основе такого противопоставления лежит свойственное архаическому миропониманию разделение духа и плоти, душевного и материального. «Согласно древним представлениям, душа есть тонкий, невещественный человеческий образ, по своей природе – нечто вроде пара, воздуха или тени. Она составляет причину жизни и мысли в том существе, которое она одушевляет. Она независимо и безраздельно владеет личным сознанием и волей своего телесного обладателя и в прошлом и в настоящем... Тело же относилось к т. н. «внешнему» в человеке и как внешняя оболочка никоим образом не ассоциировалось с его внутренней сущностью – с душой. В мифологических системах мировых религий, особенно в христианстве, резкое противопоставление души телу приводит к превращению идеи души в центральное понятие всего вероучения, к догмату о ничтожности, греховности тела и телесного и к переносу главной цели человеческой жизни на спасение души» [1, с. 273]. Именно такие воззрения, характеризующие различное отношение к восприятию духовного и телесного, противопоставляющие душу как что-то возвышенное, светлое, обозначающее чистоту и причастность к божественному, и тело как нечто низкое, подверженное пагубным страстям и желаниям, и формируют культурные смыслы указанных выше фразеологизмов.

Всё описанное выше синтетически объединено в семантике идиомы *входить/вбедаться/впитываться в плоть и кровь* (т. е. навсегда укореняться, прочно укрепляться, становиться жизненно важным). Здесь метафорически уподобляется проникновению, вживлению в тело (плоть и кровь) живого существа прочное установление, обретение крайней важности чего-л. для жизнедеятельности кого-л. В образе фразеологизма компоненты «кровь» и «плоть» символически осмысляются как некое «физическое вместилище» не только человеческой жизни, но и человеческого разума и сознания. Вхождение внутрь этого «вместилища» означает причастность к единому целому и как результат – обретение жизнеопределяющей позиции в её пределах.

Особого внимания заслуживает лингвокультурологический комментарий к фразеологизму *в крови* (есть что у кого). Например: *смелость у него в крови*. Имеется в виду, что какое-либо качество, черта характера является неотъемлемой частью натуры, поведения, привычек человека или группы лиц, присуще им от природы. В данном выражении *кровь* выступает как символ органически наследуемых качеств человека, воспринимаемых и осознаваемых им как его духовное, душевное и социальное «второе Я». В соответствии с таким представлением, духовные черты, состояния, качества человека, его характер и миропонимание определяются наследственно – через кровь (сравните: *горячая кровь, ладнокровный* и пр.), сам же компонент символизирует кровнородственную преемственность (ср. также: *кровь говорит; кровь от крови; родная*

кровь; своя кровь; дурная кровь; голос крови; кровные узы; родство крови; брат по крови; сестра по крови и т. д.).

Особый культурный смысл несёт и выражение *смыть кровью* (т. е. искупать ценой жизни). С древнейших времён кровь наделялась особыми культовыми свойствами, использовалась в магической функции в связанных с культами обрядах. Так, в «одном из наиболее распространённых представлений кровь наделяется очищающей силой, «смывает» грехи, избавляет от них; напр., в культах древних богов Кибелы и Митры посвящённых крестили в очищающей крови жертвенного буйвола, в христианстве пролитая кровь Иисуса считается обладающей спасительной силой (ср. поиски чаши Святого Грааля, в которую стекала кровь распятого Христа, обряд причастия) и т. д.» [1, с. 645].

В заключение укажем, что кровь является одним из древнейших оккультурных натуральных объектов, а компонент «кровь» в структуре проанализированных нами фразеологизмов обладает универсальной многозначной символикой и богатейшими культурными смыслами, знание которых необходимо современному носителю языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий/ *Отв. ред. д-р филол. наук В. Н. Телия*. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006 – 784 с.
2. *Ковшова М. Л.* Семантика и прагматика эвфемизмов. Краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов. – М.: Гнозис, 2007. – 320 с.
3. Словарь символов и знаков / *Авт. -сост. Н. Н. Рогалевич*. – Минск: Харвест, 2004. – 512 с.
4. Фразеологический словарь современного русского литературного языка/ *Под ред. проф. А. Н. Тихонова/ Сост.: А. Н. Тихонов, А. Г. Ломов, А. В. Королькова*. Справочное издание: В 2 т. – М.: Флинта: Наука, 2004.
5. *Шейнина Е. Я.* Энциклопедия символов. – М.: АСТ; Харьков: Торсинг, 2007. – 591 с.

Лю Яньчунь (Китай, Шэньян)

РУССКАЯ И КИТАЙСКАЯ КАРТИНЫ МИРА И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ И ФРАЗЕОЛОГИИ)

Картина мира – это система интуитивных представлений о реальности. Она является образом мира, складывающимся в сознании и голове человека в процессе его познавательной деятельности. Картину мира можно выделить, описать или реконструировать у любой социопсихологической единицы – от нации или этноса до какой-либо социальной или профессиональной группы или отдельной личности. Картина мира каждого народа имеет свою культурную специфику, и у каждого человека существует своя индивидуальная картина мира. «Понятие картины мира (в том числе и

языковой) строится на изучении представлений человека о мире. Если мир – это человек и среда в их взаимодействии, то картина мира – результат переработки информации о среде и человеке» [1, с. 64].

Картины мира бывают разные. И каждая из них отличается своим видением мира и специфическим его объяснением. Картины мира расходятся «не только у разных народов и культур, но и у представителей разных поколений или разных субкультур внутри одной культуры, одного народа» [6]. По мнению Е. С. Яковлевой, картина мира служит чем-то вроде координатной сетки, определяющей смысл и содержание любых воспринимаемых объектов и образов. Это происходит потому, что люди чувствуют и действуют не в соответствии с некими «объективными фактами», но исходя из своих, всегда субъективных, представлений о них.

Картина мира опосредована тем языком, на котором говорит данная группа. Языковая картина мира, или языковая модель мира, языковая репрезентация мира, рассматривается как совокупность знаний человека о действительности. Согласно Т. В. Матвеевой, картина мира (языковая картина мира) в лингвокультурологии – отражённые в языковых формах и категориях представлений народа, говорящего на этом языке, о действительности и человеке по отношению к этой действительности. Картина мира – это целостная совокупность выраженных в языке понятий и представлений о мире, которая формируется в зависимости от экономических, политических, культурных факторов [2, с. 140].

В. А. Маслова отмечает, что языковая картина мира формирует тип отношения человека к миру. Она определяет нормы поведения человека и его отношение к миру. Каждый естественный язык отражает определённый способ восприятия и организации («концептуализации») мира. Выражаемые в нём значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка [1, с. 65].

Итак, мы понимаем языковую картину мира как совокупность всех знаний и представлений человека о действительности, которые выражены в форме языка. Языковая картина мира представлена по-разному у разных народов, разных социальных групп и разных людей. Она обусловлена культурой, религией, географией, политикой, экономикой, возрастом, социальным статусом и т. д. Русская и китайская картины мира по-разному представляются в языках русского и китайского народов.

И здесь мы обратимся к расположению метеорологической лексики в русских и китайских тематических словарях.

Весь материал «Тематического словаря русского языка для башкирской средней школы» Л. Г. Саяховой и Д. М. Хасановой [4] группируется вокруг тематических разделов «Человек», «Общество» и «Природа». Каждый раздел делится на темы, которые, в свою очередь, дробятся на подтемы, и далее на микротемы. Раздел «Природа» делится на темы: «Явления природы», «Земля. Вода. Воздух», «Растения (растительный мир)» и «Животные (животный мир)». Внутри темы «Явления природы» имеются подтемы «Атмосферные явления», «Природные явления на земной поверхности», «Природные явления на водной поверхности», «Климат. Погода» и «Времена года». Подтема «Атмосферные явления» включает в себя микротемы «Движение воздуха», «Световые явления», «Температурные явления» и «Атмосферные посадки».

Новый «Тематический словарь слов и словосочетаний русского языка (с элементами толкования)» Л. Г. Саяховой и Д. М. Хасановой [5], который

составлен на основе «Тематического словаря русского языка» Л. Г. Саяховой, Д. М. Хасановой и В. В. Морковкина под ред. В. В. Морковкина [3], состоит, как предыдущие их словари такого типа, из разделов «Человек», «Общество» и «Природа». Раздел «Природа» здесь делится на темы «Вселенная», «Земля», «Жизнь на Земле» и «Охрана природы и экология». Внутри темы «Вселенная» имеются подтемы «Космос, небесные тела» и «Природные явления». К подтеме «Природные явления» относятся микротемы «Атмосфера. Воздушное пространство», «День и ночь. Дневной свет, ночная тьма», «Времена года», «Климат и погода», «Температурные и атмосферные явления», «Движение воздуха», «Атмосферная влага, осадки» и «Стихийные бедствия, связанные с погодой и космосом».

Каждый народ имеет свои принципы членения внешнего мира, свой взгляд на окружающую его действительность, вследствие чего семантические и тематические системы разных языков, равно как и конституирующие их поля, не совпадают. В «Тематическом словаре современного китайского языка» [8] весь материал делится по трём частям речи, т. е. «Имена существительные», «Глаголы» и «Имена прилагательные». В части «Имена существительные» имеются шесть тем: «Небо», «Земля», «Человек», «Дело», «Предметы» и «Прочее». В тему «Небо» входят такие подтемы, как «Небо», «Звёзды», «Время» и «Атмосферные явления». К подтеме «Атмосферные явления» относятся микротемы «Обычные термины», «Ветер», «Облака и туман», «Радуга», «Дождь и снег», «Иней и роса» и «Гром и молния».

А в «Большом тематическом словаре современного китайского языка» [9] имеются 17 тем: «Космос. Земля», «Жизнь. Живое существо», «Человеческое тело. Здравоохранение», «Человечество. Общество», «Питание. Одежда. Жильё. Имущество», «Чувства. Эмоции. Характер. Поступки», «Мысль. Язык. Информация», «Сельское хозяйство», «Промышленность. Наука и техника», «Движение. Транспорт», «Экономика. Торговля. Профессия», «Политика. Закон. Военное дело», «Образование. Культура. Искусство. Физкультура», «Религия. Народные приметы», «Дела. События. Ситуации», «Материя. Физическое тело» и «Количество». Тема «Космос. Земля» делится на 10 подтем: «Космос», «Свет. Цвет», «Звук», «Атмосферные явления», «Земля», «Море. Река», «Суша», «Время», «Подсчитывание времени» и «Местоположение». Подтема «Атмосферные явления» включает в себя такие микротемы, как «Атмосферные явления. Климат (обычное)», «Атмосфера», «Поток воздуха», «Ветер», «Буря. Ураган», «Подул ветер», «По ветру. Против ветра», «Проветривание», «Дождь», «Мелкий дождь», «Сильный дождь», «Благоприятный дождь. Затяжные дожди», «Гром. Молния», «Иней. Роса», «Снег. Крупа. Лёд. Град», «Идёт дождь, снег и т. п.», «Шум ветра, дождя, грома и воды», «Облака. Туман», «Радуга. Заря», «Низкие и беспредельные облака и туман», «Ясный. Пасмурный», «Тепло», «Жара», «Прохлада», «Холод», «Сухой. Влажный» и «Метеорологические наблюдения».

Замечается различие русской и китайской картин мира также в следующих примерах. В русском языке есть много фразеологизмов с компонентом *ветер* и его производными, которые описывают легкомысленного, несерьёзного человека или такое поведение, отношение к чему-либо человека, что не замечается в китайском языке. Например, *ветер в голове* (суляет, бродит, ходит) у кого; с ветерком в голове; ветер на уме; ветренная

голова (головушка); ветряная мельница; подбитый ветром (ветерком); на взвей ветер; на ветер.

В китайском языке имеется большое количество оноματοпоэтических слов, которые используются как в повседневной речи китайцев, так и в письменном языке. Оноματοпоэтические слова передают миропонимание и мироощущение китайцев. Они обладают высокой продуктивностью, образностью и выразительностью. И для таких слов в русском языке часто трудно найти эквивалент. Обратимся к примерам: *呼呼* – звукоподражание свисту, завыванию ветра; *隆隆* – о шуме грома; *哗哗* – шум, создаваемый дождем или текущей водой; *沙沙* – шуршание, шелест травы, листьев при ветре; *轰隆隆* – раскаты грома; *嗖嗖* – свист ветра; *滴答* – звук капающего дождя; *哗啦啦* – шум падающего дождя или текущей воды и т. д.

Русские фразеологизмы *определять погоду* и *делать погоду* обозначают “иметь решающее влияние на что-либо, задавать тон чему-либо.” Со сходным смыслом в китайском языке имеются фразеологизмы *风云人物* – видная фигура; *герой дня 呼风唤雨* – букв. вызывать ветер, накликав дождь; *повелевать ветрами и дождём*; перен. *повелевать природой, управлять стихией, обществом* и *叱咤风云* – букв. криком вызывать ветер и тучи; перен. *обладать огромной властью, могуществом*, где замечаются более конкретные компоненты о погодных явлениях (ветер, дождь, тучи).

В китайском языке есть гораздо больше, чем в русском, фразеологизмов с метеорологическим компонентом (или компонентами), которые описывают как погоду, так и общественную обстановку, отношения между людьми, внешность и характер человека, также его настроение, чувства и эмоции, желание и пр. Например, в «Большом тематическом словаре фразеологизмов китайского языка» [7] собраны фразеологизмы с метеорологическим компонентом (или компонентами) о погоде: *风平浪静* – без ветра и волны; *полный штиль*; *和风细雨* – умеренный (тёплый) ветер и небольшой (мелкий) дождь; *风和日丽* – легкий ветер, хорошая погода; *雨过天晴* – небо прояснилось после дождя; *после дождя солнышко светит*; *寒冬腊月* – самые сильные морозы; *в период самых сильных холодов* *岁暮天寒* – холодная погода в конце года; о страхе: *不寒而栗* – озябнув дрожать (от страха); *心惊胆寒* – на сердце страх, жёлчный пузырь дрожит; *трепетать от ужаса*; *в сильном ужасе*; *噤若寒蝉* – молчать, как замёрзшая цикада; *не сметь и слова вымолвить*; *闻风丧胆* – при первом же известии (о чём-л.) страшно перетрусить; *风声鹤唳* – ветра шум и крики журавлей; *бояться всего*; *у страха глаза велики*; о гневе: *大发雷霆* – метать громы и молнии; *впадать в ярость*; *прийти в бешенство*; *咆哮如雷* – оглушительно реветь; *громоподобный рёв*;

暴跳如雷 – метать громы и молнии; выйти из себя; взбеситься со злости; **烈火轰雷** – сильное пламя и раскаты грома; вспыльчивый; грозный; о холодности, равнодушии: **冷若冰霜** – холодный, как лёд и иней; быть бесчувственным, равнодушным; **冷眼旁观** – оставаться безразличным зрителем; наблюдать со стороны с безразличием; о внешности человека: **冰肌玉骨** – белая кожа и яшмовые кости (о красавице) **艳若桃李**, **冷若冰霜** – красивая, как персик и слива; холодная, как лёд и иней (о холодной красавице); **威风凛凛** – грозный; воинственный; о хорошем настроении: **满面春风** – с весёлым и приветливым (ласковым) лицом (видом); лицо сияло радостным оживлением; **谈笑风生** – говорить увлечённо, вести интересный разговор; балагурить; **春风得意** – весенний ветер сопутствует удаче; отличное настроение; в восторге; о растерянности, волнении: **闻雷失箸** – при раскате грома выронить палочки для еды (о крайней степени растерянности, удивления); **热锅上的蚂蚁** – словно муравьи, попавшие на горячую сковороду; быть в крайнем волнении; не находить себе места; о сомнении, подозрении, неясности: **如堕五里雾中** – будто в тумане, расплывшемся на пять верст; ничего не соображать; находиться будто в тёмном лесу; теряться в догадках; о желании: **大旱望云霓** – в засуху с большим нетерпением ожидать дождя; ждать с нетерпением и т. п.

Большое количество фразеологизмов с метеорологическим компонентом показывает, что китайцы обращают большее внимание на природу и погоду. Они любят выражать свои чувства и эмоции, мысли, отношение к действительности с помощью метеорологической лексики, и это, вероятно, может объясняться тем, что у них более тесная связь с природой и погодой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маслова В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
2. Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д: Феникс, 2010. – 562 с.
3. Саяхова Л. Г., Хасанова Д. М., Морковкин В. В. Тематический словарь русского языка / Под ред. проф. В. В. Морковкина. М.: Русский язык, 2000. – 560 с.
4. Саяхова Л. Г., Хасанова, Д. М. Тематический словарь русского языка для башкирской средней школы Уфа: Башкирское книжное издательство, 1976. – 144 с.
5. Саяхова Л. Г., Хасанова Д. М. Тематический словарь слов и словосочетаний русского языка (с элементами толкования). Уфа: РИЦ БашГУ, 2009. – 536 с.

6. Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира: модели пространства, времени и восприятия. М.: Гнозис, 1994.
7. 汉语成语分类大辞典/《汉语成语分类大辞典》编写组编. – 呼和浩特: 内蒙古人民出版社. 1987. 6
8. 现代汉语分类词典/徐为民编. 董杰锋, 兴振芳审定. – 沈阳, 1984.
9. 现代汉语分类大词典/董大年主编. –上海: 上海辞书出版社, 2007. 11 (2008. 10重印)

Г. В. Маркелова (Тверь)

АЗБУЧНАЯ РЕФОРМА ПЕТРА И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РУССКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Азбука, данная нам Кириллом и Мефодием, пережила на русской почве две реформы: 1708 – 1710 и 1918 гг. Первая из них проходила при непосредственном участии и личном руководстве Петра Великого. Именно это имел в виду В. Г. Белинский, когда писал, что Петр «должен был сам нарисовать формы новых букв, прежде нежели увидел первый печатный лист, должен был своими державными руками править корректуру» [1, с. 11]. Реформа азбуки стоит в ряду важнейших петровских преобразований, направленных на европеизацию России, и прежде всего на создание нового для России светского типа культуры. Новой культуре нужен был соответствующий литературный язык, а этому языку была необходима графическая «одежда», которая отличала бы его от языка старой культуры – культуры средневекового типа. В связи с этим Петр вместе со своими соратниками и приступает к реформированию книжного шрифта. Правда, конкретное содержание азбучной реформы пока не было для Петра вполне ясным, оно определялось и уточнялось постепенно, по мере работы над новым шрифтом.

Новая азбука мыслилась ее создателями как азбука русского, а не церковнославянского языка. Она должна была отражать реальные звуки русской речи. Поэтому из азбуки планировалось устранить целый ряд букв (главным образом воспринятых из греческого алфавита), которые в русской речи не обозначали особых звуков, а лишь дублировали другие буквы. Так, греческие по происхождению буквы *ι* и *υ* дублировали буквы *е*, существовали буквы-дублиеты для звуков [з], [о], [ф]. Избыточными для русского письма являлись и старославянские юсы: юс большой (**ѣ**, **ѥ**) и юс малый (**ѣ**, **ѥ**). В письменности, созданной Кириллом и Мефодием, юсы обозначали гласные [о] и [е] с носовым резонансом. Однако в русском языке носовые гласные исчезли еще в дописьменную эпоху, и в русской азбуке юсы оказались дублиетами букв, обозначавших звуки [у] и [а]. Буквы-дублиеты перегружали азбуку, были в ней нежелательны. Кроме того, в книгах кирилловской печати по традиции использовались надстрочные знаки, воспринятые славянами от греческой письменности: силы (знаки ударения), титла (использовались при сокращении слов на письме), знаки придыхания. Все эти особенности кириллического шрифта усложняли процесс обучения чтению, а русскому произношению как

бы приписывали несвойственные ему особенности. В связи с этим, приступая к реформе азбуки в 1708 году, Петр приказал исключить из нее девять кириллических букв. Это шесть букв-дублетов: **и** (ижеи), **з** (земля), **ѡ** (ук), **ѱ** (он, омега), **Ѳ** (ферт), **ѳ** (ижица); греческие буквы, обозначавшие сочетания двух звуков **Ѣ** (кси) и **Ѥ** (пси), а также лигатура **Ѧ** (от). Выбирая из двух букв-дублетов одну, Петр ориентировался на латинский шрифт: вначале в новой азбуке он оставил те буквы, которые совпадали с латинскими литерами: **і**, а не **и**, букву **ѡ** (зело), а не **з** (земля). Однако скоро стало ясно, что столь резкие изменения привычного письма могут привести к конфликту с традиционно воспитанной читательской аудиторией и учеными книжниками. Ведь исключенные Петром буквы и надстроочные знаки считались необходимыми в книжном письме по двум причинам: во-первых, они указывали на связь русского письма с греческим языком и тем самым с так называемой семьей священных языков; во-вторых, они использовались для различения значений слов-омонимов и омофонов. Приняв это во внимание, Петр в 1710 г. вернул в азбуку шесть из девяти исключенных букв. В результате вычеркнутыми из алфавита оказались только буквы **ѡ**, **ѱ** и **Ѧ**. В 1710 г. Петр утвердил образец новой азбуки специальным указом. В нем, кроме отмены нескольких старых букв, было узаконено употребление новых букв **Й** и **Э**; вместо старинного **Ѣ** (йотированного е) было утверждено начертание **Ее**, а буква **Я** заменила в гражданской печати еще две старинные буквы – **Ѣ** (йотированный юс малый) и **Ѥ** (йотированное а). В результате петровской азбучной реформы появился алфавит, который более точно отражал звуковой строй русского языка. Не случайно впоследствии именно он стал первоисточником современной русской графики и лег в основу современного печатного шрифта.

Изменилась в новой азбуке и форма букв. Обращая внимание на эту сторону азбучной реформы, М. В. Ломоносов позднее говорил, что наши буквы, подобно боярам, сбросили с себя широкие шубы и нарядились в летние одежды. Действительно, старинный кириллический шрифт воспроизводил рукописный устав XVI в., и буквы в нем писались витиевато, толстыми линиями, с острыми углами. Новый же шрифт выглядел как более простой и менее «важный» (торжественный). Современниками Петра буквы новой азбуки воспринимались как русские с латинским почерком. И это было справедливо. Первоосновой нового шрифта была московская скоропись конца XVII – начала XVIII в. [9, с. 115; 3, с. 87]. Второй графической основой новой азбуки стал простой по начертаниям латинский шрифт антиква [10, с. 39; 11, с. 82 – 114; 9, с. 116]. По его образцу буквы в гражданской азбуке стали более тонкими и округлыми. Впервые в новой азбуке, как в латинице, появились буквы строчные и заглавные. В отличие от старинных кириллических, буквы гражданской азбуки потеряли числовое значение: числа в светской печати стали обозначаться специальными знаками – цифрами.

Противники петровских преобразований оценили новую азбуку отрицательно: говорили, что от нее глаза ломит, что «обритые» буквы и слова «ругательски» обезличены сходством с иноверными языками [3, с. 73]. Учеными, однако, было отмечено, что, «в отличие от многих других своих реформ, реформу шрифта Петр проводил осторожно, постепенно» и над созданием новой азбуки «по его поручению работал целый ряд лиц и в Москве, и за границей более пяти лет» [5, с. 283]. Примечательно, что, при всей устремленности Петра к европеизации русской культуры, у

него не возникало даже мысли о том, чтобы порвать со славянской письменной традицией и просто перевести российскую печать на латинский шрифт. Напротив, петровское изменение азбуки сохраняло ее славянские корни и не разрушало «графических основ церковнославянской письменности» [2, с. 91]. В самом деле, даже новые, впервые введенные буквы гражданской азбуки представляли собой либо скорописную модификацию кириллической буквы (я – скорописный вариант старославянского Ѧ), либо «зеркальную проекцию» старинной славянской буквы (э – повернутая вокруг оси кириллическая буква е), либо кириллическую букву, дополненную надстрочным знаком (ѣ). Поэтому с полным правом можно утверждать, что в гражданском шрифте получила дальнейшее развитие система кириллицы [4, с. 412]. При этом заслуга Петра состоит в рационализации русского шрифта, которая, как определил Б. А. Ларин, заключалась в следующем: буквы теперь более четко различались между собой, а тексты стали более удобными для чтения; был устранен разрыв между печатным шрифтом и письменным; все буквы стали занимать одинаковое место, что к тому же дало экономии бумаги [5, с. 283]. Важно и то, что рационализация азбуки облегчала процесс обучения, а это содействовало более быстрому распространению грамотности, развитию российской науки и просвещения.

Тактичность проведения петровской азбучной реформы проявилась и в том, что область применения нового шрифта с самого начала не была жестко закреплена. Имеются свидетельства, что первоначально Петр намеревался печатать новым шрифтом все вновь издаваемые книги – и светские, и церковные. Так, в письмах 1708 г. Петр несколько раз предлагает для пробы напечатать новой азбукой какую-нибудь молитву – «хотя “Отче наш”» [6, с. 289, 303]. Однако царю, по всей вероятности, было известно о том, что церковь и носители традиционного церковнославянского образования негативно относились к замене шрифта в священных книгах. Они защищали независимость церковной письменной традиции и утверждали, что европеизирующие преобразования для нее невозможны и даже губительны. Так, знаменитый переводчик, справщик и грамматист петровского времени Федор Поликарпов прямо писал о том, что новой азбукой «книгъ црковныхъ печатать невозможно» [Цит. по: 3, с. 75]. Петр, по-видимому, учел это авторитетное мнение, и сфера применения нового шрифта была им ограничена. На первом издании новой азбуки (1710 г.) царь собственноручно написал: «Сими литеры печатать исторические и манифактурныя книги» [7, с. 476]. Кроме светских книг, на новый шрифт была переведена и газета «Ведомости» (издававшаяся с 1702 г.), но сделано это было весьма осмотрительно: новый шрифт вошел в употребление с 1708 года, а «Ведомости» перешли на него только в 1710 году. Однако и после этого (до 1715 г.) некоторые номера газеты печатались старым кириллическим шрифтом. Петр учитывал то обстоятельство, что для многих предполагаемых читателей газеты резкий переход на новую графику будет весьма нелегко. В первую очередь это касалось тех, кто владел лишь традиционной церковнославянской грамотностью. Поэтому наиболее важные номера газеты печатали двумя шрифтами – старинной кириллицей и новым шрифтом или даже одной кириллицей [5, с. 283]. В конце концов кириллицей стали печатать церковные книги, а реформированным шрифтом – светские издания. В связи с этим новая азбука и получила впоследствии название «гражданской», то есть светской, нецерковной.

В заключение отметим, что значение петровской реформы азбуки заключается не только во введенных новшествах, но и в том, что реформаторы ограничились лишь умелой модернизацией традиционного для русской книжности кирилловского письма. Причем, как подчеркивает О. Н. Трубачев, сделано это было настолько удачно, с таким тактом, что другие славяне, пользовавшиеся кириллицей, для своей национальной письменности без колебаний взяли за основу русский гражданский шрифт. «Так красиво, – отмечает ученый, – возвратила Россия свой старинный культурный долг тем славянам, которые раньше нее приобщились к славянскому письму» [8, с. 98].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений. В 12 т. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 3.
2. *Виноградов В. В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII – XIX вв. М., 1982.
3. *Живов В. М.* Язык и культура в России XVIII века. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
4. *Иванова В. Ф., Тимофеева Г. Г.* Реформы азбуки и правописания // Русский язык. Энциклопедия. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1998.
5. *Ларин Б. А.* Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XVIII в.). М., 1975.
6. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. I – XII. СПб., М., 1887 – 1977. Т. VIII, 1.
7. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. I – XII. СПб., М., 1887 – 1977. Т. X, 27.
8. *Трубачев О. Н.* В поисках единства // Русская речь. 1990. № 2.
9. *Успенский Б. А.* Краткий очерк истории русского литературного языка (XI – XIX вв.). М., 1994.
10. *Шицгал А. Г.* Русский типографский шрифт. Вопросы истории и практики применения. М., 1974.
11. *Шицгал А. Г.* Русский гражданский шрифт. 1708 – 1958. М., 1959.

Л. П. Михайлова (Петрозаводск)

АЛГОРИТМ ВЫЯВЛЕНИЯ ЭКСТЕНЦИАЛЬНЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В РУССКИХ ГОВОРАХ

Под экстенциальной единицей понимается модификация общеизвестной или диалектной лексемы, исторически обусловленная воздействием инostrурирующей языковой системы в зоне этнических контактов. В процессе соприкосновения и взаимовлияния языков разного строя – русского и финно-угорских, русского и самодийских, русского и тюркских – наиболее подвижными становились те элементы, которые были сильными и устойчивыми в своей системе и в значительной степени отличными от чужой. Несовпадающие признаки адаптирующихся друг к другу систем активно проникали в соседнюю среду, что привело к их усвоению в

качестве своеобразных элементов во внешнем облике и составе слова в каждом из контактирующих языков.

Длительное сосуществование народов в новых условиях общения, при новой внешней детерминанте для каждого языка [10, с. 74], приводит к возникновению общих языковых признаков, которыми ранее не обладала адаптирующаяся система, то есть происходит обмен сильными (интенциональными) признаками передающей системы и превращение их в экстенциальные в принимающей системе. Каждый из контактирующих языков имеет «*исходное* внутреннее состояние, характеризующее интенциями к изменению» [10, с. 47]. Одновременно система того и другого языка, со своей особой структурой, действует как «*причастное* внешнее состояние, содействующее превращению этих интенций в экстенции и, следовательно, протеканию этих изменений» [Там же].

Существенный вклад в решение сложных вопросов этноязыкового контактирования в последнее время внесли такие ученые, как А. К. Матвеев, И. И. Муллонен, исследовавшие топонимию Русского Севера и Северо-Запада [7; 8; 9; 14], С. А. Мызников, описавший субстратный языковой ландшафт русских говоров Северо-Запада, особенности фонетической субституции и адаптации апеллятивной лексики финно-угорского происхождения [15, с. 304-371], А. С. Герд, выделяющий языковые типы для дославянского периода на территории Верхней Руси [4, с. 69]. Однако исследований, в которых бы уделялось внимание состоянию русской лексики в зонах этнических контактов, исключительно мало [2]. В поле нашего внимания находится русская или диалектная лексика, изменившая внешний облик под влиянием соседней языковой системы.

Несогласованность системных признаков русского и неродственных иноструктурных языков обнаруживается прежде всего в особенностях ударения, в составе гласных и согласных звуков, в характере начального слога, в строении словоформы и т. п. (ср. *гáлик* < *го́лик*, *ро́йдти* < *про́йти*, *богáться* < *бодáться*, *ебрó* < *ребрó* и др.) К настоящему времени частично описана лексика с экстенциальными признаками, зафиксированная в диалектных словарях [11; 12]. Автором обнаружено более 4000 лексических единиц такого рода.

На пути определения причины, приведшей к преобразованию известного слова, встают значительные трудности. Хотя бы гипотетическому решению вопросов о путях возникновения экстенциальных лексических единиц может способствовать, на наш взгляд, следующий ряд действий.

1. Первый этап – обнаружение в говоре лексической единицы, несущественно отличающейся от известного слова по составу фонем, а следовательно – определение самого отличительного признака, например: а) *одá* – *водá*, б) *оржéни́ца* < *рожéни́ца*, в) *улькóза* – *глюкóза*, г) *áвия* – *овiя* < *овéять* и т. п. . Одновременно выявляется вопрос о закономерности данного явления в русском языке. В приведенных примерах наблюдается: а). отсутствие начального звука [в] перед гласным, б). метатеза гласного и плавного [р] для ликвидации начального [р], в). сокращение начального сочетания согласных до одного плавного с последующей метатезой плавного [л] и гласного звуков, г). перетяжка ударения на предшествующий слог с одновременным переходом [о] > [а]. При отсутствии внутренних причин выявленных изменений (как в указанных единицах) идет дальнейший поиск причин.

2. Для установления конкретного явления, повлиявшего на внешний облик слова, проводится сопоставительный анализ элементов, характерных для русской и соседней иноструктурной фонологической системы [1; 3; 5; 6; 16], в результате которого устанавливаются несовпадающие признаки систем. Именно эти признаки могут быть сильными в процессе воздействия на адаптирующиеся слова. Контрастивные признаки систем – важнейший фактор в языковой интерференции. Важен также учет исторических процессов в иноструктурных системах, оставивших свой след в виде застывших элементов.

В соответствии с указанными примерами существенными оказываются такие особенности, как отсутствие скопления согласных в начале слова в финно-угорских [6, с. 119] и тюркских языках [3, с. 528], отсутствие начального [р, л] в тюркских [16, с. 158], ударение на первом слоге в прибалтийско-финских языках [5, с. 29]. Последнее явление способствовало удлинению гласного (*гáлик, áвия*)

3. Комплексный сопоставительный анализ особенностей структурных различий ведет к составлению списка воздействующих с внешней стороны явлений, то есть к определению относительно полной системы экстенциальных признаков.

4. В работе с русской лексикой, имеющей элементы, на которые может воздействовать иноязычная система (что, естественно, становится ясным после определения всех контрастивных признаков сопоставляемых систем), осуществляется поиск возможных фонетических вариантов. Примеры: *блык-* > *облык-*, *балык-*, *лык-*, *блыг-*; *гверст-á* > *верст-*, *гаверст-*, *говерст-*, *гуверст-*, *гверзд-*, *гварзд-*, *хвержд-*, *зверст-*, *жерств-* [13, с. 39-49].

5. На конечном этапе устанавливается группа родственных слов, обладающих экстенциальным признаком не только на синтагматическом уровне (что чаще проявляется в лексико-фонетических вариантах типа *одá – водá*), но и на парадигматическом. В последнем случае вариант приобретает признаки самостоятельного слова, образует свое словообразовательное гнездо.

Со временем, при забвении связи исходного слова и экстенциальной единицы, первоначально возникший лексико-фонетический вариант может восприниматься в качестве необъяснимого с точки зрения этимологической и приобретать статус обычного диалектного слова. Установление истинных словарных связей становится задачей лексиколога. Ср. лексемы *рату́га* ‘большое количество, множество чего-л. сложного, увязанного и т. д.’ Ямб. Петерб. [18, с. 340] и *проту́га* ‘ветки, хворост, закладываемые внутрь стога, клади снопов для их укрепления’ Калуж. [17, с. 13]: в первой отражено упрощение *tt-* > *t-*, в результате чего вместо привычной приставки *про-* появился неясный в морф *ра-*, который срastaется с корнем.

Нами намечены лишь основные ступени на пути поиска экстенциальных лексических единиц. Первая из них – самая простая – ориентирует исследователя на выделение в особый разряд лексико-фонетических вариантов и выделение среди них единиц с признаками внешнего воздействия. Все последующие ступени ведут исследователя не только к выяснению, хотя бы гипотетическому, причин возникновения анализируемых единиц и установлению этимологии, но и решению вопросов о их месте в русской лексической системе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бармич М. Я. Ненецко-русские языковые связи // Контактологический энциклопедический словарь-справочник. Вып. I: Северный регион. Языки народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в контактах с русским языком / Российская АН; – отв. ред., сост. В. М. Панькин. – М.: АЗЪ, 1994. – С. 141–151.
2. Востриков О. В. Финно-угорский субстрат в русском языке. – Свердловск: УрГУ, 1990. – 100 с.
3. Гаджиева Н. З. Тюркские языки. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М: «Советская энциклопедия», 1990. – С. 527–529.
4. Герд А. С. Верхняя Русь в свете данных русистики // Очерки исторической географии: Северо-Запад России: Славяне и финны / А. Алквист, В. А. Булкин, И. Ю. Винокурова и др.; Под общ. Ред. А. С. Герда, Г. С. Лебедева. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2011. – С. 59–71.
5. Лаанест А. Прибалтийско-финские языки. Основы финно-угорского языкознания (прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки). – М.: 1975. – С. 5–122.
6. Лыткин В. И. Сравнительная фонетика финно-угорских языков. Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). – М. 1974. – С. 108–213.
7. Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера Часть I. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. – 346 с.
8. Матвеев 2004 Субстратная топонимия Русского Севера Часть II. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. – 369 с.
9. Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера Часть III. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2007. – 296 с.
10. Мельников Г. П. Системная типология языков: Принципы, методы, модели / отв. ред. Л. Г. Зубкова. – М.: Наука, 2003. – 395 с.
11. Михайлова Л. П. Системообразующие возможности экстенционального варианта русского слова // Слово и текст в культурном сознании эпохи: Сб. науч. трудов. Часть 5 // отв. ред. Г. В. Судаков; Департ. образования Волог. обл.; Вологод. гос. пед. ун-т. – Вологда: Легия, 2010. – С. 100–105.
12. Михайлова Л. П. Экстенциональный вариант слова в отношении к лексической системе диалекта // Русская речь в современных парадигмах лингвистики: Материалы Международной научной конференции (Псков, 22–24 апреля 2010 г.). Т. 1 / под ред. Н. В. Большаковой, Л. Я. Костючук, Т. Г. Никитиной, Л. М. Попковой. – Псков: ПГПИУ, 2010. – 276 с. – С. 129–134.
13. Михайлова Л. П. О степени влияния иноязычной фонетической системы на русскую лексику Севера и Северо-Запада // Севернорусские говоры: межвуз. сб. Вып 11. / отв. ред. А. С. Герд. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2010. – С. 34–49.
14. Муллонен И. И. Топонимия Присвирья: Проблемы этноязыкового контактирования. – Петрозаводск: ИЯЛИ Карельского НЦ РАН, 2002. – 354 с.
15. Мызников С. А. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: Этимологический и лингвогеографический анализ. – СПб.: Наука, 2004. – 492 с.

16. Тенишев Э. Р., Поцелуевский Е. А., Дыбо А. В. Тюркские языки // Языки народов Российской Федерации и соседних государств: энциклопедия в 3 т. / Ин-т языкознания. – М.: Наука, 2001-. Т. 3. – 2005. – С. 154-158.
17. Словарь русских народных говоров. Вып. 33 / гл. ред. Ф. П. Сороколетов. – СПб.: Наука, 1999.
18. Словарь русских народных говоров. Вып. 34 / гл. ред. Ф. П. Сороколетов. – СПб.: Наука, 2000.

Г. А. Мусатова (Рязань)

СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С УСТУПИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ СЕМАНТИКОЙ

Система сложноподчинённого предложения со значением уступки включает в себя 3 микрополя: 1) микрополе реально-уступительного значения; 2) микрополе уступительно-предположительного значения; 3) микрополе усилительно-уступительного значения. Основным принципом их выделения является строение синтаксических единиц и их семантика, которая предполагает взаимодействие грамматических, лексических и структурных признаков.

В данной статье мы рассмотрим один из конstituентов микрополя реально-уступительного значения – уступительно-сопоставительные предложения.

Сложноподчинённые предложения с уступительно-сопоставительными придаточными располагаются на периферии микрополя реально-уступительного значения и выражают, наряду с уступительным, значение сопоставления.

В уступительно-сопоставительных конструкциях устанавливается различие, несоответствие между явлениями, фактами, предметами; противоречивость связи здесь ослаблена.

*...ему на вид можно дать двадцать пять лет, **хотя** ему едва ли двадцать один год! (М. Ю. Лермонтов «Герой нашего времени»).*

*И **хотя** это сознание одинаковости положений и внушало Ромашову колючий стыд и отвращение, но в нём было также что-то необычайное, глубокое, истинно человеческое (А. И. Куприн «Поединок»).*

В выражении уступительно-сопоставительного значения участвуют союзы **хотя (хоть)**, **несмотря на то что**, **пусть**, **пускай**, **правда...но**.

*Нехлюдову, **несмотря на то что** он ничего, кроме самых добрых чувств, не питал к сестре и ничего не скрывал от неё, теперь было тяжело, неловко с ней и хотелось поскорее освободиться от неё (Л. Н. Толстой «Воскресение»).*

***Хотя** в Миргороде пекутся бублики из чёрного теста, но довольно вкусны (Н. В. Гоголь «Миргород»).*

Союзом-доминантой в предложениях с уступительно-сопоставительным значением является союз **хотя (хоть)**: *...я рад был встрече с людьми, **хотя**, в сущности, радоваться было нечему (А. Герцен).*

Слово **правда**, выступая в роли союза, реже участвует в выражении уступительно-сопоставительных отношений: ***Правда**, пожизненные ссылки поселенцы... денежного содержания не получали, **но** безвозмездно или им от казны шубы, вся одежда и обувь* (А. И. Солженицын).

Сопоставительная семантика формируется благодаря лексическому наполнению частей предложения: наличию слов или словосочетаний, которые или антонимичны, или противопоставлены друг другу в каком-либо отношении.

***Пусть** они нас проклинают, а мы их всё-таки будем любить; они не устоят* (Ф. М. Достоевский «Униженные и оскорблённые»).

В центре сопоставления может находиться одно и то же лицо или предмет (действия одного и того же лица, его внутренняя сущность и производимое им впечатление; части одного явления, предмета).

*Пьер не стал есть, **хотя** ему и очень хотелось.*

***Хотя** в ней есть вещи, которые трудно понять слабому уму человеческому, но это превосходная книга* (Л. Н. Толстой «Война и мир»).

*С какой-то досадою и завистью глядел кузнец на такую весёлость и на этот раз проклинал колядки, **хотя** сам бывал от них без ума* (Н. В. Гоголь «Ночь перед Рождеством»).

Сопоставляться могут разные лица, предметы, явления.

*В большой пустой зале было прохладно и темно, **несмотря на то что** на дворе стоял жаркий, сияющий день* (А. И. Куприн «Поединок»).

*Он был поэтом бедняков, **несмотря на то что** короли считали за честь пожать его сухощавую руку* (К. Г. Паустовский «Сказочник»).

*...**хоть** барышня, может, и смешна, всё же я перед нею дура безграмотная* (А. С. Пушкин «Барышня-крестьянка»).

Уступительно-сопоставительные предложения могут осложняться дополнительными оттенками значения, которые вносят противительные союзы или союзные частицы. Например, в предложении ***Правда**, она очень любит спорить, **но зато** сердце... какое сердце!* (А. П. Чехов) присутствует дополнительный оттенок возмещения, показателем которого является сочетание союзов **но зато**.

Для уступительно-сопоставительных предложений характерны следующие соотношения видо-временных форм глаголов:

1) в придаточном и главном предложениях – формы прошедшего времени совершенного и несовершенного вида:

***И хотя**, если разобрать их, слова эти или не имели никакого, или имели очень неопределённый смысл, они Нехлюдову показались необыкновенной глубины, искренности и доброты* (Л. Н. Толстой «Воскресение»).

***Несмотря на то что** в Москве Ростовы принадлежали к высшему обществу, ... в Петербурге общество их было смешанное и неопределённое* (Л. Н. Толстой «Война и мир»).

***Хотя** он в глубине души знал, что свет закрыт для них, он пробовал, не изменится ли теперь свет и не примут ли их* (Л. Н. Толстой «Анна Каренина»).

*Старик чувствовал потребность ссоры, **хотя** сам страдал от этой потребности* (Ф. М. Достоевский «Униженные и оскорблённые»).

2) в придаточном и главном предложениях – формы настоящего времени совершенного и несовершенного вида:

...хотя противоречия интересуют её, сама она не любит возбуждать их (М. Горький «Жизнь Клима Самгина»).

3) в главном или придаточном предложении – сказуемое составное именное (с именной частью существительным или кратким прилагательным):

Она была не красавица, хотя черты её были довольно правильны (М. Ю. Лермонтов «Княгиня Лиговская»).

Он, очевидно, был очень важен, хотя, по её словам, он состоял «из самых последних пустяков» (Н. С. Лесков).

Данный тип сказуемого используется, как правило, в предложениях для описания внешности или внутреннего состояния героя.

Итак, уступительно-сопоставительные предложения являются конститuentами микрополя реально-уступительного значения. Данные конструкции совмещают в себе уступительное значение недостаточной причины и совершившегося вопреки ей следствия с сопоставительной характеристикой явлений и предметов.

Анализ видо-временной соотнесённости сказуемых, порядка слов и лексического наполнения частей рассматриваемых конструкций показывает, что для уступительно-сопоставительных предложений характерен структурный параллелизм: «...части сложного предложения построены по одному типу, и слова в них располагаются в одном и том же порядке» [1, с. 23].

...хоть он всегда был очень смел, но ещё недавно он вам казался интересен в серой шинели (М. Ю. Лермонтов «Герой нашего времени»).

ЛИТЕРАТУРА

1. Белошапкина В. А. Сложное предложение в современном русском языке. Некоторые вопросы теории. М.: Просвещение, 1967. – 160 с.

Мяосюй Юань (Москва)

ПРЕДЛОЖНО-СУБСТАНТИВНЫЕ СОЧЕТАНИЯ С УСТУПИТЕЛЬНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ

Уступительные отношения в качестве одного из типов отношений обусловленности имеют семантически ситуативный характер и минимум две ситуативные структуры, поскольку одна ситуация не является достаточным основанием для того, чтобы отменить другую. Эти две взаимоисключающие ситуации сосуществуют в одном предложении, «отношения между ними представляются как соединительные» [1, с. 586]. Наиболее очевидным способом уступительные отношения выражаются сложноподчиненными предложениями с уступительными союзами *хотя, несмотря на то что* и др.

В русском синтаксисе уступительные конструкции привлекали и привлекают к себе внимание многих исследователей. В данной статье делается попытка описания уступительных отношений, выраженных глагольными конструкциями с предложно-субстантивным сочетанием. Как отмечает М. В. Ляпон, «значение недостаточного (отвергнутого)

основания, присутствующее в уступительной связи, может быть подчеркнуто (актуализировано) или ослаблено» [1, с. 587]. Опираясь на классификацию уступительных отношений данного исследователя, в зависимости от ситуаций, включенных в глагольные конструкции с предложно-субстантивным сочетанием, мы выделяем два их типа: предложно-субстантивные сочетания, выражающие собственно-уступительные отношения и уступительно-сопоставительные отношения.

В конструкциях, выражающих **собственно-уступительные отношения**, глагольная часть представляет собой фактическое следствие, противоположное имеющемуся основанию, предложно-субстантивное сочетание – препятствующее, но недействительное основание. В данных конструкциях наиболее часто употребляется предлог **несмотря на**, способствующий соединению с существительными конкретно-предметного значения, которым выражается событие-уступка. Этот предлог характеризуется как стилистически нейтральный, при этом его позиция в предложениях не фиксирована; например: *Москвичка умерла от пневмонии, **несмотря на** назначенное лечение (МК, 11 ноября 2009 г.); **Несмотря на** ужесточение норм безопасности, возможность тяжелых аварий сохраняется (МК, 14 октября 2009 г.); К некоторым клиентам закрытки выезжают на работу или на дом. Но это большая редкость – в основном заказчики, **несмотря на** звания и занимаемые посты, идут к ним (МК, 09 декабря 2009 г.).*

Проанализировав глагольные конструкции с предлогом **несмотря на**, можно отметить, что они представляют собой свернутые предложения; поскольку трансформируются в сложноподчиненные предложения; например: ***Несмотря на** проливной дождь, после того как вспыхнул олимпийский огонь, город гулял чуть ли не до утра (Время новостей, 15 февраля 2010 г.); ср.: **Несмотря на то, что** шел проливной дождь, после того как вспыхнул олимпийский огонь, город гулял чуть ли не до утра.*

Предлог **невзирая на** синонимичен предлогу **несмотря на**, но реже употребляется в подобных конструкциях, поскольку он принадлежит к книжному стилю речи: *Кроме того, **невзирая на** свою репутацию высококоловых интеллектуалов, участники группы всегда были равнодушны к низовым жанрам (Ведомости, 04 марта 2011 г.); На международном рынке есть инструменты, приносящие небольшой, но стабильный доход, **невзирая на** финансовые кризисы и катаклизмы (Ведомости, 18 февраля 2011 г.); Мансарды, например, в Париже стоят дороже других этажей, **невзирая на** неудобство (Ведомости, 15 ноября 2010 г.).*

В предложно-субстантивных сочетаниях с собственно-уступительным значением встречается также предлог **вопреки**, который тоже выражает уступительное значение, но принадлежит к книжному стилю речи. Опорным словом данных сочетаний является существительное пропозитивного значения, выполняющее предикатную функцию, при этом оно часто представляет собой имена, называющие способ оформления мысли: *На первой строке рейтинга **вопреки** ожиданиям оказалась не матерая звезда, а молодой актер Шайя Лабеф (Деньги, № 35 от 2010 г.); В 15 городах Московской области были выявлены игровые залы, функционировавшие **вопреки** требованиям федерального закона (Ведомости, 21 февраля 2011 г.); Ученые выяснили, что **вопреки** ра-*

нее принятой теории не все люди в одинаковой степени стремятся к самопроверке (Ведомости, 16 февраля 2011 г.).

Близок по значению к предлогу **вопреки** предлог **против**, круг их сочетаемости с существительными во многих случаях совпадает. Предлог **против**, как и **вопреки**, часто употребляется с существительными, связанными с мыслительной деятельностью: **Против** его ожиданий, **соглашение** **согласилось** с оценками разведчика ситуации в Германии (Независимая, 20 ноября 2009 г.); Однако вскоре «Родина» **против** ожиданий стала мутировать в национал-популистскую конгрегацию, нацелившуюся не на «осоциал-демокративание» коммунистического электората, а на борьбу за электорат ЛДПР (Независимая, 05 февраля 2010 г.); Приговор Ходорковскому был навязан **против** воли судьё Виктору Данилкину (Независимая, 14 февраля 2011 г.).

Собственно-уступительное значение выражается также при помощи предлогов **наперекор** и **сверх**, которыми вводится противоположное следствие сообщению, например: Руководство железнодорожников **пошло** на смену наставника **наперекор** мнению болельщиков (Ведомости, 04 марта 2011 г.); Работа суперколлайдера все это время была **сверх** всяких ожиданий более чем успешной (Независимая, 09 февраля 2011 г.).

В рассматриваемых конструкциях встречаются и такие предлоги, которые подчеркивают не только противоположность уступки и следствия, но и сосуществование событий, связанных уступительными отношениями: **безотносительно**, **независимо от** и его вариант **в независимости от**: Этот вывод делался автоматически, **безотносительно** к доле рынка самих поставщиков (Ведомости, 17 ноября 2010 г.); Сейчас, в преддверии коррекции или консолидации на рынке акций, имеет смысл инвестировать именно в дивидендные истории, ведь дивиденды выплатят **независимо от** динамики рынка (Ведомости, 04 марта 2011 г.); Американцы **в независимости от** возраста и места в служебной иерархии обращаются друг к другу на «ты» (Независимая, 23 декабря 2010 г.).

В лексическом составе рассматриваемых конструкций обнаруживаются достаточно стабильные элементы, которые играют вспомогательную роль для подчеркивания противоположного ожидаемому следствия. К числу их можно отнести частицы **все-таки**, **все равно**, **все же** и наречие **по-прежнему**: **Несмотря на** столь лестные высказывания о дружеских отношениях, между Баку и Тегераном **все-таки** есть проблемы (Независимая, 15 октября 2010 г.); Найти желающих вкладывать деньги в инвалидов, **несмотря на** Год равных возможностей, **все равно** непросто (МК, 09 декабря 2009 г.); **Несмотря на** все внешние изменения в структуре нашей власти и структуре нашей экономики, **все по-прежнему** управляется в ручном режиме. Все по-прежнему рулят из одного единого центра (МК, 04 декабря 2009 г.); Это настоящая удача, поскольку, **вопреки** расхожему мнению, плохих **все же** больше (Итоги, № 31 от 2008 г.).

В данных конструкциях с собственно-уступительным значением употребляются и предлоги, не специализирующиеся на выражении уступительного значения, например **при**, **без**. Обороты с предлогом **при** могут вступать в разнообразные смысловые отношения: временные, пространственные, условные и уступительные. В отличие от предлога **несмотря на**, уступительное значение которого понятно и без основной части предложения, значение предлога **при** раскрывается только в составе всего предложения. Важной особенностью предлога **при** является его

сочетаемость преимущественно с абстрактными существительными: Суд отказался признать остров Змеиный частью прибрежной линии Украины **при** делимитации континентального шельфа и исключительной экономической зоны (Независимая, 11 марта 2011 г.); **При** значительном превосходстве одного из играющих фаворит получает на всю партию всего лишь две минуты против двадцати минут у противника (Независимая, 04 марта 2011 г.). В оборотах с предлогом **при** часто содержатся слова **весь, абсолютный**, которые указывают на высокую степень проявления событий-уступок: **При всех** очевидных сложностях, связанных с его растущей популярностью, к Курентзису в театре привыкли, подстроились – и относятся с большим уважением (Независимая, 10 марта 2011 г.); Еще находка – это беззастенчивость в перенесении действия куда угодно (куда только может занести его фантазия) **при абсолютном** игнорировании мотивировок и сообразности с реальностью (Независимая, 03 марта 2011 г.).

Предлог **без** выражает собственнo-уступительное значение в сочетании с очень ограниченным кругом лексем: Тогда диссидентов после ареста обычно **без** нужды томили полгода в следственном изоляторе (Независимая, 02 сентября 2009 г.); У нас еще свежи воспоминания о том, как Советский Союз **без** нужды вязался на целое десятилетие в кровавый конфликт (Независимая, 29 января 2009 г.); Обвиняемый **без** разрешения следователя отлучается с зарегистрированного места проживания или пребывания или с места временного нахождения (Независимая, 30 декабря 2010 г.); На Старой площади **без** разрешения установлен ограничивающий движение шлагбаум (Независимая, 26 августа 2010 г.).

Второе значение глагольных конструкций с предложно-субстантивным сочетанием, выражающим уступительные отношения – **уступительно-сопоставительное значение**. В данных конструкциях устанавливается различие, несоответствие между явлениями, фактами, предметами; противоречивость связи здесь ослаблена. В анализируемых предложениях с данной семантикой встречаются обороты с предлогом **несмотря на**, при помощи которого выражается событие-уступка, не соответствующее событию-следствию в основной части предложений. В некоторых случаях мы говорим об антонимическом лексическом наполнении. Позиция предлога **несмотря на** в предложениях не фиксирована: В этом году, **несмотря на сокращенное** финансирование, участников форума было на 300 человек **больше**, чем в прошлом (Труд, 15 февраля 2010 г.); **Несмотря на многочисленные** спецоперации, правоохранительные органы Чечни и Ингушетии довольно **редко** признаются в гибели мирных жителей (Время новостей, 15 февраля 2010 г.); Я люблю Симонова, считаю достойнейшим человеком, **несмотря на** ошибки, заблуждения и ужасы, с которыми ему пришлось жить (Итоги, № 31 от 2008 г.).

Для выражения уступительно-сопоставительного значения также употребляется недифференцированный предлог **при**. Несоответствие между явлениями, выраженными с помощью предлога **при**, часто заключается в количествах: Ленка **при** своем довольно скромном бюджете в 15 млн зеленых собрала уже больше 200 в мировом прокате (Независимая, 28 февраля 2011 г.); Как установило следствие, в 2008 году по той же схеме он продал из Росрезерва 35,8 тыс. тонн мазута, признав его некондиционным, – за сумму немногим более 2 тыс. рублей **при** его реальной стоимости 314 млн руб. (Независимая, 28 февраля 2011 г.).

Таким образом, исследование глагольных конструкций с предложно-субстантивным сочетанием показывает, что данные конструкции выражают собственно-уступительное значение и уступительно-сопоставительное значение. Собственно-уступительное значение актуализируется как специализированными на подчеркивании уступительного значения союзами *несмотря на, невзирая на, вопреки, против, наперекор, сверх, безотносительно, независимо от (в независимости от)*, так и неспециализированными предлогами *при, без*. В конструкциях с уступительно-сопоставительным значением встречается преимущественно составной предлог *несмотря на* и простой предлог *при*, которые гораздо менее разнообразны, чем в конструкциях с собственно-уступительным значением.

Исследование семантики данных предложений необходимо не только для глубокого понимания глагольных конструкций с предложно-субстантивным сочетанием, но и для рекомендации использования разных способов выражения уступительных отношений в переводческой практике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ляпон М. В. Предложения, выражающие уступительные отношения // Русская грамматика. В 2-х т. Т. 2.: Синтаксис. – М.: Наука, 1980. С. 586–594.

Л. Н. Новикова (Тверь)

ЛЕКСИКА ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В ТВЕРСКИХ ГОВОРАХ

Продолжительное соседство говоров и литературного языка обеспечивает их постоянное взаимодействие. Для многих людей средством коммуникации является тот или иной говор, уже достаточно поколебленный как целостная система под влиянием литературного языка, «представляющий собой ... индивидуализированный неопределенный языковой этап на пути коренной перестройки говора по модели литературного языка» [2, с. 156].

Процесс перехода от диалектного говорения к литературному протекает неравномерно в разных ярусах языковой системы, потому что они характеризуются разной степенью проницаемости и разной степенью устойчивости в отношении внешних воздействий и, в первую очередь, воздействия литературного стандарта. В этом отношении особенно проницаема лексика, причём процесс отхода от диалектной лексики тоже очень неравномерен и противоречив и с разной степенью интенсивности протекает в разных звеньях лексической системы отдельного говора.

Лексические системы говоров и литературного языка имеют разный социальный статус: система говора иерархически подчинена системе литературного языка, и процесс их взаимодействия детерминирован как интралингвистическими, так и экстралингвистическими факторами. Внешнее влияние на говор определённое всего можно обнаружить в том

случае, если оно выражается в заимствовании слов из другой лексической системы, например из литературного языка, и если при этом их можно квалифицировать как заимствованные, а не как исконные для данного говора.

Другим фактором, влияющим на процесс взаимодействия двух систем, является отсутствие зрительного образа, закрепленного графически, у носителя диалекта и привычного для носителя литературного языка. Такой зрительный образ корректирует фонематический состав слова и служит сдерживающим началом, сопротивляющимся внешним, случайным ассоциациям, которые могут возникнуть при быстром и небрежном воспроизведении звукового образа слова в потоке речи.

Движение литературных слов в диалекты обусловлено общими процессами, происходящими во внеязыковой действительности, в реальной жизни. Общность внеязыковой ситуации современного города и деревни вызывает естественную потребность обращения диалектов к словарю литературного языка: *Ты на сынаней иждивении находилась или на мужниной?*

Современный диалектный контекст состоит из комбинации лексико-фразеологических элементов говора и литературного языка. Обилие литературных слов, глубоко вошедших в крестьянскую среду, их тематическая разноплановость являются свидетельством влияния литературного языка на языковую структуру говора. Процесс изменения словарного состава говора двусторонний: во-первых, исчезает устаревшая лексика с исчезновением реалий деревенского быта; во-вторых, появляются новые слова с появлением новых реалий в диалектах. Процессы освоения литературной лексики в диалекте протекает неравномерно на огромной территории русского языка. Универсальное условие заимствования лексики литературного языка – это необходимость быстро восполнить недостающие звенья лексической системы. Поэтому, чем теснее объективные связи: социально-политические, семейные, культурные, тем выше необходимость лексического восполнения. Экстралингвистическая связь взаимодействия современного города и деревни – основа современного культурно-исторического момента заимствования.

При контактах диалектно-литературных, в отличие от контактов разных языков, должны сохраняться все социальные преимущества литературной лексики. При заимствовании литературным языком, с его опорой на норму и стилевую организованность, слова из другого языка строже выступают семантико-стилевая дифференцированность заимствованного слова и его русского аналога. При освоении диалектной системой литературного слова это проявляется в меньшей степени. Слово литературного языка считается в говоре освоенным, если оно правильно воспроизводится не только по форме и содержанию, но и сохраняет свои системные отношения в языке. Если диалектная система навязывает новому слову свои структурные и языковые признаки, деривационные или фразеологические, то в этом случае преждевременно говорить об освоении литературного слова говором. Хотя надо отметить, что в большинстве случаев трансформация фонетического или морфологического облика слова не создает коммуникативной ущербности высказывания, не мешает общению не только носителям говора между собой, но и с литературно говорящим собеседником: *в радие играют; райдуга на полнеба; редче дочь стала приходить, сын у них полумный; давленью хочу померить, голова болит; компьютеру внуку купили; в больницу поехали;*

внучка в училищу на дохтура поступила; колодно сегодня; ехать по метру надо; в Нялидову поехал и др.

Соотнесение входящего в говор литературного слова с узуально-нормативным представлением системы литературного языка – залог единообразования слова. Так как диалектная речь с отсутствующими кодифицированными нормами постоянно стимулирует варьирование языковых средств, то единообразия должно стать тем критерием, который способен объединить литературный язык и диалекты. Но, как правило, освоение литературного слова проходит через ступень адаптации к фонетической, морфологической системе говора. Например, если в говоре отсутствует ассимилятивное смягчение согласных, то заимствованное из литературного языка слово *пенсия* произносится как [п'э́нс'и́ја], если в фонетической системе говора есть прогрессивная ассимиляция по глухости/звонкости, то оно произносится как [п'э́нз'и́ја]. Однако в диалектных производительных нормах существенную роль играет возрастной фактор. Те же слова в речи младшей или средней возрастной группы произносятся как в литературном языке, и, таким образом, под влиянием возрастной дифференциации коллектива нарушается единое словоупотребление, что обеспечивает языковую динамику. Ведущую роль в освоении новых для говора слов играет знание предмета, денотата номинации, что способствует сохранению тождества слова, несмотря на многочисленные и разнообразные трансформации звуковой оболочки, при этом семантика литературных слов тождественна диалектной.

При переходе слова из одной лексико-семантической системы в другую иногда наблюдается семное несовпадение слов говора и литературного языка. Например, глагол *воспитывать* имеет в тверских говорах значение 'кормить, одевать': *Девка выйдет замуж, кто меня воспитывать станет, я уж старая*. По сравнению с литературным языком, в котором этот глагол имеет следующие значения: 1. Вырастить, дав образование, обучив правилам поведения; 2. Путем систематического воздействия, влияния сформировать чей-н. характер; 3. Привить, внушить что-н. кому-н. [1, с. 85] – произошло расщепление смысловой структуры и закрепление одного из значений, причем в суженном варианте. Лексема *бал*, имеющая в литературном языке значение 'большой танцевальный вечер' [1, с. 31], в тверских говорах имеет более узкое значение 'праздник по поводу именин': *Завтра Елисаветин день, именины мне, на бал всех позову*. Слово *бумага* из двух значений, закрепленных в литературном языке: 1. Материал для письма, а также для других целей, изготовленный из древесной или тряпичной массы; 2. Официальное письменное сообщение, документ, рукопись [1, с. 56], – в тверских говорах используется более активно во втором значении: *Тебе бумагу из военкомата принесли*.

Воспринимающая система диалекта осваивает в говоре те семы или семемы, которые актуальны для носителей диалекта не с лингвистической стороны, а с точки зрения соотнесения с обиходно-смысловым денотатом. Поэтому абстрактная лексика претерпевает различного рода модификации, связанные с конкретизацией значения. Например, при освоении слова *культура* система диалекта отбирает конкретные составляющие семантической структуры данной лексемы, а именно, обозначение сторон деревенской жизни, противопоставленных городской, способных олицетворять то, что деревенские жители именуют культурой: домашний быт, речь, образование. *Молодым-то надо культуру: свет,*

радиво; а у нас народ культурный, скота в избе не держит; в речи она культурна. Из примеров видно, что *культурный* – это соответствующий городскому образу жизни. Относительно свободное употребление, широкая ассоциативность приводит к тому, что слово *культурный* переходит в сферу моральной стилистики: *Ишь кака обряжуха, вся в шерсти ходит, с виду культурненька, а сама поганенька; зять культурный такой, хороший, неломливый.*

Таким образом, слова литературного языка, воспринимаемые диалектами, проходят естественный семантический путь. Как единицы языка, в которых заложены указания на определенные признаки, они поддаются воздействию диалектной речи со всеми присущими ей особенностями. Сам факт регулярного воспроизведения литературного слова в речевой деятельности носителя говора и есть верный показатель освоенности слова в диалектной системе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1987.
2. Осовецкий И. А. Лексика современных русских народных говоров. М., 1982.

С. С. Олефир (Коломна)

К ВОПРОСУ О ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ

Тема данной статьи касается общей проблемы, которая активно обсуждается в последнее время отечественными лингвистами. Проблема эта – модальность, содержание данного понятия и функционирование в различных языковых уровнях. В современных лингвистических исследованиях признается, что модальность, как лингвистическое понятие, не имеет общепринятого и исчерпывающего различные его аспекты определения. Этим объясняется существование в современной филологической литературе множества различных представлений и взглядов на модальность. Чем больше лингвистических исследований в этой области, тем больше противоречивых толкований и определений модальности. Нет научно обоснованного ответа на вопрос: модальность – это понятие или категория?

Проблема заключается в том что, термин модальность находится на стыке формальной логики, лингвистики, философии и аксиологии. С одной стороны, он не может иметь единого определения – каждая из перечисленных сфер научного знания имеет свой сложившийся веками понятийный аппарат. С другой стороны, определения, даваемые в разных сферах употребления этого термина не должны находиться в непреодолимом (антагонистическом) противоречии между собой, поскольку во всех аспектах научного осмысления этого феномена речь идет об одном процессе – процессе отражения человеческим сознанием предметов и явлений действительности. Лингвистика в этом процессе занимает важное место, поскольку ни одна сфера научного знания (кроме матема-

тики) не может обойтись без языкового выражения своих взглядов и представлений. Решение этой научной, но не лингвистической проблемы в плане синтезирования разнородных научных представлений ещё не найдено. Поэтому филологи вынуждены пока мириться с ситуацией, когда «в объем понятия языковой (лингвистической) модальности обычно включаются значения, коренным образом отличающиеся по своей языковой сущности и по той функции, которую они выполняют в предложении... в результате чего её объем выступает как чисто механическая сумма разнородных значений» [2, с. 54].

В последние годы и без того сложная теоретическая ситуация ещё более обострилась. По нашим наблюдениям в настоящее время отечественные лингвистические изыскания в области модальности проходят на фоне борьбы двух фундаментальных филологических концепций, что и является причиной разных подходов к решению ряда вопросов в этой области.

В советское время лингвисты даже при наличии различных подходов в целом ориентировались на соответствующие положения советской теории познания. Так, модальность в соответствии с этой теорией рассматривалась лишь как характеристика отношений между разными этапами процесса познания, т. е. модальность не относилась к атрибутам реальности, а признавалась только лишь как некоторая характеристика рационального осмысления предметов и явлений реальности или эмоционального переживания, выраженная языковыми средствами.

При опоре на такую концепцию сущность модальности в лингвистическом аспекте искалась в соотношении субъективного и объективного в языке с учетом участия в отражении объективной действительности субъективного производителя речи.

Первым лингвистическое представление в свете указанной выше концепции предложил в своё время В. В. Виноградов: «Любое целостное выражение мысли, чувства, побуждения, отражая действительность в той или иной форме высказывания, облекается в одну из существующих в данной системе языка интонационных схем предложений и выражающих одно из тех синтаксических значений, которые в своей совокупности образуют категорию модальности... Каждое предложение включает в себя как существенный признак модальное значение, т. е. содержит в себе указание на отношение к действительности» [4, с. 53, 55]. Ученый обратил внимание, что объективно возникающие в человеческом сознании отношения к объективной реальности (проявляемые в формах мысли, чувств, побуждений и т. п.) «облекаются в интонационные языковые схемы» и придают высказываниям особое значение, которое ученый назвал «модальностью». В своих работах В. В. Виноградов стремился также дать более подробное объяснение природе, механизму и средствам выражения модальности в речевой практике. В частности, им отмечено: «грамматические отношения могут быть двоякого рода: либо объективно-синтаксические отношения между словами в словосочетании, в предложении, либо отношения всего высказывания или предложения к реальности, называемые субъективно-объективными, или модальными» [3, с. 725].

Положения В. В. Виноградова послужили методологическим основанием для появления и достаточно углубленного развития филологического учения о модальности предложения. Основным вопросом этого учения было определение видов модальных значений, составляющих

содержание языковой категории модальности [2, с. 54]. Постепенно в этом учении сформировалось три основных направления. Одни исследователи, базируясь на положениях формальной логики, ограничивали понятие языковой модальности тремя видами – значениями возможности, действительности и необходимости (И. И. Давыдов, Г. В. Колшанский и др.). Другие рассматривали модальность как «всеобъемлющую, комплексную, многоплановую категорию» (М. Грелль, Г. А. Золотова и др.). Третье направление развивало линию, обозначенную В. В. Виноградовым, в краткой формулировке представления: «модальность – это всякое отношение содержания предложения к действительности» (Т. В. Борисова, Н. Ю. Шведова и др.) или «любое субъективное отношение говорящего к содержанию предложения» (И. В. Головин, В. Ф. Шабалина и др.). Некоторые ученые (М. Н. Кожина, С. Эпштейн и др.) приступили к исследованию модальности вне текста: «особое положение занимает категория модальности (особенно при включении в нее субъективной модальности). Она – как собственно (узко) языковая категория, то есть проявляющаяся в модели языка дотекстового уровня, то есть чисто грамматическая модальность» [5, с. 101].

При исследовании художественных текстов советские лингвисты также опирались на указанную выше концепцию (её можно назвать «виноградовской»). Модальность в художественных текстах рассматривалась как «коммуникативно-семантическая категория, выражающая субъективное, но базирующееся на объективных факторах, отношение автора к своему сообщению, проявляющееся как результат выбора предметов и явлений объективной действительности, качественной оценки текстовых объектов и способе отражения между явлениями в тексте» [4, с. 28].

В целом большинство лингвистов ранее четко фиксировали, что в художественных текстах модальность представляет собой продукт авторского осмысления и переживания. Было общепризнано, что модальная направленность текста определяется художественным мировоззрением автора, его эстетическим кредо, его духовным отношением к окружающей действительности. Кроме того, всегда отмечалась роль автора в выборе языковых средств выражения модальности. Было установлено, что «модальность проявляется в процессе интеграции частей и способов их сцепления, в характере предикативных и релятивных отрезков текста...» [4, с. 187]. В отдельных случаях модальность рассматривалась как часть прагматики художественного текста, если в нем выявлялись такие субъективные модальности, как одобрение/неодобрение, уверенность / сомнение, приказание / просьба, желательность/нежелательность и т. п.

Теоретические взгляды многих современных лингвистов базируются на другой философской концепции, лежащей в основании всех филологических научных взглядов и теорий зарубежных лингвистов. Эта концепция резко отличается от советской и вытекает из философских положений экзистенциализма. Модальность в этой концепции признается как конечный результат рационального и психического осмысления действительности, выражаемый языковыми средствами (модальность, – «душа высказывания») [1, с. 55]. Базовым положением этой концепции является утверждение, что в категории субъективной модальности естественный язык фиксирует одно из ключевых свойств человеческой психики: способность противопоставлять «я» и «не-я».

В лингвистическом аспекте указанная концепция предполагает выделение в любом высказывании двух блоков – диктум и модус (термины

Ш. Балли). Диктум – предметно-логическое содержание высказывания – соотносится с описанием некоторой ситуации. Модус – отражает отношение описанной ситуации к действительности (объективная модальность), а также отношение к ней говорящего (субъективная модальность).

Подобный теоретический взгляд на лингвистическую модальность уже нашёл свое отражение в некоторых современных словарях и методических материалах [6, с. 214].

В последние годы появился ряд исследовательских проработок в направлении использования положений указанной выше концепции применительно к русскому языку [Н. Г. Мальцева, Т. Е. Шаболдина, О. Ю. Рвачева и др.].

Активизировались также на этой основе дальнейшие теоретические проработки проблемы. Основные современные направления исследований лингвистической модальности, в частности, были представлены на Международной научной конференции «Модальность в языке и речи: новые подходы к изучению» (Калининград-Светлогорск, 2007). Специалисты из центральных вузов и ведущих университетов России, Польши, Германии, Беларуси представили некоторые результаты лингвистических научных изысканий, в которых модальность исследовалась в самых различных аспектах. Например, предлагается рассматривать ее в качестве многоплановой категории, формирующей предикативность предложения (Золотова Г. А., Москва). Представлены результаты исследования связи модальности с другими семантическими категориями (Бондарко А. В., Санкт-Петербург). Часть ученых выявляет оценочные морфологические преобразования слов по эмоционально-экспрессивной шкале «хороший – плохой» (Химик В. В., Санкт-Петербург). Выдвигается взгляд на модальность как на семантическое поле с объединением разноуровневых языковых единиц в аспекте разработки продуктивной грамматики (Шарафутдинов Д. Р., Екатеринбург), или модальное поле художественного текста с основной ролью субъектно-объектных и оценочных отношений (Бабенко Л. Г., Екатеринбург). Предлагается представлять объективную модальность как результат действия универсального познавательного закона объективизации (Павловская Н. Ю., Минск). Исследуются скрытые (имплицитные) формы модальности текста на материале рецензий на кинофильмы (Кронгауз М. А., Москва).

В целом участники конференции уделили большое внимание возрастающей роли модальности в современной речевой деятельности. При этом отношение участников конференции к проблеме можно охарактеризовать следующим образом: «поскольку коммуникация – это построение в когнитивной системе реципиента определенной модели мира, не обязательно совпадающей с моделью мира говорящего, текст может обрести социальную силу. Это блестяще иллюстрирует современная российская проза, эссеистика, публицистика» [7, с. 105].

В сложившейся ситуации исследователи публицистических текстов стремятся выработать своё представление модальности. Например, изучается механизм и правила взаимосвязи модальности с другими категориями текста [Гальперин 2004; Полякова 2005 и др.]. Таких исследователей обычно интересует общая (коммуникативная) модальность текста, которая зависит не только от модальности каждой составляющей части текста, но и от умения автора правильно выстраивать синтаксические ряды и семантические поля текста.

На наш взгляд, при изучении модальности публицистических текстов наиболее важным представляется поиск ответа на вопрос, является ли модальность составляющей (компонентом) семантики языковых единиц или это сторона высказывания, обусловленная мотивом речевой деятельности, а семантика языковых единиц только участвует в определении характера модальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М., 1955.
2. Бондаренко В. Н. Виды модальных значений и их выражение в языке // Филологические науки. – М., 1979. № 2.
3. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Избранные труды: Исследования по русской грамматике. – М., 1975.
4. Донскова О. А. Средства выражения категории модальности в драматургическом тексте. – М., 1982.
5. Кожина М. Н. Стилистика текста в аспекте коммуникативной теории языка. Межвузовский сборник научных трудов. – Пермь, 1987.
6. Русская грамматика: научные труды / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова / Н. С. Авилова, А. В. Бондарко, Е. А. Брызгунова, С. Н. Дмитриенко, И. Н. Кручинина, В. В. Лопатин, М. В. Ляпон, В. А. Плотникова, М. С. Суханова, И. С. Улуханов, Н. Ю. Шведова /. Репринтное изд. – М., 2005.
7. Тураева З. Я. Лингвистика текста и категория модальности // Вопросы языкознания. – М., 1994. №3.

Н. В. Писарь (Калининград)

ЛЕКСЕМЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ "ИСКУШЕНИЕ" КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА "ДЬЯВОЛ" (НА МАТЕРИАЛЕ ДРЕВНЕРУССКИХ ТЕКСТОВ XI-XIV ВЕКОВ)

В отечественном языкознании с конца XX века наблюдается устойчивый интерес к способам репрезентации национального менталитета, формирующего сознание этноса, что получает непосредственную отраженность в структуре соответствующих концептов. В связи с этим широкое развитие получает такое научное направление, как когнитивная лингвистика, предметом которого, как отмечают З. Д. Попова и И. А. Стернин, является "анализ семантического пространства языка, репрезентирующего тот или иной концепт" [9, с. 27]. Концепт "окружен эмоциональным, экспрессивным, оценочным ореолом; это тот "пучок" представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, сопровождающих слово и выражаемое им понятие" [7, с. 104], в нем заключена важная информация о многовековой культуре народа, о его ценностных

приоритетах и жизненном опыте, поэтому для выявления специфики мировосприятия этноса большую значимость имеют те концепты, в которых запечатлены наиболее важные этические и эстетические категории аксиологической системы народа. Для русского менталитета одними из ключевых концептов, содержащих в себе основные ценностные ориентиры, являются концепты "бог" и "дьявол", поскольку вся система ценностей русского народа непосредственно связана с аксиологией христианства – вероучения, коренным образом изменившего мировоззрение восточного славянства и в дальнейшем повлиявшего на культурную жизнь русской нации.

В плане вышесказанного особый интерес представляет рассмотрение данных концептов в древнерусских текстах – памятниках прошлого, которые могут помочь "разобраться в настоящем и бросить луч света на будущее" [11, с. 7]. В древнерусской литературе в качестве духовного идеала, воплощения абсолютной ценности выступает Бог, помогающий человечеству вступить на путь Добра, как отрицательная ценность осмысливается дьявол, который подвергает людей искушению. По данным Библейской энциклопедии, "сатана – тот, кто старается ввести людей в искушение, чтобы потом иметь возможность обвинять их перед Богом" [2, с. 153], в свою очередь *искушение* есть "соблазн, исходящий от бесов, попытка дьявола склонить человека в грех путем навязывания ему нечистых помыслов, возмущения и расстройства его внутреннего мира, разжигания телесных страстей и похотей" [3, с. 123], однако, как справедливо указывает С. С. Аверинцев, "дьявол необходим, чтобы карать нечестивых, но, кроме того, – чтобы искушать праведных, дабы те увеличили свои заслуги, преодолев искушения" [см.: 1, с. 412]. Следовательно, дьявол, искушая человека, дает ему шанс либо погубить, либо спасти свою душу. Такое предствление о дьяволе реализуется в древнерусских текстах прежде всего посредством парадигмы лексем, этимологически связанных с праславянской моделью **kusiti*: лексемы *искоу҃ситель* – "испытывающий на прочность" (Сл. Срезневского) и однокоренных с ней лексем *искоу҃сити*, *искоу҃шение*, *искоу҃шающий*, *искоу҃сь*. Данные лексемы восходят к глаголу *искоусити* – "испытать", сохранившегося префиксальным производным от *коу҃сити* – "пытать". *Коу҃сити* – древнее заимствование из германских языков (гот. *kausjan* – "испытывать, пробовать, выбирать" (Сл. Фасмера). Ср.: "и прист҃҃҃҃плѣ искоу҃ситель рече емоу" (Мо. IV. 3. Остр. ев.); "инѣ естъ, иже тѣмѣ страшень естъ истязатель, и инѣ невидимымъ искоу҃ситель" (Никиф. М. посл. Влад. Мон.); "ино же естъ о дѣволе — онѣ во иску҃шаеть, да не покаряющая емоу умрѣтвѣти" (Из толк. ап.); "иску҃шение велико отъ общаго всего врага" (Жит. Авр. Смол.); "[Христос] яко человекъ постися 40 днии и възѣла, и яко Богъ повѣди иску҃шающаго" (Сл. о 3. и Б.); "како ли разоумѣемъ наказани, еже естъ отъ бога или еже отъ дѣвола искоу҃сь" (Изб. 1073).

Дьявол, искушая человека, подстрекает его на грехи, что получает отраженность также через репрезентацию в соотнесении с концептом "дьявол" лексемы *научение*, то есть "подстрекание" (Сл. Срезневского, СРЯ XI–XVII вв.). Ср.: "И по дѣволю научению ови рошением и клѣдѣямъ жрыху и рѣкам, и не познаша Бога" (ПВЛ); "Она же сотвори тако по Дѣволю научению" (О пот.); "И сице же и сему бысть отъ дѣвола научениа" (Жит. Авр. Смол.).

Как компонент рассматриваемой лексико-семантической парадигмы в древнерусских текстах выступает парадигма лексем с корнем *вад-* // *вод-*: **наважениик** (**навожениик**, **наваждениик**, **навождениик**) – "козни, наваждение", **сважениик** – "подстрекание" (Сл. Срезневского), – имеющая общую семантику "вести не в ту сторону". Также следует отметить, что в древнерусских текстах, например, лексема **наважениик** (**навожениик**) реализуется как в древнерусском, так и в старославянском написании **наваждениик** (**навождениик**). Ср.: "Ѡтъ наважениа дѣавола" (Стихир. Новг. д. 1163 г.); "наважениемъ дѣаволиемъ стаща простая чадъ на анхимандирта Ѡсифа" (Новг. I л.); "стало по грѣхомъ и по дѣаволю навоженью" (Псков. I л. 6943 г.); «наваждениикомъ дѣавольскимъ» (Грам. Стеф. Душ.); «Ѡ навождениа вражиа ма грѣховнааго избави» (Мин. Пут.); «ѹسوبная же рать вываеътъ отъ сваженіа дѣаволя» (ПВЛ).

В эту же парадигму входит лексема **развратник**, то есть "отступник, искажитель, разрушитель, низпровергатель" (Сл. Срезневского, СРЯ XI-XVII вв.) и однокоренные с ней лексемы **развратити**, **сѣвратити**, этимологически связанные с глаголом *воротить*, *вращать*, и имеющие общее значение "поворотить в другую, противоположную, сторону. Ср.: "Адъ дѣаволю, рече: Трыглавьче Вельзавуле, развратниче ангельскъ" (Сл. о сош. И. Кр. во ад); "Къ Болеславу же приниче дѣаволь ко ѹху и разврати сердце его" (Жит. Вяч. Чеш.); "Той же проклятый змий ѹчит широким и пространнымъ путемъ ходити и стезею зловы, и запинает, и възбранаеътъ с праваго пути, и совращает, и велитъ жити растаѣннымъ житием, и възъбранаеътъ по правому пути ходящим" (Лег. о гр. Кит.).

В качестве синонима к предыдущим лексемам выступает лексема **соблазнъ** – "грех", введение во грех, и этимологически связанная с ней лексема **блазнити**, т. е. "соблазнять, приводить в досаду, сомнение; обманывать." (Сл. Срезневского), происходящие от одной праславянской модели, не имеющей четкой этимологии, **blaznъ*, рефлексy которой наблюдаются в других славянских языках: болг. *блзния* "искушаю, соблазняя", сербохорв. *блзнити* "лстить, ласкать, гладить", словен. *blazniti* "приводить в смущение, беспорядок", чеш. *blazniti* "дурачить" (Сл. Фасмера). В памятниках древнерусской письменности данная лексема репрезентируется в следующих контекстах. Ср.: "но не оставляеътъ чьловѣца рода отпасти озлобленіемъ и в соблазнъ неприязненъ прити и погыбнѹти" (Жит. Конст. -Кир.); "И оттолѣ ѹстити начатъ неприязнь, блазнити многими къзньми чьловѣчьскыи родъ" (Жит. Меф).

По мнению В. В. Колесова, *дѣавол* – "дух искушения и соблазна, который путем обмана и хитрости стремится принудить человека нарушить нравственные нормы, испытывая силу его духа" [5, с. 102], "его дело, – пишет Иоанн Златоуст, – лстить нам, к вреду нашему" [4], поэтому в рассматриваемую лексико-семантическую парадигму органично вписывается лексема **льсть** – "обман, хитрость" и ее дериваты (**прельсть**, **прельщениик**, **льстивыи**, то есть "лживый, обольщающий, соблазняющий") (Сл. Срезневского, СРЯ XI-XVII вв.). Этимологически лексема **льсть** связана с др. -герм. *lists* "хитрость, козни", гот. *lais* "я знаю" и *laisjan* "учить" (Сл. Фасмера). Компоненты данной лексико-семантической парадигмы реализуются в следующих древнерусских

текстах. Ср.: "Гдѣ ти бѣ съвѣтъ лъстиваго дѣвола" (Посл. Клим. Смол.); "По семъ же дѣволъ в бола прельщени въвѣрже челоуѣкъ" (ПВЛ); "дѣволъ прельсти ѿбою Адама" (ПВЛ); "Аще вы онъ не крестили насъ, то и нынѣ выхомъ былѣ въ прельсти дѣволѣ" (ПВЛ); "Благословенъ Господь, иже не дасть насъ в ловитвѣ зѣвомъ нѣ. ѿбѣтъ скръшися, и мы избавлени выхомъ от прельсти дѣвола" (ПВЛ).

Б. Молчанов указывает, что "власть сатаны утверждается на обмане, на обольщении и на насилии" [8, с. 269], при этом прельщение дѣвола у восточных славян осмысливается как ловля в сети душ человеческих, что реализуется в функционировании в древнерусских текстах XI–XIV вв. в соотношении с концептом "дѣволъ" лексемы *ловящий*, производного от глагола *ловити* в значении "подыскивать случая, чтобы навредить, искать, стараться, соблазнять" (Сл. Срезневского). Ср.: "от сѣти ловящаго нас Дѣволъ" (КПШ); "Добрыя бо твоа дѣтели, яже ты твориши нищим, възидоша предъ мя, да того ради придохъ явитися тебѣ на животнѣмъ семъ възловити тебѣ, нѣсть бо праведно моему приятелю възити в сѣти неприязненѣ" (Сказ об Ев. Пл).

Как нам представляется, в рассматриваемом лексико-семантическом пространстве в тесной связи с выше рассмотренными лексемами выступает лексема *змиѣ*, репрезентирующая по отношению к субстанции "дѣволъ" свои метафорические значения, связанные с образом змея – искушителя Евы в первозданном Раю. Ср.: "Видѣвъ же дѣволъ, яко почести Богъ челоуѣка, позавидѣвъ ему, преобразися въ змию, и прииде в ѿзвѣ" (ПВЛ); "Се исперва лукавый врагъ дѣволъ едину отъ скотѣ земныхъ обрѣте себѣ змию съсудъ и ходатанцю и тою испустилъ живый гласъ въ уши ѿбвы, поущая ю на простиранье рѣкъ ко дрѣву разумному добру и злу и на вредное то вкушение" (Посл. Клим. Смол.); "къ тому бо пѣти не приближается змиѣ лукавый, того бо пѣти шествия сѣтъ прискърѣвна, а послѣдъ радованьна" (Жит. Ф. Печ.); "Той же проклятый змиѣ учитъ широкимъ и пространнымъ пѣтемъ ходити и стезею злобы, и запинаетъ, и возбраняетъ с правого пѣти, и совращаетъ, и велитъ жити растлѣннымъ житиемъ, и возбраняетъ по правому пѣти ходящимъ" (Лег. о гр. Кит.); "А змиѣ — Дѣволъ, ища кого поглотити" (Из бес.). Данный метафорический образ Дѣвола, отмечает Ю. А. Сандулов, "восходит еще к древним мифам и языческим традициям. Если присмотреться к образам, в которых рисовался дѣволъ религиозному сознанию средневековья, то увидим, что ... личиной дѣволу служили животные, которых языческая традиция относилась к разряду нечистых (змея, мухи, козел)" [10, с. 246].

Таким образом, дѣволъ в представлении восточных славян осмысливается как искушитель, испытывающий духовные силы людей, при этом подпадение сатанинским соблазнам ведет к отклонению человека от пути истинного, ведущего к Богу, а уход от подстрекательства дѣвольского приближает к Истине и Добру. Указанное осмысление сущности дѣвола в древнерусских текстах XI–XIV веков репрезентируется посредством лексико-семантической парадигмы лексем со значением "искушение", ядерное положение в которой занимает лексема *искушитель* и ее дериваты (*искушити*, *искушение*, *искушающий*, *искусь*). В качестве компонентов данной парадигмы выступают лексемы *научение* – *развратник* (*развратити*, *сѣвратити*) – *сважение*, *наважение* (*навоже-*

ник, наважденик, навожденик) – соблазнъ (блзаниити) – лъсть (прельсть, прельщеник, лъстивын) – ловящий – змиин.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аверинцев С. С.* Сатана // Мифы народов мира. М., 1992. Т. 2. С. 412-414.
2. Библейская энциклопедия (путеводитель по Библии). М.: "Рос. библ. об-во", 2002. – 352 с.
3. Доказательство существования Бога на примере порядка во вселенной: Сб. М.: Даниловский Благовестник, 1994.
4. *Златоуст Иоанн* Беседы на Евангелие от Матфея // http://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/besed_51=13
5. *Колесов В. В.* Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб.: Златоуст, 2000. – 360 с.
6. *Маслова В. А.* Современные направления в лингвистике. М.: Академия, 2008. – 266 с.
7. *Молчанов Б. Протоиерей* Антихрист // Антихрист (из истории отечественной духовности): Антология. М.: Высшая школа, 1995. С. 251–277.
8. *Попова З. Д., Стернин И. А.* Понятие "концепт" в лингвистических исследованиях, Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1999. – 30 с.
9. *Сандулов Ю. А.* Христианство и культ дьявола // История религии. Лекции, прочитанные в Санкт-Петербургском университете: уч. пос. СПб., 1997. – 269 с.
10. *Топоров В. Н.* Святые и святость в русской духовной культуре: В 2 тт., Т. 1: Первый век христианства на Руси. М.: Гносис – Школа "Языки русской культуры", 1995. – 874 с.

ИСТОЧНИКИ

1. Грам. Стеф. Душ. – Грамота Стефана Душана // Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка: в 3 т. Т. 2: Л-П. М.: Книга, 1989. С. 268.
2. Жит. Авр. Смол. – Житие Авраамия Смоленского // Библиотека литературы Древней Руси (под редакцией Д. С. Лихачева и др.). Т. 5. СПб.: Наука, 1997-1999 // Электронный ресурс: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=2070>
3. Жит. Вяч. Чеш. – Житие Вячеслава Чешского // Там же. Т. 2.
4. Жит. Konst. -Кир. – Житие Константина-Кирилла // Там же.
5. Жит. Меф. – Житие Мефодия // Там же.
6. Жит. Ф. Печ. – Житие Феодосия Печерского // Там же. Т. 1.
7. Из. бес. – Из беседы трех святителей // Там же. Т. 3.
8. Из толк. ап. – Из толкового апостолога // Там же. Т. 2.
9. Изб. 1073 – Изборник 1073 года. – М.: Книга, 1983. – 266 с.
10. КПП – Киево-печерский патерик // БЛДР. Т. 4.
11. Лег. о гр. Кит. – Легенда о граде Китеже // БЛДР. Т. 5.
12. Мин. Пут. – Майская служебная минея XI в. (Путятин) // Срезневский И. И. Указ. соч. Т. 2: Л-П. С. 270.

13. Никиф. м. Посл. Влад. Мон. – Послание Никифора, митрополита Киевского к князю Владимиру, сыну Всеволожу // Там же. Т. 1: А–К. С. 71.
14. Новг. I л. – Новгородская летопись по Синодальному списку // Там же. Т. 2: Л–П. С. 268.
15. О пот. – О потопе // БЛДР. Т. 3.
16. Ост. ев. – Остр. ев. – Остромирово Евангелие 1056-1057 гг. // <http://www.prilib.ru/Lib/pages/item.aspx?itemid=2314>
17. ПВЛ – Повесть временных лет // БЛДР. Т. 1.
18. Посл. Клим. Смол. – Послание Климентя Смолятича // Там же. Т. 4.
19. Псков. I л. 6943 г. – Псковская первая летопись // Срезневский И. И. Указ. соч. С. 111-112.
20. Ск. об Ев. Плак. – Сказание об Евстафии Плакиде // Там же. Т. 3.
21. Сл. о З. и Б. – Слово о Законе и Благодати митрополита Иллариона // Там же. Т. 1.
22. Сл. о сош. И. Кр. во ад – Слово о сошествии Иоанна Крестителя во ад // Там же. Т. 3.
23. Стихир. Новг. д. – Стихирарь Праздничный // Срезневский И. И. Указ. соч. Т. 2: Л–П. С. 268.

С. А. Приходько (Калуга)

ВВЕДЕНИЕ НАРОДНО-ПРОСТОРЕЧНОЙ ЛЕКСИКИ КАК АРГУМЕНТАТИВНЫЙ ПРИЁМ В МОНОГРАФИИ В. И. ЛЕНИНА «МАТЕРИАЛИЗМ И ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ»

Об открытости политического дискурса другим сферам жизни ведут речь и отечественные, и иностранные учёные. В процессе политической полемики могут быть поставлены и частные задачи, решение которых требует включения в текст выступления фрагментов научного, разговорного и художественного стилей. К примеру, политик может использовать жанр обиходного повествования. По мнению Н. Д. Десяевой и М. А. Капитоновой, обращение к формулировкам определений понятий (политологии, юриспруденции или других областей научного знания) – также типичный приём аргументации в публичном выступлении.

Достаточно часто в профессиональной политической речи используются фрагменты художественных текстов – как в качестве риторических аргументов, так и для реализации индивидуального стиля оратора [4, с. 15].

Е. И. Шейгал призывает отделить понятие «политический язык» от термина «язык политики» и уточняет: «Под "языком политики" понимается терминология и риторика политической деятельности, где политики выступают в своей профессиональной роли (подобно дискурсам других профессиональных сфер – религия, медицина, юстиция и пр.)» [12, с. 31].

Л. Г. Павлова полагает, что нельзя «горячиться в споре» [9, с. 379]. Учёный обосновывает это положение таким образом: «У хладнокровного человека явные преимущества: его мысль работает ясно и спокойно.

В возбужденном состоянии трудно анализировать позицию оппонента, подбирать веские доводы, не нарушать логической последовательности в изложении материала» [9, с. 379]. Её совету В. И. Ленин, несомненно, следовал в «Материализме и эмпириокритицизме» далеко не всегда. Многочисленные эмоциональные срывы, всплески возмущения и негодования свидетельствуют о том, что спокойствие не было его чертой. В ряде случаев такие эмоциональные подлёмы можно трактовать даже как эмоциональные взрывы. В этих условиях в «Материализме и эмпириокритицизме» происходит ломка традиционной для В. И. Ленина аргументации, которую и в условиях стабильного эмоционального фона едва ли можно считать безупречной. Последнее обстоятельство объясняется тем, что эмоциональность, а также тенденция к крайностям представляют собой «фундаментальные черты русского национального характера» [11, с. 62].

Безусловно, ссылка на менталитет не позволяет оправдать далеко не сдержанного, чрезмерно эмоционального публициста. Если следовать по этому пути, то можно отыскать для представителей любого этноса какое-либо оправдание. Обуздать свой гнев чересчур вспыльчивых писателей, к категории которых требуется отнести В. И. Ленина, призывали и призывают многие специалисты различного рода: «Умение сохранять спокойствие – важное качество полемиста. Нельзя допустить, чтобы спор превращался в перепалку, в беспорядочную свару. Философ М. Монтень считал, что воздействие такого неистового советчика, как раздражение, губительно не только для разума нашего, но и для совести. А брань во время споров должна запрещаться и караться, как другие словесные преступления. Порождаемая злобным раздражением, она приносит полемистам огромный вред» [9, с. 379].

Эмотивность текста во многих случаях облегчает восприятие того или иного текста. Практически любой читатель будет более заинтересован не вялым, монотонным, «пресным» материалом, а искрящимся, переливающимся различными чувствами текстом.

Согласно теории В. А. Масловой, эмотивные языковые средства не обеспечивают автоматически и в любых условиях адекватного эффекта, хотя они неизмеримо увеличивают его вероятность [8, с. 185]. Учёный предупреждает о том, что эмоциональный эффект текста не сводится только к возникновению у реципиента эмоций. В этих условиях понятие «эмоции» играет роль собирательного обозначения обширной группы психических процессов и состояний. Сами эмоции – одна из их форм. Эмоциональный эффект какого-либо текста представляет собой актуализацию данных процессов, но «различные эмотивные языковые средства в разной степени соотносятся с различными эмоциональными процессами» [8, с. 192].

По мнению В. А. Масловой, экспрессивный план текста реализуется в двух отношениях, неразрывно связанных между собой.

1) Экспрессивные средства оказывают прямое воздействие на процесс восприятия и понимания текста реципиента, тем самым регулируя его психическую деятельность. Эмотивные средства «мобилизуют внимание, концентрируют его на экспрессивно представленных в тексте предметах и явлениях, процессах и событиях, следовательно, повышают интенсивность и устойчивость восприятия. Эмотивные средства "включают" цепочку эмоциональных процессов, что немедленно сказывается на выявлении личностных смыслов заданного в тексте содержания и

влияет на формирование мотивационно-волевой установки как потенциала возможных последующих действий (под влиянием текста)» [8, с. 190].

2) Средства выражения эмоций тесно связаны с результатами восприятия и понимания текста (изменением индивидуального опыта) и позволяют политическому субъекту откорректировать в своих интересах сознание и поведение реципиента. В дальнейшем происходящие трансформации понятий и представлений читателя могут найти свое отражение «в выборе действий, поступков, в способах их выполнения и в их направленности» [8, с. 191].

Лингвисты признают жанровое сходство публицистического и разговорного стилей речи. По мнению А. Н. Агаповой, публицистический дискурс наиболее близок разговорной речи [1, с. 127].

Классик русской литературы предостерегал: «Письменный язык оживляется поминутно выражениями, рождающимися в разговоре, но не должен отрекаться от приобретенного им в течение веков. Писать единственно языком разговорным – значит не знать языка» [10, с. 65].

Великий советский поэт С. Я. Маршак в своих размышлениях противопоставлял полисемичные народные лексические средства однозначным языковым единицам: «Живое слово богато и щедро. У него множество оттенков, в то время как у слова-термина всего только один-единственный смысл и никаких оттенков» [7, с. 521].

Разговорная речь оказывает большое влияние на публицистический стиль, к примеру, на его синтаксическую структуру, обогащая его новыми конструкциями, которые в подавляющем большинстве случаев выступают как средство экспрессивного синтаксиса, оживляя публицистический дискурс [2, с. 113]. «Использование арсенала средств стилистического выделения и экспрессивного синтаксиса помогает политике повысить эффективность выступления, сделать его наиболее убедительным и содержательным» [5, с. 19].

В сложном понятии национальной лингвокультурной компетентности Л. А. Городецкая вычленяет следующие компоненты:

«а) институциональная компетентность (знание о политических и правовых институтах общества);

б) конвенциональная компетентность (знание обычаев, традиций и этикета);

в) семиотическая компетентность (знание разного рода символов, присущих данной культуре, например, символов социальной престижности);

г) коммуникативная компетентность (владение культурно-обусловленными нормами вербального и невербального общения), включающая лингвистическую компетентность (владение языком в нескольких его социальных вариантах: устном и письменном, официальном и разговорном, профессиональном и политическом и т. п.)» [3, с. 17].

Стилистические функции фразеологизмов многообразны. Несомненно, именно фразеологизмы обладают наиболее ярко выраженной национально-культурной окраской, соответственно, степень воздействия их на менталитет носителя языка гораздо выше, чем у ряда других языковых средств [2, с. 112].

Народно-разговорные фразеологизмы широко представлены в политическом дискурсе В. И. Ленина, в том числе в монографии «Материалы

лизм и эмпириокритицизм». Данный вид фразеологических средств во многих ситуациях обеспечивает переход от прямой речи к авторским ремаркам.

В частности, словосочетание «попадаться на удочку» можно увидеть в пятом разделе первой главы. В. И. Ленин разместил этот фразеологический оборот в критическом контексте в целях языкового оформления перехода от цитаты из работы А. А. Богданова к своим тезисам в отношении его же: «Богданов попался на удочку профессорской философии, поверив, что "интроекция" направлена против идеализма» [6, с. 97].

Та же функция присуща разговорному фразеологическому сочетанию «ни к селу, ни к городу», имеющему место в шестом разделе второй главы: «Эгоизм тут ни к селу, ни к городу, ибо это – категория вовсе не гносеологическая. Ни при чем и кажущееся движение солнца вокруг земли, ибо в практику, служащую нам критерием в теории познания, надо включить также практику астрономических наблюдений, открытий и т. д. Остается ценное признание Маха, что в практике своей люди руководятся всецело и исключительно материалистической теорией познания, попытка же обойти ее "теоретически" выражает лишь гелертерски-схоластические и вымученно-идеалистические стремления Маха» [6, с. 151]. В данной речевой ситуации отрицательная семантика фразеологического средства позволяет автору монографии организовать переход от цитируемого фрагмента, позаимствованного у Э. Маха, к критическим тезисам, нацеленным на самого субъективного идеалиста.

Дважды в «Материализме и эмпириокритицизме» встречается обиходно-разговорный фразеологизм «заклятый враг».

В последнем предложении самого первого абзаца первого раздела второй главы вышеупомянутое словосочетание служит в уточняющем контексте как инструмент перехода от вступления к тезисам, содержащим критику в отношении эсера В. М. Чернова: «Махист г. В. Чернов, народник, заклый враг марксизма, прямо идет в поход за "вещь в себе" на *Энгельса*» [6, с. 109].

Во втором разделе четвертой главы искомая комбинация лексических единиц, как и в предыдущей речевой ситуации, несёт на себе смысловую нагрузку оценки политического деятеля, входившего в момент написания «Материализма и эмпириокритицизма» в партию большевиков: «Богданов лично – заклый враг всякой реакции и буржуазной реакции в частности» [6, с. 351].

Сходство двух случаев употребления фразеологической структуры «заклятый враг» состоит в том, что она применена оба раза как характерологический элемент, как оценочное средство.

Дж. Комбс и Д. Ниммо усматривают мифологичность политических пословиц в отсутствии логического обоснования выраженных в них обобщений: так же, как и другие мифологемы политического дискурса, они «выполняют функцию "подручного" средства, позволяющего дать упрощенное и успокаивающее объяснение сложных политических реалий» [13, с. 145].

Тот факт, что вопросительные высказывания в зависимости от ситуации общения могут приобретать дополнительные оттенки смысла, указывается в трудах зарубежных лингвистов [14, с. 73–86]. Подобного рода вопросительные структуры имеют место в «Материализме и эмпириокритицизме». Пятый раздел шестой главы В. И. Ленин посвятил сравнительному анализу концепции немецкого материалиста Э. Геккеля и авст-

рийского идеалиста Э. Маха. Обрисовав во вступлении этого раздела своё видение взаимоотношений Э. Геккеля с идеалистическим научным сообществом, автор перешёл к изложению причин произошедшего между ними конфликта (к мягкой критике непоследовательности Э. Геккеля и жёсткой критике Э. Маха вкупе со всеми его приверженцами), задав два вопроса: «В чем же дело? Из-за какого "рокового недоразумения" загорелся сыр-бор?» [6, с. 375].

В эти вопросительные структуры автор вкладывает следующие смысловые нюансы:

1) двоянные вопросы служат средством заострения внимания читателей к дальнейшим тезисам;

2) вопросительные предложения служат переходом от вступительной части раздела к главной теме (сравнительному анализу трудов рассматриваемых В. И. Лениным учёных);

3) литературно оформленный первый вопрос противопоставлен второму предложению, построенному посредством изменённого народно-просторечного фразеологического оборота «из-за чего разгорелся сыр-бор?», что ещё сильнее способно приковать внимание адресата;

4) трансформированный фразеологизм уже содержит в себе ответ на первый вопрос: автор намекает на «роковое недоразумение», которое и служит причиной разлада между Э. Геккелем и идеалистами;

5) «роковое недоразумение», иронично взятое В. И. Лениным в кавычки, для него на самом деле представляет собой счастливую закономерность.

Применение обиходно-разговорной и просторечной лексики различных видов, в том числе и фразеологических языковых единиц, обусловлено прагматической целью В. И. Ленина как политика – увеличением числа своих сторонников путём повышения убедительности дискурса. Поэтому в «Материализме и эмпириокритицизме» прослеживается тенденция к демократизации языка большевистской публицистики с целью сближения его с живым народным языком. Это обстоятельство даёт право утверждать: политический дискурс В. И. Ленина ориентирован на самую широкую, демократическую читательскую аудиторию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агапова А. Н. Референциально-эпистемические особенности заголовков современной русской прессы // *Lingua mobilis*. 2007. №2. – С. 127–131.
2. Бачурская В. В. Влияние социолингвистических особенностей языка газеты на менталитет человека // *Lingua mobilis*. 2007. №4. – С. 110–114.
3. Городецкая Л. А. Лингвокультурная компетентность личности как культурологическая проблема. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора культурологии. М.: МГУ, 2007. – 48 с.
4. Десяева Н. Д., Капитонова М. А. Профессиональная политическая речь государственного служащего: основные функции и средства воздействия. Саранск: Красный Октябрь, 2003. – 72 с.
5. Комисарова Т. С. Механизмы речевого воздействия и их реализация в политическом дискурсе (на материале речей Г. Шрёдера). Авторефе-

- рат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Воронеж: ВГУ, 2008. – 22 с.
6. Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии. М.: Политиздат, 1989. – 508 с.
 7. Маршак С. Я. Мысли о словах (1961 г.) / Граудина Л. К. // Русская риторика: Хрестоматия. М.: Просвещение, Учебная литература, 1996. – С. 520-521.
 8. Маслова В. А. Параметры экспрессивности текста / Телия В. Н. // Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности. М.: Наука, 1991. – С. 179–204.
 9. Павлова Л. Г. Спор, дискуссия, полемика (1991 г.) / Граудина Л. К. // Русская риторика: Хрестоматия. М.: Просвещение, Учебная литература, 1996. – С. 377–379.
 10. Пушкин А. С. О языке разговорном и письменном / Толмачев А. В. // Об ораторском искусстве. М.: Политиздат, 1958. – С. 65.
 11. Хроленко А. Т. Основы лингвокультурологии. М.: Флинта, Наука, 2005. – 184 с.
 12. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Волгоград: ВГПУ, 2000. – 431 с.
 13. Combs J., Nimmo D. Subliminal Politics: Myths and Mythmakers in America. Englewood Cliffs, N. J.: Prentice Hall, 1980. – 256 p.
 14. Hentschel E. Ist das nicht interessant? Zur Funktion verneinter Fragen // LiLi. Zeitschrift für Linguistik und Literaturwissenschaft 16, 64, 1986. – S. 73-86.

М. В. Савельева (Курган)

ПОТЕНЦИАЛЬНАЯ ПЕРФЕКТНОСТЬ ФОРМ ПРОШЕДШЕГО СОВРШЕННОГО ИМПЕРАТИВНЫХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ЕДИНИЦ

Под процессуальными единицами с императивной семантикой (далее ИПЕ) мы понимаем единицы, в семантической структуре которых наличествует категориальная сема процессуальность, субкатегориальная сема императивность, а также групповые и индивидуальные дифференциальные семы, позволяющие объединить все ИПЕ общей численностью 170 единиц (92 лексические и 78 фразеологических) в шесть групп: приказ, принуждение, разрешение/запрет, просьба, приглашение, совет. Целью настоящего исследования является описание специфики влияния семантики ИПЕ на значение форм прошедшего времени.

Форма времени ИПЕ является одной из необходимых для создания категориального значения процессуальности, а особенности функционирования форм времени ИПЕ играют важную роль в определении специфики субкатегориального значения императивности. Ни одна ИПЕ в форме изъявительного наклонения не остается вне категории времени, все ИПЕ допускают как абсолютное, так и относительное временное употребление.

Морфологическая категория времени русского языка в своем историческом развитии претерпевает изменения в отношении набора форм. В современном русском языке единая форма прошедшего времени генетически восходит к древнерусскому перфекту, дифференцируется по виду и используется для выражения всех значений прошедшего времени.

Согласно полученным статистическим данным, форма прошедшего времени является самой частотной у ИПЕ. Это объясняется тем, что формы прошедшего времени ИПЕ выражают оценку ситуации побуждения, имевшей место до момента речи, и способствуют более точной оценке роли субъекта побуждения в данной ситуации и результатов его волеизъявления.

Прошедшее совершенное имеет перфектное и аористическое значения [3, с. 100; 6, с. 630; 5, с. 434]. Перфектное значение прошедшего совершенного выражает прошедшее действие, результаты которого актуальны для более позднего временного плана (настоящего или прошедшего). А. В. Бондарко отмечает, что наиболее характерным и специфическим его типом является значение с основным оттенком состояния [3, с. 95-98]. Г. Ф. Лебедева называет такой вариант перфектного значения «качественным» [4]. Ю. С. Маслов разграничивает собственно перфект (видо-временная форма глагола, обозначающая состояние в настоящем как результат предшествующего действия), называя его статальным, и акциональный перфект (действие, событие, состояние прошлого, чем-либо важное для настоящего, рассматриваемое с точки зрения настоящего, вне связи с другими фактами прошлого) [5, с. 505]. Автор определяет перфектность как семантическую категорию в рамках актуальности [5, с. 426-440].

Е. В. Терентьева считает перфектность категорией функционально-семантического типа. Категориальное значение перфектности образуют признаки результативности, завершенности действия в прошлом и его актуальности для последующих темпоральных событий [7]. Опираясь в своем исследовании на работы С. П. Лопушанской и используя диахронический подход к изучению процесса развития категории перфектности, Е. В. Терентьева приходит к выводу, что в современном русском языке существует зависимость между лексическим значением глагола и его способностью выражать категориальную семантику перфектности. Лексические средства выражения перфектности взаимодействуют с грамматическими, важнейшими из которых являются: форма прошедшего времени, форма совершенного вида и характерная синтаксическая конструкция [7, с. 138, 142]. Следовательно, актуализация перфектного значения форм прошедшего времени процессуальных единиц зависит от характера синтаксической конструкции, в которой употреблена единица, от характера контекста и от семантики самой единицы. Значительную роль здесь играет совершенный вид, характеризующийся признаком «секвентная связь» [2], благодаря которому обеспечиваются связь, взаимозависимость и взаимообусловленность событий в речи.

Императивность как субкатегориальное значение – это процессуальный признак, который характеризует субъекта как отправителя адресованного воздействия с целью побуждения адресата к ответному действию. Для реализации субкатегориального значения императивности необходимы следующие составляющие: субъект волеизъявления, адресованность волеизъявления, заданность ответного действия. В семантической структуре ИПЕ также наличествует обязательный компонент – це-

ленаправленность или нацеленность на результат. Синтаксические оформленные высказывание с ИПЕ отражают коммуникативное намерение субъекта побуждения (говорящего) оказать определенное воздействие на мысли, состояние и действия адресата, т. е. ИПЕ характеризуются потенциальной перформативностью и способностью описывать «социальный акт, программирующий будущее» [1, с. 176]. Следовательно, ИПЕ выражают две цели: *указание* на желательность, возможность или необходимость выполнения (невыполнения) каузируемого действия и *побуждение* адресата к выполнению каузируемого действия.

Цель *указать* реализуется семантически (ср. приказывать, просить, умолять, разрешать). ИПЕ, содержащие в структуре своего значения сему «речь», обладают непосредственной результативностью, или как определил Ю. С. Маслов, такие единицы являются «глаголами непосредственного, непрерывного эффекта», обозначающими «такие действия, которые, даже будучи взяты в сколь угодно краткий момент своего протекания, не могут мыслиться как оставшиеся «неэффективными», безуспешными» [5, с. 86]. Следовательно, ИПЕ свойственна перфектность, выраженная на семантическом уровне. Результат воздействия побудительного характера сохраняет свою актуальность до тех пор, пока не будет выполнено каузируемое действие. С его выполнением реализуется цель *побудить*. Результатом побуждения является эффект, вызванный выполнением каузируемого действия. Воздействие побудительного характера считается результативным, если реализована цель *побудить*.

В силу того, что не сам акт волеизъявления, а выполнение или невыполнение каузируемого действия приводит к изменению картины мира, актуальность побудительного воздействия для последующих темпоральных событий или для настоящего прослеживается через актуальность результатов выполнения (невыполнения) каузируемого действия, т. е. через представленность в речи того эффекта, который был произведен выполнением (невыполнением) данного действия. Иными словами, актуальность результатов действия есть не что иное, как указание на важность побуждения, так как без побуждения не было бы и самого действия.

Наиболее явно перфектное значение выражено в форме прошедшего времени совершенного вида ИПЕ в контексте, включающем указание на актуальность результатов каузируемого действия для более позднего временного плана или для настоящего. ИПЕ актуализируют в речи причину (выражена в форме инфинитива), приведшую к определенному положению дел (в примерах подчеркнуты волнистой чертой):

У бедняги от алчности помрачился рассудок. Какой-то умник шепнул ему, что Багдассар спрятал ларец в стене одного из домов. А поскольку ларец и в самом деле по размеру и внешнему виду в точности походил на обычный глиняный кирпич, новый раджа повелел разобрать все строения, возведенные из этого строительного материала. Дома сносили один за другим, и каждый кирпич разбивали под личным присмотром владыки. Если учесть, что в Брахмапуре девяносто процентов всех построек – из глиняных кирпичей, через несколько месяцев цветущий город превратился в груду развалин. Безумного раджу отравили собственные приближенные, страшась, что население поднимет бунт почище сипайского (Акунин «Левиафан»). Товарищ Парфенов листает журнал. Мелькают затопленные и полужатопленные баржи, буксиры, дебаркадеры. Вот рыболовный сейнер "Камь", вот брандвахты (плавающие дома) —

три штуки... «Это всё Перестройка виновата, — говорит водолазный начальник. — Как разрешили частникам суда покупать, так и началось. Они же с ними обращаться не умели. Покатались немного и либо спалили по пьянке, либо на причал налетели. Или просто бросили» (Боярина «Подъем!»).

В ряде случаев перфектное значение ИПЕ может быть определено только с привлечением еще более широкого контекста.

Когда имеет место указание на актуальность результатов каузируемого действия для настоящего, возможно использование форм прошедшего несовершенного для выражения перфектного значения:

Не помню, почему именно мне пришлось отправиться с тридцатью тетрадками домашнего сочинения "Базаров как тип" к учителю русской литературы, Василию Петровичу Соколову, на дом, — видимо, мы не сдали их вовремя, наступили рождественские каникулы, и мне поручили это сделать. <...> Было сумеречно, но он не зажег света и не предложил мне сесть. — «Базаров как тип», — сказала я. — Вы просили вам принести. — Ну-те-с, — сказал он и взял тетради. Через минуту он спросил: — А что вы читаете? (Берберова «Курсив мой»).

Принимая во внимание тот факт, что основным источником картотеки употреблений ИПЕ для нас были художественные и публицистические тексты повествовательного характера, а не устная речь, статистически больше, в результате, оказалось прошедшего совершенного в неперфектном значении. Аористическое значение прошедшего совершенного ИПЕ выражает воздействие побудительного характера как конкретный факт прошлого. Согласно теории А. В. Бондарко, основными типами сочетаемости форм прошедшего совершенного в аористическом значении являются [3, с. 100]:

1) цепь форм прошедшего совершенного, выражающих ряд сменяющих друг друга фактов прошлого:

<...> (Лизанька) уединилась с мрачным мужем в гардеробной комнате, что находилась по соседству с прихожей, и строго-настрого запретила входить туда без спросу (Акунин «Азazelь»). Швейцар смерил сердитого чиновника полным сомнения взглядом, но все же исчез за дверью. Правда, войти, мерзавец, не предложил (Акунин «Азazelь»). Ахимас надавил пальцем на лицевой нерв. Дал лежащему немного покорчиться от боли и повторил вопрос (Акунин «Смерть Ахиллеса»). Нашего Митьку Яга заставила выпить две ложки какого-то успокаивающего и отправила спать. Мне она тоже посоветовала не задерживаться (Белянин «Заговор Черной Мессы»).

2) различные сочетания форм прошедшего совершенного и прошедшего несовершенного:

Семён, боярский сын, ажио плакал в уголке — три раза парень своей клюкой его огрести старался, так не дал же, гад, не порадовал мальчонку! (Белянин «Отстрел невест»). <...> мы расступились, внутри сдержанно ругался царь, которому не дали «всё досмотреть до конца и поучаствовать...» (Белянин «Дело трезвых скоморохов»).

3) одиночная, относительно самостоятельная форма прошедшего совершенного, выражающая отдельный факт прошлого:

Падишах отнесся к пленнице бережно, как к бесценному сокровищу: ни к чему не принуждал и даже не заставил обратиться в магометанство (Акунин «Турецкий гамбит»). — Вот вы, Амалия Казимировна, давеча запретили про Кокорина судачить, а я узнал кое-что любопытненькое.

Он помолчал, довольный произведенным эффектом, – все обернулись к нему. (Акунин «Азazel»).

В приведенных примерах аористического значения форм прошедшего совершенного ИПЕ можно говорить о наличии явного оттенка перфектности, особенно в тех случаях, когда в расширенном контексте имеет место указание на изменение картины мира в результате акта побуждения. Подобный эффект становится возможным, в силу комбинации особенностей семантики ИПЕ, характеризующейся наличием семы «заданность ответного действия» и принципа «секвентной связи», свойственного совершенному виду.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. – 341 с.
2. Барентсен А. Признак «секвентная связь» и видовое противопоставление в русском языке // Типология вида: проблемы, поиски, решения / Ред. М. Ю. Чертова. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – С. 43–58.
3. Бондарко А. В. Вид и время русского глагола (значение и употребление): Пособие для студентов. – М.: Просвещение, 1971. – 240 с.
4. Лебедева Г. Ф. Употребление глагольных форм совершенного вида в перфектном значении в современном русском литературном языке // Вопросы истории русского языка. – М., 1959. – С. 157–321.
5. Маслов Ю. С. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание / Сост. и ред. А. В. Бондарко, Т. А. Майсак, В. А. Плунгян. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 840 с.
6. Русская грамматика. В 2-х томах / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. – М.: Наука, 1980. – Т. 1. – 789 с.
7. Терентьева Е. В. Лексические и грамматические средства выражения функционально-семантической категории перфектности в современном русском языке // Взаимодействие лексики и грамматики в русском языке: проблемы, итоги и перспективы. Сборник материалов Всероссийской научной конференции. – Тамбов, 2009. – С. 137–143.

О. А. Селеменова (Елец)

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ БЕЗЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ СО ЗНАЧЕНИЕМ СОСТОЯНИЯ ПРИРОДЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Одним из интересных фрагментов национальной картины мира является фрагмент, описывающий взаимодействие человека и мира природы. Для маркирования различных состояний природы в русском языке разработана целая совокупность структурных схем простых предложений (далее – ССПП), формирующих двусоставные, односоставные безличные и номинативные предложения:

«где есть каково» (...И было непонятно, как может быть на земле пасмурно и дождливо (Гранин. Иду на грозу));

«где самопроисходит» (*Начало смеркаться* (Гончаров. Обыкновенная история));

«где пахнет чем» (*В лесу пахло гнилью* (Глушенко. Крайняя точка));

«где действует чем откуда/куда» (*Отовсюду несло славною и здоровою свежестью...* (Эртель. Гарденины, их дворня, приверженцы и враги));

«покрывает что (В. п.) чем» (*Тяжело ревнули широкими горлами чугунные пушки; дрогнула, далеко загуливши, земля, и вдвое больше затянуло дымом всё поле* (Гоголь. Тарас Бульба));

«где есть какое состояние» (– *Буря!* – крикнул Кипренский и побежал к окну (Паустовский. Орест Кипренский));

«что находится в каком состоянии» (– *Ночью море штилеет* (Паустовский. Этикетки для колониальных товаров));

«что есть каково по состоянию» (*Море было сонно, и далеко за мысом сверкал белыми надстройками палуб океанский пароход* (Паустовский. Этикетки для колониальных товаров));

«что есть какое по состоянию» (*Небо простиралось бледное, томное...* (Куприн. Чёрная молния));

«что есть в каком состоянии» (*Померанцы, вероятно, в цвету* (Пастернак. Апельсина черта));

«что погружается в какое состояние» (*Тундра погрузилась в глубокую тишину* (Астафьев. Царь-рыба)) и некоторые др.

Осмысляя семантико-грамматическую категорию безличности как особый способ концептуализации действительности в национальной языковой картине мира [6, с. 4] и исходя из объёма статьи, мы останавливаемся на анализе структуры и семантики только безличных предложений со значением состояния природы.

Все структурные схемы таких предложений по количеству входящих в них компонентов, определяемых двумя параметрами – формирующими пропозицию смыслами и содержательной структурой предикативной лексемы, её морфологической природой, могут быть дифференцированы на три большие группы: *двухкомпонентные* («где самопроисходит»), *трёхкомпонентные* («где есть каково», «где пахнет чем», «покрывает что (В. п.) чем») и *четырёхкомпонентные* («где действует чем откуда/куда»).

Из наименований перечисленных структурных схем безличных предложений очевидным становится факт наличия в четырёх из них компонента *где*, осмысляемого нами в качестве конститутивного компонента схем, носителя состояния, «не-личного, предметно-пространственного» субъекта [4, с. 104] и терминируемого «локативным субъективом»: *Тихо, мертвенно было в природе* (Гейнце. Новгородская вольница) (ССП «где есть каково»); *Здесь горячо пахло медовыми цветами* (Толстой. Хожение по мукам) (ССП «где пахнет чем») и др.

При речевой реализации структурных схем позиция носителя состояния часто остаётся незанятой в силу приписывания изменений состояний природы неограниченному пространству [3, с. 26]. В этом случае локальный компонент предстаёт расширенным [1, с. 39], соотносимым со значением указательных наречий типа *вокруг, кругом, всюду*. Подобное явление актуально для безличных предложений, в основе которых лежат структурные схемы «где самопроисходит», «где действует чем откуда/куда», «где пахнет чем». Например, ССП «где самопроисходит»: *Сильно морозило* (Толстой. Пётр Первый); ССП «где пахнет чем»: *Пах-*

ло илом, хвоей и пресным бархатисто-мягким запахом дождя (Шолохов. Тихий Дон); ССПП «где действует чем откуда/куда»: *С зелёных прибрежных долин в серых серёжках тихо плыл белый пух и тянуло запахом тины и рыбы* (Бунин. На даче) и др.

Вербализация компонента схем со значением «локативный субъект» «становится обязательной в случае сопоставления или противопоставления разных локусов» [4, с. 107], что наблюдается преимущественно в высказываниях, построенных по схеме «где есть каково». Противопоставление локативных субъективов влечёт и полярность природных состояний: световых, цветовых, проявляемых повышением или понижением температуры, покрытием, содержанием влаги и т. п. Например: *Только вдали поле с рожью точно горит огнём, да речка так блестит и сверкает на солнце, что глазам больно. – Отчего это, няня, тут темно* (ССПП «где есть каково»), *а там светло* (ССПП «где есть каково»), *а уж будет и там светло?* – спрашивал ребёнок (Гончаров. Обломов); *В то время как на берегу моря пасмурно и сыро* (ССПП «где есть каково»), *в горах ясно, сухо и тепло* (ССПП «где есть каково») (Афанасьев. Дерсу Узала) и др.

Вербализованный локативный субъектив в структурных схемах «где самопроисходит», «где есть каково», «где пахнет чем», «где действует чем откуда/куда» представлен локативными наречиями или соотносительными предложно-именными формами. Например: *Как тепло вокруг, зелено, шумно, весело!* (Астафьев. Монах в новых штанах) (ССПП «где есть каково»); *Над волнистыми полями – озимями, пашнями, жнивьями и коричневыми перелесками – темнело* (Бунин. Деревня) (ССПП «где самопроисходит»); *В воздухе пахло талым снегом, навозом и скотиной* (Толстой. Детство Никиты) (ССПП «где пахнет чем») и др.

Носителем состояния в структурной схеме «покрывает что (В. п.) чем» выступают словоформы (имена существительные в винительном падеже или их заместители – местоимения) со значением природного пространства, его части или природного объекта, характеризуемого по состоянию, вызванному воздействием каких-либо природных сил. Мы терминируем его «пациенсом “неодушевлённой природной субстанции”», испытывающим воздействие со стороны объекта-стихийного каузатора: *Всё небо заволокло облаками, и стал накрапывать редкий, мелкий дождь* (Чехов. Дом с мезонином); *И горы, и бездны, – всё заволокло непроглядной мглой* (Чарская. Вторая Нина) и т. п.

Второй конститутивный компонент всех пяти выделенных структурных схем – предикатив – не характеризуется с точки зрения морфологической выраженности однородностью. Он представлен:

1) безличными глаголами (структурная схема «где самопроисходит») типа *вечереть* ('о наступлении вечера, темноты'), *морозить* ('о морозной погоде'), *обутреть* ('посветлеть') и некоторых др.: *А иногда ночью подморозит, и река к утру покроется льдом* (Яковлев. Рыцарь Вася); *Когда смеркалось, нас всех вводили в казармы, где и запирали на всю ночь* (Достоевский. Записки из мёртвого дома) и др.;

2) личными глаголами в безличном употреблении (структурные схемы «где самопроисходит», «где пахнет чем», «где действует чем откуда/куда», «покрывает что (В. п.) чем») типа *заволакивать* ('закрывать чем-нибудь стелющимся, растекающимся'), *моросить* ('накрапывать мелкими каплями'), *пахнуть* ('издавать запах'), *темнеть* ('о наступлении темноты, сумерек'), *теплеть* ('о наступлении тепла') и мн. др.: *За*

ночь **потеплело** (Панов. Посреди степей); *Везде **пахло** черёмухой* (Пришвин. Календарь природы) (ССПП «где пахнет чем») и др.;

3) словами категории состояния (структурная схема «где есть каково») типа *безветренно* («о погоде: без ветра»), *морозно* («очень холодное, морозное состояние воздуха»), *облачно* («покрыто облаками»), *пасмурно* («хмуро, сумрачно»), *прохладно* («умеренно холодно») и мн. др.: *С утра в степи было по-весеннему **холодно** и **ветрено*** ... (Бунин. Святые горы); *Было **тихо**, ветер шумел пожухлой травой, река блестела против солнца* (Волков. Погружение во тьму) и др.;

4) в единичном случае – фразеологизмом *глаз коли* («очень темно») (структурная схема «где есть каково»): *Ночью – **глаз коли*** (Шолохов. Тихий Дон).

Из пяти структурных схем лишь одна – «где самопроисходит» – является двухкомпонентной, состоящей из локативного субъектива и предикатива, все остальные структурные схемы имеют в своём составе большее число компонентов.

Так, третьим компонентом структурной схемы «где есть каково» выступает глагольная связка *есть*, специально обозначающая вид отношения между означаемым субъектива и предикатива [2, с. 8]: *Но в затишье долины **было** жарко так же, как в городе, и я поспешил возвратиться на гору, в открытую, ровную степь* (Бунин. Костёр); *В воздухе, на солнце, **было** тепло, и тепло это с крепительной свежестью утреннего заморозка, ещё чувствовавшегося в воздухе, было особенно приятно* (Толстой. Война и мир) и др. В форме настоящего времени связка не вербализуется: *Ещё ночь, **глухо** и **снежно*** (Бунин. Последняя весна); *Движение местного светила происходило так медленно, что невозможно было понять – утро это или вечер, а может, совсем ничего и здесь всегда так **сумрачно** и **сыро** – вечный закат* (Осипов. Страсти по Фоме) и др.

Третий компонент структурных схем «где пахнет чем», «где действует чем откуда/куда» – конкретизатор запаха или веяния – представлен творительным падежом имени существительного или, в редких случаях, словосочетанием неопределённого местоимения *что-то* в Тв. п. + субстантивированное имя прилагательное: *Вокруг сильно, по-церковному, пахло нагретым **кипарисом*** (Паустовский. Бросок на юг); *В берега плещется вода. Тепло, сильно пахнет **чем-то** пряным* (Гончаров. Фрегат «Паллада») (ССПП «где пахнет чем») и др.

Спорадически в нашем материале встречаются высказывания с незамещённой позицией конкретизатора запаха (структурная схема «где пахнет чем»), что объясняется трудностью извлечения запаха из памяти [7, с. 85], тем, что «носители языка не имеют достаточных языковых средств, чтобы передавать ольфакторные впечатления» [8, с. 65]. Человек XX века (а теперь уже XXI в.), погружённый в мир «новых» запахов, рождённых современной цивилизацией, живущий в городах-мегаполисах, пропитанных газом, копотью и сигаретным дымом, оказываясь на лоне природы, порой бессилён определить и назвать запахи трав, деревьев, кустарников и т. п. Однако в этих случаях эллиптированный компонент либо легко восстанавливается из контекста или ситуации, либо в позиционную схему высказывания вводятся экспликанты, т. е. в широком смысле атрибутивные словоформы, занимающие с предикативами одно синтаксическое место [5, с. 409], – наречия *хорошо/плохо*, дающие оценку состоянию природы, проявляемому запахом, по степени приятия или неприятия его Наблюдателем: ...*Он ...усиленно нюхал воз-*

дух. – Пахнет, – сказал он шёпотом, – люди есть (Афанасьев. Дерсу Узала) (пахнет людьми, точнее, предположим, пахнет, гарью, дымом от костра, приготовленной пищи, тем, что связано с пребыванием людей в определённом месте и т. п.); В лесу *хорошо* пахло, птицы пели на все голоса (Азольский. Диверсант) и др.

Поскольку высказывания с эллиптированным наименованием запаха в нашем материале единичны, то, полагая, умение распознавать и именовать естественные природные запахи в современном городском мире, есть характерная черта национальной языковой картины мира XIX–XX вв.: *Сильно, до духоты пахло хвоем* (Чехов. Дом с мезонином); *Пахло травяным соком, ландышами*, но Владимир Сергеевич шёл к реке, ни во что не вникая (Белов. Кануны); *Пахло торфяным дымом* (Белов. Год великого перелома); *Пахло болотными цветами* (Толстой. Хождение по мукам) и др.

Третьим компонентом структурной схемы «покрывает что (В. п.) чем» выступает словоформа творительного падежа, представляющая воздействующий на страдающий предмет «стихийный каузатор» [4, с. 110], вызывающий определенное физическое состояние природы. Как средство воздействия он занимает объектную позицию, характеризуется нами как объект-стихийный каузатор: *В ночь под Пасху небо затянуло черногрудыми тучами*, накрапывал дождь (Шолохов. Тихий Дон); *Небо затянуло какой-то белесой сквозной поволокой*, словно тюлевой занавеской задернуло (Можжаев. Дождь будет) и др.

Четвёртый компонент структурной схемы «где действует чем откуда/куда» – исходный/конечный пункт перемещения состояния – представлен наречиями или предложно-именными словоформами. Возможность включения данного компонента в структурную схему предопределяется валентностным потенциалом личных глаголов в безличном употреблении, маркирующих предикатив как конститутивный компонент данной схемы: *веять, дуть, дохнуть, нести, наносить, попахивать, пахнуть, тянуть*, содержащих сему ‘распространение’ и, с учётом силы этого распространения, образующих целый градационный ряд: *веять, попахивать, тянуть* (слабо, прерывисто распространяться) – *дуть, пахнуть, дохнуть* (распространяться с умеренной силой) – *нести, наносить* (распространяться с большой силой). Данные глаголы так же различаются и «временностью» распространяемого веяния, его прерывистым или монотонно-длящимся характером: *веять, тянуть, дуть, нести, наносить* (распространяться, не прерываясь, в течение определённого временного промежутка) – *попахивать, пахнуть, дохнуть* (распространяться периодически, с перерывами). В высказываниях, в основе которых лежит анализируемая структурная схема, позиция локативного субъектива регулярно предстаёт незанятой: нам и так понятно, что все запахи и веяния переносят воздух: *На небе показался молодой месяц; со стороны пруда* тянуло сыростью (Мамин-Сибиряк. Три конца); *...Из недавно проснувшихся долин* веяло душистой свежестью, и в лесу, ещё сыром и не шумном, весело распевали ранние птички (Тургенев. Записки охотника) и др.

Частотность реализации той или иной структурной схемы в речи позволяет дифференцировать их на три группы: *высокопродуктивные* («где есть каково») (57 % высказываний выборки, и «где самопроисходит» (27,5%)); *средней продуктивности* («где пахнет чем» (9,2%)); *малопродук-*

дуктивные схемы («где действует чем откуда/куда» и «покрывает что (В. п.) чем») (соответственно 4 % и 2,3% выборки)).

ЛИТЕРАТУРА

1. Арват, Н. Н. Семантическая структура простого (односоставного) предложения: Текст лекций / Н. Н. Арват. – Черновцы: ЧГУ, 1974. – 63 с.
2. Волохина, Г. А. Синтаксические концепты русского простого предложения / Г. А. Волохина, З. Д. Попова. – Воронеж: «Истоки», 2003. – 196 с.
3. Дручинина, Г. П. К вопросу об односоставном предложении / Г. П. Дручинина, Н. К. Онипенко // РЯШ. – 1993. – № 1. – С. 22–26.
4. Золотова, Г. А. Понятие личности/безличности и его интерпретация / Г. А. Золотова // Russian Linguistics. – 2000. – № 24. – С. 103–115.
5. Ломов, А. М. Словарь-справочник по синтаксису современного русского языка / А. М. Ломов. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 416 с.
6. Петров, А. В. Категория безличности в современном русском языке: автореф. дис. ... докт. филол. наук / А. В. Петров. – М., 2007. – 43 с.
7. Рузин, И. Г. Когнитивные стратегии наименования: модусы перцепции (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и их выражение в языке / И. Г. Рузин // Вопросы языкознания. – 1994. – № 6. – С. 79–100.
8. Харченко, В. К. Перспективы развития сенсорной лингвистики / В. К. Харченко // Теоретические проблемы современного языкознания / Под ред. И. А. Стернина и М. А. Стерниной. – Воронеж: «Истоки», 2009. – С. 60–67.

У. И. Турко (Елец)

О ПОНЯТИИ ПОТЕНЦИАЛЬНОЕ СЛОВО

В работах авторов, исследующих новые лексические единицы, используется большое количество наименований: *неологизм*, *окказионализм*, *потенциальное слово*, *инновация*, *новообразование*. Вопрос о понятии *потенциальное слово* имеет неоднозначное решение. Для квалификации понятия, номинируемого термином *потенциальное слово*, обратимся к его словарной дефиниции.

Термин *потенциальные слова* отсутствует в большинстве словарей и энциклопедий. В «Словаре иностранных слов» *потенциальный* (от лат. *potentia* «сила, мощь») определяется как «существующий в потенции; скрытый, не проявляющийся; возможный» [8, с. 395]. Толкование *потенциальным* словам дается в «Словаре лингвистических терминов»: «производное или сложное слово, реально не существующее (т. е. не зафиксированное в реально осуществившихся уже произведениях речи), но могущее создаться в любой момент в соответствии с продуктивными словообразовательными моделями данного языка» [1, с. 343].

В «Словаре-справочнике лингвистических терминов» *потенциальные слова* определяются как «слова, которые уже созданы, но еще не закреплены традицией словоупотребления, или могут быть созданы по образцу

существующих в языке слов. *Возражатель, повторытель, спрашиватель*» [7, с. 223].

Впервые термин *потенциальное слово* употребил Г. О. Винокур, назвавший их словами, «которых фактически нет, но которые могли бы быть, если бы того захотела историческая случайность...» [3, с. 15].

А. И. Смирницкий считал потенциальными словами любые созданные в речи «на данный случай» слова, не вошедшие в общее употребление. «До тех пор, пока такое слово ... не стало воспроизводиться в общественном масштабе в процессе общения, оно, собственно, может быть признано лишь «потенциальным» словом..., не вошедшим в словарный состав языка, не существующим в качестве его составной единицы» [Цит. по: 9, с. 66]. Таким образом, исходя из определения А. И. Смирницкого, потенциальным словом может быть названо любое слово, созданное по любой (продуктивной или непродуктивной) модели, не вошедшее в узус.

В. В. Лопатин также на основании признака принадлежности к речи объединяет слова окказиональные и потенциальные, т. к. они «создаются «по случаю», окказионально» [5, с. 71] для нужд коллектива в момент речи. И вследствие налета новизны, свежести, оригинальности, подчеркивает лингвист, не всегда удается отграничить их от индивидуально-авторских новообразований [5, там же]. Но окказиональные слова не входят в словарный состав языка, поэтому «не имеют, как правило, «потенций» войти в него и впредь, значит, в этом смысле термин «потенциальный» к ним неприменим» [9, с. 66-67].

Тогда что же следует понимать под потенциальностью? 1) гипотетическую возможность образования слов по продуктивным моделям?; 2) возможность уже созданной языковой единицы войти в качестве нового слова в языковую систему?

Если признавать за потенциальным словом саму возможность образования слова по продуктивной словообразовательной модели существующих реальных слов, то такое слово является фактом потенции. Оно может возникнуть, а может и не появиться, если в нем нет потребности. А поскольку слово реально не существует (О. С. Ахманова указывает, что потенциальные слова – это слова нереальные, не зафиксированные в произведениях речи [см. 1]), то и нет необходимости в его номинации. Это только продуктивная словообразовательная модель для создания новых слов. «По существу это чистая реализация возможностей словообразовательного типа (например, *возражатель, повторытель* и т. п.)» [4, с. 218]. Возможность создания новых слов «по действующим образцам или по аналогии к одному слову» называется словообразовательным потенциалом, «а слова, которые можно образовать такими способами, – потенциальными словами» [11, с. 463]. Это модель, шаблон, по которому создаются слова.

Если отказаться от термина *потенциальные слова*, оставляя термины *неологизмы, окказионализмы*, понимая под первыми воспроизводимые новые слова, выражения и значения, служащие для наименования новых предметов и понятий, а под вторыми «речевые явления, возникающие под влиянием контекста, ситуации, речевого общения для осуществления какого-либо коммуникативного задания, главным образом для выражения смысла, необходимого в данном случае» [2, с. 283], создаваемые по образцу непродуктивных и малопродуктивных, а также продуктивных типов, но с нарушением условий их образования, то как охарак-

теризовать реальные слова, возникшие по продуктивным словообразовательным моделям, не ставшие фактами языка, имеющие единичное употребление в авторских текстах, такие как, например, *задержатель*, *сердцеушительный*, *грустно-скоротечный*, *молочно-сизый*, *златоянтарный*, используемые в поэтических произведениях П. А. Вяземского? Они являются принадлежностью пера автора, содержат стилистическую окраску художественной речи и вряд ли станут неологизмами – новыми лексическими единицами, освоенными языковой системой, т. е. не нашли широкого употребления в языке. Потенциальность можно рассматривать как возможность лексических единиц, созданных по продуктивным моделям, действующим в русском языке, войти в язык. В этом смысле потенциальные слова представляют собой единицы доязыкового или речевого уровня.

Очевидно, можно рассматривать потенциальные слова в одном ряду с окказиональными, как фактами речи. Однако они различаются между собой как два крайних вектора словообразования: первые реализуют его словообразовательные законы, потому что образуются по продуктивным словообразовательным типам, их словообразовательная структура соответствует структуре реальных слов, а вторые их нарушают. В целом, потенциальные и окказиональные слова показывают возможности, которые заложены в системе языка. Только «в первом случае это возможности, которые вот-вот станут реальностью», а во втором – «это возможности глубоинные, лишь изредка, с трудом выбивающиеся на поверхность» [4, с. 238].

Где же проходит грань между потенциальными словами и неологизмами, ведь те и другие образуются по продуктивным словообразовательным типам? Лексические неологизмы – новые слова или сочетания слов, выступающие «как воспроизводимые значимые единицы» [10, с. 161], и следовательно факты языка в отличие от потенциальных слов – фактов речи, созданных и употребленных, возможно, единожды для ситуативной номинации.

Е. А. Земская отмечает различия в семантике потенциальных слов как речевых образований и слов реальных: значение потенциальных слов «складывается из значения составляющих их частей», а значение производных реальных слов, хотя и определяется значением исходного простого слова, складывается из значения составляющих его морфем, «может иметь нечто добавочное, индивидуальное, свое, что нельзя узнать из модели, а необходимо знать заранее» [4, с. 218-219]. Она приводит примеры потенциальных и реальных слов с суффиксом *-тель* [4, с. 219-220]. Так, семантика слова *возражатель* «обозначение того, кто возражает или любит возражать» отличается от семантики слова *учитель* «обозначение того, кто учит или любит учить», а также «название определенной профессии, рода занятий».

Как справедливо отмечает в докторской диссертации «Проблемы неологии и русская неография» С. И. Алаторцева, «думается, абсолютно правы те лексикологи, которые отмечают некорректность самого термина «потенциальное слово» (Н. И. Фельдман, О. А. Габинская, А. Г. Лыков и др.) [цит. по: 6, с. 196]. Очевидно, вследствие широкого объема содержания термина *потенциальное слово*, следует считать некорректным его употребление, поэтому необходимо либо дать ему четкую дефиницию, либо отказаться от него.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 608 с.
2. Бельчиков Ю. А. Окказионализмы // Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю. Н. Караулов. – М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. – С. 283-284.
3. Винокур Г. О. Маяковский – новатор языка. – М.: Сов. писатель, 1943. – 136 с.
4. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. – М.: Просвещение, 1973. – 304 с.
5. Лопатин В. В. Рождение слова. – М.: Наука, 1973. – 152 с.
6. Огородникова Е. С. Потенциальное слово (к вопросу о целесообразности термина) // Университетские чтения – 2005. Материалы научно-методических чтений ПГЛУ. – Часть III. – Пятигорск: ПГЛУ, 2005. – С. 195–198.
7. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. – М.: Просвещение, 1985. – 399 с.
8. Словарь иностранных слов / Зав. ред. Пчелкина В. В. – М.: Рус. яз., 1988. – 608 с.
9. Фельдман Н. И. Окказиональные слова и лексикография // Вопросы языкознания. – 1957. – № 4. – С. 64-73.
10. Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. – М.: Просвещение, 1972. – 368 с.
11. Янко-Гриницкая, Н. А. Словообразование в современном русском языке. – М.: Индрик, 2001. – 504 с.

К. Л. Фёдорова (Курган)

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ- МЕТЕОНИМОМ «*BETER*» / «*WIND*», «*ДОЖДЬ*» / «*RAIN*», «*ТУМАН*» / «*FOG*» В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В научной литературе сегодня отмечается большой интерес учёных-филологов, лингвистов к проблеме изучения фразеологических единиц, объединённых общим компонентом. Возросший интерес к фразеологическому составу языка как к отражению национального самосознания лингвокультурных общностей, а также всё большее появление исследований по выявлению своеобразия фразеологии отдельных языков свидетельствует об актуальности данной тематики. В нашем исследовании мы рассматриваем фразеологические единицы с компонентом «ветер»/«wind», «дождь»/«rain», «туман»/«fog» в русском и английском языках.

Тема погоды на Британских островах, в отличие от России, является одной из самых широко обсуждаемых. Известный английский писатель С. Джонсон заметил о привычке англичан беседовать на эту тему: «When two Englishmen meet, their first talk is of the weather» (когда встречаются два англичанина, их разговор начинается с обсуждения погоды). Эту специфику отмечают многие путешественники и журналисты: «Однаж-

ды я был в гостях у пожилой англичанки миссис Леннон. Разговор в гостинице, как полагается в приличном обществе, начался с «шерри» и обсуждения погоды.

– Сегодня солнечно, не правда ли?

– Да, но вчера было, на мой взгляд, ещё солнечней.

– В ближайшие дни, насколько мне известно, ожидается некоторое похолодание» [3, с. 8].

Нами был проведён Интернет-опрос информантов, который позволил выявить, что большинство носителей английского языка, проживающих в Великобритании, наиболее характерными для Туманного Альбиона метеорологическими явлениями считает ветер, дождь и туман. Фразеологические единицы с компонентами «ветер»/ «wind», «дождь»/ «rain», «туман»/ «fog» мы относим к компонентам- метеонимам (от греч. «метео» – первая составная часть сложных слов, соответствующая по значению слову «метеорологический» и лат. «номен» – имя, название, наименование), обозначающих изменения погоды: влажность, температуру, ветер, давление, облачность, осадки, солнечное сияние и др.

1. «Ветер»/ «wind».

Эти фразеологизмы широко распространены как в русском, так и в английском языке. Составленная нами картотека включает 32 и 36 фразеологизмов соответственно, что говорит о важности данного погодного явления в двух лингвокультурах. Однако семантика фразеологических единиц раскрывает отнюдь не погоду, зачастую характеризуется человеком, ситуация, положение дел, отношение к быту и абстрактным категориям. В языческие времена силы природы наделялись магической властью и отождествлялись с божествами. Под них подстраивал человек свой быт, укрощая стихию (жить, куда **ветер** дует; держать нос по **ветру**; попутного **ветра**; whence the **winds** lies; off the **wind**; mend your sail when the **wind** is fair и проч.). С погодными изменениями сравнивал обыватель окружающие его явления материального мира, умонастроения современников (**ветер** в голове ходит; жить, куда **ветер** дует; с **ветерком**; бороться с **ветряными** мельницами; be (go) down the **wind**; hang in the **wind**; **wind** and weather и др). Большая часть фразеологизмов с этими компонентами приобретает метафорический смысл, когда два предмета извлекаются из разных логических классов, отождествляясь на основе общих признаков и свойств (с **ветра**; **ветер** свистит в кармане; be in the **wind**; **wind** in the head и проч.), обозначая в обоих языках нестабильность, легкомысленность, безрассудство, внезапность, быстроту, отсутствие чего-либо, приспособленчество, грозную стихию. Это универсалии, объясняемые общностью человеческого мировосприятия. Анализ фразеологических единиц показал, что только в английском языке есть фразеологизмы, пришедшие из морского обихода (whence the **wind** lies; between **wind** and water; in the **wind's** eye; sail close to the **wind**; off the **wind**) и спортивной сферы (get [recover] one's **wind**; second **wind**), что свидетельствует о традиционном представлении Великобритании как морской островной державы и родоначальницы многих видов спорта. Русское слово «ветер» однозначно и трактуется «Толковым словарём русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой как «движение, поток воздуха в горизонтальном направлении». В английском языке слово «wind» многозначное. «Oxford English Reference Dictionary» Judy Pearsall и Bill Trumble толкует «wind» в первом значении как «air in more or less

rapid natural motion, esp. from an area of high pressure to one of low pressure. A current of wind blowing from a specified direction or otherwise defined», что соответствует русскому определению ветра. Во втором значении «wind» определяется как дыхание: «breath as needed in physical exertion or in speech; the power of breathing without difficulty while running or making a similar continuous effort». И это сказывается на семантике и этимологии английских фразеологизмов.

Используя классификацию русских фразеологических единиц с компонентом «ветер» по семантико-грамматическим классам А. М. Чепасовой, мы выявили преобладание *процессуальных* (14) (бросать [кидать, пускать, швырять] на **ветер**; (жить), куда **ветер** дует; пойти [выйти] до **ветру**; ищи [-свищи, догоняй] **ветра** в поле; бороться с **ветряными** мельницами и др.). *Призначных* оказалось 10 (**ветер** на уме; с **ветра**; один, как **ветер** в поле; подбитый **ветром** [**ветерком**], *качественно-обстоятельственных* – 8 (как [словно, точно, будто] **ветром** сдуло; не с **ветру**; с **ветерком**). В английском языке также преобладает класс *процессуальных* фразеологизмов с компонентом «wind» (23) (raise the **wind** – жарг. раздобыть денег; knock the **wind** out smb. – утомить, загнать кого-либо; lose one's **wind** – запыхаться, задохнуться; fly [go] to the **winds** – исчезнуть бесследно; get [recover] one's **wind** спорт. – отдышаться; whence [where, how] the **wind** lies [blows] морск. – откуда ветер дует). *Качественно-обстоятельственных* – 7 (before [down] the **wind** – по ветру; like the **wind** – быстро, between **wind** and water морск. – на уровне или ниже ватерлинии (часть корпуса корабля ниже ватерлинии более уязвима); самое уязвимое место; in the **wind's** eye [in the teeth of the wind] – морск. прямо против ветра), *предметных* – 5 (bad [short] **wind** – одышка; broken **wind** – запал (у коня); second **wind** – спорт. второе дыхание; прилив энергии), *призначных* – 1 (sound in the **wind** and limb – в отличной физической форме). Итак, число процессуальных фразеологизмов с компонентом «wind» в английском языке значительно превышает количество единиц с компонентом «ветер» в русском. Синхронно-сопоставительный анализ фразеологического материала обнаружил и разную фразеологическую активность лексических единиц в русском и английском языках (32 и 36 соответственно). Это объясняется климатическими особенностями России и Великобритании, отношением человека к погоде и степенью интегрированности данной проблемы в языковую картину мира нации.

2. Дождь (rain).

Британцы в шутку говорят, что в их стране существует 3 варианта погоды: «When it **rains** in the morning, when it **rains** in the afternoon or when it **rains** all day long» (когда дождливо утром, после обеда или в течение всего дня). Мы определили 3 английских фразеологизма, обозначающих интенсивность дождя: the **rain** comes down in torrents (streets) (дождь льёт потоками); it **rains** cats and dogs (лёт как из ведра (букв. лёт кошки и собаками); it is **raining** pitchforks (дождь хлещет). Мы видим гиперболизацию по нарастающей: в первом фразеологизме показана высокая степень интенсивности осадков, во втором – более сильная, используется образ многочисленности животных (зооморфная метафора). В русском языке нет ничего подобного. В третьем фразеологизме передаётся максимальная степень действия. В русском языке есть фразеологическая единица «(дождь) лёт как из ведра», передающая высо-

кую степень интенсивности данного природного явления, но образ совершенно другой. Анализ фразеологизмов с компонентом «gain» по семантико-грамматической классификации А. М. Чепасовой выявил преобладание качественно-обстоятельственных фразеологических единиц (3) (to **rain** cats and dogs – лёт как из ведра; for a **rainy** day – на чёрный день; (as) right as **rain** – разг. 1) совершенно здоров, цел и невредим, в добром здравии, в хорошем состоянии, в порядке; 2) совершенно верно, правильно). В русском языке существует небольшое количество фразеологизмов с компонентом «дождь». Проведённый нами семантико-грамматический анализ выявил преобладание предметных фразеологизмов (3) (звёздный **дождь** – обильное падение метеоритов; свинцовый **дождь** – о выпущенных из ружья или орудия зарядах дробы, картечи и т. д.; золотой **дождь** – большие суммы денег).

3. Туман (fog).

Туманы – это характерная климатическая особенность Великобритании. Особенно славится ими британская столица Лондон: в среднем ежегодно там бывает до 50 туманных дней. Созданию густого тумана – смога, при котором устанавливается нулевая видимость, способствуют выбросы фабричных труб и дым традиционных домашних каминов, что не характерно для России. «...Поддерживая беседу, я рассказал о заметке в «Визионе» и добавил, что уже три месяца в Англии, а настоящего смога не видел.

– Ничего удивительного, – ответила хозяйка. – Раньше у нас камины топили углём и из труб валил густой дым. Иногда опускался такой туман, что мы ходили, придерживаясь руками за стены домов. Смог называли «гороховым супом» – он был густой и грязно-жёлтого цвета. Теперь мы топим только газом или электричеством, и туман рассеялся.

– Кроме того, климат у нас несколько изменился, – вставил один из гостей» [3, с. 8-9].

В английском языке мы определили два фразеологизма с компонентом «fog», принадлежащих разным семантико-грамматическим классам, но фразеологические единицы отличаются высокой образностью: a pea-soup **fog** – разг. плотный желтоватый туман (букв. гороховый суп); (all) in **fog** – в замешательстве, в затруднении. В русском языке мы зарегистрировали 2 фразеологизма с компонентом «туман», которые отличаются от английских своей образной основой: процессуальный «напускать [нагнать] **туману**» и качественно-обстоятельственный «как в **тумане**». Основой английского фразеологизма «a pea-soup **fog**» является ассоциация с цветом и густотой супа. Русский фразеологизм «как в **тумане**» и английский «(all) in **fog**» сходны по семантике, обозначая и плохую видимость, и затруднительность положения, и таинственность.

Таким образом, мы рассмотрели фразеологизмы с компонентом «ветер»/ «wind», «дождь»/ «rain», «туман»/ «fog» в русском и английском языках, обнаружив черты сходства и различия между ними. Синхронно-сопоставительный анализ фразеологизмов в русском и английском языках обнаружил разную фразеологическую активность лексических единиц в двух языках. Исследование показало и различное отношение народов к теме погоды, повлиявшее на их языковую картину мира. Учитывая эти лингво-культурологические особенности, мы сможем лучше понимать наших географических соседей и создать взаимокomфортную среду обитания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бирих А. К.* Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – СПб.: Фолио-Пресс, 2001. – 78-79 с.
2. *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений: 4-е изд., доп. / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Российская академия наук: Институт русского языка имени В. В. Виноградова. — М.: Азбуковник, 1999. – С. 77.
3. *Озеров М. В.* Англия без туманов. Из дневника корреспондента. М.: Детская литература, 1977. – 127 с. с фотоил.
4. *Чепасова А. М.* Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов: Учеб. пособие. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2006. – 144 с.
5. *Pearsall Judy.* Oxford English Reference Dictionary/ Judy Pearsall, Bill Trumble. – Varese : La tipografica Varese S. p. A., 2003. – P. 1656.
6. *Siefring Judith.* Oxford Dictionary of Idioms. Oxford University Press, 2004. – 340 p.

И. Б. Хоменко (Тверь)

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ МЕТАФОРА КАК КВАЛИФИКАТОР НОРМЫ И АНТИНОРМЫ

Оппозиция «нормальное положение вещей / отклонение от нормы – одна из важнейших в структурировании действительности, и поэтому ее можно обнаружить в любой культуре, но при этом сами нормы являются во многом культурно специфичными. Норма детерминирует национальные особенности поведения, мирооценки, закрепляя и отражая этические, нравственные и ценностные приоритеты, которые, собственно говоря, и являются основополагающими элементами национальной культуры. Таким образом, выявление специфики русской картины мира сквозь призму норма / антинорма теснейшим образом связано с проблемой реконструкции русского этнического образа, являющейся одной из наиболее актуальных в лингвокультурологии.

Для семантического анализа абстрактной лексики, к которой относится огромный пласт слов, репрезентирующих как норму, так и антинорму, весьма продуктивным является исследование их метафорической сочетаемости в целях выявления конкретного образа, который сопоставим в наивной картине мира с данным абстрактным понятием.

Пространство – универсальный концепт, организующий концептосферу. Оно является основным рубрикаторм ее членения. Н. К. Рябцева вслед за многими другими исследователями высказывает мысль о том, что язык предметного пространства становится пригодным для представления непредметных, неявных сущностей, что становится универсальным механизмом, названным исследовательницей «принципом наглядности в языке» [1, с. 125].

Взаимоотношения нормы и антинормы, кодированные в терминах пространства, неоднозначны. С одной стороны, необычное, неправильное мы осознаем на фоне обычного (нормы). Незаметность, немаркированность нормы делает ее фоном для различного рода отступлений. С другой стороны, регулярно появляющиеся указания на границы (отграниченность) нормы переворачивают картину, локализуют норму внутри охватывающего ее пространства антинормы.

Категоризация в терминах пространственной ориентации предполагает указание на наличие границ: «наше восприятие пространства, осознание пространства и представление о пространстве с необходимостью включает в себя некоторые пределы» [2, с. 93]. Нормированность, представленная в категориях пространства, охватывает все стороны жизни и осознается как условная граница, рамки (*ввести в рамки, заданные рамки, выйти за рамки, жесткие рамки, за гранью разумного, за пределами возможностей, предел терпению*). Например: *А ежели при этом ни зайцы, ни вороны не только не ропщут, но продолжают плодиться и населять землю, то это значит, что «порядок» не выходит из определенных ему искони границ* (Салтыков-Щедрин. Медведь на воеводстве); *...все взвешено, узнано, оценено <...> всему назначены границы* (Гончаров. Обыкновенная история).

Нарушение нормы репрезентируется как выход за ее границы, что репрезентируется глаголами (и отглагольными образованиями) со значением движения, перемещения в пространстве, а точнее – со значением перемещения из одного пространства в другое: *Я просто вышел за проволоку. Все это общество – загон для животных. Все эти кодексы, нравы...* (Аксенов. Всегда в продаже); *В целом первая задача политической корректности – уравнивать в статусе (за счет подтягивания) отставших, обойденных, вышедших за рамки так называемой нормы* (Т. Толстая. Политическая корректность).

Пространственное членение как физического, так и по аналогии с ним ментального пространства представляет собой частный случай действия оппозиции свой / чужой. Кроме того, на пространственное членение в этой связи неизбежно накладывается оценочная оппозиция хороший / плохой, «через которую “прогоняется” вообще весь набор оппозиций в любой модели мира» [3, с. 77]. Положительным при этом оказывается внутреннее, близкое, свое, а отрицательным – внешнее, далекое, чужое. Пространство таким образом становится аксиологической категорией.

Небезынтересен тот факт, что оппозиция внутреннее / внешнее неоднозначна с точки зрения оценки по шкале хорошо / плохо. С одной стороны, внешнее, будучи экспликацией нарушения нормы, должно быть оценено негативно. С другой стороны, в идее открытого пространства (которое в данном случае соотносится с областью антинормы) содержится традиционная для русского сознания идея положительной оценки. Подобное оценочное совмещение возможно в силу того, что в семантике нормы одним из компонентов является значение ограничения свободы человека, навязывания ему «сверху» каких-либо предписаний, не всегда им принимаемых, но которым он вынужден подчиняться. Таким образом, идея открытости и закрытости пространства соотносится с разными членами оппозиции свобода / несвобода. С несвободой в данном случае отождествляется норма, понимаемая как запрет на проявление самостоятельности, индивидуальности. Таким образом, установленные в физиче-

ском и ментальном пространстве границы имеют очень неоднозначную оценку. С одной стороны, их существование (и установление) воспринимается как безусловно положительный фактор – это способ защиты «своего» пространства. Отсутствие каких бы то ни было границ оценивается отрицательно (ср.: *беспредел*). С другой стороны, границы сковывают свободу действия, изолируют одного человека от другого (*отгородиться от мира, стена отчуждения, возвести стену непонимания*); осознание их контролируемости приводит к негативной оценке самого факта их существования. Таким образом, отграниченность сферы нормы, репрезентированная словами *рамки, границы* и т. п., создает уверенность в безопасности, что, безусловно, оценивается положительно, и в то же время продуцирует значение скованности, ограничивающей свободу выбора.

Границы, очерченные нормой, проведены недостаточно четко, они оказываются размытыми, поскольку «в самой действительности, которую призван описывать язык, нет резких границ» [4, с. 15]. Так, высказывание «это переходит все границы» предполагает существование нескольких рубежных линий, отделяющих норму от антинормы, соответствующих более строгой кодификации и менее строгой. Таким образом, выделяется некая приграничная зона, область допустимого (*перейти границы допустимого*), которая может оцениваться далеко не однозначно.

Расстояние между нормой и антинормой в зависимости от позиции субъекта осознается как расстояние разной степени протяженности. Оно может пониматься как пропасть: *Еще более, чем общность души, их объединяла пропасть, отделявшая их от остального мира. Им обоим было одинаково немилы все фатально типическое в современном человеке, его заученная восторженность, крикливая приподнятость и та смертная безкрылость, которую так старательно распространяют неисчислимые работники наук и искусств для того, чтобы гениальность продолжала оставаться большою редкостью* (Б. Пастернак. Доктор Живаго). И напротив, может быть обозначено в языке как очень незначительное, то есть расстояние в один шаг (*перешагнуть границы*). На еще меньшее расстояние между нормой и антинормой указывает глагол «переступить»: *Главное, <Коля Красоткин> знал меру, умел при случае сдерживать себя самого, а в отношении к начальству никогда не переступал некоторой последней и заветной черты, за которую уже проступок не может быть терпим, обращаясь в беспорядок, бунт и беззаконие* (Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы). Данный пример интересен употреблением в нем метафоры «последняя черта». Наличие последней черты, отграничивающей область нормативного от ненормативного, говорит о существовании по крайней мере еще одного, первого рубежа, а значит, о наличии более строгих и менее строгих границ между нормой и антинормой, которые зависят от ситуации и от оценивающего данную ситуацию субъекта. Нельзя не обратить внимания на то, что величина дистанции между областью нормативного и ненормативного оценивается по-разному в зависимости от того, из какой «зоны» происходит данное оценивание. Так, в выше приведенных примерах расстояние норма – антинорма (субъект помещен в первую зону) оценивается как минимальное, а антинорма – норма как пропасть, то есть не только как значительное, но и трудно преодолимое (или вообще не преодолимое) расстояние. Подобная асимметрия продиктована тем, что внутреннее,

«свое» пространство осознается как ценностное, а «ценность пространства требует, чтобы доступ к нему был затруднен и, наоборот, существование преграды, затрудняющей проникновение в пространство, повышает его ценность» [Розина 2000: 67]. Таким образом происходит навязывание представлений о том, что жизнь «по правилам» более удобная, комфортная, безопасная.

Наличие «промежуточной» зоны между областью нормативного и ненормативного, объективируемое пространственными метафорами, отражает специфику восприятия норм русским сознанием и особенности следования им.

Особенности русской картины мира в отношении к норме проявляются в том, что бинарная оппозиция разрешено / запрещено перерастает в триаду, срединное положение в которой занимает член, который можно определить излюбленной русской формулой «если нельзя, но очень хочется, то можно».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Рябцева Н. К.* Язык и естественный интеллект. М.: Academia, 2005.
2. *Лебедева Л. Б.* Семантика «ограничивающих» слов // Логический анализ языка: Языки пространств. М.: ЯРК, 2000.
3. *Цивьян Т. В.* Модель мира и ее лингвистические основы. М.: Ком-Книга, 2005.
4. *Шатуновский И. Б.* Семантика предложения и нереферентные слова (значение, коммуникативная перспектива, прагматика). М.: ЯРК, 1996.

М. Е. Щербакова (Тверь)

ПРОИЗВОДНЫЕ ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ МОДИФИКАЦИОННОГО ТИПА СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ В ГОВОРАХ ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ

Речевую деятельность носителей диалекта возможно охарактеризовать как совмещение диалектно-литературных форм языкового выражения. Процессы взаимодействия исконной системы диалекта с литературным языком проявляются в использовании одинаковых словообразовательных формантов, в выражении тождественных словообразовательных значений и в ряде случаев – в образовании диалектных дериватов от слов той же структуры, что и литературных производных.

Бесписьменная форма существования русских говоров накладывает определенный отпечаток на диалектную языковую систему, в том числе и на уровне словообразования: диалектная система словообразования отличается высокой степенью вариантности языковых единиц и тенденцией к окказиональности.

В дериватах, обладающих модификационным типом словообразовательного значения, обнаруженных в говорах Тверской области (578 де-

риватов), наибольшее количество производных существительных-модификатов выражает значение субъективной оценки (263 деривата), меньшим количеством наименований представлено значение женскости (165 дериватов), наименее частотны в говорах исследуемого региона субстантивы со значением единичности (40 дериватов), невзрослости (39 дериватов), стилистической модификации (37 дериватов) и собирательности (34 деривата).

Наибольшее количество существительных-модификатов выражает значение субъективной оценки – 263 деривата, которые распределяются по 17 словообразовательным типам и 9 единичным образованиям.

В числе типов, включающих производные слова со значением субъективной оценки, в данной системе говоров присутствуют словообразовательные типы с суффиксами *-очек* (*кафтаночек, ломоточек*), *-унык(а)* (*вдовуныка*), которые отсутствуют в литературной системе словообразования и являются принадлежностью диалектной словообразовательной системы.

Помимо этого, среди дериватов указанной группы присутствуют 9 единичных производных слова с суффиксами:

а) *-ик(а)* (*матика – мать*), *-ульк(а)* (*козулька – коза*), *-ан* (*холман – невысокий холм*), которые в качестве суффиксов, формирующих модификационное значение субъективной оценки, являются принадлежностью диалектной словообразовательной системы;

б) *-утк(а)* (*крошутка*), *-ашек* (*воробьяшек*), *-ошк(о)* (*волокошко*), *-ешк(о)* (*корытешко*), *-нинык(а)* (*сяниныка-ся* (сестра)), которые вообще отсутствуют в словообразовательной системе русского литературного языка.

В комплексе дериватов с модификационным значением субъективной оценки в большей степени проявляется своеобразие говоров Тверской области, чем их сходство с литературным языком. Первое проявляется прежде всего на уровне экспрессивности: производные единицы в литературных словообразовательных типах имеют более выраженную отрицательную оценочную экспрессию, чем диалектные дериваты в соответственных типах. Это объясняется тем, что при номинации неодушевленных предметов диалектоносители дают им преимущественно положительную оценку, в то время как несопоставимо большее число производных со значением лица имеют отрицательную оценку [3, с. 10]. Значительная разница отмечается:

1) в эмоционально-оценочном аспекте: так, в словообразовательных типах с суффиксальными формантами *-к(а)* */-очк(а)* (*изобка*), *-ушк(а)* (*деньгушка*), *-ец* (*дождец*), *-иц(а)* (*иржица*), *-ц(о)/-ец(о)/-иц(е)* (*кормышлице*), имеющих значение субъективной оценки, в литературном языке фиксируются слова с отрицательной эмоционально-оценочной окраской (с уменьшительно-уничижительным значением), в рассматриваемых говорах – только с положительной;

2) одно диалектное производное имя существительное с модификационным значением субъективной оценки с суффиксальным формантом *-ин(а)* (*облачина – небольшое облако*) имеет уменьшительное значение, в противоположность литературному языку, где дериваты с соответствующим суффиксом имеют только увеличительное значение.

Меньшим количеством наименований представлено значение женскости – 165 дериватов, которые распределяются по 11 словообразовательным типам и 7 единичным образованиям.

В числе типов, включающих производные слова со значением женскости, в данной системе говоров присутствует тип с суффиксом **-ух(а)**, который в литературном языке участвует в образовании только наименований самок животных, а в анализируемых говорах оформляет 10 дериватов со значением лиц женского пола (*лискуха* – девочка-плакса; *молчуха*) и только 2 производных со значением «самка животного» (*бобруха*; *мошнуха* – самка тетерева).

Среди малопродуктивных словообразовательных типов в говорах исследуемого региона присутствуют типы с суффиксами **-ик(а)** (*вислушка* – женщина дурного поведения), **-ох(а)** (*нежсоха*), **-н(я)** (*молдавня* – молдаванка), которые в литературном языке не участвуют в образовании существительных с модификационным значением женскости, и, таким образом, в качестве суффиксов, формирующих указанное значение, являются принадлежностью диалектной словообразовательной системы.

Суффикс **-иш(а)** (*порвиша* – оборванка), который оформляет в исследуемых говорах существительные с модификационным значением женскости, отсутствует в литературной системе словообразования, и тем самым является собственно диалектным суффиксом.

Помимо этого, среди дериватов указанной группы присутствуют 7 единичных образований с суффиксами:

а) **-ул(я)** (*скрипуля* – женщина-ворчунья), **-ён(а)** (*вислёна* – женщина дурного поведения), **-х(а)** (*масляха* – женщина-плакса), которые в качестве суффиксов, формирующих модификационное значение женскости, являются принадлежностью диалектной словообразовательной системы, так как не участвуют в литературном языке в образовании дериватов с указанным значением;

б) **-ыниц(а)** (*гусыница* – гусыня), **-ынищ(а)** (*гусынища* – гусыня), которые отсутствуют в литературной системе словообразования и являются собственно диалектными суффиксами.

Большинство словообразовательных типов, составляющих комплекс со значением женскости, включают в себя субстантивы с экспрессивными значениями. Указанные субстантивы образуются от диалектных производящих, имеющих эмоционально-экспрессивный оттенок значения, следствием чего является то, что производные со значением лица женского пола также обладают экспрессией.

Следует отметить, что в говорах Тверской области большинство диалектных дериватов с модификационным значением женскости имеют отрицательную оценку:

1) характеристика человека по его внешнему облику (*карзунья* – о женщине, имеющей плохие, некрасивые зубы или лишенной зубов, чаще передних);

2) характеристика человека по его душевным качествам, характеру и поведению (*вислушка* – женщина дурного поведения, *брезготунья* – та, кто брезгает, то есть брюзжит, *оплетуха* – женщина, которая много ест, обжора);

3) характеристика человека по особенностям его физического поведения, моторики (*беженка* – чересчур суетливая женщина);

4) характеристика человека по его интеллектуальным особенностям (*болмотня* – безрассудная, бестолковая женщина).

Существительные с модификационным значением единичности распределяются по 2 словообразовательным типам и 2 единичным образованиям.

В комплексе дериватов с модификационным значением единичности специфика говоров Тверской области проявляется в наличии:

а) существительных-модификатов, в которых происходит дублирование значения единичности (*деревинина, дровинина*);

б) существительного с единичным значением, образованного от названия животного (*молина*).

Подобные примеры образований сингулятивов, выражающих словообразовательное значение модификационного типа, в литературном языке отсутствуют.

Значение невзрослости представлено 39 дериватами, которые распределяются по 4 словообразовательным типам и 3 единичным образованиям.

Наряду с формантами **-онок** и **-оныш**, оформляющих производные слова со значением невзрослости и в литературном языке, в данной системе говоров присутствует тип с суффиксами **-ок** (*кабанок*) и **-енёнок** (*лягушенёнок*), первый из которых в литературном языке не участвует в образовании производных имен существительных с указанным значением, последний отсутствует в литературной системе словообразования, и является, таким образом, принадлежностью диалектной словообразовательной системы.

Помимо этого, среди дериватов указанной группы присутствуют 3 единичных образования с суффиксами:

а) **-очек** (*колоколочек* – ребенок-болтун), который является собственным диалектным суффиксом, так как отсутствует в литературной системе словообразования;

б) **-ашик(а)** (*коняшка*), который в качестве суффикса, формирующего дериваты с модификационным значением невзрослости, является принадлежностью диалектной словообразовательной системы, так как не участвует в литературном языке в образовании дериватов с указанным значением. Важно отметить, что наименование «коняшка» присутствует как в литературном языке, так и в анализируемых говорах, но в первом случае слово имеет уменьшительно-ласкательное значение, а во втором – значение «детёныш животного» («*Коней с коняшками загнала да одонок срубил, больше ничего не делала*». Шешь) [2: 2007, с. 94].

Также отличительной особенностью дериватов с указанным значением в говорах Тверской области является наличие в словообразовательном типе с суффиксом **-оныш** деривата *бабёныш* (маменькин сынок, бабий баловень), который в литературном языке имеет значение «ребенок – представитель национальности, социальной прослойки или профессии, названной мотивирующим словом».

Дериваты со значением стилистической модификации представлены в говорах в количестве 37 единиц, которые распределяются по 4 словообразовательным типам и 6 единичным образованиям. Преимущественно все производные существительные и в литературных, и в соответствующих диалектных типах являются экспрессивными в равной степени: диалектные дериваты с суффиксом **-уш(а)/-аш(а)**, **-ин(а)**, **-ух(а)/-ах(а)** сходны с литературными, оформленными тем же суффиксом, по выражаемой ими экспрессии.

Однако помимо указанных формантов, в данной группе суффиксов, присутствует суффикс **-изин(а)** (*кровизина*), участвующий в образовании малого типа из 2 дериватов, а также суффиксы **-ник** (*дружник* – любимый

друг) и **-ащ(а)** (*бабаща* – полная женщина), оформляющие единичные дериваты.

Следует также отметить, что суффиксы **-ахн(а)** (*девахна*), **-ал(а)** (*грымзала*), **-ешник** (*лобешник*), **-ициц(а)** (*дивицица*), оформляющие по одному диалектному деривату со значением стилистической модификации в анализируемых говорах является собственно диалектными суффиксами, так как отсутствуют в литературной системе словообразования.

Также отличительной особенностью дериватов с указанным словообразовательным значением является наличие дериватов с суффиксом **-ин(а)** со значением «погодные условия» (*дожжина*, *ветрина*, *жарина*, *вихрина*, *грязина*), то есть значения, которое не свойственно существительным со значением стилистической модификации и аналогичным формантом в литературном языке.

Группа дериватов с модификационным значением собирательности состоит из 34 единиц, которые распределяются по 5 словообразовательным типам и 2 единичным образованиям.

В группе суффиксов, оформляющих тверские дериваты с модификационным значением собирательности, присутствуют суффиксы **-иц(а)** (*картофица*), **-от(а)** (*жукота*), **-овник** (*липовник*), участвующие в образовании малых словообразовательных типов, а также суффикс **-ок** (*кисток* – кисточки, служащие для украшения), оформляющий единичный дериват. Указанные суффиксы в литературном языке не оформляют производные с модификационным значением собирательности.

Важной отличительной особенностью диалектных дериватов со значением собирательности от соответствующих литературных является наличие в словообразовательном типе с суффиксом **-ј(о)** дериватов со значением «совокупность одинаковых растений, названных мотивирующим словом» (*дубьё*, *липьё*, *березьё*), которое свойственно в литературном языке только существительным-модификатам с суффиксальным морфом **-няк** (*дубняк*, *липняк*, *березняк*), а также наличие диалектных дериватов с суффиксом **-няк** со значением «совокупность лиц женского пола» (*бабняк* – бабы), «совокупность одинаковых конкретных предметов» (*глобняк* – толстая длинная жердь, часто приспособленная для сушки снопов, *волосняк* – волосы), «совокупность животных одного вида» (*комарняк* – комары), в то время как в литературном языке производные, оформленные указанным суффиксом имеют значение «совокупность одинаковых предметов (чаще всего растений), названных мотивирующим словом».

Подводя итоги, можно сказать, что набор словообразовательных формантов, характерных для производных имен существительных, выражающих словообразовательное значение модификационного типа, в говорах Тверской области значительно больше, чем в литературном языке.

Традиционно в говорах употребляется значительное количество экспрессивных производных единиц и присутствуют они в разных словообразовательных типах. Также общей диалектной тенденцией является то, что большая часть таких экспрессивных единиц имеет отрицательную эмоционально-оценочную окраску. Единственным исключением являются дериваты со значением субъективной оценки, поскольку это тот редкий случай, когда производные единицы в литературных словообразовательных типах имеют более выраженную отрицательную оценочную

экспрессию, чем диалектные дериваты в соответственных типах: так, в словообразовательных типах с суффиксальными формантами **-к(а)/-очк(а), -ушк(а), -ец, -иц(а), -ц(о)/-ец(о)/-ц(е)**, имеющих значение субъективной оценки, в литературном языке фиксируются слова с отрицательной эмоционально-оценочной окраской (с уменьшительно-уничижительным значением), в рассматриваемых говорах – только с положительной.

Это объясняется тем, что для создания слов – характеристик предметов и явлений окружающего мира – крестьянин-диалектоносите́ль использовал наименования знакомых и привычных ему предметов, окружающих его реалий: предметов быта, инструментов, традиционных продуктов питания, животных, растений и т. д., поэтому наименования неодушевленных предметов имеют преимущественно положительную эмоционально-оценочную окраску. Можно сказать, что акты номинации неодушевленных предметов в говорах окрашены в национально-культурные цвета.

Таким образом, несмотря на то, что система словообразования говоров Тверской области во многом аналогична литературной системе русского словообразования, специфика диалектного языкового комплекса словообразования ярко выражена и проявляется в количественных показателях на уровне продуктивности типов, количества дериватов, а также в качественных показателях – разнообразии словообразовательных и лексических значений дериватов и экспрессивной окраске производных имен существительных.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Тематический словарь говоров Тверской области. – Тверь, 2002–2006. Вып. 1–5.
2. Селигер: Материалы по русской диалектологии: Словарь. – СПб., 2003–2007. Вып. 1–3.
3. *Урманчеева И. С.* Экспрессивы со значением лица в говорах Вологодской области: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Вологда: Вологод. гос. пед. ун-т, 2003.

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОПИСАНИЮ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Е. С. Абрамова (Белгород)

СМЫСЛОВАЯ СТРУКТУРА И ЯЗЫКОВАЯ ОБЪЕКТИВАЦИЯ КОНЦЕПТА «РОССИЯ» (НА МАТЕРИАЛЕ ЖУРНАЛА «РОДИНА» ЗА 2000–2010 гг.)

Российское общество за последнее десятилетие прошло сложный путь социальных преобразований, духовно-нравственных и идейных поисков, что не могло не сказаться и на языке публичного диалога, обслуживаемого масс-медиа. Мировоззренческое и стилистическое раскрепощение личности автора, идеологическая рефлексия, мотивирующая выработку социально-политических целей и стратегий общества, качественно изменили условия функционирования средств массовой информации, которые стали важнейшим не только средством воспроизводства общественного сознания, но и идейно-нравственным ориентиром общества. Процесс идеологической и ценностной трансформации, демонстрируемый современными российскими масс-медиа, нашел отражение в характере осмысления человеком своего социального пространства и в способах его языковой объективации.

В поле нашего зрения были публикации в журнале «Родина» с 2000 по 2010 гг., то есть того периода, который исследователи обычно рассматривают как самостоятельный в мировоззренческом отношении. Это период идеологического перелома, отказа от старых и выработки новых общенациональных приоритетов, общенациональной и славянской идеи на основе методологии социального реализма (так называемой «методологии перезагрузки»), то есть трезвого осознания противоречий социальной реальности, в которой сталкиваются процессы духовной интеграции и дезинтеграции, в которой «гимны» русскому слову далеко не всегда складываются из совпадающих в своей идейной основе «раздумий о России».

В нашей работе концепт «Россия» получает свое лингвокультурологическое описание как ключевой медийный концепт, отражающий доминирующие ценности российского социума в процессе осмысления им своего культурного пространства и фиксирующий совокупность проблем, стоящих перед современной, модернизирующейся Россией.

Важной характеристикой лингвокультурного концепта, демонстрирующей его духовную значимость, является «номинативная плотность», под которой понимается «детализация обозначаемого фрагмента реальности, множественное вариативное обозначение и сложные смысловые оттенки обозначаемого» [3, с. 112].

Номинативное поле концепта «Россия», репрезентированного в журнале «Родина», выстраивается вокруг своего смыслового ядра,

обозначенного официальным именем *Россия* или *Российская Федерация* – «государство, расположенное в Европе и Азии; страна, в которой большинство населения составляют русские» [2, с. 1129].

При этом в журнале «Родина» активно задействован не только современный, но и исторический аспект, показателем чего является высокая частотность обращения к древнему наименованию России – *Русь*. Топонимическая «перекличка» обеспечивает не только административную или географическую ассоциацию, но и культурно-историческую, фиксируя понимание культурной целостности номинируемого объекта, а также духовно-нравственной и идейной преемственности всех его исторических форм.

Кроме прямых номинаций России в исследуемом журнале используются такие наименования, как *русская земля* и *государство, расположенное в Европе и Азии*. Наименование *русская земля* передает, по всей видимости, не только особое отношение русских к своей стране как к матери или жене [5, с. 172], но и апеллирует к богатым традициям философского осмысления в русской культуре (в частности, к текстам Н. Бердяева и В. Розанова) *русской земли* как страны «необъятных пространств», «непочтой веры» и «особой силы бытия» [1, с. 67; 4, с. 33]. Наименование *государство, расположенное в Европе и Азии*, позволяет увидеть Россию с позиций концепции евразийства как особый геополитический и духовный феномен, объединяющий два различных мировоззрения.

Подтверждением того, что Россия – наследница этнокультурных, духовно-нравственных ценностей предшествующих поколений, является высокая частотность лексем, номинирующих важнейшие понятия традиционной культуры, и окружающий их позитивный смысловой контекст: *славянство, духовность, российская идентичность, нравственность, патриотизм, православие, русская культура, русский язык*.

В силу определенных исторических и политических причин в России вновь стала актуальной проблема славянства. Сегодня славянский мир расколот и на повестке дня стоит вопрос: возможно ли восстановление славянской взаимности. По мнению авторов публикаций, большое значение «славянская идея» имеет для восточнославянских народов – русских, украинцев и белорусов: вместе они составляют две трети всего славянского населения; такая взаимность в наше время – осознанная необходимость, позволяющая пройти эпоху модернизации без потери «национального лица». Однако тесное сотрудничество России со славянским миром ни в коем случае не противопоставляется ее сотрудничеству с Западной Европой, Америкой или Азией. Россия ищет себя в трехвекторном пространстве: Россия и Запад, Россия и Восток, Россия и славянский мир. Вследствие своего географического расположения Россия находится на пересечении цивилизаций – Восток и Запад, поэтому как полиэтническому и поликонфессиональному государству ей необходимо сохранять свою целостность и развивать диалог цивилизаций путем формирования национального самосознания на основе русской культуры и православия, а также других культур и религий. Ср.: «*Без развития отношений со славянским миром Россия просто не сможет существовать. Это не только сфера обеспечения ее национальных интересов. Принадлежность к славянству – часть нашего самосознания*» (Родина. 2006. № 4); «*История России с*

древнейших времен неразрывно связана с Востоком. Как евразийская держава, накопившая богатый опыт дружественного сосуществования и конструктивного взаимодействия различных культурно-цивилизационных и религиозных направлений, Россия придает важное значение развитию диалога цивилизаций, предотвращению нового раскола человечества по религиозным или цивилизационным признакам» (Родина. 2008. № 11).

Авторы статей считают, что поддержка и развитие языков и культур народов России должны идти вместе с признанием российской нации и российской идентичности как основополагающей для граждан страны. Они подчеркивают, что российская идентичность коренится в органическом характере развития нации и государства, а также в духовности россиян. Ср.: *«Не стоит мириться с мнением, которое отождествляет «русскую идею» с кафтаном и мужицкими лаптями, с монархизмом и изоляцией от остального мира. Речь идет не об изоляции, а только о духовной суверенности, которой угрожают враги внутренние и внешние»* (Родина. 2006. № 6); *«Если мы хотим сохранить целостность нашей многонациональной страны, то должны всерьез озаботиться вопросом целенаправленного формирования национального самосознания как на основе нашей общей великой русской культуры, так и на основе национальных религий и культур»* (Родина. 2008. № 9).

В публикациях отмечается, что язык – один из важнейших факторов национального мировоззрения и самосознания, коренная часть души народа. Он формирует и объединяет нацию, связывает поколения, обеспечивает преемственность и постоянное обновление культуры и государственности. В 1991 г. вопрос о государственной преемственности новой России от СССР оказался тесно связанным с новым бытием и бытованием русского языка. Качественно новая государственность существенным образом повлияла на статус и среду его существования. Ср.: *«...в советских конституциях не содержалось статьи о статусе русского языка. Упоминалось лишь то, что он есть «язык межнационального общения». Ельцинская конституция 1993 впервые в отечественной истории закрепила статус русского языка как языка государственного»* (Родина. 2008. № 2); *«Очевидно, что с конца XX века русский язык как государственный в Российской Федерации оказался в качественно новой ситуации, требующей законодательной и государственной поддержки»* (Родина. 2008. № 2).

По мнению авторов статей, сегодня на первый план выходят интересы страны и народа в целом; Россия ассоциируется с новыми культурными ценностями: семья, благосостояние, Отечество, безопасность, свобода, спорт. Ср.: *«Нужно отказаться от привычки подгонять анализ и оценки прошлого и настоящего под цели тех или иных политических сил. На первый план должны выходить интересы страны и народа в целом, а в основе лежать естественные и понятные каждому ценности, такие как дом, семья, отечество, безопасность, свобода, благосостояние. Главное при этом – поддержание национального единства и согласия, уход от разделения на «своих» и «чужих», на «правых» и «виноватых»* (Родина. 2008. № 9); *«В условиях реальной демократизации общества... появление новых ценностей актуально вдвойне. И блестящие успехи на спортивных аренах к роли этих ценностей – и традиционных, и новых – подходят как нельзя лучше»* (Родина. 2008. № 9).

Многие публикации журнала «Родина» посвящены проблемам осознания пути развития России, вследствие чего наиболее частотными становятся следующие когнитивные признаки: демократия, модернизация, ближнее зарубежье, вертикаль власти, интеграция, русское зарубежье, сближение с Западом, инновационное развитие, экономический рост, нефтегазовая отрасль, общественная активность, инвестиции, многопартийность, глобализация, возрождение, реформы, интеллигенция, гуманизация, государственность, гражданское общество, безопасность, внутренняя стабильность, образованный народ, борьба с терроризмом. Ср.: «В ситуации вероятной недостаточности ресурсов демократия потенциально может стать инструментом интеграции и мобилизации общества для достижения “прорыва” при условии модификации существующего режима в сторону большей сопричастности и соучастия населения в решении задачи возрождения России» (Родина. 2005. № 1); «Особое место, наряду с вопросами инноваций, обороноспособности, сейчас уделяется вопросам “внутренней стабильности” – укреплению гражданского общества» (Родина. 2008. № 9).

Однако на рубеже XX – XXI вв. Россия столкнулась с комплексом проблем, характерных для подавляющего большинства переходных (модернизирующихся) обществ: стагнация, распад социальных норм, нарастание конфликтности и насилия, маргинализация общества, коррупция госаппарата. Следствием этого явилась актуализация когнитивных признаков *социальная напряженность, коррупция, развал армии, передел собственности, организованная преступность, олигархия, мания самобичевания*. Ср.: «Социально-историческая ситуация в России в конце XX – XXI века характеризуется процессами, представляющими реальную угрозу существования нации: стремительное социальное расслоение общества. ., рост преступности, наркомании» (Родина. 2006. № 4); «Культура, духовность всегда выправляли и спасали народ. А сейчас мы видим, как разрушают нашу духовность и культуру. Идет открытая пропаганда культа насилия, социальной распущенности, вседозволенности и безответственности. Еще более прискорбно, что она имеет место на фоне экономического роста, укрепления базовых политических институтов» (Родина. 2008. № 9).

В публикациях журнала анализируются итоги президентства В. В. Путина и начало правления страной Д. А. Медведева, что выражается в частотности номинаций *Путин и Медведев*.

Путинский период президентства уже сейчас называют «эпохой Путина». Авторы статей считают, что после безвременья и хаоса 90-х гг. XX в. она внесла в почти распавшееся российское общество «идею России». Ср.: «...очень важной частью новой учебной литературы является то, что в ней выделен период руководства страной президента Путина, время становления суверенного демократического российского государства, и возрастающая роль России в мире на современном этапе» (Родина. 2008. № 2).

Объектом исследования в журнале «Родина» становится Д. А. Медведев: начало его президентства – это новая страница в истории России. Ср.: «Наступает перспективный, ответственный этап. Амбициозные задачи строительства мощных общественных институтов, инновационного и инфраструктурного рывка, повышения

качества жизни населения потребуют новых подходов» (Родина. 2008. № 9).

Авторы публикаций высказывают различные мнения о том, как страна будет жить при «двуглавом» руководстве: главой государства является Дмитрий Медведев, национальным лидером – председатель правительства Владимир Путин. Ср.: *«Оптимисты говорят, что эти два человека составляют успешную связку и их команды преодолеют все проблемы. Они много времени проработали вместе, а поэтому даже трудно определить, где кончается команда одного и начинается команда другого»* (Родина. 2008. № 7); *«Пессимисты обращаются к истории России и приводят аргументы из прошлого, доказывающие, что в России эффективной была лишь власть, выстроенная в виде вертикали. Мол, за 1200 лет появление сразу «двух царей» до добра никогда не доводило, и всякое «двоевластие» неизбежно заканчивалось либо смутой, либо победой одной стороны и низвержением другой»* (Родина. 2008. № 7).

Как показывает проведенный нами анализ контекстов, в центре номинативного поля концепта «Россия» выделяются когнитивные признаки *славянство, патриотизм, духовность, российская идентичность, православие, русская культура и русский язык*, являющиеся особенно значимыми для россиян в период формирования нового мировоззрения, основанного на стремлении российского общества осознать себя в славянском мире.

В заключение отметим, что исследование концепта «Россия» на материале журнала «Родина» за 2000 – 2010 гг. позволяет обнаружить векторы духовного осмысления современным россиянином своего социального пространства и выявить способы его языковой объективации в период мировоззренческой трансформации, осознания необходимости выработки общенациональных ценностей. Концепт «Россия» – один из наиболее значимых в современной языковой картине мира, о чем свидетельствуют его многочисленные когнитивные признаки и высокая номинативная плотность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н. А. Судьба России / Н. А. Бердяев. – М.: Советский писатель, 1990. – 346 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
4. Розанов В. В. Религия. Философия. Культура / В. В. Розанов. – М.: Республика, 1992. – 399 с.
5. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М.: Академический Проект, 2001. – 991 с.

Н. В. Анисина (Санкт-Петербург)

СКРЫТОЕ РЕЧЕВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ УЧЕБНО-НАУЧНОГО ТЕКСТА КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ БУДУЩЕГО СПЕЦИАЛИСТА

Коммуникативно-прагматический подход к анализу учебно-научного текста позволяет более глубоко понять процесс передачи знаний разных типов и процесс формирования практических умений в ходе обучения. Это стало возможно благодаря использованию в лингвистическом исследовании данных социологии, психологии, философии и др.

На протяжении нескольких последних десятилетий специалисты разных наук изучают взаимодействие в интеллектуальной, познавательной и практической деятельности двух типов человеческого мышления – логико-понятийного и интуитивно-образного. Как нам представляется, эти два типа мышления непосредственно связаны с двумя составляющими смысла высказывания: с диктумом и модусом (Ш. Балли), или пропозицией и модально-прагматической рамкой. Пропозициональный компонент высказывания может быть описан на основе логического анализа, этот аспект смысла высказывания воспринимается адресатом речи осознанно, может быть представлен в виде логических схем, таблиц и т. д. Модально-прагматический (или коммуникативно-прагматический) компонент воздействует на адресата речи во многом незаметно, поскольку рассчитан на эмоционально-образное восприятие. Именно такое восприятие позволяет читателю включить опыт понимания текста в свой личный опыт познавательной деятельности, который потом может быть использован читателем в собственной учебной или будущей профессиональной деятельности.

Изучению коммуникативно-прагматического аспекта научного текста посвящены работы Г. Г. Матвеевой [1], Л. М. Лапп [2], Е. И. Варгиной [3] и др. В частности, Г. Г. Матвеева выделила некоторые прагматические стратегии скрытого воздействия автора учебно-научного текста на читателя, выраженные в основном грамматическими формами. Однако важен не просто факт существования этих стратегий воздействия. Как показывает проведенный нами анализ учебно-научных текстов вузовских учебников, большое значение имеет сочетание различных стратегий. Именно одновременное использование автором преимущественно того или иного способа реализации нескольких стратегий в комплексе оказывает большое воздействие на читателя, повышая или снижая эффективность понимания учебного текста учащимися и, следовательно, его обучающий потенциал.

Рассмотрим сочетание различных форм реализации некоторых из выделенных Г. Г. Матвеевой прагматических стратегий воздействия на примере текстов из двух учебников:

– Назаретян А. П. Психология стихийного массового поведения: Топла, слухи, политические и рекламные кампании: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – 2-е изд., перераб. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 160 с. (учебник 1).

– Столяренко Л. Д., Самыгин С. И. Социальная психология: Учеб. пособие. – Ростов н/Д: Феникс, 2009. – 476 с. (учебник 2).

Выбор данных учебников определяется тем, что они представляют различные тенденции в создании учебно-научных текстов для вузов. Первый учебник адресован студентам, обучающимся по направлению и специальностям психологии, а также может быть полезен и специалистам других профессий. Более широкий читательский адрес предполагает большее внимание автора к такому качеству текста, как доступность и практическое значение содержания для читателя. Следует подчеркнуть, что данный учебник относится именно к учебно-научному подстилю научного стиля, а не к научно-популярному, кроме того, он не превращается в практическое пособие. Такой тип учебников является для российской традиции подготовки вузовских учебников новым явлением, поэтому нам представляется интересным сравнить его с классическим учебником, которым является второй учебник.

В ходе анализа нами учитывались следующие стратегии, выделенные Г. Г. Матвеевой:

1) стратегия, связанная со степенью уверенности автора в реализуемости события. Эта стратегия, по мнению Г. Г. Матвеевой, может быть представлена как утверждение категорическое (используются глагольные формы несовершенного вида, в частности настоящее вневременное) и менее категорическое (используются глагольные формы совершенного вида, обозначающие однократное действие в прошлом);

2) стратегия, связанная с выражением вероятностной оценки. Эта стратегия может иметь следующие варианты выражения: представление события как действительного, как возможного и дозволенного, как обязательного и долженствующего быть. По мнению Г. Г. Матвеевой, когда в тексте используются средства выражения модальности возможности и долженствования, то такое речевое поведение автора характеризуется как осторожное;

3) стратегия, связанная с научной оценкой содержания текста. В данном исследовании мы учитывали только наличие ссылок на научные доказательства представленного в тексте научного знания, то есть на исследования ученых и эксперименты;

4) стратегия, связанная с учетом важности содержания учебного текста для адресата речи. Мы интерпретировали эту стратегию как связь содержания с жизненным опытом учащихся и будущей профессиональной деятельностью.

Представим сравнительную характеристику реализации этих стратегий скрытого воздействия автора на адресата речи в таблице.

Стратегия скрытого воздействия (по Г. Г. Матвеевой)	Преобладающая форма выражение стратегии в тексте вузовского учебника	
	Учебник 1	Учебник 2
1. Стратегия, связанная со степенью уверенности автора в реализуемости события	Широко используются менее категорические утверждения (при описании примеров, научных экспериментов, которые служат для доказательства) и категорические утверждения	Используются преимущественно категорические утверждения
2. Стратегия, связанная с выражением вероятностной оценки	Содержание текста представлено в основном как действительное	Широко используются лексические средства выражения модальности возможности и долженствования
3. Стратегия, связанная с научной оценкой содержания текста	В тексте много ссылок на научные эксперименты, которые доказывают объективность излагаемых знаний	В тексте мало ссылок на научные эксперименты, объективность знаний почти не доказывается, она подразумевается
4. Стратегия, связанная с учетом важности содержания учебного текста для адресата речи	Широко используемые в тексте примеры конкретны, наглядны, связаны с практическим опытом учащихся и с их будущей профессиональной деятельностью	Примеры в тексте почти не используются, изложение практически значимых знаний носит преимущественно абстрактный, безличный характер, связь с будущей профессиональной деятельностью учащихся не описывается

Из таблицы мы видим, что тексты учебников различаются не по одному параметру, а по целому комплексу признаков, которые связаны между собой. Так, в первом учебнике широко используются менее категорические утверждения: при описании научных экспериментов и конкретных примеров событие изображается как произошедшее однократно, используются глагольные формы совершенного вида. Как отмечает Г. Г. Матвеева, такое представление описываемого события как произошедшего однократно предоставляет читателю большую свободу, не навязывает знание как абсолютное, а позволяет ему самостоятельно оценить объективность и приемлемость информации. Подчеркнем, что такая интерпретация характерна для аргументов, доказательств истинности знания и для описания конкретных примеров применения этого знания в практической деятельности.

Как показал проведенный нами опрос студентов, изложение материала в первом учебнике характеризуется ими как более доступное для по-

нимания, наглядное, конкретное. Кроме того, учащиеся также отметили, что им ясно, как можно будет использовать представленные в тексте знания в будущей профессиональной деятельности.

С другой стороны, в тексте классического учебника (учебника 2) почти нет конкретных примеров, нет указания на связь с будущей деятельностью, мало ссылок на способы получения излагаемого знания, которые могут служить доказательством его объективности. В результате читатели должны поверить в истинность знания на основании того, что оно излагается в учебнике, а следовательно, является общепризнанным в науке и обязательным для изучения студентами. В случае такой формы изложения имеет место психологическое давление со стороны автора, имеющего более высокий по сравнению с учащимися социальный статус, что проявляется и в использовании модальности долженствования. Но, как мы видим из таблицы, чтобы снизить этот эффект, автор широко использует различные средства выражения модальности возможности, то есть использует «осторожное речевое поведение» (Г. Г. Матвеева).

Выявленные нами закономерности сочетания различных стратегий скрытого прагматического воздействия показывают, что выбор автором одного из возможных способов оформления учебного содержания не является случайным, а связан с особенностями содержания и задачами повышения обучающего потенциала учебно-научного текста. На основе проведенного нами анализа могут быть составлены рекомендации для авторов учебников, способствующие повышению качества и эффективности учебного процесса.

Таким образом, скрытое речевое воздействие учебно-научного текста способствует более эффективному и полному пониманию учебного материала, а также формированию знаний, важных для практической профессиональной деятельности будущего специалиста. Опора на личный жизненный опыт читателей-студентов и связь новых знаний с задачами будущей практической деятельностью активизирует личностный потенциал учащихся, повышает мотивацию к обучению и способствует формированию различных видов компетенции специалиста.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Матвеева Г. Г.* Актуализация прагматического аспекта научного текста. – Ростов н/Д: Изд-во Ростовского университета, 1984. – 132 с.
2. *Варгина Е. И.* Научный текст: функция воздействия: Дисс. ... доктора филол. наук. – СПб., 2004. – 270 с.
3. *Ланн Л. М.* Интерпретация научного текста в аспекте фактора «субъект речи» (на материале анализа русской научной литературы): Автореф. дисс. ... кандидата филол. наук. – М., 1988. – 16 с.

Ю. С. Баскова, А. Д. Варава (Краснодар)

КУЛЬТУРНАЯ И ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНЫ МИРА ВЕЛИКОБРИТАНИИ, АМЕРИКИ И РОССИИ В ОПЫТЕ РОССИЙСКИХ СТУДЕНТОВ

Язык – зеркало культуры, в нем отражается не только реальный мир, окружающий человека, не только реальные условия его жизни, но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение, видение мира. Таким образом, обучение иностранному языку как средству общения неразрывно сливается с изучением общественной и культурной жизни стран и народов, говорящих на этом языке [1, с. 17].

Та часть культурной и соответственно языковой картины мира, на которой «изображены» другие страны и другие народы, создается под сильным воздействием стереотипов, в формировании которых участвуют различные факторы. В этом плане весьма показательны результаты лингвокультурологического эксперимента, который регулярно проводится С. Г. Тер-Минасовой с 1992 года и позволяет воссоздать культурную и языковую картины мира Америки и России в опыте российских студентов, изучающих английский язык [1, с. 139-164]. Суть эксперимента в том, что студенты записывают первые пять слов, которые приходят им на ум, когда речь идёт: 1) об Америке и американцах, 2) о России и русских.

Мы решили провести аналогичный лингвокультурологический эксперимент с целью проследить социокультурные изменения как в жизни России, так и в сознании её жителей (а именно – студентов Кубанского социально-экономического института), построить и описать на основе полученных данных их языковую и культурную картины мира. С 2010 года мы провели два исследования: 1) лингвокультурологический эксперимент, посвященный Америке и России (2010 год); 2) лингвокультурологический эксперимент, посвященный Великобритании и России (2011 год).

В каждом опросе принимали участие 100 студентов Кубанского социально-экономического института в возрасте от 17 до 22 лет. Результаты проведенного эксперимента представлены в таблице 1 и таблице 2.

Если в опросе 1992 года, проведенном С. Г. Тер-Минасовой, языковая и культурная картины американского мира, имеющиеся у русских студентов, были вполне комплиментарные, романтические, идеалистичные (так, лидером опроса стала слово *smile* [улыбка] – 27%), то наш опрос 2010 года отражает более критическое отношение к американцам.

Во-первых, в список 10 самых частотных слов попали 5 слов, связанных с едой и ожирением (типичной проблемой американцев): *McDonald's* [Макдональдс], *fast food* [фаст фуд], *fat* [толстый], *hot-dog* [хот-дог], *hamburger* [гамбургер]. Также респонденты упомянули *Bush's legs* [ножки Буша], *plump* [пухлые], *obesity* [ожирение], *unhealthy food* [нездоровая еда].

Таблица 1. Лингвокультурологический эксперимент 2010 года.

Америка, американцы		Россия, русские	
1. <i>McDonald's</i> [Макдональдс]	28%	1. <i>Vodka</i> [водка]	37%
2. <i>Bush</i> [Буш]	26%	2. <i>Moscow</i> [Москва]	23%
3. <i>Statue of Liberty</i> [Статуя Свободы]	23%	3. <i>Putin</i> [Путин]	17%
4. <i>Obama</i> [Обама]	19%	4. <i>Bears</i> [медведи], <i>the Kremlin</i> [Кремль]	16%
5. <i>Fast food</i> [фаст фуд]	18%	5. <i>Matryoshka</i> [матрешка]	14%
6. <i>Dollar</i> [доллар]	17%	6. <i>Felt boots</i> [валенки]	12%
7. <i>Hollywood</i> [Голливуд]	15%	7. <i>Medvedev</i> [Медведев]	8%
8. <i>Fat</i> [толстый]	14%	8. <i>Beautiful</i> [красивые], <i>balalaika</i> [балалайка], <i>Motherland</i> [родина]	7%
9. <i>Hot-dog</i> [хот-дог]	13%	9. <i>Pushkin</i> [Пушкин]	6%
10. <i>Hamburger</i> [гамбургер]	11%	10. <i>Expanse</i> [простор], <i>big / enormous country</i> [большая / огромная страна], <i>roads</i> [дороги], <i>bad roads</i> [плохие дороги], <i>Red Square</i> [Красная площадь], <i>Lenin</i> [Ленин], <i>generous</i> [щедрый], <i>unique nature</i> [уникальная природа]	5%

Это связано с тем, что американская пища все активнее осваивается в российской действительности, поэтому употребительность этих слов в речи резко возрастает.

Во-вторых, респонденты низко оценили умственные способности американцев, употребив такие слова, как *stupid* [тупые], *lack of mentality* [недостаток умственного развития], *weak-mindedness* [слабоумие], *stupid humour* [тупой юмор]. Возможно, определенную роль в закреплении данных ассоциаций сыграли монологи сатирика Михаила Задорнова, который регулярно в своих выступлениях называет американцев тупыми.

Студенты КСЭИ упомянули такие качества американцев, как *greedy* [жадные], *cunning* [хитрые], *presumptuous* [самонадеянные], *pompous* [напыщенные], *senseless* [бесчувственные], *immorality* [безнравственность], *selfishness* [эгоизм], *stinginess* [скупость], *cupidity* [алчность], *malice* [злость], *boorishness* [хамство].

В-третьих, внешняя политика Америки в течение последних лет носила захватнический характер, американцы ввели свои войска в Югославию, Афганистан и Ирак, устраивали бомбардировки, убивая не только военных, но и мирных жителей. Этим объясняется большое количество негативных ассоциаций, таких как *aggression* [агрессия], *war* [война], *militancy* [воинственность], *pitiless* [безжалостные], *weapon* [оружие],

nuclear rocket [ядерная ракета], nuclear warheads [ядерные боеголовки], war in Iraq [война в Ираке].

Стоит отметить, что позитивные ассоциации в языковой картине мира студентов КСЭИ в отношении Америки также присутствуют, правда, в небольшом количестве: freedom [свобода], opportunity [возможность], full life [полноценная жизнь], dream [мечта], intellect [интеллект], educated [образованные], brought up [воспитанные], clean streets [чистые улицы], order [порядок], beautiful houses [красивые дома].

В качестве собственных имен, ассоциирующихся с Америкой, были названы президенты Джордж Буш, Барак Обама, Билл Клинтон, Джон Кеннеди, бизнесмен Билл Гейтс, мультипликатор Уолт Дисней, актеры Джонни Депп, Стивен Сигал, Мэрилин Монро, певцы Элвис Пресли, Майкл Джексон, Дженнифер Лопес, мореплаватель Христофор Колумб, политик Кондолиза Райс, писатель Джек Лондон, спортсмен Майк Тайсон и даже почему-то Жириновский!

Интересные результаты дало исследование ассоциаций к словам «русские» и «Россия» в 2010 году. В 1992 году в опросе С. Г. Терминасовой слово водка занимало 3-е место (23%). В нашем опросе это слово поднялось на первое место (37%) с огромным отрывом от второго места (23%). Этот факт весьма показателен для характеристики социокультурной жизни нашей страны. К сожалению, число страдающих алкоголизмом россиян увеличивается буквально с каждым днем и становится все более характерной чертой современной жизни.

Удивительно противоречивый образ русских присутствует в языковой картине мира студентов КСЭИ. С одной стороны, были названы такие положительные качества характера, как hospitality [гостеприимность], generosity [щедрость], peculiarity [неординарность], nobleness [благородство], patriotism [патриотизм], strength of will [сила воли], big-hearted [великодушные], inspired [одухотворенные], beautiful [красивые], true [верные], brave [храбрые], unconquerable [непобедимые], strong [сильные], honest [честные], good-natured [добродушные], clever [умные], united [сплоченные], open [открытые], generous soul [широкая душа]. С другой стороны, респонденты дали вовсе не лестные оценки своим соотечественникам и России в целом: uncivilisedness [бескультурие], corruption [коррупция], lazy [ленивые], weak-willed [безвольные], separate [разрозненные], mean [подлые], fools [дураки], poverty [нищета], malice [злость], low salary [маленькая зарплата], lawlessness [беспредел], alcohol [алкоголь], the most drinking country [самая пьющая страна], alkie [алкаши], fisticuffs [мордобой], blood [кровь], mud [грязь], bad roads [плохие дороги], bad cars [плохие машины].

Очень много было ассоциаций, связанных с природой, пейзажем России: rich nature [богатая природа], unique nature [уникальная природа], beautiful nature [красивая природа], Siberian spaces [Сибирские просторы], taiga [тайга], forests [леса], rivers [реки], snow [снег], cold winters [холодные зимы], firtrees [елки], birches [березки], wheat fields [пшеничные поля], white nights [белые ночи], Lake Baikal [озеро Байкал], Black Sea [Черное море], Volga river [река Волга], resorts [курорты], bright sun [яркое солнце], enormous territory [огромная территория].

В качестве собственных имен, ассоциирующихся с Россией, были названы президенты Владимир Путин, Дмитрий Медведев, Борис Ельцин, полководец Михаил Кутузов, политики Ленин, Сталин, Жириновский, поэты Александр Пушкин, Сергей Есенин, ученый Дмитрий Менделеев,

представители шоу-бизнеса Алла Пугачева, Филипп Киркоров, Максим Галкин, Дима Билан.

Второе наше исследование, проведенное в 2011 году, было посвящено ассоциациям, связанным с Великобританией и Россией.

Таблица 2. Лингвокультурологический эксперимент 2011 года.

Великобритания, британцы		Россия, русские	
1. <i>Big Ben</i> [Биг-Бэн]	54%	1. <i>Vodka</i> [водка]	26%
2. <i>Queen Elizabeth II</i> [королева Елизавета II]	36%	2. <i>Matryoshka</i> [матрешка]	25%
3. <i>Football</i> [футбол]	29%	3. <i>The Kremlin</i> [Кремль]	22%
4. <i>Tea</i> [чай]	26%	4. <i>Moscow</i> [Москва]	20%
5. <i>London</i> [Лондон]	23%	5. <i>Pushkin</i> [Пушкин], <i>borchsh</i> [борщ]	12%
6. <i>Beatles</i> [Битлз]	12%	6. <i>Red Square</i> [Красная площадь]	11%
7. <i>Red double-deckers</i> [красные двухэтажные автобусы]	11%	7. <i>Birch</i> [береза]	10%
8. <i>the Thames</i> [Темза]	9%	8. <i>Putin</i> [Путин], <i>winter</i> [зима], <i>Medvedev</i> [Медведев], <i>felt boots</i> [валенки]	9%
9. <i>Rain</i> [дождь]	8%	9. <i>Bear</i> [медведь]	8%
10. <i>William Shakespeare</i> [Уильям Шекспир], <i>English language</i> [английский язык], <i>Stonehenge</i> [Стоунхендж]	7%	10. <i>Corruption</i> [коррупция], <i>bad roads</i> [плохие дороги], <i>Putin and Medvedev</i> [Путин и Медведев]	6%

На наш взгляд, весьма типичная картина представлений о Великобритании и британцах сложилась у русскоязычных респондентов, изучающих английский язык в школе и институте. Студенты назвали ряд знаменитых достопримечательностей, таких как Big Ben [Биг-Бэн], Stonehenge [Стоунхендж], Trafalgar Square [Трафальгарская площадь], Tower Bridge [Тауэрский мост], Buckingham Palace [Букингемский дворец], Piccadilly [Пикадилли], Madame Tussaud's Museum [музей мадам Тюссо], Oxford [Оксфорд], Cambridge University [Кембриджский университет].

Широко были представлены традиционные, «знаковые» атрибуты английской жизни: tea [чай], football [футбол], red double-deckers [красные двухэтажные автобусы], bearskin [меховой кивер, головной убор гвардейцев королевы], cab [кэб], red call boxes [красные телефонные будки], oatmeal porridge [овсянка], pound [фунт], rain [дождь], fog [туман], pubs [пабы], monarchy [монархия], navy [флот], ships [корабли], BBC [британская вещательная корпорация].

Среди качеств характера британцев, названных опрошенными, подавляющее большинство положительных, таких как civilized [интеллигентные], hospitable [гостеприимные], serious [серьезные], well-brought-up [воспитанные], steady [уравновешенные], industrious [работающие], punctual [пунктуальные], refined [утонченные], neat [аккуратные, чистоплотные], friendly [дружелюбные], sociable [общительные], kind [доб-

рые], smart [умные], polite [вежливые]. Также, по мнению студентов КСЭИ, британцы principled [принципиальные], secretive [скрытные], conservative [консервативные], pedantic [педаanticные], strict [строгие], too correct [слишком правильные], prim [чопорные].

Что касается имен собственных, то с Великобританией у респондентов ассоциируются королева Елизавета II, принцесса Диана, премьер-министры Уинстон Черчилль, Маргарет Тэтчер, Тони Блэр, Дэвид Кэмерон, писатели Уильям Шекспир, Чарльз Диккенс, Агата Кристи, Джон Толкиен, книжные персонажи Гарри Поттер, Шерлок Холмс, актёры Джейсон Стэтхэм, Стивен Фрай, исследователь Джеймс Кук, музыканты «The Beatles», Элтон Джон, «Bring Me The Horizon», футболисты Дэвид Бэкхэм, Уэйн Руни.

Следует отметить, что некоторая часть студентов ассоциирует с британской культурой чисто американские явления, имена и атрибуты, например McDonald's [Макдоналдс], New York [Нью-Йорк], Michael Jackson [Майкл Джексон], dollar [доллар], Statue of Liberty [статуя Свободы], popcorn [попкорн], hot-dog [хот-дог], fast food [фаст фуд], coca-cola [кока-кола], Disney [Дисней], Elvis Presley [Элвис Пресли], chewing gum [жевательная резинка], hamburger [гамбургер], Steven Spielberg [Стивен Спилберг]. С одной стороны, это свидетельствует о большом уровне влияния Америки на культуру как Великобритании, так и России. Молодежь одевается и развлекается, как американцы, смотрит в основном американские фильмы, слушает в основном американскую музыку, таким образом, происходит взаимопроникновение культур. С другой стороны, это свидетельствует о том, что российские студенты плохо осведомлены о различиях между Великобританией и Америкой, и культура обеих стран воспринимается ими обобщённо как англоязычная.

Данные опроса 2011 г. о России и россиянах, в частности десятка наиболее употребляемых слов, имеет мало различий с результатами нашего предыдущего опроса 2010 года. Лидирующее место по-прежнему занимает слово vodka [водка], правда, уже не с таким высоким процентом (26%). В первую десятку добавились слова borchsh [борщ], birch [береза], winter [зима], исчезли слова и словосочетания beautiful [красивые], balalaika [балалайка], Motherland [родина], big / enormous country [большая / огромная страна], expanse [простор]. Лидеры государства все чаще стали восприниматься в паре, так 6% респондентов в качестве отдельной ассоциации указали: Путин и Медведев, причем Путин в этой паре находится на первом месте.

Снова, как и в 2010 году, на фоне немногочисленных положительных ассоциаций, связанных с природой, качествами характера русских, респонденты воссоздали мрачную, депрессивную картину российской действительности: dirty towns [грязные города], low salaries [маленькие зарплаты], unemployment [безработица], suffering [страдание], militia lawlessness [милицкий беспредел], personal degradation [деградация личности], lack of culture [бескультурие], bad roads [плохие дороги], homeless people [бомжи], alcoholics [алкоголики], unstable economy [нестабильная экономика], bad democracy [плохая демократия], corruption [коррупция], bribes [взятки], low-quality service [некачественные услуги], powerless country [бессильная страна], disregard of law [несоблюдение законов].

В качестве собственных имен, ассоциирующихся с Россией, в 2011 году были названы политики Владимир Путин, Дмитрий Медведев, Владимир Жириновский, Владимир Ленин, цари Иван Грозный и Петр I,

писатели Александр Пушкин, Михаил Лермонтов, Федор Достоевский, Сергей Есенин, Михаил Булгаков, ученый Дмитрий Менделеев, актер Андрей Миронов, представители шоу-бизнеса Алла Пугачева, Дима Билан.

Проанализировав материалы опросов 2010 и 2011 годов, мы пришли к выводу, что Америка вызывает в основном отрицательные ассоциации у российских студентов, связанные с засильем американской культуры и военной агрессией супердержавы, тогда как культурная и языковая картины Великобритании идеализированы и представлены ассоциациями культурно-исторического и бытового плана. К России – отношение неоднозначное. Наряду с любовью, гордостью за свою страну и искренним восхищением в ответах часто звучит разочарование, боль и презрение, к сожалению, отрицательные ассоциации преобладают. Эксперименты по выяснению языковой и культурной картины Великобритании, Америки и России наглядно показывают роль языка как зеркала культуры и ее хранителя. Разумеется, собранные данные потребуют дальнейшего осмысления и обработки и могут послужить материалом для исследований лингвистов, социологов, политологов, культурологов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. – 2-е издание, доработанное. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – 352 с.

О. Б. Власова (Тверь)

ТЕОРИЯ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ПРЕЛОМЛЕНИИ

Слова по-разному приспособлены для отражения реальности. За некоторыми стоят более или менее однозначные вещи: например, слова *яблоко*, *деревянный*, *греть* хоть и могут обозначать разные сорта яблок или дерева, разную степень нагрева и т. п., но все-таки границы каждого понятия определяют достаточно четко, и потому мы не назовем яблоком грушу, а пластиковые ложки деревянными.

В других случаях одним словом могут называться разные реалии и, наоборот, одна реальность может характеризоваться разными словами. Например, словом *белый* могут называться самые разные цвета *белый перец*, *белая кожа*, *белое вино*, *белый хлеб*, а белая скатерть может быть названа *желтой*, *серой* и даже *черной* (по сравнению с белоснежной). Как видим, размытая предметно-понятийная отнесенность прилагательного со значением цвета приводит к диффузности его семантики.

В русском языке размытая предметно-понятийная отнесенность и диффузная семантика характерны не только для прилагательных со значением цвета, но и для слов других тематических групп.

Если попытаться определить пределы группы слов с размытой предметно-понятийной отнесенностью, станет ясно, что в морфологическом смысле речь идет о качественных прилагательных и образованных от них существительных, наречиях и глаголах: *красивый* – *красота*, *краси-*

во; богатый – богато, богатство, богатеть, а также о непроизводных существительных отвлеченной семантики типа *счастье, успех, свобода* и т. п. В плане особенностей значения эти слова схожи тем, что могут вступать в отношения антонимии, т. е. называют полярные противоположности внутри одной сущности, одновременно указывая на их неразрывную связь и определяя предел проявления качества, свойства, действия. Например, *богатый – бедный* *холодный – горячий, красивый – некрасивый, молодой – старый*.

Размытая предметно-понятийная отнесенность и диффузность семантики, как представляется, напрямую связаны с антонимией, более того, являются её следствием.

Градуальные антонимы, характеризующиеся контрарной противоположностью, не называют определенную точку в пространстве, они ограничивают собой шкалу, образуемую некоторым количеством таких точек, и называют предельные проявления одного целого – некой полярной сущности.

В середине шкалы располагаются слова и словосочетания, называющие сопряженные компоненты целого — промежуточные градационные изменения этого признака, качества, свойства, действия: *горячий – теплый – прохладный – холодный; вкусный – съедобный – невкусный; белый – бело-серый – серый – черный; старый – пожилой – средних лет – молодой; большой – средний – маленький; богатый – зажиточный – среднего достатка – неимущий – бедный – нищий; вредный – безвредный – бесполезный – полезный*.

Часть целого, закреплённая за каждым из антонимов, неопределенна и подвижна. Поясним сказанное:

Во-первых, предел проявления качества, свойства, действия, называемый градуальным антонимом, — понятие относительное, он меняется в зависимости от ситуации и особенностей личности говорящего: горячая вода в душе, например, для одного имеет температуру 60 градусов, для другого – 40; горячий чай для одного – это тот, который только что вскипел (100) для другого – 60-градусный напиток. Более того, шкала может расширяться вправо и влево за счет наречий степени или слов, передающих нарастание или убывание признака: *очень вкусный – вкусный – съедобный – невкусный – гадкий; очень богатый – богатый – среднего достатка – бедный – нищий*.

Во-вторых, качественный признак, имеющийся в значении градуальных антонимов, может градировать, т. е. убывать или возрастать, доходя до себе противоположного, но далеко не всегда градационные проявления признака (точки на шкале) можно определить в каких-либо единицах (сантиметрах или градусах, примеру) и четко определить их границы. Это лишает слова из середины шкалы точности: *красивый – милостивый – симпатичный – заурадной внешности – так себе – ничего особенного – безобразный*.

В-третьих, делений на понятийной шкале обычно больше, чем названий для этих делений. Безымянное звено, конечно, может получить наименование, чаще всего в роли таких названий выступают слова *средний, средние, нормальный, обычный* (глубокий – средний – мелкий, быстрый – обычный медленный), словосочетания с наречиями степени (новый – почти новый – старый, глубокий – не очень глубокий – мелкий): *Продаю почти новый скутер. Махнусь ноутбуком на ноутбук: MacBook мой почти новый, на гарантии. Йогурт жидкий, однородный, со вку-*

сом... кактуса, не очень вкусно. Супчик не очень какой-то вкусный... очень подозрительный. Все же какое-либо или даже все промежуточные звенья (признаки) могут остаться без названия, в этом случае два градуальных антонима покрывают собой всю шкалу: все, что не попадает в поле *глубокого*, может быть названо *мелким* и наоборот.

В результате каждый из градуальных антонимов и слов для номинации промежуточных проявлений качественного признака может быть уместен в разных точках шкалы, значение слова как бы смещается, скользит по шкале:

100° С	70° С	50° С	30° С	10° С
Горячий	Теплый	Холодный	Холодный	Холодный
Горячий	Горячий	Горячий	Теплый	Холодный

Итак, причиной размытой предметно-понятийной отнесенности и диффузности семантики градуальных антонимов является то, что признак, называемый такими словами, устроен градуально, а часть целого, закрепленная за каждым из антонимов, неопределенна и подвижна.

Размытая предметно-понятийная отнесенность приводит к тому, каждый может наполнять слова такого рода своим содержанием, не выходя, впрочем, за пределы шкалы.

Например, прилагательное *богатый* характеризует хорошее имущественное положение человека, истинные размеры состояния при этом не уточняются. Но, как известно, и мелкий жемчуг может стать поводом для огорчения. Все вокруг будут считать человека богатым, а он будет пребывать в убеждении о собственной бедности.

Слово *холодный* говорит о низкой температуре чего-н., но не определяет эту температуру, поэтому холодный чай для одного – это тот, который из холодильника, для другого — 60-градусный напиток, для третьего — напиток комнатной температуры.

Слово *красивый* говорит об эстетической привлекательности, однако красота – понятие относительное. Достаточно сравнить безбровых красавиц эпохи Возрождения, пышных моделей Рубенса и анорексичек 21 века, чтобы понять, насколько различны стандарты красоты. На страницах романа Ш. Бронте «Джен Эйр» встречаются красивые описания пышной груди, крупной талии и массивных бедер аристократок. А саму Джен Эйр автор описывает как «болезненно худую даму с синяками». Главная героиня считалась безобразной, т. к. на фоне розовощеких женщин с формами была очень худой.

Слово *молодой* может быть отнесено к людям разных возрастов. Впервые, существует традиционная дифференциация молодежной аудитории: возраст от 18 до 25 лет, от 26 до 29 лет, от 29 до 33 лет. Вторых, словом *молодой* могут назвать и 50-летнего, по сравнению со старшими по возрасту. Одна и та же реалья в таком случае может получить разные, даже антонимичные названия. Например, говоря *старик*, мы обычно имеем в виду человека преклонного возраста, но по-разному представляем себе этот преклонный возраст. Так, И. С. Тургенев в романе «Отцы и дети» называет сорокадвухлетнего Н. П. Кирсанова *стариком*. С другой стороны, на юбилейных торжествах в одной из городских организаций, ветеранам предназначались кресла, а *молодёжи* лет 50 – стулья.

Неградуальные антонимы так же, как и градуальные, представляют собой два видовых понятия, дополняющих друг друга до родового и являющихся предельными по своему характеру: *да – нет присутствовать*

– отсутствовать, живой – мертвый, ложный – истинный, свой – чужой, победа – поражение, верность – предательство, смелость – трусость, легко – трудно, добро – зло, подлинный – мнимый, законный – незаконный.

В антонимичных парах такого типа признак устроен не градуально, а бинарно, так что отрицание одного значения равнозначно утверждению другого. Никакого промежуточного звена между ними нет: либо *да* либо *нет*, либо *живой*, либо *мертвый*, либо *вместе*, либо *врозь* либо *законный*, либо *незаконный* — третьего не дано.

Если возможны какие-либо объективные критерии разграничения видовых понятий (например, физические или государственные законы), части целого, закрепленные за каждым из антонимов, неподвижны и значения неградуальных антонимов жестко противопоставлены: *живой* — *мертвый*, *подлинный* — *мнимый*, *законный* — *незаконный*.

Если же объективных критериев разграничения нет, части целого, закрепленные за каждым из неградуальных антонимов, оказываются неопределенными и подвижными, а граница между ними стирается, например: победа – поражение: *Неужели всю оставшуюся жизнь я должен разоблачать людей, преступивших этот нравственный закон внутри себя. Но тогда я должен получать удовольствие от своих побед. Но почему я в последнее время всё чаще испытываю разочарование. Может быть потому, что мои победы всегда чем-то поражения* (Ч. Абдуллаев. Один раз в Миллениум. М., 2003. С. 148).

Как видим, противоположность при бинарной оппозиции может превратиться в противоречивость.

Неопределенность и подвижность частей противоречивого целого, закрепленных за каждым неградуальных антонимов, также приводит к размытой предметно-понятийной отнесенности и диффузности семантики антонимов. Однако эта диффузность проявляется в двух вариантах:

Во-первых, поскольку градационной шкалы нет, качественный признак, смещаясь, может перетекать из одного антонима в другой. Эта особенность неградуальных антонимов закреплена во многих пословицах: *У каждого своя правда. Наши недостатки — продолжение наших достоинств. Слишком много хорошо — это тоже плохо. Что русскому хорошо, то немцу — смерть. Не было бы счастья, да несчастье помогло. Нет худа без добра. Если нельзя, но очень хочется, то можно. Верность — это понятие растяжимое. Свобода — это осознанная необходимость. От любви до ненависти один шаг.*

Диффузность семантики связана здесь не с градуированностью признака и не с передвижениями его по шкале, а с разными ракурсами. Например, если два человека смотрят на ситуацию с разных сторон, правда и ложь для них меняются местами: *Когда маленький мальчик говорит, что видит огромную страшную собаку, ты же не считаешь, что он тебе врет. И при этом ты отлично видишь, сто такса — вовсе не огромная собака, то есть информация ложная. А мальчика разве можно назвать лжецом? Он же искренне считает собаку огромной, он не лжет и не обманывает* (А. Маринина. Взгляд из вечности. Книга 2. Дорога. М. 2009. С. 275).

Во-вторых, поскольку антонимы такого типа не называют определенную точку в пространстве и даже не ограничивают собой шкалу, образуемую некоторым количеством таких точек, а называют бинарное смысловое поле, диффузность семантики может проявляться не взаимо-

заменой антонимов, а смещением в иную плоскость этого поля. В этом случае происходит подмена понятий, ср.:

— Настоящая *любовь* всегда как *болезнь*, — со знанием дела объявил Ворон

— Да? — изумился Камень. — А я, грешным делом, думал, что *любовь* — это *праздник* (А. Маринина).

См. также: *Любовью* мы называем наши самые сильные *зависимости*. *Любовь* — *игра*, в которой всегда плутуют (О. Бальзак). *Любовь* — это *недуг*, симптомы которого каждый раз проявляются по-разному (А. Моруа). *Любовь* — интереснейшая и самая простительная из всех человеческих *слабостей* (Ч. Диккенс). *Любовь* — самая сильная из всех *страстей*, потому что она одновременно завладевает головой, сердцем и телом (Ф. Вольтер). *Любовь* — одно из тех *страданий*, которые невозможно скрывать (П. Абеляр).

6. Градуальные и неградуальные антонимы характеризуются информативной недостаточностью, которая порождается тем, что целое понятие антонимы представляют только в паре (неградуальные) или в виде целой шкалы (градуальные), поодиночке они характеризуют части целого — предельные проявления некой полярной сущности.

Информативная недостаточность антонимов фиксируется в словарях. Например, в словаре Ожегова значение слова *смелый* объясняется через синоним *решиительный*: *Смелый* 'не знающий страха, *решиительный*'. *Решиительный* 'твердый в поступках, не колеблющийся'. Прилагательное *смелый* встречается при объяснении значения слова *храбрый* — 'отличающийся *храбростью*, *смелый*'. Существительное *храбрость* появляется в толковании слова *мужественный* 'обладающий мужеством, *храбростью*, присутствием духа в опасности'. Как видим, пытаясь узнать значение слова *смелый*, мы пройдем по всему синонимическому ряду *смелый* — *храбрый* — *решиительный* — *мужественный*, но так и не узнаем, что же это такое смелость и чем она отличается от *глупости* или *наглости*.

Помимо диффузной семантики и информативной недостаточности, антонимы характеризуются оценочностью, которая также объясняется самой природой антонимии.

Действительно, антонимия представляет собой полярную противоположность внутри одной сущности. Противоположность осознается в результате оценки предметов и явлений действительности относительно определенной нормы (точки отсчета): *тяжелый* — *легкий* (больше \ меньше нормы). Норма по своей природе относительна: она может соответствовать индивидуальным представлениям (*вкусный* — *съедобный* для меня \ *невкусный*; *глубокий* — *в самый раз* для меня \ *мелкий* и т. п.), может быть навязана модой (клеймо «уродства» часто ставят на людей, которые чем-то отличаются от «идеала», пропагандируемого Мас-Медиа) или быть или усредненной национальной (*красивый* — *обычный* — *безобразный*), в любом случае антонимы приобретают оценку: *молодой* (+) — *старый* (-), *богатый* (+) — *бедный* (-), *хороший* (+) — *плохой* (-).

8. Размытая предметно-понятийная отнесенность антонимов, при которой один и тот же предмет может быть назван разными словами (*теплая* вода будет названа горячей (по сравнению с холодной) — и холодной (по сравнению с горячей), порождает коммуникативные проблемы. Так, в одной из детективных повестей рассказано о том, почему долго не могли поймать преступника. Его видели двое: старик и девочка. Старик описы-

вал молодого парня, девочка – пожилого мужчину. До тех пор пока не догадались, что речь идет об одном и том же человеке средних лет, искали двоих.

Часто бывают непросто определить, можно ли к данной реальности применить интересующее нас слово: можно ли назвать, к примеру, предмет *белым* или лучше использовать по отношению к нему слова *серый* или *желтый*. Поэтому, когда возникает необходимость точно обозначить цвет, мы используем не эти прилагательные, а описательные обороты типа *цвета яичного желтка*, сложные прилагательные: *белоснежный*, *бутылочно-зеленый*, относительные прилагательные, называющие цвет через соотношение с предметом: *одуванчиковый*, *лимонный*, *песочный*, и т. п. Особенно часто эта замена наблюдается при описании цвета автомобилей.

Вместе с тем размытая предметно-понятийная отнесенность вкупе с оценочностью делает антонимы чрезвычайно востребованными в коммуникации. Так, именно антонимы во многих случаях употребляются при рефрейминге: для того, чтобы смягчить оценку, сделать высказывание менее категоричным: например, вместо того, чтобы сказать *Она уродина* или *Она старая*, говорят *Она не красавица*, *Она не молода*. Если же человек не может или не хочет уверенно заявить *Фильм интересный*, он, возможно, скажет *Фильм не скучный*.

В силу размытого значения, подверженного индивидуальной коррекции, антонимы позволяют каждому адресату наполнять слово содержанием по своему разумению, оценочная же составляющая будет одинаковой для всех. По этой причине антонимы широко используются в рекламе, коммерческой и политической, в СМИ для манипулирования общественным сознанием:

Например: *Продается свадебное платье, очень красивое*. Слово *красивый* может означать совершенно разное: то, что красиво одного, оказывается обычным, заурядным или даже безобразным для другого — как известно на вкус и цвет товарищей нет. Но оно имеет однозначную положительную оценку, поэтому, вкладывая в это слово свой смысл, все без исключения остаются в положительной части шкалы.

Антонимы позволяют создавать позитивные и двусмысленные лозунги типа *Мы за правду и справедливость*. Как мы уже говорили, в слово *правда* каждый может вкладывать свой смысл (у каждого своя правда), но оно имеет однозначную положительную оценку, безусловно вызывающую симпатии адресата.

«*Справедливая Россия*» стремится к тому, чтобы наша молодежь была *счастливой, востребованной, включенной в социальную и политическую жизнь*». Слово *молодёжь* характеризуется безусловной положительной оценкой (ср.: старики, старичье) и подвижными пределами значения, расширяющимися или сужающимися в зависимости от представлений адресата и адресанта о возрастных рамках. В результате слово позволяет совершенно по-разному определять объект высказывания. Слово *счастливый* (счастливый – обычный – несчастный) для каждого может означать свое, но оно имеет однозначную положительную оценку, привлекающую адресата и вызывающую симпатии к говорящему.

После летних пожаров 2011 г. СМИ рапортуют о том, что все люди, лишившиеся жилья, получили новые дома. Эти новые дома очень маленькие: там есть только кухня, комнатка и санузел. Кроме того, построены они были впопыхах, с нарушением технологии и потому оказа-

лись холодными и непрочными. Для людей, вселившихся в такие дома, они определенно хуже старых во всех смыслах. Но для всех остальных со словом *новый*, разумеется, связан позитив: в сознании прочно укоренилась мысль, что новое лучше старого (с Новым годом, с новым счастьем, новая машина, новая квартира). Поэтому, когда мы слышим по телевизору о том, что погорельцы обеспечены новыми домами, мы пребываем в уверенности о благополучном разрешении ситуации, чего на самом деле нет.

Ассортимент и коммуникативный потенциал слов диффузной семантики заслуживает, как видим, пристального внимания.

Е. Корякова (Тверь)

КОММУНИКАТИВНО-РЕЧЕВЫЕ ТАКТИКИ В РЕКЛАМЕ СОТОВОЙ СВЯЗИ

В России на данный момент действуют несколько десятков операторов. Три из них («МТС», «Билайн» и «МегаФон») совокупно занимают 82 % рынка. их называют «большой тройкой». Компании ведут своего рода коммуникативные войны, борются за каждого абонента. Коммуникативная политика каждой компании строится таким образом, чтобы, выбрав наиболее действенные тактики, воздействовать на сознание потенциальных потребителей с целью выделиться, оставить хорошее впечатление, завоевать больше абонентов.

Исследования в данной области позволяют выделить некоторый набор тактик, в первую очередь это тактика ценностной ориентированности и тактика самопрезентации. Суть **тактики ценностной ориентированности** заключается в том, чтобы воздействовать на потребности потребителя. Например: *В тарифном плане Своя Сеть 10 бесплатных минут в каждом звонке. — Теперь вы можете получить за бонусные баллы... (желание сэкономить или получить дополнительные бонусы) стильные аксессуары (реализация эстетических потребностей). В каждом звонке в 10 раз больше общения!* (более продолжительное общение за те же деньги). *Наслаждайтесь общением* (удовольствие от общения). *При нулевом балансе, отправьте сообщение тем, кому важно вас услышать. И вам перезвонят* (самореализация). *Если тебе нужны скорость и свобода мобильного интернета, выбери Мегафон 3G Модем!* (удобство и комфорт). Как видим, рекламодатель обещает самый широкий спектр преимуществ. Очевидно, однако, что обещание – это лишь одна сторона данной коммуникативной тактики. В каждом рекламном тексте рекламодатель в имплицитной форме угрожает потенциальным потребителям лишением обещанных преимуществ. Предполагается, что обещание будет выполнено только в том случае, если потребитель воспользуется рекламируемой продукцией, в противном случае избежать краха ожиданий и надежд потребителю не удастся.

Помимо тактики оценочной ориентированности, компания Мегафон использует тактику **самопрезентации**. Для этого сравнивается качество услуг рекламируемой компании и услуг других операторов связи, а также в имплицитной форме сообщается, что рекламное предложение уни-

кально и у других операторов связи потребитель не найти ничего подобного. Например: *Присоединяйтесь к уникальной бонусной программе Мегафон-Бонус. Такой бонусной программы мир еще не знал.*

Для того чтобы удержать внимание потенциального потребителя, в рекламе Мегафон активно используется **тактика вовлечения в диалог**. Эта тактика осуществляется с помощью вопроса. Когда покупателю задают вопрос, начинает действовать эффект прямого разговора, провоцирующего потребителя на ответную реакцию, в результате покупатель вступает в мысленный диалог с составителем рекламы. В рекламе Мегафон используется три вида вопроса: 1) вопрос-наживка, 2) вопрос-команда, 3) вопрос-критика. **Вопрос-наживка** адресован желаниям покупателя. Чаще всего это риторический вопрос, в котором ответ уже заложен. *Хочешь говорить больше, а платить меньше?* – конечно хочет, только глупый откажется от такого. Наживка поймана, потребитель ждет дальнейших указаний, как получить понравившуюся услугу. **Вопрос-команда** не задан напрямую, но подразумевается. *Если тебе нужны скорость и свобода мобильного интернета (тебе нужны эти удобства?).* Тут же следует ответ в форме повелительного наклонения: *выбери Мегафон 3G Модем!* **Вопрос-критика**. Рекламодатель специально принижает покупателя, критикует его выбор, тем самым намеренно внушает ему необходимость сменить тариф. *Ну и кем ты себя возомнил? Думаешь, ты супергерой? Расплачиваешься за весь мир. Не твой жанр!* Рекламный персонаж констатирует факт: сейчас ты берешь на себя слишком много, ты не бережешь свой кошелек, ты переплачиваешь!

Как только внимание завоевано, необходимо установить контакт с потенциальным потребителем. Для этого используется **тактика установления речевого контакта**. В рекламе Мегафон используются традиционные контактоустанавливающие этикетные фразы, например, *Добрый день!* Такие обращения к потребителю настраивают на добрую беседу, повышают настроение покупателя, что само по себе – отличное начало для дальнейшего плодотворного сотрудничества. Чтобы у покупателя не возникло ощущения, что обращаются к абстрактному зрителю, целевой аудитории, рекламный герой вступает с ним в диалог, пытается построить доверительные отношения. Имитация контакта достигается с помощью повелительного наклонения и второго лица глагола – *Присоединяйтесь к уникальной бонусной программе Мегафон-Бонус*. Устанавливая контакт с покупателем, Мегафон делает ему комплимент, поощряет, одобряет его действия, помогает будущему потребителю преодолеть несмелость и вступить в ряды абонентов компании.

Специфика рекламы услуг сотовой связи заключается в том, что ее аудитория самая разнообразная, и реклама должна отвечать интересам разных категорий адресата. Именно поэтому в рекламе Мегафона рекламные персонажи постоянно меняют маски (**тактика авторизации**). Иногда это связано со сменой сезона, например маска деда Мороза: персонаж обещает *в 10 раз больше чудес, в 10 раз больше эмоций!*, а также обещает долгожданные подарки – *10 бесплатных минут в каждом звонке*. Только в праздник возможна такая роскошь — необходимо быстрее подключиться к данной услуге, иначе чуда не произойдет.

В других случаях персонаж надевает маску перспективного молодого делового человека. Потенциальный покупатель видит на экране успешного молодого человека, который добился небывалых высот в карьере и на личном фронте, проецирует этот образ на себя и связывает при-

чину успеха с Мегафоном. Когда молодой человек говорит: *«Мне ничего не стоит построчить команду, общаясь за 0 рублей внутри коллектива!»*, потребитель понимает, что можно всего добиться, следуя примеру рекламного героя, т. е. надо подключить *бизнес-тариф «Коллективный»* от Мегафона. Иногда рекламный персонаж появляется в маске ребенка. Появление его на экране гарантированно привлекает внимание людей, никого не оставляет равнодушным, вызывает улыбку, умиление, нежность: – *Я Папуле позвоню, Чтоб ему теплее стало!* доверие. Зритель подсознательно верит в то, что ребенок не может обмануть, а следовательно, и Мегафон, который прячется под этой маской, тоже. Чаще всего в рекламе Мегафона используется маска доброжелателя, который не заставляет, а проявляет заботу о покупателе, дает советы, помогает сделать правильный выбор. Покупатель теряет бдительность и руководствуется наставлениями доброжелателя, т. е. покупает продукцию Мегафона. Например, *Если ты абонент Мегафона – прими участие в акции "Бонус при платеже". Открой для себя мир бонусов* – Мир бонусов будет открыт именно для тебя в том случае, если ты этого пожелаешь.

Надо заметить, изменение маски ведет к изменению контактоустанавливающих средств, что позволяет обращаться к разным категориям адресата и подбирать наиболее действенные языковые средства, чтобы повлиять на решение потенциальных потребителей.

Таким образом, можно сделать вывод о последовательном воздействии коммуникативно-речевых тактик Мегафона на сознание потребителей.

С. В. Мкртычян (Тверь)

КОММУНИКАТИВНАЯ СТИЛИСТИКА: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ СТАТУС

Разноплановые характеристики стиля и задач стилистики, предложенные в исследованиях различных авторов (И. В. Арнольд, Ш. Балли, Ю. А. Бельчикова, М. П. Брандес, Р. А. Будагова, В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, Т. Г. Винокур, И. Р. Гальперина, Н. К. Гарбовского, И. А. Горшкова, К. А. Долинина, Е. А. Земской, М. Н. Кожиной, О. А. Лаптевой, В. В. Одинцова, А. М. Пешковского, Р. Г. Пиотровского, М. Риффатера, О. Б. Сиротининой, Ю. М. Скребнева, Ю. С. Сорокина, Д. Н. Шмелёва, Н. Энkvиста и др.), свидетельствуют о потенциальной несводимости воедино всех ракурсов стилистического анализа. «Узаконенность стилистической разноголосицы» (Т. Г. Винокур) является благоприятной предпосылкой для существенного раздвижения границ стилистики.

В задачи данной статьи входит обоснование лингвистического статуса коммуникативной стилистики как интегративной области языкознания. Такая постановка вопроса требует некоторых терминологических разъяснений, связанных с аспектизацией лингвистической категории стиля и, следовательно, с идентификацией соответствующей каждому аспекту области стилистики.

Осознавая терминологическую «безбрежность» категории *стиль*, обозначим в самом общем виде исходное положение: *стиль – это свой-*

ство языка/речи, которое эксплицируется за счет манеры (способа) употребления языковых/речевых единиц.

Трактовка стиля через язык-речь способна прояснить аспекты стилистики. С целью прояснения оснований условного разграничения *языка-речи* обратимся к классической работе академика Л. В. Щербы «О троюком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании» [12, с. 24–39].

Как следует из самого названия работы, Л. В. Щерба выделяет три аспекта языковых явлений: 1) *речевую деятельность* – «процессы говорения и понимания», 2) *языковой материал* – «на языке лингвистов это "тексты"», 3) *языковую систему* – «словари и грамматики языков».

Существенно, что в упоминаемой работе речевая деятельность признается «продуктом социальным» [12, с. 25], а языковой материал – «совокупностью всего говоримого и понимаемого *в определенной конкретной обстановке* в ту или другую эпоху жизни данной общественной группы» [12, с. 26] (курсив мой. – С. М.). Из этого следует, что процессы производства и понимания речи нельзя рассматривать в отрыве от «коммуникативно-прагматического пространства» (термин И. П. Сусова), или, по Л. В. Щербе, от «определенной конкретной обстановки». При этом аспекты языковых явлений являются «разными аспектами единственной данной в опыте речевой деятельности» [12, с. 26].

Таким образом, в работе Л. В. Щербы речь идет скорее о пяти аспектах языковых явлений: 1) речевая деятельность (*РЕЧЬ 3*) – «процессы говорения и понимания», включая мотивационную, целевую и исполнительную стороны; 2) речевая организация индивида (готовностью индивида к речи, т. е., по А. А. Залевской, переработка и упорядочение языкового опыта и *ЯЗЫК 1* как «система концептов и стратегий пользования ими» [5, с. 89]); 3) дискурс (*РЕЧЬ 2*) – процессы производства и понимания речи в «определенной конкретной обстановке» (Л. В. Щерба), в коммуникативно-прагматическом пространстве; 4) языковой материал (*РЕЧЬ 1*) – «на языке лингвистов это "тексты"»; 5) языковая система (*ЯЗЫК 2*) – «словари и грамматики языков».

В соответствии с предлагаемым разграничением языка/речи выделим аспекты стиля.

1. *СТИЛЬ 1 (когнитивный аспект) – ЯЗЫК 1.* ЯЗЫК 1 трактуется как система концептов и стратегий пользования ими в процессах говорения и понимания речи.

2. *СТИЛЬ 2 (системно-структурный аспект) – ЯЗЫК 2.* ЯЗЫК 2 – это «система конструкторов и правил их комбинирования» [5, с. 90], речь идет о *системно-структурной* (аналитической) *стилистике*, объектом которой являются языковые единицы, выступающие одновременно маркерами стиля. Разграничение стилистики аналитической (языка) и функциональной (речи) имеет длительную историю в отечественной лингвистике и восходит к учению В. В. Виноградова [2].

3. *СТИЛЬ 3 (текстовый аспект) – РЕЧЬ 1.* В этом случае РЕЧЬ 1 трактуется как языковой материал, тексты, факты языкового употребления, т. е. стилистика речи, которая соотносима с *функциональной стилистикой* (по В. В. Виноградову), в которой функциональный стиль понимается как «разновидность литературного языка» [2, с. 19].

Текстовая стилистика может быть сосредоточена на способах структурной организации языковых средств в текстах, на проблемах их композиции и типологии (по В. В. Виноградову и В. В. Одинцову). В таком

аспекте к базовым единицам текстовой стилистики следует причислить *речевой жанр* как «форму структурирования речевой продукции» [1, с. 33].

СТИЛЬ 4 (коммуникативный аспект) – РЕЧЬ 2, РЕЧЬ 3. Здесь стиль становится объектом *коммуникативной стилистики*. РЕЧЬ 2 уравнивается с дискурсом, который трактуется нами как коммуникативная деятельность в коммуникативно-прагматическом пространстве. Терминологическая размытость понятия *дискурс* не позволяет безоговорочно использовать термины *дискурсивная стилистика / стилистика дискурса*. Кроме того, здесь же следует рассмотреть соотношение СТИЛЬ – РЕЧЬ 3, где термин *речь* используется в том числе в значении превербальный *речемыслительный процесс*, при этом внимание акцентируется и на *внутренней* структуре деятельности. Этот подход подтверждает мысль А. А. Шахматова о том, что коммуникация получает свое начало за пределами внутренней речи, а завершается в процессе внутренней речи [11, с. 20]. На неразделимость речемыслительного и собственно коммуникативного аспектов речевой деятельности обращает внимание А. А. Леонтьев, включая коммуникацию в модель порождения речи [7, с. 155].

Предлагаемая трактовка дискурса как коммуникативной деятельности связана с фокусировкой внимания на собственно коммуникативном аспекте.

Исходя из сказанного выше, обозначим лингвистический статус коммуникативной стилистики. Ее объектом является дискурс, предметом – коммуникативный стиль. В этом смысле *стиль* понимается как *типичная / типовая манера коммуникативной деятельности в коммуникативно-прагматическом пространстве*, маркированная системой определенных динамических единиц (см. подробно [9]). При трактовке дискурса как *коммуникативной деятельности в коммуникативно-прагматическом пространстве* стилистика приобретает широкую социально-психологическую перспективу. Термин «коммуникативно-прагматическое пространство» предложен И. С. Сусовым и трактуется как совокупность внешних факторов, определяющих поведение носителя языка. Перечисление и подробную характеристику каждого из них см. [10, с. 37–38].

Коммуникативная стилистика как интегративная область лингвистики и как вектор перспективного направления стилистических исследований в целом рассматривается в единстве трех взаимосвязанных составляющих: системно-структурной, когнитивной и прагматической, которые, взаимно дополняя друг друга, формируют наше знание о стиле качественно нового уровня.

Задача системно-структурной составляющей состоит в системном описании стилистически маркированных единиц, формирующих стилистическое поле с позиций функциональности дискурса, обусловленного характером деятельности его субъектов (т. е. в первую очередь с учетом социальной стратификации говорящих). По мнению Ю. Н. Караулова, «коммуникативно-прагматическая волна усиливает потенциал системно-структурных исследований, расширяет возможности этого подхода за счет вторжения в сферу социального и социально-психологического» [6, с. 18–19]. Применительно к коммуникативной стилистике жесткая конфронтация по линии «онтология Ньютона» ↔ «онтология Л. С. Выготского» выглядит неконструктивной. О возможностях системно-структурного анализа в новой научной парадигме см. [9].

Прагматический компонент фокусируется на коммуникативной эффективности стилистического языкового отбора. Когнитивный аспект связан с когнитивным моделированием процессов и механизмов актуальной речемыслительной деятельности, направленной на осуществление стилистического выбора языковых единиц, в условиях реального взаимодействия.

При этом коммуникативная стилистика образуется не арифметическим сложением своих составляющих, а их последовательным взаимодополнением с целью *выявления механизмов действия со словом*. Это согласуется с мыслью И. Р. Гальперина о том, что «задачей стилистики в какой-то мере является изучение лингвистическими методами всего процесса коммуникации» [4, с. 15]. По замечанию Т. Г. Винокур «идея возможности разных задач и разных масштабов науки о стилях приобретает все большую популярность» [3, с. 17].

Таким образом, сущность интегративного стилистического подхода видится не только в изучении выбора словесных импликатур в отношении к содержательным (что не отрицается), но и выбора содержательных импликатур в отношении к действительности, что целесообразно целиком отнести к плану социально-психологически детерминированной речевой деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисова И. Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. 3-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 320 с.
2. Виноградов В. В. Проблемы русской стилистики. М.: Высшая школа, 1981. 320 с.
3. Винокур Т. Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. М.: Наука, 2009. 237 с.
4. Гальперин И. Р. О понятиях «стиль» и «стилистика» // Вопросы языкознания. 1973. № 1. С. 15–19.
5. Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 543 с.
6. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 264 с.
7. Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. М.: Ком Книга, 2007. 216 с.
8. Мкртычян С. В. Управленческий лексикон как ядерная стилистическая зона устной деловой речи // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2010. – Серия: Филология и искусствоведение. № 1(2). С. 19–24.
9. Мкртычян С. В. Базовые единицы языка-речи в соотношении с аспектами стиля // Terra linguae: сб. науч. тр. / Отв. ред. А. Д. Травкина. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2011. С. 114–128.
10. Сусов И. П. Введение в языкознание: Учебник. М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. 543 с.
11. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. 2-е изд. Л.: Учпедгиз, 1941. 620 с.
12. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. 2-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2004. 432 с.

М. Н. Павлова (Тверь)

ЭЛЛИДИРОВАННОСТЬ КАК СТРУКТУРНЫЙ ПРИЗНАК НЕКОРРЕКТНЫХ СРАВНЕНИЙ В РЕКЛАМЕ

Реклама существует давно. Но в том виде, в котором мы её знаем, на российском рынке она существует недавно, буквально с конца 90-х годов прошлого века. Это сравнительно новая ещё не достаточно хорошо исследованная, но очень активно изучающаяся сфера нашей жизни.

Рекламист должен найти и сформулировать такое утверждение о товаре, которого конкуренты не могут повторить или еще не догадались выдвинуть, хотя и могли [1, с. 45-67]. То, что кажется необычным (вызывает интерес, любопытство, наконец, удивляет), – хорошо запоминается. Рекламный текст воссоздает свой вариант мира, который не повторяет характеристики мира реального, а усиливает их.

Среди приёмов коммуникативного воздействия, активно используемых современной рекламой Ю. К. Пирогова называет искусственную категоризацию и создание искусственных (логически некорректных) классов сравнения, выбор некорректного параметра сравнения или его некорректное обозначение [2, с. 56-59]. Определения термину «некорректные сравнения» она не даёт, но приводит классификацию этих сравнений.

На основе классификации Ю. К. Пироговой и некоторых других статей мы выделили такие признаки некорректных сравнений, как эллидированность (структурный признак), несопоставимость (логический признак), имплицитность (психологический признак).

В данной статье мы рассмотрим эллидированность как структурный признак некорректных сравнений.

Термин *эллидированные сравнения* с некоторых пор активно используется рекламистами для обозначения конструкций, с пропущенным вторым компонентом, типа «*А у нас дешевле*». *Магазин бытовой техники «Эксперт»*. Если развернуть это утверждение и восстановить утраченный (усечённый) второй объект сравнения – *А у нас дешевле, ЧЕМ...*, то можно сделать вывод, что в «Эксперт» в данный момент товары дешевле, чем в других магазинах бытовой техники, и соответственно, самые дешёвые. Напрашивается и другой вывод: покупать в «Эксперте» выгоднее, чем в других местах продажи подобных вещей. Выгодная покупка – заявление о превосходстве даже не товара, а целого магазина товаров.

Эллидированность сравнения связана с такой фигурой речи, как эллипсис. **Эллипсис** – стилистическая фигура речи (элизия), когда один из элементов высказывания формально не выражен, опущен [3].

По итогам структурного анализа примеров можно выделить три степени эллидированности сравнений. К первой степени эллидированности относятся конструкции, где нет второго объекта сравнения (с чем сравнивают), но присутствует компаратив, суперлатив или имитационный компаратив. Ко второй степени эллидированности относятся конструкции, где нет ни второго объекта, ни самого компаратива (суперлатива

или имитационного компаратива), но присутствуют маркеры сравнения (*новый, теперь, первый, революционный* и т. д.). К третьей степени эллидированности относим конструкции, где нет ни второго объекта сравнения, ни компаратива (или суперлятива, или имитационного компаратива), ни маркеров сравнения.

Приведем примеры для каждой степени эллидированности.

1. Первая степень эллидированности.

С суперлятивом.

*«Витаминно-минеральный комплекс. «ВИТАabc кальций». **Наиболее полное и быстрое** усвоение кальция организмом!».*

В данном примере сравнительная конструкция неполная (эллидирована). В полном варианте конструкция могла бы звучать, как *этот витаминно-минеральный комплекс обеспечивает наиболее полное и быстрое усвоение кальция организмом из всех ему подобных комплексов*. Открытое полное сравнение ввело бы потребителя в заблуждение относительно реальных качеств товара, что противоречит закону о рекламе. Меж тем как изъятие второго объекта сравнения приводит к тому, что потребитель делает вывод о превосходстве товара сам. Покупатель предполагает, что этот продукт самый лучший, т. к. в нём необходимый признак присутствует в высшей степени. Добавим, что конструкция с суперлятивом имеет более определённое значение (*товар самый лучший*), чем конструкции с компаративом, которые позволяют добиться многозначности сообщения, что немаловажно для рекламистов.

С компаративом.

*«Скелетон формула помогает **лучше** справляться с нагрузками в школе».*

Это реклама молочных продуктов марки «Скелетон», точнее йогурта с повышенным содержанием кальция. Именно этот признак является отличительной особенностью данной линии товара и называется рекламистами «Скелетон формула». Рекламисты сделали заявление, что именно этот йогурт помогает *лучше* (не указывается по сравнению с чем) справляться с нагрузками благодаря высокому содержанию кальция, который просто незаменим при умственных нагрузках. Что конкретно имеется в виду не совсем ясно: или без йогурта этой марки не обойтись, или только по сравнению с другими молочными продуктами он позиционируется как более качественный. Наречие объясняет действие глагола, поэтому в данном примере прослеживается связь глагола и компаратива.

С имитационным компаративом.

Имитационный компаратив – грамматическая форма неопределённо-количественных числительных, обозначающая большую степень проявления признака. Приведём примеры:

*«Теперь шоколад «Милка» содержит ещё **больше** цельных лесных орехов».* Ещё один пример с имитационным компаративом. Орехи в данном случае исчисляемое существительное, и рекламисты играют на том, их количество возросло по сравнению с предыдущим вариантом «Милки», в котором, похоже, усмотрели недостаток этих самых орехов. Но, мы можем и по-другому понять смысл сообщения: в шоколаде «Милка», не просто *много* орехов, но больше, чем в других подобных шоколадках.

*«Новый 2bio – вдвое **больше** пользы».* Для сравнения используется имитационный компаратив *больше* (много в данном случае числительное). Новый кисломолочный продукт, а точнее, йогурт фирмы назван

«2bio». Эта новинка сравнивается с другими йогуртами (лучше их, т. к. в нём вдвое больше пользы), или с предыдущим аналогом (раньше был просто биойогурт, теперь – 2bio). Он содержит два натуральных компонента, возможно, поэтому его называли «живым», в два раза более естественным, а, следовательно, полезным.

2. Вторая степень эллидированности.

«Новшество Glam Shine кристаллы. Новый скользящий аппликатор, усилитель объёма». В тексте не говорится открыто, что «новый блеск для губ лучше», чем товар другой марки данной торговой категории, сказано лишь, что у него есть уникальная кисточка, увеличивающая объём. Сравнение в характеристике товара выражено с помощью маркираторов «новшество», «новый». Поэтому компаратив можно опустить, чтобы не перегружать сообщение позитивной оценкой товара. Рекламисты редко преподносят информацию о превосходстве продукта в готовом виде, т. к. это неэффективный приём (подобная информация подлежит более тщательной проверке и заставляет потребителя усомниться в реальных качествах рекламируемого объекта). К тому же, покупателю приятнее самому сделать вывод, что этот товар лучше предыдущего, представленного данной маркой.

3. Третья степень эллидированности.

«Шоколад Nestle только для мужчин, беречь от женщин».

Обычный потребитель даже не предполагает, что у шоколада могут быть гендерные характеристики. Поэтому, услышав о шоколаде только для мужчин, проявляет интерес и стремится выяснить, что же в нём такого мужского. Всё оказывается очень просто – всего лишь цельные орехи. Рекламисты делают акцент на это новое качество шоколада (наличие цельных орехов), что можно интерпретировать как крепость, силу, даже грубость. Все эти характеристики больше «мужские», чем «женские». Цельность орехов может приравняться к цельности характера.

В данном случае мужской шоколад противопоставляется женскому, если быть точнее, всем другим маркам шоколада. В этом рекламном тексте нет ни компаратива, ни маркираторов, которые указывали бы на наличие в этом тексте сравнения. Но есть утверждение, что этот шоколад для мужчин. Оппозиция мужскому шоколаду – женский, но такого не существует, следовательно, шоколад «Нестле» выделяется среди других марок шоколада. Рекламисты сделали это ненавязчиво и «красиво», замаскировав превосходство своего товара под новую «гендерную» характеристику шоколада как вида.

Итак, можно сделать вывод, что увеличение степени эллидированности означает нарастание степени имплицитности и эффективности рекламного сообщения. Это выгодно рекламистам: во-первых, их труднее привлечь к ответственности за то, что эксплицитно не было высказано, во-вторых, у потребителя появляется больше возможностей самому достроить сообщение и извлечь из него ту информацию (истинную или ложную), которая соответствует его потребностям в данный момент. К тому же скрытая информация идёт в обход аналитических центров головного мозга и практически не подвергается анализу, следовательно, сомнению тоже (принимается в «готовом виде»). Таким образом, степень эффективности воздействия рекламного сообщения на сознание (подсознание) покупателя повышается пропорционально степени эллидированности сравнения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Пирогова, Ю. К.* Как создать Уникальное Торговое Предложение [Текст] / Маркетинговые коммуникации. – 2000. – № 1. – С. 45-67.
2. *Пирогова Ю. К.* Некорректные сравнения как манипулятивная коммуникативная стратегия в рекламе [Текст] / Реклама и жизнь. – 1999. – С. 56-59.
3. [http: // www.franklang. ru.](http://www.franklang.ru)

М. Н. Панова (Москва)

СПЕЦИФИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА ГОСУДАРСТВЕННОГО СЛУЖАЩЕГО

Языковая личность государственного служащего как обобщенный образ носителя профессиональных ценностей, знаний и установок формируется в определенном социокультурном пространстве – соответствующей ментальной среде, обусловленной профессией, образом жизни и мировоззрением участников общения. В порождаемых языковой личностью госслужащего текстах, в ее речевом поведении находит выражение ее *профессиональная языковая картина мира* как совокупность представлений о человеке и окружающем его мире.

Согласно теории языковой личности, разработанной Ю. Н. Карауловым, лингвокогнитивный уровень языковой личности представлен ее тезаурусом, в котором запечатлен «образ мира», или система знаний о мире. Этот уровень составляют практические знания личности, ее внеязыковой, в том числе социально-профессиональный, опыт; теоретические знания, полученные из различных текстов в широком смысле этого слова. Профессиональный тезаурус государственного служащего расширяется в процессе профессиональной деятельности, приобретения опыта работы, чтения специальной и художественной литературы, газет, просмотра телепередач.

В профессиональный тезаурус чиновника входят разнородные понятия. Вслед за Ю. Н. Карауловым мы считаем, что среди единиц лингвокогнитивного уровня «...могут быть и научные понятия, и просто слова, приобретшие статус обобщения, символа, за которым скрывается целая область знаний, и образы, картины и «осколки» фраз («обрывки мыслей»), стереотипные суждения, вербальные и другие формулы» [1, с. 172].

Анализ повседневного языкового существования современного российского государственного служащего показал, что его профессиональная речь представляет собой совокупность единиц разных уровней языковой системы и функциональных разновидностей языка. В первую очередь, это терминология: общенаучная, межнаучная и специальная, включающая терминологию государственного управления и организационно-распорядительную, в том числе связанную со сферой делопроизводства. Кроме того, важное место в профессиональной речи принадлежит офи-

циально-деловым клише, элементам разговорной речи, а также административно-политическому жаргону.

По характеру деятельности государственная служба является службой публичной и постоянно находится в центре внимания общественности, подвергаясь оценке населения. А значит, речевое поведение чиновников должно соответствовать общественным ожиданиям и отражать их намерение определенным образом позиционировать себя в обществе.

В настоящее время, по мнению ряда социологов, государственные служащие как профессиональная общность трансформируются из «класса профессиональных аппаратчиков» в социальную группу "белых воротничков" – в особую корпорацию профессиональных менеджеров в области государственного управления, необходимую для нормального функционирования демократического общества, что не может не отразиться на их речевом поведении.

В условиях модернизации системы государственного управления в России, реализации административной реформы возникает потребность в номинации новых понятий, что приводит к появлению – в значительной степени в результате активного заимствования иностранной терминологии государственного менеджмента – новых терминов, характеризующих различные аспекты управленческих отношений.

Например, взаимодействие власти и бизнеса привело к проникновению некоторых еще недавно сугубо экономических понятий в сферу государственного управления. Об этой тенденции свидетельствуют тексты учебников и научных трудов, посвященных проблемам госуправления, а также тексты официальных документов о государственной службе. Так, в Концепции административной реформы в Российской Федерации в 2006 – 2008 годах содержатся такие термины, как *система внутреннего аудита эффективности расходов бюджета, оценка коррупциогенности государственных функций, система мониторинга эффективности мер государственного надзора, технологическая база электронных административных регламентов, пилотное внедрение стандартов государственных услуг, механизм аутсорсинга административно-управленческих процессов*.

Прибегая к подобному «речевому глянцу», идеологи современного государственного управления пытаются отмежеваться от языка и стиля советской административно-командной системы и методов партийного руководства, а также продемонстрировать свою причастность к современным методам управления, применяемым на Западе, к стандартам эффективного, научно обоснованного делового администрирования.

Вместе с тем в устной деловой речи чиновников – причем не только в интрапрофессиональном, но и в публичном общении – наблюдается тенденция к снижению стиля речи, ее вульгаризации, опрошению. Оно проявляется в особом словоупотреблении (*недострой, подвижки, заволокитить*), выборе грамматических конструкций (*в разы увеличить зарплаты, высказаться по кандидатуре, проголосовать вопрос*) и словообразовательных моделей (*сопроводиловка, трудовик, энергонадзоровец*).

В деловой речи госслужащих участились случаи злоупотребления иностранными словами, неоправданное использование заимствований, варваризмов, макаронизмов (*работать в кооперации с оппозицией, генерить новые смыслы, мониторить ситуацию, иметь предпочтения, наблюдать тренды*). При этом лексические заимствования, давно освоенные языком, часто употребляются неправильно. Проверка владения го-

сударственными службами профессиональной терминологией (правовой, экономической, политической, организационно-распорядительной и т. д.) позволяет определить уровень профессиональной культуры сотрудников того или иного ведомства, и не всегда он удовлетворителен. Так, сотрудникам одного из министерств Дагестана было предложено объяснить значение некоторых заимствованных слов. Тест показал, что, например, слово «утилитарный» многие опрошиваемые отождествляли с прилагательным «унитарный», более 10% опрошенных считали его аналогом слов *устаревший, стисанный*; определяя значение слова «прерогатива», только 40% чиновников подобрали более или менее соответствующий ему аналог.

Расшатывание стилевых и этических норм проявляется в грубоватой манере речевого поведения ряда госслужащих, что объясняется определенной коммуникативной установкой – выглядеть деловитыми, динамичными, раскованными. Такой стиль речевого поведения становится все более популярным. В лексиконе публичных выступлений высокопоставленных чиновников активно используются вульгаризмы и даже инвективная лексика: *врубаться в проблему, разруливать ситуацию, замотивировать, долбануть, мочить, пахать, кошмарить, скулить, заливать, оборзеть, штаны просиживать, отморозки, вранье, безобразная акция, хамская выходка* и т. д.

Опрощение речи чиновников проявляется также в предпочтении стилистически сниженных формул речевого этикета, неполного стиля произношения, в появлении в последнее десятилетие в высших эшелонах власти новой интонационной моды, основные черты которой – негромкий, «не начальственный» голос, «мягкий тембр», ненапряженные фонации, подчеркнуто спокойная, будничная, деловая тональность речи.

Значение этого нового речевого поведения – демонстрация новой модели корпоративных отношений, демократического, свободного от «официоза» стиля работы, новой модели деловых отношений и служебного поведения в сфере государственного управления [2, с. 109 – 110].

Профессиональная деятельность формирует определенный взгляд на мир, создает особый язык, единицы которого выполняют особую социопсихологическую функцию, отделяя «своих» от «чужих», служа приметой принадлежности к одному кругу тесно взаимодействующих и с полуслова понимающих друг друга людей. Например, проведенный ассоциативный эксперимент, в ходе которого в качестве слов-стимулов чиновникам были предложены глаголы, имеющие в других сферах общения иную актуализацию значений (*прописать, проговорить, расписать* и др.), показал, что существует тенденция к стандартизации их речевого поведения, связанного со служебной тематикой. Большинство испытуемых выбирали для толкования профессионально маркированные значения: *прописать* – «изложить в нормативно-правовом акте какие-либо положения»; *расписать* – «распределить обязанности между исполнителями» и т. д. Такие объяснения вряд ли были бы возможны при ином составе участников эксперимента, которые выбрали бы другие варианты толкования тех же самых слов, например: *прописать* – родственника в квартире; *расписать* – стены, купола, посуду.

Подобные ассоциативные реакции свидетельствуют о тенденции к ограничению активного профессионального словарного запаса чиновников, стандартизации их речевого поведения, связанного со служебной тематикой. Изучение реакций показало, что языковое сознание госслу-

жащих отражает особый образ мышления чиновников. Это наглядный пример того, как профессиональная деятельность влияет на формирование особой языковой картины мира одной из социальных групп [2, с. 72–73].

Профессиональная языковая картина мира вербализуется, разумеется, не только в отдельных словах – она реализуется в текстах, в дискурсе личности в целом.

Цель профессиональной деятельности, осуществляемой в рамках административного дискурса, – обеспечение исполнения полномочий государственных органов власти. Профессиональное общение на госслужбе реализуется в институциональных рамках, накладывающих ограничения на структуру и содержание административного дискурса. Один из главных принципов организации государственной службы – принцип субординации, а важнейшей особенностью профессионального общения в сфере государственного управления является его иерархический характер.

В научных работах отечественных обществоведов и специальной учебной литературе анализируются профессиональные качества чиновников, актуальные вопросы кадровой политики. В последнее десятилетие для обозначения функционально объединенной привилегированной группы людей, которая осуществляет властно-политические функции в обществе, отечественные политологи и социологи используют термин «административно-политическая элита». И хотя этот термин часто критикуется за то, что он не всегда соответствует профессиональным качествам представителей так называемой элиты, можно предположить, что для многих чиновников официальное, узаконенное этим термином признание своей избранности имеет большое морально-психологическое значение: оно незаметно перекодирует реальность, повышает социальный статус, открывает новые карьерные горизонты. Но *элита* – это еще и концепт, строевая единица профессиональной языковой картины мира государственного служащего. Концепт «элиты» относится к вертикали властных отношений, при этом он сам устроен иерархически (в научной литературе рассматриваются *субэлита*, *контрэлита*, *полуэлитные* и *околоэлитные круги* и т. д.) – это одна из форм иерархически устроенного и иерархически воспринимаемого мира. [2, с. 79–81].

В обыденном сознании россиян сформировались требования, предъявляемые к личности государственного служащего, к его профессиональной деятельности, нравственному облику, речевой культуре. Как показывают результаты социологических исследований, большая часть общества негативно оценивает деятельность государственных служащих. Причем отношение к госслужащим (как правило, негативное) формируется не только под влиянием личного опыта граждан, но и под воздействием СМИ и художественной литературы.

Образ государственного служащего в СМИ зависит от политической ориентации редакции печатного издания или телеканала, политических и нравственных предпочтений того или иного журналиста, но в целом в средствах массовой коммуникации доминирует негативный образ управленца-бюрократа.

Произведениям о чиновниках принадлежит значительное место в классической русской и советской литературе. Корпус художественных текстов о госслужащих России – это фотография работников государственного управления целой эпохи. Образы чиновников, созданные в этих

произведениях – в большинстве своем непривлекательные – настолько яркие и своеобразные, что фамилии изображенных в них чиновников стали нарицательными и, так же как их речевые характеристики, в виде крылатых слов вошли в языковое сознание русских людей, став прецедентными именами и текстами.

Анализ постсоветской беллетристики начала XXI в. и мемуаров высокопоставленных чиновников показывает, что и в художественной литературе последнего десятилетия создан исключительно негативный образ чиновника. Типичный образ чиновников наших дней – заурядные «серые люди», «серые воротнички», «серые мыши», «мутанты», коррупционеры [3].

Большинство государственных служащих считает, что они относятся к лучшей части своего профессионального сообщества. Вместе с тем негативный образ чиновника, формируемый большинством СМИ и литературой и экстраполируемый на всех госслужащих, так же как и отношение общества к их деятельности, вызывает у чиновников желание оправдаться и доказать обратное.

Так, публичные чиновники, находящиеся на вершине административно-политического Олимпа, выступая в Госдуме и СМИ, стремятся убедить аудиторию в эффективности своей деятельности, отчитаться (рапортовать) о проделанной работе, сообщить о достижениях, доказать несправедливость общественных претензий, подчеркнуть значимость, трудоемкость своей деятельности, выступить гарантом и воплощением власти.

К числу прецедентных текстов административного дискурса относятся прежде всего федеральные законы, нормативно-правовые акты, касающиеся государственной службы как социального и правового института, официальные выступления высших должностных лиц. Профессиональный тезаурус чиновников постоянно пополняется новыми смысловыми единицами и ключевыми словами, содержащимися в этих текстах.

В настоящее время в публичных выступлениях президента страны большое внимание уделяется инновационной деятельности и подчеркивается, что бюрократия «тормозит развитие институтов инновационной экономики и демократии» (Послание Президента РФ Дмитрия Медведева Федеральному Собранию РФ, 2008 г.). Глава государства отмечает, что необходимо «добиться прозрачности, четкости и простоты в каждодневных отношениях государства и гражданина». (Послание Президента РФ Дмитрия Медведева Федеральному собранию РФ, 2010 г.).

Поэтому в выступлении министра образования и науки РФ А. А. Фурсенко в Государственной думе (09. 02. 2011) делается акцент именно на эти актуальные смысловые единицы (курсив мой – М. П.): «Главным принципом работы нашего министерства в этом году, как и раньше, была *максимальная прозрачность деятельности, вовлечение всего общества, как сторонников, так и оппонентов*, в обсуждение проблем образования и науки, *достижение максимально возможного согласия* при решении тех или иных вопросов, *избегая* при этом не подкрепленного реальными нуждами *популизма*».

«В прошлом году мы приступили к реализации системы мер развития инновационной деятельности вузов <... > результаты этой работы будут представлены на наших сайтах, они будут публично освещены».

Итак, специфика профессиональной языковой картины мира государственного служащего дискурса состоит в ее институциональной обу-

словленности, в иерархическом характере статусно неравноправного служебного общения. Характер служебных отношений способствует формированию особой профессиональной картины мира, которая отражается в речевом поведении госслужащего: в использовании специальной терминологии, профессионального жаргона, в репертуаре прецедентных текстов, а также в концептуальном плане и особенностях его вербализации. Анализ материала позволяет говорить о *главной отличительной черте профессиональной языковой картины мира государственных служащих – «вертикальном» устройстве мира, безусловной и абсолютной иерархичности картины мира как доминирующем ее признаке.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – Изд. 2-е, стереотип. – М., 2002.
2. Панова М. Н. Языковая личность государственного служащего: опыт лингвометодического исследования. – М., 2004.
3. Панова М. Н. Образ российского государственного служащего в постсоветской художественной литературе // Русская словесность в поисках национальной идеи: Материалы II Международного научно-го симпозиума. – М. – Волгоград. 5 июля 2010 г. – М., 2010.

СТРАТЕГИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА:
ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ
И КОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ

Ю. В. Алгунова, Н. В. Рюмина (Тверь)

**ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИКИ
 МАЛОЙ ПРОЗЫ Т. ТОЛСТОЙ
 (НА МАТЕРИАЛЕ НОВЕЛЛЫ «СЮЖЕТ»)**

По мнению многих исследователей, Т. Толстая принадлежит к постмодернистскому направлению литературы 80-90х гг. Однако существует несколько точек зрения по этому вопросу. По мнению Т. А. Мелешко, к постмодернистским признакам в поэтике рассказов Толстой следует отнести игру на разных уровнях текста («праздник языка», «интертекстуальность»), анархию, проявляющуюся в принципе нонселекции (речь персонажей как «поток сознания»), преобладание метафоры как основы изобразительности, а также ориентацию на миф [6, с. 49]. С. А. Песоцкая считает, что «художественный метод Т. Толстой – «золотая середина» между русским критическим реализмом и постмодернизмом, некий эстетический синтез» [7, с. 261]. И. Ильин предложил формулировку: постмодернизм как «манера письма» – для характеристики творчества тех писателей, которые, усвоив многие эстетические принципы постмодернизма, не принимают его на ценностном, мировоззренческом уровне [3, с. 157]. На наш взгляд, сказанное исследователем может быть отнесено к прозе Т. Толстой: интертекстуальность, дистанцирование от собственного материала, склонность к децентрализации повествования и многоголосию никогда не превращаются во всеобъемлющий скептицизм, являющийся основой мироощущения постмодернистов, а представляют собой лишь «манеру письма». Главное проявление автора видится нам в управлении воображением, игре слов, искусном жонглировании мифологическими мотивами и образами.

В рассказах Т. Толстой функционируют мифы не только классические, древние, библейские, исторически ранние, но и светские мифы вторичной, более поздней мифологии, то есть неомифы. Как пишет В. Е. Хализев, «предметом подобных мифов становятся явления не только далекого прошлого..., но также и близких времен, включая современность <...> стали интенсивно мифологизироваться – отдельные исторические события..., определенные пространственные зоны... И наконец, на протяжении последних столетий идет по нарастающей мифологизация видных исторических деятелей, общественных и государственных, а также творцов культурных ценностей: выдающихся философов, ученых, создателей произведений искусства» [9, с. 10].

Пушкин и Ленин – герои неомифов современности, поистине мифологизированные личности. Именно они становятся героями новеллы

«Сюжет» (1991), где Т. Толстая не только использует факты их биографии, мифологизированные моменты их жизни, черты характеров, но и творит для них новый миф, прогнозирующий, что было бы, если бы гений русской литературы не погиб на дуэли, как сложилась бы в этом случае его судьба, судьба другого знаменитого человека и наша история в целом. Рассказ, построенный на приеме «вероятности» и мифологической условности, приобретает черты фантастичности. Первая фраза рассказа подтверждает это: «Допустим, в тот самый момент, когда белый указательный палец Дантеса уже лежит на спусковом крючке, некая рядовая непозитическая птичка Божия, спугнутая с еловых веток возней и топтанием в голубоватом снегу, какает на длань злодея. Кляк!» [8, с. 270].

Согласно автору, случайность могла бы изменить трагическую цепь реальных событий. Толстая меняет наиболее мифологизированный момент в биографии Пушкина – исход дуэли: Дантес убит, Пушкин ранен в грудь. За дуэль Пушкина после выздоровления наказывают ссылкой в Михайловское, где он живет безвыездно до восьмидесяти лет.

Т. Толстая создает свой миф о старом Пушкине, словно разыгрывает несостоявшуюся партию в шахматы, при этом она играет всеми фигурами одновременно: меняет жизнь всех знаменитых людей того времени. «Меланхолический поручик Лермонтов подавал кое-какие надежды, но погиб в глупой драке...» [8, с. 274].

Автор не идеализирует Пушкина, более того, лишает его всякого возвышенно-романтического ореола: вместе с капризной и истеричной Натальей Николаевной, уже утратившей рюмочную талию, он ведет весьма однообразный и скучный образ жизни: денег нет, дети – балбесы. Написанные «возмутительные» стихи не наводняют Россию, так как Пушкин их «жжет на свечке»; его прозу, сухую и точную, никто не хочет читать, ибо эпоха требует другого, по общему мнению, «Пушкин исписался». С миром писателей у него нет связи, так как его душа не приемлет новых литераторов, проповедующих «невыносимо прикладные взгляды на словесность». Т. Толстая особенно подчеркивает в нем то некрасивое, что бывает в глубокой старости: вечное ворчание и недовольство всем и всеми, слабая память, усталость от жизни, утрата оптимизма.

В маленьком приволжском городке, занесенном снегом, происходит встреча, ради которой и фантазирует автор, продлевая жизнь Пушкину. В этот момент становится ясно, что для Толстой не столько важна характеристика старого Пушкина, сколько сам факт его существования, так как с его именем, с его личностью связано представление о справедливости и справедливом возмездии. «Бабах! Скверный мальчишка со всего размаху всаживает снежок-ледышку в старческий затылок. Какая боль! Сквозь туман, застилающий глаза, старик, изумленно и гневно обернувшись, едва различает калмыцкие глазенки, хохочущий шербатый рот, соплю, прихваченную морозцем» [8, с. 276]. В ответ на это оскорбление Пушкин вскипает в последний, предсмертный раз и бьет клюкой «по рыжеватой головке негодяя». Сквозной деталью в рассказе является то, что старый Пушкин не может вспомнить фамилию своего давнего обидчика – Дантеса, и тут, в экстремальной ситуации, это имя наконец всплывает в памяти, становясь символом всех бед, не только Пушкина, но и шире – России. Он бьет мальчишку не за его проступок, а за «обезьяну, лицей, Ванечку Пушину, за Сенатскую площадь...», за Санкт-Петербург... За все, чему нельзя помочь!!!» [8, с. 277]. Толстая соединя-

ет в мальчишке всех главных обидчиков России. Эта сцена является кульминационной в рассказе. Ее драматизм снимается приемом узнавания: мальчишку зовут Володя Ульянов. Рассказ имеет четкую структуру, он разделен на две части – «пушкинскую» и «ульяновскую». Первая часть – это миф, созданный автором в серьезной манере, очень продуманно, что позволяет поверить в него. Вторая часть рассказа – «ульяновская» – носит, по мнению Е. Беловой, «игровой, открыто пародийный характер». [1, с. 175]. Исследователь М. Липовецкий считает, что главный конфликт рассказов Т. Толстой состоит в противопоставлении мифологического и сказочного мироотношений. «Миф, – отмечает Липовецкий, – основан на вере в подлинность знаковых комплексов, сказка – на демонстративно несерьезной игре с ними» [5, с. 215]. Согласно этой логике, в тексте «культурный миф» сменяется «сказкой культуры», что снимает трагическое звучание рассказа.

Образ Владимира Ульянова разворачивается в пародийном ключе, при этом пародии подвергаются все основные моменты неомифа о Ленине (отношения с пролетариатом, период жизни в Финляндии, эпизод на броневике и т. п.). После травмы Володя, по воле автора, меняется, становится примерным, а главное, законопослушным. Вследствие таких кардинальных перемен в нем меняется и история России: войну с немцами Россия в 1918 г. выиграла, царь Николай Александрович дожил до старости, монархия была сохранена, чему содействовал министр внутренних дел его Величества Владимир Ильич Ульянов: «В Зимнем любили, когда он, бывало, попросит аудиенции и стоит навтыжку у дверей кабинета, дожидается вызова, – портфель под мышкой, бородка одесколом благоухает, глазки хитро так прищурены. «Опять наш Ильич проекты принес! Ну, показывай, что у тебя там?» Смеялись, по-доброму. А он все не за свое дело брался: то столицу предложит в Москву перенести, то распишет «как нам реорганизовать Сенат и Синод», а то и вовсе мелочами занимается...» [8, с. 283].

Смерть Владимира Ильича также пародийна: как честный верноподанный, он умирает, не вынеся смерти Государя. Неомифологический материал о реальном Ульянове является антитезой к действиям героя Ульянова, рождающей во второй части рассказа пародийную манеру повествования.

Соединяет две композиционные части рассказа фрагмент, в котором сухо и лаконично отмечается факт вскрытия черепа Ильича, вследствие чего выясняется, что встреча с Пушкиным не прошла бесследно: «Мозг с одной стороны оказался хорошего мышинного цвета, а с другой – где арап ударил – вообще ничего не было. Чисто» [8, с. 284].

По мнению Е. Беловой, «в этом фантастическом рассказе реализовалось представление писательницы о Пушкине как о высоком идеале, о личности, способной изменить судьбу России. Не случайно рассказ предваряют два эпиграфа: строка из пушкинского «Памятника» – «И долго буду тем любезен я народу...» и четверостишие А. Блока, символизирующее благородную память потомков.

Использование неомифов и их героев помогает Т. Толстой раскрыть тему роли личности в истории России и также немаловажную идею о влиянии случайности на ход исторических событий. Пушкин и Ульянов – одни из самых знаковых фигур в истории нашего государства, факты их биографий мифологизированы народом, поэтому трансформация именно этих народных неомифов служит богатым иллюстративным ма-

териалом для идей Т. Толстой. По мнению А. Бочарова, «...отступления от жизненного подобия могут...вести к большей жизненной правде, ибо в этом смещении яснее обнаруживается закономерность...идеи...» [2, с. 69].

Т. Толстая обращается к одному событию в жизни известного человека (Пушкин и его дуэль), а уже из этого события «разматывается нить» нашего знания о герое. Форма, в которой написана эта новелла, – внутренний монолог или поток раздумий позволяет не только разматывать эту нить нашего знания, но и запутывать, создавая парадоксальные обороты судьбы своим героям, пересекая их жизненные пути, проектируя возможные повороты в истории их жизни и жизни России. Такая игра фантазии автора заставляет читателя включать логические участки восприятия, заставляет думать и проводить собственный анализ. Т. Толстая лишь показала пример того, как личность изменила ход истории и как случайность изменила жизнь этой личности, а затем вывела на сцену нового героя неомифа, приглашая читателя к собственному внутреннему анализу: «Сейчас ждем, когда нового министра внутренних дел назначат. Говорят, бумаги уже подписаны. Господин Джугашвили, кажется, фамилия» [8, с. 284].

Таким образом, в данном произведении с помощью образов, ставших символами, Т. Толстая решает социально-философские проблемы. Т. Толстая не только использует мифы, но в данном произведении выступает впервые сама как создатель новых мифов эпохи постмодернизма. Согласно Толстой, ее первые литературные усилия в начале 1980-х гг. стимулировала лексическая бедность существующей прозы, поэтому поэтической задачей автора стало возрождение традиций словесной игры при максимальной конденсации письма. Для стиля Толстой характерно сочетание экзистенциальной тематики, специфических эксцентричных героев с интертекстуальностью, мифологичностью, сказочностью, метафоричностью повествования, что предъявляет высокие требования к читателю, но и обещает ему щедрое вознаграждение.

ЛИТЕРАТУРА

- 1) Белова, Е. Пушкин А. С. в художественной рецепции Т. Толстой [Текст]/ Е. Белова // Пушкинский сборник к 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина. – Вильнюс, 1999. – С. 173–178.
- 2) Бочаров, А. Свойство, а не жупел [Текст]/ А. Бочаров // Вопросы литературы – 1977. – № 5. – С. 68–73.
- 3) Ильин, И. Постмодернизм от истоков до конца столетия [Текст]/ И. Ильин. – М., 1998.
- 4) Липовецкий, М. Русский постмодернизм. Очерки исторической поэтики [Текст]/ М. Липовецкий. – Екатеринбург, 1997.
- 5) Мелешко, Т. А. Современная отечественная женская проза: проблемы поэтики в гендерном аспекте [Текст] / Т. А. Мелешко. – Кемеровский государственный университет, 2001.
- 6) Песоцкая, С. А. Художественный мир современного писателя и проблем коммуникации «писатель – читатель» (на материалах рассказов Т. Толстой) [Текст]/ С. А. Песоцкая // Коммуникативные аспекты языка и культуры. – Томск, 2001.

7. Толстая, Т. Сюжет [Текст]/ Т. Толстая // Толстая Т. Ночь – М., 2002. – с. 270-285.
8. Хализев, В. Е. Мифология XIX-XX в.в. и литература [Текст] / В. Е. Хализев // Вестник МГУ. Филология. – 2002. – № 3. – С. 8-18.

О. В. Арязмова (Воронеж)

КОМПОЗИЦИОННО-РЕЧЕВЫЕ СТРУКТУРЫ ТЕКСТА И ИХ РОЛЬ В ПРОЦЕССЕ ОРГАНИЗАЦИИ РЕЧЕВЫХ ПАРТИЙ АВТОРА И ПЕРСОНАЖА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА В. С. МАКАНИНА «АСАН»)

В современной новейшей русской прозе композиционно-речевые структуры текста (прямая речь, косвенная речь, внутренняя речь, несобственно-прямая речь) все больше подвергаются процессу диалогизации авторского и персонажного слова. При этом различные субъектно-речевые планы произведения объединяются в единое структурно-смысловое и коммуникативное целое, тем самым обеспечивая повествовательную полифонию текста. Интегрирующий взгляд на композиционно-речевую природу текста как особую область художественного дискурса позволяет сквозь призму авторского сознания воссоздать сложную систему взаимодействия отдельных компонентов произведения внутри целого текстового единства.

В романе В. С. Маканина «Асан» синкретично и полифункционально используются различные композиционно-речевые структуры. Однако внутренняя речь персонажей, по сравнению с другими композиционно-речевыми структурами, занимает большую часть в общем объеме произведения. Традиционный для классической литературы способ отображения внутреннего мира персонажа получает многогранное смысловое наполнение, что свидетельствует о заметном усложнении композиционно-речевых и повествовательных структур так называемого «нового типа прозы». Усложнение структуры повествования происходит на фоне так называемой «диффузной организации» основных композиционно-речевых структур и характеризуется определенными чертами.

Во-первых, внутренняя речь центрального персонажа – майора Жилина передается во вставных конструкциях и последовательно противопоставляется его внешней речи. Это связано, например, с использованием в качестве ведущих метатекстовых единиц скобок, которым отводится особая роль в создании художественного единства текста. Во-вторых, на протяжении всего романа внутренняя речь персонажей постоянно перебивается с помощью графически выделенного «чужого слова» (как правило, с помощью курсива), что свидетельствует о «прагматической дискурсивизации», понимаемой нами, вслед за И. А. Сыровым, как «прием (набор приемов), основанный на построении структур, отражающих различные пласты живой, непосредственной речи» [3, с. 167]. В-третьих, в романе достаточно часто происходит смена формы повествования, и в результате целенаправлено «чередуются контексты с формой изложения от 3-его лица с перволичным повествованием» [2, с. 239]. В-четвертых,

используется своеобразное переключение разных форм повествования (героя-рассказчика/героя-повествователя и автора-фокализатора), которое оказывается непосредственно связанным с репрезентацией внешней и внутренней точки зрения героя-нарратора. В-пятых, наблюдается осложненная диалогизация внутренних монологов персонажа, что свидетельствует о трансформации диалога с предполагаемым адресатом и переключении его в солилоквум, или аутодиалог.

Также следует отметить, что, по сравнению с ранней прозой писателя, в романе В. С. Маканина «Асан» наблюдается эволюция субъектной сферы персонажа, которая определяется возрастающим употреблением несобственно-прямой речи (как в количественном, так и в функциональном аспекте), что свидетельствует об организации несобственно-авторского повествования, для которого характерно «углубление процесса постоянного размывания границ между разными субъектно-речевыми планами и их интерференция» [2, с. 240].

К приемам создания образа персонажей в романе можно отнести не только внутреннюю речь героев, но и портретную и речевую характеристику, художественную деталь, оценку персонажа другими действующими лицами (в том числе, и с помощью так называемой «перепорученной» речи). В «Асане» многослойность повествования также связана с тем, что в речевые структуры текста включается различная с точки зрения стилистической окраски и сферы употребления лексика (общеупотребительная, разговорная, просторечная, профессиональная и жаргонная и др.). Подобное взаимодействие разных лексических пластов усиливает иллюзорность временных границ, разделяющих разные планы повествования. Художественные функции языковых средств, восходящих к разным сферам употребления, определяют сближением авторского и «чужого» слова, способствуют речевому самораскрытию «идеологии» персонажа, выражением авторской оценки и позиции.

В романе достаточно часто используется форма внутреннего монолога, синтаксически организованного посредством несобственно-прямой речи, в котором «третьеличная» повествовательная структура выполняет функцию комментария к состоянию и слову персонажа, то есть к так называемому «перволичному» повествованию. Прием контаминации внутреннего монолога с несобственно-прямой речью, отражает процесс взаимопроникновения авторского слова и слова героя, а также становится отличительной особенностью его повествовательной структуры. Тенденция к слиянию авторского голоса и голоса героя, субъекта и объекта повествования, формирование единого образа героя-рассказчика, наличие слов-ассоциатов, передающих внутреннее состояние главного героя – майора Жилина, – все это создает художественное единство повествования.

Внутренняя речь в романе «Асан» функционирует в различных формах – внутренний диалог, внутренний диалог, внутреннее реплицирование. Самым простым случаем проявления внутренней речи в тексте романа является внутренний монолог, который строится как обращение персонажа к самому себе. Внутренняя речь, переданная в прямой форме, содержит не только собственно рассуждения, но и рассуждения, осложненные различными перебивками посредством метатекстовых средств языка, например, скобок, которые представляют собой комментарий персонажной речи. Несобственно-прямая речь, содержащая в своей структуре внутреннюю речь рассказчика, обращенного к самому себе,

нередко осложняется тем, что во второй ее части субъект высказывания говорит о себе в третьем лице, таким образом, демонстрируя взгляд на себя со стороны или используя форму «Я» как «Другой».

Встречаются также более сложные примеры внутренней речи персонажа, которые отражают ее самостоятельный и незамкнутый характер. В этом случае, например, внутренняя речь используется как воспроизведение рассказчиком «чужого» слова, отнесенного к прошлому и представленного в виде его воспоминаний. Неозначенная прямая речь часто соседствует с внутренней речью, при этом прямая речь достаточно часто вводится без предваряющего глагола, благодаря чему граница между разными субъектно-речевыми планами становится диффузной. Подобное переключение речевого регистра, графически оформленного пропуском кавычек, отражает взаимодействие двух стилистических ориентиров – «литературного» и «характерологического», и связано с использованием двух типов конструкций. Первая из них ориентирована на воспроизведение «чужого» слова, а вторая – непосредственно определяется речевой партией главного героя, которая достаточно часто представляет собой декларативную установку, как правило, в форме риторического восклицания.

Наиболее часто внутренняя речь в романе оформляется в виде внутреннего монолога героя, который может воспроизводить свои мысли или чувства, связанные с прошлым, передавая их в настоящем. Аутодиалог, включенный во внутреннюю речь рассказчика, создает дополнительное поле сопряжения нескольких точек зрения, принадлежащих «условным» собеседникам, и имитирующее диалог нескольких «я» в границах авто-рефлексии героя-рассказчика.

Как правило, автор использует основную, первоначальную функцию внутренней речи как средство самохарактеристики героя. Художественной функцией внутренней речи в романе также является репрезентация жизненной позиции майора Жилина в форме развернутых ретроспективных воспоминаний. С другой стороны, внутренняя речь напрямую определяет особенности сюжетно-композиционной организации произведения.

Прием спонтанного чередования невыделенной авторской речи с речью героя образует мозаичный узор повествовательной ткани, который складывается из отдельных частей, соотносимых либо с голосом субъективированного повествователя, либо с голосом героя. В составлении этого узора участвует, помимо прямой и несобственно-прямой речи, вся система речевых приемов, в основном направленных на раскрытие его речемыслительной перспективы повествования.

Таким образом, различные композиционно-речевые структуры текста (прямая, полупрямая, косвенная, «перепорученная», а также несобственно-прямая речь) активно используются писателем как средства субъективированного повествования. Обращаясь к такому традиционному для психологической прозы приему, как внутренняя речь, В. С. Маканин вносит ряд отличительных особенностей в специфику её функционирования. Эти особенности заключаются в следующем: в своеобразной роли метатекстовых элементов, в частности, скобок; в использовании осложненных форм «чужой» речи; диалогизации внутреннего монолога; в трансформации интерсубъектного диалога с отсутствующим собеседником в аутодиалог; в функционировании отдельных вкраплений событийных повествовательных элементов как фактов внутренней речи; в актуализации исповедального начала

в структуре повествования; в переключении речевого регистра, связанного со сменой субъекта высказывания в границах речевого сегмента во внешне немотивированное взаимопроникновение «чужого» и авторского слова и др. Кроме того, форма несобственно-прямой речи указывает на созвучие точки зрения героя и автора в плане идеологии, на сближение их позиций. С другой стороны, такая особенность несобственно-прямой речи в романе, как ее условно-литературный характер, продуцирует слияние авторского голоса и голоса персонажа. Внефабульная внутренняя речь организует широкий спектр культурных и литературных ассоциаций и обуславливает функционирование интерстилевых включений по поводу речевой ситуации, репрезентируемой или переживаемой героем-нарратором.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Маканин В. С.* Асан / Владимир Маканин. – М.: Эксмо, 2008. – 480 с.
2. *Николина Н. А.* Активные процессы в языке современной художественной литературы: монография / Н. А. Николина. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2009. – 336 с.
3. *Сыров И. А.* Текст с точки зрения языка и речи. Специфика прагматической дискурсивизации / И. А. Сыров // Языковая система и речевая деятельность: лингвокультурологический и прагматический аспекты. Выпуск I. Материалы межд. научной конференции. – Ростов-на-Дону, 2007. – НМЦ «Логос». – С. 166–168.

Н. К. Барбашова., Е. В. Макухина (Краснодар)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА РЕАЛИЙ КАК ЭЛЕМЕНТА КУЛЬТУРНОЙ КОННОТАЦИИ ТЕКСТА

Текст представляет собой многослойную ткань, в которой переплетаются разнообразные аспекты смысла: прагматические, стиливые, культурные и многие другие. Культурный компонент содержания текста, отражающий национальный колорит страны языка оригинала, является одним из существенных, но достаточно сложных для передачи при переводе элементов. Любой текст несет отпечаток культурной картины мира автора текста, видения действительности, присущего ему, в том числе, как представителю отдельного народа. Это обстоятельство, как правило, оказывает влияние на стиль автора, проявляется в используемой им образной системе. Культурный аспект содержания текста может находить выражение в различных языковых явлениях, однако наиболее осязаемым элементом культурного компонента текста являются слова-реалии. Само слово «реалия» происходит от латинского прилагательного *realis*, -е, *realia* – «вещественный», «действительный», которое превратилось под влиянием аналогичных лексических категорий в существительное женского рода. Этим словом обозначают материально существующий или существовавший предмет. Согласно словарным определениям, реалия есть «всякий предмет материальной культуры» [2, с. 786], «в классической грамматике разнообразные факторы... такие как государственное устройство данной страны, история и культура данного народа, языко-

вые контакты носителей данного языка и т. п. с точки зрения их отражения в данном языке», «предметы материальной культуры, служащие основой для номинативного значения слова» [1, с. 524]. Реалии – это слова, обозначающие предметы быта, явления, названия общественных институтов и другие понятия, связанные с национальной культурой определенной страны, незнакомые или несвойственные народу-носителю языка перевода. Эти слова, как правило, не имеют прямых лексических соответствий и рассматриваются некоторыми исследователями и теоретиками перевода, например, Г. В. Черновым, как "безэквивалентная лексика" [6, с. 223].

Их передача в переводе ставит перед переводчиком нестандартные творческие задачи вследствие отсутствия у носителей языка перевода обозначаемого реалией референта, а значит и обозначающего его слова, а также необходимости, наряду с семантикой реалии, передать и ее коннотацию — национальную и историческую окраску.

Основные приемы перевода реалий можно, обобщая, разделить на транскрипцию (транслитерацию) и непосредственно перевод, включающий в себя методы калькирования, уподобляющего перевода, уточняемого в условиях контекста, и гипонимического перевода (замена видового понятия на родовое). По словам А. А. Реформатского, понятия транскрипции и перевода могут быть противопоставлены друг другу: перевод стремится «чужое» максимально сделать «своим», а транскрипция стремится сохранить «чужое» через средства «своего». Таким образом, «в плане практического перевода и транскрипция должны рассматриваться как антиподы» [4, с. 312]. Вопрос о выборе между транскрипцией (транслитерацией) и непосредственно переводом касается, главным образом, еще незнакомых носителям языка перевода слов, а сам выбор всегда обусловлен контекстуальной ситуацией.

В тексте слова-реалии можно разделить на две категории: слова, описывающие предметы и явления, присущие родной культуре автора текста и не вызывающие затруднений у носителей языка оригинала, и слова, описывающие явления чуждой автору культуры, которые являются инородными реалиями для читателей исходного текста. Подобное разделение играет важную роль в интерпретации текста для перевода. Слова первой группы хорошо знакомы и понятны носителям языка оригинала без дополнительных комментариев, они не выделяются из общего фона текста, в этом случае видится целесообразным использование методов уподобляющего и гипонимического перевода для сохранения нейтральной коннотации текста.

She wore but one garment, a Mother Hubbard of pink cotton, her feet were bare and she was crowned with a wreath of white scented flowers. (Mother Hubbard – длинное женское платье без пояса)

Весь наряд – один только розовый ситцевый балахон, ноги босы, а на голове венок из белых душистых цветов. [3]

Во втором случае слово, описывающее образ или явление, является необычным и новым для автора оригинала и его соотечественников. Подобные слова используются при описании других культур для создания атмосферы чуждости и непохожести. В этом случае сам текст оригинала нередко содержит расшифровку понятия для читателей.

Let us have a couple of pareos. . . They undressed and Edward showed his friend how to make the strip of red trade cotton which is called pareo into a very neat pair of bathing-drawers.

Дайте-ка нам с мистером Хантером парео. . . Они разделись, и Эдвард показал другу, как превратить длинный красный лоскут, называемый парео, в аккуратные купальные трусики. [3]

Этот прием также часто используется авторами фантастических произведений для передачи своеобразия описываемого мира.

The Mathom-house it was called; for anything that Hobbits had no immediate use for, but were unwilling to throw away, they called a mathom.

Музей этот назывался Мусомный Амбар, ибо всякая вещь, которую девать было некуда, а выбросить жалко, называлась у хоббитов мусомом. [5]

Для сохранения созданного автором эффекта предпочтительными являются методы транскрипции и транслитерации с последующим пояснением значения слова в виде сноски или определительного оборота в том случае, когда текст не содержит подобного пояснения.

В различных переводческих ситуациях, в зависимости от контекста при переводе реалий могут употребляться и такие приемы, как замена реалии языка оригинала реалией языка перевода или же опущение реалии. Решение вопроса о выборе определенного приема при переводе реалии тесно связано с контекстом, а также напрямую зависит от задачи, стоящей перед переводчиком при работе над конкретным текстом, первостепенности сохранения национальной окраски единицы или же ее семантического значения.

Работа переводчика всегда связана с творческим поиском оригинальных решений для достижения максимальной эквивалентности текста во всех аспектах его содержания, однако выполнение этой задачи невозможно без всестороннего знакомства с историей, культурой, литературой, обычаями, современной жизнью и прочими реалиями народа, говорящего на исходном языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия, 1966. – 524 с.
2. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. Изд. 18-е. М.: Русский язык, 1986. С. 786.
3. *Мозм С.* Падение Эдварда Барнарда // "Рассказы". Перевод — Р. Облонская. С. — М., "Правда", 1979.
4. *Реформатский А. А.* Введение в языковедение. М.: Аспект Пресс, 1999. С. 312.
5. *Толкиен Дж. Р. Р.* Братство кольца. // Властелин колец. Перевод В. Муравьева. — М.: Росмэн-Издат, 2002.
6. *Чернов Г. В.* К вопросу о передаче безэквивалентной лексики при переводе советской публицистики на английский язык. // Ученые записки 1-го МГПИИЯ, т. XVI. М., 1958. С. 223.

Л. С. Быша (Тверь)

ИДЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ КОНЦЕПТА «РУССКИЙ МЕНТАЛИТЕТ» НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ Н. С. ЛЕСКОВА «ОЧАРОВАННЫЙ СТРАННИК»

В настоящее время словари являются одними из самых популярных справочных книг. До сих пор в них лексический материал располагался главным образом по алфавиту. Альтернативой такому расположению слов является размещение их по смысловой близости. Словари, в которых лексика располагается на основании этого критерия, получили название идеографических (от греч. *idea* — понятие, идея, образ и *grapho* — пишу). Если алфавитный словарь служит для того, чтобы узнать что-то о данном слове, то идеографический словарь служит для того, чтобы узнать что-то о данном смысле: какими словами можно выразить данное значение.

В нашем исследовании мы действовали в рамках создания идеографического словаря языка писателя. На материале текста повести Н. С. Лескова «Очарованный странник» оказалось возможным представить идеографическое описание концепта «русский менталитет» в виде синоптической схемы. Описание изучаемого объекта культуры по стратам и выявление связи между ними позволило распределить языковой массив по смысловым зонам.

Таким образом, мы составили следующую идеографическую классификацию с указанием соответствующей частотности употребления в тексте:

1. 0. религиозность
 1. 1. религиозность: общие понятия
душа (55), дух (21), вера (2), таинство (1)
 1. 2. формы поведения
 1. 2. 1. греховные формы
страсть (23), скорбь (6), грех (6), отчаяние (4)
 1. 2. 2. добродетельные формы
молитва (5), покаяние (4), пост (3)
 1. 3. поиск пути
путь (17), призвание (7), знамение (6), странник (3)
 1. 4. внутренняя свобода
 1. 4. 1. нормативная форма
стель (46), воля (11), свобода (4), мечта (2), Россия (2)
 1. 4. 2. экстремальная форма
пить (30), играть (21), выход (7), разбойник (3)
 1. 5. соборность
 1. 5. 1. соборность: общие понятия
народ (10), родина (2)
 1. 5. 2. всемирная отзывчивость
доброта (30), милость (18), жалость (10), откровенность (4), просто-душие (2)
 1. 6. фатализм

авось (5), судьба (4)

В ходе проведенного анализа при сопоставлении данных исследования текста Н. С. Лескова [1] и идеографического словаря под ред. В. В. Морковкина [2], представляющего лексическую основу современного русского языка, мы выявили различие в специфике понимания русского менталитета автором XIX века и современной интерпретацией концепта «русский менталитет». Например, в указанном словаре нет таких языковых единиц, как греховные формы поведения (*скорбь, отчаяние, страсть*), понятий, связанных с религиозностью, фатализмом русского человека (*призвание, знамение*). Такие лексемы, как *судьба, путь*, в современной интерпретации приобретают характеристики физического мира, в то время как у Н. С. Лескова это понятия метафизического порядка. Лексических единиц, которые репрезентируют основные черты русского менталитета: «соборность» (*народ*), «внутренняя свобода» (*степь, мечта*) и «экстремальные формы поведения» (*играть, пить, выход*) — нет в словаре В. В. Морковкина, а вышеперечисленные лексемы отнесены в совершенно иные смысловые зоны. Не менее значимы и лексико-семантические совпадения: группа «религиозные чувства» (*таинство, крещение, причащение*) и лексемы *доброта, жалость, отзывчивость, милость*, номинирующие такую черту русского менталитета, как всемирная отзывчивость, представлены в обоих лексикографических изданиях.

На основе вышеприведенных замечаний можно сделать вывод, что представление о доминантных чертах русского менталитета претерпело большие изменения на протяжении последнего столетия: метафизический компонент осмысления своего бытия значительно редуцировался, на первый план выходят бытийные характеристики естественного мира, поэтому в словаре не фиксируются такие смысловые зоны, как «божий промысел, предопределенность», «формы поведения: греховные, добродетельные», «внутренняя свобода», «соборность», то есть мы видим, что основные черты психотипа русского народа не представлены в современном идеографическом словаре.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лесков Н. С. Собр. соч.: В 6 т. — М., 1973. С. 3–32.
2. Комплексный учебный словарь: Лексическая основа русского языка: ок. 10 000 лексических единиц в системных объединениях / Под ред. В. В. Морковкина. М., 2004.

С. Г. Григоренко (Краснодар)

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА КАК ЧЕРТА ИДИОСТИЛИЯ Ф. ИСКАНДЕРА (НА МАТЕРИАЛЕ СКАЗКИ «КРОЛИКИ И УДАВЫ»)

Й. Хейзинга считал, что «культура возникает в форме игры, культура первоначально разыгрывается» [3, с. 80]. Игровой элемент ярко проявляется во всех сферах деятельности человека, в том числе в языке и речи. Наибольший интерес представляет языковая игра в художественном творчестве, неразрывно связанная с эстетическим эффектом, ироническим переосмыслением действительности. Феномен языковой игры объясняется стремлением к созданию экспрессии речи. Читатель в этом случае постоянно пользуется двойным языковым кодом, переходя с эксплицитного способа выражения и восприятия смысла на имплицитный и наоборот, вследствие чего и читатель, и автор находятся в положении *homo ludens*, «человека играющего». Как отмечает В. Г. Борботько, «под маской «серьезных» форм языка — инструмента прагматического и рационального действия — повсюду скрывается игровое начало, «претворяющее бытие», строящее нереальный, измышленный мир. Оно проявляет себя как в слове, так и в его комплексном аналоге — мифе» [1, с. 47]. Рассмотрим примеры языковой игры в сказке Ф. А. Искандера «Кролики и удавы», в которой мифотворческая функция языка проявилась в наибольшей степени. Языковая игра в исследуемом тексте Искандера реализуется на словообразовательном и лексико-семантическом уровнях. В современном языкознании употребляется термин словообразовательная игра. В широком смысле под словообразовательной игрой понимают создание новообразований — окказиональных или потенциальных слов, концентрацию на небольшом пространстве текста одноструктурных или однокоренных слов, актуализацию контраста между морфемами или моделью и её наполнением; псевдовосстановление производящей основы. В сказке Ф. Искандера обнаруживаем разнообразные типы языковой игры.

Корневой повтор: «...иная компания содержит в себе вещество мерзости, намного превосходящее то количество, которое необходимо для выполнения нормы мерзавца каждым членом этой компании, то есть на каждого мерзавца этой компании может распределиться полуторная норма мерзости, если они будут настаивать на математическом выражении своей доли мерзости» [2, с. 584]. Повтор корня мерз- в приведенном отрывке, с одной стороны, эксплицирует авторскую модальность, с другой, — выполняет важную художественно-эстетическую функцию. Такая намеренная тавтология позволяет усиливать негативно-саркастическую окраску текста, акцентируя внимание читателя на важных для автора смыслах. Частотны повторы слов с высоким значением как средство снижения их семантики: «В королевстве кроликов страшнее всего было оказаться под огнем патриотического гнева. По обычаю кроликов, патриотический гнев следовало всегда и везде поощрять. Каждый кролик в королевстве кроликов в момент проявления патриотического гнева мгновенно становится рангом выше того кролика,

против которого был направлен его патриотический гнев» [2, с. 89]. Такой вид повтора можно считать одним из самых частотных и выразительных в стилистике Ф. А. Искандера. Само слово *патриот* в контексте приведенного описания утрачивает свойственную ему в рамках традиционного осмысления торжественность и возвышенность, обнаруживает в структуре своей семантики подчеркнуто насмешливое отношение.

Деривационные повторы (слова, образованные по одной словообразовательной модели): «...любил воспевать буревестников и ужасно не любил созерцать горевестников. Увидит буревестника – воспоёт, увидит горевестника – восплачет. И то и другое он делал с полной искренностью и никак при этом не мог понять, что воспевание буревестников непременно приводит к появлению горевестников. Бывало, не успеет отрыдать на плече горевестника, а уже высмотрит из-за его поникшего плеча взмывающего в небо буревестника и приветствует боевую птицу радостным кличем» [2, с. 614]. Художественный эффект достигается не столько за счёт использования в одном контексте слов, образованных по одной словообразовательной модели, сколько опять же за счёт частого повтора названных языковых единиц. Здесь также можно говорить об эффекте снятия высокой окраски слова, снижении семантического содержания: слово с традиционно возвышенным в системе языка смыслом значительно утрачивает свой высокий налет за счёт усиленной тавтологии, а также употребления в одном контексте с ироническим перевертышем – *горевестник*, образованным по той же словообразовательной модели.

Наряду с повторами корней широко использованы в сказке повторы префикса: «Против патриотического гнева было только одно оружие – перепатриотичить и перегневить патриота. Но сделать это обычно было нелегко, потому что для этого нужен разгон, а разогнаться и перепатриотичить кролика, который вплотную подступился к тебе со своим патриотическим гневом, почти невозможно» [2, с. 89]. В этом случае мы имеем дело с префиксом экспрессивного умножения, когда само повторение словообразовательной модели вносит определенную лепту в смысл текста и акцентирует внимание читателя на изображаемом. Употребление перевертыша *перепатриотичить* в одном ряду с перегневить еще более выразительно указывает на сниженность его смыслового наполнения, лексема *патриот* в таком контексте приобретает семы, свойственные слову *гнев* – мелкое, низменное чувство, чувство слабого.

Прием снятия высокого смысла можно считать наиболее излюбленным вариантом языковой игры. «Но казалось, что будни королевской жизни заполнены таким большим количеством государственных мелочей, что до великих замыслов руки у короля не доходили» [2, с. 158]. И далее: «Держа в руках королевскую власть, король кроликов с горечью убеждался, что все силы уходят на то, чтобы эту власть удержать. Для чего власть, – думал Король иногда, если все силы уходят на то, чтобы ее удержать?» [2, с. 159]. В приведенном примере слово *государственных* – важных, значительных – получает сатирическое значение именно в сочетании со словом *мелочей*. Соединение в одном сочетании этих слов (оксюморон) создает отношение к описываемому как к чему-то изначально ничтожному.

Разнообразные виды повторов (по нашему мнению, ключевые стилистические единицы творчества Ф. Искандера) придают прозе писателя

неповторимый иронический колорит, формируют самобытную авторскую речевую стратегию. *«Я старый, мудрый кролик, – начал Старый Мудрый Кролик, и он был отчасти прав, потому что с тех пор, как его назначили на эту должность, он успел постареть»* [2, с. 84]; *«Поглощенный философией собственного существования, он никак не находил времени заняться существованием кроликов»* [2, с. 182]; *«в трудную минуту решение не принимать никакого решения было для кроликов самым желанным решением»* [2, с. 198].

На лексическом и стилистическом уровнях языковая игра не только подчёркивает индивидуальность творчества Ф. Искандера, в ней главным образом находит своё отражение ироническое переосмысление окружающей действительности. Зачастую автором намеренно разграничиваются, противопоставляются понятия, имеющие близкие общеязыковые значения и выступающие в системе языка как синонимы, и наоборот, антонимичные единицы синонимизируются, появляется контекстуальная антонимия или контекстуальная синонимия. Примером такой контекстной антонимии можно считать следующее: *«Да, да, говорил, – ответили кролики, чувствуя, что в словах Задумавшегося есть какая-то соблазнительная, но чересчур тревожащая истина, а в словах Короля какая-то скучная, но зато успокаивающая правда»* [2, с. 600]. Так единицы истина и правда в данном контексте мыслятся скорее как антонимичные, имеющие противоположные семы, этому способствует и синтаксический прием – употребление противительных союзов *а* (в значении *но*), *но*. Если в системе языка концепты *истина* и *правда* находятся в отношениях сопоставления, то в сказке Искандера они явно противопоставляются, причем приоритет отдается не истине, а правде. Весьма ироничны сравнения автора: *«прекрасными глазами тонущего котёнка»* [2, с. 655]. Достаточно частотен прием переосмысления общеязыкового значения фразеологических оборотов, пословиц: *«крутишься на троне, как белка в колесе»*, *«дело запахло капустой»* и др. Семантической трансформации подвергается и фразеологизм *держат в руках* со значением *«владеет чем-либо»*. В тексте фразеологизм приобретает буквальное значение. Сужение семантических границ словосочетания можно наблюдать и в таком примере: *«Когда глашатай покинул помещение, Великий Питон спросил у своего главного визиря: «Что такое обет молчания?»». «Послеобеденный сон», – ответил тот не задумываясь»* [2, с. 655]. Ироническая окрашенность проявляется в употреблении просторечных единиц: *«корчит учителя жизни»* [2, с. 604], жаргонизмов: *«расколосся»* [2, с. 687], *«верняк»* [2, с. 638] и др.

Излюбленным приемом Искандера является словесная игра с использованием текстовых возможностей антонимов: *«Порхали бабочки величиной с маленькую птичку и птицы величиной с большую бабочку», «на высоте хорошего баобаба или плохой лиственницы»* [2, с. 655]; *Кролики, – говорил он, – если мы будем стремиться с самого начала увидеть самый конец, мы никогда не сдвинемся с места. Сюда можно отнести и рема-тематические мены: «Я понял, что их гипноз – это наш страх. А наш страх – это их гипноз»* [2, с. 655]. Важным компонентом языковой игры можно считать использование абсурда: *«А если бы всплывали лягушки, то водоплавающие птицы летели бы вслед за плывущим удавом»*. Иронические замены по звучанию, псевдовосстановление внутренней формы слова: *«Помните, изучайте Таблицу Размножения – и будущее кроликов будет достойно Цветной Капусты!»* [2, с. 687].

Анализ языка сказки «Кролики и удавы» показывает, что языковая игра является главным стилиобразующим фактором художественного языка Ф. А. Искандера, эта особенность свойственна и другим произведениям автора. Можно сказать, что в сказке «Кролики и удавы» (как, пожалуй, и во всяком другом прозаическом тексте) языковая игра весьма утилитарна, прагматична. Тонкая игра формируется на основе иронического, порой саркастического осмысления категорий действительности. При всей выраженности эстетического эффекта языковой игры нельзя не отметить его вторичность по отношению к прагматике. Изучение языкового своеобразия художественной игры Искандера помогает глубже исследовать специфику индивидуально-авторской стилистики, а так же понять самобытность миропонимания художника.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Борботько В. Г.* Игровое начало в деятельности языкового сознания//Этнокультурная специфика языкового сознания: сборник статей под ред. Н. В. Уфимцевой. М., 2003. – С. 41–51.
2. *Искандер Ф. А.* Кролики и удавы. М., 2001.
3. *Хейзинга Й.* Homo ludens. Опыт определения игрового элемента культуры. М., 1992.

Е. В. Ильина (Москва)

ВОЗМОЖНОСТИ АНАЛИЗА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА В АСПЕКТЕ ВЫЯВЛЕНИЯ ЕГО МОДАЛЬНО-ВРЕМЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Языковые способы выражения временных отношений и средства манифестации модальности как универсального мыслительно-языкового механизма находятся в отношениях координации. Так, в английском языке претерито-презентные, впоследствии, модальные глаголы с начала истории своего развития эксплицировали невозможность разделения настоящего и прошедшего, что также было отражено в значении древне-германского результативного вида – прародителя перфектной формы в английском языке, в котором этот результат мог остаться в прошлом или продолжиться в настоящем, соединяя прошлое и настоящее в единое целое [1, с. 40].

Связь модальности с временными формами или, точнее, зависимость временных форм от модальности подтверждается исследованиями системы временных форм французского глагола у Э. Бенвениста. Перфектные сложные формы (parfait de present, d'imparfait, d'aorist, de futur), соотносимые с соответствующими простыми формами в синтагматике (на примере сложных предложений с придаточными времени), одновременно им противопоставлены в двух планах высказывания – историческом плане и плане речи [2, с. 270-284]. Не вдаваясь в оспаривание возможности такого членения сферы употребления языка, нельзя не выделить свойство субъективности перфекта и возможность его отнесения к широкому спектру модальных средств организации высказывания. Дейст-

вительно, по сравнению с формой аориста – *passé défini* (il fit), которая представляет событие как факт в прошлом, не имеющий связи с настоящим, форма перфекта (il a fait) подчеркивает эту связь, соединяя прошедшее событие с субъектом речи, находящимся в настоящем. Используемые формы настоящего перфекта модальны, поскольку служат выведению на первый план позиции субъекта речи в совокупности его оценок и отношений к описываемым событиям. Так, Э. Бенвенист упоминает роман Альбера Камю «Посторонний» (*L'Étranger*), в котором повествование о прошедших событиях ведется преимущественно в формах перфекта, что делает это произведение, по мнению Э. Бенвениста, попыткой выставить напоказ собственное «я», свое субъективное восприятие каждой из описываемых ситуаций [2, с. 278].

На материале русского языка также можно представить подтверждения тесной связи категорий модальности и времени. Использование одного глагольного времени в значении другого (историческое настоящее – *Еду я вчера в троллейбусе и вдруг вижу...*; предвосхищение будущих событий – *Мы погибли*) свидетельствует о необходимости представить сообщение в субъективной интерпретации, выразить собственное отношение к содержанию высказывания. В первом случае говорящий указывает на необходимость выделения описываемого блока ситуаций из всей прошлой действительности, подчеркивает значимость информации как для себя самого, так и для организации сообщения. Во втором примере происходит оценивание неизбежности лишь одного варианта развития ситуации в будущем с точки зрения субъекта речи. Таким образом, в высказывании имеются ориентиры, благодаря которым процесс понимания будет направлен в нужное русло. Тем самым модальность оказывает влияние на функционирование временных форм, обеспечивая координацию и упорядочивание деятельности расшифровки вербального кода.

Связь модальности и времени прослеживается не только на уровне синтаксических конструкций. Лексика, типично выражающая временные отношения, в непосредственном речевом употреблении приобретает модальные коннотации. Например, «*Но намерение попросить хлеба и еще что-то, чего он не мог определить, связывало его, всегда смелого и болтливое, ставило в тупик – и перед кем же! – перед мужиками, которых он даже и сравнивать никогда не хотел с печниками, плотниками, малярами!*» (И. А. Бунин «Веселый двор»). Наречия «всегда» и «никогда» оказываются противопоставленными, так как в них заключается квалификация действий как желаемых и не желаемых с точки зрения субъекта. Помимо того, форма «никогда не хотел» соотносится с планом предшествования, также как и сочетание «всегда» с прилагательными «смелого и болтливое». Следовательно, ментальное состояние героя дается в его связи с противопоставленными ему более ранними мнениями и убеждениями, между которыми нет ни формальной, ни содержательной границы.

Что касается возможности метафизического и собственно языкового деления времени на настоящее, прошедшее и будущее, то она представляется весьма условной. Противопоставление прошедшего-непрошедшего является основным для индоевропейских языков [3, с. 36]. Действительно, формы настоящего используются для обозначения будущих действий едва ли не чаще, чем формы собственно будущего времени не только в русском, но и в английском языке (ср. использование глаголов несовершенного вида в русском и форм Present Indefinite,

Present Continuous и оборота to be going to в английском). Однако в этой связи вызывает сомнение вышеупомянутое временное деление реального времени на прошедшее и непрошедшее. Например, В. В. Мартынов, рассматривая соотношение форм времени и вида в русском языке, отмечает, что «совершенный вид прошедшего времени ... переносится в настоящее» [4, с. 128], т. е. в непрошедшее. Это подтверждает, условность языкового, а, следовательно, и бытового деления времени на настоящее, прошедшее и будущее.

Итак, модальность зачастую модифицирует функционирование единиц, эксплицирующих временные отношения, с целью наиболее адекватной реализации интенций говорящего в связной речи и обеспечения активизации процесса понимания. По нашему мнению, действие указанного модального языкового механизма соотносится с существованием особого рода модальных смыслов-организаторов временного стратума внутри текста. Текст – это всегда высказывание, помещаемое в деятельности его понимания читателем в ситуацию собственного бытия и несущее в себе ситуацию мыследействования автора [5]. При таком свертывании-развертывании временных компонентов этой ситуации её составляют а) созданные автором временные ориентиры текста в виде способов построения временного повествования (ретроспекция/проспекция, мгновенность/длительность, дискретность/единство); б) ситуация осознания времени текста в его соотношении с собственными переживаниями времени у читателя, т. е. картина мира, создаваемая с помощью презентуемой в тексте системы временных координат, накладывается на картину мира читателя (о времени как инструменте построения картины мира в тексте см. также [6]). При понимании временной стороны смысловой ткани текста на периферии духа реципиента возникают специфические нозмы как особые «интенциональные сущности» [5, с. 40], соединяющие и модифицирующие рефлексивную интенцию автора и рефлексивную интенцию читателя. В итоге образуется сложный блок конфигуративных связей, образующий временной стратум текста. Модальность играет определяющую, координирующую роль в этом процессе, так как формируемые в ходе этого процесса временные нозмы как минимальные единицы содержания и смысла будут соединены со специфическим смыслом-модализацией и включены в виде модально-временного кластера в общую модальную партитуру текста.

Время художественного текста может иметь видовые различия, снова связанные с традиционным пониманием модальности. Так, А. Ф. Папина говорит о реальном (передающим основные временные закономерности действительности) и ирреальном типах организации временного пространства текста. При этом ирреальное время может и не отрицать времени реального, а может и противоречить ему [7, с. 199]. То же можно сказать и о категории глагольного наклонения, в основе разграничения видов которого лежит способ представления события. Однако между реальным и ирреальным художественным временем невозможно установить четкую границу и выявить специфический набор морфологических черт, свойственных только одному из них, поскольку и при использовании реальных и ирреальных временных координат во временной каркас будут включены одни и те же грамматические формы. Противоречиво также разделение реального художественного времени на объективное и субъективное [Там же, с. 168-197]. В основе такого разбиения лежит противопоставленность личных форм глагола по числу: 3-е лицо для

объективного времени, 1-е лицо для субъективного времени. Но субъективность интерпретации событий присутствует в тексте всегда, безотносительно к тому ведется ли оно от первого лица или нет, так как это видение отдельного субъекта – автора текста. Не говоря уже о том, что различия грамматических глагольных форм по числу актуально не для всех языков.

Таким образом, конструирование картины мира в тексте с помощью создание особой системы временных координат, с одной стороны, отвечает требованиям непротиворечия реальности, с другой стороны, наоборот, стремится к созданию совершенно особой, отличной от реальной системы, которая наиболее четко бы отвечала желаниям автора, воплощая его субъективное видение рассматриваемых событий и идей.

В этой связи необходимо отметить особый статус долженствования как одного из наиболее значимых смысловых блоков модальности. Обычно наряду с долженствованием выделяются также хотение, умение (знание) и способность (могущество). Согласно А. Ж. Греймасу и Ж. Фонтанию исходная точечная модуляция, которая, подвергаясь процессу категоризации, далее превращается в долженствование, уравнивает три остальные модуляции [8, с. 26-88]. В психологических исследованиях аффективной сферы можно также встретить подобную трактовку. Например, О. С. Никольская, разграничивая уровни аффективной организации сознания и поведения, в статус высшего уровня возводит уровень эмоционального контроля, соответствующий соотносению собственного поведения с системами ценностей и оценок других людей. Указанный уровень отвечает за создание иерархически структурированной картины мира на основе внутренней оппозиции «должен – не должен» [9, с. 126-137].

Долженствование выполняет ведущую функцию в организации модального временного континуума. П. А. Флоренский указывает, что обязанности ни что иное как «то, что дает данности долготу, именно с его помощью «Я» выходит из пространственно-временной ситуативной ограниченности в вечность» [10, с. 92]. Ситуация освобождается от привязанности к конкретному времени и месту, становится актуальной для читателя в его действительном центре «здесь и сейчас». Этой установке также соответствует представление о времени в его неразрывности, возвращение к исходному недискретному представлению о времени. Умение, наоборот, отвечает за установление прерывности между блоками прошедшего, настоящего и будущего (ср.: закрывающая модуляция у А. Ж. Греймаса и Ж. Фонтания). Это разделение присутствует лишь условно как дань онтологии развития познавательных механизмов человеческого разума, который в виде основной исследовательской процедуры познания избрал членение целостных объектов на части с целью описания закономерностей их функционирования. В этом смысле линейное развертывание времени сохраняется с вариативностью движения стрелы времени от прошлого через настоящее в будущее и наоборот. Хотение как содержательная область модальности соответствует циклическому представлению о времени в плане возникновения/угасания склонностей, страстей, желаний. В тексте это дает комплексное представление о динамике интенций персонажей, уравниваемых интенцией автора. Способность (могущество) может быть представлена как особая организация временного пространства, в которой объединяются черты мгновенности/длительности, поскольку, с одной стороны, способность пред-

ставляется всегда неизменной, изначально данной, с другой стороны, способность может быть связана с конкретной временной точкой, в которой она внезапно возникает и тут же угасает. Как в случае опасности человек с непримечательными физическими данными становится способным перелезть через огромную стену или переплыть реку с быстрым течением.

Данные абстрактные рассуждения, с нашей точки зрения, могут быть эффективно применимы при анализе художественного текста, если принять за основу гипотезу о том, что рассмотренные модальные области могут выступать в качестве смыслов-модализаций, которые отвечают за организацию временного стратума текста. В ходе такой организации может преобладать один из таких смысловых координаторов или ведущие позиции могут занимать сразу несколько из них. Рассмотрим пример взаимодействия в качестве ведущих смыслов-модализаций долженствования и хотения в следующем текстовом отрывке:

«Гм ... а ты позабыл? Отечество? Колыбель? Прах отцов? Алтари? А воинская честь и дисциплина? Кто будет защищать твою родину, если в нее вторгнутся иноземные враги? ... Да, но я умру, и не будет больше ни родины, ни врагов, ни чести. Они живут, пока живет мое сознание. Но исчезни родина и честь, и мундир, все великие слова, – мое Я останется неприкосновенным. Стало быть, все-таки мое Я важнее всех этих понятий о долге, о чести, о любви?» (А. И. Куприн «Поединок»).

Абзац начинается с личной глагольной формы в прошедшем времени, далее размышлении героя развертываются в контексте противоборства настоящего и будущего. Настоящее есть сосредоточение представлений об обязанностях, тогда как будущее раскрывает несостоятельность этих представлений. Такое противопоставление происходит последовательно либо через прямое отрицание при одинаковых формах: *Кто будет защищать твою родину... – ...но я умру, и не будет больше ни родины, ни врагов, ни чести.* Или через их соотнесение с разными субъектами: *Они живут, пока живет мое сознание.* Постановка формы прошедшего времени в начало оформления вывода героя поглощает формы настоящего и будущего: о противопоставлении собственных желаний навязываемым чужой волей (родителей, общества и т. д.) обязанностям человек узнает с самого начала своего существования в мире. Следовательно, действие «забыть» относится и к тому, и к другому полюсу, и к настоящему и к будущему, уравнивая их. Таким образом, смысл-модализация долженствования отвечает за объединение временного континуума в единое смысловое целое в составе модально-временного кластера как части единой модальной партитуры распределения смыслов текста. Модализация хотения соотносит желание героя не подчиняться долгу с выведением будущего в ранг критерия правильности рассуждений – герой опровергает важность долга в настоящем, проверкой развития событий в будущем. Стремление действовать согласно нормам и правилам угасает, на смену ему приходит желание верить только склонностям собственного рассудка. Данный модально-временной кластер оказывается одновременно дополняющим и противопоставленным рассмотренному выше кластеру долженствования.

Таким образом, содержательный аспект (грамматическое значение форм времени) и смысловой аспект (выводимый смысл на основе модальной модификации их значений) оказываются связанными в рамках

художественного целого текста/текстовой дроби. Такая транспозиция значений форм возможна благодаря организующей силе множественной модальной партитуры текста, которая предстает как одновременно дискретная и целостная. Рефлексивное действоание в её рамках характеризуется скачкообразными переходами от одного модального кластера к другому, что обеспечивает вариативность при распрямлении смысла, свернутого в рамках указанных временных форм.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ильин Б. А.* История английского языка. – М.: Высшая школа, 1968. – 419 с.
2. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. – Изд. 2-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 448 с.
3. *Чугунова С. А.* «Движение времени» у представителей разных культур: Монография. – Брянск: Брянский государственный университет, 2009. – 240 с.
4. *Мартынов В. В.* Категории языка. – М.: Наука, 1982. – 192 с.
5. *Богин Г. И.* Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику. URL: http://pall.hoha.ru/learn/bogin_bible/0.htm (дата обращения: 20. 08. 2010)
6. *Гузь Н. А.* Пространственно-временная организация в романе И. А. Гончарова «Обыкновенная история» // Текст: варианты интерпретации: Материалы VIII межвузовской научно-практической конференции. Вып. 8. – Бийск: БПГУ им. В. М. Шукшина, 2003. – С. 46-51.
7. *Патина А. Ф.* Текст: его единицы и глобальные категории. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 368 с.
8. *Греймас А. Ж., Фонтаний Ж.* Семиотика страстей. От состояния вещей к состоянию души: Пер. с фр. /Предисл. К. Зильберга. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 336 с.
9. *Никольская О. С.* Аффективная сфера как система смыслов, организующих сознание и поведение. – М: МГППУ, 2008. – 464 с.
10. *Флоренский, П. А.* Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях / П. А. Флоренский. – М.: Прогресс, 1993. – 321 с.

Н. Н. Кононова (Тверь)

НЕКРАСИВАЯ СМЕРТЬ (КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА, СВЯЗАННЫЕ С КОНЦЕПТОМ «БОЛЕЗНЬ», В ПОВЕСТИ Л. Н. ТОЛСТОГО «СМЕРТЬ ИВАНА ИЛЬИЧА»)

– *Voilà une belle mort*¹, – сказал Наполеон,
глядя на Болконского.
(Л. Н. Толстой)

В художественном тексте определенную эстетическую функцию выполняют все языковые средства. В каждом произведении есть опорные, или ключевые слова, связанные непосредственно с содержанием. В тексте повести Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» языковой доминантой выступает лексика, используемая Толстым в описании физических страданий и болезни.

Известно, что одним из важнейших компонентов текста является заглавие. Находясь вне основной части текста, оно занимает абсолютно сильную позицию в нем. Толстой помещает в заглавие лексему *смерть*, и намеченная в заглавии тема смерти развивается в тексте, и ею завершается повесть. Следует отметить, что о «прошедшей истории жизни Ивана Ильича», которая, по словам Толстого, была «самая простая, обыкновенная», рассказывается в повести не так подробно, как о трех месяцах его болезни: *Лицо его было красивее, главное – значительнее, чем оно было у живого. На лице было выражение того, что то, что нужно было сделать, сделано, и сделано правильно...* [4, с. 60].

Толстой описывает жизнь Ивана Ильича, чиновника, сделавшего обычную карьеру, человека среднего во всех отношениях: в характере, поведении, уме. Веселый и общительный, Иван Ильич отличался подчеркнутым честным, щепетильным отношением к своим служебным обязанностям, умением достойно держаться в свете и заботившимся о том, чтобы его жизнь была приятной и приличной во всех отношениях: *В провинции Иван Ильич сразу устроил себе такое же легкое и приятное положение, каково было его положение в Правоведении. Он служил, делал карьеру и вместе с тем приятно и прилично веселился...* [4, с. 67]. Толстой намеренно подчеркивает эту легкость, приятность и приличие жизни Ивана Ильича. Идеал приятности и приличия, к которому интуитивно тянулся Иван Ильич, проходит лейтмотивом через все произведение Толстого. В Малом академическом словаре русского языка приятность трактуется как «разг. то, что является приятным; удовольствие» [2, III, 461], приличие – «правила поведения, принятые в какой-л. общественной среде» [2, III, 420], его деривата приличный – «подобающий, подходящий, соответствующий» [2, III, 420]. В данном контексте легкость – «чувство свободы, отсутствия каких-л. стеснений, ограничений» [2, II, 170], легкий – здесь: «Беззаботный, беспечный» [2, II, 168]. Таким образом, Иван Ильич привык и хотел жить, не стесняя себя, дос-

¹ Вот прекрасная смерть.

тавляя себе удовольствие, но в то же время так, чтобы это соответствовало укладу жизни общества, в котором он хотел присутствовать. Но весь этот идеал *легкости* и *приятности* рассыпается под воздействием мучительной болезни, приведшей героя к переосмыслению прошедшего и новому взгляду на жизнь.

Описывая первые признаки болезни Ивана Ильича (*Нельзя было назвать нездоровьем то, что Иван Ильич говорил иногда, что у него странный вкус во рту и что-то неловко в левой стороне живота. Но случилось, что неловкость эта стала увеличиваться и переходить не в боль еще, но в сознание тяжести постоянной в боку и в дурное расположение духа...* [4, с. 81]), Толстой использует лексему *неловко* – «свойство по прил. неловкий – лишенный ловкости || причиняющий беспокойство, неудобство; неудобный» [2, II, 453]. Здесь только начальные, незначительные признаки болезни, стесняющие уклад устоявшейся жизни, пока только намечающие начало серьезного заболевания. Далее Толстой использует слово из той же тематической и лексической группы – *тяжесть*. Подобная лексема, только с более выраженной окраской, нанизывается и усиливает ощущение постепенного ухудшения здоровья Ивана Ильича. Слово *тяжесть* имеет семь значений. В данном контексте этого абзаца реализуется значение «ощущение (обычно болезненное, неприятное) чего-л. тяжелого (в теле, голове, желудке)» [2, IV, 439]. Это также проявление губительного воздействия болезни. Состояние физической неловкости, неудобства, тяжести – это предвестник болезненного состояния. Самой лексемой *тяжесть*, являющейся антонимичной лексеме *легкость*, Толстой дает нам понять, что жизнь Ивана Ильича постепенно лишается *легкости* и *приятности*.

С ухудшением физического состояния Ивана Ильича связано его психическое, душевное состояние: *Но случилось, что неловкость эта стала увеличиваться и переходить не в боль еще, но в сознание тяжести постоянной в боку и в дурное расположение духа. Дурное расположение духа это, все усиливаясь и усиливаясь...* [4, с. 81]. В Толковом словаре русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова отмечено значение слова *дурное*, наиболее точно характеризующее настроение Ивана Ильича, – «неблагоприятный, безрадостный, гнетущий» [3, I, 814]. Ощущение тревоги прослеживается в содержательной структуре приведенного примера и в значительной степени усиливается за счет повторов-возвращений, используемых автором.

Если описанные нами лексемы иллюстрируют «первые симптомы» болезни, то роль в описании усугубления болезни и ее развития выполняют лексемы, характеризующие ощущения Ивана Ильича от запаха изо рта. В начале болезни это *странный вкус во рту* («Вызывающий недоумение, удивление своей необычностью» [2, IV, 281]), далее в тексте усиление этого ощущения: *Боль в боку все томила, все как будто усиливалась, становилась постоянной, вкус во рту становился все страннее, ему казалось, что пахло чем-то отвратительным у него изо рта, и аппетит и силы все слабели...* [4, с. 86], *Во рту та же знакомая гадость. Засосало сердце, помутилось в голове. "Боже мой, Боже мой!" – проговорил он. – Опять, опять, и никогда не перестанет"...* [4, с. 90]. Приведенные в примерах лексемы несут в себе значение чего-то противного, вызывающего отвращение и уже прямо говорящего о всей серьезности и опасности данного заболевания. Тяжесть заболевания передает лексема *безнадежный* вкус во рту, означающий «Не оставляющий надежды на

улучшение или на счастливый, благополучный исход. || *Выражающий отсутствие надежды*» [2, I, 73]. Примечательно, что в последнем примере лексема *безнадежный*, несмотря на то, что в тексте она является единичной, передает смысл не только всей тяжести заболевания, но и понимание самим Иваном Ильичом скорого неминуемого приближения смерти и отсутствия всякой надежды на выздоровление.

Болезнь Ивана Ильича семантически равна отраве: Иван Ильич страдает один с сознанием того, что его жизнь отравлена для него и отравляет жизнь других и что отравы эта не ослабевает, а все больше и больше проникает все существо его... [4, с. 88]. Здесь можно выделить смысл, который связан с понятием «отравы»: «*То, что оказывает вредное, губительное влияние на кого-, что-л*» [2, II, 704]. Здесь *отравы* – мучения, физическая боль, убивающая Ивана Ильича. Но в то же время – и то, что мешает спокойно и радостно жить не только Ивану Ильичу, но и его окружающим.

При таком заболевании (очевидно, что речь идет о злокачественной опухоли) Иван Ильич не мог не измениться. Однако Толстой намеренно не описывает внешний облик больного:

...Шурин раскрыл рот, чтоб ахнуть, и удержался. Это движение подтвердило все.

– *Что, переменялся?*

– *Да... есть перемена.*

И сколько Иван Ильич ни наводил после шурина на разговор о его внешнем виде, шурин отмалчивался. Приехала Прасковья Федоровна, шурин пошел к ней. Иван Ильич запер дверь на ключ и стал смотреться в зеркало – прямо, потом сбоку. Взял свой портрет с женою и сличил портрет с тем, что он видел в зеркале. Перемена была огромная. Потом он оголил руки до локтя, посмотрел, опустил рукава, сел на оттоманку и стал чернее ночи... [4, с. 88].

Доминантной является лексема *перемена*, означающая, что внешний вид недавно здорового, крепкого мужчины сделался совсем иным: перед нами теперь истощенный, изнуренный болезнью человек. Эта смыслообразующая лексема передает развитие болезни и приближении скорой смерти.

Толстой усиливает это ощущение благодаря приему противопоставления внешности Ивана Ильича и его домочадцев: *Герасим был чистый, свежий, раздобревший на городских харчах молодой мужик. Всегда веселый, ясный...* [4, с. 96] – и далее: *Герасим вздрогнул, очевидно, испугавшись, не промахнулся ли он в чем, и быстрым движением повернул к больному свое свежее, доброе, простое, молодое лицо, только что начинавшее обрывать бородой...* [4, с. 96]. Не только Герасиму, но и Прасковье Федоровне Толстой противопоставляет Ивана Ильича: *Иван Ильич смотрит на нее, разглядывает ее всю и в упрек ставит ей и белизну, и пухлость, и чистоту ее рук, шеи, глянец ее волос и блеск ее полных жизни глаз...* [4, с. 102]. На этом этапе Иван Ильич уже окончательно сравнивает себя с нечистотой, беспорядком: *"Ему нужен порядок, чтоб по утрам господи пили чай", – подумал он и сказал только:*

– *Нет.*

– *Не угодно ли перейти на диван?*

"Ему нужно привести в порядок горницу, и я мешаю, я – нечистота, беспорядок", – подумал он и сказал только:

– *Нет, оставь меня...* [4, с. 100].

Как видно, лексемы *нечистота* и *беспорядок* реализуют как общеязыковые, так и индивидуальные, авторские смыслы. Очевидно то, что из жизни Ивана Ильича ушли не только *легкость* и *приятность* жизни, но и *приличие*, которому он служил всю жизнь. Теперь он – *нечистота* и *беспорядок*, нарушающий привычный уклад жизни своей семьи. Он понимал, что никто не пожалеет его, потому что никто не хочет понимать его положение.

Толстой описывает смерть через местоимения. Сначала претерпевает метаморфозу неопределенное местоимение *что-то* как неопределенное местоимение, которое говорит о том, чем заболел Иван Ильич: *Доктора не могли определить. То есть определяли, но различно...* [4, с. 58], *Доктор говорил: то-то и то-то указывает, что у вас внутри то-то и то-то; но если это не подтвердится по исследованиям того-то и того-то, то у вас надо предположить то-то и то-то. Если же предположить то-то, тогда...* и т. д... [4, с. 82]. Возникает гнетущее нарастание страха. Иван Ильич тоже в недоумении. Затем все изменилось, возникает личное местоимение *она*, которое сначала ассоциируется с болью: *Иван Ильич прислушивался, отгонял мысль о ней, но она продолжала свое, и она приходила и становилась прямо перед ним и смотрела на него, и он столбенел, огонь тух в глазах, и он начинал опять спрашивать себя: "Неужели только она правда?".*... [4, с. 94], *что судебским делом он не может избавиться от нее, И что было хуже всего – это то, что она отвлекала его к себе не затем, чтобы он делал что-нибудь, а только для того, чтобы он смотрел на нее, прямо ей в глаза, смотрел на нее и, ничего не делая, невыразимо мучился...* [4, с. 94], а затем переносится на смерть: *Он искал своего прежнего привычного страха смерти и не находил его. Где она? Какая смерть? Страху никакого не было, потому что и смерти не было.*... [4, с. 115].

Таким образом, приемы градации, постоянно используемые Толстым в тексте, повторы-возвращения определяют постоянное ухудшение физического состояния, нарастающие мысли о смерти и тот реализм, с которым Толстой точно и подробно описал картину последних трех месяцев жизни своего героя. Лексемы, характеризующие болезнь Ивана Ильича, многие из которых никак между собой не связаны в словарях, объединились в один смысловой ряд в тексте и помогают понять физические и душевные переживания героя, а следовательно, приводят к пониманию самого текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ерохин В. Н.* Ключевое слово в художественном тексте: Монография. Ч. 1. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2004.
2. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз., Под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981.
3. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Под. ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Русские словари, 1984.
4. *Толстой Л. Н.* Собр. соч. в 20 т. Т. 12. М.: Художественная литература, 1964.
5. *Толстой Л. Н.* Собр. соч. в 12 т. Т. 1. М.: Правда, 1984.

Е. Н. Кочанова (Ликино-Дулево)

К ВОПРОСУ О НОМИНАЦИИ И ПРЕДИКАЦИИ В ЛИРИКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НОМИНАТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ПОЭТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ М. ЦВЕТАЕВОЙ)

Выражение субъектно-предикатных отношений в лирике имеет свою специфику. Обозначением сложного предмета речи в лирическом стихотворении часто служит совокупность номинаций признаков этого предмета, не имеющего референтной соотнесенности с действительностью [1, с. 19]. Названные признаки прямо или косвенно его характеризуют и дают о нем образное представление. Иными словами, можно сказать, что лирическое произведение в этих случаях представляет собой иконический знак, образно передающий новый и неповторимый смысл — структурно сложное и индивидуальное наименование, за которым стоит не имеющий имени референт. Номинативные предложения, номинируя денотаты, отдельные стороны этого референта, в таком контексте, получают событийно-характеризующий смысл. В развитии признаков значений у номинативных предложений в поэтической речи можно видеть результат глубинного психологического процесса поэтического восприятия мира. Этот тип предикации получил название «глубинной предикацией», а внутренний творческий процесс, ведущий к появлению признака-определения, — «глубинным суждением» [3, с. 164]. Глубинная предикация является принадлежностью текста и реализуется в структуре целого стихотворения. Вследствие этого номинативные предложения преобразуются в сложный знак языка и речи, одновременно актуализирующий грамматические значения в качестве отдельного предложения и в качестве компонента текста.

Специфика предиктирования в номинативных предложениях заключается в реализации двух как бы взаимоисключающих друг друга тенденций: с одной стороны, акцентированием субъекта речи, представленного номинативом не лично-субъектных предложений типа В ЛЕСУ ДОМ, с другой стороны, стремлением к элиминации субъекта речи в лично-субъектных предложениях типа ЗА ОКНОМ ШУМ.

Тенденция к репрезентации субъекта речи описательным способом вызывается невозможностью назвать сложный, не имеющий имени или неизвестный предмет. Так в стихотворении «Око» предметом речи является по сути дела внутреннее состояние лирического героя стихотворения, но номинированное иносказательным способом.

*Фонари, горящие газом,
Леденеющим день от дня.
Фонари, глядящие глазом,
Не пойму еще — в чем? — вина,
Фонари, глядящие нáземь:
На младенцев и на меня.*

Стихотворение представляет собой ряд номинативных предложений, осложненных обособленными определениями с идентичным ядерным компонентом *фонари*. На уровне предложения лексема *фонари* является семантическим субъектом, на уровне текста номинативное предложение можно рассматривать как метафорический семантический предикат субъекта речи. Высокая степень распространения главного члена номинативных предложений, признаковая информативность, метафоричность, оксюморонность создают метафорический образ лирического героя. А непредикативные по способу выражения признаки характеризуют не предмет, названный главным членом предложения, а того, кто эти признаки выделяет в предмете – автора стихотворения, превращая функцию номинации номинативного предложения в функцию автохарактеристики.

В стихотворении «Жидкий звон, постный звон...» семантика номинативных предложений отличается многозначностью. С одной стороны, каждое предложение номинирует экзистенцию некоторого события, поскольку ядерный компонент предложения выражен девербативом, а с другой стороны, будучи смысловым компонентом единого целого – цепочной системы стихотворного текста, – номинативное предложение эксплицирует признак ситуации, которая является референтом текста.

Жидкий звон, постный звон.

На все стороны — поклон.

Крик младенца, рев коровы.

Слово дерзкое царёво.

Плётки свист и снег в крови.

Слово темное Любви.

Голубиный рокот тихий.

Черные глаза Стрельчихи.

Презумпция известности предмета речи в лирическом произведении детерминирует тенденцию к имплицированию субъекта речи и репрезентированию только предиката речи. В стихотворении «Ятаган? Огонь...» номинативное предложение *Боль, знакомая, как глазам — ладонь, / Как губам — / Имя собственного ребенка* является предикатом к понятию «Любовь», на что указывают названные признаки субъекта речи *Ятаган? Огонь?*, являющиеся общепризнанными и частоупотребляемыми при конкретизации этого понятия.

Ятаган? Огонь?

Поскромнее, — куда как громко!

Боль, знакомая, как глазам — ладонь,

Как губам —

Имя собственного ребенка.

Тенденция к имплицации одного из компонентов субъектно-предикатных отношений могут быть проявлены в пределах одного стихотворения. В этом случае происходит семантическая актуализация эксплицированного компонента. В стихотворении «Мирок» вторая строфа представляет собой экспликацию предиката речи к субъекту, названному в первой строфе. Акцентированное выделение номинативного предложения в качестве предиката происходит на фоне заданного предикирования в рамках двусоставных предложений, расположенных в начале текста:

*Дети — это взгляды глазок боязливых,
 Ножек шаловливых по паркету стук,
 Дети — это солнце в пасмурных мотивах,
 Целый мир гипотез радостных наук.*

Употребление девербативов *взгляды*, *стук*, в качестве сказуемых определенным образом является камертоном для метонимических существительных *беспорядок* и *шепот*, которые в данном контексте, таким образом, становятся синкретическими членами предложения, совмеща в себе грамматические признаки главного члена номинативного предложения и именной части сказуемого к «виртуальным» предложениям: *Дети — это вечный беспорядок в золоте колечек, ласковых словечек шепот в полусне*. Таким образом создается информативная полисемантическая следующая четверостишия, ставшего семантическим предикатом по отношению к семантическому субъекту *дети*.

*Вечный беспорядок в золоте колечек,
 Ласковых словечек шепот в полусне,
 Мирные картинки птичек и овец,
 Что в уютной детской дремлют на стене.*

В стихотворении «Удар, заглушенный годами забвенья...» субъектно-предикатные отношения в тексте выражены семантической соотносительностью строф: третья строфа *Грех памяти нашей — безгласой, беззубой, / Безмясой, безносой!* / *Всех дней друг без друга, ночей друг без друга / Землю наносной* является предикатом по отношению к другим строфам стихотворения, репрезентирующим субъект речи. Эти сложные предикатные отношения становятся метафорическим портретом внутреннего мира лирического героя стихотворения, как в стихотворении «Око», приведенном выше.

*Удар, заглушенный годами забвенья,
 Годами незнанья.
 Удар, доходящий — как женское пенье,
 Как конское ржанье,
 Как страстное пенье сквозь <косное> зданье
 Удар — доходящий.
 Удар, заглушенный забвенья, незнанья
 Беззвучною чащей.
 Грех памяти нашей — безгласой, беззубой,
 Безмясой, безносой!
 Всех дней друг без друга, ночей друг без друга
 Землю наносной
 Удар — заглушенный, замешанный — как тиной.
 Так плющ сердцевины
 Съедает и жизнь обращает в руину. . .
 — Как нож сквозь перину!
 . . . Оконною ватой, набившейся в уши,
 И той, заоконной:
 Снегами — годами — <пудами> бездушья
 Удар — заглушенный. . .
 А что если вдруг*

.....
*А что если вдруг
 А что если — вспомню?*

Обозначая предмет по его признакам, номинативное предложение в поэтическом тексте значительным образом повышает свою семантическую емкость и возможность функционировать в стихотворении в функции как номинативного, так и предиктирующего элемента. Признаковость поэтической речи – концентрация на небольших участках текста обозначений разного рода качеств, свойств, характеристика предметов и явлений – выявляет ее сущностное природное свойство. Вследствие чего категории, различаемые в предложении-суждении (субъект и предикат; тема и рема), будучи универсальными смысловыми категориями [2, с. 56], в лирике могут быть противопоставлены не в рамках предложения, но в рамках целого текста, так что весь текст становится сложно построенным предикатом. Эта черта служит одним из источников высокой предикативности лирического текста, в котором компоненты предложения начинают совмещать в себе значения номинации (представления о предмете) и предикации (существования, характеристики). Порождением стихотворного текста становится явление «глубинной предикации» – психологической категории, проявляемой в сложном суждении в рамках текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Лингвистические проблемы референции // Новое в зарубежной лингвистике: сборник. – Вып. 13: Логика и лингвистика (Проблемы референции). – М., 1982. – С. 5–41.
2. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. – М., 1976. – 383 с.
3. Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис. – М., 1986. – 206 с.
4. Цветаева М. И. Энциклопедическое собрание сочинений. Изд. 2-е. – М., 2006.

К. И. Леонтьева (Смоленск)

ЗВУКОВОЙ ПОВТОР КАК СМЫСЛОГЕНЕРИРУЮЩИЙ ФАКТОР (НА ПРИМЕРЕ СТИХОТВОРЕНИЯ У. Х. ОДЕНА «O WHERE ARE YOU GOING?»)

Одной из ведущих характеристик британской поэтической традиции является значительное влияние древнегерманского аллитерационного стиха. Поэтому при анализе английской поэзии невозможно обойти вопрос о мотивированности звуковой ткани.

В своё время В. Вейдле писал: «Поэзия не прибегает к вымыслу, ей нужен образ, но ещё непосредственной, насущней, ей нужен звуко-смысл» [2, с. 413]. И действительно, звуки и созвучья, по яркому замечанию О. М. Брик, – это не просто «эвфонический придаток, но результат самостоятельного поэтического устремления» [1, с. 117]. Подобное звуковое разворачивание по-своему перераспределяет «просодическую энергию текста» [3, с. 275]. Как отмечал Г. О. Винокур, в поэзии все стремится

ся стать мотивированным со стороны значения: поэтическая рефлексия оживляет в языке мертвое, мотивирует немотивированное [4, с. 130-131]. Поэтому звуковую аранжировку в поэзии также можно считать мотивированной. Здесь звук – это особая семиотико-иконическая система, которая обладает смысловой выразительностью и становится неотъемлемой частью содержания, отражением смысла.

Безусловно, зачастую звуковая ткань стихотворения строится автором подсознательно, и невозможно с полной уверенностью утверждать, что то или иное слово синонимического ряда было выбрано именно в силу своего звучания, коррелирующего в сознании автора с каким-то существенным концептом. В первую очередь выбор совершается с опорой на такие эстетические категории как звуковая гармония, благозвучие, дикция и прочие фонетические особенности поэтического речетворчества. Но параллельно с созданием музыкальной атмосферы стихотворения звуковая ткань все же способна вызывать в сознании носителя языка определенные ассоциации, основанные на акустико-артикуляционных либо образно-символических характеристиках звуков и звукосочетаний, что придает тексту определенное эмоциональное настроение. Подобный тон звучания определяется избранной автором аранжировкой лексических единиц, и его можно рассматривать как особую лингвистическую категорию, детерминирующую поэзию.

Семантические единицы, маркированные каким-либо заметным звуковым повтором, уже не воспринимаются рецептором автоматически, по инерции – они переходят в область смыслового ассоциатива, становятся потенциально мотивированными. Комплексными фоносемантическими единицами могут выступать такие средства, как аллитерация, ассонанс, фонетическая анафора и эпифора, фонетическая паронимия, фоническая цепь, звуковой подхват, звукоподражание и др. Наиболее частотные звуки можно рассматривать как звуковые доминанты. Именно они, при определенном количественном накоплении на позиционном отрезке текста способны вызывать ассоциации, которые обрабатывает, категоризирует и семантизирует наше сознание. Так, справедливо замечание П. Фассела о том, что аллитерация может «сказать больше, чем слова» [9, с. 112]. Аллитерации в стихе создают «иллюзию семантической близости слов», «ложную этимологию», «звуковую метафору» [5, с. 89].

Для иллюстрации фоносемантического потенциала звуковой ткани приведем в качестве примера стихотворение Уистена Хью Одена «O where are you going?» (1931) [7, с. 21], которое является ярким образцом изофункциональности фонетического яруса в поэзии. Стихотворение изобилует аллитерациями, построено на систематическом использовании внутренних, ассонансных и диссонансных рифм. Это «удивительный сплав многозначных авторских ассоциаций и один из лучших образцов эвфонии на английском языке. В нем разворачивается ассоциативный потенциал ключевых авторских образов, свойственных средневековой англо-саксонской лирике и получающих специфическое преобразование в поэтическом идиостиле У. Х. Одена» [6, с. 132].

«O where are you going?» – said reader to rider,
 «That valley is fatal when furnaces burn,
 Yonder's the midden whose odours will madden,
 That gap is the grave where the tall return. »

«O do you imagine,» – said fearer to farer,
 «That dusk will delay on your path to the pass,
 Your diligent looking discover the lacking,
 Your footsteps feel from granite to grass?»

«O what was that bird,» – said horror to hearer,
 «Did you see that shape in the twisted trees?
 Behind you swiftly the figure comes softly,
 The spot on your skin is a shocking disease?»

«Out of this house» – said rider to reader,
 «Yours never will» – said farer to fearer,
 «They're looking for you» – said hearer to horror,
 As he left them there, as he left them there.

Главные герои в стихотворении представлены паронимическими па-рами *reader – rider* (читатель – всадник), *fearer – farer* (трус – странник), *horror – hearer* (охваченный ужасом – внимлющий), между которыми идет диалог. Семантика и интонация диалога явно звучат устрашающе и тревожно. Каждый ответ звучит как вселяющая страх угроза, при этом собеседник кажется немного неуверенным в своей точке зрения.

Стихотворение Одена – это игра контрастов между двумя типами людей: героем с активной жизненной позицией (*rider – farer – hearer*) и пассивным, сторонним, безучастным наблюдателем (*reader – fearer – horror*). И слово *rider*, в том числе по причине своей фонетической близости, имплицитно дополнительное значение «*writer*», благодаря чему Оден иронически выражает своё «презрение ко всем читателям, которые боятся следовать за ним в его удивительных странствиях по темным, но загадочно восхитительным улочкам Неизвестности» [8, с. 26].

В первом катрене читатель предупреждает всадника о том, что впе-реди – долина с пылающими печами (образ ада), там помойная куча, за-пах которой сводит с ума, и там же щель – могила, куда возвращаются смельчаки (архаичное значение слова *tall*). Во втором катрене трус гово-рит страннику, что сумрак (атрибут загробного мира) охватит весь путь к выходу, и итогом напряженного поиска будет пустота, следы на грани-те станут травой (здесь выражена идея зарастания травой любого следа, оставленного человеком, неперемного забвения). В третьем катрене охваченный ужасом предостерегает внимлющего, что впереди – страш-ная птица, её тень проглядывает в переплетенных ветвях за спиной иду-щего – это призрак, который легко и стремительно приближается (образ смерти), ведь на коже странника появляется пятно, знак страшной бо-лезни (например, симптом проказы, т. е. смерти при жизни). В заключи-тельном катрене роли слушающего и говорящего меняются: всадник гонит читателя вон, странник пророчит трусу верный провал, а внимлю-щий убеждает охваченного ужасом в том, что злобеще птицы прилете-ли за ним самим. Все ипостаси сливаются воедино в самом героем (*he*), который выбирает жизнь со всеми её преградами и уходит от собствен-ных душевных страхов, оставляя пассивных героев. Эта идея подчерки-вается удвоенной фразой в последней строке («*As he left them there, as he left them there*»).

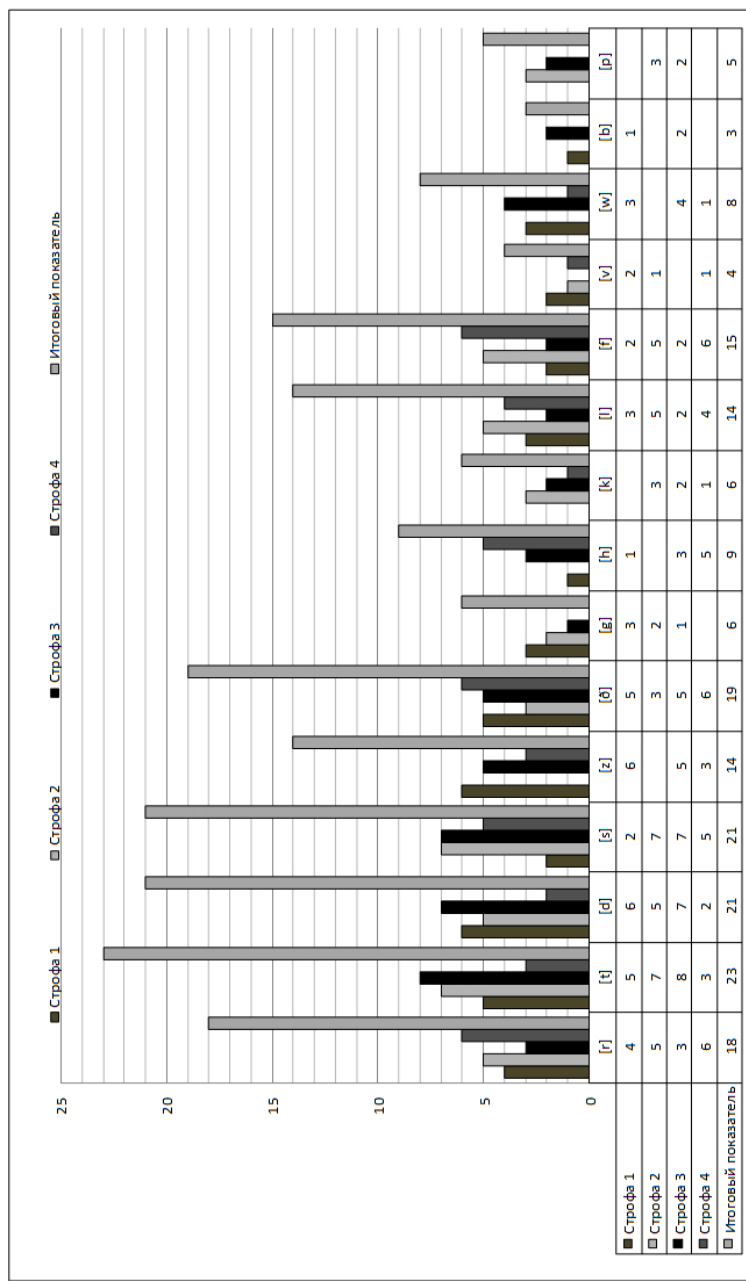
Таким образом, Оден выбирает деятельностьную позицию, для него данное стихотворение – своего рода ответ на собственный вопрос: «че-

ловец может осознать свой путь только через участие в горячих спорах с подобными читающими, испуганными, пораженными ужасами» [12, с. 41-43]. Стихотворение выступает как некий социальный протест против неискренности всего общества, против слабохарактерных людей, которые, из-за жизненных преград и своей нерешительности бояться действий, бояться жить. Для Одена это стихотворение – «отказ от компромисса и призыв к действию» [11, с. 57], это альтернатива между пусть и «все-ляющим страх, но действием, или же нездоровой пугающей пассивностью» [10, с. 94]. Ключевыми концептуальными основами стихотворения выступают понятия «путь, препятствие, смерть, ад, тщетность, ужас, преодоление» [6, с. 134].

Кроме того, важно отметить, что стихотворение является аллюзией, стилизацией и отчасти даже пародией на старинную английскую народную песню «The Cutty Wren» [12, с. 42; 6, с. 136], суть которой сводится к тому, что люди, за излишним обсуждением деталей своих планов, не успевают и не стремятся их реализовать. Из этой песни взяты видоизмененные прототипы героем – паронимические пары *rider – reader, farer – fearer, hearer – horror*.

Исходя из положения о том, что в поэзии звуковой уровень является не просто формой содержания, а во многом определяет это содержание и способен вызывать фоносемантические ассоциации, мы попробовали проанализировать, какие именно фоностемы помогают эксплицировать имплементированные в текст символы, концепты и образы, подсчитав частотность употребления консонантных звуков (аллитерация), что отражено на диаграмме. При этом в расчет брались именно звуки, а не их графические аналоги (так, буква *r* встречается 53 раза, а буква *w* – 10 раз). Согласно статистическим подсчетам, в первом катрене преобладает звуковая оппозиция *[t]* и *[d]* (11 случаев употребления), помогающая, во-первых, создать атмосферу глухого и твердого топота коня всадника, а также агрессивную атмосферу напряженности и одновременной размеренности, т. к. практически весь катрен эти звуки словно передают удары маятника. Звук *[r]* дополнительно нагнетает дрожание земли от конского топота, от печей в долине смерти, резкость и напряженную агрессию, а сходные фонемы *[s]*, *[z]* и *[ð]* (13) как бы воссоздают дуновение ветра, несущего удушающий запах из этой долины, что усиливается аллитерацией на *[ff]*, *[v]* и *[w]* (7). Двойное уподобление *[g]* в последней строке катрена эмфатирует параллель между словами *gap* и *grave*, а кроме того на артикуляционно-символическом уровне подчеркивает их глубину и пустоту.

Во втором катрене мы обнаруживаем аллитерацию на *[t]* и *[d]* (12), *[r]* (5), *[s]* и *[ð]* (10), *[l]* (5), *[ff]* (5). Звуки *[t]* и *[d]* воспроизводят здесь некую темную преграду, размеренность шагов, твердость гранита, а регулярный повтор *[s]* и *[ð]* помогает интонационно услышать испуганный шепоток труса. В третьей строке *[l]*, как и аллитерация на *[ff]*

в последней строке, делает ощутимой постепенность, поступательность, плавность течения жизни и неизбежность того, что всё так или иначе «зарастет травой» (уйдет в небытие), что резко усиливается новым инициальным консонансом с [g] (*granite – grass*).

В третьем катрене усиливается аллитерация на [t] и [d] (15), [s], [z] и [ð] (17), [w] (4), а также ощущается новая аранжировка благодаря [g], [k] и [h] (6). Регулярный лейтмотив [t], [d], [s], [z], [ð], [h] всё больше нагнетает мистическую напряженность, передает резкий шорох крыльев птицы в шумящих от ветра деревьях, удушающее страхом дыхание смерти. Звуки [g] и [k] придают специфическое ощущение отвращения при виде следов проказы.

В заключительном катрене заметны следующие аллитерации: [r] (6), [s], [z] и [ð] (14), [k] и [h] (6), [f], [v] и [w] (8), [l] (4). Резкий звук [r] помогает почувствовать грубость и резкость ответных реплик, усиливает финальную оппозицию и контраст двух ипостасей человеческой души. Полифонический удвоенный повтор [z]–[h]–[l]–[f]–[ð]–[ð] в заключительной строке выполняет своего рода функцию маятника, четко рисующего шаги, шорохи, пошаркивание ног, уверенность и легкость походки уходящего прочь от собственных страхов героя.

Кроме того, помимо указанных полифонических повторов в виде аллитерации, всё стихотворение осложнено симметричными и ассиметричными внутренними рифмами (*furnaces – burn, pass – path*), диссонансами (*midden – madden, looking – lacking*), ассонансами (*out – house*), гомотелевтами (*granite – grass, swiftly – softly*), ударной полифонией (*twisted – trees*), паронимическими парами (*reader – rider, fearer – farer, horror – hearer*), что также сближает маркированные звуковым повтором слова на ассоциативно-семантическом уровне.

Все перечисленные приёмы, использованные У. Х. Оденем, помогают нагнать напряжение, создают агрессивную, одновременно трагичную и мистическую атмосферу, заставляют нас снова и снова возвращаться и подсознательно выискивать связь между словами, коррелирующими и со-противопоставленными через звуковые повторные комплексы, соотносить их друг с другом и тем самым всё дальше углубляться в и без того запутанный, осложненный оригинальными образными средствами и глубинными смыслами семантический план стихотворения.

Таким образом, в поэзии слова, маркированные звуковыми повторами или вынесенные в позицию рифм, благодаря своему сходному фонетическому облику сближаются не только по звучанию: они также распределяются по классам, вступают в оппозиционные и корреляционные отношения, служат ярким проявлением параллелизма и повторности как ритмообразующего фактора на звуковом уровне. В результате этого единичи, соотносенные через звуковые аналогии, сближаются и на семантическом уровне, т. к. звук в поэзии информативен и выступает своеобразной молекулой смыслового ядра. Подобная фонетическая оформленность поэтического текста способна реализовывать особый семантический потенциал, т. е. выполнять не только текстообразующую и стихомаркирующую, но и смыслогенерирующую функцию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брик О. М. Звуковые повторы: анализ звуковой структуры языка. // Русская словесность: От теории словесности к структуре текста. – М., Академия: 1997. – С. 116–120.
2. Вейдле В. В. Эмбриология поэзии: Статьи по поэтике и теории искусства. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 456 с.
3. Векишин Г. В. Когда приступим к подсчетам? (к дискуссии о формах и функциях звукового повтора и методах его изучения) // Новое литературное обозрение, 2008. – №90. – С. 268–277.
4. Винокур Г. О. Об изучении языка литературного произведения. // Винокур Г. О. Филологические исследования: Лингвистика и поэтика. – М.: Наука, 1990. – С. 112–140.
5. Гаспаров М. Л. «Теснота стихотворного ряда»: семантика и синтаксис. // Analysieren als Deuten. Wolf Schmid zum 60. Geburtstag. — Hamburg: Hamburg University Press, 2004. – S. 85-95.
6. Карасик В. И. W. H. Auden «Oh where are you going?»: комментарий // Вестник НГЛУ. Вып. 6. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2009. – С. 132–140.
7. Auden W. H. Selected Poems. –Vintage, 2007. – 376 pp.
8. Firchow, Peter. W. H. Auden: contexts for poetry. – Dover: University of Delaware Press, 2002. – 274 pp.
9. Fussel, Paul. Poetic Meter and poetic Form. – New York: McGraw-Hill Humanities/Social Sciences/Languages, 1979. – 190 pp.
10. Hynes, Samuel. The Auden Generation: Literature and Politics in England in the 1930s. – Random House UK, 1992. – 432 pp.
11. Spears, Monroe K. The Poetry of W. H. Auden: The Disenchanted Island. – New York: Oxford University Press, 1968. – 394 pp.
12. Wetzsteon, Rachel T. Influential Ghosts: A Study of Auden's Sources. – London: CRC Press, 2007. – 128 pp.

В. М. Маркелова (Арзамас)

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Семантические поля (СП) как часть индивидуальной языковой системы, диалекта писателя или поэта «выполняют в художественном тексте важнейшую функцию семантического каркаса, охватывающего замысел автора и его последующее развертывание в когнитивный компонент текста» [2, с. 89]. Они включают систему художественных образов, которые, «будучи отражением реальности, несут на себе печать индивидуальности субъекта, создающего и воспроизводящего тот или иной объект действительности» [1, с. 111], являются средством вербализации того или иного художественного концепта, в целом – фрагментом языковой картины мира личности, а тем самым и общезнаковой картины мира.

Слова в художественном тексте являются выразителями не только собственно лингвистического, но и культурного смысла. Например, в

лексико-семантическом поле «тревога» в лирике А. А. Блока дается представление не только об индивидуально-авторской картине мира поэта, но и о языковой картине мира русского народа, живущего на рубеже XIX-XX вв. Многомерность, многоплановость художественного текста, «интегрирующего, генерирующего, одновременно кристаллизуя и рассеивая смыслы составляющих его наименьших единиц – слов» [3, с. 6], способствует появлению различных связей в текстовом пространстве. Некоторые лингвисты называют такие связи когезией (в нашем случае, говоря о художественном тексте и связях в нем мы имеем дело с ассоциативно-образной когезией): «Под образной когезией понимаются такие формы связи, которые, перекликаясь с ассоциативными, возбуждают представления о чувственно воспринимаемых объектах действительно-сти» [4, с. 80].

Одним из первых возможность полевого подхода к исследованию речи писателя обосновал П. Гиро, который под стилистическим полем понимал сеть парадигматических отношений между лексическими единицами, составляющими язык (или код) писателя. [10, с. 15; ср: 8, с. 50]. Вычленение полей базировалось в основном на статистических характеристиках слов, а собственно лингвистилистический анализ механизма возникновения ассоциативных связей в стилистических полях автором не проводился.

Лексико-семантическое поле (ЛСП), являясь разновидностью семантического поля, в художественном тексте реализует модель «концепт – слово – язык», то есть выражает ментальную сущность писателя или поэта посредством языка. Анализ художественного произведения с использованием полевой методики помогает выявить его системность, а также парадигматические, синтагматические и ассоциативные связи элементов в языковой картине мира автора. Метод группировки элементов по ЛСП позволяет достаточно адекватно описать семантическую организацию текста, в частности поэтического. [См.: 9, с. 347].

Группировка элементов по лексико-семантическим полям позволяет учитывать макроконтекст, рассматривать ту или иную лексему с точки зрения ее значимости в контексте всего художественного творчества, то есть проследить, как функционирует ЛСП, организованное одной из идиоглосс, в разных произведениях писателя или поэта. Мы, вслед за Ю. Н. Карауловым, используем термин «идиоглосса» как «лексическую единицу, являющуюся важной для понимания, расшифровки и толкования смысла его [писателя – В. М. / произведений, для характеристики его авторского стиля, для воссоздания его картины мира» [5, с. 426].

Слово, оставаясь единицей конкретного текста, рассматривается не само по себе, а как элемент какого-либо ЛСП, что дает возможность при анализе учитывать семантический «шлейф» всех его употреблений и взаимосвязь с другими единицами того же поля.

В конкретном тексте лексико-семантические поля представлены в виде отдельных своих компонентов, между которыми возникает связь, благодаря чему появляется второй план содержания – смысловая перспектива, где и реализуется тема произведения. Слова одного ЛСП объединяются в смысловой перспективе текста для создания его эстетического смысла.

Структура лексико-семантического поля предопределяется содержательной структурой составляющих его единиц, так или иначе коррелирующих друг с другом. «Поля, – писал О. Духачек, – состоят из ядра,

представленного термином (или терминами), наиболее широко употребляющимся для выражения данного понятия, и нескольких областей, из которых одни могут располагаться в непосредственной близости к ядру [речь идет о центре – В. М.], а другие – на периферии поля» [Цит. по: 6, с. 21].

В отечественном языкознании иерархическая структура лексико-семантического поля одной из первых была описана Н. М. Мининой: «Чем больше в определении дополнительных (семантических и стилистических) характеристик, тем дальше располагается данное значение от ведущего слова поля. На периферию поля могут заходить в своих семантических вариантах также члены соседних полей. В то же время члены данного поля могут в своих вариантах входить в другие поля» [7, с. 36].

В современном понимании в семантическом поле различают ядро, центр и периферию, что вполне применимо и к структурированию ЛСП.

Таким образом, семантические (и их разновидность – лексико-семантические) поля, исследуемые в разных науках, относятся к числу одной из важнейших категорий для системного описания однородных по своему содержанию единиц.

Авторское (текстовое) лексико-семантическое поле может быть уже языкового, если поэт не употребляет определенные лексемы, традиционно включаемые в языковое поле (например, архаизмы, диалектизмы, профессиональную лексику), или шире, если на периферии поля оказываются лексемы, характерные только для идиостиля данного поэта.

В структуре единиц, входящих в авторское лексико-семантическое поле, заметны преобразования: усложнение семной структуры слова, наращивание сем или их устранение, поскольку на семантику отдельной лексемы или группы лексем оказывает влияние «преобразующая роль художественного мировоззрения», способствующая «формированию особой смысловой структуры» [11, с. 29].

Языковое и текстовое лексико-семантические поля различаются по своей наполненности, по связям и отношениям между единицами. В художественном тексте, особенно поэтическом, помимо парадигматических и синтагматических, значимы, а порой и главенствуют, ассоциативные отношения.

Полевой принцип изучения литературного текста, во-первых, способствует обоснованию системности исследования (ЛСП в художественном тексте представляет собой систему единиц и их отношений), во-вторых, показывает организацию фрагмента мира того или иного автора как в отдельном произведении, так и во всем творчестве (ЛСП представляет собой фрагмент концептуальной и языковой картин мира автора, его идиолекта), в-третьих, воссоздает целостную картину мира, актуализированную в тексте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникина А. Б. Образное слово в художественном и публицистическом произведении. Вопросы стилистики текста : учеб. пособие по спецкурсу для студентов факультетов и отделений журналистики [Текст] / А. Б. Аникина. – М.: Издательство ВК, 2005. – 212 с.

2. Баранов А. Г. Функционально-прагматическая концепция текста [Текст] / А. Г. Баранов / отв. ред. Т. Г. Хазагеров. – Ростов-на-Дону : Издательство Ростовского университета, 1993. – 180 с.
3. Безкоровайная Г. Т. Художественный текст как способ кристаллизации семантики слова [Текст] / Г. Т. Безкоровайная // Русская речь в современных парадигмах лингвистики: Материалы Международной научной конференции (Псков, 22-24 апреля 2010 года). Т. II / Под ред. Н. В. Большаковой, Л. Я. Костючук, Т. Г. Никитиной, Л. М. Попковой. – Псков : ПГПУ, 2010. – С. 5–11.
4. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования [Текст] / И. Р. Гальперин. – Изд. 5, стереотипное. – М.: КомКнига, 2007. – 144 с.
5. Караулов Ю. Н. Понятие идиоглоссы и словарь языка Достоевского [Текст] / Ю. Н. Караулов // Слово Достоевского. 2000 : сборник статей / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН; Под ред. Ю. Н. Караулова, Е. Л. Гинзбурга. – М.: Азбуковник, 2001. – С. 424–444.
6. Макаров М. Г. Категория «цель» в марксистской философии [Текст] / М. Г. Макаров. – Л.: Наука, 1977. – 86 с.
7. Минина Н. М. Пособие по лексике немецкого языка. Семантические поля в практике языка: учебное пособие для старших курсов институтов и факультетов иностранных языков [Текст] / Н. М. Минина. – М.: Высшая школа, 1973. – 142 с.
8. Плахина Е. В. Лексико-семантическое поле «космос» в лирике В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 01 / Плахина Е. В. – Тюмень, 2005. – 213 с.
9. Романовская С. В. Ключевые семантические поля в художественном тексте [Текст] / С. В. Романовская // Семантика языковых единиц: доклады VI Международной конференции: в 2-х т. – М., 1998. – Т. 2. – С. 347–349.
10. Тарасова И. А. Структура семантического поля в поэтическом идиостиле (на материале поэзии И. Анненского) [Текст] : Дис. ... канд. филол. наук : 10. 02. 01 / И. А. Тарасова. – Саратов, 1994. – 196 с.
11. Язикова Ю. С. Константы художественной речевой системы писателя [Текст] / Ю. С. Язикова // Человек и его язык: антропологический аспект исследований: межвузовский сборник научных трудов. – Н. Новгород: НГПУ, 1996. – С. 5–11.

Л. С. Метликина (Коломна)

ОСОБЕННОСТИ ОККАЗИОНАЛЬНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В ПРОЗЕ Б. А. ПИЛЬНЯКА

Любое художественное произведение является, в первую очередь, выражением личности своего создателя как в плане совокупности идей, так и на уровне их лингвистической реализации. Чем выше избирательная способность писателя, тем менее стандартизованной становится его художественно-речевая система, организованная в соответствии со стилем, художественно-эстетической культурой, мировоззрением писателя и конкретно проявляемая в максимальном контексте произведения – микроструктуре данной речевой деятельности [1, с. 47]. Одним из способов реализации индивидуальности автора посредством имеющихся в языке средств является создание индивидуально-авторских образований, или окказиональных слов, которые, по словам Н. Г. Бабенко, «отличаются исключительными образопорождающими возможностями» [4, с. 32]. О. С. Ахманова в «Словаре лингвистических терминов» дает следующее толкование термину «окказиональный» – «не узальный, не соответствующий общепринятому употреблению, характеризующийся индивидуальным вкусом, обусловленный специфическим контекстом употребления» [3, с. 284].

В настоящем исследовании в качестве рабочего мы используем термин окказионализм. Он представляется нам наиболее кратким, содержательно определенным и, как показал обзор, самым распространенным в научной литературе, посвященной данной проблематике. За основу принято широкое понимание окказиональной единицы, включающее и потенциальные слова (такое деление признается только на словообразовательном уровне в зависимости от «чисто» или окказиональной реализации словообразовательных типов).

Как неоднократно указывалось в исследовательской литературе, употребление окказионализмов становится характерным признаком творчества поэтов и писателей первых десятилетий XX века. Данная работа посвящена исследованию окказиональных образований в прозе Б. А. Пильняка, представителя русской орнаментальной прозы, талантливого, но сложного, противоречивого писателя, специфически видевшего мир и строившего свой образ новой России. Одна из характерных черт стиля Б. А. Пильняка – это обращение к словотворчеству, так как использование окказиональных образований с их очевидной смысловой функциональной двуплановостью лишь подчеркивает художественную противоречивость писателя. Окказиональное словотворчество становится важным художественным средством уже в первом крупном романе Б. А. Пильняка – «Голый год». В последующих произведениях оно совершенствуется, расширяется круг словообразовательных моделей, используются разнообразные переосмысления готового языкового материала.

Актуальность данного исследования заключается в том, что все многочисленные работы, связанные с анализом творчества Б. А. Пильняка, являются преимущественно литературоведческими. Можно назвать немного исследований, посвященных лингвистическому изучению языка писателя. Вопросы языка и стиля Б. А. Пильняка частично рассматрива-

лись в работах А. П. Ауэра, Ю. Б. Орлицкого, И. Е. Карпенко и других [2, 5, 6], однако проблема окказионального словотворчества лингвистами затрагивалась в незначительной степени.

Объектом исследования являются окказиональные слова, извлеченные методом сплошной выборки из восьмитомного и трехтомного собрания сочинений писателя, которые составили 550 единиц, предметом – способы их образования и функциональная роль на фоне стилистических особенностей замкнутого текста отдельного произведения.

Цель нашего исследования – выявить и описать окказиональные образования в прозе Б. А. Пильняка, определить своеобразие их функционирования в тексте, а также обосновать стилистическую значимость данных единиц.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые принята попытка проанализировать язык Б. А. Пильняка с целью изучения индивидуально-авторских словообразовательных особенностей. Представлена типология окказиональных образований писателя, выделены основные приемы актуализации деривационной структуры окказионализмов и определена их функциональная роль в художественном творчестве Б. А. Пильняка.

В ходе нашего исследования мы пришли к следующим выводам.

Окказиональная деривация у писателя включает в себя 4 части речи, среди которых 35% составляют имена прилагательные, 33% – глаголы и глагольные формы, 22% – имена существительные и 10% – наречные образования.

Окказиональные образования представляют собой важный составной элемент идиостиля Б. А. Пильняка и служат ярким художественным средством раскрытия авторского замысла.

Окказионализмы, созданные писателем, чаще всего являются реализацией продуктивных словообразовательных типов и представляют собой потенциальные слова. Основными способами словесно-художественного творчества Б. А. Пильняка являются сложение и суффиксация.

Композиты составляют 44% всего окказионального фонда и представлены словами различных частей речи. Например:

1. Адъективные образования: *злой-лихой, весенне-дождевой, се-ребристо-зелено-блевотный, гостиноподобный*.

2. Глагольные образования: *гореть-тлеть, ползти-витья, хваля-уча*.

3. Субстантивные образования: *господин-товарищ, гора-скала-громада*.

4. Адвербиальные образования: *моментально-фундаментально, привычно-проворно*.

Представляя в свернутом виде целую ситуацию, композиты содержат максимум информации и демонстрируют всю яркость семантики составляющих компонентов. Именно по сложным окказиональным словам наглядно просматривается авторская индивидуальность Б. А. Пильняка.

Суффиксальные окказионализмы составляют 37% всего окказионального фонда. Например:

1. Адъективные образования: *гажий, мраморноватый, палитель-ный*.

2. Глагольные образования: *покойствовать, иззить, ленчить*.

3. Субстантивные образования: *воровствишко, панталонина, лекционер*.

4. Адвербиальные образования: *крупичато, фельдмаршалски, старьевщицки*.

Особенностями данной группы являются:

– использование иноязычных слов и звукоподражаний в качестве производящей базы;

– использование суффиксов стилистической модификации.

Важно отметить, что Б. А. Пильняк активно образует формы множественного числа от существительных *singularia tantum* (9% от всего окказионального фонда). В прозе писателя формы множественного числа существительных *singularia tantum* с потенциально полной парадигмой обозначают *природные явления* (*мглы*), *цвета* (*голубизны*), конкретные множества (*жилья*), изделия из каких-либо материалов (*кожи*), скопления большого количества вещества (*дегти*). Формы множественного числа существительных *singularia tantum* с неполной парадигмой не только отличаются семантикой от соотносительных форм единственного числа, но и образуют не существующую в узусе форму от именных (*заполдни, запространства*) и глагольных (*калечества*) основ. Это становится возможным благодаря творческому развитию лексического и грамматического потенциала слов в авторском контексте.

При образовании окказионализмов писатель активно использует практически все известные способы образования узуальных слов. С одной стороны, типичное в кодифицированном языке является типичным и в художественной речи Б. А. Пильняка, с другой стороны, создавая «свои» слова, писатель интуитивно типизирует большее словообразовательное пространство по сравнению с кодифицированным языком.

В ходе описания словообразовательных особенностей окказиональных образований Б. А. Пильняка мы выделили основные приемы актуализации их деривационной структуры:

1. Столкновение в одном контексте производящего узуального и производного окказионального слова:

«--- нация русских – лучшее – как керосиновый **свет**, – но много лучин, но много и совсем **бессветья**, --- » (*Мив*, 230).

2. Наличие в одном контексте однокоренных слов:

«На откосе шепотом помнили, что не было ни одного императорствования, которое не было б в **кровеубийстве**. Петр убил сына, **сыноубийца**. Екатерина убила двух императоров – мужа и Ивана Антоновича, **мужеубийца**. «Благословенный» Александр убил Павла, **отцеубийца**. Николай «Палкин» отравился, **самоубийца**» (*Са*, 51).

3. Наличие одноструктурных слов в одном предложении:

«Тот, кто пьет и жрет в свое удовольствие, конечно, участник, **собутыльник**, **состольник** того дворника, кой съел свою жену» (*Мм*, 223).

Таким образом, окказионализмы Б. А. Пильняка часто вводятся в контекст, содержащий или однокоренные единицы, или непосредственно производящее слово, или одноструктурные производные, обнажающие словообразовательную модель.

Анализ окказиональных образований писателя открыл их многофункциональный характер, обнаружил (в большинстве случаев) их полифункциональность в контексте предложения и парадигматике текста. В результате функционального анализа окказиональных образований

выявлено, что ведущей их функцией является стилеобразующая. Окказионализмы выступают в собственно номинативной (*товарищ-барин*), экспрессивной (*девкища, шинеленка*) и акцентной функциях («*Стали изобретательствовать* на месте. *Изобретательствовали*. Ничего не выходило» (Сп, 352)). Следует отметить и конструктивную функцию. Создавая ряды одноструктурных слов, Б. А. Пильняк упрощает синтаксическое построение речи (*В Америке сытно, обутно и одетно*). Окказиональные образования используются как способ обобщения изображаемого (*скотоплизация*). В контексте окказионализмы выполняют также интертекстуальную функцию (*владимирствующая*) и являются экономным способом выражения мысли (*скулы Садыкова земли*).

Выполняя эстетическую функцию, окказиональные образования в прозе Б. А. Пильняка становятся ключевыми художественными словами в составе высказывания и поэтому не случайно используются в функции какого-либо тропа или входят на правах ключевого компонента в структуру развернутого тропа: сравнения, метафоры, олицетворения, метонимии и т. д. (*луковицеобразное величие, бот зафыкфыкал*). Однако эстетический эффект окказионализма создается не только за счет использования художественных тропов, но и за счет конструирования самого неузнаваемого слова. Таким образом писатель указывает на цель словотворчества, что позволяет выявить семантико-стилистическую сущность окказиональных образований.

Таким образом, изучение окказионального словотворчества Б. А. Пильняка позволяет приблизиться к пониманию художественного мира писателя. Окказионализмы становятся не только яркой приметой его идиостиля, но и демонстрируют словообразовательные и выразительные возможности русского языка в целом, познание закономерностей развития которого – актуальная проблема лингвистики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акубекова Д. Г. Индивидуальный словообразовательный стиль и словотворчество: На материале произведений немецких писателей: Дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2004. – 198 с.
2. Ауэр А. П. О поэтике Бориса Пильняка // Б. А. Пильняк. Исследования и материалы. Вып. 1. – Коломна, 1991. – С. 4–15.
3. Ахманова О. С. О принципах и методах лингвистического исследования / О. С. Ахманова, Л. Н. Натан, А. И. Полторацкий, В. И. Фатюшенко. – М., 1966. – 236 с.
4. Бабенко Н. Г. Теория и практика лингвостилистического анализа // Русский язык за рубежом. – 2008. – № 2. – С. 30–33.
5. Карпенко И. Е. Система языковых изобразительных средств орнаментальной прозы Б. Пильняка: Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. М., 1993. – 17 с.
6. Орлицкий Ю. Б. Графическая проза Бориса Пильняка // Б. А. Пильняк. Исследования и материалы. Вып. 2. – Коломна, 1997. – С. 83–91.
7. Пильняк Б. Собрание сочинений: в 8 т. [вступ. ст., подг. текста и коммент. А. Пинкевича]. – М. -Л., 1930.

А. В. Некрасова (Тверь)

КОНЦЕПТ «СТРАХ» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ Н. В. ГОГОЛЯ («СТРАШНАЯ МЕСТЬ», «ВЫБРАННЫЕ МЕСТА ИЗ ПЕРЕПИСКИ С ДРУЗЬЯМИ»)

Поскольку писатель является представителем той или иной национальной общности, на его когнитивную структуру накладывает отпечаток национальная картина мира, и, как следствие, в ней помещаются культурные концепты, которые интерпретируются сквозь призму индивидуального восприятия и реализуются через выразительные средства языка.

Предметом нашей работы является процесс вербализации концепта пространство языковыми средствами, приемами и различными принципами его структурирования в повести «Страшная месьть», а также на материале «Выбранных мест из переписки с друзьями».

Пространство Н. В. Гоголя неоднородно, характеризуется удивительной сложностью. Прежде всего, интересным представляется вопрос: какое оно, пространство у Гоголя – географическое или духовное, и, если оно характеризуется географическими свойствами, реальное оно или воображаемое, как оно заполнено, и т. д. Пространство повести формируется всевозможными лексическими средствами, построенными на оппозициях, сравнениях, соотнесениях как материальных объектов, так и объектов антропоцентрической ориентации. По определению Ю. М. Лотмана, «пространственная картина мира многослойна: она включает в себя и мифологический универсум, и научное моделирование, и бытовой «здравый смысл» [3, с. 160].

Название произведения, частотность слов, встречающихся в тексте, могут дать любопытный и богатый материал к размышлению о специфике художественного пространства писателя. В данной статье мы рассмотрим, как представлены слово «страшный» и производные от него в текстах означенных произведений и, на основании изучения словарных дефиниций и сравнения существующих точек зрения, предпримем попытку определить значимость макрокомпонентов содержания текста.

В «Страшной мести», помимо названия, слово *страшный* встречается 16 раз, *страшно* – 19, *страх* – 4, *устрашили* – 3, *страшнее* – 2, *страшачий* – 1, *страшнейший* – 1, *страшит* – 1.

Рассмотрим толкование «страшный», «страх» в различных словарях. В словаре М. Фасмера: *Страх*, укр. страх, др.-рус. *страхъ*, ст.-слав. *страхъ* φόβος ... «ощепенение», «ощепенеть, превратиться в лед» (лит.); «сосулька» (лтш.), «тугой» (ср.-в. -н.); «растягивать» (нов. -в. -н.); «быть растянутым» (д. -в. -н.); «опустошение, поражение, повержение на землю» (лат. *Strāgēs*); «угрожать, строго предупреждать» (лтш.) [4, с. 772].

У Брокгауза и Ефрона: *страх* (психолог.) – один из простых душевных аффектов, волнение, вызванное неожиданной опасностью [5].

В БЭС *страх* – это отрицательная эмоция в ситуации реальной или воображаемой опасности. Как философское понятие «страх» введено Кьеркегором, различившим эмпирический *Страх-боязнь* перед конкрет-

ной опасностью и безотчетный метафизический *Страх-тоску*, специфический для человека [6, с. 1155].

В православном словаре «*Страх Божий*» – одна из величайших христианских добродетелей: боязнь наказания за грехи, сочетаемая с сыновней любовью к Богу и со стремлением к благочестию, чистоте и святости [7].

В толковых словарях Шведовой и Ушакова находим близкие значения: *страшный* – 1. Вызывающий, внушающий чувство страха, пугающий. 2. Крайне сильный по степени проявления чего-н., весьма значительный (разг.). 3. безл., в значение сказуемого страшно, кому-чему. О чувстве страха, боязни, испытываемом кем-чем-н. [5].

И наконец, в словаре Даля: *страх* – страсть, боязнь, робость, сильное опасение, тревожное состояние души от испуга, от грозящего или воображаемого бедствия; В ком есть Страх, в том есть и Бог; порядок, строгость, послушание, сознание ответственности, ручательство; изумительный, крайне обильный, сильный; стар. боящийся чего, робкий. *Страшный* – наводящий Страх или пугающий, ужасный. *Страшить* – стар. церк. возглашать на литургии "Со Страхом Божиим и верою приступите"; -ся чего, ужасаться, пугаться, бояться, опасаться, робеть, познать в себе чувство Страху [5, 8].

В «Страшной мести» страх охватывает всё и всех. Это уже не то состояние, в котором пребываем, читая первые повести «Вечеров». Там «черт торчит из всех углов, но он не страшен. Гоголь признавался, что писал он эти повести, чтобы разогнать тоску. Победить зло, считал он тогда, – нет ничего этого проще; нужно лишь над ним хорошенько посмеяться» [9, с. 29]. Рассмотрим, как реализуются в тексте повести «Страшная месть» значения «страшный», «страх», обнаруженные в словарях, а также выявленные в ходе анализа текста. В смысловом плане «страшный», «страх» выражают несколько значений:

– «вызывающий боязнь, опасение, робость»: «*Меня устрашили чудные рассказы про колдуна*» [1, с. 179]; «*Страшно протянул он (мертвец) руки вверх, как будто хотел достать месяца*» [1, с. 181]; «*Ах, как страшен отец мой!*» [1, с. 196]; «*Мне, однако ж, страшно оставаться одной*» [1, с. 190]; «*Когда же пойдут горами по небу синие тучи, черный лес шатается до корня, дубы трещат и молния, изламываясь между туч, разом осветит весь мир – страшен тогда Днепр!*» [1, с. 207];

– «уродливый, некрасивый» или «вызывающий неприятие, отвращение [11, с. 256]»: «*Говорят, что он [отец Катерины] родился таким страшным... и никто из детей сызмала не хотел играть с ним*» [1, с. 179]; «*И страшно было глянуть тогда ему в лицо: оно казалось кровавым, глубокие морщины только чернели на нем, а глаза были как в огне*» [1, с. 208]; «*Страшный огонь пугливо сыпался из очей: дрожь наводило на душу уродливое лицо его*» [1, с. 217];

– «очень сильный, выдающийся нестерпимую боль, страдание, муку»: «*Лицо все задрожало у него и покривилось. Страшную муку, видно, терпел он*» [1, с. 181]; «*Ему чудилось, что будто кто-то сильный влез в него и ходил внутри его и бил молотами по сердцу, по жилам... так страшно отдался в нем этот смех*» [1, с. 219];

– «связанный с предчувствием беды»: «*Не так еще страшно, что колдун, – говорил он [пан Данило], – как страшно то, что он недобрый гость. Что ему за блажь пришла притаиться сюда*» [1, с. 180]; «*Страшен, страшен привиделся он мне (Катерине) во сне*» [1, с. 209];

– «вызывающий боязнь кары, возмездия Господа»: *«Покайся, отец! Не страшно ли, что после каждого убийства твоёго мертвецы поднимаются из могил?.. Отец, близок Страшный суд!»* [1, с. 195]; *«Меня не казнь страшит, но муки на том свете...»* [1, с. 199];

– «соответствующий каре по деяниям»: *«Та мука для него будет самая страшная: ибо для человека нет большей муки, как хотеть отомстить и не мочь отомстить»;*

– греховный: *«... и совершилось страшное дело: отец убил безумную дочь свою»* [1, с. 215];

– «необычный, не поддающийся объяснению [11, с. 256]»: *«Мне чудно, мне страшно было, когда я слушала эти рассказы»* [1, с. 179]; *«Воруг бежал человек чудного, страшного вида»* [1, с. 217].

Итак, перед нами страх физический, связанный с эмоциональными и телесными ощущениями героев, и страх, порождаемый боязнью небесной кары, божьего гнева, кроме того, страх апокалиптический, страх хаоса.

Исповедально-поучительное произведение позднего Гоголя призывает преодолевать «неряшество и неустройство», и прежде всего – неустройство внутреннее: «Устроить дороги, мосты и всякие сообщения... есть дело истинно нужное; но уладить многие внутренние дороги, которые до сих пор задерживают русского человека в стремлении к полному развитию сил его... есть дело еще нужнейшее» [2, с. 195]. Этим переменам посвящена вся книга «Выбранных мест...». Писатель надеется на свое и читателя духовное возрождение: *«...не мне, худшему всех душою, страждущему тяжкими болезнями собственного несовершенства, произносить такие речи. Но меня побуждает к тому другая, важнейшая причина: соотечественники! Страшно!.. Замирает от ужаса душа при одном только предслышании загробного величия и тех духовных высших творений Бога, перед которыми пыль все величие его творений, здесь нами зримых и нас изумляющих. Стонет весь умирающий состав мой, чуя исполинские возрастанья и плоды, которых семена мы сеяли в жизни, не прозревая и не слыша, какие страшилища от них подымутся...»* [2, с. 44]. Здесь страх выступает в значении «благоговеющий ужас, трепет». Страшно то, что несет в себе грех и за что понесет наказание: *«Еще не ясно и не совсем открылась страшная истина нынешнего века, что теперь все грешат до единого, но грешат не прямо, а косвенно»* [2, с. 141]; *«... увидят они (модницы), что не спасет их от страшного ответа перед Богом даже и деньги, выброшенная нищему...»* [2, с. 142]; *«Напоминайте им [священникам], что обязанность их слишком страшна, что ответ они дадут больше, чем кто-нибудь из людей всякого другого звания... Объявляйте им почаще те страшные истины, от которых поневоле содрогнется их душа»* [2, с. 154-155].

Надо отметить, что Гоголь говорит о двух страхах, мнимых («неведомых», «непонятных») и истинных (божьем страхе). В письме «Страхи и ужасы России», адресованном Л. К. Вельегорской, Гоголь рассуждает о тех событиях, положениях вещей, которые угрожают личным выгодам, собственной пользе человека и которых он так опасается. В частности, Вельегорские, пребывая за границей, острее ощутили экономическую и социальную нестабильность России, однако *«в России ещё брезжит свет, есть еще пути и дороги к спасению, и слава Богу, что эти страхи наступили теперь, а не позже»*. Кстати, говоря о жизни и спасении души «сообразно с законом Христа», писатель ссылается на книгу премуд-

рости Соломона: «Вспомните *Египетские тьмы* [курсив автора], которые с такой силой передал царь Соломон, когда Господь, желая наказать одних, наслал на них неведомые, непонятные страхи» [2, с. 186]. Тем не менее, и такие страхи необходимы, они являются обязательным условием инициации: «Что же касается до страхов и ужасов в России, то они не без пользы: посреди их многие воспитывались таким воспитанием, которого не дадут никакие школы. Самая затруднительность обстоятельств, представивши новые извороты уму, разбудила дремавшие способности многих, и в то время, когда на одних концах России еще доплясывают польку и доигрывают преферанс, уже незримо образуются на разных поприщах истинные мудрецы жизненного дела» [2, с. 187].

В главе «Светлое воскресенье» речь идет о страшнейших препятствиях духовному освобождению – гордости чистотой своей и гордости ума (страх прослыть дураком). Гордый человек обречен на нетворческое бездейтельное в духовном смысле состояние, которое проявляется как уныние (Ср.: «уныние – жалкая дочь безверья в Бога» [2, с. 187]), тоска в преломлении к отдельной личности и как «исполинский образ скуки» – в космическом масштабе (Ср.: [6, с. 1155], а также исповедь самого автора: «...я приходил от многого в уныние, и мне становилось страшно за Россию» [2, с. 158]; «И непонятной тоской уже загорелась земля; черствей и черствей становится жизнь; все мельчает и мелеет, и возрастает только в виду всех один исполинский образ скуки, достигая с каждым днем неизмеримейшего роста. Все глухо, могила повсюду. Боже! Пусто и страшно становится в твоём мире» [2, с. 269]). Горделивым, унылым и неуверенным изображают в иконописи Антихриста [10, с. 49], «страшный» – важнейшая характеристика чужака в художественной литературе и фольклоре: «Даже вчуже (т. е. чужому, непричастному человеку) страшно становится»; «Чужое добро страхом огорожено», ср. также «Сказ про Федота-стрельца».

Таким образом, понятия «страх», «страшный», «страшно» и др. формируют художественное пространство произведений как раннего, так и позднего Гоголя-писателя, являясь концептуально значимыми компонентами содержания текстов, и позволяют выявить индивидуально авторскую концепцию мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гоголь Н. В. Вечера на хуторе близ Диканьки; Повести. М., 2001.
2. Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями. СПб., 2008.
3. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1992.
4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 3. М.: Прогресс, 1987.
5. <http://slovari.yandex.ru>
6. Большой энциклопедический словарь. СПб., 2001.
7. pravoslav.at.tut.by/hram/slovar.html
8. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. яз., 1998. Т. 1-4.

9. Николай Гоголь // Сто человек, которые изменили ход истории. Еже-недельное издание. 2009. Вып. 100.
10. Аверинцев С. С. Антихрист // Мифологический словарь. М., 1992.
11. Антология концептов / Под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Т. 1. Волгоград, 2005.

С. Ю. Преображенский (Москва)

ЛИНГВИСТИКА СТИХА: ПЕОН ПЕРВЫЙ КАК СТИХЕМА

В очерке «Тарановский – стиховед» сама синтаксическая конструкция – однородное перечисление – кажется, выносит приговор несостоятельному термину «пеон»: «Каждый пользовался своей терминологией: Г. Шенгели говорил о «чередовании интенс», М. Штокмар о «тонических константах», С. Бонди о «пеонах», А. Квятковский – о четырехсложниках» [1, с. 418]. Когда все якобы четырехсложники и пеоны оказались усилиями Н. С. Трубецкого и К. Ф. Тарановского сведенными как варианты к инвариантным двусложным размерам, в таксономическом хаосе воцарился порядок, далекий, однако, как оказалось, от устойчивой упорядоченности.

Не выделяя пеоны из общего класса двусложных размеров, сам К. Ф. Тарановский в своем знаменитом исследовании оговаривался всё же об особых случаях «правильного чередования сильных и слабых иктов», в результате которого «стих как бы приобретает 'пеонический' характер» [2, 275]. Имея в виду революцию в определении метра Якобсона-Трубецкого-Тарановского, казалось бы вполне лингвистичную и структуральную, устанавливавшую примат метра-инварианта в отношении позиционных ритмических вариантов, даже прилагательное «пеонический» выглядело вроде бы как терминологический архаизм-иносказание. Тем не менее от как будто устаревшего вычленения – среди прочих ритмических вариантов ямба и хорея – подкласса из четырех четырехсложников: первого, третьего (хорей) и второго, четвертого (ямб) пеонов – «точное стиховедение» окончательно не отказалось: «...иногда термин пеон применяется для обозначения пары стоп ямба или хорея с пропуском ударения на одной из них: ... «СлУшать так душе отраднО» – пеон первый» [3, 266].

Р. О. Якобсон говорил о «маргинальных» вариантах размеров [4, с. 46-47], имея в виду их литературную периферийность и уж за тем вытекающую из периферийности статистическую незаметность. Для «точно-го стиховедения», естественно, статистический показатель стал однозначным выразителем функционального потенциала единицы. Если бы такой пеон, каким он описан в «Литературоведческом словаре», подтверждал факт своего существования в текстах как постоянная основа или, по крайней мере, как регулярно чередующийся с другими вариантами «правильного» хорея, а ещё лучше, ямба – он мог бы рассматриваться как самостоятельный феномен. В противном случае, всякий пример появления пеона в роли фактора, создающего ритмическое «взаимодействие» [5, с. 26] в целом тексте, не что иное, как стиховедческая мар-

гиналия. В компендиуме «Современный русский стих» пеон исключен из самостоятельного рассмотрения, и о подобных ему «раритетах» сказано ясно: «при более тщательном анализе эти размеры (!) должны быть непременно выделены; но практически они малочисленны и лишь загрозоздили бы наши таблицы» [6, с. 44].

Как экспериментальный ритм пеон отмечен в «Очерках истории русского стиха» [7, с. 233]. Здесь отношение к этому малозначительному явлению на карте российского стихотворства уже заметно смягчено. Помимо того, что указано на популярность пеонов у авторов «Серебряного века», пеоны рассмотрены в историко-литературном контексте, намечен целый ряд проблем: от того, какие ритмические вариации составляют оппозицию пеонам, до причин теоретической рефлексии поэтов-экспериментаторов в область пеонических построений.

В самом деле, практика символистов вела к пеону сразу по двум путям: по пути увеличения средней длины стихотворного слова и по пути воскрешения «античных размеров». Игнорировать довольно-таки массовый характер этого единичного явления невозможно. Не говоря уже о том, что в 1910-е годы некоторые учёные поэты сделали из «пэонов» буквально фетиш: известен и цитирован в стиховедческой литературе разговор Брюсова с Ходасевичем о пеоне первом [8, с. 31]. Этот разговор пересказан в комментарии к разделу «Пеонические ритмы» в популярном учебном пособии [9, с. 94]. Там же указано, что автором первого русского стихотворения, целиком написанного пеоном первым, стал вовсе не Ходасевич, а Бальмонт – в 1900 («Придорожные травы»). Впрочем, к вопросу о приоритете предстоит вернуться позже.

В этом же пособии дается описательное определение пеона: «однородные двустопия (по-гречески «диподии») называются пеонами... Хорей может звучать ритмами I пеона (' X U «Ирисы печальные...») и III пеона (X U ' U «Навели смуть былого...») [9, с. 93]. Собственно, двустопие заведомо не может претендовать на метрическую полноценность, иное дело два двустопия – тогда возникает повтор ритмического рисунка. Но реконструкция полноценных пеонов в цитируемом пособии не приветствуется: «Некоторые стиховеды считают пеоны даже не двустопиями, а цельными стопами и предлагают называть «Ирисы печальные, задумчивые, бледные...» 4-стопным пеоном I ... но это не общепринято» [9, с. 94]. Трактовка пеонов как размеров создает опасную зону неопределённости: не то пеоническое отклонение от хорея, не то хореическое отклонение от пеона. А зоны неопределённости – главный враг «точного стиховедения».

В другом популярном стиховедческом пособии [10, с. 12] В. Е. Холшевников трактует пеон как размер с четырехсложной стопой, сохраняя тем самым верность «дореволюционной» традиции. В качестве примера пеона первого и здесь фигурируют всё те же «Придорожные травы» К. Бальмонта. Необщепринятость В. Е. Холшевникова важна, по-видимому, и для хрестоматийного статуса «Придорожных трав». Именно на трактовку пеонов, предложенную в 1972 году этим автором, опиралась Л. Е. Ляпина, которая первой преступила к фронтальному изучению ритмики и строфики К. Бальмонта. По её подсчетам, доля чистых пеонов составляет в репертуаре К. Бальмонта 1,8%. Она же обнаружила в творчестве поэта раннего периода один(!) текст, написанный пеоном первым [11, с. 180 и с. 190], при общем числе стихов указанного размера в этот

же период – 32. Очевидно, что в расчет принимались не диподии, а их, по меньшей мере, удвоения.

В общем, пеоны превратились в своего рода «како веруеши?» в современном российском стиховедении. Их дискриминация в рамках строгой метрической модели вызывала возражения под разными углами зрения. Весьма показателен полемический выпад М. И. Шапира, сделанный в работе, посвященной критике позиций магистрального направления науки о стихотворной речи: «"Пеонические ритмы" ... предпочтительно обособить в метры: от ямбов и хореев они отличаются распределением метрически опорных слогов» [12, 287]. Как известно, М. И. Шапир был активным сторонником пересмотра отношений метр-ритм в пользу взаимной детерминации. То есть пытался вывести концепцию стиховых единиц не столько из-под гнета структурного априоризма, сколько из поля безусловной синхронии. Только в сугубо статической модели системы возможно описание отношений элементов на базе набора запретов [13, с. 106]. А модель Якобсона-Трубецкого именно такова. Собственно, уход от запретов сообщает концепции даже большую лингвистичность в контексте современных представлений о динамическом характере отношений «синхронное-диахронное». Скажем, состав фонем в любом языке предполагает исторические изменения. И то, что некогда было позиционным вариантом, может стать самостоятельной фонемой. Это очевидно, но параметры фонологических единиц и их сильные позиции более или менее определены для русского языка. О единице русского стиха такого не скажешь. Является ли достаточным условием для того, чтобы претендовать на статус метра, тот факт, что ритмическая модель реализовалась в некоей комбинации русских слов, претендующей на осмысленность. Или эта комбинация должна обладать определенной статистической повторяемостью. Или, ещё сильнее, она должна реализовывать свою дополнительную дистрибуцию относительно других единиц, претендующих на тот же статус. Тогда важнейшим становится вопрос о том, что следует считать позицией нейтрализации. Если строка нашего пеона первого в контексте 4-стопного хореев в некоторый исторический период не утрачивает самости – она имеет право называться первым пеоном. Но, к сожалению, здесь приходится констатировать, что точное сразу оборачивается неточным – пресловутой психологией восприятия. Впрочем, родоначальник фонологии Бодуэн де Куртене и фонему называл психофизической единицей: «Фонема как психический субститут «звука» из мира природы, как реально существующая и воспроизводимая фонетическая единица языкового мышления» [14, с. 326]. С точки зрения восприятия, вероятно, важны несколько факторов: а) прецедентность ритмической модели, б) соотносимость ее границ с границами русской синтагмы, в) устойчивость синтаксического наполнения, г) наличие коррелирующих с данной моделью ритмических слов в частеречном репертуаре языка, д) наличие метрических коннотации (ореола). Имея в виду традицию конструирования «эмических» терминов, эту психофизическую единицу русского стихотворного синтаксиса можно для краткости (но без ложного теоретического пафоса) назвать стихемой. Среди языковых единиц её наиболее близким аналогом по комплексности формирующих её средств разных языковых уровней будет, пожалуй, слово. Теперь вопрос звучит так: следует ли считать пеон первый стихемой.

О пеоне первом в контексте русской поэзии принято говорить применительно к эпохе «Серебряного века» и более всего к практике К. Баль-

монта. Недаром же эпические «Придорожные травы» фигурируют в двух известнейших стиховедческих хрестоматиях. Первым в истории русского стихосложения законченным текстом пеона первого «Травы», вероятно, признали после исследований Л. Е. Ляпиной. Но не факт, что принципы ритмической идентификации, принятые исследовательницей, убедительны для всех стиховедческих школ в равной степени. Камень преткновения, как всегда, односложные и двусложные проклитики и энклитики, в данном конкретном случае – в начале стиха: *так и не; в час, когда; всем дано; возле вас; вы, что; спите же*. Но позиции вроде *В час, когда все празднуют рождение весны* при определенных оговорках и ссылках на принятые стиховедческие методики и законы «реконструктивного моделирования» можно считать узаконенной реализацией пеона первого: $_ ' U X ' U / X U ' _ ' U U U _ ' U U U _ ' _$ (на месте $X ' U / X U ' _$ – акцентная альтернативность, перспективно было бы использовать при условной записи пятизначную систему М. И. Шапира, но она не является общепринятой [12, с. 283]). Однако, в соответствии со схемой М. Л. Гаспарова, только третья по счету позиция может быть переменной – X . Следовательно, здесь набор акцентных вариантов ограничен: *В час, когда все прАзднуют* – признается законным, а *В час, когда всЕ прАзднуют* – запретный, причём не в рамках правил образования вариантов гипотетической модели пеона первого, а в рамках образования вариантов двусложника (хорея). Однако, безусловно, наименее пеонический отрезок в стихотворении – второй стих четвертого катрена: *Вашим равным – царствовать, а вам – навек уснуть*. Естественное распределение акцентов здесь усугубляется постановкой логических ударений, что снижает возможности акцентного варьирования в пределах естественной просодии: $_ ' U X ' U _ ' U U U _ ' U X ' U _ ' _$ – сделать из *а вам – навек*, обрамляющего паузу, *авАмнавёк* практически невозможно. А в таком случае это заведомо хореическая строка. Следовательно, даже при очень сильном либерализме и желании идти при подсчетах в фарватере ритмической тенденции скрупулезным стиховедам пришлось бы сделать оговорки относительно «Трав». Понятно, что в приведенном выше разговоре Брюсова с Ходасевичем В. Я. Брюсов выказал отнюдь не недостаточную эрудицию – он не мог признать, что текст К. Бальмонта написан «чистым пеоном первым» [8, с. 31]. Как образец, в котором относительно последовательно выдержана ритмическая тенденция пеона первого, в хрестоматии «Русские стихи 1890-х – 1925-го годов в комментариях» приведено стихотворение Н. Львовой «Ирисы печальные...», в котором отступления от пеонической модели появляются и усиливают позицию во второй половине (третья-четвертая строфы). Однако первые две вызывают меньше сомнений, чем «Травы». А вот то стихотворение, которое, по-видимому, имел в виду В. Ходасевич (сохраняя в тайне название), когда «срезал» В. Брюсова, выдерживает пеон первый во всех трех катренах, проклитики и энклитики в нем присутствуют минимально, их акцентуация осуществляется в полном соответствии с правилами орфоэпической нормы. Так что не исключено, что «Мышь» [Ходасевич 1996, с. 297] действительно первый русский «чистый» пеон первый – от кончика носа до кончика хвоста, как следовало бы сказать, в контексте любимой В. Ф. Ходасевичем мышины темы.

Конечно, наличие целых текстов, так или иначе претендующих на воплощение первого пеона, – факт знаменательный для «психофизического облика стихемы», он означает, что пеон первый опознается, про-

типовопоставляется иным ритмическим схемам, генерирует ритмическую тенденцию, по отношению к которой уже некоторые конкретные реализации стиха выступают как варианты первого пеона. Да и исторически период пеона первого длился по крайней мере с 1880-х по 1920-е – от К. Случевского («Невменяемость», фрагментами) до М. Цветаевой («Рельсы» практически «чистый»), возможно, что отрезок был много длиннее в оба конца.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гаспаров М. Л. К. Тарановский* – стиховед // Тарановский К. О поэзии и поэтике. М., 2000. С. 417–420.
2. *Тарановский К.* О ритмической структуре русских двусложных размеров // Тарановский К. О поэзии и поэтике. М., 2000. С. 274–283.
3. Словарь литературоведческих терминов. М., 1974.
4. *Якобсон Р.* О чешском стихе преимущественно в сопоставлении с русским. М., 1923.
5. *Красноперова М. А.* Основы реконструктивного моделирования стихосложения. СПб, 2000.
6. *Гаспаров М. Л.* Современный русский стих: Метрика и ритмика. М., 1974.
7. *Гаспаров М. Л.* Очерк истории русского стиха: Метрика, ритмика, рифма, строфика. М., 1984.
8. *Ходасевич В. Ф.* Собрание сочинений: В 4-х т. Т. 4: Некрополь. Воспоминания. Письма. М., 1997.
9. *Гаспаров М. Л.* Русские стихи 1890-х – 1925-го годов в комментариях. М., 1993.
10. *Холишевников В. Е.* Мысль, вооруженная рифмой: Поэтическая антология по истории русского стиха. Л., 1987.
11. *Ляпина Л. Е.* Метрический и строфический репертуар К. Д. Бальмонта. // Проблемы теории стиха. Л., 1984. С. 179–192.
12. *Шапир М. И.* Гаспаров-стиховед и Гаспаров-стихотворец (комментарий к стиховедческим комментариям) // Русский стих: Метрика, ритмика, рифма, строфика. М., 1996. С. 271–311.
13. *Рождественский Ю. В.* Типология слова. М., 1969.
14. *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Разница между фонетикой и психофонетикой // Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию: В 2-х т. Т. 2. С. 325–330.
15. *Ходасевич В. Ф.* Собрание сочинений: В 4-х т. Т. 1: Стихотворения. Литературная критика 1906–1922. М., 1996.

Н. А. Родионова (Самара)

СПОСОБЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ЛЮБОВЬ» В РАССКАЗАХ Т. ТОЛСТОЙ

Цель данной статьи – представить основные способы концептуализации лексико-семантического поля «ЛЮБОВЬ» в рассказах известной писательницы литературы «новой волны» Т. Толстой. Материалом для анализа послужили следующие тексты рассказов – «Самая любимая», «Любишь – не любишь», «Соня», «Круг», «Милая Шура», «Поэт и муза» и «Река Оккервиль». По признанию критиков, исследующих особенности поэтики автора, все перечисленные рассказы объединяет одна тема – тема любви. В этот же сборник входит литературоведческая статья самой Т. Толстой с симптоматичным названием «Любовь и море», предметом анализа в которой является чеховский рассказ «Дама с собачкой».

Остановимся кратко на методике анализа в обозначенном концептуальном аспекте. Вслед за Н. Алиференко и другими исследователями считаем, что концептуальное значение может обрести любое слово, связанное в условиях художественного контекста с образами и ассоциациями, имеющими общий семантический компонент с исходной лексической единицей. Отметим, что лексема «любовь» может иметь непосредственное вербальное воплощение в виде многообразных деривативных вариантов. Поэтому первый этап анализа связан с отбором минимальных контекстов (это, как правило, СФЕ, четко ограниченное рамками абзаца), в которых встречается слово любовь и его однокоренные лексические вариации. Следующий компонент концепта формируется благодаря использованию автором лексем, значение которых, по данным РАС и «Антологии концептов», ассоциативно связано с понятием любовь. На этом этапе исследовательской работы и структурируется своеобразный семантический «каркас» выделенного понятия. Повторяемость же в способах описания этого эмотива (любовь) и служит основанием для выделения принципиально значимых приемах репрезентации данного концепта.

В результате представленного анализа выяснилось, что в текстах названных рассказов наблюдается довольно низкая частотность употребления лексем, включающих корень –люб-. Больше всего таких лексем оказалось в рассказе «Самая любимая» (12 случаев словоупотреблений – что составляет в среднем 3 лексемы на одну страницу). В других рассказах таких примеров значительно меньше (от 2 до 5 случаев в тексте всего рассказа). Значит, особое значение приобретают лексемы, связанные с данным эмотивом ассоциативно-семантическими связями. Такими (при этом повторяющимися) лексемами, способными в свою очередь образовать самостоятельное концептуальное значение, следует считать лексемы-«экзисценты»: «СУДЬБА», «СМЕРТЬ», а также концепт «СЕМЬЯ/БРАК» и концепты «БОЛЕЗНЬ» и «БЕЗУМИЕ». Данные корреляты отмечаются всеми исследователями, анализирующими концепт «ЛЮБОВЬ» в общеязыковой картине мира. Следующую группу лексем, ассоциативно связанных с концептом «ЛЮБОВЬ», образуют лексемы «ДУ-

ША» и «СЕРДЦЕ» (структурирующие, по мнению Д. Апресяна, любой концепт-эмоцию), и наконец, лексемы, не входящие при описании данного концепта в его лексико-семантическую парадигму в общезыковой картине мира. Это, например, лексемы, значение которых связано с чаепитием: «чай», «торт», «пирожные», «пирог». На периферии данного лексико-семантического поля оказались такие ассоциаты, как «поцелуй», «свеча»; концепты «СЧАСТЬЕ», «КРАСОТА» и некоторые другие.

В соответствии с заявленной темой нас прежде всего интересует такой способ концептуализации исследуемого эмотива, который можно было бы считать самым главным в поэтике данного автора. Таким способом, по нашему мнению, являются межтекстовые связи или интертекст. Рассмотрим особенности концепта «любовь» сквозь призму интертекста. Для этого обратимся к статье самой Т. Толстой «Любовь и море», в которой Т. Толстая задается вопросом: «Зачем Чехов в рассказе о любви размышляет о вечности, равнодушной к нашему существованию?». Гуров приходит к следующему умозаключению: «Всё прекрасно на этом свете, всё, кроме того, что мы сами мыслим и делаем, когда забываем о высших целях бытия, о своем человеческом достоинстве». И Т. Толстая делает вывод: «Природа прекрасна и гармонична, а мы – нет». В цикле собственных рассказов о любви Т. Толстая, по-видимому, совершенно сознательно делает проекцию этой чеховской мысли, используя при этом отмеченные в названной статье чеховские детали. Так, Толстая обращает внимание на то, что в Ялте Гуров после первой встречи с Анной Сергеевной, ел холодный арбуз, а в Москве, куда тайно приезжает Анна Сергеевна, пьет горячий чай. Т. Толстая считает, что уличному теплу Ялты противопоставляется холод отношений, так как Гуров сначала относится к Анне Сергеевне лишь как к очередной случайной связи. А вот холодная Москва сменяется теплом, потому что становится ясно: герои по-настоящему любят друг друга. В рассказах Т. Толстой все любовные коллизии сопровождаются непременным чаепитием, при этом дополнительным средством актуализации концепта становятся сопутствующие, уже собственно авторские детали, – сахар, варенье торт и другие кондитерские изделия (пирог, тарталетки, пирожные и т. п.). В рассказе «Река Оккервиль» находим: *«А тут и чайник закипал, и Симеонов ... наслаждался, радуясь, что Тамара его не достигнет, не потревожит его драгоценного свидания с Верой Васильевной. Хорошо ему было в его одиночестве, в маленькой квартирке, с Верой Васильевной наедине, и дверь крепко заперта от Тамары, и чай крепкий и сладкий. . . »* Далее в этом же рассказе: *«Дверь распахнулась... и сразу же мелькнула Вера Васильевна... там, за накрытым столом... над огромным шоколадным тортом...»*. В рассказе «Самая любимая» эпизод, связанный с горячим чаем, становится главным репрезентантом любовного чувства героини: *«А впрочем, была у Женечки одна коротенькая, кривая, убогая любовь, был человек, который смутил Женечкину ясную душу – может быть, на неделю, может быть, на всю жизнь – мы не спрашивали. Но когда она принималась рассказывать, как она жила и кого учила до войны, – жа-*

лобно дрожал через уплывшие годы один эпизод, на котором Женечка всегда спотыкалась, и голос ее, высокий и спокойный, вдруг на миг надламывался, и всегда на одной и той же фразе «Хороший чай, Евгения Ивановна. Горячий». Так ей сказали днем, в три часа, в довоенном феврале, в теплом деревянном доме. И далее: Женечка налила чаю всем преподавателям, но не всем положила столько сахара. Синяя облупленная кружка с черным ободком, вот и все. И он с благодарностью отпил и кивнул головой: «Хороший чай, Евгения Ивановна... Горячий. И женечкина душа, босая сирота, невидная собою, заплясала, возликовав». И в приведенных примерах, и в других контекстах любовь в соответствии с авторским концептом Т. Толстой оказывается не чеховской: или ненастоящей, или принципиально неважной. Безжалостная авторская ирония говорит о переосмыслении значения тепла отношений между героями, которое возникает между чеховскими персонажами, но не героями Т. Толстой. В рассказе «Река Оккервиль» герой, приехавший с тортом к любимой, видит совсем не ту картину, которая рисовалась в его воображении: «Она не ждала его, худая, у чистого окна, глядяваясь вдаль, в стеклянные струи реки Оккервиль, она хохотала низким голосом... и лихо ... пила, чаровница, и лихо ... поворачивалась туда-сюда тучным телом». В рассказе «Самая любимая» Т. Толстая особенно беспощадна: «И ничто их не связывало, если не считать кружки чая, что налила она ему после уроков в учительской, дрожа и слабя ногами от собственного безрассудства. Безумство, безумство – то была не простая, а любовная кружка, ловко замаскированная под товарищескую».

Представленные наблюдения позволяют, на наш взгляд, прийти к некоторым обобщениям:

1. Одним из основных способов концептуализации лексико-семантического поля «ЛЮБОВЬ» в поэтике Т. Толстой является интертекст, представленный в ее рассказах, в частности в виде отсылок к чеховским деталям.

2. В соответствии с эстетикой постмодернизма эта интертекстуальная линия переосмысливается, наполняясь новыми значениями.

3. Концептуализация лексемы «любовь» возникает, благодаря использованию Т. Толстой в целом угадываемого набора лексем-ассоциатов, но в художественной картине писателя большое значение приобретают такие лексико-семантические уточнители, которые нередко становятся в текстах самыми значимыми в воплощении авторской мысли (в нашем случае – это повторяющиеся артефакты, обозначающие чай и кондитерские изделия).

ЛИТЕРАТУРА

1. Толстая Т. Женский день: рассказы. М.: Эксмо, 2009.

Т. В. Сварчевская (Тверь)

ЛЕКСИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФОРМЫ УМАЛЕНИЯ ЖЕНСКОГО ПИСЬМА (ОТЗЫВЫ КРИТИКОВ КОНЦА 1840-Х ГОДОВ О ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. Я. МАРЧЕНКО)

Проблема рецепции творчества русских писательниц XIX в. неоднократно привлекала внимание современных гендерно ориентированных исследователей, которые на материале литературно-критических отзывов, воспоминаний и эпистолярия современников показали, что, несмотря на высокие оценки и аттестации, женское творчество воспринималось как дилетантское, что выразилось в критериях его оценки [1]. Как замечает Е. Н. Строганова, в критике сформировался определенный набор признаков, которыми обосновывалось отсутствие креативного потенциала у женщин [2, с. 115]. По словам И. Л. Савкиной, «в самом определении “женское творчество” для литераторов <...> имплицитно присутствуют категории дилетантизма, ни к чему не обязывающей болтовни, чувствительности, несерьезности, слабости, неразвитости» [3, с. 14]. Обсуждая произведения писательниц, современники высказывали противоречивые мнения, но в итоге разговор о творческих возможностях женщин неизбежно сводился к распространенному мнению о несовершенстве и ограниченности женского таланта [4]. Очень ярко эта тенденция проявилась в отзывах о произведениях талантливой писательницы второй половины XIX в. Анастасии Яковлевны Марченко.

Перу писательницы принадлежат девятнадцать повестей и четыре романа, но только десять ее сочинений были удостоены внимания критики. Вне поля зрения современников осталось больше половины ее произведений, но даже те немногие, что были отмечены, оценивались в свете общепринятых представлений о творческих возможностях женщин. Анализируя неизученные отзывы критиков 1840-х гг. – В. Г. Белинского, Н. А. Некрасова и других авторов, мы остановимся на двух вопросах: с каких позиций оценивалось и трактовалось творчество писательницы и в каких лексико-синтаксических формах они проявлялись. Посвященные первым произведениям Марченко статьи этих современников репрезентативны прежде всего потому, что они определяли канон критериев и репрезентаций и создавали основу для восприятия сочинений писательницы рядовыми читателями.

Марченко дебютировала в 1847 г. изданной в Одессе книгой «Путевые заметки», которая сразу привлекла внимание критики и широко обсуждалась на страницах многих литературных, в том числе столичных изданий [5]. Начинаящая писательница была удостоена довольно высоких оценок и похвал: «явление очень приятного таланта», «прекрасное дарование» [6, с. 69], «новый беллетристический талант, выступающий на сцену со счастливыми залогами будущего» [7, с. 79, 83], «юный новороссийский гений» [8, с. 1]. Однако, несмотря на видимую благосклонность, в суждениях критиков латентно присутствовала мысль о заурядности творческих способностей писательницы, поскольку в самих похвалах содержалась скрытая дискриминация.

В этом смысле показателен отклик анонимного рецензента «Отечественных записок», который отзывался о таланте писательницы как «не подлежащем сомнению», но вместе с тем репрезентирует ее как автора произведений, весьма заурядных с художественной точки зрения: «...повести писаны скромно, без претензии на мастерство и беспрестанный *coup de maître* [9], часто с увлечением, нимало не оскорбляя художественного такта читателя» [7, с. 79].

Признаки латентной дискриминации обнаруживаются на лексической уровне текстов. Один из таких симптомов представляют использованные в отзыве эпитеты. Как показывает Е. Н. Строганова, подобный способ аттестации женского таланта был характерен для критических отзывов 1830–1840-х гг. [10, с. 161]. В отзывах о Марченко обращают на себя внимание эпитеты – «небольшой», «маленький», «миленький», «опрятный», «приятный», «скромный», характеризующие ее писательское дарование: «“Путевые заметки” – просто небольшая, миленькая, чрезвычайно опрятная книжечка, заключающая в себе две небольшие, миленькие и чрезвычайно опрятные повести» [7, с. 79]. Эти же эпитеты встречаются в отзывах о последующих произведениях писательницы. Статья анонимного рецензента «Библиотеки для чтения» о втором выпуске «Путевых заметок» (1849) перенасыщена эпитетами, среди которых наиболее частотным является определение «милый»: «чрезвычайно милые рассказы», «невозможно передать рассказы – так они милы, тонки, прозрачны, неуловимы», «томик, изящный снаружи и милый внутри», «милее этого невозможно ничего написать по-русски» [8, с. 1,6]. Такие совпадения в отзывах разных лет позволяют предположить, что представление о творческих возможностях писательницы, выраженное в первых откликах, подхватывается впоследствии и переходит из статьи в статью.

Обратим внимание на использование слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами (маленький, миленький, книжечка, томик), которые также можно рассматривать как одну из форм умаления значимости женского письма: чрезмерное употребление подобных слов существенно снижает уровень обсуждения, создавая впечатление, что разговор идет о чем-то незначительном, не заслуживающем серьезного внимания.

Основанием для подобного восприятия произведений Марченко явились, на наш взгляд, закрепившиеся в обществе гендерные предубеждения, в частности миф о противоестественности и недоступности для женщины серьезных занятий литературой, в соответствии с которым женское творчество воспринималось как несовершенное, в своем роде ущербное [11, с. 135]. Ограниченные возможности женского таланта критика объясняла тем, что женщина «по физиологическим законам» не может быть творцом. Этот тезис можно считать программным в критическом дискурсе о женском письме, в чем убеждают высказывания современников, апеллирующие к полоролевым различиям.

Гендерная специфика критических суждений обнаруживается, например, в отзыве В. Г. Белинского, который одним из первых обратил внимание на дебютный сборник Марченко. Белинский отмечает, что автор – женщина, и поэтому в ее произведениях «много сердечной теплоты, много чувства, жизнь, не всегда понятая или понятая уже слишком по-женски» [12, с. 351]. В свете общепринятых представлений о женском письме оценивает книгу Марченко анонимный автор «Финского вестника», дискредитируя ее писательские возможности: «Книга г-жи Т.

Ч. есть одно из самых отрадных явлений нашей литературы. Не гоняясь за решением современных вопросов, она только решает вопросы близкие женскому сердцу» [13, с. 49]. В русле гендерных различий рассматривает повести Марченко критик «Отечественных записок», который указывает на типично женский недостаток – неумение автора-женщины понять и показать разнообразие человеческих индивидуальностей, в частности изобразить «обыкновенного человека, пошлого по натуре или вследствие общественного своего положения» [7, с. 79]. Очевидно, что в такой интерпретации женское творчество предстает заведомо обесцененным, не имеющим какого-либо самостоятельного значения.

Это замечание, как и многие другие, свидетельствует о том, что вопрос о творческих возможностях писательниц обсуждался с андроцентристских позиций, в соответствии с ориентацией на мужской текст как образцовый. Отзывы критиков о Марченко дают основание говорить, что само определение «женский» выступает не как свойство, но как оценка и коннотируется либо иронично, либо сугубо негативно. Например, критик «Отечественных записок» с заметной иронией отзывается о «необыкновенном красноречии» писательницы, полагая, что подобная многословность является исключительной принадлежностью женского письма: «...женщина обычно выражается дивной лирической тирадой в те минуты, когда мужчина, как правило, говорить не станет или ограничится междометием» тирада [7, с. 79].

Следует отметить, что в отзывах о Марченко критики часто прибегали к сопоставлению ее повестей с произведениями мужских авторов, однако эти сравнения, как правило, проводились не в пользу значимости и оригинальности женского творчества [11, с. 125].

Особенно интересно в этом смысле высказывание рецензента «Отечественных записок», который обвиняет писательницу в подражании мужским авторам, тем самым умаляя значимость произведений Марченко как таковых. Критик упрекнул Марченко в том, что «она умеет только передразнивать мужчин, подделываться к их тону и голосу» [7, с. 86]. Причиной негативной оценки в данном случае является ориентация автора-женщины на мужской писательский опыт: повесть «Гувернантка» появилась как отклик на повесть В. А. Соллогуба «Большой свет» (1840), сюжет которой Марченко модифицирует, преобразуя в соответствии со своим эстетическим заданием. Но подобные переключки критик расценивает как проявление художественной беспомощности автора, называет героев «Гувернантки» «бледными тенями» и «случайной обстановкой» и советует писательнице «не увлекаться повестями большого света».

Специфика гендерных установок обнаруживается и на уровне синтаксической организации текста, в частности в частом использовании противительно-уступительных конструкций, которые можно рассматривать как своего рода формулы отношения к женскому письму. Современники, обсуждая художественные достижения писательницы, ограничиваются отдельными «сценами», «страницами», «образами». О достоинствах рецензируемых повестей Марченко критики пишут, используя уступительные формулы: «Несмотря на некоторые натяжки и неполноты, повести г-жи Т. Ч. прочтутся с удовольствием, читателей займут многие сцены, художественно обработанные» [7, с. 82], или приведем другое суждение: «Характеры г-жи Т. Ч. довольно неопределенны, но зато есть некоторые сцены, полные движения, страницы, полные мысли и чувства, даже парадоксы высказаны очень мило» [14, с. 67]. Показа-

тельные суждения о героинях второго выпуска «Путевых заметок». Так, критик «Отечественных записок» пишет, что автор рецензируемых повестей «мастерски обрисовал женские характеры, в изображении которых сумел воздержаться от утрировки», однако отмечает, что «возвысить героиню рассказов <Марченко> как героиню романа» можно только «в ущерб действительности» [14, с. 67].

Как можно заметить, в отзывах критиков обнаруживается поразительное сходство в том, что касается оценки литературного дарования писательницы и способов его аттестации. Эту особенность вряд ли можно отнести только на счет сходства их эстетических воззрений. Причина подобного единодушия кроется, на наш взгляд, в самом подходе к женскому творчеству: используемые критиками определения, слова с уменьшительными суффиксами, сравнения, противительно-уступительные формулы свидетельствуют о явном нежелании видеть в женщине творческую личность. Очевидно, что в подобных условиях настоящее литературное признание просто не могло состояться, что и произошло в случае Марченко. В отзывах критики отчетливо проявляется общее отношение к женскому творчеству как несовершенному, что выразилось в стереотипах его истолкования. Оценивая произведения как типично женские, критики тем самым отказывают им в значимости и оригинальности, хотя, с нашей точки зрения, сама писательница не давала повода для подобных оценок. Наблюдения показывают, что ее творчество, во многом новаторское, гораздо интереснее и многообразнее, чем оно представлено в характеристиках современников.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. О проблеме восприятия женского письма в критике и критериях его оценки см., например: Russ J. *How to Suppress Women's Writing*. Austin, 1983; *Шоре Элизабет*. Женская литература XIX века и литературный канон: К постановке проблемы // Проблема автора в литературном каноне. Сб. научных трудов. Ижевск: Ижевск. гос. ун-т, 1998; *Савкина Ирина*. Провинциалки русской литературы: Женская проза 30–40-х гг. XIX в. Wilhelmshorst, Verlag F. K. Göpfert, 1998. С. 23–50; *Хайдебранд Ренате фон, Винко Симоне*. Работа с литературным канонem: Проблема гендерной дифференциации при восприятии (рецепции) и оценке литературного произведения // Пол. Гендер. Культура : Немецкие и русские исследования / Под ред. Э. Шоре и К. Хайдер. М.: РГГУ, 2000. Вып 2; *Хайдер Каролин*. «В сей книжке есть что-то занимательное, но...» Восприятие русских писательниц в «Дамском журнале» // Пол. Гендер. Культура. Вып. 2.; *Строганова Е. Н.* Женская критика в литературном процессе второй половины XIX века (Н. Д. Хвощинская) // О литературе, писателях и читателях. Сборник научных трудов памяти Г. Н. Ишука / Сост. М. В. Строганов, А. Ю. Сорочан. Тверь: Золотая буква, 2005. *Она же*. М. Е. Салтыков и Н. Д. Хвощинская: факты и интерпретации // Щедринский сборник. Вып. 3 / Науч. ред. Е. Н. Строганова. Тверь: СФК-офис, 2009.
2. *Строганова Е. Н.* Маскарад маскарадов (роман Ближнева «Семейство Снежных») // Литература и человек (Писатели, читатели, филологи).

- Сборник, посвященный 55-летию проф. М. В. Строганова / Ред. С. А. Васильева, А. Ю. Сорочан, Е. Н. Строганова. Тверь: Изд-во «Марина», 2007.
3. *Савкина И.* Разговоры с зеркалом в Зазеркалье: Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2007.
 4. *Белинский В. Г.* Жертва, Литературный эскиз. Сочинение г-жи Мон-борн // Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1953. Т. 1; *Киреевский И.* О русских писательницах (Письмо к Анне Петровне Зонтаг) // Киреевский И. В. Избранные статьи. М.: Современник, 1984; *Катков М.* Сочинения в стихах и прозе графини С. Ф. Толстой // Отечественные записки. 1840. Т. 12. Отд. V; *Белинский В. Г.* Сочинения Зенеиды Р-вой // Белинский В. Г. Указ. соч. Т. 7; *Тургенев И. С.* «Племянница». Роман, соч. Евгений Тур // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: В 28 т. Сочинения. М.; Л.: Наука, 1963. Т. 5; *Цебрикова М. К.* Русские женщины-писательницы // Женский вызов: русские писательницы XIX – начала XX века / Под ред. Е. Строгановой и Э. Шоре. Тверь, Лилия Принт, 2006/ Публ. Е. Строгановой; *Хвоцинская Н. Д.* Провинциальные письма о нашей литературе. Письмо третье / В. Поречников // Отечественные записки. 1862. № 5 и др.
 5. О реакции критики можно судить по количеству отзывов, появившихся практически одновременно в восьми изданиях: Современник. 1847. № 7, № 8; Отечественные записки. 1847. № 8; Северное обозрение. 1847. № 7; Финский вестник. 1847. № 8; Сын отечества. 1847. № 4; Библиотека для чтения. 1847. Т. 75; Одесский вестник. 1847. № 47; Русский инвалид. 1847. № 158.
 6. [Б. п.] Путевые заметки. Соч. Т. Ч. / Н. А Некрасов // Современник. 1847. № 7.
 7. [Б. п.] Путевые заметки. Соч. Т. Ч. // Отечественные записки. 1847. № 8.
 8. [Б. п.] Путевые заметки. Соч. Т. Ч. Выпуск второй // Библиотека для чтения. 1849. Т. 97. Отд. Литературная летопись. С. 1.
 9. мастерский ход (*фр.*)
 10. *Строганова Евгения.* «Заветный вензель» Ж. да 3. Жорж Санд в русском литературном каноне // Пол. Гендер. Культура. Вып. 2.
 11. *Строганова Евгения.* «Прах и суета»: Женское писательство в оценках Надежды Хвоцинской и ее современников // Женский вызов.
 12. *Белинский В. Г.* Взгляд на русскую литературу 1847 года // Белинский В. Г. Указ. соч. Т. 10.
 13. [Б. п.] Путевые заметки. Соч. Т. Ч. // Финский вестник. 1847. № 8.
 14. [Б. п.] Путевые заметки. Соч. Т. Ч. Выпуск II // Отечественные записки. 1849. Т. 65. Отд. VI.

Е. С. Тикун (Калининград)

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ МОДАЛЬНОСТИ НЕОБХОДИМОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ»)

Языковая модальность в самом общем виде определяется как «функционально-семантическая категория, выражающая разные виды отношения высказывания к действительности с точки зрения говорящего, а также разные виды квалификации сообщаемого» [6, с. 303]. В современном языкознании традиционно выделяют два основных и семантически разнородных типа модальных отношений: «модальность пропозициональную, включающую объективную (значения реальности/ирреальности) и ситуативную модальность (значения возможности, необходимости, желательности), а также модальность прагматическую, реализующую коммуникативный потенциал высказывания [2, с. 8]. В связи с устойчивым интересом к антропоцентрическим аспектам языка категория модальности получила практически исчерпывающее освещение на уровне предложения-высказывания. Однако проблемы модальности требуют выхода за рамки предложения и дополнительных исследований на новом уровне. Весьма актуальным при этом представляется обращение к художественному тексту как к «своеобразному кванту объективного содержания, логической информации, эмоциональной выразительности, эстетического совершенства и многих других составляющих» [5, с. 45].

Модальность необходимости характеризует «обусловленность ситуации теми или иными (объективными и субъективными) факторами, которые с точки зрения субъекта модальной оценки требуют непременно превращения потенциального в актуальное» [7, с. 142]. Кроме того, необходимость предполагает наличие некоего волевого начала, обеспечивающего возможность реализации действия. Как отмечает С. С. Ваулина, «многообразие обуславливающих факторов позволяет выделить внутри модальности необходимости ряд частных значений: вынужденность, неизбежность, долженствование и потребность» [3, с. 21]. Реализуясь в художественном тексте, экспликации модального значения необходимости выполняют текстообразующую функцию и проявляют специфические особенности выражения. Рассмотрим их на материале романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы».

Для романа характерно существенное преобладание модального значения долженствования, связанного с наличием обуславливающих факторов морально-этического, а также нравственно-религиозного порядка. Это объясняется тем, что герой интересуется Достоевского как «смысловая и оценивающая позиция человека по отношению к себе самому и по отношению к окружающей действительности» [1, с. 270] и, соответственно, несет в себе определенную систему взглядов, убеждений и ценностей. Так, объясняя положения своей статьи, посвященной церкви и государству, Иван Карамазов активно использует конструкции с модальным модификатором *должен*. Ср.: «Духовное лицо, которому я возражал, утверждает, что церковь занимает точное и определенное место в госу-

дарстве. Я же возразил ему, что, напротив, церковь *должна заключать сама в себе все государство, а не занимать* в нем лишь некоторый угол, и что если теперь это почему-нибудь невозможно, то в сущности вещей несомненно *должно быть поставлено* прямою и главнейшею целью всего дальнейшего развития христианского общества» (70)¹; «Таким образом (то есть в целях будущего), не церковь *должна искать* себе определенного места в государстве, как «всякий общественный союз» или как «союз людей для религиозных целей» (как выражается о церкви автор, которому я возражаю), а, напротив, всякое земное государство *должно бы* впоследствии *обратиться* в церковь вполне...» (72).

Частное модальное значение неизбежности эксплицируется в романе преимущественно с помощью конструкций двойного отрицания возможности в сочетании с зависимым инфинитивом. Ср.: «Ну что я понимаю в любви и в женщинах и как могу я заключать такие решения», – с упреком себе думал он (Алеша) после каждой подобной своей мысли или догадки. А между тем *нельзя было не думать*» (215); «- Вы можете не верить преступнику или подсудимому, истязуемому вашими вопросами, но благороднейшему человеку, господу, благороднейшим порывам души (смело это кричу!) – нет! этому вам *нельзя не верить*...» (540); «- Хочет он (Ракитин. – Е. Т.) обо мне, об моем деле статью написать, и тем в литературе свою роль начать, с тем и ходит, сам объяснял. С направлением что-то хочет: «дескать, *нельзя было ему не убить*, заеден средой», и проч., объяснял мне» (671); «- Боже меня убереги, но ведь *нельзя же иногда не пожаловаться*. Я человек оклеветанный» (733). Данные конструкции усиливают облигаторность высказываний и придают им повышенную эмоциональность.

Семантика неизбежности зачастую реализуется также через формы будущего простого времени. В таких случаях детерминирующий фактор получает эксплицитное выражение. Ср.: «- Но ведь теперь вы же его и *спасете*. Вы дали слово. Вы *вразумите* его, вы *откроете* ему, что любите другого, давно, и который теперь вам руку свою предлагает...» (175); «Я как прочел, то тотчас и подумал, что так все и будет, потому что я, как только умрет старец Зосима, *сейчас должен буду выйти* из монастыря. Затем я *буду продолжать* курс и *сдам* экзамен, а как придет законный срок, мы и *женимся*» (211); «Все, впрочем, в двух словах, я уже решила: если даже он (Митя. – Е. Т.) и женится на той... твари, – начала она (Катерина Ивановна. – Е. Т.) торжественно, – которой я никогда, никогда простить не могу, то я все-таки *не оставляю* его. От этих пор я уже никогда, никогда *не оставляю* его! – произнесла она с каким-то надрывом какого-то бледного вымученного восторга» (217); «- Ну, Алеша, мы еще *подождем* с поцелуями, потому что мы этого еще оба не умеем, а ждать нам еще очень долго, – заключила она (Lise. – Е. Т.) *друг*» (251). Автор использует подобные конструкции, чтобы передать ряд однородных действий одного субъекта и смягчить степень облигаторности. По мере ее убывания все отчетливее обнаруживается значение желательности, «обусловленное тем, что субъект модальности совпадает с говорящим» [7, с. 153].

Потребность, основанная на квалификации необходимого для выполнения действия как полезного и нужного, представляет собой положительно оцениваемую ситуацию» [4, с. 27]. Значение потребности эксплицируется главным образом в модальных конструкциях с предикативами *нужно, надо* и *необходимо*. Ср.: «- Его, главное, *надо* теперь убе-

дуть в том, что он (Снегирев. – Е. Т.) со всеми нами на равной ноге, несмотря на то, что он у нас деньги берет, – продолжал в своем упоении Алеша» (249); «Я нарочно начал этот наш с тобой разговор как глупее нельзя начать, но довел до моей исповеди, потому что ее только тебе и надо. Не о Боге тебе нужно было, а лишь нужно было узнать, чем живет твой любимый тобой брат. Я и сказал» (272); «Нам слишком существенно необходимо узнать, для чего именно вам понадобилась такая сумма, то есть именно в три тысячи?» (536); «- Да вот-с, *поспешить бы надо*. Нужно неотложно *перейти* к допросу свидетелей» (572); «- Мне сегодня ужасно как *нужно поспеть* вовремя к брату, пролепетал было Алеша» (658); «Чтоб разрешить это вопрос, *необходимо* прежде всего *поставить* свою личность в разрез с действительностью» (672); «Он (Варвинский. – Е. Т.) понимал, как тяжело такому, как Митя, прямо вдруг перешагнуть в сообщество убийц и мошенников и что к этому *надо* сперва *привыкнуть*» (871). Большинство примеров с семантикой потребности описывают ситуацию как планируемую и тесно связанную с настоящим, что придает динамику повествованию.

Частное значение «отсутствие потребности выполнить действие» репрезентируется риторическими вопросительными предложениями, предопределяющими противоположную семантику высказывания. Ср.: «- *Чего тут договаривать*, все ясно. Все это, брат, старая музыка. Если уж и ты сладострастника в себе заключаешь, то что же брат твой Иван, единокровный? Ведь и он Карамазов» (94); «*К чему же тут вмешивать* решение по достоинству? Этот вопрос всего чаще решается в сердцах людей совсем не на основании достоинств, а по другим причинам, гораздо более натуральным» (166); «*Для чего познавать* это чертово добро и зло, когда это столько стоит? Да и весь мир познания не стоит тогда этих слезок ребеночка к Боженьке» (279); «- А *зачем* ему к отцу *приходить*, да еще потихоньку, если, как ты сам говоришь, Аграфена Александровна и совсем не придет, – продолжал Иван Федорович, бледнея от злобы, – сам же ты это говоришь, да и я все время, тут живя, был уверен, что старик только фантазирует и что не придет к нему эта тварь. *Зачем же* Дмитрию *врываться* к старику, если та не придет?» (315). Риторические конструкции выражают уверенное экспрессивно окрашенное отрицание, ненужность и нецелесообразность отрицаемой ситуации. Они являются важной особенностью синтаксиса Достоевского и служат ярким экспликатором авторской субъективно-модальной оценки.

Необходимо отметить, что художественному тексту присуще семантическое сращение модальных значений. В романе «Братья Карамазовы» распространены случаи сочетания частных значений возможности и необходимости. Ср.: «Если не от мира сего, то, стало быть, и *не может быть* на земле ее (церкви. – Е. Т.) вовсе. В святом Евангелии слова «не от мира сего» не в том смысле употреблены. *Играть* такими словами *невозможно*. Господь наш Иисус Христос именно приходил установить церковь на земле. Царство небесное, разумеется, не от мира сего, а в небе, но в него входят не иначе как чрез церковь, которая основана и установлена на земле. А потому светские каламбуры в этом смысле *невозможны и недостойны*» (71); «- Но вы *не можете* же меня *считать* за девочку, за маленькую девочку, после моего письма с такою глупою шуткой!» (211). Как видно из приведенных примеров, наиболее продуктивным оказывается совмещенное значение «(не) иметь право + (не)

быть должным выполнить действие», обусловленное морально-этическим фактором.

Особого внимания заслуживают примеры, описывающие возможность и необходимость реализации одного и того же действия. Ср.: «Я имею к вам поручение: этот самый мой брат, этот Дмитрий, оскорбил и свою невесту, благороднейшую девушку, и которой вы, верно, слышали. Я *имею право вам открыть* про ее оскорбление, я даже *должен* так *сделать*, потому что она, узнав про вашу обиду и узнав все про ваше несчастное положение, поручила мне сейчас... давеча... снести вам это воспоминание от нее...» [240]; «- Это *возможно* и *должно!* – настойчиво и весь оживившись, начал Алеша; – Ему (Мите. – *Е. Т.*) вы очень нужны, именно теперь. Я не стал бы начинать об этом и вас преждевременно мучить, если б не необходимость» (869). Семантический переход от возможности к необходимости создает эффект постепенного усиления должностования, а также придают высказыванию повышенную эмоционально-экспрессивную окраску.

Функцию экспликаторов модальности необходимости могут также выполнять конструкции с формами повелительного наклонения Ср.: «Ему (Федору Павловичу. – *Е. Т.*) вспомнились его же собственные слова у старца: «Мне все так и кажется, когда я вхожу куда-нибудь, что я подлее всех и что меня все за шута принимают, – так вот *давай* же я и в самом деле *сыграю* шута, потому что вы все до единого глупее и подлее меня» (101); «Сокровеннейшее ощущение его (Федора Павловича. – *Е. Т.*) в этот миг можно было бы выразить такими словами: «Ведь уж теперь себя не реабилитируешь, так *давай-ка* я им еще *наплюю* до бесстыдства: не стыжусь, дескать, вас, да и только!» (101); «И *не понимай*, а оно так будет. Впредь и молчи. Так и вышло: они не ушли, а Федор Павлович назначил им жалованье, небольшое, и жалованье выплачивал» (108); «- Чего тебе грустно? Я вижу, тебе грустно... Хотя ты там и целуешься с мужиками и кричишь, а я что-то вижу. Нет, ты *веселись*, я весела и ты *веселись*...» (498); «- Э, молчи, Максимушка, не до смеху мне теперь, даже злость берет. На пирожки-то глаз не пяль, не дам, тебе вредно, и бальзамчику тоже не дам. Вот и с ним тоже *возись*; точно у меня дом богадельный, право, – рассмеялась она (Грушенька. – *Е. Т.*)» (645). Н. Ю. Шведова отмечает в данных случаях «оттенок вынужденности, внутренне отвергаемой предписанности «извне» [8, с. 111].

Таким образом, как видно из проведенного анализа, модальность необходимости в художественном тексте характеризуется широким разнообразием как в плане содержания, так и в плане выражения. Автор использует богатый спектр экспликаторов модальной семантики: конструкции с модальными модификаторами, формы изъявительного и повелительного наклонений, а также построения с двойным отрицанием. При этом важно отметить, что в романе они обогащаются за счет качественных и эмоциональных оценок. Существенной особенностью является сращение модальных значений возможности и необходимости, а также трансформация данных значений по принципу градации. Все вышеизложенное позволяет говорить о специфике реализации модальности необходимости в художественном тексте.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бахтин М. М.* Проблемы творчества Достоевского. Киев: Next, 1994.
2. *Ваулина С. С.* Оценочность и модальность: специфика межкатегорических отношений // *Оценки и ценности в современном научном познании*. Ч. 2. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2009. С. 3–10.
3. *Ваулина С. С.* Эволюция средств выражения модальности в русском языке (XI–XVII вв.): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1991.
4. *Гапонова Ю. В.* Средства выражения модальных значений возможности и необходимости в текстах печатной рекламы: дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2007.
5. *Гей Н. К.* Информативность художественного текста. М.: Наука, 1975.
6. *Лингвистический энциклопедический словарь*. М.: Советская Энциклопедия, 1990.
7. *Цейтлин С. Н.* Необходимость // *Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность*. Л.: Наука, 1990. С. 142–156.
8. *Шведова Н. Ю.* О долженствовательном наклонении // *Синтаксис и норма*. М.: Наука, 1974. С. 107–121.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее цитаты даются с указанием страниц в круглых скобках по изданию: Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. М.: Дрофа, 2003.

Г. Р. Фахарова (Казань)

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ДЕЕПРИЧАСТИЙ В ЦИКЛЕ РАССКАЗОВ И. А. БУНИНА «ТЕМНЫЕ АЛЛЕИ»

Выдающийся мастер слова, один из лучших стилистов XX века, талант которого сформировался в русле традиций классической литературы, Иван Алексеевич Бунин занял видное место в искусстве. Его «творчество продолжает вечную пушкинскую традицию и в своих чистых и строгих очертаниях дает образец благородства и чистоты» [1, с. 579]. Произведения И. А. Бунина отличаются необычайной обдуманностью, строгой красотой языка, выдержанным стилем. Книга «Темные аллеи» – вершинное произведение И. А. Бунина, вобравшее в себя все, о чем размышлял и писал автор ранее. Смысловой мир, присутствующий в книге «Темные аллеи» в виде набора идейно-эмоциональных ценностей, объединенных в оригинальную художественную концепцию мира, воплощается в определенной организации языкового материала.

Одной из наиболее характерных черт стиля И. А. Бунина является использование глаголов прошедшего времени совершенного и несовершенного вида, причастий и деепричастий. Наша статья посвящена анализу употребления деепричастий в цикле рассказов И. А. Бунина «Темные аллеи».

В своей статье мы придерживаемся наиболее традиционного взгляда на деепричастие как глагольную форму и берем за основу следующее определение: деепричастие – неличная неспрягаемая форма глагола, которая обозначает добавочное действие глагола-сказуемого или характеризует главное действие. Деепричастие совмещает в себе признаки глагола и наречия, то есть, с одной стороны, имеет грамматические категории вида и залога, бывает возвратным и невозвратным, переходным и непереходным и может иметь при себе зависимые слова, а с другой стороны – как и наречие, не имеет форм словоизменения, в предложении примыкает к глаголу.

«Деепричастия не имеют самостоятельного временного значения, т. е. не обозначают времени по отношению к моменту речи» [5, с. 151]. Они указывают на относительное время, передавая при этом:

1) значение одновременности (действие, выраженное деепричастием, совершается во время или параллельно действию глагола-сказуемого): *И вот, что-то думая, случайно поднимаю глаза и вижу: идет впереди меня скорым шагом очень стройная, изящная девушка в сером костюме, в серой, красиво изогнутой шляпке, с серым зонтиком в руке, обтянутой оливковой лайковой перчаткой (с. 519).* Глагол *поднимаю*, выражающий основное действие, и деепричастие *думая* со значением второстепенного действия, обозначают действия, которые происходят одновременно, т. е. оба относятся к настоящему времени.

Известно, что значение одновременности чаще всего передают деепричастия несовершенного вида. По справедливому замечанию В. В. Виноградова, «сама по себе форма деепричастия на –а, –я, от основ несовершенного вида, в сущности, не имеет своего времени, т. е. морфологически не выражает временных оттенков... В предложении же вневременность этой формы понимается как одновременность с глагольным действием» [3, с. 320].

В предложении *Он доходил до кормы, стоял на ней, глядя на расстилавшуюся и бегущую серой зыбью сзади парохода реку... (с. 422)* деепричастие несовершенного вида *глядя* обозначает добавочное действие, которое происходит одновременно с главным действием, выраженным глаголом *стоял* (ср.: *Стоял на ней и глядел на реку*).

2) значение предшествования (действие, названное деепричастием, происходит до начала главного действия и почти не зависит от него).

При обозначении действия, предшествующего главному, выраженному спрягаемой формой глагола, чаще всего используются деепричастия совершенного вида, например: *Через день, оставив службу, она переехала к нему (с. 466).* В приведенном предложении действие, выраженное деепричастием совершенного вида *оставив*, происходит раньше действия, выраженного глаголом *переехала*. При этом значение предшествующего действия поддерживается именно формой деепричастия совершенного вида.

Характерно, что деепричастные конструкции со значением предшествования обычно стоят впереди глагола – сказуемого, т. е. занимают препозицию по отношению к главному действию, например: *Оглянув все это, я услышал сзади себя сильный голос улана, с костью подходившего ко мне из прихожей (с. 493); Приехав домой на каникулы, я решил, что настало и для меня время быть как все <...> (с. 488).*

3) значение следования (действие, выраженное деепричастием, происходит после окончания главного действия).

Значение последующего действия обычно выражают деепричастия совершенного вида, указывая при этом на дополнительный оттенок следствия или результата глагольного действия: *Она родственно расцеловала его в щеки, он с притворной радостью **припал** к ее мягкой темной руке, быстро **подумав**: целых три дня врать вот так, а в свободное время не знать, что с собой делать!* (с. 410). В приведенном предложении деепричастная конструкция *быстро подумав* следует за глаголом *припал*, так как действие, выраженное деепричастием совершенного вида *подумав*, происходит после того, как совершено действие глагола.

Если деепричастные конструкции со значением предшествования логически занимают препозицию по отношению к глаголу-сказуемому, то деепричастные формы, выражающие значение следования, соответственно стоят после глагола, выражающего основное действие: *И села на пух, **взяв** левой рукой под локоть правую, высоко держа поднятую пипиросу, **положив** нога на ногу и **раскрыв** разрез капота* (с. 550).

Временная соотнесенность между сопровождающим и основным действиями в зависимости от лексического значения деепричастия и общего контекста может осложняться дополнительными значениями (причинными, условными, временными) [4, с. 198], например:

1) значение причины: *Мне пришло это в голову, когда я был еще мальчиком: увидел однажды в «Ниве» картинку, какую-то скалу и на ней Наполеона с его белым брюшком и лосинами, в черных коротких сапожках, и вдруг **засмеялся** от радости, **вспомнив** картинку в «Полярных путешествиях» Богданова <...>* (с. 554) / Ср.: ...и вдруг засмеялся от радости, потому что вспомнил картинку /;

2) значение времени: *Весной того года я кончил лицей и, **приехав** из Москвы, **просто поражен был**: точно солнце засияло вдруг в нашей прежде столь мертвой квартире* (с. 555) / Ср.: ...когда приехал из Москвы, **просто поражен был** /; ***Оставшись** одни, мы еще немного **побыли** в столовой* (с. 546) / Ср.: *когда остались одни, **побыли** в столовой* /;

3) значение условия: *Чем же я **буду жить**, **поссорившись** с ним?* (с. 483) / Ср.: *Чем же я **буду жить**, если **поссорюсь** с ним?*

Таким образом, отношения, выражаемые при помощи деепричастий, могут быть обозначены придаточными предложениями соответствующих значений или однородными сказуемыми.

Как видим, И. А. Бунин широко использует деепричастные конструкции в цикле рассказов «Темные аллеи». Деепричастия, выражая добавочное действие к действию, переданному глаголом-сказуемым, позволяют передать его различные качественные оттенки: одновременность, предшествование или следование действий в лаконичной и яркой форме.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айхенвальд Ю. Иван Бунин // И. Бунин. Избранная проза. – М.: АСТ Олимп, 1996. – С. 579–608.
2. Бунин И. А. Темные аллеи: Повести. Рассказы. – М.: Изд-во Эксмо, 2007. – 608 с.

3. *Виноградов В. В.* Русский язык / Грамматическое учение о слове/. – М.: Высшая школа, 1986. – 640 с.
4. *Лопатин В. В., Милославский И. Г. и др.* Современный русский язык: Теоретический курс. – М.: Русский язык, 1989. – 261 с.
5. *Шакирова Л. З.* Русский глагол: теория и практика / Л. З. Шакирова. – Казань: Магариф, 2007. – 160 с.

Е. А. Чистякова (Тверь)

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СЛОВО М. М. ЗОЩЕНКО В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Язык выдающихся мастеров слова всегда привлекал внимание лингвистов, поскольку «именно в слове воплощается мысль и чувство писателя, его восприятие и оценка мира». Известно, что наиболее полное представление о богатстве лексического материала того или иного автора может дать только словарь, аккумулирующий всю лексику художественных произведений.

Во второй половине XX в. авторская лексикография, предметом описания которой становится язык художников слова, оформляется как самостоятельный отдел общей лексикографии. Появились многочисленные теоретические работы, посвященные типологии писательских словарей, истории становления жанра, этапам в истории словарного описания языка писателя, разработке макро- и микроструктуры словаря.

В течение прошедшего столетия была создана целая серия словарей языка писателей. Среди них – «Словарь языка Пушкина», «Словарь поэтического языка Марины Цветаевой», «Словарь неологизмов Игоря Северянина», «Словарь языка Василия Шукшина», «Словарь языка русской поэзии» и др. Однако в отечественной писательской лексикографии представлены далеко не все мастера слова. Среди них – известный сатирик Михаил Михайлович Зощенко. Он заслуженно приобрёл любовь читателей своими рассказами, крупными прозаическими произведениями. Писатель довёл до совершенства манеру комического сказа, имевшего богатые традиции в русской литературе.

Писательские словари способствуют более глубокому и объективному изучению индивидуального стиля художника слова и его взаимодействия с национальным языком. Подходя к художественному тексту с лингвистических позиций, авторская лексикография занимает вследствие этого пограничное положение между литературоведением и лингвистикой и способна выполнять связующую роль между ними. Авторские словари имеют значение и для лингвистики как таковой, так как представляют собой источник для изучения истории языка, помогая увидеть язык в конкретном временном срезе.

Исследование языка писателя привлекает не только тем, что позволяет раскрыть и описать своеобразные лингвистические приемы, используемые автором, языковые «изыски», создающие неповторимый авторский стиль и свидетельствующие о мастерстве и оригинальности его создателя, но прежде всего возможностью заглянуть «за» язык, т. е. через слово писателя проникнуть в его миропонимание [1, с. 5].

Обращение к деятельности этого писателя не случайно. Исследователи-литературоведы отмечают самобытность сатирических рассказов М. М. Зощенко, заключающуюся не только в многообразии творческих приёмов, но и в особенностях языка.

Разнообразие и богатство лексики художественных произведений М. М. Зощенко приводит к мысли о создании серии лексикографических изданий, обеспечивающих разноаспектный анализ художественного слова писателя. Каждый такой проект реализует конкретную цель. Например, своеобразие функционирования структурных слов, которые не только служат средством грамматического оформления высказывания, но и участвуют в организации народно-разговорного фона произведений М. М. Зощенко, может найти отражение в словаре служебных слов. Полное лексикографическое описание имен собственных также целесообразнее осуществлять в отдельном томе словаря.

Возможность существования системы словарей предполагает формирование полного словника, в который будут включаться все лексемы, употребленные в текстах рассказов М. М. Зощенко, независимо от их значения, стилистической маркированности, употребительности, узуальности / незуальности.

Проблема формирования словника в современной лексикографии является актуальной, так как при подготовке любого словаря авторы вынуждены, прежде всего, определиться с составом словника [2, 3]. Поэтому, на наш взгляд, к определениям слов в словаре должны предъявляться следующие требования:

а) *Определение должно быть ясным.* Основным назначением словаря является облегчение трудностей, которые возникают при пользовании языком, а не создание таковых.

б) *В определении указываются лишь основные признаки означаемого.* Основными, сущностными следует признать такие признаки, которые определяют данное слово как члена данной системы, одновременно противопоставляя его остальным ее членам. Каждый признак позволяет вычленить существенный элемент значения слова. С лингвистической точки зрения, существенными элементами значения слова являются такие, сумма которых обеспечивает возможность функционирования слова в качестве коммуникативной единицы.

в) *При определении значения следует по возможности избегать тавтологии.* Наиболее типичным случаем тавтологического толкования является толкование при помощи цепочки синонимов. Процесс определения значения слова состоит в указании на его дифференциальные семантические признаки. Толкование же слова путем подбора синонимов предполагает приравнивание его как целостной единицы другой целостной единице, что (так как в языке очень мало абсолютных синонимов) часто бывает порочным [3].

Словарные статьи расположены в алфавитном порядке и имеют общий заголовок.

Словарная статья представляет собой описание одного отдельного слова (если это слово имеет только одно значение), или (если слово имеет несколько значений) описание отдельного значения, относящегося к данной лексической ветви; следовательно, разные значения многозначного слова в словаре располагаются в разных его разделах.

Словарная статья состоит из следующих зон:

1) Толкуемое словозначение.

Толкуемое слово дается в исходной форме – в форме именительного падежа единственного числа.

2) Грамматические и, в необходимых случаях, орфоэпические сведения.

Грамматические и орфоэпические характеристики даются по тем же правилам, которые приняты в современных русских толковых словарях: у всех склоняемых слов показываются флексии, указывающие на тип парадигмы, а также на варианты форм и индивидуальные случаи формоизменения, допускаемые современными языковыми нормами. Слово и его формы снабжены знаком акцента ('), который показывает правильное ударение.

3) Стилистическая и там, где это требуется, хронологическая помета.

Стилистическая и хронологическая пометы даются или перед толкуемым словом, если слово однозначное, или, если слово многозначное, вслед за толкованием значения. Система стилистических помет: книжное, высокое, народно-поэтическое, разговорное, просторечное, специальное, устарелое, старое, ласкательное, шутливое, ироническое, неодобрительное, пренебрежительное, уничижительное, презрительное, грубое, бранное.

4) Определение значения (дефиниция).

Определение значения слова является кратким, в его составе отсутствуют какие-либо энциклопедические сведения.

5) Иллюстративные речения.

Иллюстрация значения осуществляется при помощи цитат из рассказов М. М. Зощенко, показывающих как семантику слова, так и его семантическую и синтаксическую сочетаемость.

6) Ближайшее словообразовательное гнездо.

В словообразовательное гнездо включаются ближайшие производные слова, мотивированные данным словозначением; это такие отглагольные и отыменные слова, которые, образуясь от слова именно в данном его значении, облачают это значение в иную грамматическую – частеречную или словообразовательную – форму.

В целом словарная статья по своей структуре является простой и доступной для любого читателя, который привык пользоваться кратким толковым словарем среднего типа [4].

Для исследования возможностей изучения языка писателя с помощью лексикографических средств нами был выбран один фрагмент художественной картины мира, наименования человека в словаре языка М. М. Зощенко. Выбор данной темы определяется, прежде всего, спецификой произведений писателя. Все рассказы М. М. Зощенко о человеке, о тех или иных сторонах его жизни. Фрагмент «Человек является одним из доминантных в творчестве писателя, о чём свидетельствует лексическое богатство и частотное разнообразие слов с этим значением (*товарищ, мадам, кум, батюшка, братец, братишка, браток, друг, мамаша, милый, приказчик, свойственник, брат, братишка, деверь, дядя, жена, мать, муж, папа, племянник, супруга, сын, солдатка, вдова, вдовец, народ, кавалер, знакомый, приятель и др.*). На человека направлена сатира писателя. Герой рассказов М. М. Зощенко — обыватель, человек с убогой моралью и примитивным взглядом на жизнь. Писатель создал новый для русской литературы тип героя — советского человека, не получившего образования, не обладающего культурным багажом, но стремящегося стать полноправным участником жизни, сравняться с «остальным

человечеством». Речь этого обывателя наполнена разговорными и просторечными выражениями, канцеляризмами и речевыми штампами. Язык М. М. Зощенко — вызов искусственному, неестественному, игровому языку официоза, науки, культуры в целом. Много потребовалось писателю творческих сил, чтобы сделать этот язык художественным, экспрессивным и ярким. Искусно пользуясь им для своих рассказов и очерков, Зощенко не забывал никогда, что сам по себе этот язык глуповат и что из него можно извлекать без конца множество комических и живописных эффектов именно потому, что он так уродлив, нелеп и смешон. На каждой странице писатель готов отмечать вывихи его синтаксиса, опухли его словаря, демонстрируя с весёлым злорадством полную неспособность ненавидящего ему слоя людей пользоваться разумной человеческой речью [5, с. 166].

В ходе исследования наименования человека, использованные в рассказах М. М. Зощенко, были сгруппированы в лексико-семантические классы и их отдельные участки по значению слов.

Так как многие слова в русском языке являются многозначными, в разных значениях они могут входить в разные лексико-семантические классы. Например, слово «*братишка*» в значении «*малолетний брат (разг.), а также (прост.) вообще брат*» входит в группу собственно названий родства, свойства, породнения, а в значении: «*дружеское и фамильярное обращение к сверстнику или молодому мужчине в непринуждённой речи*» в группу фамильярных, дружеских, ласковых обращений.

В три разных класса входит слово «*дядя*»: в одном случае оно называет брата отца или матери, а также мужа тётки (класс собственного названий родства, свойства, породнения), в другом является фамильярным обращением к взрослому мужчине (класс обращений), в третьем употребляется в сочетании с именем собственным уважительно о простом молодом мужчине (класс названий лиц по физическому, физиологическому, психическому состоянию).

Кроме того, имеет значение индивидуальная сочетаемость слов, характеризующая язык М. М. Зощенко: иногда смысл высказывания может зависеть не только от значения и формы слова, используемого в качестве обращения, но и от тех слов, с которыми оно связано. Например, после Октябрьской революции в Советской России и Советском Союзе слово «*товарищ*» было общепринятым официальным обращением к мужчине, женщине (обычно перед фамилией, званием, должностью), а также обязательное обращение к члену коммунистической или дружественной партии; вообще упоминание о таком лице. В рассказах Зощенко это слово может сочетаться с официальными, нейтральными и выражающими положительную оценку прилагательными (*уважаемый, дорогой, милый, душевный*). Но, например, герой рассказа «На живца» по отношению к лицу, которое он только что назвал «товарищем», может употребить слово «*гадюка*», придающее официальному обращению негативную оценку. С помощью этих контекстуальных синонимов и создаётся ирония.

В качестве обращений могут использоваться фразеологические обороты. Например, в рассказе «Не надо иметь родственников» шутивно фамильярное обращение к собеседнику выражается с помощью фразеологизма *друг ситный*: «*Ну! — закричал Тимофей Васильевич. — Серёга! Ты ли это, друг ситный?*» Включение в словарь фразеологических единиц позволяет увидеть авторскую образность.

Наиболее многочисленные классы слов объединили в себе названия лиц по отношению родства, свойства, породнения; названия лиц по физическому, физиологическому, психическому состоянию, свойству, действию; обращения.

Наименования человека выполняют важную роль в построении языковой картины мира рассказов М. М. Зощенко, а их изучение и систематизация могут помочь в раскрытии смысла его произведений, понимании точки зрения автора.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бычкова Т. А.* Концепт «Жизнь-смерть» в идиолекте Михаила Зощенко: Дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2004.
2. *Черникова О. А.* Художественное слово Е. И. Носова в лексикографическом аспекте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2006.
3. http://www.rifmovnik.ru/ideog_book4.htm#1.
4. Русский семантический словарь / Под ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 1. 2002.
5. *Чуковский К. И.* Современники: Портреты и этюды. М., 1967.

А. С. Шыныбекова (Казахстан, Алматы)

О ПРАГМАТИКЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Лингвистическая прагматика, изучающая вопросы речевого общения в широком социальном контексте, сформировалась как отрасль языкознания в последней трети прошлого столетия в русле исследований «языка в действии», «языка в ситуации», в противовес традиционному системно-структурному подходу к анализу языковых явлений; главным ее постулатом является изучение фактов языка с позиции деятельности. Как отмечает Ч. Моррис, прагматика занимается использованием языка для воздействия на коммуникантов в процессе их общения [1]. Возникновение прагматики связано с изучением речевой деятельности, с анализом механизмов речи, с социальными аспектами речи. При этом в центре ее находится личность самого говорящего и то субъективное начало, которое каждый говорящий вносит в процесс коммуникации. Междисциплинарный характер исходных понятий лингвопрагматики обуславливает ее интерес при разработке проблемы «человек и язык» не только к лингвистическим, психолингвистическим и социолингвистическим, но и к социально-историческим, национально-культурным, этнографическим и др. факторам. Поскольку речевое общение состоит из цепочки речевых актов, одной из важнейших в лингвопрагматике считается теория речевых актов Дж. Остина, Дж. Серля и др., согласно которой речевой акт включает три составляющие: иллокуцию (цель) – локуцию (произнесение) – перлокуцию (результат) [2]. Если иллокуция – основное звено речевого акта, определяющее выбор отправителем речи вербальных и невербальных средств, то перлокуция – это то, ради чего коммуникация осуществляется, так как с помощью высказываний адресант воздействует на адресата, стремится к перлокутивному эффекту.

Как правило, минимальным контекстом для двустороннего акта речевой деятельности считается акт однократного обмена действиями, образующими «простую интеракцию», или интерактивный блок. Каждая из частей интерактивного блока представляет собой отдельный ход одного из участников общения, и этим ходом может быть как речевой поступок, так и неречевое действие. Это особенно важно в контексте драматического произведения.

Хотя прагматика и ее составная часть – теория речевых актов Дж. Остина и Р. Серля – возникли сначала применительно к «обыденному языку» и общению в процессе живой разговорной речи, исследования последних лет [1, с. 299] убедительно показывают плодотворность прагматического подхода и в исследовании художественного произведения. Тем более это применимо к анализу драмы, персонаж которой должен выступить как модель языковой личности, высказывания которой могут служить материалом лингвистического исследования [3, с. 198].

Прагматическая информация извлекается из языковой материи, ее содержательная интерпретация – из внеязыковых факторов, а именно – из социокультурного контекста. При этом следует учитывать динамический характер коммуникации, когда каждая последующая реплика – ответная реакция адресата – может лишь предполагаться и поэтому может фактически быть признана непредсказуемой (вспомним случаи, когда отправитель речи иной раз спонтанно озвучивает то, что вообще не намеревался говорить).

Основной единицей прагматики является *прагмема*, которая по характеру оценочного значения может быть эмоционально-оценочной либо социально-оценочной. Анализ коммуникативно-прагматической ситуации включает в себя анализ внешних условий общения: обстановки и места коммуникации (которые в пьесе обычно даются в экспозиции или в авторских ремарках, иногда в озвученной внутренней речи персонажа, так называемой речи “в сторону”), предмета и цели речи, социальной, этнической и индивидуальной характеристики участников речевого общения; ролевых и личностных отношений между коммуникантами. *Ролевые отношения* – родовой термин по отношению к понятиям: речевое поведение, ролевые ожидания, фактор взаимопонимания. *Речевое поведение* рассматривается на фоне более общей социальной системы с позиции его социальных детерминантов. *Речевое общение* состоит из *социального взаимодействия*, направленного на регуляцию и координацию совместной деятельности коммуникантов, и *речевой коммуникации*. В процессе речевого общения коммуниканты выступают одновременно и как носители социальных ролей, и как индивидуумы. Каждый член социума, осваивая в процессе социологизации культуру общества, для осуществления успешной коммуникации овладевает языковыми нормами, речевым этикетом, принятыми в данном социуме.

Реализуется прагматическое содержание (в том числе и художественного произведения) при помощи собственно языковых средств – семантических и синтаксических, а также – невербальных средств, какими являются жест, мимика, поза и др., описываемые в пьесе с помощью авторских ремарок. В этом плане художественный текст представляет собой образец макрокоммуникативного акта, чья *прагматическая заряженность* считается одним из *органических признаков*, связанных с другими – гносеологическими, микролингвистическими, психологическими – его свойствами. Экстралингвистическими факторами, детерми-

нирующими выбор языковых средств в художественном тексте, являются цель, тема, социальный статус отправителя и адресата текста, канал связи. Если в середине 70-х годов XX-го века признание художественного произведения речевой коммуникацией еще вызывало сомнение и споры, о чем свидетельствует высказывание известного литературоведа М. Б. Храпченко: «в центре острых споров ... находится сейчас вопрос о коммуникативных свойствах литературы и искусства, их внутренней природы, о возможностях восприятия эстетических ценностей широкой аудиторией» [4, с. 5], то в начале XXI века художественный текст уже бесспорно признается художественной / литературной коммуникацией, предметом которой считается «отражение реального мира в идеальном мире эстетической действительности, как фрагмент действительности, пропущенный через «Я» субъекта речи и адресованный получателю информации» [5, с. 88].

Говоря о коммуникативно-прагматическом аспекте художественного текста, необходимо учитывать то, что целью художественного произведения всегда является не только передача конкретной информации, но и воздействие на мысли, чувства, эмоции адресата. Коммуникативно-прагматический аспект требует внимания как к собственно коммуникативным, так и к прагматическим компонентам языковых и речевых явлений. Важно указать на то, что коммуникативный аспект относится к общению в целом, а прагматический связан с говорящим лицом, его адресатом, с ситуацией общения, выбором и контекстом употребления соответствующих единиц, с социальными разрешениями и запретами на те или иные речевые действия. При этом отмечается, что коммуникативный подход вскрывает свойства языковых единиц, которые проявляются в общении, то есть в коммуникативных взаимодействиях партнеров в процессе обмена мыслями (и чувствами) для решения жизненно важных задач. Здесь актуализируются интернациональные, социальные и другие сугубо коммуникативные смыслы. Прагматический подход предполагает учет значимого компонента языковых единиц, который связан в первую очередь с индивидом, использующим язык как орудие общения и делающим свой выбор с учетом ситуации общения, а также социальных признаков адресата.

Прагматика представляет собой аспект речевой деятельности, связанный с сознательным, целенаправленным выбором языковых средств для наиболее эффективного воздействия на собеседника с целью вызвать у него определенные мысли, чувства, поведение; прагматика обнаруживает себя также в намерении самовыражения говорящего, стремлении наилучшим образом выразить, либо скрыть, завуалировать свои собственные мысли, чувства, побуждения, в чем также отражается цель говорящего воздействовать на собеседника. Прагматика представляет собой тот участок лингвистической теории, который широко, настойчиво и последовательно эксплицирует коммуникативную сторону языкового функционирования и употребления. Итак, можно сказать, что прагматика занимается интерпретацией предложения или высказывания в обогащенном контексте, который включает в себя предшествующий связный текст, убеждения и ожидания участников коммуникации, их взаимоотношения, взаимные обязательства, совокупность имеющихся знаний и т. п.

Выдвинув в качестве объединяющего принцип употребления языка говорящими в коммуникативных ситуациях и прагматической компе-

тенции говорящих, прагматика охватывает многие проблемы, имеющие длительную историю изучения в рамках риторики и стилистики, коммуникативного синтаксиса, теории и типологии речи и речевой деятельности, теории коммуникации и функциональных стилей, социолингвистики, психолингвистики, теории дискурса и др., с которыми прагматика имеет обширные области пересечения исследовательских интересов. В данной связи Н. Д. Арутюнова и Е. В. Падучева пишут, что «увлечение прагматикой неслучайно наступило после периода интенсивной разработки вопросов семантики, приведшей к гипертрофии семантического анализа. Исследовательская практика выдвигала задачу разгрузки описания значения слов и высказываний. Было необходимо освободить его от контекстно обусловленных частей смысла, упорядочить эти последние, подводя их под действие немногих правил. Семантика начала прорастать прагматикой, а потом и уступать ей некоторые свои позиции» [6, с. 6].

Чарльз Моррис, который ввел в научный обиход термин «прагматика» и определял его как исследование «образования, использования и воздействия знаков», разделил семиотику на семантику – учение об отношении знаков к объектам действительности, синтактику – учение об отношении знаков, и прагматику – учение об отношении знаков к их интерпретаторам, то есть к тем, кто пользуется знаковыми системами. Таким образом, прагматика сосредотачивает свое внимание на отношении человека к языковым знакам, зафиксированным в языке, а также на выборе наиболее уместных единиц для производства высказываний текстов, с помощью которых адресат в речевых действиях достигает поставленных целей. Данное трехчастное деление поддержал Р. Карнап, который писал: «Если в исследовании делается эксплицитная ссылка на говорящего или, в более общих терминах, на человека, пользующегося языком, то это относится к области прагматики. . . Если мы отвлечемся от тех, кто пользуется языком, и анализирует только выражения и их десигнаты, то мы в сфере семантики, и наконец, если мы отвлекаемся от десигнатов и используем только отношения между выражениями, то мы в сфере (логического) синтаксиса» [7].

На протяжении долгого времени моррисовское трехчастное членение фигурировало только в общих руководствах по семиотике и энциклопедических справочниках, а в дескриптивных описаниях конкретных знаковых систем, в частности, естественных языков, в общем почти не применялось. Имели место попытки пересмотра концепции знаков Ф. де Соссюра на основе деления Ч. Морриса – в частности, предлагалось считать знак не двусторонней, а четырехсторонней сущностью – то есть включать в (естественно-языковой) знак его «синтактику» (сведения о нестандартной, то есть семантически необусловленной, сочетаемости знаков) и «прагматику» (стилевые указания, смысловые и эмоциональные коннотации и т. п.).

Определяющим для прагматических исследований стало сокращение расстояния между языком и жизнью. Отношения жизни и языка получили не однонаправленное, а взаимное осмысление. Дистанция, отделяющая язык от жизни, сократилась, а речевая деятельность стала рассматриваться как одна из форм жизни. Было вновь и заново осознано, что не только язык рисует эскиз мира, но и жизнь дает ключ к пониманию многих явлений языка речи. Желание принять за отправной пункт своих исследований явления и понятия обыденной жизни настолько сблизил усилия занятых анализом языка философов, логистов и лингвистов, что

современная прагматика может считаться полем их совместной деятельности [6, с. 5]. В задачи прагматики в последнее время стали включать исследования общих принципов интерпретации речевых актов, в частности, проблемы интерпретации намерений говорящего, обнаруживаемыми за значением языковых выражений. Таким образом, теория речевых актов является в настоящее время наиболее популярным предметом обсуждения в прагматическом конспекте. Теория речевых актов исходит из того, что основной единицей коммуникации является не предложение или какое-либо другое языковое выражение, а выполнение определенного рода действия, такого, например, как утверждение, просьба, вопрос, приказание, извинение. Однако само действие, сам речевой акт не следует смешивать с предложением или языковыми выражениями, произносимыми при выполнении этого акта.

При исследовании языковой деятельности (функционировании языка) и речевых актов в прагматике ставятся иные проблемы, связанные с влиянием речи на слушающего, с ее непосредственным эффектом и ответственностью в данное время и в данной ситуации. В говорящем интересует в основном лишь то, адекватно или нет выбрал он языковые средства для достижения поставленной цели и какие стратегии им использованы, соблюдены ли им условия истинности и т. п., отсюда внимание к принципам коммуникативного сотрудничества и к тем выводам, которые слушающий может извлечь из сказанного [8, с. 15].

Различные типы речевых актов, вслед за Д. Остином, называют иллокутивными аспектами, противопоставляя их перлокутивному акту, под которым понимают то воздействие, которое данное высказывание оказывает на адресата. При этом имеется в виду не сам факт понимания адресатом смысла высказывания, а те изменения в состоянии или поведении адресата, которые и являются результатом данного понимания. Однако в теории речевых актов специально подчеркивается, что иллокутивный акт, представляющий собой собственно речевой акт, следует четко отграничивать от перлокутивного акта, который может и не быть достигнут при помощи языковых средств.

Теория речевых актов получила развитие в трудах Г. П. Грайса, разработавшего механизмы речевого имплицированы. По Г. П. Грайсу, информация, передаваемая в речевом акте, делится на две части: 1) на то, что действительно говорится, и 2) на то, что сказано. Для всей остальной части информации, которая может быть извлечена слушающим из конкретного высказывания, Грайс предложил термин «импликатура», чтобы не смешивать соответствующее явление с импликацией в логическом смысле. Импликатура, в отличие от логической операции, представляет собой результат вывода, который получатель сообщения делает из имеющегося в тексте (эксплицитного) антецедента. Импликатуры делятся на две разновидности – конвенциональные и не конвенциональные, в частности, «импликатура общения», или «импликатуры дискурса». Конвенциональные импликатуры включают все те не связанные с условиями истинности аспекты информации, которые передаются высказыванием только в силу значения содержащихся в нем слов и форм. Таким образом, конвенциональные импликатуры тесно связаны с тем, что говорится в предложении, и мало отличаются от пресуппозиций. Неконвенциональные импликатуры, напротив, связаны с лингвистическими содержанием косвенным образом. Они выводятся из содержания предложения и обязаны своим существованием тому факту, что участники речевого акта

связаны общей целью коммуникативного сотрудничества. Принцип Сотрудничества предполагает, что адресат должен следовать определенным правилам в порождении текста, ориентируясь на реципиента, и тем самым обеспечить ему благоприятные условия для понимания текста [9, с. 217-236].

Строя текст определенного коммуникативно-прагматического типа, адресант оценивает соответствие адресату, уместность данного типа текста в общении, а также ожидание по поводу эффекта своего коммуникативного действия, то есть возможных ответных действий слушателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Моррис Ч.* Основания теории знаков // Семиотика / Под общ. ред. Ю. С. Степанова. – М., 1983.
2. *Остин Дж.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. – М., 1986.
3. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. – М., 1987.
4. *Храпченко М. Б.* Художественное творчество, действительность, человек. – М.: Советский писатель, 1976.
5. *Сусов И. П.* Коммуникативно-прагматическая лингвистика и ее единицы. // Прагматика и семантика синтаксических единиц. Сб. науч. тр. Калининского ГУ. – Калинин, 1984.
6. *Арутюнова Н. Д., Падучева Е. В.* Истоки, проблемы и категории прагматики. // НЗЛ. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. С. 3–42.
7. *Булыгина Т. В.* О границах и содержании прагматики // Известия академии наук СССР. Серия «Литература и язык». – 1981. – № 4.
8. *Кубрякова Е. С.* Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века (под ред. Ю. С. Степанова). – М.: Ин-т языкознания РАН, 1995. – С. 144–238.
9. *Грайс Г. П.* Логика и речевое общение // НЗЛ. Вып. XVI. – М., 1985.

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В ШКОЛЕ И ВУЗЕ

С. Н. Бабий, И. Л. Попова (Тверь)

ИЗ ОПЫТА СОЗДАНИЯ СИСТЕМЫ ТВОРЧЕСКИХ ЗАДАНИЙ ДЛЯ ПОДГОТОВКИ К ЕГЭ

Написание сочинения-рассуждения, предусмотренного заданием части С ЕГЭ по русскому языку, предполагает проверку способности выпускника школы связно и грамотно излагать свои мысли на предложенную тему, аргументировать собственную точку зрения, привлекая сведения из художественной литературы, культуры, различных областей знания, личного опыта. Это задание считается достаточно сложным, поэтому подготовка к нему требует времени и достаточных усилий со стороны педагога. В помощь учителю-словеснику и готовящемуся к экзамену школьнику издано большое количество пособий. Однако много – не значит хорошо и качественно. Основным недостатком имеющихся изданий является отсутствие творческого начала. Пособия предлагают готовую схему сочинения-рассуждения, которая легко и практически бездумно заполняется фактическим материалом на основе предложенного текста. Острая, важная, серьезная, актуальная и даже животрепещущая проблема в тексте автором может быть поставлена, изложена, рассмотрена, затронута, поднята, сформулирована и проанализирована. Позиция автора излагается обязательно в четырех предложениях (он считает, полагает, думает и на что-то необыкновенно важное обращает внимание читателя). Сочинения, написанные, как под копирку, в соответствии с этими рекомендациями, лишены индивидуальности, неинтересны и примитивны. В связи с этим необходимо создать систему творческих заданий, направленных на работу со всем текстом и одновременно с отдельным словом, что позволит учащимся проявить творческую индивидуальность.

Работа с любым текстом начинается, конечно, с чтения. И уже на этом этапе можно разбудить творческую мысль ребёнка, предложив не просто прочитать текст, а применить при этом два разноплановых алгоритма чтения – интегральный и дифференциальный. Первый даст возможность выделить основные структурные компоненты текста и представить их в зрительном образе, что значительно облегчает восприятие текста. С помощью второго алгоритма через выделение и анализ ключевых слов можно сформулировать доминанту текста – основной его смысл. Правильное выполнение этого задания позволяет наиболее точно определить проблематику предложенного для анализа произведения, что является одной из основных задач при написании эссе.

Следующий этап предполагает работу непосредственно над структурой и содержанием сочинения. Здесь неоценимую помощь может оказать обращение к классическому образцу речи-рассуждения – хрии. Первое задание – сформулировать тезис, в котором прямо выражена идея рассуждения и справедливость которого будет доказываться. Выявлен-

ная посредством применения алгоритмов чтения проблематика текста позволяет назвать ключевые понятия, которые преобразуются в суждения (тезисы) через один из возможных заключенных в них вопросов. Понятие может быть выражено одним словом или словосочетанием, а тезис – это уже грамматически оформленное предложение. Так, понятие *Погода в Твери* через возможный вопрос *Какая сегодня погода в Твери?* трансформируется в тезис – **Сегодня в Твери хорошая погода**. Можно усложнить задание, предложив преобразовать одно понятие в максимально возможное количество тезисов. Второе задание предполагает создание доказательной базы к конкретному тезису: используя дедуктивную (от общей мысли к частным) или индуктивную (от частных мыслей к общей) форму доказывания с тремя аргументами, обосновать тезис. ***Сегодня в Твери хорошая погода: тепло, ярко светит солнце, нет ветра.***

В третьем задании предлагается к заданному тезису составить строгую восьмичастную хрию, включающую приступ, парафразис (разъяснение темы), причину (доказательство тезиса), противное, подобие, пример, свидетельство, заключение (вывод). Работа над хрией, несмотря на её строгую структуру, даёт возможность творчески подойти к подбору и расположению материала при выстраивании доказательства. В начале работы над составлением хрии в качестве тезиса используются афоризмы, пословицы и поговорки, крылатые фразы.

Отрабатывая структуру и содержание сочинения-рассуждения, ни в коем случае нельзя оставить без внимания значение слова, дабы исключить возможные логические и лексические ошибки. При этом особое место отводится проблеме выбора слова, то есть уместному использованию слова в контексте с точки зрения его семантики, стилистической окраски и стилевой принадлежности. Работа над словом предполагает мотивированное использование конкретного синонима из синонимического ряда, антонима – из антонимической пары, термина, жаргонизма, фразеологизма и других лексических средств. Несовпадение конкретной лексической единицы определенному отрезку речи приводит к стилистической ошибке. На лексико-семантическом уровне неправильный выбор слова связан с незнанием основного лексического значения слова; с неправильным использованием слова в переносном значении, т. е. немотивированной метафорой или метонимией или нарушением метафорической цепочки; со смешением паронимов. На стилистическом уровне неправильный выбор слова – это употребление стилистически маркированного слова в иностилевом отрезке речи. Эта проблема тесно переплетается с выбором уместного по семантике, экспрессивно-стилистической окраске и функционально-стилевой принадлежности синонима из существующего в языке синонимического ряда.

Употребление слова в соответствии с присущим ему в литературном языке значением – важнейшее условие правильной речи. Для этого необходимо знать все значения многозначного слова и употреблять его так, чтобы в условиях контекста слово стало однозначным. В том случае, когда контекст не проясняет одно из значений многозначного слова и возникает двусмысленность, многозначность является стилистической ошибкой, так как затрудняет восприятие текста. У многозначного слова есть прямое и переносное значения. Значение прямое является основным, не обусловлено контекстом и, как правило, стилистически нейтрально (вода льется). Переносное значение вторично, зависит от кон-

текста и стилистически окрашено (слова льются). Развитие многозначности обычно происходит на основе сходства или смежности обозначаемых данным словом предметов или явлений, поэтому различают метафорические и метонимические типы переносных значений слова. Умение определять тип переносного значения необходимо для выделения используемых автором средств выразительности и в задании В-8. Так как для написания части С предлагаются публицистические тексты, целесообразно использовать в упражнениях материалы современных средств массовой информации.

Для работы над переносными значениями слова предлагаются следующие задания.

1. Найдите в приведенных ниже названиях рубрик и полос некоторых газет слова, употребленные в переносном значении, и охарактеризуйте их (тип, сходства, степень образности, степень распространенности в языке). Какую функцию они выполняют? К каким приемам использования метафор и метонимии прибегают авторы?

«**Чужой карман**» (рубрика, в которой печатается информация о доходах знаменитостей); «**Афиша**» (название полосы, где даются материалы о выставках, художественных фильмах, спектаклях и т. д.); «**Голоса**» (рубрика, где печатаются письма читателей, отклики на публикации); «**Планы на вечер**» (рубрика, где публикуется информация о работе ночных клубов, о репертуаре концертных залов, кинотеатров); «**Доска объявлений**» (название полосы сообщений о вакансиях в различных организациях, о приеме в вузы, реклама предлагаемых услуг); «**Урна**» (название рубрики, где дается информация о подготовке к выборам).

2. Выпишите из газет (журналов) по 5 заголовков, в которых употреблены слова в переносном значении. Соотнесите содержание материала с заголовком и объясните, какую функцию выполняют эти метафоры на газетной полосе.

3. Ниже приведены названия фирм, рекламные тексты, газетные заголовки, в которых использованы слова в переносном значении. Оцените употребление этих многозначных слов; понятны ли они, соответствуют ли они тому, что ими названо. Всегда ли учитываются оценочные свойства слов в переносном значении? Перечислите типичные ошибки, которые связаны с употреблением многозначных слов в современной речи.

«**Обжора**» (название сети палаток, в которых торгуют пончиками, пышками и т. д.); «**Три толстяка**» (название магазинов, в которых торгуют одеждой больших размеров); «**Москва. Траурный фейерверк**» (заголовок к материалу о взрыве жилых домов в Москве осенью 1999); «**В Крыму уже сажают**» (заголовок информации о начале весенних сельскохозяйственных работ); «**Бюро ритуальных услуг «Улыбка»**» (вывеска).

4. Составьте рассказ, в котором многозначное слово использовалось бы в разных значениях (**тонкий, высокий, точка, пилить, гореть**).

5. Устраните ошибки, связанные с употреблением слов без учета их семантики в контексте и с неточным словоупотреблением: а) *Один поступок Чацкого привел меня в неясность.* б) *Сейчас многие писатели пристально занимаются политикой.* в) *Зарисовки также помогают читателю лучше понять текст.* г) *Это своенравное объяснение.* д) «*Гранатовый браслет*» – одно из самых подтверждающих произведений Куприна.

6. Укажите, в каких примерах ошибка связана с непониманием значения слова, в каких – с неправомерным расширением или сужением его значения: а) *Бунин затрагивает темы бытия чиновников, учителей, обедневших дворян.* б) *Любовь поэта к Родине часто возрождает его от упаднических настроений.* в) *Перед началом учебы обратно прочел рассказы А. П. Чехова.*

7. Найдите и исправьте ошибки в употреблении слов с отвлеченным и конкретным значением: а) *Керн в мышлении Пушкина осталась всего лишь мимолетным видением.* б) *В парке стоит архитектура.* в) *Почти все изделия безымянные, только немногие имеют авторство.*

8. Назовите причины возникновения двусмысленности в следующих предложениях. Укажите, в каких случаях двусмысленность может выступать как средство выразительности: а) *Здоровье и уход день за днем (плакат в поликлинике)* б) *Оставьте свои мысли!* в) *Слушайте радио – оставшее видимость (из рекламы).* в) *Остаться одному невозможно.* г) *Как трудно быть одинокой!*

Это далеко не полный перечень упражнений и заданий, которые могут быть использованы при работе над лексическим значением слова. Нашей целью является создание системы разноплановых творческих заданий, которые могут быть использованы не только при подготовке к написанию части С, но и заданий части А и В.

А. Я. Белых, С. В. Кулиш, Г. В. Комарова (Донецк, Украина)

АКТИВНОСТЬ И АКТИВИЗАЦИЯ КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ

Вопросы активизации учебного процесса, исследование которых является целью данной статьи, всегда считались одними из ведущих в методике преподавания любого иностранного языка. Мы исходим из положения, что проблема активизации обучения иностранным языкам может быть решена с помощью новых технологий, методик, проектов. В соответствии с поставленной целью определены задачи:

- уточнить сущность педагогических категорий «активность» и «активизация»;

- определить критерии активизации учебного процесса;

- обосновать свою методику оптимизации процесса обучения, а именно: проект «Театр – творческая мастерская»;

- выявить «положительные эффекты» данного проекта для развития речевых коммуникативных умений и навыков студентов, их творческих способностей и, в конечном итоге, для активизации процесса обучения иностранному языку, в нашем случае – русскому как иностранному.

В методической литературе процесс обучения определяется как «процесс активного целенаправленного взаимодействия между обучающим и обучаемым, в результате которого у обучающегося формируются определенные знания, умения, навыки, опыт деятельности и поведения, а также личностные качества». Движущей силой процесса обучения являются «противоречия между возникающими у обучающихся потребностями в усвоении необходимых знаний и опыта для решения новых

учебных задач и реальными возможностями удовлетворения этих потребностей». Именно поэтому вопросы активизации обучения студентов относятся к числу наиболее актуальных проблем современной методики, т. е. возникает потребность в построении такой дидактической концепции, которая с учетом новых требований к обучению раскрывала бы сущность одного из главных принципов обучения – *принципа активности* и форм его реализации.

Для рассмотрения сущности принципа активности обучения и его взаимосвязи с другими принципами дидактики необходимо ответить на вопрос: что вкладывается в понятия «познавательная активность» и «активизация обучения».

В современных исследованиях различают активность внутреннюю (мыслительную) и внешнюю (моторную). В учебном процессе присутствуют оба вида активности, но доминирует мыслительная. Кроме того, выделяют также два уровня познавательной активности: репродуктивную и творческую, которые в реальной действительности невозможно разделить. Речь может идти только о доминировании одного из уровней активности.

Понимание сущности познавательной активности включает в себя: *отношение* студента к процессу обучения, которое проявляется в интересе к содержанию усваиваемых знаний и самому процессу деятельности; *стремление* понять сущность данных явлений; *мобилизацию* всех усилий на достижение учебных целей, т. е. познавательная активность рассматривается как *качество* учебной деятельности студентов и направлена на улучшение процесса усвоения знаний, на формирование самостоятельности как качества личности.

Необходимо также определить содержание и второй составляющей – «активизация обучения». В отечественной литературе имеется немало работ, в которых в той или иной степени рассматривались вопросы активизации обучения. Психологические аспекты проблемы освещались в работах Б. Г. Ананьева, Л. С. Выготского, П. В. Кудрявцева, Э. Э. Самарина и многих других ученых. Значительный вклад в раскрытие проблемы внесли Ю. К. Баданский, И. Т. Огородников, И. Ф. Харламов и другие. Исследованию этой проблемы уделяется большое внимание и педагогами зарубежных стран, такими, как Клемен, Надь, Фекете. Активизация обучения – «это процесс, направленный на усиленную деятельность учителя и учащихся, на побуждение к энергичному целенаправленному осуществлению целей обучения, на преодоление инерции, пассивных и стереотипных форм преподавания и учения». Активизация познавательной деятельности – это не только процесс управления активностью обучаемых, но и процесс активизации своей деятельности самим обучаемым.

Саморегуляция активной деятельности зависит от деятельностной позиции учащегося в учебном процессе. Это происходит в ситуациях, побуждающих его к самостоятельным решениям и действиям, к свободному выбору заданий, к творческой деятельности. А для этого требуются следующие умения и навыки: отстаивать свое мнение, задавать вопросы, выяснять непонятное; рецензировать ответы, творческие работы товарищей; давать советы; выполнять задания-максимум, креативные задания, рассчитанные на поиск и обработку дополнительной информации; участвовать в деятельности, включающей в процесс обучения элементы игры и т. д.

Активизация учебно-познавательной деятельности базируется на следующих основных принципах:

- 1) отказ от авторитарного стиля преподавания;
- 2) ориентация на личностные качества обучающихся;
- 3) единство деятельности преподавателя и учащегося;
- 4) совершенствование технологии обучения, а именно: отход от монолога как традиционной формы учебной деятельности и развитие такой формы обучения, как полилог (общение, беседа, обсуждение);
- 5) понимание иноязычной коммуникации не только как умения облекать информацию в структуру и формы иностранного языка, но и как побуждение партнера к какому-то действию речевого и неречевого порядка, а также как способ реализации самовыражения говорящего.

А критериями такой деятельности, на наш взгляд, могут быть следующие положения:

- достижение таких результатов обучения, которые соответствуют поставленным целям и реальным учебным возможностям всех обучаемых;
- соблюдение нормативов затрат времени преподавателя и учащихся на аудиторную и самостоятельную работу;
- учет закономерностей, принципов обучения, современных форм и методов преподавания;
- формирование устойчивых навыков, образцов, моделей поисково-творческой деятельности;
- реализация познавательного интереса в учебно-профессиональной деятельности обучающихся;
- потенциал мировоззренческих, нравственных, эстетических качеств учащихся.

Итак, главная цель активизации поисково-творческой деятельности – это формирование активности самого обучаемого. И существует множество путей, форм «активизации активности» аудиторной (проблемные творческие задания, ролевые, деловые игры и т. д.) и внеаудиторной (олимпиада, КВН, научно-исследовательская деятельность студентов и т. д.) работы студентов. В области психологии теории и методики обучения за последние годы сделан ряд открытий, выдвинуты гипотезы, меняющие традиционные представления о методах, формах и средствах активизации учебного процесса в высшей школе. И роль преподавателя заключается в умении выбрать «оптимальный набор методов, форм обучения», обеспечивающих эффективность учебного процесса. При этом нужно помнить, что обучение студентов общению на иностранном языке не может быть успешным без внеаудиторной работы. Опираясь на интересный, на наш взгляд, «метод проектов», разработанный американским ученым Дж. Дьюном с целью ориентирования обучения на «целесообразную деятельность учащихся с учётом их личных интересов», преподаватели Донецкого национального университета разработали свой проект «Театр – творческая мастерская», представляющий собой инновационную форму внеаудиторной деятельности студентов, в пространстве которой формируется личность с мышлением нового типа и студенты из безликой массы превращаются в сообщество, где каждый участник чувствует себя личностью и пытается проявить себя, войти в «Я – роль». Структурно-композиционно проект «Театр – творческая мастерская» состоит из следующих этапов:

- определение цели (этап *выработки проектного мышления* у преподавателя и студентов);
- разработка путей, форм выполнения проекта – сценарий, декорации, костюмы (этап *согласованной деятельности* преподавателя и студентов);
- работа над сценарием (этап *определения своих возможностей*, способностей);
- работа над проектом – постановка спектакля (этап *реализации своих способностей*);
- участие в конкурсах, международных фестивалях, выступление на Дне факультета (этап *сопутствующей удачи*);
- обсуждение результатов деятельности – оформление фотостенда (этап *ощущения величия души*).

Цель данного проекта – активизация процесса обучения иностранному языку (русскому как иностранному), раскрытие интеллектуального и креативного потенциала личности и, в конечном итоге, саморазвитие. Не «знания о языке», «речевые упражнения», оторванные от речевой ситуации образцы учебной речи, не текст на иностранном языке, а информация, заключенная в нем, становится объектом воспроизведения. Пространство «лицом к лицу» позволяет восполнить такой недостающий компонент речевой деятельности, как эмотивность. Общение принимает «естественный характер», понимание становится полным, а у студентов появляется «чувство» иностранного языка. Кроме того, в результате самостоятельной творческой активности (индивидуальной, групповой) студенты сами создают конечный продукт в виде спектакля, т. е. они становятся подлинными субъектами творческой активной деятельности, а пьеса выступает в роли средства и материала их самостоятельной работы. Не менее важным представляется развитие навыков межличностного взаимодействия, что помогает понять свои психологические проблемы, освоить навыки поддержки, повысить уровень «психологической защиты», увеличить степень мотивации «учиться», «познать себя», «творить добро», «обучать душу». Театральная деятельность, ее энергетический потенциал дают мощный заряд силы, активизируют стремление постоянно совершенствоваться, способствуют повышению степени свободы. И в результате студенты приходят к пониманию того, что театр не идеальное понятие, не абстрактная идея – это и есть сама жизнь.

Таким образом, проект «Театр – творческая мастерская», который функционирует в Донецком национальном университете уже 6 лет, является идеальной, на наш взгляд, формой организации творческой, интеллектуально активной деятельности студентов, психолого-дидактическим направлением работы с конкретной личностью, её сильными и слабыми сторонами, индивидуальными способностями. Такой методический прием способствует быстрому включению обучаемого в реальный процесс коммуникации на иностранном языке, ускорению его адаптации к новой языковой среде; помогает активизировать процесс обучения, усиливает эффект гуманизации и персонификации образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Активные методы обучения в акмеологии: – Сборник научных трудов / Отв. Ред. Р. Ф. Жуков. – СПб.: СПбГИЭА, 1996. – 116 с.

2. Балл Г. А. Теория учебных задач: психолого-педагогический аспект / Г. А. Балл. – М.: Педагогика, 1990. – 184 с.
3. Капитонова Т. И. Методы и технологии обучения русскому языку как иностранному / Т. И. Капитонова, Л. В. Московкин, А. Н. Щукин; под ред. А. Н. Щукина. – М.: Русский язык. – Курсы, 2008. – 312 с.
4. Кочетурова Н. А. Метод проектов в обучении языку: теория и практика: [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iilt.edu.nstu.ru/article4.php>
5. Скоробогатова Г. Г. Технология педагогической мастерской – образовательная технология саморазвития личности / Г. Г. Скоробогатова // Педагогические технологии. – 2007. – № 1. – С. 97–102.
6. Сони́на О. В. Учебно-деловая игра как средство активизации учебно-познавательной деятельности (на примере изучения естественнонаучных дисциплин): Дис. ... канд. пед. наук: 13. 00. 08: Челябинск, 2005. – 185 с.

В. В. Волков (Тверь)

КУРС «ИДЕОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РУСИСТИКИ» В КОНТЕКСТЕ ИННОВАЦИОННОЙ ПОДГОТОВКИ ФИЛОЛОГОВ-ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ

Как правило, школьным учителям известна лишь одна модель грамматического описания системы языка [1], – именно та, что представлена в школьных учебниках и в более развернутом виде – в вузовском нормативном курсе. Это грамматика «от формы к смыслу», то есть **структурно-семасиологическая** грамматика. Грамматика «от смысла к форме», то есть грамматика **идеографическая, функциональная**, – учителям неизвестна.

Дело, однако, не столько в том, что современному учителю необходимо иметь представление о грамматических описаниях, альтернативных традиционному, сколько в том, что, не имея представления об «альтернативных» грамматиках, учитель по большей части не осознает и сверхзадачи грамматики «традиционной». Поясним это.

Основная задача «традиционной» структурно-семасиологической грамматики – последовательно отвечать на вопрос **«Что это значит?»**. Иными словами, если речь идет, скажем, о падежах, то нужно каждый раз «добираться» до вопросов: *Что обозначают формы винительного падежа?* (объект: *вижу дом*). *Что обозначают формы дательного падежа?* (адресат: *пишу другу*). *Что обозначают формы предложного падежа?* (предмет речи или мысли в случае предложного изъяснительного и место в случае предложного локативного: *рассказываю о деревне и живу в деревне*). *Что обозначают формы творительного падежа?* (инструмент действия в случае творительного инструментального или объект в случае творительного объекта: *рублю топором* и *восхищаюсь картиной*) и т. д.

Нет смысла напоминать, что о падежных значениях на уроках родного языка в подавляющем большинстве случаев речи нет. Сходная ситуа-

ция и при рассмотрении других грамматических категорий, которые в типичном случае воспринимаются и учителем, и учащимися как наборы мертвых форм, значение которых «выносятся за скобки» как якобы «трудное» и «малопонятное». Иными словами, с ребенком трудно, с водой ясно. Оставим в корыте «воду» и будем говорить о ней, а «ребеночка» (языковые значения) выплеснем. Ограничимся формальным языковым анализом, – без синтеза.

Основная задача идеографической (функциональной) грамматики – прямо противоположная: последовательно отвечать на вопрос **«Как выразить заданное значение?»**. Иными словами, если речь идет, скажем, о значении субъекта действия или состояния [2], то нужно понимать, что носителями субъектного значения могут быть формы не только именительного падежа (*Я мёрзну*), но и косвенных: *Меня знобит* (родительный), *Мне холодно* (дательный) и т. д.

Очевидно, что знакомство учителей, а вслед за ними и детей с основами «грамматики смыслов» возможно лишь на основе «доведения до логического конца» – до семантики – школьной структурно-семасиологической характеристики каждой из языковых категорий, что позволит органично перейти от анализа как базового метода обучения – к синтезу.

Учителю-словеснику необходимо иметь представление о возможности и необходимости «альтернативных» моделей грамматического описания родного языка, – как минимум, не только «грамматики слушающего», но и «грамматики говорящего», то есть и пассивной, и активной грамматики.

Современная практика школьного и вузовского обучения родному языку (и не только языку) нацелена на воспитание «получателя» сообщений, на пассивные аспекты речевой деятельности – слушание и чтение. Решение этой задачи связано с традиционной структурно-семасиологической грамматикой, ориентированной на анализ.

Однако говорящий основывается не столько на анализе данного, сколько на синтезе нового – того, что только еще должно появиться в его речи. Эти механизмы, механизмы синтеза, связаны с грамматикой идеографической, в основе которой не формальные, а смысловые структуры. Именно такая грамматика нацелена на развитие творческого мышления и активной самостоятельной речи, а тем самым и на развитие личности школьника как на свою сверхзадачу.

Этими соображения обуславливаются и целесообразность, и необходимость последовательного знакомства студентов-филологов, готовящихся к будущей преподавательской деятельности, с основами идеографического описания языка – в частности, в рамках курса «Идеографические аспекты русистики».

Цель дисциплины – формирование целостного представления о семантической упорядоченности языковых средств, которые служат выражению значений, фундирующихся на различных уровнях системы языка.

Идеографическое описание системы языка, как свидетельствует внутренняя форма самого термина (греч. *idea* + *grapho* ‘описание понятий’), – это описание системы языка в направлении «от смысла к форме». Синонимичное понятие – ономасиологическое описание в противоположном семасиологическому как направлению «от формы к смыслу». Основной вопрос, на который призвано ответить идеографическое описание: как средствами данного языка можно выразить те или иные

обобщенные смыслы – понятия, лежащие в фундаменте языковой картины мира?

Тем самым, в фундаменте идеографического описания системы языка – два взаимосвязанных представления: об обобщенных языковых значениях и о языковом сознании как их носителе. Взаимодействие человека с миром, другими людьми и с самим собой немислимо вне сознания, а значит – и вне языка как основного знакового феномена. Однако «традиционная» структурно-семасиологическая лингвистика склонна рассматривать язык как условно самодостаточный объект, взаимосвязь которого с сознанием можно «вынести за скобки» и учитывать лишь в той мере, в какой это необходимо для понимания отдельных языковых явлений; тем самым, лингвистика в рамках «традиционного» подхода – это наука о языке, с дальнейшими конкретизациями: о системе лексики, о морфемике и словообразовании и т. д.

Языковое сознание начали понимать как особенный объект сравнительно недавно, в результате чего возникли психолингвистика, когнитивная лингвистика, учение о языковой картине мира, о языковой личности и др. В этом же ряду – и идеографическая лингвистика. Ее своеобразие, в отличие, например, от психолингвистики или когнитивной лингвистики, состоит в том, что она не выходит за пределы собственно лингвистического знания, находит свое лицо не в союзе с психологией или эпистемологией, но в дальнейшем развитии «от смысла» обычных, собственно лингвистических представлений.

Граница между идеографической лингвистикой и другими лингвистическими и междисциплинарными науками столь же условна, как и граница между языком и сознанием, языком и речью; в конечном счете, это части единой науки о языковой личности – «личности социальной» и «личности индивидуальной», – то есть науки о человеке, рассматриваемом в аспекте его языковой способности, или, в другой проекции, – о языке как средстве реализации когнитивных и коммуникативных потребностей человека.

Что является конкретно-научным объектом идеографической лингвистики? Если говорить коротко, то объект идеографической лингвистики – **концептуальные структуры**, лежащие в фундаменте языкового сознания (то есть системы относительно общих, категориальных языковых значений) и **закономерности их развертки** в множества конкретных языковых единиц – лексем, словоформ, предложений и текстов.

Общие задачи дисциплины определяются существом исходного вопроса идеографической русистики: каков набор **основных лингвоконцептуальных категорий**, лежащих в семантическом фундаменте системы языка?

Решать эту задачу можно двумя основными способами: 1) выявляя базовые понятия, лежащие в фундаменте одного из уровней системы языка (лексические классы разного рода – в лексикологии, грамматические категории – в грамматике); 2) выявляя базовые понятия, значимые для всех или многих ярусов языковой системы.

Как называть совокупность языковых единиц, связанных с выражением того или иного обобщенного смысла? В лингвистической литературе используются такие понятия, как семантическое поле, ономасиологическая, функционально-семантическая или функционально-коммуникативная категория и др. Вопрос о большей или меньшей «пра-

вильности» того или иного термина лишен смысла: каждый из них отражает своеобразие исследовательского подхода.

Разные подходы дают разные исходные лингвоконцептуальные картины и фундирующиеся на них интегральные модели описания системы языка, ср.:

1) если в основу полагаются смыслы, выражаемые лексическими средствами, то «на выходе» – идеографическая лексикология и лексикография (Ю. Н. Караулов, В. В. Морковкин и их коллеги [3, 4, 5]);

2) если в основу полагаются смыслы, выражаемые средствами морфологии (например, время, лицо), то «на выходе» – функциональная грамматика (А. В. Бондарко и его коллеги [6, 7, 8]);

3) если в основу полагаются смыслы, выражаемые разными средствами – лексическими, морфемными, морфологическими, синтаксическими, – то «на выходе» – идеографическая грамматика (В. А. Белошапкова, И. Г. Милославский и их коллеги [9, 10, 11]);

4) если в основу полагаются смыслы, выражаемые синтаксическими единицами, в их соотносительности с различными ситуациями общения, то «на выходе» – функционально-коммуникативная грамматика (М. В. Всеволодова и ее коллеги [12, 13]);

5) если в основу полагаются смыслы лингвоконцептуального характера, то «на выходе» – лингвоконцептуальная «грамматика» (Д. С. Лихачев, Ю. С. Степанов и их последователи [14, 15]).

Конкретные задачи дисциплины, как явствует из изложенного, состоят в том, чтобы получить представление и овладеть принципами конструирования описаний системы языка в рамках отдельных аспектов идеографической русистики:

- идеографической лексикологии и лексикографии;
- идеографической морфемики и словообразования;
- идеографической (функциональной) морфологии;
- идеографического (функционального и функционально-коммуникативного) синтаксиса;
- идеографической лингвокультурологии и лингвоконцептологии;
- прикладных лингвометодических реализаций названных аспектов в рамках конструирования учебных «альтернативных грамматик».

Дисциплина входит в вариативную часть общепрофессионального цикла и способствует более глубокому изучению ряда актуальных для современной русистики вопросов. В рамках данного курса, как следует из его названия, целей и задач, рассматриваются аспекты **идеографического описания** системы русского языка, в единстве лексического, морфемно-словообразовательного и грамматического уровней. В рамках этого подхода наиболее целесообразным в качестве базового представляется использовать понятия **ономасиологическая категория** или **семантическое поле**. Частные понятия связаны с отдельными ярусами языковой системы, ср.: лексико-семантическое поле, морфосемантическая группировка и т. д.

Следовательно, содержание данного курса основывается на знаниях, полученных студентами в ходе изучения всех предшествующих лингвистических дисциплин («Введение в языкознание», «Основы филологии», «Современный русский язык» и др.).

Данная дисциплина составляет основу как дальнейшего филологического, так и профессионально-методического образования студентов,

готовит их к практическому внедрению новых филологических технологий как в деятельности преподавателя филологических дисциплин, так и в других видах профессионального труда, связанного с филологией.

Учебная программа дисциплины складывается из следующих основных элементов.

1. Лингвистика и лингвометодика. Функции языка и аспекты лингвометодики. Коммуникативная, «аккумулятивная» и когнитивная функции языка в их отношении к задачам обучения языку. Понятие альтернативных грамматик, научных и учебных.

2. Альтернативные грамматики и аспекты обучения языку: а) знакомство с языком как системой, б) обучение на коммуникативной основе (коммуникативная лингвометодика), в) овладение «аккумулятивной» функцией как функцией накопления, хранения и передачи социального опыта («аккумулятивная» лингвометодика), г) обучение на когнитивной основе (когнитивная лингвометодика). Базовые единицы обучения в рамках каждого из аспектов лингвометодики. Основные проблемы коммуникативной и когнитивной лингвометодики. Вопросы организации обучения в рамках разных аспектов. Аспекты лингвометодики и этапы обучения.

3. Место идеографической лингвистики в системе наук о языке. Функциональная, функционально-коммуникативная и идеографическая русистика. Когнитивная лингвистика и идеографическая русистика. Вопрос о месте идеографической русистики в обучении русскому языку как родному и как неродному (как иностранному). Соотношение понятий «идеографическая грамматика» и «активная грамматика» (Л. В. Щерба).

4. Методологические вопросы идеографической русистики. Вербальное пространство как коррелят языкового сознания. «Грамматика анализа» и «грамматика синтеза». Ретроспективный и «перспективный», ономастический и семасиологический аспекты. Основные метаязыковые средства в рамках идеографической русистики (номинативное, сигнификативное и коннотативное измерения семантического пространства). Вопрос о психолингвистической реальности номинативного, сигнификативного и коннотативного аспектов языковых единиц. Сенсорные образы и семантические представления. Коннотативный (эмотивно-ценностный) аспект языковой семантики. Обучение языку как расширение языкового сознания и языковой компетенции.

5. «Идеографические входы» в описание системы языка и варианты «грамматики смыслов». Вопрос о «лексическом входе» в грамматическое описание и в описание системы языка в целом (вопрос о месте лексики в идеографическом описании системы языка). Языковые значения, соотносительные со значениями знаменательных частей речи. Значения, выражающиеся прежде всего морфологическими средствами. Значения, выражающиеся прежде всего средствами словообразования. Значения, выражающиеся прежде всего средствами синтаксиса.

6. Порождение речи и вопрос о базовых компонентах глубинной семантики. Глубинная семантика и проблема креативности языка. Анализ разных моделей порождения речи. Дидактико-эвристическая ценность различных моделей порождения речи. Модели порождения речи и проблемы совершенствования обучения русскому языку.

7. Идеографическое описание «от лексикона». Слово как элемент вербального пространства. Когнитивные типы единиц лексикона. Поле тематическое и поле семантическое. Идеографические словари и квази-

лексикографические материалы идеографического типа. Проблемы определения состава и структуры тематических и семантических полей. Понятие тезауруса как словаря семантических полей. Семантико-словообразовательный тезаурус как средство лексикографической репрезентации системы лексики и словообразования в их единстве.

8. Вопрос о «грамматикоцентрических» (грамматически релевантных) классификациях лексики. Состав и структура адъективного, субстантивного и глагольного лексикона. О составе и структуре лексикона других частей речи. «Списочные» фрагменты идеографической грамматики (модальные слова, союзы и др.).

9. Идеографическое описание «от дериватикона». Деривационные структуры в вербальном пространстве. Проблема психолингвистической реальности морфемы: а) в свете данных детского словотворчества, б) в проекции на вопрос о типологии морфем. О морфосемантике префиксоидальных морфем (номинативно и сигнификативно ориентированные префиксоидальные морфемы, префиксоидальные морфемы и категоризация тематического поля).

10. Системность словообразовательной семантики и деривационная развертка лексикона. Ядро, глубинный и поверхностный уровень лексикона в их отношении к деривационной развертке вербального пространства. Когнитивная и деривационная типология словообразовательных значений. Вопрос о регулярности реализации значений разных типов. Потенциальность и окказиональность в словообразовании. О типологии и системе лексико-словообразовательных упражнений в разных условиях обучения.

Закономерности деривационной развертки отдельных фрагментов вербального пространства (адъективно-деадъективного, субстантивно-десубстантивного и др.).

11. Идеографическое описание «от грамматикона». Общая характеристика места грамматикона в языковом сознании. «Частеречная» семантика в свете когнитивной типологии единиц лексикона. Вопрос о системе морфологической («словоизменительной») семантики. Образование словоформ и вопрос об их семантизации. Поиск словоформы для выражения заданного значения. Необходимость целостного морфологосинтаксического описания в рамках идеографического подхода. Грамматические значения падежей и понятие синтаксемы. Виды синтаксем в русском языке. Основные семантические категории простого и сложного предложения. Предлоги и союзы как мост от лексического и морфологического к синтаксическому. Семантика союзов и типы сложного предложения. Прагматически ориентированные части речи. Каталог значений, относительно регулярно выражающихся грамматическими средствами.

12. Проблема интегрального описания системы языка на идеографической основе. Выражение качественной характеристики, модальности, сравнения, времени, условия, причины и следствия, цели, уступки, пространственных отношений и других основных семантических категорий.

13. Идеографические аспекты анализа текста. Номинативные и идеографические текстовые структуры. Сети идентифицирующего и предикатного типа. Когнитивные модели памяти и текстовые структуры. Вопрос о структурах ризоматического типа.

14. Прикладные аспекты идеографической русистики. Идеографические аспекты профессиографии. Проблемы лингвистической акмеоло-

гии. Идеографические аспекты преподавания русского языка как иностранного. Проблемы преподавания русского языка на идеографической основе в учебных заведениях различного типа.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Говоря о «грамматическом» описании системы языка, имеем в виду возможность использования этого термина как в узком, так и в расширительном смысле – как такое описание, в которое органически вплавлены и лексикологические, и текстовые, и иные составляющие.
2. Хотя на самом деле в такой формулировке в школе вопрос не ставится: говорят лишь о «подлежащем» и способах его выражения.
3. Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. М.: Либроком, 2010.
4. Караулов Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М.: Наука, 1981.
5. Морковкин В. В. Опыт идеографического описания лексики (анализ слов со значением времени в русском языке). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977.
6. Бондарко А. В. Функциональная грамматика. Л.: Наука, 1984.
7. Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2002.
8. Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / Отв. ред. А. В. Бондарко. Л.: Наука, 1987.
9. Идеографические аспекты русской грамматики / Под ред. В. А. Белошапковой и И. Г. Милославского. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988.
10. Милославский И. Г. Вопросы словообразовательного синтеза. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980.
11. Милославский И. Г. Морфологические категории современного русского языка. М.: Просвещение, 1981.
12. Вопросы коммуникативно-функционального описания синтаксического строя русского языка / Под ред. М. В. Всеволодовой и С. А. Шуваловой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989.
13. Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: Учебник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000.
14. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Сер. лит. и яз. 1993. № 1.
15. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. 2-е изд. М.: Академический Проект, 2001.

А. М. Горохова (Белгород)

ОРГАНИЗАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ

Важнейшей частью речетворческого фонда языка, его строительным материалом являются, наряду со словами, фразеологические единицы. Наличие фразеологических оборотов в речи является показателем высокого уровня ее развития. Правильное и уместное использование фразеологизмов придает речи неповторимое своеобразие, особую выразительность, меткость, образность. Необходимость лексико-фразеологической работы в начальных классах подтверждается также наличием богатого фразеологического материала, содержащегося в учебных пособиях. Удачно подобранные упражнения с фразеологизмами вносят в учебный процесс разнообразие и занимательность, повышают интерес учащихся к русскому языку.

Суть лексико-фразеологической работы, состоит в том, чтобы «слово и фразеологизм были правильно восприняты школьниками в тексте, поняты со всеми оттенками и особенностями, после чего вошли бы в активный словарь и были правильно употреблены в нужной ситуации» [2, с. 94]. Необходимость специальной работы именно с фразеологическими единицами родного языка обусловлена и тем обстоятельством, что фразеология русского народа характеризуется богатейшей палитрой образов, отражающих и концепты мироздания, и особенности жизни и культуры именно этого народа. Несомненно, что образность многих фразеологизмов связана с бытом и обычаями нашего народа, расшифровка фразеологических образов часто требует определенных этнокультурных сведений. Эта особенность фразеологического состава дает возможность реализовать актуальную сегодня идею культуроведческого подхода к урокам родного языка.

Актуальность исследования подтверждается и тем, что, по мнению психологов, «возраст 7-10 лет принято считать сензитивным, наиболее восприимчивым и благоприятным возрастом для работы над фразеологизмами» [1, с. 306]. Однако до настоящего времени нет специальных пособий, в которых описывается работа, направленная на речевое развитие учащихся в процессе лексико-фразеологической работы.

Решение исследуемой нами проблематики предполагает проведение лексико-фразеологической работы прежде всего при чтении литературных произведений. Но если такая работа ведётся лишь на уроках чтения, то она малоэффективна, так как понятия не отрабатываются и образные средства не используются учащимися в собственной речи. Этого можно избежать, если будут устанавливаться межпредметные связи между уроками русского языка и литературы: то, что пройдено на уроках русского языка, целесообразно закрепить (показав в «действии») на программном материале по литературе или на материале литературы подготовить учащихся к пониманию того, что им будет сообщено на уроках русского языка. В учебных пособиях по русскому языку многие упражнения содержат фразеологические обороты, пословицы (есть упражнения, полностью состоящие из посло-

виц и поговорок), однако практически не предусматривается упражнение, заданий, направленных на введение фразеологических оборотов в речь младших школьников, то есть направленных на речевое развитие учащихся.

Экспериментально-методическая работа, организованная на базе Шелаевской СОШ Белгородской области, была ориентирована на развитие речи младших школьников. Поскольку лексико-фразеологическая работа в начальных классах заключается в объяснении, закреплении и активизации в речи учащихся образных выражений, с которыми они встречаются в процессе обучения, то в связи с этим важнейшие задачи экспериментального обучения сводились к следующим:

- дать учащимся представление о существовании в языке устойчивых оборотов;
- вызвать у учащихся интерес к работе над фразеологизмами, желание больше узнать об их многообразии и этимологии;
- активизировать фразеологический запас учащихся, систематически проводя лексико-фразеологический анализ литературных текстов на уроках чтения и выполняя упражнения по фразеологии на уроках русского языка.

Опишем задания, которые мы предлагали детям.

1. Выпишите из него фразеологизмы и объясните их смысл.

Дружнее этих двух ребят

На свете не найдешь.

О них обычно говорят:

Водой не разольешь

Ежатки – детки хоть куда,

И что же тут дивиться?

Ведь мама держит их всегда

В ежовых рукавицах.

2. Укажите сначала фразеологизмы со значением «бездельничать», затем со значением «обманывать» и, наконец, со значением «быстро». Выпишите их в три колонки.

Слома голову, сидеть сложа руки, втирать очки, заправлять арана, во все лопатки, лодыря корчить, бить баклуши, водить за нос, во весь дух, собак гонять, вводить в заблуждение, высунув язык, со всех ног.

3. Назовите фразеологизмы, связанные с конем, медведем, белкой и т. п. Запишите как можно больше устойчивых оборотов со словами: *голова, нос, глаз, ухо, зуб, язык, рука, нога.*

4. Озаглавьте рассказ, используя пословицу.

5. Замените подчеркнутые свободные словосочетания фразеологизмами, данными в словах для справок.

Он все умеет делать. Мы занимаемся пустым делом. В детстве отец не давал мне своевольничать. И пошел он сам не зная куда. Он работает очень плохо. Мать меня очень любит.

Слова для справок: *держал в ежовых рукавицах, спустил рукава, мастер на все руки, во мне души не чает, переливаем из пустого в порожнее, куда глаза глядят.*

Конечной целью экспериментального обучения по фразеологии было обогащение речевого запаса младших школьников фразеологизмами при чтении литературных произведений и выполнении лексико-фразеологических упражнений на уроках русского языка. Наблюдения над образными средствами в языке текста проводились систематически,

при анализе всех произведений, в которых они встречаются. На уроках чтения содержание лексико-фразеологической работы заключалось в наблюдении над образными средствами в тексте произведений, выделении их, уяснении их смысла и роли как языковых средств передачи образов и замысла автора. Выполнялись и упражнения на сравнение фразеологических оборотов и свободных сочетаний, замену фразеологизмов лексическим или фразеологическим синонимом, подбор антонимов, классификацию фразеологизмов. На уроках русского языка выполнялись специальные лексико-фразеологические и логико-стилистические упражнения, писались изложения и сочинения с использованием устойчивых выражений.

Таким образом, мы пришли к выводу, что лексико-фразеологическая работа будет способствовать речевому развитию младших школьников при соблюдении следующих условий: 1) лексико-фразеологическая работа будет проводиться систематически на уроках как русского языка, так и литературного чтения; 2) лексико-фразеологическая работа будет осуществляться современными методами и приемами, способствующими речевому развитию младших школьников; 3) обучение использованию фразеологизмов будет проходить на основе специально разработанных упражнений, проводимых в определенной последовательности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Айдарова Л. И.* Формирование лингвистического отношения к слову у младших школьников / Л. И. Айдарова // *Возрастные особенности усвоения знаний (младшие классы школы)* / Под ред. Д. Б. Эльконина, В. В. Давыдова. – М.: Просвещение, 1999. – С. 305–309.
2. *Сысоева С. В.* Лексико-фразеологическая работа в аспекте речевого развития младших школьников / С. В. Сысоева // *Теория и практика современной методики преподавания русского языка и литературы: Сборник научных трудов.* М., 2003. – С. 94–101.

О. Н. Дитковская (Тверь)

МЕТОД УЧЕБНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ УЧАЩИХСЯ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Информационное общество, к построению которого мы стремительно движемся, требует от современного образования научить школьника не столько потреблять знания, сколько самостоятельно находить, добывать их. Это значит, что задача учителя заключается в том, чтобы научить ученика самостоятельно работать с учебным материалом, решать нетрадиционные задачи, находя связи между полученными знаниями и явлениями окружающей жизни, анализировать их и делать самостоятельные выводы.

Решению этих задач и призван помочь метод учебного проектирования, основанный на принципах «деятельностной» педагогики.

Таким образом, основные цели и принципы метода органично вписываются в технологии, основанные на личностной ориентации педагогического процесса.

История возникновения метода проектного обучения восходит к началу XX века. Появился он в США и опирался на теоретические концепции так называемой прагматической педагогики, основанной на «обучении посредством делания». Её представителями американские педагоги и психологи Дж. и Э. Дьюи, Х. Килпатрик, Э. Коллингс. Ведущая идея этой научной школы состояла в том, чтобы выполняемая ребенком учебная деятельность строилась по принципу «Все из жизни, все для жизни». Ребенок тогда будет учиться с увлечением, когда занятия интересуют его лично, когда содержание учения исходит из реальной детской жизни, а результат такой деятельности можно применять на практике.

Суть метода – стимулировать интерес обучаемых к определенным проблемам, предполагающим владение определенной суммой знаний, и через проектную деятельность показать практическое применение полученных знаний.

В начале XX века, этот метод привлек внимание и русских педагогов. Идеи проектного обучения возникли в России практически параллельно с разработками американских педагогов. Под руководством С. Т. Шацкого в 1905 году была организована небольшая группа сотрудников, пытавшаяся активно использовать проектные методы в практике преподавания.

Позднее, в 20-е гг. XX века, эти идеи стали довольно широко внедряться в школу, но недостаточно продуманно и последовательно, в результате чего в 1931 году метод проектов был осужден, и с тех пор в России не предпринимались серьезные попытки возродить этот метод в школьной практике. Однако элементы этого метода использовались и используются многими педагогами и сейчас в подготовке рефератов и сообщений на различные темы, в организации проведении школьных научных конференций и литературно-музыкальных вечеров.

В основе метода проектов лежит развитие познавательных навыков и умений самостоятельно конструировать свои знания. Метод проектов ориентирован на самостоятельную деятельность учащихся – индивидуальную или групповую. Он всегда предполагает решение какой-то проблемы, предусматривающей, с одной стороны, использование разнообразных методов, средств обучения, а с другой, – интегрирование знаний, умений и навыков из разных областей науки, техники, технологии, творческих областей. Результаты выполненных проектов должны быть «осязаемыми», заканчиваться конкретным результатом, готовым к внедрению.

Цели проектного обучения:

1. Способствовать повышению личностной уверенности каждого участника проекта, его самореализации и рефлексии. Это становится возможным:

а) через проживание «ситуации успеха» (на уроке или вне урока), возможности не на словах, а на деле почувствовать себя значимым, нужным, способным преодолевать различные проблемные ситуации;

б) через осознание себя, своих возможностей, своего вклада, а также личностного роста в процессе выполнения проектного задания.

2. Развивать у учащихся осознание значимости коллективной работы для получения результата, роли сотрудничества, совместной деятельности в процессе выполнения творческих заданий; влиять на развитие коммуникабельности учащихся.

Практика показывает, что в любой сфере жизнедеятельности социально важным является умение не только высказывать свою точку зрения, свой подход к решению проблемы, но и выслушать и понять другую, и, в случае несогласия, уметь конструктивно критиковать с целью найти альтернативный подход, оптимальный для всех.

3. Развивать исследовательские умения (анализировать проблемную ситуацию, выявить проблемы, осуществить отбор необходимой информации из литературы и других источников, проводить наблюдение практических ситуаций, фиксировать и анализировать их результаты, строить гипотезы, осуществлять их проверку, обобщать, делать выводы).

Указанные цели достигаются через особую организацию познавательного пространства, влияющую на разные аспекты и стороны личности, создавая условия для появления у нее мотива к самоизменению, личностному росту, способности к реализации собственной «Я-концепции» («Я могу» – «Я хочу» – «Я нравлюсь» и т. д.), для освоения интеллектуальных средств познания и исследования мира (процессов, явлений, событий, свойств, законов и закономерностей, отношений и др.) [1, с. 104].

Основные требования к использованию метода проектов:

1. Наличие значимой в исследовательском, творческом плане проблемы (задачи), требующей интегрированного знания, исследовательского поиска для ее решения.

2. Практическая теоретическая значимость предполагаемых результатов.

3. Самостоятельная мотивированная деятельность участников проекта.

4. Структурирование содержательной части проекта.

5. Оформление конечных результатов.

6. Анализ полученных данных.

7. Подведение итогов.

Выбор тематики проектов в разных ситуациях может быть различным. Тематика проектов может касаться каких-то теоретических вопросов академической программы, требующих углубления на данном этапе обучения; или относится к какому-то практическому вопросу, для решения которого необходимы знания не по одному предмету, а из разных областей науки, а также требующего творческого мышления и исследовательских навыков. Таким образом, достигается интеграция общеучебных и индивидуальных знаний, умений и навыков.

Результаты выполненных проектов должны быть материальны. Учащимся можно предложить подготовить реферат или доклад, отражающий самое существенное в теме; изготовить афишу или альбом с краткими текстами или рисунками, выпустить газету. Защита проекта может служить одной из форм итоговой аттестации.

Выбирая тему проекта и выполняя его, школьники учатся выявлять потребности приложения своих сил, находить возможности для проявления своей инициативы, способностей, знаний и умений, проверяют себя в реальном деле, проявляют целеустремленность и настойчивость.

Типология проектов может быть условно определена по следующим признакам:

– метод, доминирующий в проекте;

- характер координации проекта;
- характер контактов;
- продолжительность проекта;
- число участников.

По доминирующему методу проекты условно делятся на *исследовательские, творческие, приключенческие (игровые), информационные и практико-ориентированные*.

Исследовательские проекты имеют структуру, приближенную к подлинным научным исследованиям. Они предполагают аргументацию актуальности темы, определения проблемы, предмета, объекта, целей, задач исследования. Обязательно выдвижение гипотезы исследования и проведение эксперимента. Заканчивается проект обсуждением и оформлением результатов, формулированием выводов и обозначением проблем на дальнейшую перспективу.

Творческие проекты имеют не столь строго проработанную структуру, однако строятся в известной логике «дизайн-петли»: определение потребности, исследование (дизайн-анализ существующих объектов), обозначение требований к объекту проектирования, выработка первичных идей, их анализ и выбор одной из них, планирование, изготовление, оценка (рефлексия). Форма представления результатов может быть различной (изделие, видеофильм, праздник, экспедиция, репортаж и пр.)

Приключенческие (игровые) проекты предполагают, что участники принимают на себя определенные роли, обусловленные содержанием проекта. Ведущий вид деятельности учащихся в таких проектах – ролевая игра. Это могут быть имитации социальных и деловых отношений в ситуациях, придуманных участниками, литературные персонажи в определенных исторических и социальных условиях и т. п. Обязательно намечаются проблема и цели проекта. Результаты же не всегда можно наметить в начале работы, они могут определиться лишь в конце проекта, но необходима рефлексия участников и соотнесение полученных результатов с поставленной целью.

Информационные проекты – это проекты, призванные научить учащихся добывать и анализировать информацию. Такой проект может интегрироваться в более крупный исследовательский проект и стать его частью. Учащиеся изучают и используют различные методы получения информации (литературу, библиотечные фонды, СМИ, базы данных, методы анкетирования), обработки информации (анализ, обобщение, сопоставление с известными фактами, аргументированные выводы) и презентации (доклад, публикация, размещение в сети Интернет и т. п.)

Практико-ориентированные проекты – это проекты, ориентированные на результат. Результатом может быть изделие, удовлетворяющее конкретную потребность. Может быть, ориентация на определенный социальный результат, затрагивающий непосредственные интересы участников проекта либо направленный на решение общественных проблем. Здесь важна не только хорошо продуманная структура проекта, но и хорошая организация координационной работы по корректировке совместных и индивидуальных усилий, организации презентации полученных результатов и возможных способов их внедрения в практику, а также организации внешней оценки проекта.

По характеру координации проекты делятся на *проекты с открытой и скрытой координацией*.

В первом случае учитель участвует в проекте в своем собственном статусе, направляет работу, организует отдельные этапы проекта. Здесь важным является отказ от авторитарного руководства, работа в сотрудничестве с учащимися с сохранением консультирующих функций, без навязывания своих решений.

Во втором случае координатор выступает как полноправный участник проекта и не обнаруживает свой истинный статус учителя в период деятельности участников.

По характеру контактов проекты бывают *внутренними* (внутри одной школы), *региональными* (между школами внутри региона, одной страны) и *международными* (с участием представителей различных стран).

По числу участников проекты могут быть *индивидуальные*, *парные* и *групповые*.

По продолжительности проведения проекты делятся на *краткосрочные* (разработанные на урок или несколько уроков), *среднесрочными* (от недели до месяца) и *долгосрочными* (от одного до нескольких месяцев) [2, 120–121].

На современном этапе развития школы, в условиях сосуществования разных программ по русскому языку в учебном процессе упор делается на формирование у детей самостоятельного мышления, умения добывать и применять на практике знания, планировать действия и принимать решения. Не менее важно, научить ребенка эффективно сотрудничать в коллективе или группе, стремиться к взаимодействию, быть открытым к общению. Большое значение имеет также развитие творческих способностей в реализации поставленных задач.

Этим обусловлено применение на уроках русского языка методов и технологий, в основе которых лежит проектная деятельность учащихся.

В практике преподавания русского языка активно используются учебные проекты всех основных групп: *предметные* и *межпредметные*, *индивидуальные*, *групповые* и *коллективные*, *краткосрочные* и *долгосрочные*, рассчитанные на месяц, четверть или учебный год.

По характеру доминирующей в проекте деятельности предпочтение отдается следующим видам проектов: *исследовательскому*, *информационному*, *творческому* и *практико-ориентированному*.

Исследовательские проекты на уроках русского языка – это проекты, направленные на изучение основополагающих языковедческих вопросов или решение проблем, которые находятся на стыке смежных дисциплин (лингвистики и литературоведения, стилистики и культуры речи, этимологии и истории языка и т. п.) К таким проектам относятся: «*Ошибки в школьных учебниках русского языка*», «*Мое открытие словаря В. И. Даля*».

Результатом таких исследований становится формулировка выводов по затронутому в ходе исследования проблемам и конкретные рекомендации по их решению.

Информационные проекты на уроках русского языка направлены на сбор информации по языковедческим вопросам, требующим более полного и глубокого осмысления или выходящим за рамки школьной программы. К таким проектам относятся: «*Активные латинские и греческие словообразовательные элементы*», «*Этимология – наука о происхождении слов*», «*Экскурсии в прошлое русского языка*» и другие.

Результатом такого проекта может стать сообщение, доклад, реферат по рассматриваемой теме.

Практико-ориентированный проект нацелен на социальные интересы самих участников проекта или внешнего заказчика. Например, «*Речевой этикет как показатель культуры общения*». «*Лексикон учащихся моей школы*».

Продукт такого проекта заранее определен и может быть использован в жизни класса, школы, микрорайона, города.

Творческие проекты на уроках русского языка ориентированы на нестандартный подход в реализации поставленных целей и нетрадиционное оформление его результатов. Главной особенностью такого проекта становится непредсказуемость его результата до самого окончания. Примерами таких проектов могут стать *лингвистические сказки, различные виды словарей, альбом правил русского языка*.

Общеизвестно, что личность развивается только в процессе собственной деятельности. Научить человека действовать, в том числе совершать умственную деятельность, можно только в процессе действия.

Метод проектного обучения полностью отвечает этой задаче, в равной мере заставляя действовать как учителя, так и ученика.

При выполнении учащимися проектов качественно меняется роль учителя. На всех этапах подготовки проекта учитель выступает в роли консультанта и помощника, а не эксперта и контролера. Задача учителя заключается в том, чтобы в процессе выполнения проекта реализовалась логическая цепочка от «выбора» темы проекта и формы его выполнения до рефлексии по поводу полученных результатов.

Меняется и роль учеников. Они выступают активными участниками образовательного процесса, деятельность в рабочих группах помогает им научиться работать в команде, сотрудничать в коллективе. При этом неизбежно происходит формирование конструктивного критического мышления. В процессе работы у учащихся вырабатывается свой собственный взгляд на информацию. При этом школьники свободны в выборе способов и видов деятельности для достижения поставленной цели, развивается их творческий потенциал.

Таким образом, достигается главная цель личностно-ориентированного обучения – преобразование процесса обучения в процесс самообучения, что позволяет каждому ученику увидеть себя человеком способным, компетентным и творческим.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сиденко А. С. Метод проектов: история и практика применения // Завуч. – 2003. – № 6.
2. Романовская М. Б. Метод проектов в образовательном процессе // Завуч. – 2007. – № 1.
3. Романовская М. Б. Метод проектов в образовательном процессе // Завуч. – 2007. – № 3.
4. Русский язык. 6-11 классы: проектная деятельность учащихся / составитель Т. В. Цветкова. Волгоград, 2009.

О. И. Еременко, А. Н. Солошина (Белгород)

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ КУЛЬТУРОВЕДЧЕСКОГО ПОДХОДА В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ

На современном этапе развития методической мысли внимание специалистов все чаще обращается к тем проблемам, решение которых позволяет реализовать культуроведческий подход в процессе преподавания русского языка. Культуроведческий подход предполагает приобщение средствами учебного предмета «русский язык» к материальной и духовной культуре русского народа, формирование у обучаемых национальной языковой картины мира.

Теоретической базой формирования культуроведческого подхода в методике обучения русскому языку является лингвистическая культурология – научная дисциплина, «изучающая способы и средства репрезентации в языке объектов культуры, особенности представления в языке менталитета того или иного народа, закономерности отображения в семантике языковых единиц ценностно-смысловых категорий культуры» [1, с. 29]. Данная отрасль знания, возникшая на стыке лингвистики и культурологии, изучает язык как феномен культуры. Важнейшие теоретические положения лингвокультурологии о несомненной связи языка и культуры, языка и менталитета народа являются лингвотеоретическими предпосылками реализации культуроведческого аспекта в преподавании филологических дисциплин в школе. Связь языка с национальным характером, с национальным сознанием сегодня не вызывает сомнения и обуславливает необходимость культурологического подхода к преподаванию филологических дисциплин.

Важнейшим методом лингвокультурологии признается этимологический метод, который объединяет совокупность исследовательских приемов, направленных на раскрытие происхождения слова. В этимологических исследованиях лингвокультурологического направления слово рассматривается как «семиотический знак, символ, семиотическая формула того или иного мифопоэтического образа», а мир (или различные миры) интерпретируются (осмысляются) через призму культуры и языка, являющегося неотъемлемым элементом культуры [4, с. 16-17]. Именно через этимологию (внутреннюю форму слов) восстанавливаются древнейшие представления об окружающем мире и человеке, семье, роде и племени, доме и земле, благодати и добродетели, вере, надежде, любви и т. д. Этимологический анализ, который призван реконструировать внутреннюю форму слова, позволяет представить фрагменты языковой картины мира древнего человека, особенности этнокультуры, элементы материальной и духовной культуры этноса в ее эволюции. По словам С. А. Кошарной, «выясняя этимологию отдельных слов, увязывая данное слово с другими, историческими родственными, устанавливая типологические соответствия, усматривая аналогические ассоциации, высказывая гипотезы и предположения, этимолог воссоздает эволюцию этнической культуры с древнейших времен до

сегодняшнего дня» [2, с. 17]. Поэтому приоритет в реализации культуроведческого аспекта должен принадлежать этимологии – лингвистической дисциплине, которая дает наиболее полное представление о семантической эволюции слова, о том, как в ней отражается культура и менталитет народа.

Реализаций культуроведческого подхода в процессе использования этимологического анализа на уроках русского языка в начальной школе обуславливает необходимость специального отбора лексики. При отборе слов для этимологического анализа необходим учет следующих критериев:

- принадлежность слова к этнокультуроведческой лексике, к лексике с национально-культурным компонентом в семантике.

В современной лингводидактике определены и достаточно подробно описаны тематические группы единиц языка с национально-культурным компонентом значения (см. работы Т. В. Яковлевой, В. В. Демичевой, Т. Ф. Новиковой, Е. И. Пашковой и др.). Значительная часть такой лексики относится пассивному словарному составу языка, а следовательно, требует обязательной семантизации. Этимологизация – один из важнейших приемов объяснения семантики неизвестных слов, который позволит привлечь внимание к историческим фактам, восстановить внутреннюю форму слова. И здесь этимологические экскурсы крайне необходимы: они раскроют перед детьми мир наших предков.

- относительная очевидность и доказательность этимологических сведений. Учитывая возраст учащихся начальной школы, следует привлекать для анализа слова с ясной и прозрачной этимологией, и сами этимологические сведения должны использоваться в том объеме, в каком они необходимы для решения практических задач (объяснение семантики слова или его написания).

Основное место в культуроведческой работе на основе этимологического анализа должны занимать слова славянского происхождения, так как именно они прежде всего относятся к лексике с национально-культурным компонентом в семантике. При этом в процессе этимологической работы следует привлекать не только слово – этимон, а восстановить несколько элементов этимологического гнезда, то есть подобрать слова, которые в прошлом были связаны с тем же корнем, что и анализируемое слово. Например: *запад* (сторона света), *западать*, *падать*; *печаль*, *печь*, *опека*.

Обращение к этимологии слов на уроках русского языка позволяет показать учащимся, что «язык – это «зеркало культуры и истории» народа, поскольку большая часть изменений в значениях наименований обусловлена природной и общественной средой, историей культуры. Например, для объяснения происхождения слова *орава* (современное значение «беспорядочное и шумное скопление людей») следует рассказать младшим школьникам о характерном для старого крестьянского быта обычае коллективной помощи при наиболее трудоемких работах. Такое значение до сих пор сохраняется в некоторых современных славянских языках (*orava* – взаимная соседская помощь при пахоте в кашубском языке). Следовательно, современное *орава* восходит к устаревшему *орать* – пахать.

В процессе культуроведческой работы на основе этимологического анализа следует уделять внимание прежнему морфемному составу слова, который может существенно отличаться от современного. Например, в

слове *столица* в современном русском языке выделяется две морфемы: корень и окончание. Этимологический анализ показывает, что в слове содержится еще суффикс (*-иц-*), так как слово было образовано от слова *стол*. В этом случае этимологический анализ поможет учителю решить двоякую задачу. Во-первых, найти проверочное слово (слово *стол*). Во-вторых, реализовать культуроведческий аспект в обучении, так как этимологический комментарий лексемы позволит эксплицировать так называемую фоновую информацию, которая является значимой для реконструкции внутренней формы этого слова. Слово *стол*, от которого была образована лексема *столица*, некогда употреблялось в значении «княжеский или царский трон», который украшался богатыми коврами и тканями (родственное слово – глагол *стелить*). Город, где находилась резиденция князя или царя, получила название *столица* (*стольный город*).

Таким образом, использование этимологического анализа на уроках родного языка обязательно предполагает обращения к истории народа. В результате знакомства с этимологией слов и выражений в сознании учащихся накапливаются дополнительные, экстралингвистические знания о культуре народа-носителя языка, которые являются базой формирования культуроведческой компетенции.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алефиренко Н. Ф.* Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2010.
2. *Кошарная С. А.* В зеркале лексикона: Введение в лингвокультурологию. – Белгород: Изд-во БелГУ, 1999.
3. *Новикова Т. Ф.* Слова с национально-культурным компонентом значения на уроке русского языка // Современные проблемы глоттодидактики. – Pzeszow, 2009.
4. *Маковский М. М.* Сравнительный словарь мифологических символов в индоевропейских языках – М., 1996.
5. *Пащикова Е. И.* Лексика с национально-культурным компонентом значения на уроках русского языка // Русский язык в школе. – 2009. – № 2.
6. *Яковлева Т. В., Демичева В. В.* Этнокультуроведческий подход в обучении родному языку в начальной школе // Начальная школа. – 2006. – № 11.

М. Н. Зуева (Тверь)

ИЗУЧЕНИЕ СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В 5–7 КЛАССАХ В ТВЕРСКОМ ЛИЦЕЕ

Два года назад, придя на работу в Тверской лицей, я впервые столкнулась с разработкой тематического планирования для 5–6-х классов по русскому языку и литературе. Из-за недостаточного опыта в этой сфере, планирование по русскому языку для пятого класса взяла у коллеги.

При первом же сравнении учебной программы и планирования сразу выявились несоответствия: некоторым темам, в учебнике представленным обзорно, в планировании отводилось больше часов.

Особенно это касается изучения сложных предложений.

К пятому классу большинство учащихся умеют различать простые и сложные предложения по количеству грамматических основ.

Согласно некоторым современным программам подробное изучение простого предложения начинается в первом полугодии 5 класса, а сложного — только в 9.

Сразу назревает вопрос: как же избегать ошибок в постановке знаков препинания перед союзами *что, чтобы, когда* и др. ? Неужели до 9 класса ждать?

В школе, где я училась, сложное предложение разбиралось, как и положено по программе, только в девятом классе. Отсюда и внезапно обнаружившееся к 11 классу незнание правил постановки знаков препинания в сложном предложении, неразличение границ между несколькими простыми предложениями в составе сложного.

Как и в моей школе, в лицее ребята изучают русский язык по учебнику Таисы Алексеевны Ладыженской. О достоинствах и недостатках этого учебника говорить не буду, но изучение темы «Сложные предложения» представлено в учебнике обзорно. Оно сводится к тому, что дети и так знают: опознавательный признак сложного предложения — наличие двух и более грамматических основ. Также упоминается, что сложные предложения делятся на две группы: союзные и бессоюзные. В теоретическом плане информации мало: нет понятий сложносочиненные и сложноподчиненные предложения, сочинительные и подчинительные союзы и т. д. Однако на изучение параграфа отводится 2–3 урока, поэтому у учителя есть возможность разобрать данную тему более подробно. Эту возможность не стоит упускать.

На первом уроке путем сопоставления двух предложений и выделения грамматических основ вводится понятие простого и сложного предложения, а также союзных и бессоюзных сложных предложений.

На втором уроке подробно разбираются сложносочиненные предложения, их отличие от простых, осложненных однородными членами, связанными сочинительными союзами. При сравнении этих предложений необходимо учить видеть границы простых предложений в составе сложного и не путать их с простыми предложениями. В этом поможет выделение грамматических основ.

Например:

Ночью ветер злится и стучит в окно. (А. Фет.)

В ярком золоте день утопает, и ручьи по оврагам шумят.

Только после выделения грамматических основ учащиеся увидят, что один и тот же сочинительный союз может соединять как однородные члены в простом предложении (запятая в этом случае не ставится), так и простые предложения в составе сложного (запятая в этом случае необходима).

Благодаря тому, что простые предложения были достаточно подробно изучены на предыдущих уроках, информация будет новой лишь частично. Необходимо также указать на равноправие простых предложений в сложносочиненном предложении.

На этом же уроке можно показать, как составляются схемы таких предложений (в двух вариантах).

Домашнее задание следует давать на различение простых предложений с однородными членами и сложносочиненных: выделить граммати-

ческие основы, выписать сначала сложные предложения, затем простые, союзы заключить в круг.

На следующем уроке после проверки домашнего задания составляются схемы всех предложений. После проверки домашнего задания выполняется несколько упражнений на закрепление. В конце урока проверочная работа.

На следующем уроке после подведения итогов проверочной работы и разбора всех допущенных ошибок можно перейти к изучению сложноподчиненного предложения.

При изучении сложноподчиненных предложений необходимо отталкиваться от понятий равноправия и зависимости простых предложений в составе сложного. Дети должны увидеть, что в сложноподчиненном предложении используются другие союзы, строение этих предложений похоже на словосочетания, в которых одна часть зависит от другой, от главного предложения можно поставить вопрос к придаточному (зависимому). Схемы сложноподчиненных предложений также даются в двух вариантах.

При изучении сложноподчиненных предложений необходимо помочь увидеть границы простых предложений, объяснить, что главное предложение может быть как на первом месте по отношению к зависимому, так и на втором. Но вопрос всегда нужно задавать от главного предложения к зависимому. А зависимое предложение можно найти по союзу.

На закрепление данных тем необходимо отвести еще 2–3 урока.

Конечно, материал достаточно сложный, и не все пятиклассники смогут сразу в нем разобраться, поэтому необходимо через урок возвращаться к пройденному. Первые два месяца я каждый урок начинала с таких заданий:

Запишите/спишите предложение, подчеркните грамматические основы, охарактеризуйте по образцу: количество грамматических основ, простое/сложное, сочинительный/подчинительный союз, предложение сложносочиненное/сложноподчиненное/простое с однородными членами (какими). Составьте схему.

Когда это задание все выполняют безошибочно, можно учиться определять эти предложения на слух. Например, учитель диктует предложения, а учащиеся только составляют схемы.

В шестом классе задания усложняются: помимо известных подчинительных союзов *что, когда, потому что, чтобы, если* и др., вводятся новые: *оттого что, так как, куда, как только*; используются стихотворные тексты, написанные в строчку, т. к. для правильной расстановки знаков препинания необходимо выразительное чтение, а с этим у современных школьников проблемы. Например, мои ребята в 6 классе очень долго не могли разобраться в предложении: *Как только снег начнут бурить ручьи апреля вдоль дорог, опять весна тебе представит всех весен прожитых уроков.* (А. Твардовский.)

В шестом классе при синтаксическом разборе требую дополнительные характеристики сложного предложения: ссп/спп/бсп, а также схемы сложных предложений.

Таким образом, к изучению сочинительных и подчинительных союзов в 7 классе ребята уже подготовлены. Большая часть теоретического материала уже известна. Они знакомятся с новыми союзами, узнают о том, что союзы бывают простые и сложные, что сочинительные союзы делятся на соединительные, разделительные и противительные, а подчи-

нительные по значению делятся на целевые, причинные, условные и т. д. Самой сложной темой, по мнению моих ребят, оказалось слитное и раздельное написание союзов также, тоже, чтобы и зато.

Сложное предложение необходимо начинать изучать с пятого класса. Это поможет избежать многих пунктуационных ошибок на протяжении 5–8 классов и облегчить изучение сложного предложения в 9 классе. В программе 5-го класса под редакцией Ладыженской нового для ребят материала мало. Большая часть тем — повторение пройденного в начальной школе. Кроме того, в 5–7 классах дети усваивают и запоминают любой материал намного лучше, чем в 8–9. Поэтому подробное изучение сложных предложений в 5 классе оправдано не только с методической, но и с психологической точки зрения.

Э. М. Куликова (Тверь)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПЕДАГОГИКИ СОТРУДНИЧЕСТВА НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Обучение в сотрудничестве рассматривается в мировой педагогике как наиболее успешная альтернатива традиционным методам.

В отличие от традиционных технологий обучения, где ближайшей целью урока является усвоение знаний, выработка умений и навыков, основанных на запоминании, то есть на механизме внушения знаний, умений и навыков в обучении, построенном на основе педагогики сотрудничества прямая цель — развитие интеллектуальных, духовных и физических способностей, интересов, мотивов, выработка научно-материалистического мировоззрения. Движущие силы учения — это радость творчества, ощущение своего роста, совершенствование, уверенность в себе. Методами работы являются совместная деятельность, поиск, всевозможное сотрудничество преподавателя и студентов.

Педагогика сотрудничества — это одна из технологий личностно-ориентированного обучения, которая основана на принципах:

- взаимозависимость членов группы — личная ответственность каждого члена группы за собственные успехи и успехи группы;
- совместная учебно-познавательная деятельность в группе;
- общая оценка работы группы.

Обучение в сотрудничестве рассматривается как метод обучения. Существуют несколько вариантов данного метода обучения.

1 вариант (обучение в команде)

В этом варианте особое внимание уделяется успеху всей группы, который может быть достигнут в результате самостоятельной работы каждого, в постоянном взаимодействии с другими членами этой же группы при работе над темой, вопросом, подлежащим изучению. Поэтому нужно, чтобы каждый член команды овладел необходимыми знаниями, сформировал навыки и при этом вся команда знала, чего достиг каждый. Этот вариант сводится к трем основным принципам:

- а) «награды» команда получает одну на всех в виде балльной оценки;
- б) индивидуальная ответственность каждого означает, что успех или неуспех всей группы зависит от удач или неудач каждого ее члена;

в) равные возможности в достижении успеха означают, что каждый студент приносит своей группе очки, которые он зарабатывает путем объяснения своих собственных предыдущих результатов.

Обучение в команде имеет несколько разновидностей:

1. Организация обучения в сотрудничестве в малых группах, состоящих из четырех человек разного уровня обученности. Преподаватель объясняет новый материал, а затем предлагает студентам в группах его закрепить. Задание делается либо по частям (каждый занят своей частью), либо по «вертушке» (каждое последующее задание выполняется следующим студентом). При этом выполнение любого задания объясняется вслух и контролируется всей группой.

После завершения заданий всеми группами преподаватель на уроке организует общее обсуждение работы над этим заданием разными группами либо рассмотрение заданий каждой группой.

Когда он убеждается, что материал усвоен, то дает уровневый тест на проверку понимания и усвоения нового материала. Оценки за индивидуальную работу (тест) суммируются в группе, и объявляется общая оценка. Таким образом, каждый как бы соревнуется сам с собой, т. е. со своим ранее достигнутым результатом. Эта работа очень эффективна для уроков усвоения нового материала.

2. Другая разновидность такой организации учебного процесса – командно-игровая деятельность. Преподаватель объясняет новый материал, организует групповую работу, но вместо индивидуального тестирования предлагает каждую неделю соревновательные турниры между командами. Для этого организуются «турнирные столы» по трое за каждым столом, равные по уровню обученности. Задания даются дифференцированные по сложности. Победитель каждого стола приносит своей команде одинаковое количество баллов независимо от «планки» стола. Та команда, которая набирает большее количество баллов, объявляется победителем турнира с соответствующим награждением.

3. Третья разновидность совместной групповой работы – это индивидуальная работа в команде. Студенты получают индивидуальное задание и далее обучаются в собственном темпе, выполняя работу. Члены команды помогают друг другу при выполнении своих индивидуальных заданий, отмечая в листах самооценки успехи и продвижение каждого члена команды. Итоговые тесты проводятся также индивидуально и оцениваются самими студентами (главными в группе).

2 Вариант (обучение в сотрудничестве «пила»)

Студенты организуются в группы по 4–6 человек для работы над учебным материалом, который разбит на фрагменты (блоки). Каждый член группы находит материал по своей части. Затем ребята, изучающие один и тот же вопрос, но состоящие в разных группах, встречаются и обмениваются информацией как эксперты по данному вопросу. Это называется «встречей экспертов». Затем они возвращаются в свои группы и обучают всему новому, что узнали сами, других членов группы. Те, в свою очередь, докладывают о своей части задания (как зубцы одной пилы). Отчитывается по всей теме каждый в отдельности и вся команда в целом. На заключительном этапе преподаватель может попросить любого члена команды ответить на вопрос по данной теме.

В конце цикла все проходят индивидуальный контрольный срез, который и оценивается. Результаты суммируются. Команда, сумевшая достичь наивысшей суммы баллов, награждается.

3 вариант метода (обучение в сотрудничестве «Учимся вместе»)

Группа разбивается на разнородные (по уровню обученности) микрогруппы в 3–5 человек. Каждая получает одно задание, являющееся подзаданием какой-либо большой темы, над которой работает вся группа. Внутри микрогруппы студенты самостоятельно определяют роли каждого из них в выполнении общего задания. В результате совместной работы достигается усвоение всего материала.

4. Исследовательская деятельность в группах

Этот метод нацелен на формирование интеллектуальных умений при работе над проектом.

Существуют разнообразные модели обучения в сотрудничестве. Но нам ближе всего тот вариант, который нацелен на формирование интеллектуальных умений исследовательской деятельности при работе над проектом. Ведь проектная деятельность предполагает владение умением работать с текстом, с информацией.

Проект в обучении – это специальным образом оформленная детальная разработка определенной проблемы, предусматривающая поиск условий и способов достижения реального результата; это самостоятельное развитие выработанных умений, применение знаний, полученных на уроках, но уже на новом, поисковом уровне.

На уроках русского языка метод проектов реализуется на этапе творческого освоения материала, когда уже имеется определенный багаж знаний по какой-либо теме. В этом случае уроки русского языка превращаются в дискуссионный, исследовательский клуб, в котором решаются интересные, практически значимые и доступные проблемы. Учебный проект по русскому языку для студентов-исследователей – это возможность делать что-то интересное самостоятельно, в группе или самому, максимально используя свои возможности. Это деятельность, направленная на решение интересной проблемы, сформулированной студентом в виде цели, и позволяющая проявить себя, попробовать свои силы, приложить свои знания и показать достигнутый результат публично.

При работе над информационным проектом студенты собирают информацию о каком-то объекте, явлении с целью её анализа, обобщения и представления для широкой аудитории. Результат – статья, реферат, видеоматериалы и др. К таким проектам можно отнести «Русские семейные имена: история и современность», «Функциональные стили речи», «SMS как новый речевой жанр». Практико-ориентированный проект нацелен на социальные интересы самих участников проекта. Тема заранее определена и может быть использована в практической работе. Так, например, результатом разработки темы «Виды ошибок» является подборка материалов из собственных сочинений и письменных работ «Типология речевых ошибок», «Грамматические ошибки», «Лексические ошибки» и т. д. Одной из других возможных к рассмотрению тем может быть «Средства речевого этикета».

Исследовательский проект по русскому языку – по структуре научное исследование. Он включает обоснование актуальности избранной темы, обозначение задач исследования, обязательное выдвижение гипотезы с последующей её проверкой, обсуждение полученных результатов. При этом используются методы современной науки: лабораторный эксперимент, моделирование, социологический опрос и т. д. К этому виду работы можно отнести следующие исследования: «Русский язык и телевиде-

ние сегодня», «Причины появления неологизмов в современном русском языке», «Фразеологизмы и крылатые выражения в Ветхом завете и Новом завете».

Командно-игровая деятельность. Игра – эффективное средство воспитания познавательных интересов и активизации деятельности студентов. Правильно организованная игра тренирует память, помогает выработать речевые умения и навыки, стимулирует умственную деятельность.

Это один из приемов преодоления пассивности студентов. В составе команды каждый несет ответственность за весь коллектив, каждый заинтересован в лучшем результате своей команды, каждый стремится можно быстрее и успешнее справиться с заданием. Таким образом, соревнование способствует усилению работоспособности всех студентов.

На урок-игру выносятся основные вопросы по данной теме. У преподавателя появляется возможность выявить сильные и слабые стороны в усвоении материала.

Алгоритм построения уроков по игровой технологии

Прежде всего необходимо приучать студентов к дисциплине игры, хотя они уже взрослые. Для этого игровую деятельность необходимо вводить в обычные уроки, так как даже взрослые не умеют себя вести во время игры: выкрикивают свой ответ, оспаривают поставленную оценку. И только когда вы убедитесь, что бесспорно студенты принимают правила игры и не пытаются оспорить справедливо поставленные им оценки, можно приступать к подготовке к игре.

В структуре учебного процесса выделяются 4 элемента – этапа урока.

I. Ориентировочный этап.

Сначала представляется изучаемая тема, напоминаются основные понятия, дается обзор общего хода игры.

II. Подготовка к проведению игры.

Преподаватель излагает сценарий игры, останавливается на задачах, обсуждает со студентами игровые процедуры, предлагает критерии оценок.

III. Проведение игры.

Преподаватель организует проведение игры, фиксирует игровые действия, следит за подсчетом очков.

IV. Обсуждение игры.

В ходе обсуждения дается характеристика «событий игры» и их восприятия участниками, корректируются критерии оценок, высказываются мнения о результативности игры, предложения, пожелания.

Предлагаем темы уроков, которые проводились с использованием командно-игровой деятельности:

- 1 Состав слова. 2 Использование глаголов и глагольных форм в речи.
3. Использование существительных в речи. 4. Орфоэпические нормы.

Кроме таких уроков используем ролевые игры, где студенты выступают в роли членов предложения, частей речи, знаков препинания и синтаксических конструкций.

Обучение в сотрудничестве используется в основном для усвоения новых знаний и их обобщения, создавая таким образом условия для того, чтобы каждый в меру своих возможностей и способностей мог овладеть необходимыми знаниями, умениями и навыками. В связи с этим педагогически целесообразно использовать совместное обучение в малых группах.

Так, можно предложить провести урок-исследование с использованием групповой работы по следующим темам:

1. Слитное и раздельное написание НЕ с разными частями речи.
2. СПП с несколькими придаточными.
3. Обособленные члены предложения.

Особенности современного учебного занятия состоят в том, что происходит переход к качественно новой системе его организации. Принципиально по-новому ставится цель обучения: психическое и творческое развитие личности на основе способности к самореализации. Основу деятельности составляет модель «Я сам учусь», а не модель «Меня учат». Поэтому успешность обучения зависит от деятельности студента, который видит происходящие изменения, оценивает не только конечный результат, но и процесс деятельности, знает предмет и владеет навыками самообучения.

Основная идея современного учебного занятия – это идея свободного урока, свободного от страха и предоставляющего свободу выбора на основе принципа уважения личности другого.

Приоритетом такого занятия становится самостоятельность студентов в поиске решения учебно-познавательных задач на основе сотрудничества, позволяющего осуществить интерактивное обучение, т. е. обучение в общении и через общение. Задача преподавателя на современном уроке – быть помощником, советчиком, а не демонстратором своих ролевых функций.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Морева Н. А.* Современная технология учебного занятия. – М.: Просвещение, 2007. – 158 с.
2. *Полат Е. С.* Современные педагогические и информационные технологии в системе образования: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений -2-е изд., – М: Издательский центр «Академия», 2008. – 368 с.
3. *Селевко Г. К.* Современные образовательные технологии. – М., 1998.

Т. И. Жгарева, Н. М. Малюгина (Москва)

ВЕРТИКАЛЬ ШКОЛА – ВУЗ: КАКОЙ БЫТЬ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ВЫПУСКНИКА СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ?

В последнее время проблеме преемственности между средней и высшей школой уделяется большое внимание, в связи с чем Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, будучи одним из ведущих экономических вузов России, в течение 20 лет сотрудничает с подшефными школами и гимназиями, количество которых в настоящий момент составляет более 80. Работа с этими общеобразовательными средними учебными заведениями не ограничивается лишь профориентационными мероприятиями, включающими проведение Дней открытых дверей, встречи с администрацией школ и старшеклассниками.

Преподаватели кафедры русского языка Финансового университета регулярно встречаются с учителями-словесниками вышеуказанных школ, обмениваясь опытом и обсуждая актуальные проблемы состояния и преподавания русского языка на современном этапе.

Одним из самых важных направлений сотрудничества со школами и гимназиями кафедра русского языка считает проведение занятий по русскому языку в одиннадцатых классах подшефных школ и гимназий (преподаватели кафедры проводят занятия вот уже более 20 лет), написание учебных пособий, адресованных всем, кто хочет обобщить и систематизировать свои знания в области орфографии и пунктуации, развить навыки правописания, а также тем, кто готовится к различного рода испытаниям: Единому государственному экзамену, олимпиадам, пробным тестированиям, контрольным работам, конкурсам, викторинам, диспутам и "круглым столам". Среди них, например, "Русский язык. Учебное пособие для общеобразовательных школ экономического профиля"[2; 3], "Грамотность – путь к успеху"[4; 5], неоднократно издававшиеся в связи с необходимой переработкой и дополнениями. Материалы для данных пособий создавались преподавателями кафедры в процессе работы с одиннадцатиклассниками подшефных школ, а затем неоднократно перерабатывались для последующих изданий. Темы, включенные в последние издания, соответствуют Кодификатору по русскому языку к Единому государственному экзамену. Каждое из названных пособий состоит из двух частей: I часть предназначена для работы в классе под руководством преподавателя, II часть в первую очередь используется для самостоятельной работы, вследствие чего к заданиям прилагаются "ключи". В обеих частях пособия теоретический материал представлен в виде таблиц, которыми может воспользоваться каждый учащийся вне зависимости от начального уровня знаний. Кроме теоретической части в пособии содержится большая практическая часть, представленная упражнениями, заданиями в тестовой форме и заданиями, контролирующими знание теоретического материала.

Исходя из многолетнего опыта работы в школах экономического профиля, была определена структура типового урока, которая легла в основу построения каждого занятия:

1. Новый грамматический материал урока с формулировкой орфографических и пунктуационных правил в виде компактных таблиц с примерами.
2. Первичное закрепление материала по грамматике.
3. Список новых слов для запоминания их правильного написания.
4. Проверка знания грамматического материала предыдущего занятия в тестовой форме.
5. В конце каждого занятия – задание по пунктуации обобщающего характера.

Приведем фрагменты нескольких занятий.

Фрагмент системы заданий блока "Орфография"
Гласные Ы и И после приставок, после Ц

Задание 1. Вставьте пропущенные буквы.

1. без нициативный	4. из мать
2. меж нститутский	5. спорт нвентарь
3. до сторический	6. контр гра

Задание 2. В каком ряду во всех словах пишется Ы?

- 1) из_скать, вз_мать, пост_мпрессионизм, ц_тировать
- 2) пред_стория, с_грать, учениц_, ц_ганский
- 3) девальвац_я, санкц_онировать, пред_юньский, аукц_он

ПРОВЕРЬТЕ СЕБЯ**Задание 3. Выполните задания в тестовой форме.**

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
И										
Ы										

1) мед_нститут, 2) широколиц_й, 3) сверх_зысканный, 4) вз_мать, 5) амортизац_онный, 6) за_грать, 7) меж_здательский, 8) на ц_почках, 9) роз_грыш, 10) супер_гра

Фрагмент системы заданий блока "Пунктуация"**Задание 1. Расставьте знаки препинания.**

1. В прошлом ученый занимался чисто теоретическими вопросами (1) сейчас (2) практическими.
2. С одной стороны (3) кредиты необходимы нашей экономике (4) но (5) с другой (6) они тормозят развитие отечественного производства.
3. Главный офис банка "Восток (7) Запад" находится в центре Москвы.
4. В 1765 (8) 1769 годах в России разрабатывался подробный план выпуска ассигнаций.

Каждая цифра в пунктуационном задании соответствует наличию или отсутствию необходимого знака препинания. Проверка выполнения осуществляется либо в классе под руководством преподавателя, либо самостоятельно по разделу "Ключи", помещенному в конце пособия.

Фрагмент раздела "Ключи" к заданиям блока "Пунктуация" (тема "Тире в неполных предложениях и для обозначения пределов")

1	2	3	4	5	6	7	8
,	-	,	,	,	-	-	-

Работа над всеми темами, начатая по части 1 пособия под руководством преподавателя, продолжается каждым из учащихся дома самостоятельно по части 2 пособия.

Фрагмент системы заданий блока "Орфография"**Суффиксы причастий**

Задание 1. Выполните задания для самоконтроля (орфография). Правильность выполнения проверьте по разделу "Ключи".

- Укажите правильный ответ. Объясните свой выбор. Запишите неопределенную форму каждого глагола.

- 1) стелющиеся растения
- 2) клеящий карандаш
- 3) зависящий от нас
- 4) тающий снег
- 5) движущийся объект

(А) действительные причастия настоящего времени, образованные от глаголов I спряжения

(Б) действительные причастия настоящего времени, образованные от глаголов II спряжения

○ **Укажите правильный ответ. Объясните свой выбор. Запишите неопределенную форму каждого глагола.**

- 1) видимые трудности
- 2) приемлемые условия
- 3) прилагаемые усилия
- 4) слышимые звуки
- 5) недвижимое имущество

(А) страдательные причастия настоящего времени, образованные от глаголов I спряжения

(Б) страдательные причастия настоящего времени, образованные от глаголов II спряжения

○ **Укажите правильный ответ. Вставьте пропущенные буквы в действительных причастиях прошедшего времени перед суффиксом –ви-. Запишите неопределенную форму каждого глагола.**

- 1) обанкрот_вшийся банк
- 2) се_вшийся дождь
- 3) ненави́д_вший ложь
- 4) выздоров_вший вчера
- 5) выдерж_вший испытание

(А) пишется "е"

(Б) пишется "и"

(В) пишется "я"

(Г) пишется "а"

Фрагмент системы заданий блока "Пунктуация" **Знаки препинания при сравнительных оборотах**

Задание 3. Выполните задания для самоконтроля (пунктуация). Правильность выполнения проверьте по разделу "Ключи".

Укажите правильный ответ. Расставьте необходимые знаки препинания, объясняя наличие или отсутствие запятой в предложениях со сравнительными оборотами.

1. Его заработная плата намного больше чем моя.
2. Грамматику родного языка нужно знать как свои пять пальцев.
3. Рассматриваю Ваш ответ как согласие.
4. Мы с ним словно родные братья.
5. В такой стране как Греция развит туризм.

(А) в предложении есть обособляемый сравнительный оборот

(Б) сравнительный союз входит в состав сказуемого

(В) сравнительный оборот имеет характер устойчивого сочетания

(Г) союз "как" имеет значение "в качестве"

Таким образом, обучение старшеклассников навыкам грамотного письма является одной из составляющих работы кафедры русского языка Финансового университета с гимназиями и школами. Однако форми-

рование языковой личности в школе и вузе в контексте коренных изменений системы общего и профессионального образования невозможно без умения творчески мыслить, аргументированно излагать свою позицию, самостоятельно принимать решения. В связи с этим существующее в течение многих лет сотрудничество между Финансовым университетом и базовыми школами претерпевает существенные изменения: кафедра русского языка в целях привлечения "своего" студента использует такие инновационные формы работы для активизации познавательной деятельности учащихся, как подготовка рефератов, дискуссии и "круглые столы". В частности, в 2009 – 2010 и 2010-2011 уч. гг. в 10 -11 классах базовых школ были организованы и проведены «круглые столы» «Состояние русского языка и культуры речи на современном этапе». Старшеклассникам заранее были предложены следующие темы для докладов, рефератов и презентаций: "Русский язык на грани нервного срыва: так ли это?", "Займствования: за и против", "Речь молодежи и молодежный сленг", "Языковой портрет современного российского политика", "Грамматические и речевые ошибки нашего современника. Как с ними бороться?", "Компьютерный сленг и его место в системе современного русского языка". Краткое (7-8 минут) сообщение каждого их выступавших сопровождалось презентацией. По глубине и содержательной стороне выступлений можно было судить о том, насколько серьезно и заинтересованно отнеслись к их подготовке школьники. Докладчики отвечали на большое количество вопросов, результатом чего стала яркая, эмоциональная дискуссия.

В прошлом году "круглый стол" завершился экспресс-викториной "Язык и профессия", в этом – «Мы сохраним тебя, русская речь ...».

Фрагмент экспресс-викторины «Мы сохраним тебя, русская речь ...».

Вопрос № 2. Кому принадлежат следующие высказывания (стихи) о русском языке?

1. ... и мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово!
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!
2. «Ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!»
2. «Русский язык в умелых руках и в опытных устах – красив, певуч, выразителен, гибок, послушен, ловок и вместителен».
3. «Язык есть вековой труд целого поколения».
4. «Язык есть исповедь народа, его душа».
5. «Словом можно убить,
Словом можно спасти,
Словом можно полки за собой повести».
6. «Слово – полководец человеческой силы».

Вопрос № 7. В каких фразах допущены ошибки? Исправьте их.

1. Марат поступил к нам великодушно (Россия 1, "Настоящая жизнь", 24 сентября 2010).

2. Не будучи поклонником современного искусства, эта работа мне очень понравилась ("Непутевые заметки", 24 октября 2010, Дмитрий Крылов).

3. Мне за эту ситуацию очень стыдно и очень жалко (Заместитель главного редактора телеканала "РЕН" Марианна Максимовская, РИА "Новости", 27 сентября 2010).

4. Вам было глубоко индифферентно, где находится Ваш сын ("Пусть говорят", 13 октября 2010).

5. Ваш мальчик был сам себе представлен. ("Пусть говорят", 21 октября 2010).

6. В Москве эта цифра равняется около двадцати процентов (Валерий Виноградов, заместитель мэра, о переписи, "Время", 11 октября 2010).

По завершении работы «круглого стола» старшеклассники пришли к следующему выводу: "Культура речи современного человека напрямую зависит от общей культуры" и привели слова А. М. Горького: "Борьба за чистоту, за смысловую точность, за остроту языка есть борьба за орудие культуры".

ЛИТЕРАТУРА

1. Полат Е. С., Бухаркина М. Ю. Современные педагогические и информационные технологии в системе образования. М.: Академия, 2008.
2. Масленникова И. Л., Бежанова С. В., Ганина Е. В., Малюгина Н. М., Нестерова Е. Н., Полякова Р. И. Русский язык. Учебное пособие для общеобразовательных школ экономического профиля. Ч. 1. М.: Финакадемия, 2006.
3. Давидян Г. Р., Жгарева Т. И., Симонова Е. П., Федорова Е. А. Русский язык. Учебное пособие для общеобразовательных школ экономического профиля. Ч. 2. М.: Финакадемия, 2006.
4. Масленникова И. Л., Бежанова С. В., Ганина Е. В., Малюгина Н. М., Нестерова Е. Н., Полякова Р. И. Грамотность – путь к успеху. Ч. 1, 2 М.: Финакадемия, 2010.
5. Давидян Г. Р., Жгарева Т. И., Симонова Е. П., Федорова Е. А. Грамотность – путь к успеху. Ч. 3. М.: Финакадемия, 2010.

С. И. Меньшикова (Тверь)

СПЕЦИФИКА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ НРАВСТВЕННЫХ КОНЦЕПТОВ В УЧЕБНОМ ТЕКСТЕ

Несмотря на то, что в последнее время учебный текст стали рассматривать как дидактический материал, позволяющий более эффективно осуществлять образовательный процесс, в научной и методической литературе нет однозначной дефиниции учебного текста. Он может трактоваться достаточно широко – как «воплощение способов деятельности, в процессе которой формируется сознание обучающихся» [9, с. 223], как вся доступная информация в традиционном и электронном виде, и предельно узко – как текст с одинаковым набором информативных и лексико-грамматических единиц.

Учебный текст определяют как специально организованный учебный печатный вербальный материал, имеющий определенную структуру, объединенную общностью содержания, связностью составляющих его частей, логической последовательностью входящих в его состав предложений, выражающих законченность и несущих определенную информационную нагрузку; как «тексты, обслуживающие сферу общения – обучение и выполняющие присущие только им дидактические функции» [7, с. 40]; как часть совокупной информации учебника, предназначенной для управляемого становления текстовой деятельности, на основе которой дается система знаний по определенной дисциплине, прививаются определенные умения и навыки людям определенной группы (возрастной, национальной и т. д.) на определенном этапе обучения» [1, с. 12]; как «сообщение, в котором доказательно раскрывается содержание изучаемого объекта, дается его характеристика, но не в целом, а в определенном направлении» [8, с. 43].

Очевидно, что учебный текст имеет те же характеристики, что и любой другой текст, но, как отмечает большинство исследователей, главное отличие учебного текста от неучебного заключается в его дидактической направленности. Ориентированный на образовательный процесс как нерасторжимое единство обучения и воспитания, учебный текст должен отвечать требованиям морально-этического и эстетического характера, нести новую информацию, соответствующую интеллектуальному уровню учащихся, формировать мировоззрение, быть образцовым с точки зрения соблюдения норм устной и письменной речи, обеспечивать формирование и совершенствование речевых умений и навыков, пробуждать интерес, быть доступным за счет учитывающегося объема лексико-грамматических знаний учащихся, а также быть методически обоснованным в плане решения коммуникативных задач.

В качестве определения учебного текста целесообразно использовать такое, в котором подчеркиваются основные характеристики текста, важные именно в образовательном процессе. «Текст – это адресованная, компактная и воспроизводимая последовательность знаков, развернутая по стреле времени, связно передающая некоторое содержание и обладающая смыслом, в принципе доступном пониманию [2, с. 4]. Под адресованностью понимается предназначенность текста определенному кругу учащихся с учетом их возрастных и интеллектуальных особенностей,

что очень важно в учебном процессе при последовательном введении в область знаний и формировании умений и навыков.

При фиксированном количестве часов, отводимых на каждый предмет, практически отсутствует возможность работать на уроке над большими текстами, поэтому компактность текста, связанная с ограничением его объема, является важной характеристикой учебного текста. Кроме того, компактность текста тесно связана и с его воспроизводимостью, которая заключается в том, что письменные тексты, сохраняя форму речевого выражения мысли, могут при необходимости идентично воспроизводиться каждый раз. Воспроизводимость «материального тела» текста в устной или письменной форме и его семантики поддается отражению и интерпретации в сознании личности, что при большом объеме текста сделать значительно труднее.

Важным представляется анализ сагиттальных свойств текста, на которые указывает А. А. Брудный, этот термин происходит от латинского *sagitta* – «стрела» и отражает особое свойство текста находить себе «мишени в реальности». Расположение текста по стреле времени обозначает, что любой текст ограничен временными рамками: у него есть начало и конец. Временные рамки могут размыкаться, когда текст находит свое место в новой реальности. В этом случае он становится не просто объектом изучения и понимания, источником информации, но и средством формирования личности.

В связи с проведением Государственной итоговой аттестации в девятом классе и Единого государственного экзамена в 11-м классе особую значимость приобретают учебные тексты, используемые в качестве контрольно-измерительных материалов. Все они соответствуют требованиям, предъявляемым к учебному тексту, и имеют мотивационную, когнитивную и коммуникативную составляющие. Рассматривая нравственные концепты в учебном тексте, мы остановимся только на мотивационной составляющей, предполагающей, что текст духовно и эстетически насыщен, социально и личностно значим для обучающихся, актуален, занимателен, эмоционален.

Цель данной статьи – выявить специфику репрезентации нравственных концептов в учебном тексте. Мы остановимся на концептах МИЛОСЕРДИЕ, СОСТРАДАНИЕ, которые тесно связаны с эмоциональными концептами.

Эмоциональный концепт, согласно Н. А. Красавскому, представляет собой «этнически и культурно обусловленное, сложное структурно-смысловое, как правило, лексически и/или фразеологически вербализованное образование, базирующееся на понятийной основе, включающее в себя помимо понятия, образ, оценку и культурную ценность, и функционально замещающее человеку в процессе рефлексии и коммуникации однопрядковые предметы (в широком смысле слова), вызывающие пристрастное отношение к ним человека» [6, с. 25]. Если эмоциональную сферу жизнедеятельности человека рассматривать с точки зрения социального содержания, то правомерно говорить о моральных, или нравственных эмоциях. Чувства одобрения, осуждения, удовлетворения, радости, а также чувство стыда, вины, переживание, сочувствие, сострадание можно отнести к нравственным эмоциям, но только в том случае, когда в эмоциях проявляется оценка человеком своих или чужих действий. Принципиальное отличие эмоционального концепта от нравственного заключается в том, что первый непосредственно связан с эмоцией

как личным переживанием, второй – с нравственной оценкой происходящего.

Под нравственным концептом понимается культурно обусловленное ментальное образование, чаще всего объективированное языковыми средствами, включающее в себя образную, понятийную и ценностную составляющие и базирующееся на сознательности как высшей мере нравственно ответственного поведения.

Нравственный концепт имеет такую же структуру, как и другие концепты, однако его особенностью является выделение ценностного компонента. Это объясняется тем, что нравственные концепты, имеющие отношение к духовной сфере народа, относятся к лингвокультурным концептам, в основе которых лежит ценностный принцип. Установлено, что абстрактные лингвоконцепты «более или менее высокого уровня «обрастают» в языковом сознании образно-метафорическими и сочетаемостными ассоциациями, которые, с одной стороны, позволяют этому сознанию «видеть» и, тем самым, понимать эти абстрактные сущности... с другой же – свидетельствуют об органичности и исконности для языка самих этих концептов» [3, с. 34].

Известно, что концепты не всегда имеют вербальное выражение, но в учебном тексте они репрезентированы если не прямыми номинациями, то вторичными или косвенными. Следует отметить, что наличие языкового выражения делает концепт общеизвестным, поскольку его обязательный компонент в виде понятия фиксируется в словарных статьях. Вариативная часть ценностного компонента является непосредственным достоянием индивида, соотносится с его перцептивно-когнитивно-аффективными характеристиками и формируется в течение жизни, претерпевая изменения в соответствии с различными ее этапами. Формирование ценностной составляющей нравственных концептов у индивида начинается в детстве, и в связи с этим учебные тексты играют немаловажную роль в образовательном процессе.

Для выявления специфики репрезентации нравственных концептов в учебном тексте мы рассмотрим текст о милосердии по Д. Гранину из пособия Г. Т. Егораевой для подготовки к ЕГЭ 2009 года и текст Д. Гранина «Милосердие». Текст в пособии рассматривается как учебный текст, специально трансформированный для образовательного процесса, а текст Д. Гранина – как оригинальный. Согласно словарной статье, «сострадание – сочувствие, жалость, вызываемые страданием, несчастьем другого человека [10, с. 209]; милосердие – готовность оказать помощь, проявить снисхождение из сострадания, человеколюбия. А также сама помощь, снисхождение, вызванное такими чувствами» [10, с. 269].

Содержание учебного текста в пособии Г. Т. Егораевой представляет собой «нарезку» оригинального текста, где соблюдена формальная связность, но при этом смысловая целостность нарушена. На первый взгляд этого не видно, более того, если не сравнивать учебный и оригинальный тексты, то так называемой «подмены» заметить невозможно. Проблема заключается в том, что при работе с учебным текстом учащиеся сталкиваются с определенными трудностями: текст, призванный не просто рассказать о милосердии, но прежде всего пробудить милосердие в учащихся, оставляет их равнодушными. Он слишком формализован, из него вынули главное – эмоциональную составляющую, которая заставила бы учащихся увидеть милосердие не глазами автора, а собственными, пробудило бы собственные чувства и внушило бы основную в мысль, вы-

сказанную Граниным: в милосердии нужно постоянно упражняться. В учебном тексте концепт МИЛОСЕРДИЕ и СОСТРАДАНИЕ репрезентирован 1) прямыми номинациями (ключевое слово-репрезентант концепта) – *милосердие*; 2) однокоренными словами (*милосердие – милость*); 3) метафорическими номинациями (*милосердие действительно могло мешать беззаконию, жестокости, оно мешало сажать, оговаривать, нарушать законность, избивать, уничтожать*); 4) устойчивыми сочетаниями («*милость падших*»). В оригинальном тексте Д. Гранина концепты МИЛОСЕРДИЕ и СОСТРАДАНИЕ представлены значительно большим количеством вторичных и косвенных номинаций. Кроме того, часть слов в учебном тексте оказалась опущенной или заменена на другие, несущие, на наш взгляд, иную смысловую нагрузку. Например, в учебном тексте в предложении «*Изъять милосердие – значит лишить человека одного из важнейших проявлений нравственности*» [5, с. 34] исчезло слово «*действенных*». В 4-х томном словаре под редакцией А. П. Евгеньевой дается следующее определение слова *действенный*: «Способный активно действовать, воздействовать на что-либо» [10, с. 378]. Слово *действенный* в данном контексте несет большую смысловую нагрузку, поскольку в начале учебного текста говорится о том, что «обильные разговоры о нравственности часто носят слишком общий характер». Очевидно, что необходимо не говорить о милосердии, а действовать, то есть активно его проявлять.

Далее в учебном тексте читаем: «Как же так получилось, что чувство это у нас *убыло*, заглохло, оказалось запущенным?», Д. Гранин вместо слова *убыло* использует более уместное в ряду однородных членов предложения слово *заросло*. Чувство не может просто так «убыть», тем более, что автор оригинального текста пишет о своей уверенности в том, что «человек рождается со способностью откликаться на чужую боль» [4, с. 136]. Это чувство врожденное, данное человеку вместе с инстинктами, с душой. Необходимо «упражнение в милосердии, без которого это чувство не может жить» [4, с. 136].

В следующем предложении мы читаем: «Милосердие *убывало* неслучайно» [5, с. 34], тогда как у Гранина «Милосердие *изничтожалось* не случайно» [4, с. 135]. Разное написание наречия с *не* тоже несет определенный смысл, в первом случае это утверждение, во втором – отрицание, которое, несомненно, сильнее по воздействию. Писатель использует не мягкое, практически нейтральное слово *убывало*, а предельно жесткое – *изничтожалось*, даже не уничтожалось, а именно *изничтожалось*. Не будем подчеркивать различие в семантике приставок *у-* и *из-*, оно очевидно. Одно дело, когда чувства милосердия и сострадания сами убывают, и совершенно другое, когда они методически и целенаправленно «изничтожаются», тогда понятным становится «душевная глухота» многих современных молодых людей. Д. Гранин на простых примерах рассказывает о случаях проявления и не проявления сострадания, что вызвало бы определенную реакцию у учащихся. Однако понятные примеры из жизни, рассказанные писателем, не нашли места в учебном тексте, вместо них, пропуская страницы о важности практики милосердия, о постоянной готовности помочь другому, автор учебного текста предлагает абзац о призыве к милосердию в творчестве Гоголя, Тургенева, Некрасова. Соединение разных фрагментов оригинального текста в учебный на основании формальной связности приводит к тому, что концепты МИЛОСЕРДИЕ и СОСТРАДАНИЕ оказываются выхолощенными, исчезает

эмоциональная составляющая как важная часть ценностного компонента нравственных концептов.

Таким образом, специфика репрезентации нравственных концептов в учебном тексте заключается в том, что при сокращении и адаптации учебного текста, призванного выполнять дидактическую функцию, порой нивелируется ценностный компонент. И в этом случае сагиттальные свойства текста оказываются нереализованными, текст не находит нужной «мишени в реальности», что приводит к формальному подходу в формировании личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бабайлова А. Э.* Текст как продукт, средство и объект коммуникации при обучении неродному языку. Социолингвистические аспекты. Саратов, 1987.
2. *Брудный А. А.* О сознании и тексте // Мысль и текст. Сб. научных трудов. – Фрунзе: КГУ, 1988. С. 3–10.
3. *Воркачев С.* Любовь как лингвокультурный концепт. – М.: Гнозис, 2007. – 284 с.
4. *Гранин Д. А.* Милосердие. – М.: Советская Россия, 1988. – 144 с.
5. *Егораева Г. Т.* Практикум по русскому языку: подготовка к выполнению части 3 (С) – М.: Экзамен, 2009. – 94 с.
6. *Красавский Н. А.* Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: Монография. – М.: Гнозис, 2008. – 374 с.
7. *Кудрявцева Т. С.* Функционирование текста в учебном процессе // Текст как объект лингвистического анализа и перевода. – М.: ИЯ АН СССР. – 1984. С. 34–42.
8. *Мотина Е. И.* Учебный текст по специальности как особая коммуникативная единица // Русский язык за рубежом. – 1978. – № 1. – С. 42–46.
9. *Сабина А. А.* Учебный текст: структура и прагматика // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. – СПб., 2009. – № 97 – С. 222–225.
10. *Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, ИР-т рус. яз. / Под ред. А. П. Евгеньевой. – М.: Русский язык. 1981 – 1984. Т. 1 А-Й. 1981. – 698 с.; Т. 2. К-О. 1982. – 736 с.; Т. 4. С-Я. 1984. – 794 с.*

Е. В. Омельченко (Челябинск)

ПРОЕКТНАЯ КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ В РАМКАХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ДИСКУРСА

Процесс обучения – это коммуникация, так как сутью его является передача знаний и обмен информацией. Социальность данного процесса предопределена его ментальным, психологическим, временным контекстом. Инновационные образовательные технологии в настоящее время представляются как дискурс. Дискурс – это речь, «погруженная в жизнь», рассматриваемая как направленное целевое действие; «это сложное коммуникативное явление, включающее в себя текст (корпус

текстов) и социальный контекст, дающий представление, как об участниках специальной коммуникации, так и о процессе производства и восприятия сообщения [2]».

Образовательный дискурс – явление многоплановое: во-первых, знания и умения, включенные в дискурсивную практику, приобретают особый социальный, жизненно значимый статус, во-вторых, сам дискурс является продуктивной методикой обучения гуманитарным предметам. Дискурс позволяет спроецировать объективную реальность в поле субъективности, в данном случае – в значимую потребность, ибо освоить умение свободно творчески владеть речью принципиально важно для будущего компетентного специалиста и является доминирующим качеством в конструкторе современной языковой личности.

Дискурс – явление динамичное, что позволяет изменять границы реальности, исследовать не застывшие (в этом смысле – неживые, неактуальные, устаревшие) пласты информации, а пространство живого языка. Дискурс выводит за рамки язык и коммуникативную ситуацию (по Ван Дейку) в широкую сферу – сферу жизненной реальности [2]. Таким образом, взгляд на процесс обучения языку как на образовательный дискурс позволяет решить многие проблемы, в том числе включенности личности в социум, и использовать «стратегию потенциальности» в плане коммуникативной ситуации, которая становится не виртуальным, а вполне реальным репетиционным полем общения в развитии языковой личности студента.

Дискурс как процесс реализуется посредством коммуникативных стратегий (дискурсивных стратегий). Коммуникативная стратегия определяется как «когнитивный план общения, посредством которого контролируется оптимальное решение коммуникативных задач» (по О. С. Иссерс) [3]. При этом параметры коммуникативной ситуации связаны с важными в коммуникации критериями оценки речевой ситуации: уместность и неуместность; ритуальность, стереотипность и нестереотипность; личностные особенности, социально-возрастной статус собеседника.

С. Дацюк понимает под коммуникативными стратегиями конвенциональные, тогда как некоммуникативные стратегии названы манипуляционными в силу того, что в них реализуется навязанная извне цель [1]. Конвенция как тип продуктивной коммуникативной стратегии, направленной на взаимодействие, является интерактивной, так как требует реализации личностных качеств участника коммуникации. Сутью конвенциональной коммуникации является делиберативный процесс как своего рода диалог, обсуждение и свободное рассуждение [4].

Делиберативная коммуникативная среда дает возможность обмена мнениями, в ходе которого каждый заявляет о себе, отстаивая собственные интересы, но утверждаются такие, которые проходят проверку на общественном форуме, то есть получают поддержку. Так происходит уравнивание интересов и справедливое сопряжение результатов обучения. Все это позволяет развить навыки коммуникации, активизирует личность, развивает черты коммуникативного идеала (владение речью, умение слушать, толерантность, эмпатию).

Проектная коммуникативная стратегия имеет целью трансформацию знаний в блоке с коммуникативными умениями, которые отрабатываются в ходе риторических тренировок, в процессе создания и последующей презентации проектов. В этом смысле проблема трансляции знаний не

первостепенна, так как на первый план выходит проблема выработки способов субъективации (приведение индивида к некоему качеству, иной форме субъективности, самостоятельности и творчества, что само по себе является формой нового знания).

Важным условием реализации проектной коммуникативной стратегии является момент определения общего дискурсивного пространства – той объектно-символической области, в контексте которой возможно осуществление данного коммуникативного действия. Такая область выстраивается участниками учебной коммуникации на материале творческих, самостоятельно создаваемых, оригинальных текстов (проектов).

Наметим шаги проектной коммуникативной стратегии (определим содержание конкретного образовательного дискурса):

1. Выбор темы проекта: обращение к интересам студента, предложение списка примерных тем, выявление проблем исследования, сопряжение интересов с актуальными проблемами курса, проецирование темы на общие интересы коммуникантов.

2. Подготовка плана проекта: знакомство с исследовательским материалом, применение методов и средств филологического анализа, выстраивание гипотезы и прогнозирование результатов, определение темы, целей и задач исследования, степени новизны и значимости работы, определение срока выполнения исследования.

3. Исследовательская работа с творческим материалом.

4. Консультирование: обмен информацией на этапах исследования, обсуждение промежуточных результатов исследования, оказание помощи в оформлении работы в рамках научного стиля.

5. Создание текста исследования (письменный вариант).

6. Контроль качества проекта: проверка работы с целью определения качества и соответствия требованиям, собеседование.

7. Создание текста выступления по теме проекта (устный вариант). Презентация: консультация, обсуждение, апробация, собеседование.

8. Выступление исследователя перед аудиторией: определение критериев оценки выступающих и проектов, слушание, обсуждение.

9. Рейтинг участников презентации.

10. Оценка участников проектной коммуникации.

В рамках проектной коммуникации возникает своего рода деловая игра позиционирования себя как исследователя, оратора, творца в поиске новых форм, способов языкового выражения и их оценки; реализуется коммуникативная стратегия личностной репрезентации.

По итогам оценки определяются лучшие лингвистические проекты, при этом в систему критериев оценки входят: культура речи (правильность, уместность, выразительность), техника речи (риторические умения и владения навыками публичного выступления), оценка вербальных и невербальных средств общения, наглядность в ходе представления проекта, новизна и практическая значимость лингвистического проекта.

Лучшие работы включаются в итоговый сборник лингвистических проектов «Звук. Цвет. Смысл», что создает дополнительную мотивацию для обучаемых.

Тематика проектов обусловлена социально-возрастными факторами, культурными традициями, личностными интересами, но в любом случае образовательный дискурс связывает тематику с преподаваемым предметом и особенностями языковых средств выражения в различных сферах (табл. 1).

Таблица 1. Темы лингвистических проектов

	Тематика проектов	Примеры выполненных проектов
1	Анализ языковых средств в художественных произведениях	Цветофонический анализ страниц М. Булгакова «Мастер и Маргарита»
2	Анализ языковых средств в текстах рок-поэзии	Языковой анализ текстов групп «Аквариум», «Кино», «Наутилус Помпилиус», «Сплин», «7 раса»
3	Языковой анализ рекламных текстов	«Слоганы автомобильных компаний», «Политические слоганы»
4	Языковой анализ различных типов коммуникативных пространств (кинофильмов, анекдотов, заговоров, собственных произведений)	«Анекдот как уникальное явление современной русской речи», «Заговоры», «Коммуникативный анализ эпизодов фильма Джима Джармуша «Кофе и сигареты»
5	Городская коммуникация. Нэйминг. Языковой анализ названий (продуктов питания, магазинов, салонов красоты, кафе и ресторанов, баз отдыха, медицинских центров)	«Анализ названий магазинов (Как лодку назовешь, так она и поплывет)», «Анализ названий салонов красоты г. Челябинска», «Анализ названий кафе и ресторанов г. Челябинска»
6	Городская коммуникация (анализ речи врача, учителя, менеджера, кондуктора, кассира и т. д.)	«Врач – лингвоактивная профессия»
7	Гендерные аспекты коммуникации (способы знакомства, комплимент как эмоционально настраивающая тактика, особенности мужской и женской коммуникации)	«Искусство делать комплименты», «Некоторые аспекты коммуникативных стратегий»
8	Межличностная коммуникация (преодоление вербальной агрессии, законы общения, принципы толерантности и эмпатии)	«Методы речевого воздействия в книге «Как относиться к себе и людям. Или практическая психология на каждый день»
9	Межкультурная коммуникация (коммуникативные портреты русских, французов, немцев, англичан, американцев; преодоление межкультурных стереотипов в общении)	«Совместимость современной российской и современной украинской культур»
10	Язык современной молодежи (особенности школьного и студенческого сленга, язык форумов, Интернет-коммуникация).	«Рекламные слоганы в Интернете»

Таким образом, лингвистические проекты можно рассматривать как перспективный подход к проблемам развития творческой самостоятельности будущих специалистов и оценить как средство конвенциональной коммуникации. Это очень важно, так как современный учебный процесс регулируется практической значимостью, личностным смыслом, прагма-

тической логикой, а отношения «студент-преподаватель» характеризуются партнерством.

Итак, проектная коммуникативная стратегия представляется как интерактивная, конвенциональная, характеризуется делиберативностью, следовательно, является продуктивным инновационным средством обучения языковым дисциплинам.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дацюк С.* Коммуникативные стратегии [Электронный ресурс] // http://www.uis.kiev.ua/discussion/communicative_strategy.html // <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/gtmarket/2006/127>.
2. *Дейк Т. А. ван.* Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989.
3. *Иссерс О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи [Текст] / О. С. Иссерс. – М.: УРСС, 2006. – 288 с.
4. *Хабермас Ю.* Демократия. Разум. Нравственность. — М.: Наука, 1992. — 176 с.

Н. П. Осипова (Тверь)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Как изжить пассивность многих учеников на уроке? Как связать их теоретико-лингвистические знания с нравственным взрослением? Как воспитать ответственность «за судьбу» нашего языка? Как повлиять на ученика усилиями его самого? Какие качества следует у него развивать? Многие из этих наболевших вопросов можно удачно разрешить, используя на уроках современные педагогические технологии, ключевые понятия которых внедрялись в преподавание еще в 60 – 70-е годы XX века учителями В. П. Беспалько, Н. Ф. Талызиной, М. А. Даниловым, В. П. Есиповым, А. М. Матюшкиным и др. С тех пор их идеи программированного и проблемного обучения развивались и находили все большее применение в современной школе.

В настоящее время при изучении русского языка стали широко использоваться следующие педагогические технологии: модульная технология обучения (Т. И. Шамова, П. И. Третьяков, И. Б. Сенковский); технология развивающего обучения (И. С. Якиманская, Л. В. Занков); игровая технология (Ш. А. Амонашвили, О. В. Канарская, Д. Б. Эльконин); проблемно-эвристическая технология (А. В. Хуторский); метод проектов, информационные технологии (Е. С. Полат); технология интенсификации обучения на основе схемных и знаковых модулей учебного материала (В. Ф. Шаталов) и др. Несмотря на многообразие технологических подходов, большинство исследователей в качестве характеристик педагогических технологий выделяют общее в них: системность, целостность, научность, интегративность, управляемость, диагностичность и гарантируемость результатов.

Принципиальные основания современных педагогических технологий подробно описаны в книге А. К. Колеченко [2]. Это принцип развивающего обучения, принцип воспитывающего обучения, принцип создания успеха в обучении, принцип «стопроцентной обратной связи», принцип регулярного повторения, принцип максимального участия учеников в учебном процессе, принцип ориентации на «зону ближайшего развития» учащихся.

Главное, что характеризует применение педагогических технологий в обучении, – это новый способ постановки педагогических целей, которые формулируются как предполагаемый результат работы учеников в виде конкретных умений и навыков.

Учитывая практические проблемы в изучении русского языка, методисты советуют внедрять современные методы и формы обучения в традиционную структуру урока. Так, в практике преподавания сложилась система нетрадиционных уроков:

- интегрированные уроки, основанные на межпредметных связях;
- уроки в формах и жанрах интервью, репортажа, исследования;
- уроки в форме соревнований (лингвистический бой);
- уроки-презентации;
- уроки, имитирующие определенные виды общественно-культурных мероприятий или деятельности организаций и учреждений (заочная экскурсия, рок-путешествие, гостиная, заседание ученого совета, рок-телепередача и т. д.).

Новые образовательные технологии предполагают и новые модели построения всего учебного процесса, где важная роль отводится взаимосвязанной деятельности учителя и ученика. При этом перед началом использования той или иной технологии (а также по завершении работы по ней) необходимо проводить диагностику учащихся.

Таким образом, учитель, работающий в рамках одной из предметно-ориентированных технологий, должен руководствоваться системным подходом к своей деятельности, учитывать специфику предмета и возрастные особенности учащихся.

Известно, что психофизической характеристикой школьников 10-15 лет является их направленность на осознание себя как личности. Именно для этого возраста становится проблематичным изучение всех учебных предметов на высоком уровне, недостижимом для многих.

В связи с этой проблемой московскими и петербургскими педагогами в середине XX века была разработана технология уровневой дифференциации. Дифференциация должна осуществляться не за счет того, что одним ученикам дают меньший объем учебного материала, а за счет того, что, предлагая учащимся одинаковый его объем, учитель ориентирует учеников на разные уровни к его усвоению.

В практике обучения признаны две формы дифференциации: внешняя (создание на основе интересов, склонностей, способностей определенных групп обучаемых) и внутренняя (уровневая, включающая совокупность методов, форм и средств обучения, которые применяются с учетом индивидуальных особенностей учеников на основе разных уровней учебных требований). Дифференцированное обучение на уроках русского языка – это работа по одной программе, но на разных уровнях сложности с целью развития личности каждого ученика.

Таким образом, технология уровневой дифференциации – одна из важных составляющих личностно-ориентированных технологий, основ-

ными задачами которых является формирование и развитие интеллекта и речи учащихся, активизация их творческой и познавательной деятельности.

Приведем пример урока по русскому языку, на котором учитель применяет в обучении личностно-ориентированную технологию.

Тип урока

Урок обобщающего повторения по теме «Синтаксис и пунктуация» (данный урок проводится в 10-ом классе в конце первого учебного полугодия, но не является завершающим).

Цель урока: повышение лингвистической, языковой, коммуникативной и культурологической компетенций учащихся.

Задачи урока

1. Лингвистические и языковые (освоение знаний о языке как многофункциональной знаковой системе и общественном явлении):

- а) формирование и развитие навыков культуры речи;
- б) проверка орфографической и пунктуационной грамотности;
- в) развитие умения схематического объяснения орфографических и пунктуационных особенностей.

2. Коммуникативные (развитие навыков монологической и диалогической речи):

- а) проявление личной инициативы в работе;
- б) развитие умений работать организованно – самостоятельно и в парах;
- в) развитие воображения, логического мышления;
- г) развитие умения самостоятельно отбирать необходимый информационный материал и умения вычленять основное;
- д) развитие риторического мастерства.

3. Культурологические (взаимосвязь языка и культуры народа):

- а) обогащение знаний о родном городе;
- б) проявление любви к родному краю, городу и т. д.;
- в) проявление чувства гордости и патриотизма;
- г) проявление любознательного отношения к окружающему миру.

Вид урока

Заочная экскурсия – «Город, опоясанный мостами» – мысленно проводится по набережным родного города. Эта нестандартная форма урока с использованием ИКТ способствует заинтересованности, положительной эмоциональной настроенности десятиклассников, что, в свою очередь, активизирует их творческую деятельность и развивает их познавательные способности.

Примечание.

Для учеников-экскурсоводов за две недели до проведения урока предлагается творческое домашнее задание, состоящее из следующих рабочих моментов:

- 1) Изучение и накопление материала по определённому экскурсионному объекту;
- 2) Составление текста;
- 3) Выбор и подготовка карточек (фотодокументов) определённого экскурсионного объекта;
- 4) Работа над связной и выразительной устной речью (риторика).

Структура урока

- 1. Организационный момент.
- 2. Сообщение темы. Постановка целей и задач урока.

3. Восприятие особенностей экскурсионных объектов, первичное осознание полученной информации.

Выступления учеников-экскурсоводов:

- *Первый объект – Староволжский мост.*
- *Второй объект – памятник Афанасию Никитину.*
- *Третий объект – бывший Отроч монастырь, ныне здание Речного вокзала.*

- *Четвертый объект – «Новый» мост через Волгу.*

- *Пятый объект – городской сад и памятник А. С. Пушкину.*

После рассказа ученика-экскурсовода об уникальности того или иного объекта, об истории его создания и современной эксплуатации учащихся класса предлагаются дифференцированные задания по теме урока.

4. Обобщение и систематизация знаний учеников по теме «Синтаксис и пунктуация» (выполнение дифференцированных заданий).

Задания имеют разные уровни сложности, что позволяет создать условия для успешной деятельности всех учащихся класса. Учитель старается максимально использовать все средства и приемы для развития личности ученика, его активного умственного роста, глубокого и осмысленного усвоения знаний, для формирования его нравственных основ. Дифференциация осуществляется за счет того, что, предлагая учащимся одинаковый объем материала, учитель направляет их на различные уровни требований к его усвоению.

(Внутренняя дифференциация основана на учете индивидуальных особенностей учеников по уровням: А – базовый уровень, В – продвинутый.)

5. Подведение итогов урока (листы самоконтроля).

– Все ли цели достигнуты на уроке?

– Что нового узнали о нашем городе?

– Если этот урок повторить, чтобы изменили или добавили?

– Оцените свою работу на уроке, поставив себе за урок оценку.

6. Домашнее задание: письмо другу о нашем городе (при написании использовать разнообразные синтаксические конструкции).

Таким образом, на уроке учитываются интеллектуальные способности учащихся, а также уровень их познавательной активности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глоссер У. Школа без неудачников. М.: Прогресс, 1991.
2. Колеченко А. К. Энциклопедия педагогических технологий: пособие для преподавателей. СПб.: КАРО, 2005.
3. Парфенова Е. Л. Дифференцированное обучение как средство воспитания интереса к урокам русского языка. «Русский язык в школе», 2005, № 3.
4. Рябухина Е. А. Проблема разработки критериев уровневого подхода к преподаванию русского языка в профильной школе. «Наука и школа», 2008, № 4.
5. Третьяков П. И., Сенновский И. Б. Технология модульного обучения в школе: Практико-ориентированная монография. М.: Новая школа, 1997.

Л. Г. Рамазанова (Махачкала)

МЕТОДИКА РАБОТЫ ПО РАЗВИТИЮ РЕЧИ В СВЯЗИ С ОБУЧЕНИЕМ ЧТЕНИЮ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ШКОЛЕ

Развитие речи – основное направление обучения русскому языку в национальной школе. Поэтому каждый урок русского языка должен быть уроком формирования и развития связной русской речи. В условиях отсутствия русской речевой среды чтение является одним из важнейших источников формирования русской речи, обогащения запаса слов, синтаксических конструкций.

Первоначальным компонентом формирования и развития речи учащихся дагестанской начальной школы является накопление необходимого словарного запаса. Следовательно, составной частью каждого урока чтения следует считать своевременное проведение лексико-фразеологической работы, семантизацию новой лексики. Систематическое проведение словарной работы требует понимания того, что слово является важнейшей единицей языка, носителем значений. Словами и их сочетаниями обозначаются конкретные предметы и отвлеченные понятия, словами же выражаются и эмоции. Любое речевое высказывание складывается из слов и их сочетаний, выстроенных в определенной последовательности, в соответствующих грамматических формах. Чем богаче словарь человека, тем шире у него возможности выбора и более точного и выразительного оформления мысли.

Словарная работа в многонациональной начальной школе имеет свою специфику. В первую очередь необходимо учитывать существенные различия между лексико-фразеологическими системами русского и дагестанского языков. С учетом этих различий методикой обучения русскому языку в национальной школе разработаны принципы проведения словарной работы [3, с. 54–55].

Основным принципом словарной работы в дагестанской начальной школе следует считать учет специфики лексико-фразеологической системы родного языка. Мы выяснили, что основными причинами лексических ошибок является несовпадение объема значений слов в русском и аварском языках, правил их сочетаемости. «В ряде случаев двум и более словам русского языка в дагестанских языках соответствует одно слово, например: *приехал и пришел, положил и поставил, горячий, знойный, жаркий; дом, квартира, хижина*. Каждой группе указанных слов в родных языках соответствует по одному слову» [3, с. 54–56]. Точно такая же специфика характерна и для аварского языка.

Новые слова мы сначала объясняли наиболее подходящим способом семантизации, потом вводили в речь учащихся, повторяли многократно. Такая работа способствует введению новых слов в активный словарь.

Таким образом, методика словарной работы в дагестанской начальной школе предусматривает следующие моменты: отбор необходимой лексики из текста для семантизации, обогащение словаря учащихся новыми словами; закрепление ранее усвоенных слов, их новых значений, активизация новых слов, усвоение новых значений знакомых учащимся

слов, законов лексической сочетаемости, в том числе фразеологически связанных и синтаксически обусловленных значений.

Активный словарь пополняется определенными словами из пассивного словаря. Учащиеся пользуются в своей речи таким словарем. Необходимо добиваться включения новых слов в пересказы, в ответы на вопросы и т. д. Активизации новых слов помогает также правильное восприятие слов в контексте, систематическое их повторение. Словарная работа должна быть связана со всеми видами анализа текста.

Составной частью словарной работы в аварской начальной школе следует считать наблюдения над поэтическими выражениями, яркими эпитетами, словами, раскрывающими авторский замысел и идейное содержание. Такая работа проводится после усвоения содержания, при проведении анализа произведения, так как изобразительно-выразительные средства вызывают у детей определенные трудности. В этой связи мы рекомендуем приводить параллели, если имеется такая возможность, из художественной литературы на дагестанских языках.

Выбор способа семантизации новой лексики зависит от уровня подготовки учащихся, от характера отобранных для объяснения слов, от наличия наглядных пособий.

Эффективным методическим приемом развития речи является составление плана текста. План помогает последовательно изложить содержание произведения, выделить основную мысль, установить взаимосвязь между отдельными частями текста, закрепить новые слова, ввести их в активный словарь. Систематически проводимая работа над планом способствует развитию речи и мышления младших школьников. Учащиеся учатся делить текст на законченные в смысловом отношении части, находить основную мысль в каждой части плана, кратко и четко формулировать главную мысль в виде заголовка части текста или пункта простого плана.

Обучение составлению плана следует начинать с коллективной работы. Учитель читает законченный по смыслу отрывок текста и предлагает детям озаглавить его. Учащиеся предлагают разные названия. Выбирается наиболее удачный и объясняется учащимся, почему именно такой пункт выбран. Предлагается сразу ответить на пункт плана или найти в тексте ответ и прочитать.

Следующим видом работы, подготавливающим детей к составлению плана, является выборочное чтение под руководством учителя. Дети читают те части текста, которые являются ответом на поставленный учителем вопрос. Выборочное чтение учит детей выделять из рассказа нужные мысли, развивает умение делить рассказ на части.

Обучение составлению плана строится с учетом постепенного нарастания трудностей и проводится в определенной последовательности.

В начальных классах национальной школы работа над планом рассказа или сказки проходит на основе эмоционального восприятия содержания, и сам план часто имеет образное (картинное) выражение. Так можно дать несколько иллюстраций по сказке, с нарушенной последовательностью и предложить детям расположить их сообразно содержанию. Дети дают название картинке и отмечают в тексте место каждой из них, получается картинный план. Так ученики могут составлять план сами на основе творческого воображения. Можно использовать иллюстрации, имеющиеся в книге. При этом дети рассматривают иллюстрации и находят в тексте ту часть, к которой она относится, озаглавливают ее.

Постепенно дети учатся составлять план самостоятельно, пересказывают по мере содержание текста, что следует считать одним из эффективных методических приемов развития связной речи.

Чаще всего как вид развития речи используются различные пересказы. Редкий урок проходит без пересказа. Разнообразие видов пересказа, варьирование подготовки к нему оживляют уроки, повышают уровень их речевого развития детей. При пересказе мы часто практиковали пересказы по опорным словам. В качестве опорных слов можно давать и новые слова. Это помогает активизировать новую лексику, запоминать содержание по предложенным опорным словам.

В начальных классах дагестанской школы практикуются пересказы, близкие к тексту, подробные, сжатые. В пересказах, близких к тексту, учащимся предлагается употребить в своей речи слова, синтаксические конструкции, соблюдая последовательность, как в тексте. Это позволяет запоминать отдельные конструкции предложений, а затем по их образцу составлять аналогичные самими учащимися. Обогащается речь не только отдельными словами, но и различными типами предложений, дети учатся последовательно излагать содержание текста.

Подробный пересказ отличается от близкого к тексту тем, что передается содержание подробно, но не обязательно словами и предложениями текста. Более сложным для учащихся-аварцев является сжатый пересказ.

При пересказе по плану следует обучать находить основную мысль и кратко её передавать. Главной задачей подробного пересказа является передача образца текста, сохраняя при этом композицию, логику, лексику, синтаксис образца. Такие пересказы обогащают язык учащихся, воспитывают у них чувства языка.

К пересказу нужно готовить учащихся. Детей нужно предупредить перед чтением текста о том, что они будут пересказывать, должны запомнить слова и предложения с тем, чтобы употребить их в своем пересказе. Закрепляются новые слова и отдельные конструкции предложений. При составлении плана дети пересказывают по частям. После необходимой предварительной работы пересказывают содержание.

В многонациональной начальной школе пересказ зависит от того, как прочитан текст учителем. В связи с этим очень важно то, как звучит произведение при первичном его восприятии учащимися, как они его воспринимают.

В 3-4 классах мы практиковали выборочный пересказ. Он предполагает передачу какой-нибудь одной из частных тем изучаемого текста. Выборка может производиться из разных частей текста, например, пересказать все, что относится к характеристике, например, маленького Гришутки из рассказа Д. Мамина-Сибиряка «Емеля-Охотник» и т. д.

Выборочные пересказы в 4 классе могут служить основой подготовки к сочинению типа характеристики литературных героев.

В учебниках для 3-4 классов имеются задания по творческому пересказу. Его сущность состоит в том, что учащиеся по заданию учителя что-то изменяют или добавляют. Кроме тех заданий, которые даны в учебнике по чтению, мы предлагали в четвертом классе следующие дополнения: пересказ с изменением лица рассказчика, пересказ от лица одного из героев рассказа, инсценировка рассказа, развитие какого-либо эпизода, пейзажной зарисовки.

Передача содержания текста с изменением лица рассказчика можно назвать первоначальным творческим началом подготовки к инсценировке. Такая перестройка текста носит чисто грамматический характер. Однако она способствует формированию связной речи, закреплению грамматических форм. Кроме того, замена одного лица другим, например, замена 1-го лица 3-м, требует внесения в текст некоторых изменений и дополнений.

Пересказ от лица одного из героев произведения требует более высокого уровня творческой работы от учащихся аварской начальной школы. Школьник должен войти в роль одного из героев произведения, учесть его возраст, характер, посмотреть на события его глазами, понять манеры его речи, поведения. Такая работа способствует развитию связной речи, формированию у детей неподготовленной русской речи, развивает воображение школьников, повышает интерес к рассказу, формирует навыки самостоятельной работы.

Одним из сложных видов в работе по развитию речи оказалась инсценировка. Такой вид работы оказался самым сложным, но очень интересной формой творческой перестройки текста. Для инсценировки рекомендуется брать тексты, в которых имеется много диалогов и сравнительно простая обстановка. Подготовительной работой к инсценировке является чтение по лицам. Такая предварительная работа помогает детям отработать выразительное чтение, выделять голосом слова, принадлежащие отдельным персонажам. При пересказе по лицам учащиеся передают только диалоги, речь героев произведения, а ведущий в сжатой форме обрисовывает обстановку, на фоне которой происходит действие.

Творческие пересказы требуют большой подготовительной работы. Поэтому они проводятся не очень часто, но и не должны быть эпизодическими.

Таким образом, наша работа и её результаты свидетельствуют, что различные виды пересказов являются эффективными формами формирования и развития речи. Что касается уроков чтения, это один из важнейших источников пополнения словаря, формирования связной русской речи. Данная проблема нуждается в дальнейшем исследовании применительно к другим национальным школам многоязычного Дагестана.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абдуллаев А. А.* Социолингвистические основы обучения русскому языку в дагестанской школе. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1962. 162 с.
2. *Бакеева Н. З.* Лингвистические основы методики обучения русскому языку в национальной школе. // Методика преподавания русского языка в национальной школе. – Л.: Просвещение, 1981. – С. 16–20.
3. *Буржунов Г. Г.* Лингводидактические основы обучения русскому словесному ударению в дагестанской национальной школе. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1989. 52 с.
4. *Буржунов Г. Г., Пахомова З. П., Тамбиева Д. М.* Методика преподавания русского языка в начальной национальной школе. – Л.: Просвещение, 1980. 320 с.
5. *Магомедов Г. И., Судакова Н. Я., Шурпаева М. И.* Русская речь. Учебник для 4 класса дагестанской национальной школы – Махачкала: Изд-во НИИ педагогики, 1998. 271 с.

Н. М. Сергеева (Тверь)

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В ШКОЛЬНОМ КУРСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Раздел «Словообразование» является одним из самых интересных и в то же время наиболее сложных в школьном курсе русского языка. Так, по итогам ЕГЭ 2006–2010 г. г. с заданием В 1 (указать способ словообразования данного слова или найти в небольшом фрагменте текста слово определенной словообразовательной структуры) справляются лишь около 40% выпускников. Школьники даже в самых старших классах путают морфемный и словообразовательный разборы, не умеют находить образующее (исходное) слово, членят слова на морфемы формально, называют способ словообразования без учета семантической связи слов, не опираясь на соответствующую словообразовательную модель. Причин такого положения несколько: необходимость опоры при изучении орфографии на морфемный анализ слова заставляет учить членить слово по составу уже во втором классе – несомненно несоответствие сложности учебного материала возрастным возможностям детей. Во-вторых, правильно, осознанно вычленять значимые части слов возможно только опираясь на знания по словообразованию – у нас всё наоборот. Наконец, данный раздел школьного курса русского языка требует от учащихся не заучивания, а постоянной аналитической работы, навыка исследования лингвистического материала.

Наконец, школьные учебники содержат далеко не полные и, к сожалению, не всегда безупречные с точки зрения научной лингвистики сведения о способах словопроизводства в русском языке. Так, в учебном комплексе В. В. Бабайцевой и Л. Д. Чесноковой утверждается, что слова *беззастенчивый*, *бесиумный*, *предвечерний* образованы приставочным способом; в новом учебнике 6 класса под редакцией С. И. Львовой так же определяется способ словообразования слова *заоблачный*, в учебном комплексе М. М. Разумовской показано образование прилагательных *безграмотный* от *грамотный*, *бесконечный* от *конечный*, *хлебобулочный* от *хлебный* и *булочный*, *задиристый* от слова *задира*. В ряде пособий как для пятиклассников, так и для самых старших школьников бессуффиксный способ (правильнее, конечно, с помощью нулевого суффикса) лишь упоминается без должных объяснений или вообще не рассматривается. Например, так в учебнике 5 класса С. И. Львовой в разделе «Словообразование имен существительных». Здесь, в задании 590, предлагается учащимся самостоятельно расположить в виде «дерева» приведенные однокоренные слова, среди которых есть слово *заводь* – ошибка в этом случае неизбежна, так как ни слова об этом способе словопроизводства в параграфе не говорится.

В школьных учебниках нет сведений о формообразующих суффиксах – понятно, почему, получив для словообразовательного анализа глагол в форме прошедшего времени, выпускники утверждают: *освоил* от инфинитива *освоить* – суффиксальный способ. И даже там, где в последних редакциях учебников исправлены досадные ошибки, теоретический материал дан крайне скупо, неполно, без внимания к сложным случаям словопроизводства. В частности, в учебнике для 6 класса под редакцией

Н. М. Шанского бессуффиксному способу посвящена одна строчка: *бессуффиксный способ: переход образован от переходить*.

В теоретической части школьных учебников не говорится о возможности в ряде случаев по-разному устанавливать исходное слово. О двоякой соотнесенности можно говорить, например, применительно к наречиям с приставкой НЕ: *негромко от негромкий и от громко*.

Самая большая беда, что мы не учим детей системному взгляду на явления языка, не подчеркиваем взаимосвязь лексического значения нового и исходного слова, не изучаем семантику морфем, не опираемся на словообразовательные модели слов со сходным грамматическим значением. Как можно, например, объяснить лексическое значение слова *бесснежный* через *снежный*, *бескорыстный* через *корыстный*? Их нужно объяснять, опираясь на одноструктурные слова: *бесснежная зима* – *когда нет снега*, *бескорыстный человек* – *не заботящийся о корысти*, *бездумное отношение* – *не обремененное думами и т. д.*

Перечень способов образования слов должен сопровождаться развернутыми разъяснениями, понятными шестиклассникам.

При **приставочном** способе приставка прибавляется к целому исходному слову, не изменяется конец слова и часть речи: *ехать* – *приехать*, *отъехать* (глаголы), *яркий* – *неяркий*, *сверхяркий* (прилагательные), *где* – *нигде*, *негде*, *кое-где* (наречия). Чаще всего приставочным способом образуются глаголы.

Суффиксальный способ. К основе исходного слова прибавляется суффикс и окончание: сиде-ть – сиделка, серебр-о – серебряный, замечать – замечательный. С помощью суффиксов от прилагательных и причастий образованы, например, качественные наречия на -О, -Е, -И (они отвечают на вопрос КАК?): *беззлобный* – *беззлобно*, *певучий* – *певуче*, *дружеский* – *дружески*. Причастия и деепричастия в большинстве школьных программ рассматриваются как самостоятельная часть речи, они образуются от глаголов того же вида с помощью суффиксов УЩ, ЮЩ, АЩ, ЯЩ, ВЩ, Ш, ОМ, ЕМ, ИМ, Т, ЕНН, НН; А, Я, ВШИ, В, ШИ: *приеха-ть* – *приехавший*, *приехав*; *улыба-ть-ся* – *улыбающийся*, *улыбавшийся*, *улыбаясь*; *вымы-ть* – *вымывший*, *вымытый*, *вымыть*.

При **приставочно-суффиксальном** способе к основе исходного слова прибавляются приставка и суффикс одновременно, опустить одну из этих морфем, не разрушив слова, невозможно: *окно* – *подоконник*, *звезда* – *созвездие*, *Волга* – *Поволжье*.

Бессуффиксным способом (с помощью нулевого суффикса) образуются имена существительные с «незаконными» (вторичными) для этой части речи значениями: со значением действия – от глаголов, со значением признака – от прилагательных и причастий. Новое слово оказывается короче исходного: *призыва-ть* – *призыв*, *восходи-ть* – *восход*, *отважн-ый* – *отвада*, *глух-ой* – *глушь*.

Способом **сложения основ** образуются слова разных частей речи, но чаще всего имен прилагательных; могут соединяться только основы двух исходных слов, или прибавляется еще и суффикс: *пеши-ий*, *ход-ить* – *пешеход*, *басн-я*, *пис-ать* – *баснописец*.

Следует иметь в виду, что далеко не все сложные слова образованы сложением основ. Так, прилагательные *петербургский* и *юго-западный* образованы с помощью суффиксов от сложных слов *Петербург* и *юго-запад*; наречия *многогласно* и *благоразумно* произведены с помощью суффиксов от прилагательных *многогласный* и *благоразумный*; в выра-

жении «*лечебница для душевнобольных*» последнее слово – это имя существительное, образованное путем перехода одной части речи в другую.

При **переходе одной части речи в другую** изменяются все четыре свойства слов, по которым они классифицируются как часть речи: значение, смысловой вопрос, морфологические категории, синтаксическая функция. Чаще всего в состав существительных переходят имена прилагательные и причастия: *Больной* человек прооперирован. *Больной* прооперирован. *Провожжающие* люди покинули вагон. *Провожжающие* вышли из вагона. К существительным, образованным таким образом, можно подобрать определения, они не изменяются по родам, а имеют род (поэтому невозможно: *Больное* прооперировано.) Если имя существительное имеет окончание имени прилагательного и склоняются как прилагательные, оно, скорее всего, образовано путем перехода из прилагательного, причастия, порядкового числительного, местоимения-прилагательного: *просторная гостиная, съешь второе, свой своему по-нраве друг*.

В результате перехода из имен существительных образованы многие наречия: придет *летом*, пройдем *пешком*, посмотри *кругом*. Немало слов, произведенных из других частей речи, среди союзов и предлогов: *чтобы, тоже, в течение года, в отличие от нас, благодаря его помощи*.

Каким должен быть порядок словообразовательного разбора? Его задача не выделить все понятные с точки зрения современного языка морфемы и определить значение каждой (это содержание морфемного анализа), а указать, от какого исходного слова и каким способом словообразования произведено исследуемое. Алгоритм действий при решении данной учебной задачи таков:

1. Задай к слову вопрос и определи его лексическое значение и часть речи.

2. Подумай, почему слово имеет такой облик, найди родственное слово, объясняющее, почему так говорят. Основа этого, исходного слова обычно целиком помещается в производном.

3. Сделай вывод: прибавление какой морфемы к основе исходного слова образовало исследуемое слово.

Например: *Влиятельная* газета. Какая? Имя прилагательное. Лексическое значение – имеющая влияние, обладающая возможностью влиять.

Влиятельная – вли-ть, следовательно, слово образовано от глагола с помощью суффикса -ТЕЛЬН-(ый).

Путешествие. Что? Имя существительное со значением действия, значит, оно образовано от глагола.

Путешествие – путешествов-ать, следовательно, оно образовано прибавлением суффикса -ИИ(э)

В методических пособиях последних лет подчеркивается важность включения в качестве дидактического материала на школьных уроках лексики ограниченного употребления. Так, при анализе морфемного состава слова и при словообразовательном разборе такая лексика способствует активизации морфемного канала восприятия слова. Учеными-психолингвистами установлено, что этот канал особенно активно работает в нестандартной речевой ситуации, когда требуется понять незнакомое слово, анализируя его структуру, опираясь на его внутреннюю форму. Так происходит потому, что при восприятии незнакомых слов внимание концентрируется на семантике морфем, и

это заставляет учащихся проводить микроисследование – вдумываться в значение морфем и как следствие – выяснять семантику слова в целом. Целесообразно, например, предлагать такие задания:

Перечислите способы словообразования в русском языке, проиллюстрируйте каждый способ примерами из диалектной лексики Тверского края. *Закутатъ* (утеплить дверь, окно), *отвОд* (второй день свадьбы у невесты), *мироЕд* (бездельник, тунеядец), *собируХа* (тот, кто собирает, копит что-либо), *захворЕть* (заболеть), *лесовОй* (дух, живущий в лесу), *сглазить* (навести порчу), *слепЕнь* (слепой человек), *холОдное* (окрошка), *бутЫлочник* (пьяница), *привОлье* (выгон, пастбище), *испестриТЬ* (искусать: о комарах), *заОблачить* (становиться облачным: о небе), *подъёлыш* (белый гриб), *белорЫбица* (рыба судак), *горЕль* (выгоревший участок в лесу).

Какой признак положен в основу названий предметов и явлений в приведенных здесь диалектизмах? *Лентяй* – куропас, баклушник, валюга, валЯх, варлыга, лынь, межсЕвАлок, нЕрабОть, пенЮх, пехтерь, пЕчушник, слоняй, слопень; *болота* – вешня, заболотина, зыбель, озёрок, пищуга, подмошня, пучина, топина, топка, трясель, ходель, шатун; *обжора* – едун, брюхоня, мЯло, живоглот, лОпала, рОзорва, убериха, прожора, трескун, мешок, облоежа, объеда, объедоха; *пакса* – кисель, киселяй, кислун, кислук, кисляк

Почему так говорят? Какой признак положен в основу названия? *Съежиться*, *беззаботный*, *изумиться*, *просвещение*, *уменьшать роль*, *этнограф*, *вольготный*, *басня*, *шоумен*, *портфель*, *лежбеока*, *ремейк*, *старожил*, *внимать*, *невежда*, *беспечный*, *аутсайдер*, *раздраженный*, *приятель*, *супруг*, *благословить*, *нерукотворный*, *археолог*, *коричневый*, *юзер*, *футбол*, *горемыка*, *портмоне*, *стреножить*, *линолеум*.

Какое слово из приведенных пар является более древним? Как это доказать? *Румяна* – *румяный*, *ясно* – *ясный*, *приход* – *приходить*.

По каким словообразовательным моделям образованы названия следующих диалектизмов? *ЗапЕчник* (сверчок), *закОрыш* (жук-короед), *букаХа* (мелкое насекомое), *вЫлеток* (птенец, научившийся летать), *вьЮшка* (ласточка), *горблЧ* (крупный окунь), *гулЕнок* (птенец голубя), *пыхтУн* (гриб дождевик), *утирАльник* (полотенце), *недорОстыш* (животное маленького роста), *худУшка* (змея).

Что, по-вашему, обозначают следующие окказионализмы (авторские неологизмы)? *Орун*, *огончарован*, *мысляр*, *летёж*, *небыть*, *звучоба*, *чарователь*, *криченята*, *молоткастый*, *будетляне*, *горюн*, *мономан*, *хрущобы*, *сливеют*, *ненужье*, *полуподлец*, *виолончелить*.

Слово демократия обозначает «власть народа». О чьей власти говорят следующие слова? *Технократия*, *охлократия*, *теократия*, *бюрократия*, *плутократия*, *автократия*, *геронтократия*, *аристократия*.

Какие «иноплеменные» слова В. И. Даль предлагал заменить следующими неологизмами? Понятны ли вам значения новых слов? *Погодьё*, *насыл*, *инословие*, *хорошуха*, *колоземица*, *живуля*, *мироколица*, *ловкосилие*, *самодвига*, *присест*, *чужесловы*.

В составе каких современных слов сохранились следующие устаревшие слова из древнерусские языка? *Коло*, *тук*, *вага*, *рать*, *перси*, *перст*, *суть*, *чело*, *мытарь*, *врата*, *ведать*.

Чем, по-вашему, слова вековечный и водопровод отличаются от других сложных слов?

С данными словами составьте словообразовательную цепочки до непроизводного слова. Образец: *Беззлобно* (наречие) – *беззлобный* – *злоба* – *злой*.

А. Бесконечность, тепловозный, неразговорчивость, невыносимо.

Б. Независимо, бесхарактерность, вознесение, переименованный.

В. Озвучивание, недоговорённость, переоценка, родственница.

Укажите способы словообразования следующих сложных слов: Долгожданный, ярко-синий, автозаводский, четыреста, водопроводчик, с умалишенным, быстроходность, пароходство, листопад, белоснежный, малоупотребительный, самочувствие, железобетонный, левобережье, двухтысячный, лесоруб, самостоятельно, самогонный, чаепитие, изпод, древнегреческий, телеграфист, многозначительно, телесериал, разнотравье, трёхзначный

Укажите слова с двоякой соотнесенностью: несправедливость, долгоиграющий, непоследовательно, перерасчёт, бесспорно, проигравший, ватник, предобренький злонамеренно, вертолётчик, печеночный, негромко.

Что общего в образовании следующих имен существительных? Как объяснить род каждого из этих слов? В учительской, сладкое, гостиния, посылный, жаркое, дежурный, об увиденном, выходной, отбивная, прихожая, грядущее, безработный, для опоздавшего, шампанское, вожатая, в ванной, для будущего, игристое.

Укажите исходные слова и способы образования следующих слов. Пользуйтесь приведенным выше алгоритмом.

А. Горячо поддержал, сбиваясь, никакой, бескорыстно, ночью приедет, привал путешественников, двусторонний, безличный, вначале, сговор, неизбежность, неразрывный, окружало, порча, нетрудно, тишь, происходящий, вокруг озера, в-третьих, равнодушие, справа, контр-адмиральский, вокруг беседки, встреча, по-русски.

Б. Бессмысленный, уговоры, безумно, у дежурного, удивительный запах, ползуемый, мучение, налево, соратник, безмолвие, сопротивление, несколько, подросток, воистину, подделка, угроза, предатель, спустя неделю, по-прежнему, пятьсот, вятером, благословение, водолазный, сдача, вместительный, относительно отъезда, недружно, связь.

В. Безответный, побледневший, нечто, разговор, бесшумно, направление, полчаса, влево, осматривал, призы, благодаря (ему), малодушно, встреча, очолевший, надпись, уважение, условность, беззвучно, вопрос, мимо подземелья, неплохо, сокровенное, втрое, живописец, благословение, по-разному.

Филологи в 70-х годах прошлого века изобрели игру, получившую тогда название «Энтомология». Её цель – рассмешить, предлагая не научные, а шуточные объяснения значений слов, предлагая этимологии, основанные на внешнем сходстве слов. Например, беспечность – отсутствие печи, жрец – чревоугодник, прелюдия – первая человекообразная обезьяна, временик – часовой мастер.

Какие шуточные толкования можно привести, следуя правилам данной игры, к следующим словам? Найдите соответствия, предложите свои варианты, подбирайте такие слова сами, играйте в эту интересную игру.

Колики, ручаться, швейцар, болванка, завтракать, беседа, грабитель, кинолог, жаргон, наушники, соперник, волнушка, осквернить, рыло.

(Клипсы, аспирин, работать граблями, соавтор, уколы, неумная женщина, специалист по кино, лопата, недолгий разговор, здороваться, житель Швейцарии, обещать сделать завтра, разбить сквер, мелодрама).

Н. В. Суворова (Тверь)

ГУМАНИТАРИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ КАК КОМПОНЕНТ ОБУЧЕНИЯ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Решение проблемы повышения эффективности вузовского образования уже давно связывается с фундаментальностью подготовки, которая может быть достигнута только в условиях широкой гуманитаризации нефилологического образования, что предполагает повышение культуры и расширение кругозора будущих специалистов.

Гуманитаризация образования в настоящее время рассматривается как общая тенденция развития мирового образования. Несмотря на то, что системы образования разных стран развиваются своим, особым путем, существует огромная озабоченность состоянием образования во всех странах, и в связи с этим идут интенсивные поиски путей совершенствования как содержания, так и форм и методов обучения. Это связано с целым рядом обстоятельств и прежде всего с тем, что различные страны и народы все более тесно соприкасаются друг с другом практически во всех сферах: экономической, политической, сфере культурных отношений, в том числе образовательной. А значит, сегодня автаркическое развитие ни одного народа, ни одной страны в принципе оказывается невозможным: складывается новый тип цивилизации, поэтому, как отмечают В. Борзенко и В. Купцов, «проблему гуманитаризации образования сегодня нужно осознать прежде всего в этом глобальном аспекте. Следовательно, она должна быть ориентирована на решение общецивилизационных задач» [1].

Следовательно, вся система образования должна функционировать так, чтобы обеспечить потребности личности и общества в воспроизводстве и приращении интеллекта и культуры: системы идей, знаний, навыков, умений во всех областях человеческой деятельности; для этого необходимо, чтобы гуманитарный компонент существовал в любом образовании, в любой науке, в любой специальной вузовской дисциплине. Все это предполагает в содержательном отношении методологические и мировоззренческие оценки, человеческое измерение образования, которое фиксирует разные позиции, разные точки зрения, научные школы в каждой области знаний и т. д.

Наконец, проблема гуманитаризации вузовского образования непосредственно связана с личностно-деятельным подходом к содержанию обучения, который предполагает, что в центре внимания находится обучаемый и формирование его личности средствами конкретного учебного

предмета. Другими словами, обучение, в частности, иностранных студентов предполагает овладение иноязычной культурой с целью формирования необходимого обществу типа личности.

Необходимо отметить, что этот аспект в обучении студентов медицинских вузов имеет особое значение, поскольку психологическая готовность к будущей профессиональной деятельности в значительной степени обусловлена сформированностью социально-психологических качеств будущего врача. В связи с этим обучение в медицинском вузе должно включать не только хорошую профессиональную подготовку, но и формирование морально-этических качеств, необходимых врачу для успешной профессиональной деятельности.

Медицинская деонтология – наука о врачебном долге, этических нормах взаимоотношения врача с больным основана, прежде всего, на примерах публицистики и художественной литературы. Этот материал дает возможность воспитывать в будущих врачах чувство долга, самоотверженности, доброту и честность. Содержание многих произведений художественной литературы раскрывает суть профессии врача: это каждодневный, упорный, кропотливый труд; для настоящего врача служение своей профессии является смыслом жизни.

Говоря об организации учебного процесса кафедры русского языка с иностранными студентами, методические вопросы гуманитаризации учебного процесса, в первую очередь, мы связываем с отбором тем и подготовкой публицистических текстов и текстов художественной литературы, которые было бы целесообразно использовать в качестве учебного материала при обучении иностранных учащихся различным видам речевой деятельности.

Так, на кафедре русского языка ТГМА на разных курсах в учебный процесс включены такие тексты, как «Раздумье о врачебном долге», «Выдающиеся ученые – медики», «Проблемы врачебной этики в литературном творчестве А. П. Чехова», произведения таких писателей, как А. П. Чехов, М. А. Булгаков, Н. М. Амосов.

Информационный материал этих текстов можно рассматривать в лингвострановедческом аспекте, поскольку, наряду с коммуникативно-речевой, системно-языковой и познавательной, он выполняет и еще одну функцию – воспитательную.

Информация, содержащаяся и в научно-популярных текстах, и в текстах художественной литературы, дает возможность не только обогащать лексический запас научно-профессиональной лексики, формировать и развивать понятийный аппарат в соответствии с профилем обучения, но и способствует формированию у студентов таких экстралингвистических качеств, как уважение к истории, культуре, традициям и обычаям другого народа, заставляя более глубоко и осмысленно относиться к реалиям окружающего мира, являясь, таким образом, прекрасной основой для формирования у студентов-иностранцев эстетических и моральных принципов.

С этой целью в программу на разных этапах обучения включаются такие темы, как «Русский народный праздник – масленица», «Народное искусство – хохлома», «12 апреля – День космонавтики» и др. Кроме этого, студенты имеют возможность познакомиться с культурой и историей России с помощью видеофильмов: «А зори здесь тихие», «Арап Петра великого», «Собачье сердце», «Офицеры». И наконец, с культурой

и традициями нашего народа студенты знакомятся на экскурсиях в Краеведческий музей, Музей тверского быта и картинную галерею.

Усвоение этой системы знаний развивает, однако, лишь одну сторону человеческой духовности – языковую, рациональную, логико-дискурсивную, аналитическую. Но не менее важной, как мы говорили, является и другая сторона – эмоциональная, образная, интуитивная. Развитие учащихся в этом направлении нуждается в дополнительных целенаправленных и продуманных усилиях.

Таким образом, проблема гуманитаризации – это не только проблема удачного подбора современных курсов по гуманитарным наукам. Решение этой проблемы связано с созданием такой целостной системы образования, в рамках которой гуманитарный компонент гармонично взаимодействовал бы в нашем случае с естественнонаучным при подготовке специалистов–медиков.

Естественно, что гуманитаризация образования не может быть реализована только на этапе отбора тем и подготовки текстового материала. Очень важно, в какой форме будет проходить работа с такими текстами. На наш взгляд, наиболее эффективной является такая организация учебного процесса, когда у учащихся появляется возможность выполнять задания творческого характера. Это может быть участие в диалоге-обсуждении, дискуссии, это может быть письменная работа в форме изложения или реферата. В этом случае у студента появляется возможность более глубоко осмыслить и проанализировать полученную позицию или познакомиться с противоположной точкой зрения, повышая тем самым культуру мышления и развития творческие начала в работе по своей будущей специальности.

В заключение заметим: формулируя темы и подготавливая текстовый материал, необходимо помнить, что текст должен быть информативно интересен, важен и нужен учащимся, тогда он не только будет стимулировать учебно-познавательную деятельность обучаемых, но и даст возможность повышать мировоззренческую гуманитарную культуру.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борзенков В., Куцов В. Гуманитаризация образования // Свободная мысль. 1991. № 7. С. 32–41
2. Интернационализация современного российского образования: Материалы международной научно-практической конференции. Воронеж, 2010. С. 284.

Т. В. Яковлева, Е. С. Торопцева (Белгород)

РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ НАЧАЛЬНОГО ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ

С недавнего времени в общеобразовательных учреждениях РФ действует наряду с федеральным так называемый региональный компонент образования, который предполагает не только выбор дисциплин каждым регионом России, не только количество часов на их проведение, но и учет местных особенностей в содержательной части каждого школьного предмета. Причиной обращения к местным особенностям является возросшее в последнее время внимание к малой родине, к изучению ее природных условий, ее истории, культуры, языковых черт. Предмет «Русский язык» обладает большим потенциалом в этом отношении. Это подчеркивается в Концепции модернизации российского образования. «Под региональным компонентом школьного лингвистического курса понимаются языковые факты, присущие той или иной местности как в тематическом, так и лингвистическом отношении» [1, с. 51]. Изучение региональных особенностей языка, проявляющихся в формировании местной речи, в топонимике, гидронимике, ономастике, выполняет важную познавательно-воспитательную миссию, укрепляет чувства патриотизма, любви к своему краю, к своей малой родине.

Языковая система реализуется в процессе её функционирования, т. е. в речи. Важнейшей дидактической единицей обучения является текст, который подчинён единой системе, которая излагается говорящим или пишущим в соответствии с его замыслом. Текст – языковая ткань произведения, законченное произведение, состоящее из ряда предложений, которые располагаются в определённой последовательности и связаны между собой по смыслу, стилю и грамматически.

В современных учебниках русского языка тексты занимают значительное место. Это объясняется влиянием функционального подхода в изучении языка. Наибольшее количество текстов предложено для иллюстрации изучаемых явлений языка, кроме того – для выразительного чтения, списывания, пересказа, анализа, составления плана и пр. Но учитель не должен ограничиваться только теми текстами, которые даны в учебниках. Ученики тоже должны уметь подбирать тексты: как по личному подходу, так и по изучаемым темам, например, при изучении темы «Глагол», для показа многозначности слов и др.

В ходе работы над текстом у детей формируются следующие текстовые умения:

1. Умение понимать тему текста – ребёнок после прочтения текста должен пересказать его, т. е. понять.
2. Умение раскрывать тему в своём высказывании.
3. Умение понимать основную мысль «чужой речи», осознавать и развивать в своей, т. е. умение поддерживать разговор.
4. Умение располагать предложения в нужной последовательности (по логике мысли) и связывать их между собой.

Именно через текст может осуществляться краеведческий подход в обучении. «Краеведческие тексты отражают важнейшие этапы истории

материальной и духовной культуры народа, и в то же время в них проявляются «языковые закономерности» [2, с. 23].

Нами разработаны уроки с использованием краеведческих текстов. Опишем такие фрагменты. На уроке по теме «Склонение имен существительных» детям был предложен следующий текст:

В Ракитянском районе протекает небольшая река Ракита. С берегов реки гляятся на свое отражение красавицы-ракиты. В речной воде кормятся ряской и водорослями гуси, утки, журавли, другие птицы. Хорошо им здесь в жаркие летние дни укрыться в тени роскошных ракит.

Вопросы и задания по тексту:

- Прочитайте текст. О чем идет речь в тексте?
- Как вы думаете, с чем связано название реки?
- Спишите текст, определите склонение выделенных имен существительных. Выпишите из текста имена существительные во множественном числе, поставьте их в форму единственного числа именительного падежа.

При изучении темы «Однородные члены предложения» учащимся предлагался текст о происхождении названия с. Ракитное.

Ракитное – посёлок городского типа, административный центр Ракитянского района Белгородской области России. Слово произошло от слов «ракита». Преобразились здания дворцового комплекса, храма, музея, районных служб, сооружены фонтаны. В настоящее время работа по благоустройству поселка активно продолжается: облагораживаются улицы, личные домовладения граждан, ремонтируются многоэтажные дома, строятся здания организаций и учреждений. В поселке три средние школы, вспомогательная школа-интернат, две школы искусств, два Дома культуры, краеведческий музей, две библиотеки, больница, промышленные и сельскохозяйственные предприятия, районные учреждения и организации, стадион, парки, магазины, кафе, рынок.

Вопросы и задания к тексту:

1. Прочитайте текст. О чём рассказывается в тексте?
2. Как можно его озаглавить?
3. От какого слова произошло название посёлка?
4. Перескажите текст.
5. Назовите достопримечательности с. Ракитное.
6. Какие члены предложения называются однородными?
7. Найдите в тексте предложения с однородными членами.

При изучении темы: «Правописание падежных окончаний имен существительных» мы знакомили учащихся с названиями городов Белгородской области; развивали в детях навыки определения падежа и склонения имен существительных.

В нашей области одиннадцать городов: Алексеевка, Бирюч, Валуйки, Грайворон, Губкин, Короча, Новый Оскол, Старый Оскол, Строитель, Шебекино и, конечно же, главный город области, её центр – Белгород. Все города построены трудом людей, живущих в нашем крае. Каждый город красив и хорош по-своему. А жители городов стараются сделать их ещё лучше и красивее. (По Б. Осыкову «Города Белогорья»).

Вопросы и задания к тексту:

- Сколько в нашей области городов? Названия каких городов вы запомнили?
- Почему они так названы? Продолжите рассказ.
- Определите падеж выделенных имён существительных.

– Выберите названия трёх городов и запишите их в родительном, дательном и предложном падежах. Образец: до Алексеевки (Р. п.), к Алексеевке (Д. п.), по Алексеевке (П. п.). Просклоняйте существительные *город, труд*.

В процессе уроков и внеклассных мероприятий мы знакомили детей с творчеством местных писателей и поэтов. Мы рассказывали учащимся биографии писателей, знакомили с их произведениями. Дети сами подбирали, анализировали рассказы и стихотворения местных авторов. Мы старались привить детям любовь к Белгородчине.

Мы рассказали лишь о некоторых аспектах реализации краеведческого подхода на уроках русского языка в начальной школе. Проведение опытно-практической работы позволяет сделать следующие выводы: использование краеведческого материала на уроках русского языка способствует формированию лингвистической, культуроведческой, коммуникативной компетенций учащихся. Систематичность и последовательность использования краеведческих текстов на занятиях по русскому языку способствуют лучшему усвоению теоретического материала, повышению качества знаний учащихся. Воспитание интереса детей к родному краю, его традициям, обрядам, культуре, истории – важнейшая задача педагогов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Иголина Г. С.* Краеведение на уроках русского языка // Начальная школа. – 2006. – № 6. – С. 50–52.
2. *Ковалев Г. Ф.* Задачи лингвокраеведения в школе // Актуальные проблемы изучения и преподавания русского языка и литературы. Материалы Всероссийской научно-методической конференции. – Воронеж. 1996. – С. 20–24.

**МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРЕПОДАВАНИЯ
РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО:
ФОРМИРОВАНИЕ РАЗЛИЧНЫХ ВИДОВ
КОМПЕТЕНЦИЙ В УЧЕБНО-НАУЧНОЙ СФЕРЕ,
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ**

Л. А. Баландина, Т. И. Жгарева (Москва)

**ОРГАНИЗАЦИЯ КОНТРОЛЯ ЗНАНИЙ
ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ ПРОДВИНУТОГО
ЭТАПА ОБУЧЕНИЯ
(«РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ИНОСТРАННЫЙ»)**

1. В настоящее время можно констатировать кардинальное изменение контингента иностранных учащихся: резко увеличилось количество студентов-иностранцев из стран СНГ и ближнего зарубежья.

Качественное изменение иностранного контингента предполагает необходимость создания комплекса учебных и методических, в том числе контролирующих, материалов, обеспечивающих формирование целостной профессионально-речевой и лингвокультурологической компетенции студентов. Однако современная методическая мысль в постсоветском пространстве пока еще не оформилась в целостную систему преподавания, поэтому необходимость обеспечения учебного процесса новыми технологиями комплексного, последовательного развития коммуникативно-языковой компетенции у иностранных студентов данного контингента представляется актуальной.

2. На кафедре «Русский язык» строго регламентирована организация контроля знаний учащихся обозначенной категории. Требования к уровню знаний, описание содержания и форм контроля являются обязательным элементом учебных программ всех направлений обучения. Контроль проводится регулярно на каждом этапе обучения в различных формах.

На каждом курсе (I, II, III, IV) студенты пишут входной тест на проверку остаточных знаний. Для каждого курса преподавателями кафедры разработан текущий (на каждом занятии) и промежуточный контроль. Внутрисеместровая аттестация проводится два раза в год (ноябрь, апрель) по всем направлениям работы кафедры. Кафедрой разработаны два вида аттестационного контроля (письменный и устный). Аттестационные работы оцениваются по 100-балльной шкале в соответствии с инструкцией подсчета баллов. Итоговый контроль проводится в форме зачета в конце первого, второго, пятого, седьмого семестров, а в конце второго, четвертого, шестого, восьмого семестров – в форме экзамена.

3. На кафедре «Русский язык» создана обновленная, усовершенствованная по многим параметрам система письменного контроля и мониторинга знаний студентов-иностранцев I курса [1; 2].

Материалы составлены на основе современных требований системы менеджмента качества (СМК) образовательной деятельности вуза, а также традиционного опыта обучения, накопленного кафедрой [3].

Письменный контроль на I курсе охватывает две сферы обучения: учебно-профессиональную и учебную, что способствует поэтапному достижению поставленных кафедрой целей обучения.

4. Контроль знаний студентов-иностранцев I курса основан на трех очень важных научно-методических принципах, позволяющих повысить эффективность обучения в русле требований СМК образования:

1) *увеличение количества* контрольных работ (в традиционном контроле – 4 работы в семестр; в предлагаемом контроле – 12 работ), что соответствует основополагающему принципу СМК – "контроль на каждом часе";

2) включение в каждую контрольную работу материала на *проверку остаточных знаний* (в традиционном контроле – "линейная" подача материала; в предлагаемом – "концентрическая": контроль нового материала + проверка уже пройденного и ранее контролируемого материала);

3) *количественное увеличение* и *качественное разнообразие* заданий, связанных с усвоением экономической специальной лексики.

Контроль осуществляется поэтапно: текущий, аттестационный и рубежный (зачет).

5. Для удобства работы преподавателя методические рекомендации изложены в специальной инструкции.

Текущий контроль знаний студентов I курса до аттестации поэтапно проводится в период с 1 сентября по 1 ноября I семестра учебного года. Он состоит из двух частей:

Часть I. "Основы практической грамотности. Словарь экономиста";

Часть II. "Практическая стилистика. Орфоэпия".

6. До аттестации предлагается выполнить 4 контрольные (комплексные) работы по основам практической грамотности. Ниже в таблице 1 представлены темы, включенные в каждую работу, и количество единиц проверки – слов, терминов, предложений (дан образец таблицы).

Таблица 1

	Тема	Конт- роль-1	Конт- роль-2	Конт- роль-3	Конт- роль-4
1	2	3	4	5	6
I.	1. Непроверяемые безударные гласные в корне слова (экономический словарь)	30	30	30	20

Каждая работа оценивается по 10-балльной шкале.

7. Темы по грамматической стилистике и орфоэпии также описаны в соответствующих таблицах (с подсчетом количества единиц проверки).

8. Принцип «проверки остаточных знаний» неукоснительно соблюдается при проведении контроля: каждый последующий контроль в обязательном порядке включает материал из предыдущей изученной темы.

9. Предлагаемая система контроля помимо материалов контроля и оценки знаний студентов включает материалы по мониторингу знаний студентов. Он содержит:

1) дифференцированную оценку знаний студентов (количество студентов, написавших работу на 10 баллов, 9 баллов, 8 баллов и т. д.);

2) оценку успеваемости студентов в целом: а) количество студентов, справившихся с работой и получивших от 10 до 3 баллов; б) количество студентов, не справившихся с работой, получивших 2 балла;

3) оценку качества образования: а) студенты, набравшие 8–10 баллов ("отлично") – поименно; б) студенты, набравшие 5–7 баллов ("хорошо") – поименно; в) студенты, набравшие 3–4 балла ("удовлетворительно") – поименно; г) студенты, набравшие 2 балла ("неудовлетворительно") – поименно;

4) оценку трудности заданий по результатам работы: количество человек, справившихся/не справившихся с тем или иным видом задания.

Данная система мониторинга соответствует современным требованиям и положениям в СМК. Она даст возможность отслеживать и предупреждать "брак" в работе студентов задолго до этапа окончательного контроля (зачета или экзамена).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бежанова С. В., Ганина Е. В., Жгарева Т. И. . Русский язык. Программа дисциплины. Для студентов-иностранцев I курса (вариант «Б») всех направлений подготовки бакалавров. М.: Финакадемия, 2010.
2. Баландина Л. А., Жгарева Т. И., Кураченко Г. Ф., Малюгина Н. М. . Русский язык: Комплекс контроля и мониторинга знаний студентов-иностранцев I курса всех направлений (уровень «Б»). М.: Финакадемия, 2009.
3. Система менеджмента качества. Требования: Германский стандарт DIN EN ISO 9001: 2000 / Пер. англояз. версии стандарта В. А. Качалова при участии В. В. Алексина. – М., 2005.

Л. Г. Витлинская, В. М. Мирзоева, Р. А. Ткачёва (Тверь)

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ ДЛЯ СТУДЕНТОВ-ИНОСТРАНЦЕВ МЕДИЦИНСКИХ ВУЗОВ

Высшая школа делает достаточно много для того, чтобы готовить иностранных специалистов, получающих медицинское образование на русском языке. В вузах медицинского профиля сложилась определённая методическая система по обучению иностранных учащихся. Координация преподавания, являясь одной из форм управления познавательной деятельностью, приобретает особое значение в обучении студентов-иностранцев, так как она предполагает междисциплинарную интеграцию не только кафедр медицинского профиля, но и с кафедрой русского языка.

Основная цель деятельности кафедры русского языка состоит в обучении русскому языку иностранных граждан с первого курса интенсивного обучения языку по пятый курс, с определением практических, обра-

зовательных и воспитательных задач. Русский язык является инструментом выполнения обучающей и профессиональной деятельности, поэтому усилиями коллектива кафедры ведутся инновационные разработки в сфере создания объединённых программ по курсам обучения. Развитие данного направления в методике обучения русскому языку в медицинском вузе встречает много вопросов теоретического и практического характера. В область интенсивных разработок попадает построение учебного процесса обучения русскому языку, нацеленного на конкретный результат, – свободное владение русским языком в целях профессионального общения. Стратегическое планирование процесса обучения в данном направлении позволяет решать конкретные задачи коммуникации на русском языке в вузовской сфере общения, а также предоставляет студентам возможность планировать свою деятельность на русском языке по отношению к реализации профессиональных целей и задач. Современные образовательные программы представляют собой симбиоз профессиональных знаний и умений, связанных со спецификой специальности, которую осваивают будущие медики, и социокультурных знаний и умений.

Основным стимулом в процессе обучения является мотивация. От преподавателей русского языка в медицинском вузе требуется приближение учебного языкового материала к лексико-грамматическим средствам медицинских дисциплин. Необходимо координировать грамматические явления с учётом научного стиля для обеспечения их усвоения иностранными студентами. Однако решение вопросов теоретического и практического характера осложняется ещё и тем, что большинство иностранных студентов обучается в группах с использованием языка-посредника (английского). В таких условиях кафедра русского языка становится едва ли не единственной, где иностранные студенты I – III курсов обучаются на русском языке. Это налагает на кафедру особую ответственность в организации учебного процесса и отборе учебно-методического материала, заставляет искать новые коммуникативно-когнитивные подходы к обучению русскому языку как инструменту реализации обучающей и профессиональной деятельности.

Для этого на кафедре разработаны специальные учебные пособия, в разном объёме включающие содержание таких дисциплин, как анатомия, биология, нормальная физиология, фармакология, патофизиология и др. При совместном с медицинскими кафедрами отборе учебного материала учитывается необходимый минимум образовательной программы той или иной дисциплины. Таким образом, цель при планировании и организации междисциплинарных образовательных программ позволяет объединить усилия преподавателей специальных медицинских дисциплин и преподавателей русского языка как иностранного для достижения максимально эффективного результата в процессе подготовки всесторонне развитого студента – будущего врача, который был бы востребован на международном рынке труда.

Принимая во внимание используемые на практике разработки, можно определить конкретные цели в работе над междисциплинарными образовательными программами, последовательная реализация которых должна привести к необходимым результатам в области подготовки специалиста – выпускника медицинского вуза, который мог бы на практике в своей профессиональной деятельности эффективно использовать полу-

ченные профессионально-ориентированные социокультурные знания и умения. К таким целям можно отнести:

- лингвистические, включающие последовательное овладение русским языком в целях эффективного межличностного взаимодействия;
- стратегические, предусматривающие развитие умений творчески использовать полученные профессиональные и социокультурные знания на практике;
- философские, предполагающие развитие умений изменять собственные взгляды, ценностные установки;
- процессуальные, предусматривающие знания и деятельность познавательного характера, направленные на развитие компенсаторных умений обучаемых;
- профессионально-ориентированные, связанные с реализацией профессиональной деятельности. Последние рассматриваются как одни из основных при планировании междисциплинарных образовательных программ.

Данные целевые установки позволяют обучающимся приобретать знания и умения, ответственные за развитие профессионально-ориентированной компетенции, за адекватное функционирование на высоком социокультурном уровне взаимодействия сначала в образовательной деятельности, а затем и в профессиональной.

Реализация намеченных целей междисциплинарных образовательных программ возможна при выполнении определённых требований, к которым можно отнести:

- учебные материалы должны в равной степени отвечать целям овладения русским языком и специальностью;
- русский язык, как следствие такой организации учебного процесса, в междисциплинарных образовательных программах выступает не как цель обучения, а в качестве средства организации деятельности обучения и профессиональной деятельности;
- профессиональные знания, связанные с изучаемой учебной дисциплиной, структурируются в такую логическую последовательность, которая позволяет студентам организовывать продуктивное взаимодействие в группе для решения текущих задач процесса обучения средствами русского языка;
- языковой материал должен быть представлен на занятиях в форме упражнений, ориентированных на развитие логического и дидактического мышления, что позволяет обучающимся анализировать грамматическую структуру языка, а также моделировать аналогии изучаемых лингвистических явлений;
- междисциплинарные образовательные программы предполагают взаимодополняющую организацию учебного материала с целью обеспечения взаимодействия в ситуациях учебно-профессиональной сферы общения;
- некоторые междисциплинарные образовательные программы могут предусматривать подготовку по русскому языку с целью сдачи сертификационных экзаменов международного образца при условии, что данное требование является одним из определяющих при оценивании уровня подготовки и квалификации специалиста в области медицины;
- междисциплинарные образовательные программы обеспечивают тематическую организацию курса обучения, основанную на анализе по-

требностей обучающихся, также требований к объёму знаний в рамках усваиваемой специальности;

- как правило, учебные задания должны отвечать развитию когнитивно-коммуникативных умений, умений критического и дедуктивного мышления, что впоследствии позволит иностранным учащимся принимать самостоятельные, творческие решения в новой ситуации взаимодействия;

- междисциплинарные образовательные программы содержат блок социокультурных заданий, направленных на гармоничное развитие личности иностранного студента медицинского вуза как субъекта диалога культур в научной и профессиональной сферах взаимодействия.

Важной составной частью разработки междисциплинарной образовательной программы является составление календарно-тематических планов по русскому языку для I – V курсов. Отбор материала и календарные сроки его изучения согласуются с преподавателями спецкафедр по тем дисциплинам, которые важны в языковом и обучающем аспектах на данном курсе и в перспективе обучения. Каждый преподаватель, ответственный за планирование на определённом курсе, знакомится с календарными планами медицинских кафедр, с учебниками, по которым обучаются студенты, выясняет у преподавателей темы, вызывающие наибольшие трудности в усвоении. На основании этого определяются темы для изучения и разрабатываются учебно-методические материалы. К сожалению, языковые возможности студентов I–II курсов, обучающихся в группах с языком-посредником, весьма ограничены в лексико-грамматическом плане и объёме материала, тем не менее календарные планы насыщены темами по анатомии, биологии, физиологии. Этим темам соответствуют тексты, небольшие по объёму, но с тщательно выверенной лексикой и грамматикой, призванные обеспечить подготовку иностранных учащихся к учебно-профессиональному общению на русском языке по данным дисциплинам. Например, на II курсе это такие темы, как **Строение сердца. Строение ЦНС. Кожа. Внутреннее ухо. Физиология крови. Дыхательная система. Пищеварительная система.** А также темы, готовые учащихся к циклу «Уход за больными»: **Санитарная обработка больного. Измерение давления. Парентеральное введение лекарств.**

Студенты I курса, прошедшие подготовку по русскому языку на курсе интенсивного обучения, имеют возможность получить на занятиях по русскому языку гораздо больший по объёму и лексико-грамматическому наполнению материал в области междисциплинарной ориентации. В этих группах используется богатый материал, рекомендованный преподавателями кафедр анатомии, биологии, биохимии, истории медицины, физиологии, с которыми консультировался преподаватель, ответственный за планирование.

Студенты III курса на занятиях по русскому языку активно готовятся к «Пропедевтике внутренних болезней», к диалогу на русском языке с больными с заболеваниями сердечно-сосудистой системы, органов дыхания, желудочно-кишечного тракта, желчевыводящих путей, мочевыделительной системы и др. (Темы: **У больного гипертония. У больного стенокардия. У больного бронхит. У больного гастрит. У больного желчнокаменная болезнь.**) Система заданий, используемая на занятиях, имеет когнитивно-коммуникативную направленность и обеспечивает высокую мотивацию иностранных студентов при работе по данным те-

мам. Кроме того, на занятиях много времени уделяется обучению оформлению записи в истории болезни на основе диалога врача с больным.

Не ограничиваясь на III курсе подготовкой к курсу пропедевтики, кафедрой русского языка при содействии кафедр патофизиологии и фармакологии подготовлены учебно-методические материалы для языковой подготовки иностранных учащихся.

Работа по междисциплинарному взаимодействию продолжается и на IV – V курсах. Разрабатываются учебно-методические материалы языковой подготовки к изучению кожных болезней, инфекционных, глазных, детских, по психиатрии, травматологии, хирургии. Эти материалы особенно актуальны для студентов, обучающихся на старших курсах уже без использования языка-посредника.

Примером реализации основных теоретических положений при формировании междисциплинарных образовательных программ и подготовки их методического обеспечения может служить учебно-методический комплекс обучающих материалов. В концепции и структурной организации данного комплекса должны быть отражены основные положения цели и формирования междисциплинарных образовательных программ для студентов-иностранцев медицинского вуза.

В соответствии с целями междисциплинарной образовательной программы для иностранных студентов необходимо сформулировать планируемые результаты учебного процесса:

- приобрести знания и умения в области профессионального русского языка, достаточные для уровня международного сертификата;
- уметь выражать и отстаивать взгляд на проблему в работе с коллегами по специальности, предлагать и четко излагать свои мысли при выполнении различных видов работ;
- уметь организовать профессиональную деятельность в формате работы, уметь налаживать контакты в профессиональной среде взаимодействия;
- уметь объяснить сложные темы изучаемой медицинской дисциплины больным.

Подобное видение образовательных перспектив преподавателями русского языка как иностранного и, как следствие, студентами-иностранцами медицинского вуза приносит конкретные результаты, когда научно-исследовательские проекты (рефераты, доклады, выступления на конференциях СНО и др.) в процессе учебной деятельности вырастают в сформированную систему реализации профессиональных потребностей личности студента-иностранца медицинского вуза.

При таких условиях, по нашему мнению, возможно решение задач обучения русскому языку в медицинском вузе: русский язык станет важным фактором в профессиональном самоопределении иностранных студентов – будущих выпускников медицинского вуза. Таким образом, возможно эффективное применение результатов образовательных проектов по реализации междисциплинарных образовательных программ для студентов-иностранцев медицинского вуза. Основные положения подобных программ могут стать универсальными и пригодными для создания междисциплинарных программ при подготовке студентов-иностранцев медицинских вузов в области профессионального русского языка, профессиональной коммуникации, их специализации в рамках выбранной профессии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Учим язык специальности (учебно-методическое пособие для иностранных студентов медицинских вузов) [Текст] / Л. Г. Витлинская, В. М. Мирзоева, Н. Д. Михайлова, Р. А. Ткачёва [и др.]. / Под общей редакцией доктора медицинских наук, профессора, члена-корреспондента РАМН Д. В. Баженова. Рекомендовано УМО. – Тверь, 2010. – 191 с.: ил.
2. Литературное творчество русских писателей-врачей: учебное пособие по русскому языку для иностранных студентов-медиков [Текст] / В. М. Мирзоева, Л. Г. Витлинская, Р. А. Ткачёва [и др.]. Рекомендовано УМО. – Тверь: РИЦ ТГМА, 2003. – 194 с.; ил.
3. *Витлинская, Л. Г.* Учёные-медики России [Текст]: учебное пособие для иностранных студентов. / Л. Г. Витлинская. Рекомендовано УМО. – Тверь: РИЦ ТГМА, 2003. – 76 с., ил.
4. Лексический практикум к курсу «Общий уход за больными» [Текст]: уч. пособие для иностр. студентов 2-го курса. 2-е издание / А. П. Евсюков [и др.]. – Тверь: РИЦ ТГМА, 2006. – 202 с.: ил.
5. Языковая подготовка к курсу «Патологическая физиология» [Текст]: учебное пособие для иностранных учащихся медицинских вузов / Р. А. Ткачёва, Л. Г. Витлинская, В. М. Мирзоева, Н. Д. Михайлова. – Тверь: РИЦ ТГМА, 2011. – 60 с.
6. Языковая подготовка к курсу «Фармакология» [Текст]: учебное пособие для иностранных учащихся медицинских вузов / Р. А. Ткачёва, Л. Г. Витлинская, В. М. Мирзоева, Н. Д. Михайлова, А. С. Сафонова. / Тверь: РИЦ ТГМА, 2011. – 68 с.
7. Читаем тексты о врачах-учёных России [Текст]: учебное пособие для иностранных учащихся медицинских вузов / Сайед Камруззаман, Р. А. Ткачёва, Л. Г. Витлинская, В. М. Мирзоева. – Тверь: РИЦ ТГМА, 2011. – 48 с.

О. А. Гордиенко (Краснодар)

ИГРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

В. А. Сухомлинский характеризовал дидактическую игру как специфическое средство умственного воспитания, способ активизации познавательной деятельности и самореализации личности и как особый вид деятельности, где формируются общественная направленность, оптимизм, дисциплинированность, сознательность, организованность, творческий потенциал личности. Все названные качества деловой игры позволяют активно её использовать для обучения русскому языку как иностранному. Игровые технологии эффективны при обучении любому виду речевой деятельности. Нами рассматривается их использование в ходе обучения разговорной речи, подготовленному монологу и полилогу.

Как известно, центральным звеном в игровой учебной ситуации для субъекта, включённого в неё, является разрешение определённой задачи общения. Иностранному учащийся, попадая в игровую учебную ситуацию, сосредотачивается на той речевой задаче, которая стоит перед ним и должна быть решена в ходе игры. При её решении возникает прямое и опосредованное общение между игроками. Таким образом, задача, реализующаяся в игре, стимулирует личностную потребность в познании и общении, что, в свою очередь, побуждает играющего к актуализации необходимых речевых актов участника диалога или полилога.

Среди целевых функций дидактических игр выделяются обучающая (стимулирование развития методов познавательной деятельности, умений учиться, потребности приобретать и пополнять знания, осмысленно овладевать знаниями, умениями и навыками), социально-ориентирующая (передача личности в ходе игровой деятельности знаний, духовных и нравственных идеалов, эталонов социального опыта общения с людьми), организационно-деятельностная (содействие развитию умений сотрудничать, работать в коллективе, принимать адекватные решения, получать и целенаправленно использовать информацию), развивающая (развитие интеллектуальной, эмоциональной и волевой сфер личности), побудительно-стимулирующая (воздействие на комплекс способностей и потребностей участников игры, их влечений, желаний, стремлений, интересов, убеждений, содействие позитивной направленности поведения, развитию внутренней позиции), коммуникативная (формирование индивидуального стиля общения и поведения при коллективном решении задач, обогащение коммуникативных качеств в структуре личности за счёт установления в игре отношений соперничества, взаимодействия и сотрудничества при решении общей задачи) и пр. [1, 2, 3].

Реализация всех названных функций дидактической игры оптимальна в подготовленном монологическом высказывании и в полилогическом расспросе, построенным на материале текста лингвострановедческой тематики, снабжённом серией слайдов, демонстрирующих историческое и современное состояние определённой исторической реалии.

Такой способ представления материала с использованием средств наглядности стимулирует активизацию интереса иностранного студента к истории новой малой родины, особенно если представлены фотографии одного и того же места города, достаточно известного студентам, с периодом в несколько десятков лет (начала XX века, предвоенных лет, послевоенных лет и современные). Хорошая узнаваемость места, с которого были сделаны фотографии, позволяет оживить историю, воспитывает уважение к культурному наследию. Такое представление опорного материала позволяет провести дидактическую игру с целью развития монологической речи. Например, следующее задание: «Попытаемся попасть в прошлое! Вот мы стоим в центре города, на ул. Красной, на перекрёстке; сзади нас – Дом книги, а перед нами – старинное здание, выложенное зелёной плиткой. И вот мы на том же месте, только 100 лет назад (слайд № 45)! Движемся во времени, не сходя с места! Слайд № 47 – мы в 1941 году, по улице идёт трамвай. Слайд № 48 – мы в 1955 году, трамвайных путей уже нет, едут старинные троллейбусы и автомобили. Слайд № 49 – мы в 2010 году – по той же улице движется современный экологически чистый автобус. Опишите, как изменился транспорт, как изменился город? Какие чувства вызвало у Вас путешествие в прошлое? Можете ли

Вы пригласить нас в такое же путешествие в прошлое по городу Краснодару?»

В качестве опорных текстов нами были привлечены тексты по истории Кубани в связи с тем, что кубановедение изучается в курсе «История России» со студентами-иностранцами первого курса, которым и было адресовано методическое пособие лингвострановедческой тематики, содержащее дидактические игры [4, с. 20].

Опора на прочитанный текст и на средства наглядности поможет студенту участвовать в реальном диалоге, но сначала ему предлагается роль участника в подготовленном полилоге, где скорость устной речи не будет препятствием полноправного общения. Ниже приведено начало игрового задания, которое проводится после аналитического чтения текста об истории трамвая в г. Краснодаре.

Задание. Участвуйте в игре-полилоге.

Я иностранный студент, и я пока ещё не так хорошо знаю русский язык, чтобы участвовать на равных в разговорах моих одноклассников. Студенты моей группы интересуются историей городского транспорта. При мне часто идут споры. Помогите мне правильно построить высказывания в нашем полилоге.

Недовольный студент: Опять сегодня опоздал на лекцию, потому что, конечно же, трамваи стояли! И что у нас за транспорт!

Весёлый студент: Вставай пораньше и ходи пешком – точно, спать на лекциях не будешь!

Староста: Не надо сваливать на трамваи – это лучший транспорт в нашем городе, причём ещё и самый старый.

Симпатичная студентка: Точно! По телевизору показывали старинные трамваи, как они раньше ходили по Краснодару... Угадайте, по какой улице ходили первые трамваи?

Я:

Недовольный студент: Да ну! А когда же их оттуда убрали?

Я:

Симпатичная студентка: А ещё показывали фотографию трамвая, на котором пассажиры ехали прямо сверху, на крыше второго вагона! Жаль я не увидела, когда это было, наверное, ещё до революции.

Я:» [4, с. 27] и т. д.

Логическим завершением применения игровых технологий с использованием лингвострановедческой тематики являются задания, выполняя которые студент должен выступить в роли экскурсовода. При этом используются слайды, знакомство с которыми было уже осуществлено в ходе выполнения заданий, грамматические конструкции и наполняющая их лексика, использованная в текстах. В заключение студенту предлагается провести экскурсию по своему родному городу, также с использованием слайдов, принять участие в полилоге-расспросе.

На участника дидактической игры, включённого в коммуникативную деятельность, особое воздействие оказывает и атмосфера группового сотрудничества, в которой он учится преодолевать психологические барьеры в общении с другими людьми, совершенствовать коммуникативные навыки.

Как можно видеть, в таких играх реализованы обучающая, социально-ориентирующая, организационно-деятельностная, развивающая, побудительно-стимулирующая, коммуникативная функции дидактических игр.

Подобные дидактические игры, кроме задачи развития речи, призваны оказать реальную помощь в овладении лингвострановедческим и лингвокраеведческим материалом, дают возможность сформировать лингвострановедческую компетентность в области исторической судьбы новой «малой родины» иностранного студента, Кубани.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аникеева Н. П.* Анализ имитационных педагогических игр // Игра в педагогическом процессе: Межвузовский сборник научных трудов. – Новосибирск: Изд-во НГПИ, 2004. – 121 с.
2. *Вербицкий А. А.* Психолого-педагогические особенности деловой игры как формы знаково-контекстного обучения // Игровое моделирование: Методология и практика. – Новосибирск: Наука, 2007. – 228 с.
3. *Кларин М. В.* Инновационные модели обучения в зарубежных педагогических поисках. – М.: Арена, 2009. – 223 с.
4. Русский язык как иностранный. (На материале истории Кубани. Дидактические игры. Слайды): метод. указания для иностранных студентов 1-го курса всех специальностей / Сост. В. Е. Зиньковская, И. М. Урусова, Т. А. Парина, О. А. Гордиенко;. – Краснодар: Изд. КубГТУ, 2011. – 31 с.

С. Н. Лузикова (Тверь)

ОБ ИННОВАЦИОННЫХ ВОЗМОЖНОСТЯХ ОПТИМИЗАЦИИ КУРСА РУССКОГО ЯЗЫКА ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАНЦЕВ НА ЭТАПЕ ПРЕДВУЗОВСКОЙ ПОДГОТОВКИ

Научно-технический прогресс открыл не только огромные возможности и максимально расширил горизонты для интеллектуальной деятельности человека, но еще и создал проблему избыточности получаемой информации, ситуацию, когда человек не способен справляться с информационным изобилием. В этой связи значимость поиска новых возможностей и инновационных путей развития в сфере образования и образовательных услуг не требует доказательств, но имеет как большие возможности, так и немалые трудности. Все, что сегодня кажется актуальным, завтра может потерять свою значимость, и поэтому все образовательные поиски должны не только удовлетворять сегодняшним требованиям, но и, по возможности, предугадывать требования завтрашнего дня.

«Если раньше кафедра, являясь интеллектуальным цехом, разрабатывала программы, действующие несколько лет, а преподаватель имел возможность, разработав тему, спокойно пользоваться своими лекциями из года в год, то сейчас все изменилось <...>. Дисциплины то укрупняются, то дробятся, приходится составлять новые программы <...> В обучении должна быть возможность выбора индивидуального пути и самооценки результата. Программа обучения должна быть не тоннелем «впе-

ред и прямо», а в виде «планетарной структуры» – так устроен мир. Тогда можно выбирать, поворачиваться, принимать решения и отвечать за них» [1]. Решить проблему содержания современного образования призваны инновационные подходы.

Современные инновационные образовательные программы должны базироваться на современных достижениях науки и новейших образовательных технологиях. Более того, «современная трактовка понятия инновация подразумевает только такое нововведение, которое основано на использовании достижений науки и передового опыта, существенно повышает эффективность (системы или качества продукта), что позволяет достичь коммерческого успеха <...> инновационные проекты с обязательностью должны включать среди прочих такие параметры, как коммерческая организация и наличие экономического эффекта» [2, с. 1213]. В условиях рыночной экономики и жесткой конкуренции вузы в целом, а факультеты и кафедры в частности, должны ориентировать свою работу на возможность *экспортировать* свои образовательные услуги. Очень важно отметить тот факт, что эти экспортно-ориентированные услуги должны быть востребованы, или иными словами, потребитель в них должен нуждаться, они должны быть ему интересны. Аудитория обучающихся русскому языку как иностранному – это иностранный контингент, и большинство этого контингента – студенты, приезжающие в Россию получать высшее образование. В основном содержание учебных курсов по РКИ направлено на обучение именно таких учащихся. Но в понятие «иностраннный контингент» включается и вообще *мировой потребитель*. Таким образом, научно-исследовательская и учебно-методическая работа должна быть нацелена не только на удовлетворение образовательных нужд внутри факультетов и кафедр для обучения тех, кто уже приехал, а главным образом на то, что требуется мировому потребителю – потенциальному потребителю образовательных услуг в области русского языка как иностранного. В такой постановке проблемы инновационные экспортно-ориентированные программы, созданные в рамках *блочной-модульной структуры*, могут стать идеальным вариантом оптимизации курса РКИ.

«Образно модульную программу можно представить в виде набора кирпичиков, из которых строится нужное здание. При этом каждый «кирпичик» должен быть автономным как по содержанию, так и по набору документации» [3, с. 67]. Сам термин «модуль» заимствован педагогикой из информатики, где им обозначают конструкцию, обеспечивающую гибкость и возможность перестроения различных информационных систем. Зарождение модульного обучения относится к началу 70-х годов XX века. Одним из основателей этого принципа построения учебного процесса принято считать Дж. Рассела, который определял модуль как учебный пакет, охватывающий концептуальную единицу учебного материала и предписанных учащимся действий [4]. В настоящее время существует много различных интерпретаций этого термина, но в конечном итоге все они сводятся к тому, что модуль представляет собой самостоятельную единицу учебного курса с четко обозначенными целями, указанием способов достижения этих целей и средств использования предложенного учебного материала. Это своего рода «наборы» учебного материала в совокупности с методикой. Задача преподавателя – направить учащегося на путь понимания того, каким образом создается знание.

«Модульное обучение – организация образовательного процесса, при котором учебная информация разделяется на модули (относительно законченные и самостоятельные единицы, части информации). Совокупность нескольких модулей позволяет раскрыть содержание определенной учебной темы или даже всей учебной дисциплины. Модульное обучение способствует активизации самостоятельной учебной и практической деятельности учащихся» [5, с. 161]. В такой трактовке определение применимо при построении программы любой учебной дисциплины, в том числе и русского как иностранного. В настоящее время существует только одно учебное пособие по РКИ, организованное по модульному принципу – «Русский язык: 5 элементов» Т. Л. Эсмантовой [6]. Тематические разделы, названные в предисловии к учебнику «модулями», позволяют варьировать их использование в зависимости от целей обучения. Но если учитывать тот факт, что модули – это самостоятельные учебные единицы, то их можно создавать и не объединяя в учебный комплекс. Главная задача – определиться в содержании тематических разделов, которое в свою очередь должно быть обусловлено актуальными требованиями потребителя.

Еще одним важным моментом, требующим особого внимания при изучении возможностей внедрения модульных программ в курс русского языка как иностранного – это вопрос компетенций. «Компетенция – способность применять знания, умения, опыт и отношения в знакомых и незнакомых трудовых ситуациях <...> компетенция описывает требования сферы труда и результаты, которые должны быть достигнуты для обеспечения соответствия этим требованиям» [3, с. 245]. Это общее понимание термина нужно сузить, чтобы определить, какими локальными путями следует идти при обучении, в частности, студентов-иностранцев русскому языку. Каковы стратегии, способствующие формированию *общих компетенций*?

Общие компетенции, подразумевающие «совокупность социально-личностных качеств выпускника, обеспечивающих осуществление деятельности на определенном квалификационном уровне» [3, с. 9], предполагают предварительное овладение *ключевыми (базовыми) компетенциями*, которые обеспечивают социальную активность человека (умение работать самостоятельно, владеть языками, быстро интерпретировать информацию и уметь принимать решения и т. д.)

Актуальность компетентного подхода в современной педагогике не требует доказательств. Однако следует четко определить, что будут уметь обучающиеся после окончания обучения. Какими конкретно компетенциями они будут обладать (в частности, студенты-иностранцы) по окончании курса русского языка как иностранного. В одной из работ, посвященных исследованию компетентного подхода в преподавании РКИ, есть ряд уточнений, связанных со спецификой его внедрения:

«1. необходимо четко определить, какие методы участвуют в реализации компетентного подхода к обучению. Сегодня среди таковых можно назвать: коммуникативный, когнитивный, метод проектов, эвристический, лабораторный и др. Считаем, что для внедрения в практику описываемого подхода необходимо использовать весь арсенал методической науки;

2. необходимо возможно более полно описать лингвистический компонент формируемых компетенций. Наша методика, как правило, отдает

решение этого важнейшего вопроса на волю преподавателей-практиков, ограничиваясь лишь постановкой самых общих ориентиров;

3. необходимо говорить не только о формировании, но и о развитии и совершенствовании компетенций обучаемых. Анализ показывает, что в стандартах и учебниках эта стадиальность не прослеживается, а ведь именно динамизм – важнейшая сущностная характеристика компетенции;

4. необходимо существенно расширить круг базовых компетенций, которым традиционно оперирует наша методика. Следует также определить корпус компетенций, обеспечивающих ту или иную профессиональную сферу. Считаем, что на повестке дня разработка «компетентностного портрета», например, студента-филолога, бизнесмена, врача, журналиста и др. » [7].

Таким образом, четко сформулированные компетенции, лежащие в основе модульных программ, являются необходимым условием для реализации модульного обучения.

На кафедре русского языка предвузовской подготовки Тверского государственного технического университета в настоящее время ведется активная работа по внедрению в учебный процесс модульных разделов. Результаты исследований убеждают в том, что в курсе РКИ на этапе начальной подготовки модули целесообразно создавать на основе лексических и грамматических тем по нейтральному стилю речи, а также по профильным дисциплинам: инженерным, биологическим, экономическим. Модули организуются в соответствии с четко прописанными целями и компетенциями, имеют избыточное количество готового учебного материала (чтобы дать возможность учащимся самостоятельно регулировать необходимый объем знаний) и указания на дополнительные источники информации, поиск которых будет способствовать развитию умения самостоятельно добывать и отбирать нужную информацию. Образовательные модули также являются оптимальным способом создания программ для краткосрочных курсов по обучению русскому языку.

Вариант модульной организации учебной деятельности применим в разных областях педагогики. Его нужно рассматривать не как радикальную альтернативу традиционному построению учебной программы, а как возможность комбинировать разные педагогические методы и подходы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Громкова М. Т.* Модульное обучение в системном образовании взрослых // Elitarium: Центр дистанционного образования [Электронный ресурс] / Некоммерческое партнерство Центр дистанционного образования «Элитариум»; Web-редактор В. Титов. – Электрон. дан. – СПб., 2005. – Режим доступа: http://www.elitarium.ru/2005/09/06/modulnoe_obuchenie_v_sistemnom_obrazovanii_vzroslykh.html свободный. – Загл. с экрана.
2. *Трушина Л. Б., Шайхутдинова И. Р.* Что такое инновационный проект, и как его организовать? (на примере проекта «Русский язык в международном турбизнесе» и его продукта – учебной серии «Рус-

- ский экзамен – туризм рэт») // Русский язык@Литература@Культура: актуальные проблемы изучения и преподавания в России и за рубежом: I Международная научно-практическая интернет-конференция: Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова; филологический факультет; 5–12 октября, 23 ноября – 7 декабря 2009 г.: Труды и материалы / Сост. Богомолов А. Н., Дунаева Л. А. – М.: МАКС Пресс, 2010. С. 1213.
3. Олейникова О. Н. Модульные технологии: проектирование и разработка образовательных программ: учебное пособие. М.: Альфа – М; ИНФРА – М, 2010. – 256 с.
 4. Russel J. Modular Istraction // A Guide to the Desing, Selektion, Utilization and Evalution of Modular Materials. – Minneapolis: BPC, 1974. – 164 p
 5. Щукин А. Н. Лингводидактический энциклопедический словарь. – М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007. – 746 с.
 6. Татьяна Эсмантова. Русский язык: 5 элементов. Уровень А2 (базовый). – СПб.: Златоуст, 2009.
 7. Фарисенкова Л. В., Соломонова А. А. На повестке дня – компетентностный подход к обучению русскому языку иностранцев // III Международная научно-практическая интернет-конференция «Русский язык@Литература@Культура: актуальные проблемы изучения и преподавания в России и за рубежом» (22-29 ноября 2010 г.) [Электронный ресурс] / МГУ имени М. В. Ломоносова, филологический факультет. – Электрон. дан. – М., 2007-2011. – Режим доступа: http://www.russianforall.ru/forum/index.php?PAGE_NAME=list&FID=16&PAGEN_1=8 свободный. – Загл. с экрана.

Н. Д. Михайлова, Р. А. Ткачёва, Н. Н. Кононова (Тверь)

КОМПЛЕКСНО-АСПЕКТНЫЙ ПОДХОД В ФОРМИРОВАНИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ

В процессе обучения иностранных студентов русскому языку эффективным средством повышения их лингвокультурологической компетенции становится применение учебного материала по традиционной национальной культуре страны изучаемого языка.

Изучение языка неотделимо от познания культуры его носителя. Это положение весьма актуально для негуманитарного профиля обучения, где возможности формирования и расширения лингвокультурологической компетенции иностранных учащихся в собственно учебно-профессиональной сфере не так широки, как в гуманитарных вузах. Именно поэтому на разных этапах подготовки студентов-медиков используются все возможности для создания и расширения лингвострановедческой и культурологической базы знаний.

Как известно, формированию социокультурной компетенции учащихся в значительной степени способствуют страноведческие уроки. В основу страноведческого урока «Русское народное прикладное искусство»

во: Хохлома», проводимого для студентов-медиков 2 курса в Тверской государственной медицинской академии, положен комплексно-аспектный подход, который предполагает решение ряда важных задач.

Одной из них является расширение страноведческих знаний о России: географии (Хохлома на карте России), природе (мир флоры, нашедший отражение в работах мастеров), этнографии (быте и культурных традициях страны) и др. Все наиболее существенные составляющие такого явления русской культуры, как народный промысел Хохлома, минимизированы и представлены системно. При введении этносоциокультурной информации делается акцент на народные предания, легенды (например, о загадочном цветке, распускающемся в ночь накануне Ивана Купала); обращается внимание на реалии и символы, отражающие культурно-исторический опыт русского народа. Так, хохломское изделие воспринимается как исконно русский сувенир, символ России. Кроме того, хохлома выполняет эстетическую роль, являясь украшением домашнего интерьера. Восторженную эмоциональную реакцию у иностранных учащихся вызывает информация о весьма нетрадиционном использовании хохломских ложек в качестве своеобразного «музыкального инструмента».

Решением важной проблемы – социально-бытовой и культурной адаптации студентов-иностранцев – обусловлено введение лексики для обозначения различных видов посуды (*половник, супница, солонка, бочонок, чаша, чашка, кружка, стакан*), предметов интерьера (*подсвечник, панно*), цветов (*ромашка, подсолнечник, лютик*), ягод (*малина, клубника, смородина*) и других бытовых реалий, что позволяет, с одной стороны, расширить словарный запас, дополнить фоновые знания, а с другой – в определенной мере сократить культурную дистанцию, имеющуюся между русской и родной культурой студента. Причем родную культуру студента преподаватель должен знать и рассматривать как равную своей и относиться к ней с уважением. Логическим дополнением занятия является включение в учебный процесс материалов сопоставительного культуроведения, то есть информации о национальных культурных традициях родной страны студента: Индии, Шри-Ланки, Сирии, Ганы и др. Таким образом, тему страноведческого урока об искусстве Хохломы можно представить как предмет межкультурного диалога.

Лексико-грамматический аспект представляет собой неотъемлемую часть комплексного подхода. Достаточно успешно решаются лингвистические задачи, связанные с языковой подготовкой студентов. Предъявление лексико-грамматического материала организуется таким образом, что для студентов очевидна его актуальность в изучении языка как средства общения и в социально-бытовой, и в профессиональной сферах. Предлагается система заданий, например, на введение и семантизацию новой лексики (*липа, глина, олифа; рисовать, изображать, наносить рисунок, расписывать* и др.); словообразовательный анализ (*подсвечник, братина, кудрина, бочонок, кружка, солонка, плошка*); образование прилагательных для обозначения формы (*бочкообразный, цилиндрический, вытянутый*) и цвета предмета (*золотистый, серебристый, желтовато-коричневый*); образование глаголов, обозначающих изменение цвета (*желтеть – пожелтеть, темнеть – потемнеть*) и др.

Учет профессионального аспекта возможен на тематическом занятии «Русское народное прикладное искусство: Хохлома», тема которого, как видим, весьма далека от медицины. Чтобы усилить мотивацию студен-

тов-медиков к профессиональному аспекту, уместно связать введение лингвокультурных реалий с языком специальности и обратить их внимание на своего рода «диффузию» социально-бытовой лексики и лексики специальных предметов (биология, анатомия, физиология, уход за больными): например, *поставец имеет цилиндрическую форму – клетки цилиндрической формы; сосуд бочкообразной формы – грудная клетка бочкообразной формы; посуда окрашивается в желтоватый цвет – лимфа имеет желтоватый цвет* и др. Обнаружение ассоциативных связей между языком социально-бытового и профессионального общения способствует более эффективному усвоению новой лексики, употреблению её студентами в речевой практике и помогает формированию профессиональной компетенции.

Развитие навыков аудирования, письменной фиксации звучащего текста, составления конспекта лекции – решение этих задач также напрямую связано с языковой подготовкой студентов-медиков.

Важно отметить, что в процессе занятия мотивирующая благоприятная обстановка создается с помощью новых технологий обучения. Так, на занятии «Русское народное прикладное искусство: Хохлома» в качестве учебного материала используется видеопрезентация, что позволяет усилить коммуникативно-познавательную деятельность иностранных учащихся. В результате активизируется их интерес к изучаемому языку, создаются стимулы для вовлечения студентов в речевую деятельность.

Контроль лингвострановедческих знаний студентов осуществляется путем тестирования. В тесты включены задания, контролирующие как знание грамматики, так и полученной страноведческой информации.

Таким образом, комплексно-аспектный подход представляется крайне продуктивным в формировании лингвистической и культурологической компетенции иностранных студентов, повышается их общий культурный и общегуманитарный уровень.

В. Ю. Скаковский (Тверь)

ФОРМИРОВАНИЕ РЕЧЕВЫХ ИНТЕНЦИЙ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Мыслительно-речевое вхождение индивида в информационное лингвистическое пространство непосредственно связано с процессом обучения русскому языку как иностранному. Важнейшим условием психологической мотивации к совершенствованию накопленного лингвистического опыта становится изучение предметов, явлений окружающей действительности, а также то, что включает обучаемых в процесс коммуникации. Однако познание индивидом иноязычной среды не может быть ориентировано на достижение ведущей интеллектуально-мыслительной установки. Именно это определяет временные границы индивидуальной адаптации в учебном процессе, качество закрепления накопленной ин-

формации, что в дальнейшем укрепляет коммуникативную прочность, уровень использования русского языка в иноязычной среде, сочетающего в себе противоположные сферы деятельности – письменной и разговорной речи.

Описание и исследование функционально лингвистических компонентов, закономерностей использования этих единиц во взаимодействии с разноуровневыми элементами окружающего мира являются неотъемлемой частью в процессе обучения русскому языку. Методическая направленность образовательных видов деятельности сопряжена с исследованием лингвистических системно-структурных нововведений, их функциональных характеристик, определяющих будущую коммуникативную деятельность студентов. Функциональный подход становится стимулирующим фактором в процессе исследования речевых интенций – целенаправленных коммуникативных намерений говорящего, реализуемых в речевой деятельности.

Активно-побудительные элементы включения коммуниканта в акты речевого общения непосредственно зависят как от субъективных, так и объективных факторов. Время установления непосредственного контакта с собеседниками, вхождение в иноязычное информационное поле зависит:

- а) от базово-лингвистической подготовленности,
- б) от желания индивида,
- в) непосредственно поставленной перед ним целевой задачи на обучение,
- г) оперативной трансформации лингво-логического мышления по восприятию информации с родного языка в иноязычное коммуникативное пространство,
- д) фактических действий говорящего по накоплению лингвистического опыта.

Для эффективной реализации речевых интенций необходимо выработать условия для установки мыслительной деятельности студентов на формирование определённого языка действия как в ситуации учебного общения, которая может быть приближена к реальной и которая должна отражать прототипные характеристики возникающей ситуации коммуникативного взаимодействия, так и в объективном, бытовом, социокультурном, межличностном контакте, где умелое использование интеллектуальных возможностей приводит к фактическим, действенным результатам.

Мыслительная деятельность индивида сопряжена в данном случае с выявлением, анализом и решением различного уровня проблем, возникающих в коммуникативном пространстве и находящихся своё решение прежде всего в диалогическом общении. Становится необходимым дать определённые ответы на стимулирующие познавательную деятельность вопросы: Какие проблемы хотят решать люди? Чем отличаются ситуации друг от друга? Каковы взаимоотношения между говорящим и собеседниками? Какие аналогичные вопросы можно задать своим друзьям? В каких ситуациях возможно услышать предложенные для изучения диалоги?

Именно деловая игра проецирует сознание человека на изучение места, времени, причин, условий совершения действий, ориентируемых прежде всего на конечный результат. Это может стать в дальнейшем определяющим толчком важнейших мыслительных операций по оценке, анализу диалогических ситуаций с точки зрения индивида, целесообразности их возникновения, развития, существования в некоем предполагаемом временном промежутке.

Познавательная активность студентов актуализируется с помощью изучения современных публицистических источников. Предполагаемые ситуативные зарисовки выбираются: а) из газет «Коммерсант», «Спортивная жизнь», «Досуг в Москве» и др., журналов «Наука и жизнь», «Красота и здоровье», «Театр», «Карьера», «Вокруг света» и др., б) биографических источников о жизни и деятельности представителей культуры [А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, С. А. Есенина, А. А. Ахматовой, Никиты Михалкова, Сергея Бодрова и др.], спорта [Гарри Каспарова, Александра Попова и др.], учёных [Михаила Ломоносова, Жореса Алфёрова и др.], знаменитых людей [космонавта Юрия Гагарина, модельера Вячеслава Зайцева и др.].

Многие деловые игры стимулируют студентов на решение бытовых проблем, углубление географической коммуникации. Разыгрываемые диалоги направлены на познание места проживания друзей, возможностей транспортных средств, объектов расположения в учебном заведении, общезнании, возможности позвонить, поменять деньги, купить билет на самолёт, послать открытку, сфотографироваться, поинтересоваться у друзей о расписании, назвать номер аудитории и предмет обучения, указать на этаж нахождения места проведения занятий, научиться составлять портреты людей: описать фигуру, волосы, глаза, уточнить одежду и т. д.

Целесообразно ведение определённых упражнений, углубляющих коммуникативное пространство говорящего. Например, типичная ситуация – поведение человека в магазине – дополняется предложенными рекомендациями по мысленному изучению отделов продаж («Книжки», «Подарки», «Бытовая техника», «Спортивные товары» и др.), определения характера и причин покупки.

Кроме того, расширение коммуникативных возможностей происходит за счёт интеллектуальной работы не только при диалогическом общении, но и за счёт включения многочисленных средств наглядности. Предлагается придумать и задать необходимые вопросы к помещённым в источниках фотографиям, портретам, грамматическим схемами т. д.

Правильное или ошибочное восприятие полученной информации становится непреложной дилеммой, определяющей положение человека в обществе, его отношение к окружающей действительности. Иноязычное информационное пространство становится для обучаемого лингвистической, культурной, психологической объективно существующей материей, игнорировать которую невозможно.

Возникшие в сознании коммуникативные стимулы постоянно приводят человека к пониманию необходимости установки и совершенствования общения с окружающим миром. Речевые интенции выступают как

план или программа последующих процессов и оказываются известными регуляторами поведения вступивших в общение людей. При этом сама регуляция деятельности других участников ситуации различного вида общения является специальной целью данных действий.

Обучение оказывается включённым в реально существующее социальное пространство, и именно оно заставляет обучаемого воспринимать демонстрируемый образец деятельности не просто как последовательность определённых физических, интеллектуальных, речевых движений, а как ориентируемую на выполнение норму поведения, которую он должен осознать, воспринять, а затем непременно утвердить в своих действиях.

Вхождение в иноязычное информационное пространство происходит поступательно, с учётом фактора адаптации субъекта к окружающей обстановке. Раннюю стадию вхождения можно обозначить как период произведения попыток коммуникативного контакта. Поток представляемой информации входит в сознание индивида в своей неделимой целостности и проходит через слуховые, зрительные анализаторы, не возбуждая реакций на произносимое. При частичном изменении интонационных составляющих (сила голоса, восклицание, вопросы) происходит процесс вовлечения в речевую практику слушающего, в сознании которого возникают ощущения невозможности установления визуального контакта. Ответными реакциями могут служить психоэмоциональные состояния (рефлекторные атаки, мимизация). Это должно привести в конечном итоге к заинтересованности вести общение, а в дальнейшем продуцировать изменение статуса коммуниканта: от пассивного созерцателя речевого акта к последовательно целеустремлённому процессу формирования субъекта общения.

Погружённость в окружающую среду, осознание невозможности вести диалог на родном языке до полного взаимопонимания создают условия осознания необходимости постигать речевые образцы как в индивидуальной, бытовой среде, так и в дальнейшей профессиональной деятельности. В качестве основных поступков в этой ситуации являются действия, осознанно или неосознанно направленные на изменение, регулирование собственной или чужой позиции в общении, то есть на изменение межличностного статуса. Возникает потребность в передаче накопленного общественного опыта и возможности решения поставленных задач со стороны участников ситуации общения.

Таким образом, формирование речевых интенций – это сложный, многогранный процесс, отражающий информационно-познавательный аспект коммуникативной деятельности, непосредственно связанный с функционально-семантической доминантой речевых действий субъектов общения на уровне структурных признаков точности и объективности связи речевых единиц.

Г. В. Бырдина, Е. А. Тихомирова (Тверь)

РАЗВИТИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ И КУЛЬТУРОВЕДЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИЙ УЧАЩИХСЯ-ИНОФОНОВ ЧЕРЕЗ ЗНАКОМСТВО С РУССКИМ РЕЧЕВЫМ ЭТИКЕТОМ

Национальная образовательная политика РФ направлена на создание оптимальных условий для этносоциокультурного развития юных граждан страны и преследует триединую цель:

- создание условий для удовлетворения этнокультурных образовательных потребностей граждан полиэтнической России;

- содействие средствами образования политике государства, направленной на консолидацию многонационального народа России с единою нацию;

- создание необходимых условий, обеспечивающих формирование корреляции этнокультурной и общероссийской гражданской самоидентичности обучающихся.

Достижение данной цели требует решения таких задач, как научно-методическая проработка содержания гуманитарного образования, выстроенного на билингвальной и бикультурной основе, с использованием сопоставительного анализа и с учетом этноязыковой и этнокультурной среды, выработка принципов и механизмов межкультурного взаимодействия и сопряжения содержания гуманитарного образования на всех ступенях обучения.

Одним из результатов развития современного общества являются миграционные процессы, способствующие появлению на территории коренных народов различных диаспор, вследствие чего возникает проблема «освоения» этническими группами языка места пребывания, в частности русского, и проблема совместного обучения русскоговорящих детей и детей, для которых русский язык – неродной.

Уровень владения русским языком детей-мигрантов (инофонов, билингвов) не соответствует требованиям, предусмотренным государственным образовательным стандартом по русскому языку. Зачастую ученики, приходя в русскоязычную школу, испытывают психологический дискомфорт, и задачей учителя становится формирование положительной мотивации к овладению языком, поскольку он становится не только школьным предметом, но и «рабочим» языком, на котором они будут получать образование и который будут использовать в повседневной жизни.

Сложность проблемы заключается в том, что методика обучения русскому языку как неродному в разноязычном классе, где большинство учащихся – русскоязычные, еще только формируется, нет учебных программ и пособий для учителей-словесников. А ведь «обучение русскому языку как неродному – это сложный, многоаспектный процесс передачи и усвоения знаний, навыков, умений, способов познавательной деятельности, формирования коммуникативной компетенции» [2, с. 14].

Одним из условий успешного вхождения учащегося-инофона в общее с русскоязычными сверстниками коммуникативное пространство является овладение русским речевым этикетом.

Речевой этикет связан с философским понятием этикета. В «Словаре по этике» (М., 1981) этикет (фр. ярлык «этикетка») определяется как «совокупность правил поведения, касающихся отношения к людям (обхождение с окружающими, формы обращения и приветствий, поведение в общественных местах, манеры, одежда)». Действительно, этикет выражается в самых разных сторонах нашего поведения. Например, этикетное значение могут иметь разнообразные движения человека, позы и положения, которые он принимает (лицом/спиной/боком к собеседнику). В этикетных целях часто используются предметы: приподнятая шляпа, преподнесенные цветы, особенности одежды (выбор праздничной, траурной или обычной одежды показывает, как мы понимаем обстановку и относимся к окружающим). Самую важную роль в этикетном выражении отношений к людям играет речь. Всем известны специальные словесные формулы вежливого обращения типа Здравствуйте! Извините, пожалуйста! Будьте любезны... Значит, у этикета есть вербальные и невербальные средства, которые в общении часто используются одновременно.

Этикет возник в древнейшие времена как правила упорядочения общественной жизни. Сведения об этикете содержатся уже в «Поучениях фараону Снофри», которым 5 тысяч лет. Этикетные правила охватывают разрешения и запреты, организующие в целом морально-нравственные нормы: оберегай младших, заботься о жене и родителях, уважай страших, будь добр к окружающим и т. п. Правила поведения петровских времен в России были собраны в сборнике «Юности честное зерцало». Этикетные знаки несут информацию и об иерархическом устройстве общества. Этикетных знаков много, они непрерывно развиваются вместе с развитием общества. Само же слово «этикет» возникло при дворе короля Людовика XIV и сообщало главным образом о правилах придворных церемоний.

Таким образом, этикет – это такие правила ритуального поведения, которые отражают существенные для данного общества моральные и этические нормы, связанные как со статусными и ролевыми признаками общающихся, так и с их социально значимыми биологическими признаками (мужчина-женщина, старый-молодой). Этикет вырабатывает нормы поведения, общения, способы и приемы исполнения, демонстрации этих норм и вещественные атрибуты такой демонстрации. Ритуальность предполагает стереотип определенных форм поведения, в том числе и речевого.

Речевой этикет – «социально заданные и национально-специфичные регулирующие правила речевого поведения в ситуациях установления, поддержания и размыкания контакта коммуникантов в соответствии с их статусно-ролевыми и личностными отношениями в официальной и неофициальной обстановке общения». Речевой этикет – образец ярко выраженного стандартизованного речевого поведения, поскольку стандартны сами ситуации. Несмотря на это, при употреблении этикетных формул идет непрерывный выбор из обширного арсенала языковых средств наиболее уместных применительно к данной обстановке. Следовательно, в употреблении единиц речевого этикета совмещаются стандарт и творческий выбор как существенное свойство этой коммуникативной системы знаков.

Основными функциями речевого этикет являются: 1) снятие агрессии; 2) обозначение «своих» и 3) отторжение «чужих». Формулы речевого этикета способны разрушить негативные ожидания собеседника, проявить доброжелательные намерения говорящего и этим снять агрессию (Друзья! Вы меня извините, может, я не права. Помогите мне разобраться в ситуации, и я буду вам благодарна).

В функционально-семантическом поле речевого этикета есть много языковых единиц, которые говорящий выбирает для опознавания «своих» и «чужих». Так, для одного партнера по коммуникации выбирается «Привет, Коленька!», а для другого (или того же, но в другой ситуации общения) – «Здравствуйте, Николай Петрович!»

Одной из важнейших функций речевого этикета является контакто-устанавливающая. В этой функции употребляется разветвленная система языковых единиц со значением обращений, приветствий, осведомлений о жизни, здоровье и т. п. Функцию «поглаживания» берут на себя знаки внимания и расположения, обслуживающие зону доброжелательных отношений партнеров (одобрение, похвала, комплимент): Я разделяю вашу позицию; Лучше нельзя было/сказать/придумать...; Вы прекрасно выглядите. Понятно, что речевой этикет и вежливость взаимодействуют, но не покрывают друг друга: не все то вежливо, что этикетно, но все, что неэтикетно, невежливо.

В социальных контекстах для поддержания общения в чужой тональности используются этикетные формулы – разноуровневые языковые единицы (полнозначительные словоформы, слова неполнозначных частей речи – частицы, междометия), словосочетания и целые фразы, принятые в определенных ситуациях, в разных социальных группах. Единицы речевого общения отражают постоянные социальные признаки участников общения: их возраст, степень образованности, воспитанности, место рождения и жительства, пол, а также переменные социальные роли – товарищ, клиент, пациент и т. п. Обычно называют более 10 важнейших этикетных позиций (ситуаций), отчетливо различающихся и имеющих свой этикетный словарь, который характеризуется разнообразием вариантов: обращение и привлечение внимания, знакомство, приветствие, прощание, извинение, благодарность, поздравление, пожелание, комплимент, сочувствие, приглашение, просьба, согласие, отказ. Этот ряд открыт в широкую область социально и национально специфических стереотипов общения.

В условиях спонтанного общения от коммуникантов требуется автоматизм в выборе и употреблении вежливых форм. Этикет речи усваивается как в практической речевой деятельности, так и в процессе специального, целенаправленного обучения или самообучения. К сожалению, этикетные нормы общения зачастую нарушаются, особенно когда человек относится к другой этнической группе и не владеет речевыми формулами места проживания.

Современные этикетные обороты зачастую утратили свое первоначальное значение (спасибо – спаси тебя бог; благодарю – дарю тебе благо, добро). Многие формулы иносказательны, метафоричны (приношу вам свои извинения; не судите меня строго; разрешите откланяться и др.). Средства речевого этикета устойчивы (близки к фразеологизмам: Добро пожаловать! Прошу любить и жаловать! Милости прошу к нашему шалашу!). Несмотря на свою устойчивость, они легко поддаются варьированию, образуют развернутые синонимические ряды, различаю-

щиеся прикрепленностью к конкретным ситуациям, к социальным группам и слоям, экспрессивно-эмоциональными оттенками.

Сохраняя «этикетную рамку» текстов разных функциональных стилей, говорящий должен сознательно выбирать лишь те средства, которые обусловлены экстралингвистически, т. е. целями, задачами, условиями общения.

Основные черты национального русского этикета могут быть сформулированы как максимы этикетного речевого поведения.

Говорящему следует: проявлять лишь доброе отношение к собеседнику посредством уместной вежливости (с учетом возраста, пола, служебного или общественного положения адресата); не навязывать собеседнику собственных мнений и оценок, уметь встать на точку зрения партнера; отбирать языковые средства в соответствии с избранной тональностью текста, ориентируясь не только на ситуацию общения в целом, но и на официальность/неофициальность обстановки; не перебивать собеседника, адекватно реагировать на обращения и поставленный собеседником вопрос; использовать возможности невербальных средств общения. Все эти правила базируются на принципах сотрудничества и вежливости, т. е. толерантности, гармоничности речевого общения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акишина А. А., Формановская Н. И. Русский речевой этикет. М., 1975; Этикет русского письма. М., 1986.
2. Балыхина Т. М. Методика преподавания русского языка как неродного (нового). М., 2007.
3. Гольдин В. Е. Речь и этикет. М., 1978.
4. Колесов В. В. Культура речи – культура поведения. Л., 1988.
5. Колтунова М. Я. Язык и деловое общение: Нормы, риторика, этикет. М., 2000.
6. Костомаров В. Г. Русский речевой этикет//Русский язык за рубежом. – 1967, № 1.
7. Лазуткина Е. М. Этика речевого общения и этикетные формулы речи //Культура русской речи. М., 1998.
8. Словарь по этике. М., 1981.
9. Смелкова З. С. Деловой человек: культура речевого общения. М., 1997.
10. Тумина Л. Е. Речевой этикет//Педагогическое речеведение. Словарь-справочник. М., 1998.
11. Формановская Н. И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. М., 1982; Употребление русского речевого этикета. М., 1982; Речевой этикет и культура общения. М., 1983; Коммуникативно-прагматические аспекты общения. М., 1998.

Е. А. Федорова, Е. Н. Нестерова (Москва)

ПРИНЦИПЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ И КОММУНИКАТИВНОЙ ПОДГОТОВКИ ИНОСТРАННЫХ БАКАЛАВРОВ В ВУЗАХ ЭКОНО- МИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ

Одним из ключевых направлений обучения дисциплине «Русский язык как иностранный» (далее сокращенно – РКИ) в российских высших учебных заведениях является формирование различных видов компетенций в учебно-научной сфере. Традиционные направления обучения языку специальности трансформировались сегодня, в условиях перестройки системы высшего образования, принятия концепции уровневого компетентностного подхода, в инновационную программу, в рамках которой выявляется совокупность важнейших компетенций, обеспечивающих единство знаний, умений и навыков по изучаемой дисциплине.

В большинстве случаев компетенция определяется как способность индивидуума эффективно решать задачи в профессиональной деятельности; другими словами, компетенция – это проявляемая в той или иной сфере способность личности действовать постоянно постоянно меняющимся условиям, оптимальным образом реализуя свой профессиональный и личностный потенциал. Раскрывая суть образовательных компетенций, обычно акцентируют внимание на совокупности смысловых ориентаций, знаний, умений, навыков и опыта обучаемого по отношению к определенному кругу объектов реальной действительности, необходимых для осуществления личностно и социально значимой продуктивной деятельности [1, с. 4]. Новые федеральные государственные образовательные стандарты предоставляют большие возможности формирования у обучающихся определенных общекультурных, профессиональных, инструментальных компетенций, предписывают приоритетное использование технологий, интенсифицирующих образовательный процесс.

Важно отметить, что система вузовского РКИ традиционно была ориентирована на конечный практический результат – на формирование необходимой практически значимой коммуникативной базы, поскольку русский язык для иностранных учащихся являлся и является в настоящее время рабочим языком, на котором они осуществляют актуальную жизнедеятельность в различных сферах: бытовой, социально-правовой, учебной, учебно-научной, профессиональной и т. д. Таким образом, установка «*знать – уметь – владеть*» достаточно органично вытекает из общедидактических принципов данной дисциплины.

Языковая дифференцированность контингента обучаемых (как правило, учебные группы формируются по чисто организационным принципам и не являются молингвистическими, монокультурными) и неоднородность начальной языковой, лингвострановедческой и коммуникативной подготовки студентов-иностранцев всегда предполагали поиски оптимальных – индивидуализированных – траекторий обучения, что также координируется с принципами и подходами, позиционируемыми сегодня как современные педагогические технологии.

Кафедра русского языка Финансового университета при Правительстве РФ накопила определенный позитивный опыт разработки и использования в учебном процессе комплекса программно-нормативных, обучающих, контролирующих материалов; материалов для организации самостоятельной работы иностранных учащихся, представляющих разные языковые регионы и характеризующихся неоднородным стартовым уровнем. Последние годы стали временем сосредоточения научно-методических и собственно дидактических усилий авторских коллективов на разработке и внедрении учебно-методических материалов, основанных на компетентностном подходе, где учитываются как текущие задачи, так и стратегические установки будущего финансиста, банковского работника, специалиста по аудиту и т. д.

В качестве примера опорной программной разработки приведем фрагмент *Рабочей программы для студентов-иностранцев II курса*, где единство «знать – уметь – владеть» имеет конкретные реализации, представляя звено в общей динамике образовательного процесса бакалавриата с 1-го по 3-й годы обучения:

Иностранные студенты данного этапа обучения должны

знать:

- *основные значения изученных лексических единиц, обслуживающих ситуации русскоязычного общения в учебно-профессиональной, бытовой и социально-культурной сферах деятельности;*
- *основные грамматические явления и структуры, используемые в устном и письменном общении данного этапа обучения;*
- *базовые нормы русскоязычного речевого поведения (речевой этикет);*

уметь при осуществлении русскоязычной коммуникации:

- *понимать информацию при чтении актуальной на данном этапе обучения учебной, справочной литературы, расширяющей социально-культурный кругозор студентов-иностранцев;*
- *сообщать информацию на основе прочитанного/услышанного текста;*
- *письменно фиксировать информацию, получаемую при чтении текста, прослушивании устной научной речи (лекция, семинар);*
- *воспринимать на слух ключевую информацию звучащего текста значительной протяженности (лекция);*
- *письменно фиксировать информацию, получаемую при чтении текста, прослушивании видеозаписи, просмотре видеоматериалов;*
- *понимать основное содержание монологических высказываний и различных видов диалога как при непосредственном общении, так и в аудио-, видеозаписи;*

владеть:

- *базовым русским речевым этикетом профессионально-делового общения (обмениваться информацией, в том числе в виртуальной среде; аргументированно излагать свое мнение и т. п.);*
- *основными приемами – стратегиями и тактиками русской речи в сферах и ситуациях учебно-профессионального общения, в том числе в ситуативных заданиях, при решении кейсов, создании учебных презентаций на русском языке [2, с. 6-7].*

Представляется, что приоритетными моментами при создании компетентно-ориентированного методического обеспечения следует считать

а) создание эффективных моделей обучения и контроля знаний в современных условиях, учет индивидуальных потребностей обучаемых, активное применение различных форм самостоятельной работы (при консультативной помощи преподавателя-русиста);

б) опора на устойчивую мотивацию к изучаемому материалу, изучение и систематизацию «баз данных» актуальных коммуникативных потребностей студентов, учет принципа «студент – активный участник/субъект образовательной деятельности»;

в) использование современных инновационных технологий, в частности программно-компьютерного обеспечения нового поколения: электронных тренажеров, виртуального кабинета преподавателя, разнообразных возможностей информационно-образовательного портала учебного заведения [3, с. 6 – 8].

Основой оптимизирующих методик, безусловно, является междисциплинарное (межкафедральное) сотрудничество, позволяющее осуществлять

1) отбор и минимизацию текстового и языкового материала и создание на этой базе релевантных описаний подязыков специальных дисциплин, включая активные словари терминов и терминологической лексики;

2) составление лингвометодических разработок, построенных на основе частотных языковых, речевых и поведенческих моделей с опорой на профессиональную коммуникацию [4, с. 363].

Примером реализации подобной обучающей модели может служить фрагмент *Практикума ситуативных заданий*, адресованного студентам бакалавриата, магистратуры, а также студентам включенного обучения, т. е. учащимся завершающего этапа [5]. Обучающие цели достигаются в ходе решения ситуативных задач, моделирующих ситуации реального профессионального общения. Ситуативные задания отражают темы «Фундаментальные понятия рынка ценных бумаг», «Виды ценных бумаг», «Профессиональные участники рынка ценных бумаг», которые были рекомендованы преподавателем-предметником, их дальнейшая корректировка в дидактических целях и лингвометодическая аранжировка произведена преподавателями-русистами.

Практикум демонстрирует модель организации учебного процесса, которая включает (внутри каждой темы) 3 блока заданий:

- *подготовительный* – формирование лингвистической компетенции («Говорите и пишите профессионально грамотно!»);
- *основной* – формирование профессиональной компетенции в ходе решения собственно ситуативного задания («Анализируйте информацию, принимайте решение, учитесь аргументировать свою позицию!»);
- *справочный* блок (ключи к заданиям; комментарии; рекомендации по подведению итогов, в том числе коллективное обсуждение достижений каждого студента и выставление оценок).

Задания основаны на принципах современной лингводидактики, включая компьютерные технологии и имитацию ситуаций реальной профессиональной коммуникации.

Учебно-языковые задания подготовительного блока представляют собой комплекс лексических, словообразовательных, синтаксических и стилистических упражнений, имеющих четкую, логически выстроенную систему. Выполняя такого вида задания, студенты должны осознавать,

что слова, словосочетания, предложения разных типов впоследствии должны быть использованы в речи.

Важнейшие учебно-методические аспекты – активизация наиболее частотных лексико-грамматических единиц, свойственных специальным текстам; снятие лексико-грамматических трудностей до решения творческих задач; внимание к терминам, устойчивым сочетаниям терминологического характера; использование компьютерного тренинга для отработки грамматических моделей в режиме самостоятельной работы; привлечение элементов презентаций PowerPoint и т. п.

Особое внимание уделяется повышению мотивации. В первую очередь это система ключей-подсказок, поощрение локальных и общих достижений обучаемых (текущая и аттестационная оценка), коммуникативная и ситуационно-профессиональная обусловленность учебных заданий [6, с. 27].

Ниже приводятся примеры заданий основного блока.

Задание 9. Ознакомьтесь с текстом ситуативного задания 1. Готовьтесь привлечь для его выполнения дополнительные источники, в частности Интернет-ресурсы.

Вам, молодому преподавателю, доверили подготовить для студентов финансово-экономического колледжа краткую, четкую и наглядную справочную таблицу по материалам сайта www.micex.ru (или по данным финансовой прессы). ►► Какие ценные бумаги обращаются в настоящее время на ММВБ? Имеются ли среди этих ценных бумаг

а) долговые и долевы; б) именные, предъявительские, ордерные;

в) государственные, муниципальные, корпоративные, частные;

г) именные, предъявительские, ордерные?

Задание 10. Устно представьте подготовленный материал. Используйте следующие речевые образцы.

■ Данное задание, разумеется, не представляет особой трудности.

■ Ознакомившись с данными сайта (ряда солидных финансовых источников), я понял...

■ Судя по данным сайта, мы имеем следующую картину...

■ В настоящее время на ММВБ имеются следующие типы ценных бумаг.

Задание 12. При прохождении собеседования Вам и Вашим конкурентам было предложено ответить на вопросы теста. Проверка по ключу покажет, кто вероятный претендент на привлекательную вакансию.

Тест. Установите правильные соответствия.

Укажите все возможные ответы.

1. Виды ценных бумаг:	1. предъявительские
(А) долговые, ...	2. среднесрочные
(Б) государственные, ...	3. муниципальные
(В) краткосрочные, ...	4. долевы
(Г) именные, ...	5. ордерные
	6. корпоративные
	7. долгосрочные
	8. частные
	9. бессрочные
2. Федеральный	(А) содержит бытовое определение понятия

закон от 22. 04. 1996 г. ...	<p><i>«ценная бумага»</i> (Б) <i>служит законодательной базой для рынка ценных бумаг</i> (В) <i>содержит определения фундаментальных понятий рынка ценных бумаг</i> (Г) <i>является вспомогательным инструментом на рынке ценных бумаг</i></p>
---------------------------------	--

Именно система заданий успешно формирует навыки и умения использования определенных языковых знаний и элементов коммуникативных моделей, обеспечивающих грамотное профессиональное общение. Эффективность применения учебно-языковых заданий зависит от того, насколько обеспечивается постепенное усложнение деятельности студентов при формировании востребованных умений. Подготовленность речи студентов с точки зрения их языкового оформления облегчает им процесс усвоения информации и воспроизводства текстов учебно-профессиональной тематики.

Нацеленность преподавателей на создание современного методического обеспечения, расширение междисциплинарного и межвузовского сотрудничества, творческих контактов – все эти факторы могут явиться гарантами скорейшего продуктивного решения серьезных задач, которые стоят перед РКИ XXI века.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Нечаев В. Д., Вербицкий А. А.* Через контекст – к модулям: опыт ИГГУ им. М. А. Шолохова. – «Высшее образование в России», № 6, 2010; *Хуторской А. В.* Ключевые компетенции и образовательные стандарты // Интернет-журнал «Эйдос», 2002. – <http://eidos.ru/journal/htm>.
2. *Ганина Е. В., Масленникова И. Л., Полякова Р. И., Федорова Е. А.* Русский язык. Рабочая программа дисциплины для студентов-иностранцев II курса (вариант «А») всех направлений подготовки бакалавров. М.: Финансовый университет, 2010.
3. *Ланских А. Н.* Рабочее место любого специалиста XXI века – это его персональный компьютер. – Финансист, № 117 /апрель 2011.
4. *Федорова Е. А., Нестерова Е. Н.* Мотивированный отбор структурных моделей языка специальности. – Языки профессиональной коммуникации: IV Международная научная конференция (декабрь 2009 г.) / Челябинский гос. университет. Рос. ассоциация лингвистов-когнитологов. Сборник материалов. Челябинск: изд-во ЧелГУ, 2009.
5. *Безмертная Е. Р., Нестерова Е. Н., Федорова Е. А.* Практикум ситуативных заданий. М.: Финуниверситет, 2011 (МК).
6. *Федорова Е. А., Нестерова Е. Н., Безмертная Е. Р.* Практикум ситуативных заданий как модель обучения студентов-иностранцев языку специальности (экономический профиль). – Русский язык за рубежом. 2010. № 1 (218).

Н. Н. Янова, В. М. Мирзоева (Тверь)

ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ СЛОЖНОСОЧИНЕННЫХ КОНСТРУКЦИЙ С СОЮЗОМ *И* ИНОСТРАННЫМИ СТУДЕНТАМИ МЕДИЦИНСКОГО ПРОФИЛЯ

Одной из главных задач обучения языку специальности иностранных учащихся в нефилологическом вузе является формирование навыков изучающего чтения оригинальной учебной литературы. В связи с этим в лингводидактике уделяется большое внимание изучению вопросов текстообразования и смысловосприятия научного текста. Среди множества разноплановых подходов к изучению текста выделяются подходы, которые изучают функционирование языковых единиц в тексте. Большинство лингвистов в наше время разделяет положение о том, что смысл высказывания (предложения) не является автономным к контексту, его включающему, и может быть адекватно описан с учетом когнитивно-коммуникативных факторов языковой деятельности. К конструкциям, семантическая интерпретация которых выходит в сферу текстообразования, относятся сложносочиненные предложения [ССП], отличающиеся широким диапазоном семантических контактов с различными типами отношений: соединительными, противительными, причинно-следственными, присоединительными и др. Несмотря на большой опыт в изучении ССП, некоторые вопросы остаются малоизученными. В частности, не получил достаточного освещения вопрос о специфике функционирования ССП в научных текстах, поскольку существует представление о том, что данные конструкции относятся к периферии научного стиля речи. Однако наш материал показывает, что в учебной медико-биологической литературе сложносочиненные конструкции представлены разнообразно и частотно. Это и определяет задачи данной работы: 1) изучение особенностей функционирования ССП с союзом *И* в учебно-медицинских текстах; 2) выявление некоторых трудностей при изучении данных конструкций в иноязычной аудитории.

Союз *И* – одна из самых сложных реляционных единиц, функциональная сущность которой остается предметом острых дискуссий. Использование этого союза в разных контекстах приводит исследователей к прямо противоположным выводам по вопросу о его асемантичности (беспризнаковости) или семантичности (а отсюда и о содержании соединительных отношений вообще). В научной литературе чаще всего обращается внимание на специфику функциональной перспективы единиц с союзом *И*, их способность выразить общую мысль или общую картину того или иного фрагмента действительности через детали. Не вызывает сомнений мысль о том, что компоненты, соединяемые этим союзом в простом и сложном предложении, органически связаны друг с другом в единое целое. Очевидно, неслучайно эта взаимосвязь отразилась в самой семантике терминов, которой в разное время ученые характеризовали соединительную связь: соответствие, согласованность, соотнесенность и др. [1, с. 41].

Однако данные критерии отражают наиболее общие семантико-конструктивные особенности сочинительных конструкций на недостаточны, на наш взгляд, для интерпретации смыслового потенциала данных предложений в научном тексте. Согласно наблюдениям многих лингвистов, для восприятия смысловых отношений в ССП важное значение имеет семантика соотносимых пропозиций, которую адресат восстанавливает «собственными силами», опираясь на апперцепционную базу.

М. В. Ляпон оценивает союз *И* как «эвристически пассивный», как союз дорефлектирующей стадии осмысления связи между информативными фрагментами. «Вне конкретизатора союз *И* используется в ситуациях, не требующих эвристического» вклада» (в стратегии говорящего), либо тогда, когда точная экспликация отношения между соединяемыми фрагментами не включается в коммуникативную программу» [2, с. 68]. Приведенные рассуждения являются перспективными для дальнейших теоретических исследований. Однако, как показывает практика, несмотря на кажущуюся прозрачность структурных схем предложений, соединяемых союзом *И*, восприятие конкретных смысловых отношений в конструкциях без конкретизаторов может вызывать трудности у иностранных учащихся, так как для их понимания необходимы фоновые знания по специальности либо знание широкого контекста. Например: *При экспериментальном введении четыреххлористого углерода давление в воротной вене резко возрастало, и наступал венозный застой; Нитевидные хромосомы неделящихся ядер располагаются в ядерном соке, переплетаются между собой и различить каждую хромосому трудно.*

Следует подчеркнуть, что в научном тексте большая часть ССП употребляется с конкретизаторами, эксплицитно указывающими на результативно-следственные, причинно-следственные и др. отношения. Например: *Дальше у кишечной палочки, зараженной бактериофагом, начинают синтезироваться ДНК бактериофага, и в конечном итоге бактерия погибает; В результате этого усиливается гликолиз, и, как следствие этого, в очаге воспаления происходит накопление больших количеств молочной кислоты; Многие внешние факторы вредны для здоровья (например, болезнетворные микробы), и при известных условиях они могут быть причиной заболевания.*

Конкретизаторы, сопутствующие союзу *И*, восполняют его «эвристическую недостаточность» и таким образом обеспечивают адекватное восприятие смысловых отношений, что особенно важно для иностранцев.

Высокая употребительность таких ССП в естественно-научных текстах подчеркивает значимость для данной сферы отношений причины, следствия и результата. Известно, что возможности *И* в сфере обусловленности ограничены, так как распределение ролей причинно-следственных компонентов строго направлено: результативно-следственная информация может быть только в постпозиции. Следовательно, причинно-следственные связи складываются в таких предложениях как отражение природной связи явлений. Каузируемое состояние является конечной целью каузативной ситуации, представляющей наибольший интерес для автора и адресата.

Среди конкретизаторов соединительно-противительного значения используется вводное слово «наоборот». Его употребление обусловлено намерением акцентировать диаметрально противоположные ситуаций (принцип антитезы). Наш материал показал, что вовлечение реляти-

ва «наоборот» в сферу И-отношений изменяет функциональный профиль этого релятива (взаимное отрицание), и на базе основного соединительного значения развивается значение сопоставления. Например: *Определенное развитие и деятельность костного мозга отражаются на строении костного вещества, и, наоборот, механические факторы скажутся на функциях кроветворения.*

Особо следует сказать о специфике ССП с присоединительным значением в научном тексте. Например: *В настоящее время почти для каждого витамина найдено антагонистическое вещество (антивитамин), и часто эти препараты имеют лишь небольшую разницу в строении молекулы; В поисках новых антималярийных препаратов было синтезировано свыше 12 000 соединений, и два из них оказались действительно обладающими антималярийным действием.* Информативный статус таких предложений оценивается по-разному. По мнению М. В. Ляпон, присоединительно-поясняющую информацию инициатор сообщения преподносит как нечто добавочное, факультативное [2, с. 69]. Эти замечания, по-видимому, справедливы для общелитературной речи. В нашем же материале присоединительная часть снимает абсолютность утверждаемого в предшествующей части, и без этого корректива информация в первой части ССП или неполна, или неадекватна с научной точки зрения. Следовательно, включение конструкций данного типа в учебные материалы для иностранных учащихся является необходимым.

Проведенный анализ показал, что своеобразие сочинительных конструкций с союзом И создается комплексным участием различных факторов, среди которых наиболее важными являются: специфика объекта изложения (фрагмента действительности), особенности функционально-синтаксической перспективы предложения (своеобразие взаимодействия смыслов в рамках целого, параллелизм строения), а также специфическое коммуникативное задание, определяющее роль таких конструкций в текстообразовании. Эти особенности наиболее ярко проявляются в научных текстах у ССП с союзом И.

Смысловая и структурная целостность конструкции с И создается общей гипертемой и прагматической установкой констатации, репрезентации, направленной на создание своеобразного аналога действительности и формирование у адресата ментальных способностей к синтезированию отдельных признаков в целостную картину. Как правило, в нашем материале объектом описания, являются естественно протекающие биологические процессы – такое целое, которое информативно расчленимо на отдельные составляющие (стадии, фазы, этапы и др.), но в то же время объективно взаимосвязано во времени и в пространстве. Стадии изменения объектов, представленные в рамках целостного описания, осуществляются либо одновременно, синхронно, либо во временной, либо в логической последовательности – как отражение природных связей и отношений. При этом нарушение логической или временной последовательности может привести к искажению научной информации об изучаемых объектах. Для предложений с союзом И релевантной является информация, которая в научной литературе квалифицируется как «описывающая мир», «индикативная», «фактологическая». В. В. Виноградов определил координаты эмпирического познания как объективное положение к собеседнику и к отражаемому в предложении «отрезку», «кусочку» действительности. Как известно, информацию, основанную на пресуппозиции конкретных качеств, свойств, процессов, адресат может

восстановить своими силами с опорой на апперцепционную базу. «Внешняя» коммуникативная функция соединительных предложений с союзом И осознается в пределах более широкого контекста, где эти конструкции «диагностируют» текстовые фрагменты (СФЕ) описательного или повествовательного типа. Таким образом, именно в научном тексте наиболее ярко проявляется влияние экстралингвистических факторов, что позволяет моделировать «картину мира», пропущенную через научное познание вместе со способами его языкового воплощения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Холодов Н. Н.* За древними тайнами русского слова «и» – тайны иных масштабов. – Иваново, 1991. – С. 41.
2. *Ляпон М. В.* Смысловая структура сложного предложения и текст: К типологии внутритекстовых отношений. – М.: Наука, 1986. – С. 68–69.

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ОНОМАСТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ И АПЕЛЛЯТИВНО-ОНОМАСТИЧЕСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Н. В. Волкова (Тверь)

АВТОРСКОЕ «Я» И «МАСКИ» ВЫСОЦКОГО В СВЕТЕ ПРОНОМИНАЛЬНОЙ АНТРОПОНИМИКИ

Поэтическое творчество В. С. Высоцкого уникально по многоликости «я», это труднообозримая портретная галерея, охватывающая едва ли не все характерные для советской эпохи человеческие типы, причем раскрытые «из души», «изнутри», что ставит исследователя, размышляющего о возможности использовать термин «лирический герой», в двусмысленное положение: с одной стороны, в каждом из читателей живет представление, что, как бы ни был многолик, многокрасочен человек, в нем есть цельность, некий внутренний стержень, единство и «однозначность», пусть сложная, на которую нанизывается, с позиций которой видится многообразие бытия; с другой стороны, величие художника в том, чтобы – в каком-то предельном, допускаемом лишь условно случае – носить в себе все многообразие возможных человеческих типов и судеб, в том, чтобы быть личностью многомерной, поливариантной.

Входить в миры Высоцкого можно, отталкиваясь от любой точки или фасеты лексикона или грамматикона, даже от отдельно взятого слова, но продуктивнее рассматривать закономерности функционирования определенного **класса единиц**, в частности, именований лиц – собственных, нарицательных и прономинальных.

Поскольку такие именования могут быть упорядочены и представлены в виде полевой структуры, то можно говорить об *антропонимических полях* или *антропонимическом пространстве* – отдельного текста либо поэзии Высоцкого в целом. Термины «поле» и «пространство» отсылают к представлению об *упорядоченности* множества именований лиц, которые связаны с тем или иным «я», а именно: как это «я» именует других героев произведения и как они именуют его; в случае лиро-эпического текста (баллады) – как именуется каждый из персонажей в авторской речи.

«Упорядочивающим началом» антропонимического поля мы считаем местоимения. Мотивация представляется очевидной, ср.: лирический герой для себя самого – просто *я* (так себя и именует); его возлюбленная – *она*; друг (или недруг, или любой «третий») – *он* и т. д. В аналитической и клинической психологии считается, что употребление во внутренней или внешней речи тех или иных личных местоимений не случайно, что каждое местоимение соотносится с определенной областью психического, поскольку «Я»-концепция личности с необходимостью включает отношения между «я» и «другими» [1], представляет собой системы отношений [2].

В русской грамматике местоимение определяется как «традиционно употребляется применительно к широкому кругу слов, объединенных общей указательной функцией или ее разновидностью – функцией заместительной. В отличие от слов-названий, местоименные слова не называют лиц, предметов, признаков, а только указывают на них или – в контексте – выступают как заместители слов, их называющих» [3]. Если основная функция «неместоименных» знаменательных частей речи – номинация, связанная с наличием конкретного «вещественного» содержания в лексическом значении слова, то основная функция местоимений – прономинация, – по определению Е. Н. Сидоренко, – «особый способ отображения, при котором отсутствует постоянно закрепленная связь данного звукового комплекса с каким-либо явлением объективной действительности, а вместо этого подобная связь осуществляется контекстуально-ситуативно» [4].

Однако способность местоимений приобретать в контексте самые разнообразные «вещественные» значения не означает, что у них нет собственной семантики: местоимения не просто «замещают имена», но наделены и самостоятельным, пусть очень общим, лексическим значением, которое соотносится не только с общекатегориальным «частеречным» (как, например, значение «количества вообще» у местоимения *сколько*), но и с субкатегориальными значениями (например, «участников речи»).

Назначение местоимений, прежде всего личных, не только в том, чтобы «замещать имена», на чем строится внутренняя форма термина *местоимение*, но и в том, чтобы **отсылать к фундаментальным компонентам внутреннего мира личности** и к связям как между этими компонентами, так и между феноменами «внешнего» реального или возможного мира. Внутренний мир находит выражение через **прономинальные оппозиции**, типа «я» – «другой, собеседник» (оппозиция *я – ты*), «я» – «другие» («объединяющее», «конъюнктивное» местоимение *мы*), «лицо (известное или неизвестное) мужского пола» – «лицо женского пола» (*он – она*) и т. д. Эти общие оппозиции в контексте конкретизируются по-разному, образуя один из строевых элементов идейно-художественной системы, составляя ее «прономинативную основу» [5].

Анализ контекстов употребления местоимений позволяет выяснить, какие семантические структуры, какие внутри- и межличностные процессы значимы для художественного мира писателя. Естественно, ответ на этот вопрос можно искать, исследуя любые языковые единицы, но в случае, например, неместоименной лексики мы сталкиваемся с задачей сведения конкретной семантики к обобщенным смыслам. Обращение к функционированию местоимений упрощает задачу, так как значения местоимений и без того предельно общие, а к их контекстуальным смыслам можно обращаться по мере того, как созревает необходимость конкретизировать складывающееся понимание «концепции целого».

Вопрос о «месте местоимений» в антропонимических полях Высоцкого – это прежде всего вопрос о месте *я* (не «я» как личности, а *я* как местоимения) в ряду *ты, он, она* и т. д. Но это *я* – лишь в немногих случаях «Я исповедальное», когда герой рассказывает о каких-то конкретных вехах своего жизненного пути, о своих переживаниях или убеждениях, как правило, это различные «Я-маски».

«Я-маска» в дизъюнктивной оппозиции социальному уравнительно-упорядоченному бытию. Эта оппозиция фиксирует маргинальную ситуацию ролевого персонажа – «на обочине» или вне стандартизо-

ванного социального бытия. Маргинализация личности – как универсальный культурный феномен развитых стран, обусловленный групповыми условиями человеческого существования [6], – приобретает особую остроту в кризисные периоды, связанные, с одной стороны, с относительной духовной свободой и формированием различных субкультур, а с другой стороны – с состоянием неуверенности и неопределенности. Маргинализированные «маски» Высоцкого предстают, помимо экзистенциального, в трагедийно-онтологическом ракурсе. Это обстоятельство обусловило наличие в поэзии Высоцкого специфической тематической сферы, которую можно условно назвать «Психушка». «Сумасшедший мир», в котором все наоборот, создает «сумасшедшие дома» не только для собственно психов, но и для того, чтобы здоровых сделать больными.

Тема больницы оказывается темой «больницы-тюрьмы» [7], назначение которой – «перевоспитание наоборот». Характерное для этой тематической сферы ролевое «я» – носитель позиции наблюдателя, как в песне «Про сумасшедший дом» (1965; 1, 142) [8]: «Бывают психи разные: / не буйные, но грязные, / Их лечат, морят голодом, их санитары бьют. / И вот что удивительно: / все ходят без смиренных, / И то, что мне приносится, все психи эти жрут. // Куда там Достоевскому / с «Записками» известными! / Увидел бы, покойничек, как бьют об двери лбы! / И рассказать бы Гоголю / про нашу жизнь убогую – / Ей-богу, этот Гоголь бы нам не поверил бы!».

Ассоциации с Достоевским и Гоголем усиливают эффект нарочитой повествовательной бесстрастности, доходящей до трагического предела в финале, когда предметом самонаблюдения оказывается распад собственного сознания повествователя: «Я жду. Но чувствую: уже / хожу по лезвию ноже... / Забыл алфавит, падежей припомнил только два. / И я прошу моих друзья, / чтоб кто бы их бы ни был я, – / Забрать его, ему, меня отсюда!»

Представляющийся на первый взгляд абсурдным вопрос: маргинальное общество или индивидуум (так как, с позиций «здорового смысла», общество «всегда право») [9], – обретает онтологический смысл, поскольку в мире Высоцкого подлинная бытийность – атрибут личного существования, а социум – лишь «окружение», «обочина» индивидуального «я».

Недоуменным ощущением несогласованности социально навязываемых представлений о личностной «норме» и общепривычного уклада жизни отмечена «блатная» лирика поэта. Именно в поисках путей к личной свободе как естественному, не «маргинальному» существованию – мы усматриваем глубинные истоки обращения Высоцкого к этой тематике и стилистике, к маске приклатенного, блатного или «зэка». Не посталенинская «мода» [10], не тот факт, что блатная песня – неотъемлемая часть российского культурного контекста [11], не то обстоятельство, что «весь уклад страны и образ жизни ее населения пропитались духом исправительно-трудового учреждения» [12], являются, на наш взгляд, решающими в обращении Высоцкого к «блатной» тематике. Привлекает демонстративное отсутствие «двойного сознания», единство слова и дела: «Я в деле, и со мною нож. / И в этот миг меня не трожь! / А после – я всегда иду в кабак. / И кто бы что ни говорил, / Я сам добыл – и сам пропил, / И дальше буду делать точно так» («Я в деле», 1961; 1, 32).

Однако цельность криминальной личности – кажущаяся, так как ее самодостаточность строится с позиции силы и неотъемлема от разделения мира на «своих» и «чужих», а значит, от трагедии отчуждения: («Зачем мне быть душою общества, // Когда души в нем вовсе нет?») («Я был душой дурного общества», 1962; 1, 53); «Загубили душу мне, отобрали волю... // А теперь порвали серебряные струны» («Серебряные струны», 1962; 1, 40). В результате не оказывается «ни своих, ни чужих»: («Думаю я – наконец не увижу я скоро / Лагереи, лагереи... / Но попал в этот пыльный, расплывчатый город / Без людей, без людей. // Бродят толпы людей, на людей не похожих, / Равнодушных, слепых. / Я заглядывал в черные лица прохожих – / Ни своих, ни чужих») («Так оно и есть...», 1964; 1, 87).

Это переживание маргинализованности мира «равнодушных, слепых» – универсально, всепланетно: («Напролет целый год – гололед, / Будто нет ни весны, ни лета. / Чем-то скользким одета планета, / Люди, падая, бьются об лед») («Напролет целый год – гололед...», 1966; 1, 192).

Подробную характеристику этого состояния оставил Н. А. Бердяев: «Я не у себя дома, не в мире своего собственного существования. И люди воспринимаются мной, как принадлежащие к другому, чужому, не моему миру. Мир и люди для меня объекты, принадлежат к объективированному миру, с которым я не только связан, но к которому я прикован. Объективированный мир никогда не выводит меня из одиночества. «Я» перед объектом, перед всяким объектом, как бы оно ни было связано, всегда одиноко. Это основная истина. В своем одиночестве, в своем существовании в самом себе я не только остро переживаю и сознаю свою личность, свою особенность и единственность, но я также тоскую из выхода из одиночества, тоскую по общению не с объектом, а с другим, с ты, с мы. “Я” жаждет войти из замкнутости в другое “я” и боится этого, защищается от встречи, которая может быть встречей с объектом. ... “Я” одинок не столько в своем собственном существовании, сколько перед другим и среди других, в чуждом мне мире» [13].

Выйти из маргинализованного состояния отчужденности – значит прорваться к социокультурному ядру, которое применительно и к «маскам» Высоцкого, и к его исповедальному «я» может быть охарактеризовано как соборность и всеотзывчивость на основе православной религиозности. Этот непростой путь в поэзии Высоцкого начинается с формирования прономинальных оппозиций не дизъюнктивного, «расчуждающего», а конъюнктивного, «воссоединяющего» типа.

«Я» в конъюнктивной оппозиции к «мы». Эта характерная для Высоцкого «включающая» оппозиция отражает *слитность с внутренне близкими «другими»* как черту мировосприятия и поэтической философии, выражает ощущение себя органической частью людского целого, но целого не неопределенного (как ставшее в советское время расхожим *народ*), а «конкретно-зримого».

Если употребление местоимения *я* всегда отсылает к представлению о субъекте речи, о некоем конкретном говорящем индивидууме, о «я», то *мы* связано одновременно и с конкретной личностью, и с коллективным субъектом (*мы* – это и я тоже). Использование *мы* указывает на принадлежность говорящего некоторой общности, некоторому «единству». Говоря «мы», субъект речи признает в том числе и своими какие-либо качества, характерные для соответствующего единства:

– возможные пороки (недостатки, прегрешения и т. п.);

– возможные достоинства (добродетели, заслуги, идеалы и т. п.).

Таким образом, употребление *мы* может сигнализировать не только о сознании говорящим своей принадлежности некой сверхиндивидуальной общности, но и об этической или иной *самооценке* и оценке данной общности. То же касается и каких-либо событий, в которых «я» принимало участие, совершенных или несовершенных поступков, возникших или не возникших мыслей и т. п.

Рождение стиха каждый раз оказывалось открытием нового мира, новых «я» и «мы»: «Иногда ты просыпаешься, шепча бессвязные слова... Ты лежишь с закрытыми глазами и едва успеваешь скороговоркой описывать все, что мелькает в твоём воображении, – цветные картины с шумами, запахами и множеством персонажей, характер и внешность которых тебе удастся передать в нескольких словах. Мы называем это “снами наяву”. Обычно они предшествуют большому стихотворению...» [14].

Поэтические «сны» Высоцкого выдерживают проверку на неподдельную искренность, на онтологическую правду – признанием читателей. Марина Влади: «Я страстно люблю горы. Ты написал про них одну из самых известных своих песен. Она теперь стала гимном альпинистов» [15]. Вероятно, речь идет о «Вершине» (1966; 1, 177). Но едва ли это «гимн». В гимне – праздник. У Высоцкого – яростная устремленность. От мелочности быта, от хлипкой сиюминутной славы – к колющему воздуху вершин. Это не праздник, это – счастье воссоединения с миром «мы» – через преодоление себя в мире гор: «Мы рубим ступени. Ни шагу назад! / И от напряженья колени дрожат, / И сердце готово к вершине бежать из груди. / Весь мир на ладони! Ты счастлив и нем / И только немного завидуешь тем – / Другим, у которых вершина еще впереди».

В «Вершине» отчетливо противопоставлены два типа личности, «помеченные» двумя разными рядами местоимений:

- 1) *вы – кто – тот – он* (кто никогда не покорял гор);
- 2) *мы – ты* (кто знает счастье преодоления себя в поединке с горами), ср.:

здесь *вам* не равнина
кто здесь не бывал, *кто* не рис-
 ковал,
тот сам себя не испытал,
 пусть даже внизу *он* звезды
 хватал...

мы выбираем трудный путь
 покой *тебе* подарил
ты так и не покорил
мы рубим ступени
ты счастлив и нем

Личные местоимения *вы* и *он*, относительное *кто*, указательное *тот* несут один контекстуальный смысл – обобщенно-неопределенно-личный: не знающий гор не знает и себя; его «я» неведомо ему самому. Этому множеству людей «без личностной определенности», людей, не проверивших и не познавших себя, противопоставит *мы* и «диалогическое» *ты* тех, кто себя знает, кто себя нашел, кто преодолел отчуждение.

Здесь личное *ты* – обращение к человеку состоявшемуся (знающий горы знает и себя), пусть и погибшему в поединке с собой и вершиной, пафос – утверждение мощного личного «я» как утверждение «мы» тех, кто посвящен в таинство преодоления – как утверждения одновременно и индивидуального, и обобщенного «я».

«Военная» тема у Высоцкого связана с преодолением барьеров времени, с восстановлением психологической и культурной преемственности – из прошлого в будущее – через объединяющее *мы*. Как и «горная»

тема, она выдерживает проверку на искренность и правду жизни – народным признанием: «На твоих концертах увешанные медалями ветераны плачут. Молодые задумчивы и серьезные. Твои песни делают для мира и памяти погибших больше, чем все фильмы, документы, памятники и официальные речи, вместе взятые» [16], как в «Мы вращаем Землю» (1972; 2, 359): «От границы мы Землю вертели назад / (Было дело сначала), / Но обратно ее закутил наш комбат, / Оттолкнувшись ногой от Урала. // Наконец-то нам дали приказ наступать, / Отбирать наши пяди и крохи, / Но мы помним, как солнце отправилось вспять / И едва не зашло на востоке. // Мы не меряем Землю шагами, / Понапрасну цветы теребя, / Мы толкаем ее сапогами – / От себя! От себя!».

Мы, нам – в каждой строфе, они формируют прономинальную доминанту с контекстуальным смыслом «братство по оружию», «братство преодолевших судьбу».

Антропонимическое микрополе этого текста конъюнктивно: *мы, наши комбат, кто-то* («Кто-то встал в полный рост и, отвесив поклон, / Принял пулю на вдохе»; «Кто-то там, впереди, навалился на дот. . .»), *никто* («Здесь никто б не нашел, даже если б хотел, / Руки кверху поднявших»), *я* («Я ступни свои сзади оставил, / Мимоходом по мертвым скорбя. . .») – объединены одним общим усилием вернуть мир в нормальное состояние.

Где враг? Не назван. «Враг» – в том, что Земля изменила себе. Точнее, мы сами ее изменили («От границы *мы* Землю *вертели назад* – / Было дело сначала. . .»). Не кто-нибудь, – мы сами! И почти никаких контекстуальных указаний, что речь именно об Отечественной войне. Разве что – «оттолкнувшись ногой от Урала» и что солнце «едва не зашло на востоке».

В «Песне о земле» (1969; 2, 106) – не очень частый для Высоцкого случай, когда его собственное лирическое «я» не растворяется в «я» другого или в коллективном «мы», а живет в нем, в его целостности – ещё и как автономная сущность, когда голоса военного и первого послевоенного поколения (поколения Высоцкого и тех, кто ненамного моложе) звучат в унисон, общей верой и общей болью, противостоящей безверию безликих «кто-то» (в тексте – *кто*). Эти «кто-то» противопоставлены самой Земле (в тексте – *она*), и тем стыднее для них должно было бы быть их неверие: «Кто сказал: «Все сгорело дотла, / Больше в землю не бросите семя»? / Кто сказал, что Земля умерла? / Нет, она затаилась на время».

Мотив преемственности, единства «я» и «мы», которое не утратится и в будущем – в «Сыновья уходят в бой» (1969; 2, 109): «Кто сменит меня, кто в атаку пойдет, / Кто выйдет к заветному мосту? / И мне захотелось: пусть будет вон тот, / Одетый во все не по росту. // Я успеваю улыбнуться, / Я видел, кто придет за мной. / Мы не успели оглянуться – / А сыновья уходят в бой».

«Военные» песни Высоцкого открыли нового коллективного лирического героя. Как отмечает Т. В. Чередниченко, «советское звучание армии было “несокрушимым и легендарным” – коллективно-гранитным. Гранит, правда, изредка драпировали пионерской формой. Маршевая героика на застойных концертах в честь 23 Февраля разбавлялась лирико-шуточными плясовыми, целомудренно выдержанными в темпоритме школьных полек (вспомним: “Ой, дружок, ой, Вася-Василек! Эх! . . .”). < . . . > Во время Великой Отечественной войны (и впоследствии только для темы войны, как в песне из фильма “Белорусский вокзал”) в армии вы-

явилось лирическое “я”. В знаменитых “Землянке” К. Листова и “Темной ночи” Н. Богословского была найдена интонации героики “наедине с собой/тобой»» [17].

В «военной» и «армейской» поэзии Высоцкого обнаруживается «мы», связанное не с парадной или лирической, а с трагической стороной воинских будней, ср.: «Уходим под воду в нейтральной воде. / Мы можем по году плывать на погоду, / А если накроют – локаторы взвоют / О нашей беде. // Спасите наши души! / Мы бредим от удушья. / Спасите наши души! / Спешите к нам! / Услышите нас на суше – / Наш SOS все глуше, глуше. / И ужас режет души / Напополам. . . » («Спасите наши души», 1967; 1, 235).

И это тоже – правда: «...ты любишь моряков, и они отвечают тебе тем же. Где бы ты ни был, они с радостью принимают тебя, отводят тебе лучшую каюту, приглашают тебя в гости на берегу, устраивают целый праздник – так всегда бывает, когда мы встречаемся с нашими друзьями – капитанами дальнего плавания Феликсом Дашковым и Сашей Назаренко. Многие думают, что ты сам был моряком – так хорошо ты рассказывал об их радостях и бедах» [18].

Таким образом, исследование функционирования личных местоимений в поэзии Высоцкого оказывается продуктивным на каждом из трех уровней реконструкции антропонимических прономинальных полей – «макротекстуальном», «монотекстуальном» и «микротекстуальном».

«Макротекстуальный» (статистический, охватывающий весь корпус поэтических текстов Высоцкого) подход позволил увидеть, что базовая прономинальная триада у Высоцкого – это *я – мы – он* [19], а следовательно, нацелить дальнейшее исследование на тексты, строящиеся на прономинальных оппозициях *я – он* и *я – мы*.

«Монотекстуальный» подход, связанный с интегральной оценкой содержательности отдельных поэтических текстов с доминантным местоимением *я*, выявил два типа оппозиций:

1) дизъюнктивную (противопоставляющую), причем в рамках этой оппозиции «*я*»-маска находится в состоянии конфликта не с отдельными «*он*», а с социальным уравнилельно-упорядоченным бытием в целом, оказываясь тем самым в маргинальном положении; наиболее ярко эта оппозиция проявляется в «блатной» тематике;

2) конъюнктивную (объединяющую), которая *слитность с внутренне близкими «другими»* как черту мировосприятия и поэтической философии; эта оппозиция наиболее характерна для «*мы*»-текстов (такие тематические сферы, как «военная» и «горная»).

«Микротекстуальный» подход позволяет выстраивать интерпретацию как отдельных фрагментов, так и целых внутритекстовых антропонимических микрополей, центрирующихся на личных местоимениях.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. См., например: Березина Т. Н. Многомерная психика: Внутренний мир личности. – М.: Пер Се, 2001. С. 168–186.
2. См., например: Роджерс К. Становление личности: Взгляд на психотерапию. – М.: Эксмо-Пресс, 2001.
3. Русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопатина. – М.: Рус. яз., 1990. С. 202.

4. *Сидоренко Е. Н.* Очерки по теории местоимений современного русского языка. – Киев; Одесса: Лыбидь, 1990. С. 14.
5. Данный подход является частным случаем развитого Ю. М. Лотмана представления о том, что «...исходной точкой любой семиотической системы является не отдельный изолированный знак (слово), а отношение минимально двух знаков <...> Исходной точкой оказывается не единичная модель, а семиотическое пространство. Пространство это заполнено конгломератом элементов, находящихся в самых различных отношениях друг с другом: они могут выступать в качестве сталкивающихся смыслов, колеблющихся в пространстве между полной тождественностью и абсолютным несоприкосновением» (Лотман Ю. М. Культура и взрыв. – М.: Гнозис, 1992. С. 266).
6. *Голенкова З. Т., Ичитханян Е. Д., Казаринова И. В.* Маргинальный слой: феномен социальной идентификации // Социологические исследования. 1998. № 8.
7. Об этой теме: *Скобелев А. В., Шаулов С. М.* Владимир Высоцкий: Мир и слово. – Воронеж: МИИП «Логос», 1991. С. 74, 113, 141, и др.
8. Здесь и далее все ссылки на произведения В. С. Высоцкого делаются по изданию: *Высоцкий В. С. Собрание сочинений: В 5 т.* – Тула: Тулица, 1993-1998. Первая цифра указывает номер тома, последующая – страницу.
9. Впрочем, применительно к рубежу XX–XXI вв. специалисты утверждают, что в целом наше общество, пережившее радикальный слом социальной и ценностной системы, может быть охарактеризовано как маргинальное (Костюк К. Православный фундаментализм: Социальный портрет и истоки // Полис. 2000. № 5).
10. *Баранова Т.* «Я пою от имени всех» // Вопросы литературы. 1987. № 4.
11. *Ефимов И., Клинков К.* Высоцкий и блатная песня: Некоторые соображения по поводу // Высоцкий: время, наследие, судьба. – Киев, 1996.
12. *Скобелев А. В., Шаулов С. М.* Владимир Высоцкий: Мир и слово. – Воронеж: МИИП «Логос», 1991. С. 87.
13. *Бердяев Н. А.* Философия свободного духа / Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения. – М.: Республика, 1994. С. 268.
14. *Влади М.* Владимир, или Прерванный полет. – М.: Прогресс, 1989. С. 59-60.
15. Там же, С. 20.
16. Там же, С. 31
17. *Чередниченко Т. В.* Силовики // Новый мир. 2002. № 9. С. 165.
18. *Влади М.* Владимир, или Прерванный полет. – М.: Прогресс, 1989. С. 38.
19. Значимость этого результата становится яснее, если обратить внимание, что в составе этой базовой триады нет «диалогического» *ты* или характерного для любовной лирики *она*.

С. Н. Волкова (Смоленск)

К ВОПРОСУ О ФИЛОСОФСКО-СИМВОЛИЧЕСКОМ ПЛАНЕ РОМАНА О. ЕРМАКОВА «ЗНАК ЗВЕРЯ» (НА МАТЕРИАЛЕ ИМЁН СОБСТВЕННЫХ)

Писатель-смолянин Олег Ермаков вошёл в русскую литературу в конце XX в. Уже первые его произведения – цикл под названием «Афганские рассказы» (1989 г., журнал «Знамя», № 10) – принесли ему признание читателей и критиков. Несколькими годами ранее, в 1983 г., их автор вернулся из Афганистана, где проходил срочную службу в рядах Советской армии. Всё, что было пережито, легло в основу рассказов и его лучшего романа об афганской войне «Знак зверя», опубликованного в 1992 г.

Герои романа «Знак зверя» Борис и Глеб совсем юными попадают на страшную афганскую войну, становятся друзьями. Они заметно выделяются из массы других солдат: это образованные молодые люди, начитанные, мыслящие, свободолюбивые, независимые. Но судьбы их оказываются различными. На этой войне Глеб случайно убивает Бориса, бежавшего от издевательств старослужащих из разведроты и пытавшегося пройти через КПП, который караулил Глеб. Борис ценой собственной жизни смог, в отличие от других, противопоставить себя системе, дедовщине, всему происходящему; он явился исключением из правил. Глебу же, после неудачного бунта, пришлось подчиниться системе; в конечном счёте принять на себя «знак зверя».

Таким образом, уже этим закладывается глубокий символизм романа: Глеб убил Бориса. Трагически разрываются имена, которые в национальном сознании русских всегда стоят рядом. Подобно тому, как братья Борис и Глеб, впоследствии причисленные к лику святых, явили собой безвинные жертвы, стали воплощением жестокости и неразумия людей, так и оба героя Ермакова, Борис и Глеб, стали жертвами войны, соединившей их в одной точке [2, с. 22].

Итак, наряду с реальным планом (изображение военной среды) в романе Ермакова можно выделить второй план (ирреальный) – философско-символический, с религиозными и мифологическими аллюзиями. Важную роль в создании этого плана играют такие разряды имён собственных (ИС), как *религиозимы* и *мифонимы*, к анализу которых мы обращаемся в настоящей статье.

Автор «Словаря русской ономастической терминологии» Н. В. Подольская под *мифонимами* (греч. μῦθος «миф, предание») понимает имена в мифах, сказках, былинах; исследователь выделяет также *теонимы* (греч. θεός «бог») – имена богов [5, с. 83, с. 124].

Согласно А. В. Суперанской, *мифонимы* – это именованья людей, животных, растений, народов, географических и космографических объектов, различных предметов, в действительности никогда не существовавших. В эту группу исследователь включает *теонимы* (имена богов) и *демонимы* (именования различных духов) [7, с. 180].

Н. А. Максимчук, анализируя нормативно-научную картину мира русской языковой личности и место онимов в ней, в рамках своей клас-

сификации ИС выделяет: *мифонимы* - имена персонажей мифов, фольклора и т. п., а также *религионимы* (этот термин представляется более широким, чем *теонимы*) [3, с. 103].

Классифицируя ИС романа О. Ермакова «Знак зверя», мы вслед за Н. А. Максимчук употребляем термин *религионимы*. В группу религионимов включены нами не только библейские и мусульманские имена, но также названия произведений изобразительного искусства и письменности религиозного характера. К *мифонимам* мы относим как вымышленные автором, так и античные мифонимы. Именно эти два разряда в основном формируют второй план романа (ирреальный).

Обратимся к анализу религионимов романа.

Библейское имя *Адам* играет в «Знаке зверя» очень важную роль, несмотря на однократность его употребления. Использование этого ИС, наряду с индивидуально-авторским онимом *Ева-ения* (10 употреблений), актуализирует библейскую историю первородного греха, которая оказывается значимой в идейном содержании романа. Оним *Адам* употребляется в разговоре героини Евгении (библиотекаря военного городка в Афганистане) и её соседки Катерины (штабной машинистки):

«— <...> За что нас бог наказывает морщинами и болями...

— Нечего было соблазнять *Адама*» [1, с. 240].

Этот диалог происходит перед видением / сном Евгении, в котором она разговаривает с мифическими персонажами, имена которых Лип и Птах. Таким образом, посредством онима *Адам* в текст вводится мотив первородного греха, который потом подкрепляется трансформацией имени Евгения в *Ева-ению*. В видении героини Птах предвещает ей и командиру разведроты Осадчему, который влюблён в Евгению, гибель на войне; а всему человечеству рисует страшные картины взаимоничтожения, страданий, боли. Всё это, по мысли автора, является следствием того, первородного, греха. Но, как и в библейской легенде, у человека (читателя) остаётся надежда на победу над злом. Пессимизм контекста преодолевается утверждением мифического Липа, который утверждает, что так будет «пока знак зверя не сотру с их лиц <...> Сотру с их лиц Именем Моим. Я Лип» [1, с. 245].

В романе используется название иконы (артионим) «*Богоматерь*». Имеется в виду считавшаяся чудотворной византийская икона «Богоматерь Владимирская» (нач. XII в.). Согласно церковному преданию, перенесённая из Владимира в Москву в 1395 г., во время нашествия Тамерлана, она спасла столицу Руси от врага [9, с. 103]. Этот эпизод переноса иконы в Москву и отступления Тамерлана описывается в романе. Об особом отношении к образу Божьей Матери и почитании её на Руси свидетельствуют приведённые Ермаковым именованья Богородицы русскими людьми: *Заступница*, *Матушка*, *Спасительница*.

Название иконы «*Богоматерь*» символизирует духовную, нравственную поддержку народа в трудное время. Это то, чего так не хватало советским людям, воевавшим в Афганистане.

Знаковой фигурой в формировании второго плана является Андрей Рублёв. Он символизирует в романе добро, нежность, чистоту; противопоставит миру зла, насилия, жестокости. Образ Рублёва раскрывается через употребляемые в «Знаке зверя» названия икон: «*Архангел Михаил*», «*Евхаристия*», «*Павел*», «*Спас*», «*Троица*», а также название фрески «*Страшный суд*», принадлежащих творчеству величайшего древнерусского иконописца.

Особую важность приобретает в «Знаке зверя» артионим «Спас». Название иконы «Спас» в контексте других перечисленных икон становится в романе как бы ассоциативным толчком для создания необычного, индивидуально-авторского мифонима *Лип*. Приведём цитату из романа: «Да, “Спас”, – это именно русский загадочный *Спас*. Икона из *липы*. *Липа* – мягкое, ласковое дерево. <...> Чей-то *лик* среди *лип*, загадочный *лик* среди *лип*. Я *Лип*. Я пришел, Ева-ения. <...> Я оботру краем платя твоей ноги. Мои ноги чисты, Ева-ения. Я шел по снегам. Я *Лип*. Я пришел осушить твои вечные слезы, Ева-ения. Я *Лип*. Я прошел сквозь снега. Мои очи чище горного света» [1, с. 239-242].

Обратим особое внимание, что философско-символический план романа Ермакова отражает его особое видение войны в Афганистане и влияние этой войны на человека. И именно этим планом роман отличается от произведений об афганской войне других авторов, а также от ранних (реалистичных) рассказов самого Ермакова. Большинство мифонимов романа являются вымышленными ИС: в «Знаке зверя» используются 4 вымышленных (44 употребления) и 2 античных (5 употреблений) мифонима. Появление в романе персонажей личной мифологии автора подчёркивает индивидуально-авторское восприятие мира Ермаковым. В целом эту мысль отмечают критики: роман пронизывают «библейские и мифологические токи» [6, с. 239]. Однако подробно на этом аспекте никто не останавливается. Мы же в настоящей статье делаем попытку раскрыть роль особых авторских мифонимов.

Мифоним *Лип* восходит к апеллативу *липа*; из этого дерева исстари делались на Руси иконы, так как древесина липы мягкая и пластичная. Слово *липа* ассоциативно всплывает в сознании Евгении при перечислении работ А. Рублёва. Схематично путь образования мифонима можно представить следующим образом: икона А. Рублёва “Спас” → апеллатив *липа* (материал, из которого делали иконы) → оним *Лип*.

Анализируя контекстное употребление данного онима, нельзя не заметить «реминисценции подспудного характера» (1), которые возникают в связи с образом *Липа*. Мы поддерживаем электронную переписку с автором романа «Знак зверя» О. Н. Ермаковым; приведём отрывок из одного его письма: «*Лип* - от “Спаса” Рублева, иконы на липовой доске; это как будто *тень*, *далекий отзвук того образа*, причудливо преломившийся во сне» (курсив наш. - С. В.).

Таким образом, прослеживается ассоциативная связь – А. Рублёв, «Спас», Лип – и чёткий символический план этой связи – добро, мир, свет.

Противостоит Липу в видении героини *Птах Ацм* - символическое воплощение зла, разрушения, войны. Как мы уже отметили, *Птах* проносит Евгении гибель в колонне («А вот этот... эта... это ведь... узнаешь? можешь отвернуться. Но я помогу тебе, я спущусь и клону в бьющийся трепещущий бурый мешочек мышц, чтобы все прекратить» [1, с. 244]); *Птах* предсказывает смерть Осадчего («марсоликому будет конец» [1, с. 243]). В конце концов, *Птах Ацм* даёт пессимистичный прогноз всему человечеству: он предвещает, что люди никогда не перестанут воевать, убивать друг друга, пока на их лицах «знак зверя» (2): «И вот иные земли и иные люди с иными именами, с иным языком, но с тем же *знаком на лицах* <...>. С лица земли они стирают города, деревни, сады, друг друга, – и будут стирать!» [1, с. 244]. Таким образом, мифоним *Птах Ацм* связан с названием романа «Знак зверя». В этом назва-

нии уже заложен философско-символический план, который по значимости не уступает плану реальному, что делает роман таким сложным и интересным для анализа.

Вот что Ермаков писал нам о происхождении онима *Птах Ацим*: «*Птах Ацим* - анаграмма слова “Птица”, увы, так просто; но во сне простые вещи приобретают странную силу». Отметим, что в видении / сне героини у этого мифического существа несколько форм имени: *Птах Ацим, Птах, Птица Ацим, Птица, Тица, Ацим*.

Всё же образ *Птаха* нельзя трактовать однопланово. Несмотря на наличие в нём жестоких, разрушительных и других демонических черт, это образ неоднозначный, сложный, даже в некотором роде «провокационный». Он позволяет взглянуть на деструктивную деятельность человека как бы со стороны, сверху. *Птах* словно провоцирует человечество задуматься, остановиться, а *Липа* провоцирует стереть с лиц людей знак зверя. Ермаков добавляет в письме, что в образе *Птаха* есть и «египетские реминисценции - божество *Птах* (3), который создал мир сердцем и языком, - а в видении Евгении он сообщает ей, что клонет ее в сердце, когда она будет мучиться на дороге. Язык *Птаха*, кстати, - *Тот* (4), бог мудрости и письма, и поэтому предсказание Птаха можно прочесть и как указание на произвол автора - он коснется сердца героини пишущей тростинкой».

Особую роль в создании философско-символического плана романа играют мифоантропим *Утренняя Корова* и мифотопоним *Восточный океан*. Это также образы личной мифологии автора. *Утренняя Корова* появляется во сне главного героя Черепахи (Глеба); это перевоплощение Евгении / Ева-ении. Черепаха в своих снах странствует с *Утренней Коровой* по равнине, которая находится где-то перед *Восточным океаном*. Как пишет нам О. Н. Ермаков, «она пытается вывести его туда, к свету, спасти, вырвать из прошлого. Но у нее ничего не получается. Герой навсегда будет заморожен этим прошлым. *Восточный океан* не для него. Он так и не сумел и не сумеет туда подняться». Мы поинтересовались у автора, что он понимает под онимом *Восточный океан*. О. Н. Ермаков писал нам, что это океан «ближневосточный, океан, из которого взошли мировые религии; океан скорее всего воздушный. Об этом где-то рассуждает Юнг, об океаническом чувстве; об океане как архетипе божества».

Автор также рассказал нам историю возникновения онима *Утренняя Корова*: «В это время я читал Ницше «Так говорил Заратустра», там есть город - Пестрая Корова. Это странное название показалось мне звучным и передающим дух Азии. А *Утренняя* – *Утренняя звезда*, *Венера*. В Евгении соединение, грубо говоря, Европы и Азии. Нет, лучше сказать: встреча того и другого, заканчивающаяся трагически».

Итак, в романе О. Н. Ермакова «Знак зверя» немаловажным является второй (ирреальный) план – философско-символический, с религиозными и мифологическими аллюзиями. В создании этого плана особую роль играют имена собственные, в частности, религиознимы и мифонимы. Практически весь мифологический корпус создаёт сам автор. Это его глубокое, философско-символическое видение мира, афганской войны и её разрешения, а также судеб героев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ермаков О. Н. Знак зверя. – М.: Эксмо, 2006. – 384 с.
2. Ключинская О. В. Военная проза О. Н. Ермакова: проблема жанрово-стилевого единства: Автореф. дисс. . . . канд. филол. наук. - Владивосток, 2010. – 27 с.
3. Максимчук Н. А. Нормативно-научная картина мира русской языковой личности в комплексном лингвистическом рассмотрении: В 2 ч. Часть 1. – Смоленск: СГПУ, 2002. – 184 с.
4. Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х т. / Гл. ред. С. А. Токарев. - М.: НИ «Большая Российская энциклопедия», 1997. Т. 1. – 671 с.; Т. 2. – 719 с.
5. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. - М.: Наука, 1988. - 196 с.
6. Роднянская И. Марс из бездны // Новый мир, 1993. - № 4. – С. 239-244.
7. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного / Отв. ред. А. А. Реформатский. Изд. 3-е, испр. - М.: Книжный дом «Либроком», 2009. - 368 с.
8. Тресиддер Дж. Словарь символов / Пер. с англ. С. Палько. - М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. - 448 с.
9. Энциклопедия православной святости / Авт. -сост. А. И. Рогов, А. Г. Пармёнов. – М.: Лик пресс. – 1997. – 400 с.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Фраза О. Н. Ермакова из письма автору настоящей работы.
2. По всему миру распространено представление о птицах как о воплощённых божествах предсказаний [8, с. 293; 4, т. 2, с. 346].
3. *Птах* (Пта; pth) – в египетской мифологии бог города Мемфиса; но его культ имел общеегипетский характер. Согласно мемфисскому мифу о сотворении мира, *Птах* – демиург, создавший «языком и сердцем» первых восемь богов, мир и всё в нём существующее, задумав творение в своём сердце (сердце – «седалище мысли») и назвав задуманное языком [4, т. 1, с. 423].
4. *Тот* (Джехути; *ḥwtj*) – в египетской мифологии бог мудрости, счёта и письма. Он вёл летописи, создал письменность и научил людей счёту и письму. Писцы считали его своим покровителем и перед началом работы совершали ему возлияния. Под покровительством *Тота* находились архивы и библиотеки. *Тот* «управлял всеми языками» и сам считался языком бога *Птаха* [4, т. 2, с. 521].

И. М. Ганжина (Тверь)

О ХРИСТИАНСКИХ ЛИЧНЫХ ИМЕНАХ НА –ХНО В ТВЕРСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ ПРЕДНАЦИОНАЛЬНОГО ПЕРИОДА

Кроме самостоятельного употребления, суффиксальный элемент –х- входит в состав сложного суффикса –ХН(О), прибавлявшегося обычно к односложной (реже – к двусложной) усеченной основе личного имени: *Анихно; Ивахно / Вахно / Voxно; Зехно / Зихно; Лахно; Лухно; Михно; Олехно; Пахно; Рахно / Рохно; Сохно; Стахно; Фехно; Юхно; Яхно*.

Все антропонимисты выделяют –хн- как единый суффикс, при этом нередко считается, что он характерен для новгородской территории [7, с. 117]. Однако исследователи отмечают распространенность этого суффикса и в других славянских языках: в украинском [11, с. 68] – при этом автор ошибочно, как показывает материал, считал, что данный суффикс был распространен в украинском народном языке и не известен в русском народном языке], в польском [4, с. 156], в белорусском (ср. фамилию *Алехно*); кроме того, в диалектах польского и белорусского языков до сих пор сохраняется непродуктивная модель образования уменьшительно-ласкательных существительных с этим суффиксом [1, с. 138–139]. В. А. Никонов, анализируя северные фамилии, предполагает, что данный формант проник на северные территории с запада: «С западных территорий принесен общий для белорусского, украинского и западнославянских языков суффикс –хно (*Ивахнов*)» [5, с. 141]. Тем не менее у русских этот суффикс, безусловно, является территориально ограниченным. Вероятно, следует согласиться с тем, что он «возник из общеславянского фонда и получил широкое распространение в западнославянских языках, а на восточнославянской территории представлял диалектную черту западной локализации» [9, с. 76]. Тверские документы исследуемого периода фиксируют, как было отмечено, единичные факты употребления квалитативов с данным формантом. Материалы других исследователей тоже показывают единичность этого суффикса в преднациональный период: так, на вологодской территории названный формант утратил к XVII в. свою продуктивность и встречался только в составе патронимов и топонимов [3, с. 46]. Ю. С. Азарх отмечает, что «к моменту образования национальных языков тип антропонимов с суффиксом –хн- угасает во всех славянских языках», предполагая при этом, что данный факт был связан с экспрессивностью названного форманта и его принадлежностью к народно-разговорной речи [1, с. 138]. Действительно, реально функционировавшие в исследуемый период личные имена с этим суффиксом главным образом зафиксированы в Книгах Бежецкой пятины, т. е. на территории, входившей в состав Новгородских земель, большинство же модификатов с этим суффиксов вычленено нами из состава топонимов, реже – патронимов, что позволяет согласиться с мнением как о новгородском его происхождении, так и с угасанием его употребительности в преднациональный период.

Из-за краткости производящей основы в подобных именах не всегда возможно точно определить, к какому личному имени подобные формы

восходят: *Вохно* / *Вохно* < Василий / Иван / Варлам; *Рахно* / *Рохно* < Роман / Родион; *Сохно* < Созон / Софон / Софрон / Совостьян (< Севастиан) / Самуил / Самсон / Савел / Савин / Александр и т. п. При этом словообразовательная структура подобных форм не может интерпретироваться однозначно. Даже А. Н. Толкачев, категорически не соглашаясь с В. Симовичем, утверждавшим при анализе украинских антропонимов, что исконный суффикс *-но* первоначально присоединялся к основам с конечным *-х* [6, с. 111–112], определяя морфемное членение форм типа *Ми-хно*, *Про-хно*, попутно в скобках задается вопросом: «Исх. Про-копий (или Про-хор, Прох-ор?)» [10, с. 108].

Наши материалы в большинстве случаев позволяют говорить лишь о внешнем сходстве квалитативов и об отсутствии сложного суффикса *-хн(о)* в подобных формах. Об этом свидетельствует несколько фактов:

1. Вполне вероятно, что первоначально ряд подобных форм мог быть образован от личных имен:

а) имевших в основе исконный звук *-х*: *Лак-но* < *Лак-тион* < *Галактион*; *Мих-но* < *Мих-аил* / *Мих-ей*; *Вах-но* < *Вах-ромей* < *Варфоломей*; *Стах-но* < *Стах-ий*; *Пах-но* < *Пах-ом*;

б) от основы разговорной формы, в которой *-х* образовался из *-ф*: *Дорох-но* < *Дорох* < *Дорофей*; *Сох-но* < **Сох-рон* (< *Софроний*) / **Сахон* (< *Софония*); *Стах-но* < *О-стах* (< *Евстафий*); *Трух-но* < *Трух-а* < *Труфон* < *Трифон*; *Пах-но* < *Пах-нотей* (< *Пафнутий*); кроме того, наличие в памятниках полной разговорной формы *Пахнотей* говорит о том, что квалитатив *Пахно* может трактоваться и как простое усечение до конечного *-хно*, которое изначально было частью исходного имени: *Пахно* < *Пахно-тей*.

В том и в другом случае согласный *-х* не входил в состав суффикса, а лишь являлся частью основы разговорного варианта личного имени, к которой прибавлялся простой суффикс *-н(о)*. Известно, что в древнерусском языке были достаточно употребительны имена с праславянскими по происхождению суффиксами *-но*, *-ено*, *-ьно* [2, с. 109], однако в нашем материале подобные примеры немногочисленны: *Восно*; *Федурно*; *Юрно*.

2. Многие из подобных квалитативов могли быть вторичными модификатами от первичных форм с суффиксом *-х*. В пользу того, что в прошлом тут было два суффикса, свидетельствует тот факт, что суффиксальные производящие основы на *-х* (или *-ш*, который мог быть образован из *х*) находим в многочисленных производных от тех же имен, что и с конечным *-хно*. Например: *Ани-х-но* – ср.: *Ани-х* < *Ани-кей* / *Ани-сим*; – ср. *Ва-хно* / *Во-х-но* – *Ва-х-оня* < *Ва-силий* / *Ва-рлам*; *Зе-х-но* / *Зи-х-но* – ср.: *Зе-х*, *Зе-х-а*, *Зе-х-ло*, *Зе-ш-ко*; *Ла-х-но* – ср.: *Ла-х*, *Ла-х-а*, *Ла-х-ирь*, *Ла-х-ош-а*, *Ла-ш-а*, *Ла-ш-ко*, *Ла-ш-ук*; *Лу-х-но* – ср.: *Лу-х-ня*, *Лу-ш-ко*; *Ма-х-но* – ср.: *Мо-х-а*, *Мо-ш-а*, *Мо-ш-ко* / *Ма-ш-ко*; *Оле-х-но* – ср.: *Оле-х*, *Оле-ш*; / *Ро-ш-ко*; *Ю-х-но* – ср.: *Ю-х*, *Ю-х-а*, *Ю-х-ан*, *Ю-ш-ень*, *Ю-ш-а*, *Ю-ш-ко*.

Есть мнение, что формы на *-х(ь)* являются «деминутивами второй степени», усечениями от уменьшительных на *-хно*: *Дорохно* > *Дорох*, *Терехно* > *Терех* [9, с. 75]. Однако для такого утверждения, на наш взгляд, нет достаточных оснований, поскольку суффикс *-х(ь)* / *-х(а)* – один из древнейших суффиксов, возникший из **s* [13, с. 111–136; 12, с. 33–87]. Кроме того, есть версия, что первичные суффиксальные элемен-

ты были однофонемными формами, и последующий процесс звуковой эволюции – это усложнение, контаминация изначально простых суффиксов, их соединение друг с другом [7, с. 55–87].

Лишь несколько имен на **-хно** не имеют параллельных квалитативных форм с той же основой и суффиксом **-х**: *Грихно*; *Лухно*; *Рахно* / *Рохно*; *Фехно*; *Яхно*. Однако и в данном случае имеются параллельные формы от тех же имен с суффиксом **-ш**: *Я-х-но* – ср.: Я-ш-а, Я-ш-ко, Я-ш-ута. *Гри-х-но* – ср.: Гри-ш-а, Гри-ш-ка / Гри-ш-ко, Гри-ш-ута; *Фе-х-но* – ср.: Фе-ш, Фе-ш-а, Фе-ш-ка / Фе-ш-ко; *Ра-х-но* / *Ро-х-но* – ср.: Ра-ш-а, Ра-ш-ка, Ра-ш-ко. Впрочем, в исследуемый период суффикс **-ш**, вероятно, уже перестал быть фонетически обусловленным, а лишь служил морфологическим средством образования квалитативных форм и входил в число самых частотных.

Таким образом, формы христианских личных имен на **-хно** могут иметь лишь внешнее сходство, образуясь, по сути, от разных основ: в результате чистого усечения до конечного **-хно** (то есть бессуффиксным способом), с помощью простого суффикса **-н(о)** от основы на **-х**, путем двойной суффиксации (**х+н**), а также одновременного присоединения **-хн(о)**. Вероятно, в исследуемый период нельзя исключать возможность параллельного образования онимов от разных типов производящих основ.

Все это приводило к появлению омонимичных форм – ср.: *Лак-но* < Лак-тион и *Ла-хно* < Ла-врентий; *Мих-но* < Михаил / Михей и *Ми-хно* < Ми-кита / Ми-кифор; *Вах-но* < Вах-ромей и *Ва-хно* < Ва-силий / Варлам; *Пахно* < Пахно-тей, *Пах-но* < Пах-ом и *Па-хно* < Па-вел / Па-нкрот / Па-нтелей и т. п. Следует заметить, что, безусловно, именно дохристианские имена способствовали образованию аналогичных форм от заимствованных христианских личных имен. Однако необходимо отметить следующий факт: зафиксированные в тверских памятниках немногочисленные дохристианские квалитативы на **-хн(о)** также образованы от апеллятивов с конечным **-х**– (ср.: *Брюхно* < брюхо; *Глухно* < глухой) Поэтому нельзя исключить и еще одну возможность появления подобных форм: наложение морфем и слияние конечного **-х** основы и начального **-х**- суффикса.

Наличие в исследуемом материале имён с суффиксом **-н(о)** позволяет ставить вопрос об отношениях вариантности между ними. Можно предполагать, что в истории не каком-то этапе произошло сближение актуального суффикса **-х** с утрачивавшим свою продуктивность суффиксом **-н(о)**. Суффикс **-хн(о)** генетически сложен и родствен суффиксу **-н(о)** на глубоком индоевропейском уровне. Прикрепление этого суффикса напоминает принцип фузии – когда контактирующие морфемы являются взаимопроникающими, и невозможно однозначно сегментировать фонемную последовательность на морфемы: членение может быть как *брюхно*, так и *брюх-но*. На наш взгляд, наличие в исследуемый период очень небольшого количества квалитативов с простым суффиксом **-н(о)**, с одной стороны, и, с другой стороны, наличие форм на **-хн(о)** от имен, основа которых никогда не имела согласных *х* или *ф*, позволяет считать **-хн(о)** единым аффиксом, сложным по своему происхождению, возникшим в результате различного рода аналогий и обобщений и приобрет-

шим способность функционировать как единая формообразующая морфема.

В целом материал показывает, что если все сложные по происхождению суффиксы в исследуемый период на тверской территории были малопродуктивными, но количество квалитативов, образованных с их помощью, с течением времени увеличивалось, то личные имена на *-хн(о)*, наоборот, всё более сокращались в своём употреблении, пока не сошли на нет в современном русском языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Азарх Ю. С.* Апеллятивный и ономастический словообразовательные типы // Лексика и фразеология северно-русских говоров. Вологда, 1980.
2. *Варбот Ж. Ж.* Древнерусское именное словообразование. М.: Наука, 1969.
3. *Комлева Н. В.* Деривация мужских личных имен в вологодских памятниках официально-деловой письменности конца XVI–XVII веков // История русского слова: ономастика и специальная лексика Северной Руси. Вологда: ВГПУ, 2002.
4. *Мирославская А. Н.* Диалектизмы в антропонимах (на материале памятников письменности XV–XVII вв.) // Лексика и фразеология севернорусских говоров. Вологда, 1980.
5. *Никонов В. А.* Северные фамилии // Этимология 1978. М., 1980.
6. *Сімович В.* Українські чоловічі ймення осіб на *-но* // Збірник комісії для дослідження історії української мови. Київ, 1931.
7. *Селищев А. М.* Старославянский язык. Ч. 2: Тексты. Словарь. Очерки морфологии. М., 1952.
8. *Селищев А. М.* Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ // *Селищев А. М.* Избранные труды. М., 1968.
9. *Сельвина Р. Л.* Об одной диалектной особенности личноименного словообразования в языке новгородских писцовых книг XV–XVI вв. // Вестник МГУ, 1972. № 3.
10. *Толкачев А. И.* К истории словообразования форм со значением субъективной оценки (квалитативов) личных собственных имен греческого происхождения в древнерусском языке XI–XV вв. II // Этимология. 1975. М., 1977.
11. *Чернышев В. И.* Несколько замечаний об украинских и русских личных именах. Киев: Мовознавство (Наукові записки АН УРСР), 1949, Т. 6.
12. *Machek V.* Les verbes slaves en *-chati* // *Lingua posnamiensis*. T. IV. 1953.
13. *Pedersen H.* Das indo-germanische s im Slavischen // *Indo-germanische Forschungen*. 1895. Bd. V.

Е. М. Какзанова (Москва)

ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ И ФОНЕТИЧЕСКИЕ ИСКАЖЕНИЯ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ

Как известно, лингвисты и переводчики часто говорят о существующем разном при транскрибировании топонимических и антропонимических названий в процессе перевода.

Прекрасным примером искажения названий могут служить воспоминания французского спелеолога Норбера Кастере (Norbert Casteret, 1897-1987) [6, с. 88], решившего в 1957 году исследовать систему Кум-Уарнед. Говоря об этимологии и подлинной орфографии слова «уарнед» (Ouarnède), Н. Кастере говорит, что оно является чудовищным искажением и отвратительным написанием, не имеющим смысла ни на каком языке. Карты тоже полны ошибок, утверждает далее Н. Кастере, и пишет: «Одна из наиболее занятых и неожиданных относится к Кум-дела-Бак (на местном диалекте Бак значит «корова»), превратившуюся на официальной карте в результате нескольких превращений наперекор здравому смыслу в Кум-д'Эвек (то есть в пропасть Епископа). Короче говоря, рассказывая обо всей этой ереси, творцами которой являются картографы, плохо знающие пиренейские диалекты и, кажется, мало заботящиеся о значении и написании, нам самим все же придется писать «Кум-Уарнед», чтобы не вступать в противоречие с картой и быть понятыми».

К курьезам можно отнести название расположенного в окрестностях городка Вебстер, штат Массачусетс (США), озера – Chargoggagoggmanchauggagoggchaubunagungamaugg (Чаргоггагоггманчауггагоггчаубунаугамаугг). Этот рекордный по величине гидроним состоит из 45 букв. Оказывается, в этом названии обнаружили ошибки. Так, в официальных документах и на дорожных указателях иногда двадцатой по счету буквой оказывается не *u*, а *o*. Аналогичное недоразумение характерно и для 37-й буквы, превращающейся из *n* в *h*. Это одно из самых длинных географических названий в мире, которое нормально произнести не в состоянии даже местные старожилы. Поэтому жители Вебстера давно отказались от произнесения «сакраментального» названия и говорят по-простому – озеро Вебстер. Существует множество легенд и преданий о происхождении столь необычного названия, оставленное американцам в наследство от индейцев. Один из наиболее распространенных мифов гласит, что слово Chargoggagoggmanchauggagoggchaubunagungamaugg переводится как древняя мудрость: «Тыловишь рыбу на своем берегу, я ловлю рыбу на противоположном берегу, и никто не ловит рыбу посередине (озера)».

Анализ французских лексикографических изданий 70-90-х годов прошлого века убедительно показывает, что единый принцип передачи русских имен, отчества и фамилий на французский язык отсутствует. Правда, Н. А. Фененко [8, с. 51] предприняла попытку систематизировать и представить в виде таблицы, основанной на алфавитных и фонетических закономерностях русского и французского языков, правила транскрипции имен собственных. Но пока еще, считает Л. А. Мурадова [7, с. 601], способы воспроизведения русских имен, отчества и фамилий

разнятся от словаря к словарю и, кроме этого, вступают в противоречие с узусом.

И. Майер [10, с. 297], исследуя анонимную нидерландскую брошюру 1646 года, приводит в качестве примера первое предложение, рассказывающее о русском царе Алексее Михайловиче (Alexen Michay Eowitz), боярине Илье Давидовиче Милославском (ilia Daniloroitz milosLovoski) и дьяке Иване Байбакове (Icean Baybokou). Через две страницы в этой же брошюре названные лица упоминаются снова, но написание их уже иное: Alexev Muchai Eowits. Ilea Danietouits Milos Laushi и Icean Bavsacon. У А. Н. Антышева [2, с. 145] читаем: «У исследователей древнерусских имен возникает много трудностей при разграничении личных имен, прозвищ и фамилий. Вызваны они тем, что в русских с момента принятия христианства употреблялось два вида имен: так называемые календарные (христианские) и древнерусские некалендарные. причем нередко один и тот же человек оказывался обладателем двух имен одновременно. Последнее, по мнению большинства исследователей, со временем переходило в прозвища». И. Майер считает, что ошибки объясняются неясными рукописными формами букв, например, при написании маленькой буквы *l* или большой буквы *E* (Michaylowitz/Michay Eowitz), буквосочетания *ro* и графемы *w* (Danilowitz/Daniloroitz). Она утверждает, что непонятные иностранные имена собственные лишь в исключительных случаях передаются правильно. Далее И. Майер приводит пример написания фамилии малороссийского гетмана Ивана Брюховецкого в одной немецкой газете – Buzuchowisky. Автор предполагает, что в рукописном тексте фамилия была написана как Brzuchowisky, и таким образом наборщик прочитал неправильно только одну единственную букву: *a* вместо *r*. И. Майер добавляет, что в нидерландских источниках фамилия этого гетмана всегда искажается: Buchouetski, Binchowski.

8 ноября 2008 года в Интернете была опубликована большая статья «Распространенные ошибки в произношении имен иностранных актеров». Автор статьи А. Р. Анзимилов [1], также согласно Интернету писатель, эссеист, кинокритик и переводчик богословской литературы, утверждает, что ни один американец не поймёт, кого мы имеем в виду, когда называем имена таких кинозвёзд чёрно-белого Голливуда, как Bette Davis и Deanna Durbin. Мы называем их Бетт Девис и Дина Дурбин. Это произношение зафиксировано энциклопедиями, книгами, газетами. Оказывается, мы более полувека произносим имена двух великих актрис мирового кино неправильно. Таких актрис история киноискусства не знает. На самом деле их звали соответственно БЕТТИ Девис и ДИАНА Дурбин. Американский политик-консерватор Pat Buchanan, которого упорно величают Бушанан – Патрик Бьюкенен. Лорд John Buchan, 15-й губернатор Канады и автор шпионских романов (по нему А. Хичкок снял «39 шагов») – соответственно Джон Бьюкен, а никак не какой-нибудь француз Бушан, под каковым именем его книги публикуются сейчас в России. Художник Boris Vallejo – Борис Вальехо, как и сказано в русской Википедии, а не «Валледжо». Известная французская писательница и католическая монахиня сестра Helen Prejean – Элен Прежан, а не «Преян». Это всё равно что передавать по-французски Лев Толстой как «Леон Толстуа», или по-английски Тургенев как «Турдженев», поясняет А. Р. Анзимилов. Имя прославленной американской танцовщицы Isadora Duncan по правилам должно произноситься как «Изадора». Под этим (и только под этим!) именем она и известна в США – Изадора. Ее

фамилия, кстати, произносится «Данкен» с ударением на первом слоге. Sylvester Stallone называет себя Силвестер Сталлоун, а не Сталлоне, Kim Bassinger – Бейсингер (а не Бейсинджер). Всё время режет слух, жалуется А. Р. Анзимиров, неверное произношение фамилии Сандры Буллок (не БАллок!) и имени Уиноны Райдер (УИнона, а не ВАИнона). Кстати, в Интернете GZT.RU от 07. 03. 2010 года опубликовала заметку с правильно написанной фамилией: «*Номинант на премию «Оскар» в категории «Лучшая актриса» Сандра Буллок получила анти-премию «Золотая малина».*

Если говорить о трудностях, связанных с переводом терминов-эпонимов, то сегодня, в наш компьютерный век применение эпонимичных терминов осложнено, по мнению Е. В. Бекишевой [3, с. 160], трудностями их транскрибирования по следующим трем причинам:

1) отсутствия возможности точного фонетического воспроизведения на иностранном языке искомого произношения того или иного эпонима иноязычного происхождения;

2) существования разногласий по поводу наиболее правильного варианта произношения эпонима;

3) отсутствия координирующего центра этой работы во Всероссийском масштабе с обязательным участием квалифицированных терминологов с лингвистическим образованием. Подтверждением вышесказанного являются, в частности, приведенные Е. В. Бекишевой примеры употребления в русскоязычной медицинской литературе английских имен собственных Hitchinson, транскрибируемого как Гэтчинсон, Гачинсон, Гетчинсон или Хэтчинсон, и Whippl, транскрибируемого как Уиппл или Випль.

Я. И. Шубов [9, с. 146] решает вопрос о медицинских эпонимических терминах с помощью следующих принципов:

1) Если термин широко распространен в устной речи специалистов и в литературе, то независимо от того, правильно ли он передан по-русски (то есть соответствует ли его русская передача чтению в языке-источнике), нужно сохранять существующую традиционную транскрипцию. Таковы, например, неправильно переданные, но закреплённые многолетней устной и письменной традицией термины: *гунтеровский канал* – по имени английского анатома и хирурга Хантера (J. Hunter), *русселевские тельца* – по имени английского врача Рассела (W. Russel), *далтонизм* – по имени английского физика Долтона (J. Dalton), *пахионосы granulazioni* – по имени итальянского анатома Паккиони (или Паккьони – A. Pacchioni), *клетки Пуркинье*, *хорея Сиденгама* и многие другие.

2) Если в устной речи и в литературе распространены различные варианты русской передачи одного и того же заимствованного термина, следует, естественно, рекомендовать более правильный с лингвистической точки зрения. Так, должны быть приняты для нормативного словаря первые варианты следующих терминов: *болезнь Киари* (а не Хиари), *синдром Аржайла-Робертсона* (а не Аржилль-Робертсона), *методы импрегнации Ортеги* (а не Хортега/Гортега) и т. д.

3) При заимствовании новых эпонимических терминов и отсутствии традиционного произношения необходимо придерживаться современных норм русской транскрипции, то есть с учетом произношения в языке-источнике: *операция Джильи* (L. Gigli), *синдром Брашфильда-Уайетта* (Brushfield, Wyatt), *карцинома Брауна-Пирса* (W. Brown, L. Pearce), *среда Рассела* (F. Russel) и т. д.

Из трех существующих приемов передачи имен собственных с одного языка на другой – перевод, транслитерация, транскрипция – в настоящее время основным средством, по мнению В. Г. Гака и Б. Б. Григорьева [5, с. 449], является практическая транскрипция, то есть изображение буквами другого языка звучания данного слова. Это изображение всегда приблизительно, так как системы фонем в языках не совпадают, но все же постепенно вырабатываются правила передачи звуков одного языка графическими средствами другого, оптимистично заключают В. Г. Гак и Б. Б. Григорьев. В. П. Берков [4, с. 91, 92] в этом случае говорит о звукопередаче, имея в виду не точность транскрипции, а массовость правил переходов от звуков одного языка к звукам другого языка. Отсутствие собственных имен в двуязычных словарях, продолжает В. П. Берков [4, с. 100], наносит значительный вред делу перевода и не может быть оправдано какими-либо теоретическими соображениями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анзимиров А. Р. Распространенные ошибки в произношении имен иностранных актеров – 2008. – <http://www.newsland.ru/News/Detail//id/314810/cat/76>
2. Антышев А. Н. Имена. Немецкие антропонимы. – Уфа: Башкирский государственный аграрный университет, 2001. – 238 с.
3. Бекишева Е. В. Категориальные основы номинации болезней и проблем, связанных со здоровьем. – Самара: ООО «ИПК «Содружество»; ГОУВПО «СамГМУ», 2007. – 250 с.
4. Берков В. П. Вопросы двуязычной лексикографии. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1973. – 191 с.
5. Гак В. Г., Григорьев Б. Б. Теория и практика перевода. Французский язык. – М.: Интердиалект+, 2003. – 456 с.
6. Кастере Н. Моя жизнь под землей. (Воспоминания спелеолога). – М.: Мысль, 1974. – 302 с.
7. Мурадова Л. А. Русские имена собственные во французских лексикографических источниках//Язык и действительность: Сборник научных трудов памяти В. Г. Гака. – М.: ЛЕНАНД, 2007. – С. 597–603.
8. Фененко Н. А. Язык реалий и реалии языка. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. – 140 с.
9. Шубов Я. И. Об упорядочении медицинской терминологии//Клиническая медицина. Том XLVI. № 10. – М.: Медицина, 1968. – С. 143–146.
10. Maier I. Zur Problematik der Adaption ausländischer Orts- und Personennamen in den russischen Zeitungsübersetzungen des XVII. Jahrhunderts (Vesti-Kuranty)//Микроязыки. Языки. Интеръязыки. Сборник в честь ординарного профессора Александра Дмитриевича Дуличенко/Под ред. А. Кюннапа, В. Лефельдта, С. Н. Кузнецова. – Тарту: Кафедра славянской филологии Тартуского университета, 2006. – С. 295–308.

И. А. Королева (Смоленск)

СМОЛЕНСКАЯ ОНОМАСТИЧЕСКАЯ ШКОЛА: ВОЗМОЖНОСТИ ВЫДЕЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В 2007 году вышел пробный Вестник Смоленского государственного университета «Филологические школы и их роль в систематизации научных исследований». В предисловии отмечено, что материалы издания представляют собой обсуждение различных аспектов понятия «научная школа». Выбор данной проблематики обусловлен двумя соображениями:

1. Занимая срединное положение в иерархической структуре научного познания между исследовательской деятельностью отдельного ученого и соответствующей научной дисциплиной в целом (лингвистикой, литературоведением историей и т. д.), понятие научной школы призвано служить одним из наиболее эффективных оснований для систематического сопоставительного описания и анализа научных подходов (основной проблематики, применяемых методов исследования, полученных результатов и пр.) в различных научных центрах, больших и малых.

2. Широкий систематический обзор разнообразных лингвистических и литературоведческих школ должен послужить основанием для выявления различных степеней сходства между ними по тем или иным исследовательским параметрам (рассматриваемому эмпирическому материалу, концептуальному аппарату, методологии и т. д.), что поставит на очередь дня задачу их классификации, то есть выявления и по возможности координации научного поиска, осуществляемого в настоящее время учеными, в значительной степени разобщенными между собой в территориальном и информационном планах [4, с. 4].

В прореферированном Вестнике помещен материал автора настоящей статьи о развитии ономастики в Смоленске и сделана попытка осветить возможность выделения ономастического направления в работе смоленских ученых [2, с. 176–179]. Правда, пока еще не выделена именно «Ономастическая школа», хотя эмпирический материал показал, что предпосылки для выделения имеют место.

27 мая 2008 года в Смоленском государственном университете была проведена межвузовская научно-практическая конференция «Ономастика в Смоленске: проблемы и перспективы исследования», по итогам которой был издан сборник научных статей. Среди 27 авторов – студенты, аспиранты, молодые ученые, ведущие специалисты [3].

Деля обзор ономастических исследований смоленских ученых, автор настоящей статьи, председатель оргкомитета конференции, назвала центры развития российской ономастики: Вологда, Тверь, Ростов-на-Дону, Пермь, Орел, Екатеринбург, Пенза, Волгоград, Воронеж, Владивосток. Особо отмечена роль ведущего российского ономаста А. В. Суперанской (Москва). Простой перечень смоленских ономастических исследований позволяет причислить к означенным центрам и Смоленск [1, с. 3-4]. В 2010 году в рамках Смоленского государственного университета, на базе которого действует Ономастическое общество, впервые заявлена Смоленская ономастическая школа.

В последние годы значимость ономастических исследований возрастает, так как через призму имен собственных (ИС), аккумулирующих самую разноплановую – лингвистическую, культурологическую, социальную, историческую, психологическую, этнографическую и пр. – информацию, реализуются в русле антропоцентрического направления в языкознании сведения о человеке и о мире, его окружающем. Именно ономастика предоставляет материал для изучения личности и ее идентификации в социуме. Комплексный характер ИС позволяет рассматривать и науку о них также как комплексную, смежную, что сегодня в свете интеграции науки весьма актуально для исследования. С помощью ИС решается одна из главных задач – показать роль ИС как социокультурного феномена и идентификатора человека в социуме с учетом национальной специфики и исторического фактора. Обследование ономастической системы приграничного с Беларусью смоленского региона позволяет выявлять механизм взаимодействия языков и культур, так как Смоленщина и Беларусь – сопредельные территории, имеющие историческую общность и сегодня граничащие на значительном пространстве (треть границ Смоленской области приходится на границу с Республикой Беларусь). Исследуя именники приграничных регионов, географические названия, названия предметов материальной и духовной культуры и пр., можно сделать как общие, так и частные наблюдения, помогающие рассмотреть ономастическую систему в сравнительно-сопоставительном плане. Также позволит делать выводы о средствах идентификации человека в социуме анализ ИС по шкале язык/речь в художественных текстах, в частности – текстах представителей Смоленской поэтической школы (А. Т. Твардовского, Н. И. Рыленкова, М. В. Исаковского и их сподвижников).

Второй год ономасты Смоленска осуществляют совместный с Витебским государственным университетом им. П. М. Машерова проект «Витебщина и Смоленщина в языковых и культурных контактах: история и современное состояние» (руководители проекта – И. А. Королева и А. М. Мезенко), в котором очень большое место занимают ономастические исследования. Определяются особенности именования смолянина и витеблянина, рассматриваются системы микротопонимов сопредельных территорий, изучается языковая личность современных жителей означенных территорий, ИС в художественных текстах. Смоленская ономастическая школа в рамках проекта обозначила приоритетные направления ономастических разысканий: проблемы имяназрения; исследование фамильной системы приграничного региона; изучение языковой личности жителя приграничных территорий; имя собственное в художественном тексте; сбор материала по микротопонимии края.

Итак, на сегодняшний день можно констатировать, что Смоленск, в частности – Смоленский государственный университет, является одним из российских ономастических центров. Имеет место очерченная в рамках проблемного поля и количественном выражении (свыше 20 исследователей) действующая Смоленская ономастическая школа. Ономастика – одно из приоритетных направлений гуманитарного плана в научно-исследовательской работе Смоленского государственного университета.

ЛИТЕРАТУРА

1. Королева И. А. Ономастика в Смоленске // Ономастика в Смоленске: проблемы и перспективы исследования: материалы научно-исследовательской конференции. Смоленск, 27 мая 2008 года. Смоленск: СмолГУ, 2008. С. 3–6.
2. Королева И. А. Ономастика в Смоленске: итоги и перспективы // Филологические школы и их роль в систематизации научных знаний: Вестник Смоленского государственного университета. Серия 1: Филология. Т. 1. Смоленск: Маджента, 2007. С. 176–179.
3. Ономастика в Смоленске: проблемы и перспективы исследования: материалы научно-исследовательской конференции. Смоленск, 27 мая 2008 года. Смоленск: СмолГУ, 2008. – 130 с.
4. Филологические школы и их роль в систематизации научных знаний: Вестник Смоленского государственного университета. Серия 1: Филология. Т. 1. Смоленск: Маджента, 2007. – 320 с.

Р. В. Разумов (Ярославль)

АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДСКОГО ОНИМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Комплексное исследование городских онимических систем – одна из задач, стоящих перед российскими ономатологами. Несмотря на то, что в последние годы в нашей стране были описаны отдельные разряды собственных имен некоторых городов Российской Федерации (Волгограда, Казани, Костромы, Рыбинска, Уфы, Ярославля и др.), на карте страны по-прежнему остается множество белых пятен, ликвидировать которые возможно только совместными усилиями ученых разных регионов.

В данной статье мы представим некоторые актуальные направления исследования городских онимических систем.

Во-первых, необходимо **упорядочить существующую ономастическую терминологию**.

Последнее издание «Словаря русской ономастической терминологии» Н. В. Подольской вышло в 1988 г. За десятилетия, прошедшие с его публикации, в отечественной и зарубежной ономастике появились новые термины, которые необходимо ввести в активное употребление. Например, в ономастический словарь должен быть введен термин *виконим* (лат. *vicus* ‘деревня’), которым обозначаются официальные названия сельских объектов: улиц, переулков и т. п. (термин предложен по аналогии с термином *урбаноним*) [см.: 1, с. 118]. Если в советский период данная группа собственных имен практически не развивалась и была характерна лишь для поселков городского типа, то в 1990 – 2000-е гг. с развитием процедуры регистрации прав собственности подобные онимы стали создаваться очень активно.

Требуют пересмотра и некоторые ономастические термины, включенные в словарь Н. В. Подольской. На наш взгляд, необходимо уточнить термин *микротопоним*, по-прежнему еще не получивший точного определения. Например, в диссертации А. В. Правдиковой «Микротопо-

нимия как отражение картины мира» [5] к разряду микротопонимов отнесены названия улиц, культовых сооружений, образовательных учреждений, больниц, магазинов, учреждений культуры и т. д. Подобное понимание микротопонима вряд ли уместно. На наш взгляд, в решении вопроса о статусе *микротопонима* следует опираться на статью М. Э. Рут «К вопросу о макро- и микро- в ономастике» [6], в которой предложено «говорить о микро- и макротопонимии, как об онимии макро- и микросоциума» [6, с. 20]. Как считает автор, «микроонимы обладают ярко выраженной мотивированностью <...> нередко выступают альтернативой к официальным макроонимам, легко варьируются (можно даже говорить об их принципиальной вариативности)» [6, с. 20]. В решении вопроса о статусе микротопонима могут помочь и исследования Л. А. Климовой по нижегородской микротопонимии.

Необходимо уточнение и термина *эргоним*. В словаре Н. В. Подольской под данным видом собственных имен понимается «собственное имя делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка» [4, с. 151], т. е. к этому разряду онимов относятся названия коммерческих объектов (*магазин «Букинист», кафе «Весна»*), промышленных предприятий (*ОАО НПО «Сатурн»*), а также объектов социальной сферы (*Театр юного зрителя, детский сад «Солнышко», медицинский центр «Аня»*). Очевидно, что два последних типа собственных имен должны быть выделены в самостоятельные разряды. Для обозначения названий промышленных предприятий может быть использован термин *эргоурбаноним*, предложенный Р. И. Козловым [3], поскольку подобные онимы в любом населенном пункте являются «не только эрго-, но и топообъектами» [3, с. 28], т. е. выступают для горожан в качестве пространственных ориентиров. Термин *эргоурбаноним* может быть распространен и на группу названий объектов социальной сферы, обладающих аналогичными свойствами. Для данного типа онимов может быть предложен и новый термин, например, *социоонимы, социоэргонимы* или *социальные эргонимы*.

Во-вторых, необходимо **перейти к комплексному изучению ономастических единиц, функционирующих в современном городском онимическом пространстве.**

В настоящее время в российской ономастике преобладает раздельное изучение ономастических единиц разных типов: урбанонимов, эргонимов, топонимов и т. п. Подобный подход позволяет выявить особенности собственных имен каждого разряда, изучить и описать их типологические свойства, основные закономерности развития. Наряду с данным направлением, необходимы и комплексные исследования, отслеживающие внутренние связи ономастических единиц города разных типов (урбанонимов, эргонимов и микроурбанонимов), их системную организацию, полевую структуру и т. д. Первые опыты подобных работ уже появились в отечественной ономастике (диссертации Е. А. Ворошиловой, Н. А. Кичиковой, Н. В. Носенко, С. Д. Олейниковой), однако их явно недостаточно.

В рамках комплексного исследования ономастических единиц, функционирующих в пределах городского пространства, необходимо и подробное **социолингвистическое описание городских онимических систем.** Данное направление изучения собственных имен было намечено В. Д. Бондалетовым в статье «Ономастика и социолингвистика» [2] еще в

1970 году, однако до настоящего времени оно не получило широкого распространения в отечественной городской топонимике. Исключением стали вопросы языковой политики в сфере внутригородской номинации, активно изучаемые красноярской социолингвистической школой, сформировавшейся под руководством Т. В. Шмелевой. Однако изучение городского онимического пространства в социолингвистическом аспекте не должно исчерпываться данной темой.

В рамках изучения связи систем городских собственных имен и общества необходимо, на наш взгляд, раскрыть такие вопросы, как: (1) типология городских онимических систем; (2) ономастический вкус различных исторических периодов, влияние социальных условий на его формирование; (3) ономастические стереотипы городского пространства, их реализация при создании собственных имен разных типов и т. д.

Особенно актуальной нам кажется разработка вопроса о типологии городских онимических систем, описание существующих ономастических моделей их формирования. Как показывает наше многолетнее изучение систем урбанонимов и эргонимов провинциальных городов, в несходных по статусу населенных пунктах проявляются различные закономерности в построении собственных имен. Например, в малых провинциальных городах употребляется ограниченное количество географических терминов (*улица, площадь, переулок*), в то время как в крупных провинциальных городах встречаются и такие термины, как *бульвар, набережная, проезд* и т. д. В системах эргонимов малых провинциальных городов дольше сохраняются традиции советской эргонимии: преобладают описательные информативные названия с прямой мотивировкой, указывающие на характер продаваемого товара («*Промтовары*», «*Техника*», «*Продукты*» и т. д.), часто встречаются номерные эргонимы («*Десятый*», «*Тринадцатый*») и эргонимы, образованные от слов с нейтральной или положительной окраской («*Радуга*», «*Берёзка*», «*Росинка*» и т. д.). В городском онимическом пространстве России, на наш взгляд, можно выделить такие ономастические модели, как: «*столичный город*» (Москва, Санкт-Петербург), «*крупный провинциальный город*» (Рыбинск, Тверь, Ярославль и др.), «*малый провинциальный город*» (Любим, Углич и др.), «*город в национальной республике*» (Йошкар-Ола, Казань, Уфа и др.) и др.

Перспективным нам видится и **комплексное описание систем русских эргонимов**. Большинство существующих работ по эргонимии Российской Федерации посвящены рассмотрению названий коммерческих объектов лишь одного населенного пункта (диссертации Р. М. Амировой, Е. В. Ворошиловой, А. М. Емельяновой, Н. В. Носенко и др.). Заметим, что выводы, к которым приходят авторы настоящих исследований, часто дублируют аналогичные положения других работ. В то же время ощущается необходимость сопоставительного описания эргонимии разных регионов, выявления типологических особенностей эргонимии в несходных по статусу населенных пунктах, подготовки межрегиональных исследований.

В-третьих, необходимо **описать периферийные разряды городских онимов**. В настоящее время по-прежнему остаются неизученными многие разряды собственных имен. Например, лишь в последние десятилетия появились первые работы, описывающие системы русских экклезионимов (Е. П. Аринина, И. В. Бугаева) и городских хоронимов (Р. В. Разумов). Остаются полностью или частично нерассмотренными такие

разряды городских онимов, как названия зданий (ойкодомонимы), названия остановок общественного транспорта, названия объектов социальной сферы (учебных заведений, больниц, театров) и т. д.

В-четвертых, необходимо изучить **роль городских онимов в текстах разных стилей и жанров.**

Большинство существующих работ по роли собственных имен в тексте основаны на анализе антропонимов. Роль и место городских онимов (урбанонимов, эргонимов и микроурбанонимов) в тексте практически не изучена. К настоящему времени лингвистами сделаны только первые шаги к осмыслению функции урбанонимов в литературном произведении (С. В. Перкас, А. В. Правдикова, О. И. Фonyaкова и др.), месте городских онимов в текстах путеводителей и СМИ (Ю. П. Болотина), роли эргонимов в художественном тексте (И. В. Крюкова, Е. А. Трифонова и др.).

Таким образом, актуальных проблем в изучении городского онимического пространства достаточно много. Их решение возможно только при помощи совместных усилий исследователей из разных регионов нашей страны, создания электронных ресурсов, аккумулирующих опыт исследователей из различных регионов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Афельтович, Б.* XV Общепольская ономастическая конференция «Новые имена собственные. Новый взгляд» // Вопросы ономастики. – 2007. – № 4. – С. 114–121.
2. *Бондалетов, В. Д.* Ономастика и социолингвистика // Антропонимика. – М., 1970. – С. 17–23.
3. *Козлов, Р. И.* Эргоурбонимы как новый разряд городской ономастики: автореф. дис. . . . канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2000.
4. *Подольская, Н. В.* Словарь русской ономастической терминологии. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 1988. – 192 с.
5. *Правдикова, А. В.* Микропонимия как отражение картины мира (на материале английской литературы XIX–XX вв.): автореф. дис. . . . канд. филол. наук. – Волгоград, 2009.
6. *Рут, М. Э.* К вопросу о макро- и микро- в ономастике // Ономастика в кругу гуманитарных наук: мат-лы междунар. науч. конф. Екатеринбург, 20–23 сентября 2005 г. – Екатеринбург, 2005. – С. 19–21.

Т. П. Романова (Самара)

ФОНЕТИЧЕСКИЕ И ГРАФИКО-ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ АКТУАЛИЗАЦИИ ИМЕНИ БРЕНДА В ТЕКСТЕ СЛОГАНА

Многомерная образность слогана создается за счет использования средств художественной выразительности, расположенных на разных языковых уровнях. Фонетический и графико-орфографический уровни обеспечивают яркую форму слогана, воспринимаемую при помощи органов чувств. Приемы фонетической и графической игры в слогане, безусловно, семантически. Их отбор подчиняется общей логике создания определенного образа объекта рекламы, актуализации фонетического и графического потенциала имени бренда (ИБ). Они воспринимаются адресатом на подсознательном уровне, поэтому способны оказать на него наиболее сильное неосознанное психологическое воздействие. С их помощью слоган принимает легко воспринимаемую и быстро запоминающуюся форму.

ИБ относится к числу центральных единиц маркетингового содержания слогана. Приемы графического и фонетического обыгрывания ИБ в тексте слогана выполняют 3 основные функции:

1. Соединительная функция. Любые приемы обыгрывания фонетической и графической формы имени обеспечивают прочность его включения в текст слогана, способствуют запоминанию вместе со слоганом, содержащим его оценочную характеристику товара: «Компания **COTO** – о доме **забота**».

2. Аттрактивная функция. Игра с графической формой интригует и оказывает наиболее сильное визуальное воздействие на адресата: «**Tuborg Green**. Двигай на вече**GREEN**ку».

3. Мнемоническая функция. Приемы языковой игры с фонетическим и графическим потенциалом ИБ облегчают запоминание: «**Верный секрет женских побед**» (дезодорант «Секрет»). Для ИБ, не имеющего значимой внутренней формы, обыгрывание фонетического и графического потенциала является наилучшим способом внедрения в память адресата: «**Это маме, это папе, это Мабэ!**» (бытовая техника «Мабэ») [5, с. 354–355].

Рассмотрим роль фонетических и графико-орфографических приемов в процессе актуализации риторического потенциала рекламного имени, в создании условий для его положительного восприятия и легкого запоминания адресатом.

1. Приемы актуализации фонетической формы ИБ в тексте слогана

К числу фонетических приемов, используемых для обыгрывания внутренней формы рекламного имени, относятся, прежде всего, звуковые и лексические повторы, симметрия, ритмическая организация текста и рифма, а также фонетический каламбур.

1. Созвучие – повторение звуков, слогов или слов – является эффективным приемом облегчения процесса восприятия и запоминания рекламного имени в составе слогана, позволяет связать его с наиболее зна-

чимыми компонентами маркетинговой информации. Например, в слогане корма для кошек *«Ваша киска купила бы Вискас»* повторение звуко-подражательного слога служит для связи имени бренда с товарной категорией и, таким образом, способствует запоминанию торговой марки (ТМ) в нужном контексте. Сравните также фонетический повтор в слогане ночного клуба «Джунгли», создающий атмосферу жаркого праздничного веселья: *«Джунгли. Жар твоих желаний»*.

«В рекламном тексте возможна тесная связь названия с фонетическим оформлением окружающих слов. Так рождаются рекламные слоганы с количественной концентрацией определенных звуков (чаще сонорных). Эти тексты имеют эвфоническое звучание. (*«"Wella" – вы великолепы»*). *«"Rowenta" – радость в вашем доме»*. *«Гарантия лаборатории "Garnier". Париж»* [3, с. 146]. «Звуковое эхо» имени бренда в слогане – своеобразный аккомпанемент, который позволяет акцентировать его фонетический образ: *«Оттого. Оттого и вкусно»*. Фонетический повтор активно используется для актуализации семантики внутренней формы имени: *«Экстрем. Экстремальное удовольствие»* (мороженое); *«Терра – твоя территория»* (теле- и радиокомпания).

2. Прием фонетического повтора лежит в основе таких стилистических фигур, как анафора (единоначалие параллельных элементов речи) и эпифора (повторение конечных слов параллельных элементов речи). Их использование часто связано с фигурой синтаксического параллелизма (симметричное построение частей). *«Чистота – чисто "Тайд"»*. Синтаксический параллелизм упорядочивает информацию, способствует буквальному запоминанию фразы, например: *«Свет в окне, а окна в "Свете"»*; *«Что хорошо для страны, то хорошо для General Motors. Что хорошо для General Motors, то хорошо для страны»*.

Повтор – самый востребованный стилистический прием – служит для акцентировки внимания на наиболее значимых частях рекламного текста. Повторяться могут слова, знаки, морфемы, фонемы, синтаксические структуры *«"3 медведя" – все 33 удовольствия»* (пиво «3 медведя»).

3. Рифма в слогане также служит для актуализации важной информации и облегчения запоминания ИБ: *«ФрутоНяня – помощь маме»*; *«Новый МИФ-Универсал сохраняет капитал»*; *«Молоко вдовине вкусно, если это Milky Way»*. Здесь рифма объединяет имя бренда и потребительское преимущество, способствует запоминанию марки в нужном контексте.

В устной ярмарочной рекламе рифма использовалась часто. Неточная и внутренняя рифма, характерные для фольклорной рекламы, встречаются и в современных слоганах, предназначенных для демократичной ЦА: *«Му-Му. Вкусно по-домашнему»*; *«Майонез Оливье – король салатов»*.

Использование рифмы улучшает запоминаемость, однако снижает вовлекающую силу слогана. Рифма подходит только для рекламы детских, молодежных и дешевых потребительских товаров: *«Лейс-удача – Стань богаче»* (чипсы); *«Пейте без остановки Напитки из Черноголовки»*. Неоправданное использование рифмы превращает слоган в нелепую рекламную фразу: *«Святок – окна на любой достаток»*; *«Мебель от ТОРА – ваша опора»*; *«Ням-ням-ням-ням, покупайте Микоян!»*.

4. Ритмическая организация фразы – повторение в определенном порядке ударных и безударных слогов – делает слоган более структурированным, улучшает запоминаемость: *«И росла Доминанта, и люди въез-*

жали» (ЖК). Двусложные стихотворные размеры выражают мотив бодрости, силы, энергии: «**Брук Бонд**. Будь на высоте!» (чай). Трехсложные – передают атмосферу спокойствия, уверенности, умиротворенности: «**Ах... Женский журнал для мужчин и женщин**»; «**Кларитин**. И аллергия отступает».

5. Фонетический каламбур – языковая игра, построенная на звуковом сходстве разных по значению слов, нередко используется в слогане с целью оригинального представления имени бренда: «**Зажги в себе Seat**» (автомобиль); «**Квас не “Кола”**. Пей “**Николу**”!»; «**ИЖ** ты какая – недорогая!»; «**Марка пола**. Напольные покрытия».

II. Приемы актуализации графической формы ИБ в тексте слогана

Для сверхкраткого рекламного текста, каким является слоган, особое значение имеет выразительность его визуальной формы. Приемы графической игры помогают привлечь внимание адресата и обогатить текст коннотативными смыслами. Например, игровое выделение частей слова или целых слов создает возможность «двойного» прочтения текста слогана: «**Все по МАКСИМуму**» (сигареты «Максим»). Таким образом, на базе графической вариативности возникает семантическая игра, которую принято называть графическим каламбуром.

Графическое выделение внутри текста компонента, обладающего самостоятельным значением, И. Морозова предлагает называть «матрешкой» [4, с. 74-75]. Супраграфемный компонент часто представляет собой ИБ или его часть. Выделение «слова-матрешки» осуществляется за счет ненормативного использования заглавных букв, латиницы, знаков препинания, различных нарушений графико-орфографических норм: «**Безопасное удоVOLVствие**» (автомобиль «VOLVO»). Графическая игра с именем бренда создает стилистический эффект и актуализирует коммерческое послание, содержащееся в имени товара.

Опираясь на разработанную С. В. Ильясовой и Л. П. Амири классификацию приемов графической игры в текстах рекламы [1, с. 102], рассмотрим наиболее часто используемые в слоганах способы обыгрывания графического облика ИБ:

1. Преднамеренные орфографические искажения. В слоганах наружной рекламы «ошибки» специально выделяются для привлечения внимания адресата: «**Дисотека РыжЫй кот**»; «**От ТехпромЫЧа**». Графическая форма слова может быть искажена также с целью создания внутрифразового повтора, поддерживающего визуальный образ ТМ: «**Knorr – вкусен и скорpp!**»; «**Бинго-шоу. Все будет хорошоу**».

2. Ненормативное использование заглавных букв: «**Самара. САМА Радость жизни**» (пиво «Самара»); «**ВоСКИТельный майонез!**» (майонез «Скит»). При помощи супраграфемизации выделяются «слова-матрешки», создающие смысловую двуплановость текста и положительно характеризующие объект рекламы. Выделенный текст может складываться в самостоятельную фразу, смысл которой акцентирует коммерческое предложение: «**ФЛЮДИтект – ДЫШИТЕ ЛЕГКО**» (препарат от кашля «Флюдитект»). Стилистическое выделение отдельных букв создает повышенный эмоциональный фон: «**Разбуди Вулкан Удачи**» (игровой клуб «Вулкан»).

3. Использование латинской графики: «**Источник сил для NEO-оптимистов**» (молочные продукты «NEO»); «**DOZАправься!**» (энергетический напиток «DOZA»); «**ТОРовая обувь по STOPовой цене**» (мага-

зин «TOP STOP»). При помощи латинской графики выделяются «слова-матрешки», повторяющие ТМ. Ср. также: «**OFF**. Лето без комар**OFF**». Сохранение оригинального графического облика иностранных ТМ в русскоязычном тексте привлекает внимание и способствует запоминаемости: «Окна **Promo** – тепло и сухо дома»; «Выжми из **MAZDA** 30000 рублей».

4. Использование элементов старорусской графики и орфографии: «Смирновъ. Твердый знак качества»; «Аведовъ. Эталон растительного масла более 100 лет». Элементы дореволюционной орфографии используются в основном для игровой ретростилизации. Они создают дополнительные коннотации прочности коммерческих традиций: «*Гастрономъ. Журнал для тех, кто ест*». «Товарищество Е. Б. Пироговъ и С. А. Караваевъ. Выпечка и другая еда въ Москве».

5. Ненормативное использование пробелов, наложение элементов: «СТОПМОТОСНЯТО» (сотовый телефон «Motorolla»); «Ок**НА**бис!». Графическая игра с ИБ, создавая каламбурные фразы, подчеркивает эмоциональные потребительские преимущества продвигаемых объектов рекламы: «Ку**ПИК**вартиру» (агентство недвижимости «ПИК»); «Сам-По**ЛО**комья!» (мороженое фабрики «Сам-по»).

6. Ненормативное использование параграфемных элементов:

- Знаки препинания: «СТРОИ!МАТЕРИАЛЫ» (магазин стройматериалов); «ПОЛНЬИ?ВПЕРЕД!» (бензоколонка). Выделение значимых частей слова превращает ИБ в каламбурные фразы.

- Цифры: «Про**100%** сок – гарантия качества и вкуса» («Просто сок»). Игровая замена слога цифровым обозначением по принципу шардады используется для привлечения внимания адресата;

- Символы: Использование различных символов в макетной рекламе существенно экономит рекламное пространство, способствует привлечению внимания адресата к ИБ: «**Befree** + Гоша К. = ♥» (бутик «Befree»). Для актуализации положительных коннотаций в рекламных именах использоваться различные символы: «Пятерочка +», «€окна».

Таким образом, очевидно, что для реализации языковой игры с графической формой ИБ в слогане используются две группы параграфемных элементов, выделенных И. Э. Клюкановым: синграфемика (механизмы пунктуационного варьирования), супраграфемика (механизмы шрифтового варьирования) [2, с. 120-121].

Нередко в тексте одновременно используется не один прием языковой игры с ИБ, а сразу целый комплекс приемов – графических, фонетических и семантических. Например, в слогане батончика «NATS» – «Сокровища **NATS**ии» – при помощи приемов супраграфемизации и намеренного искажения фонетического и графико-орфографического облика слова, выделяется ТМ. В результате возникающего при этом фонетического каламбура выражается яркая положительная оценка объекта рекламы. При этом избранный комплекс приемов языковой игры и стилистическая окраска игровой фразы полностью соответствуют молодежной целевой аудитории, для которой предназначен продукт.

В заключение следует отметить, что игровые приемы с графической и фонетической формой имени бренда должны быть функционально оправданны, содержательны и понятны адресату рекламы, иначе они раздражают целевую аудиторию: «Что такое **ХОРАСО?**» (страховая компания «ХОРАСО»). Включенные в рекламное сообщение приемы художественной выразительности должны помочь адресату активно воспри-

нять содержание коммерческого послания, запомнить имя товара и совершить желательное для рекламодателя действие.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ильсова, С. В.* Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы / С. В. Ильсова, Л. П. Амири. – М.: Флинта, 2009. – 296 с.
2. *Клюканов И. Э.* К функциональной характеристике графических приемов // Стилистика художественной речи: Межвузовский тематический сборник. – Калинин, 1982.
3. *Крюкова, И. В.* Рекламное имя: от изобретения до прецедентности: Монография / И. В. Крюкова. – Волгоград: Перемена, 2004. – 288 с.
4. *Морозова И.* Слагая слоганы / И. Морозова. — М.: РИП-холдинг, 2001. – 100с.
5. *Романова, Т. П.* Прагмалингвистические функции обыгрывания имени бренда в тексте слогана / Т. П. Романова // Ономастика Поволжья. Материалы XI Международной научной конференции (Казань, 14–16 сентября 2010 г.). – Казань, 2010. – С. 354–357.

Т. А. Сироткина (Сургут)

О ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ ОПИСАНИИ ЭТНОНИМОВ

Как известно, лингвокультурологический подход предполагает изучение языка в тесной связи с национальной культурой, народным менталитетом, картиной мира. Рассмотрим на пермском материале, как в лингвокультурологическом аспекте можно исследовать такой вид языковых единиц, как названия народов (этнонимы).

По наблюдениям ученых, модель мира в любом языке строится на системе бинарных оппозиций, которые связаны, в том числе, с социальными категориями – мужской / женский, старший / младший, свой / чужой [6, с. 5].

Одна из таких оппозиций – свой / чужой – особенно ярко репрезентируется через этнонимию. Представители определенного этноса всех других считают “не такими”. Например, слово *нерусский* у представителей русской культуры имеет значение “ничего не умеющий, бестолковый”: «У нас на работе палец отпилили пилой, стали разбирать-то, уш нерусский – так нерусский: так и есть, раззява» [Акчим].

Синонимичным слову *нерусский* в данном значении являются этнонимы *татарин, вотяк, вогул*: «Зачем собаку-то он бил? Вот татарин он де-ка» [д. Жуланова Соликамского района]; «Ето которой по-русски говорить хорошо не умеет, вот и вотяк»; «У нас, который оденется плохо, ругают: вогул ты» [Акчим].

Точно так же у татар или коми-пермяков этноним *русский* может иметь отрицательную коннотацию: «Татары своенравных и причудливых людей зовут русскими» [4, с. 151].

Названная выше оппозиция отражается в этностереотипах. Существуют автостереотипы, выражающие представление о “своем” этносе, и гетеростереотипы, относящиеся к “чужому” этносу, которые обычно более критичны.

Наряду с термином «стереотип» в этнологии используется термин «этнический образ» — форма краткого описания, «в котором выделяется какое-то одно типическое свойство в восприятии представителей других этносов. Этнический образ, акцентируя внимание на какой-либо специфической черте внешнего поведения индивида, формирует общее представление об облике представителей того или иного этноса в целом» [5, с. 216].

В языковой картине мира русских жителей Пермского края отражаются

следующие черты этнических образов соседей:

1. Язык того или иного народа: «Были марийцы у нас. У них-то разговор свой» [Акчим]. Именно особенности языка чаще всего отмечаются в различных приговорах и песенках: «Тру-та-та, тру-та-та, вышла кошка за кота. Ладила за барина, вышла за татарина. Стал татарин лопотать, стала кошка хохотать» [Акчим].

Неумение правильно говорить получает у носителей говоров отрицательную оценку: «Все да не все правильно говорим. Челдоны-то челдоны и есть — необразованные люди» [Акчим].

По наблюдениям Л. А. Шкатовой, «своих», не научившихся пользоваться речью для достижения коммуникативных целей, русские называли дураками, дурными [7, с. 107].

2. Типичные черты характера и поведения: «Он придет, так его не выгонишь. Больно навяшшывые. Своя нация — цыганы»; «Шапку не снимат даже Ты что, по-татарски?» [Акчим].

3. Занятия представителей определенной национальности: «Приезжали

раньше-то гадали цыганки»; «Манси раньше наезжали. Унты продавали, туфли теплые»; «Третное ткали только пермянки, — оне в шесть ниченков, а мы — в три-четыре» [Акчим].

4. Манера одеваться: «Штаны как у татарки выпушшэны наверх» [Акчим].

5. Особенности вероисповедания. Оpozнание «своих» и «чужих» может происходить не только на основе языковых различий, но и на основе различий религиозных. Старообрядцы в народном сознании — это отдельный народ, «как нации». Слово *кержаски*, как и многие этнонимы, имеет переносное значение — «упрямый, замкнутый человек, а также скупой».

Все эти образы складываются в стереотипные представления о том или ином народе, с которым русское население проживает в тесном контакте.

Однако основой гетеростереотипов, по наблюдениям этнологов, является все же «антропостереотипичность, т. е. обусловленность стереотипа внешним обликом индивида» [5, с. 216]: «Личность такая мариец. Глаза узкие» [Акчим].

Стереотипные представления о типичных чертах характера или поведения позволяют использовать этнические имена в качестве нарицательных обозначений. Например, *тунгусом* в пермских говорах называют молчаливого человека: «Спросишь — он молчит. Тонгус называют. Он-де

какой тонгус, нельзя-де слова докупиться». Шутливое и бранное значение слова *воть* (так в пермских говорах называли удмуртов), имеющее в Словаре русских народных говоров помету «пермское», – «дурак, разиня, болван». Точно так же у представителей других народов слово *русский* может иметь отрицательную коннотацию: «Татары своенравных и причудливых людей зовут *русскими*... Уросливый от уросить – капризный, своенравный. Происходит от татарского урус – русский» [4, с. 151]; «Пермяки... очень нечистоплотны. Если попадется обиходная женщина в семью, большаки ругают ее обиходкой, *русской*» [2, с. 18].

Ключом к открытию стереотипов национальных характеров, по мнению И. М. Кобозевой, могут служить лексические коннотации, которые понимаются как «несущественные, но устойчивые признаки выражаемого лексемой понятия, воплощающие принятую в обществе оценку соответствующего предмета или факта» [3, с. 102].

К числу объективных проявлений коннотаций следует относить, по наблюдениям И. М. Кобозевой, и те явления, которые обычно не фиксируются словарями, но с достаточной регулярностью воспроизводятся в процессе порождения и интерпретации высказывания с данной лексемой или ее дериватом. В этом плане интересно, что отмеченное в словаре В. И. Даля толкование лексемы *цыган* как «обманщик, плут» актуализируется в высказываниях носителей пермских говоров: «Цыган проклятой! (о петухе)», а этноним *татары* имеет коннотацию «хитрый, жадный»: «татара наверно съели ево с кобылой вместе» [Акчим].

Итак, главным условием существования этничности является наличие дихотомического отношения «мы – они». «Если такового отношения не существует, тогда нет смысла говорить об этничности, поскольку она предполагает такие отношения между группами, члены которых рассматривают друг друга как различающиеся по каким-либо культурным характеристикам» [5, с. 87].

В высказываниях носителей пермских говоров часто актуализируется именно эта сторона этничности: «Украинцы – национальность у них такая. Их же называют хохлами. Это у них прозвище. Сами себя называют. Не сердчат»; «Чиганьё-то – *своя* нация у их» [Акчим].

И, наоборот, «свои» говорят одинаково: «Вот мы-то люди русские, у нас по Вишере разговор однакой» [Акчим].

В языковом сознании личности могут происходить разные процессы, отражающие восприятие этничности, например:

1) расширение этнического пространства “чужого” этноса: «Вогула живут в юртах, а зыряна-то тоже вогула» [Акчим];

2) перенесение свойств и качеств “чужого” этноса на представителей своего: «Сосед-то у меня шибко *тунгусливой*, слова от него не дожدهшься» [д. Усть-Гарева Добрянского района];

3) именование “своих” с оттенком иронии. Бытует в русских говорах Прикамья фразеологизм “обуть в русские лапти” – обмануть, перехитрить”: «Я говорю Наталье: обуёт она Татьяну в русские лапти» [ФСР: 243].

Вообще толерантность, умение приспособиться к традициям того народа, в среде которого живешь, оценивается носителями говора положительно. Существует, например, фразеологизм *быть под русских* – быть как русские, жить, соблюдая русские традиции: «От Алмаза хорошая деревня была, большая – Жуки. Половина почти немцы были. У нас

только русские, ну так вот приезжие были когда, немцы-то это. Хорошо жили. Не скажем, чтобы какие-то склоки. Вообще как-то раньше народ дружнее был. Она же это под русских ведь были» [СРГЮП: 93].

Положительно оценивается обычно и все свое, коренное, *челдонское* (*челдоны* – коренные уральцы в отличие в противоположность жителям центральной России): «*Челдонский* — это настоящий русский язык» [Акчим]; «Ф *челдонскую баньку* — в русскую значит»; «*Шти-те челдонские беда хороши мне*»; «*Чо, челдонской рыбки захотели покушать?*» [Акчим].

Часто в языке мы можем наблюдать акты “ксенономинаций”, т. е. номинаций через чужое. Ксенонимы – это «слова и фразеологические сочетания, возникшие в результате семантической деривации на основе этнонимов и топонимов и мотивированные обобщенными представлениями о чужих народах и землях» [1, с. 2].

В речи носителей пермских говоров функционируют следующие группы ксенонимов:

1) названия одежды: «*Татарка* – шуба на овечьем меху, с борками, поджимистая, то рубчик, то полусуконье возьмут; пышны рукава с грибочками; воротник из матерьялу» [СПГ 2: 434];

2) названия растений: «*Татарка* на репейник находит, ей одёжу жёлтили, така дублёна одёжа делалась» [СПГ 2: 434];

3) названия игр: «Мы раньше ишшо *зыряном играли*, ноне уж так-ту не играют; о святках одного средят, долгущего, остальные над им галятся» [СПГ 1: 339];

4) обозначения состояний человека: «–Топи печку. – Тебе холодно? – Вроде того. А тебя *цыганский пот* прошибат?» [Акчим].

Показательны в плане ксенономинаций фразеологизмы с этническим компонентом. Особенно продуктивен в пермской фразеологии этноним *татары*: *татара (молотят) в голове* – головокружение, головная боль, тяжесть: «Сёдни я ничё не скажу, у меня татара молотят в голове»; *тата-рам на хмель* – ни на что не годен: «Баушка, праздник нынче, дай выпить маленько, потом помогу тебе чем-нибудь. – Да кому ты нужен! Тебя только татарам на хмель; *татарин родился* – о моменте мгновенной тишины: «Татарин что ли родился? Почему тогда замолчали? Разговаривайте» [ФСПГ: 372].

Наряду с этнонимами в состав фразеологизмов входят отэтнонимные прилагательные: *коромысло татарское* – высокий сутулый человек: «Спать ложуся, дак только и разгибаюсь, а днем как коромысло татарское – не согнуться, не разогнуться» [ФСПГ: 372].

Это же прилагательное становится основой для образования орнитонима: *татарская ворона* – одна из разновидностей семейства вороньих: «У нас новая птица появилась – татарская ворона. Похожа на галку, хохолок большущий, под крыльями бело; на сороку находит, а поет – как маленький ребенок» [ФСПГ: 58].

Существует в говорах и фитоним с данным прилагательным: *татарские мыльца* – травянистое лекарственное растение: «Эта трава от тоски помогает. Вот ведь если не татарские мыльца, то уж не знаю, чё бы со мной было – ведь сколько я тосковала» [д. Опалиха Кишергского района]; «От тоски пили татарские мыльца, у воды растут, цветки красные, а листики-те узкие, длинные» [ФСПГ: 226].

Как мы видим, отэтнонимные образования, в том числе фразеологизмы, образуются от названий тех этносов, которые актуальны для русских, проживающих с ними в тесном контакте. Если для русских Прика-

мья это *татары*, то, например, для жителей Волгоградской области – такая субэтническая группа русского народа, как *казаки*: «Вид казака, а ум дурака», «Казак без лошади, что рыбак без лодки», «Казак работает на быка, а бык на казака», «Казаку конь себя дороже», «Конь без казака, что лодка без рыбака» [СДГВО 3: 14-15].

Этнонимы в составе экспрессивных оборотов выражают различные эмоции человека. Например, *будь ты жид* – восклицание, выражающее удивление, неприятие: «Будь ты жид, почет-то Любка туды идет» [СПГ 1: 73]. *Злой татарке не приведи Господь* – то же, что врагу не пожелаю: «Злой татарке не приведи Господь. Вот так вот голову обносит, лишь бы не пасти, лишь бы не пасти. Какие адские боли!..» [СРГЮП: 207].

Показательны в плане сопоставления “своих” и “чужих” устойчивые сравнения. В пермских говорах функционируют сравнения *как вогулы*, *как чучмеки*, *как чучкари* (чучмеками или чучкарями в Прикамье назывался древний народ – *чудь*): «Живем, как вогулы, ругамся, грешим, переговаривам, вот дождя и нет» [Акчим]; «Раньше чё, книжек не читали, радио не слышали, как чучмеки жили»; «Дикие, как чучкари жили, не смели ничего, кроме отца сделать, ничего не знали, не учились дак» [ФСПГ: 420]. *Как цыгане* – говорят о людях, не любящих жить подолгу на одном месте: «Как цыгане: своего дома не имели. Сёдня здесь – завтра там» [Акчим].

Представитель своего этноса может описываться через особенности другой культуры, другого склада характера: «Да вот у нас тут в соседях есть парень. Такой чернуший, *как китаец*»; «Проспишь до утра. А утром глаза как у *китайца* станут. Распухнет лицо от комаров» [Акчим].

Часто подобное обозначение становится устойчивым либо для отдельного человека, либо для целого коллектива. Представители какой-либо деревни могут иметь отэтнонимное прозвище, в основе которого лежат внешние особенности или особенности поведения, речи: «Сыпучане – *монгольцы*»: «*Монголы* – в Сыпучах» [Акчим].

Таким образом, лингвокультурологическое исследование этнонимии выявляет способы языковой репрезентации одной из основных оппозиций картины мира народа – оппозиции свой / чужой. Это подтверждается как существованием этнических стереотипов, так и процессами ксенономинии, на основе которых возникают различные отэтнонимные образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Березович, Е. Л. О явлении лексической ксеномотивации / Е. Л. Березович // Вопросы языкознания. – 2006. — № 6. – С. 3–20.
2. Камасинский, Я. Пермьяки–инородцы / Я. Камасинский. Около Камы. – М., 1905.
3. Кобозева, И. М. Немец, англичанин, француз и русский: выявление стереотипов национальных характеров через анализ коннотаций этнонимов / И. М. Кобозева // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – 1995. — № 3. — С. 102–116.
4. Мельников, П. И. (А. Печерский). В лесах / П. И. Мельников. Собр. соч.: в 8-ми т. – М., 1976. – Т. 4.

5. Садохин, А. П. Этнология: Учебник для студентов высших учебных заведений / А. П. Садохин, Т. Г. Грушевицкая. – М.: Академия, 2003. – 320 с.
6. Цивьян, Т. В. Модель мира и ее лингвистические основы / Т. В. Цивьян. – М., 2005. – 280 с.
7. Шкатова, Л. А. Национально-культурные стереотипы поведения и их отражение в фольклоре / Л. А. Шкатова // Динамика фольклорной традиции на современном Урале. – Челябинск, 2000. – С. 107–109.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Акчим – материалы экспедиций в д. Акчим Красновишерского района Пермской области из картотеки словарного кабинета Пермского государственного университета.

СДГВО – Словарь донских говоров Волгоградской области / Авторы составители Е. В. Брысина, Р. И. Кудряшова, В. И. Супрун. – Вып. 3. К – Н. – Волгоград: Изд-во ВГМПК РО, 2007. – 516 с.

СПГ – Словарь пермских говоров: В 2-х вып. – Пермь, 2000 – 2002.

СРГЮП – Словарь русских говоров Южного Прикамья. – Пермь, 2010.

ФСРПГ – Прокошева, К. Н. Фразеологический словарь пермских говоров. – Пермь, 2002.

Т. П. Соколова (Москва)

ЕЩЁ РАЗ О ФИЛОНАХ И ФИЛОНАХ

Изучение ономастической лексики и апеллативно-ономастического пограничья невозможно без диахронического подхода к материалу, без опоры на принцип историзма. Попытки объяснения связи имени нарицательного *филон* и имени собственного *Филон* неизбежно приводят учёных и «рядовых» носителей языка к поиску исторических свидетельств, аналогий, межъязыковых взаимодействий. На этом пути важно не давать сомнительных, не выверенных этимологий в словарях (например, *филон* – «лентяй, лодырь»... возм., от франц. *pilon* 'нищий', 'попрошайка' [1, с. 1050.], важно не увлечься случайными созвучиями (*филон*, *филонить* от французского арготизма *filon* "безделье" [2, с. 152]. Именно антиисторическим подходом можно объяснить широко распространённую в Интернете версию о происхождении глагола *филонить* («лодырничать») – от Филона Александрийского (I в.), который якобы положил в основу своей этики это самое понятие – "не-делание". Чтобы выявить этимологию слов *филон*, *филонить* и их связь с личным именем *Филон*, необходимо прибегнуть к ретроспективному анализу.

Слова *филон*, *филонить* зафиксированы в Словаре русского языка С. И. Ожегова с пометой *просторечные* [3, с. 758.], а в Большом толковом словаре русского языка теряют эту помету: ФИЛОН «Неодобр. Лентяй, лодырь» и ФИЛОНИТЬ «Разг. Бездельничать, уклоняться от работы. *Ф. на работе*» [4, с. 1423], что свидетельствует о широком распро-

странении этих когда-то малоизвестных слов из воровского арго, речи заключенных и беспризорников.

Личное имя имеет более древнюю историю. По происхождению имя ФИЛОН греческое (Φίλων, Φίλωνος) и в русском языке представляет собой либо полное имя ФИЛОН «дорогое существо, предмет любви» [5, с. 301], либо разговорный вариант имени ФИЛИМОН (от того же греческого глагола «любить») [5, с. 299]. Появление мужского личного имени ФИЛОН в русском языке связано с распространением крестильных христианских имён, но анализ древних славянских месяцесловов XI – XIV в., проведённый О. В. Лосевой [6], показывает, что имя Филон не сразу вошло в употребление на Руси: в ранних перечнях святых и мучеников оно не значится. О позднем проникновении имени Филон в русский язык свидетельствует и тот факт, что в церковных календарях старообрядцев такого имени нет (старообрядческая церковь поминает только апостола Филимона). Сведения о конкретных носителях редкого имени на Руси появляются лишь с XVII в.: Аничков Филон Михайлов, посол из Новгорода в Швецию 1613 г., Филон, сын князя Михайлы Михайловича Путятина, староста трокский (начало XVII в.); Филон Кмита, воевода 1621; «полковник Филон Прокопович Джалалий (? — после 1659) по происхождению татарин, Филон Гаркуша (? — после 1654) – сподвижники Богдана Хмельницкого» [7].

По данным Православной богословской энциклопедии, к концу XIX в. Православная церковь на Руси почитала четырёх святых с именем Филон: это «Филон Антиохийский, диакон, ученик сщмч. Игнатия Богоносца (†2 в. пом. 25 ап.); Филон Египетский, еп., исповедник † 337 - 361 пом. 21 м.; Филон Колпастьинский, еп. † 5 в. пом. 24 ян.; Филон Никомидийский, мч. † ? пом. 11 ап. » [8, с. 694]. Однако в современном официальном календаре Русской православной церкви упомянут лишь «Святитель Филон, епископ Колпастьинский (остров Кипр). Скончался мирно в V веке. Ему приписываются комментарии на Пятикнижие Моисеево и толкование на книгу «Песнь Песней» (24 января (ст. ст.) 6 февраля 2011 (нов. ст.))» [9], во множестве неофициальных современных православных месяцесловов имени Филон нет совсем.

В словаре Н. А. Петровского [5, с. 301] имя Филон дано с пометой *старое редкое*. Гнездовой словарь русских личных имён, вышедший в 1995 г., включает оба имени в одно гнездо: Филон оказывается только дериватом (с пометой *разг.*) имени ФИЛИМОН (греч. «любить; любимый, целуемый»), вынесенного в заглавие гнезда [10, с. 350]. Так словарь зафиксировал фактическое исчезновение самостоятельного имени Филон из современного русского именника. Однако производная от имени фамилия Филонов бытует по сей день (в книге Б. О. Унбегауна фамилии *Филимонов* и *Филонов* отнесены к разряду «образованных от крестильных имен, имеющих только одну форму» и, конечно, не вошли в список частотных фамилий) [11, с. 41].

Какова судьба имени *Филон* в художественном тексте? В русскую литературу имя *Филон*, как традиционное поэтическое, условное, входит с конца XVIII в.: в 1796 г. в журнале "Муза" была опубликована автобиографическая повесть-путешествие И. И. Мартынова "Филон" [12]; в 1805 г. в сборнике «Опыты лирические» А. Х. Востокова появляются два стихотворения «Тленность» (1800) и «Видение в майскую ночь» (1802), где лирический герой скорбит о смерти друга *Филона*, двадцатилетнего юноши, который являл «прекрасну душу»,

«милый нрав простой», «искренность сердечну», причём имя *Филон* входит в ряд других античных имён, коими наделяет лирический герой своих друзей:

*Где ты, мой Клеант! (я, вздыхая, думал)
Чтоб со мной теперь разделять восторги?
Где вы все? – где Флор? где Арист? Филон мой
Где незабвенный? [13, с. 50–52].*

В поэзии В. А. Жуковского закрепляется традиция использования античных имён в условном значении: в послании «К Филону» (1813) имя адресата дано в окружении античных – фавнов, харит, граций и «нежно-го Эрота»: «Блажен, о Филон, кто харитам-богиням жертвы приносит. » (несколько измененный перевод стихотворения Фр. фон Маттисона «Die Grazien» («Грация») [14].

Вслед за учителем отдал дань поэтической условности и античной традиции в раннем творчестве А. С. Пушкин: в стихотворении «Монах» (1813) нарисован образ счастливого любовью пастуха Филона, а в «Картинах» 1816 г.: «Фавн и пастушка» имя прекрасного Филона, любимца Купидона, появляется в дуэте с условно-поэтическим именем пастушки – Лила – в обрамлении античных мифических онимов: Эрот, Амур, Венера, Фавн, Цитера, Сатир – (греческих и латинских, уже освоенных мировой поэзией; известно, что данное стихотворение написано под влиянием «Превращения Венеры» французского поэта Парни) [15, с. 451–457]. В подобном, пастушеском контексте звучит имя Филон в романсе Эльмиры, героини комедии А. С. Грибоедова (1814) «Молодые супруги» [16, с. 134–135].

Употребляется имя *Филон* как условное и вне пастушеской идиллии: у классициста Н. Ф. Остолопова в сатире «К правдослову» (1806) [17]; в эпиграмме К. Н. Батюшкова по поводу многочисленных официозных антинаполеоновских стихов «Новый род смерти» (1814) имя «насмешливого Филона» коррелирует с именем бездарного древнеримского поэта Бавия [18, с. 274.]. Как видно из приведенных примеров, у имени Филон вовсе не формируется значение «бездельник, лентяй». Далее, в эпоху торжества реализма, редкое имя *Филон* исчезает со страниц художественных произведений.

Происхождение жаргонного нарицательного *филон* и глагола *фило-нить* следует искать в «тайных языках» России. По справедливому заключению ряда исследователей, существенную часть воровского арго составляет лексика, общая с языком офеней или образованная на базе ее корней [19]. В записях офенских слов А. Успенского 1822 г. есть слово *филати*, в словаре офенского языка В. И. Даля (1854) зафиксированы *филати*, *филоны* («полати»), *фил* («пол») [20, с. 335]. Эти слова образованы от общеупотребительных русских с помощью распространенного в Поволжье маскировочного слога-префикса *фи-*: подушка → фидушка, подкладка → фидкладка, базар → физар, полати → филати [21, с. 44]. Далее, по версии И. Г. Добродомова, «по образцу *полати* – *филати* было вовлечено в эту группу и слово *филоны* с его более распространенной формой *филоны*, восходящее к собственному имени *Филон* по созвучию его с народным именем *Филат*», возникла и вторичная связь с офенским *фил* 'пол', на основании созвучия и общего семантического компонента – 'дощатый настил', «что позволяло воспринимать слово *филоны* 'полати' как производное от *фил* 'пол'» [12, с. 9–36]. Иначе трактует связь имени *Филон* и нарицательного *филон* Е. С. Отин: «лексема *филон* изначально в

русском языке была собственным именем, а жаргонизм *филон* – следствие его смысловой эволюции, в которой в качестве связующего звена принял участие эмоционально окрашенный коннотативный оним» [22, с. 161], однако эта гипотеза не подтверждается фактами: ни в одном источнике не зафиксированы примеры употребления слова *Филон* в качестве коннотативного онима.

Напротив, дальнейший путь офенско-жгонского существительного *филони* / *филоны* 'полати' отражён в словарях и текстах: образование глагола *филонить* 'лежать на полатах', у которого далее развилось значение 'отлынивать от работы, бездельничать', зафиксировано в жгонском языке Костромской области [23 с. 75]. Как и многие другие слова 'тайного языка', глагол *филонить* получил широкое распространение в жаргонной речи, в речи заключённых приобрёл новый оттенок значения 'отлынивать от работы, симулируя болезнь'. Но производящее слово *филоны* 'полати' осталось неизвестным за пределами офенского и жгонского языка, и от глагола *филонить* уже в рамках жаргона было образовано два существительных аналогичной семантики: суффиксальное *филонщик* и редериват *филон*. [12, с. 9–36]. Материалы, опубликованные М. А. Грачёвым, подтверждают существование в блатном языке параллельных форм *филон* – *филонщик* [24, с. 176]. Свидетельствует об отглагольном образовании слова *филонщик* текст повести В. Я. Шишкова о беспризорниках «Странники» (писатель работал над произведением в 1927 – 1930 гг. и отразил в тексте живую речь «заключенцев» и «отрепышей»): счастьем было попасть в тюремную больницу. «Так, некоторые ловкачи умело прикидывались сумасшедшими, эпилептиками, – их брали на испытание, потом с позором выгоняли. Таких неудачливых «филонщиков» товарищи встречали злорадным смехом. – Тю-тю-тю!.. Сорвалось. . . Плохо филонили. Что, Мишка, опять в ум вошел? Кусаться будешь? Псих паршивый!» [25, с. 188].

Появляется слово *филонить* и в воровском аргю, например, в романе Л. М. Леонова «Вор» (1927): «Митя имеет сказать этим, — стал добровольно переводить Панама, — чтобы ты перестал филонить, Ефим») [26, с. 408]. В это же время слова *филон*, *филонить* попадают в Словарь жаргона преступников (блатная музыка), составленного С. М. Потаповым для нужд Комиссариата внутренних дел (Москва, 1927): *филон* в значении «симулянт, выдающий себя больным», *филонить* «симулировать, запутывать, лгать» [27, с. 172]. Интересно свидетельство Ж. Росси: "В середине 20-х гг. на Соловках заключенными была выдумана такая расшифровка: Фиктивный Инвалид Лагерея Особого Назначения" [28, с. 433]. Слова *филон*, *филонить* получают широкое распространение в уголовном жаргоне, а также в просторечии, расширяют свою семантику: *филон* «бездельник, человек, уваливающий от работы, нищий», *филонить* «бездельничать, уваливать от работы, халтурить, а также попрошайничать, заниматься нищенством», что нашло отражение в различных словарях и текстах А. И. Солженицына, В. Шаламова, В. Максимова, Е. Фёдорова, см. примеры в Словаре Е. Отина [29, с. 385]. Современный словарь для юристов даёт следующие значения: ФИЛОН – 1) нищий; 2) лодырь (разг.); 3) симулянт *Ф. Чистый – удачно симулирующий психическое заболевание. ФИЛОНИТЬ – 1) выпрашивать; 2) бездельничать (разг.); 3) симулировать. [30, с. 167]. Однако в разговорной речи популярный глагол *филонить* употребляется в значении не «бездельничать»,

а «увиливать от работы, халтурить», об этом свидетельствуют материалы Национального корпуса русского языка.

Возвращение в литературу имени собственного *Филон* происходит в 70-80-е годы XX в. и связано уже с новым, жаргонным значением. Так, в «Очерках тюремных нравов» В. А. Майера (Некраса Рыжего) «кликуха Филон» героя – Игоря Пономарева – мотивирована его способностью определять у человека наличие «филок» (денег) [31]; в повести «Чёрная свеча», написанной В. Высоким совместно с Л. Мончинским, один из героев тоже носит имя-кликучку Филон, связанную с блатным жаргоном [32]. Но в рассказе забайкальского писателя Олега Димова [33] прозвище Володьки Филонова *Филон* мотивируется не только фамилией, но поведением и образом жизни героя: в детстве он «вместо уроков шел на реку, где часами смотрел с высокого берега на текущие воду, облака», позже стал «философом», «исполненным кротости и смирения» и вовсе не отличающимся от работы (так совместились в имени персонажа оба значения: жаргонное, просторечное и античное, идилическое).

ЛИТЕРАТУРА

1. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.
2. Горбач О. Аргументи українських вояків // Наукові записки Українського вільного університету. Ч. 7. Філософічний факультет. Мюнхен, 1963.
3. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., Русский язык, 1982.
4. Большой толковый словарь русского языка, СПб., 2000.
5. Петровский Н. А. Словарь русских личных имен, М., 1995.
6. Лосева О. В. Периодизация древнерусских месяцесловов XI–XIV в. / Журнал "Древняя Русь", 4, 2001.
7. Довідник з історії України. К., 2001.
8. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Православная богословская энциклопедия. М., 1995.
9. РПЦ Официальный православный церковный календарь. mospat.ru
10. Тихонов А. Н., Бояринова Л. З., Рыжкова А. Г. Словарь русских личных имен. М.: Школа-Пресс, 1995.
11. Унбегаун Б. О. Русские фамилии. М., 1989.
12. Добродомов И. Г. Из истории одного жаргонизма (пацан) // Prawda – prawdy – mity – fałszy – w językoznawstwie. – Warszawa, 2009.
13. Востоков А. Х. Опыты лирические. СПб., 1805. Ч. 1.
14. Жуковский В. А. Стихотворения. Л., 1956.
15. Пушкин А. С. Собрание сочинений. Т. 1. М., 1974.
16. Грибоедов А. С. Сочинения. М. -Л., 1959.
17. Остолопов Н. Ф. Стихотворения. OCR Бычков М. Н. mailto:bmnn@lib.ru
18. Батюшков К. Н. Стихотворения. М., 1988.
19. Приемывшева М. Н. Тайные и условные языки в России XIX в. ч. 1. М., 2009.
20. Успенский А. Продолжение офенского наречия // Труды Общества любителей российской словесности. Кн. I. Ч. I. XXIV. М., 1822; Бондалетов В. Д. В. И. Даль и тайные языки в России. М., 2004.
21. Бондалетов В. Д. Условные языки русских ремесленников и торговцев. Словопроизводство. Рязань, 1980.

22. *Отин Е. С.* "Все менты – мои кенты. . . " (Как образуются жаргонные слова и выражения). Донецк, 2010.
23. *Громов А. В.* Жгонский язык. Словарь лексики пимокатов Макарьевского, Мантуровского и Нейского районов Костромской области. М., 2000.
24. *Грачев М. А.* Язык из мрака: блатная музыка и феня. Словарь. Нижний Новгород. 1992.
25. *Шишков В. Я.* Собрание сочинений в 8 т., т. 3. М., 1960.
26. *Леонов Л.* Вор. М.: Гослитиздат, 1959.
27. Словарь жаргона преступников (блатная музыка). Составил по новейшим данным С. М. Потапов. М., 1927.
28. *Росси Жак.* Справочник по ГУЛагу. Исторический словарь советских пенитенциарных институций и терминов, связанных с принудительным трудом. London, 1987.
29. *Отин Е. С.* Словарь коннотативных собственных имен. М., 2006.
30. *Дубягина О. П., Смирнов Г. Ф.* Современный жаргон уголовного мира. Словарь-справочник. М., Юриспруденция, 2001.
31. *Майер В.* Очерки тюремных нравов. М., 1995.
32. *Высоцкий В., Мончинский Л.* Чёрная свеча. М., 1992.
33. *Димов О.* Рассказы. <http://dimov-proza.ru>

В. Р. Тимирханов (Уфа)

СИНЕРГИЙНЫЕ МЕХАНИЗМЫ НОМИНАЦИИ В СФЕРЕ ЭРГОНИМОВ РОССИЙСКОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ПОП-АРТА (ДООНОМАСТИЧЕСКИЙ РЕСУРС)

Поскольку в семантике эргонимов как товарных знаков принято дифференцировать два смысловых уровня, имеет смысл и по отношению к именам музыкальных коллективов говорить о наличии у них ономастического и доономастического значений.

Ономастическое значение проявляется в способности названия соотноситься с определенными реалиями (бизнес-проект, медийный коллектив, сообщество единомышленников, объединенных общей целью и вкусовыми, музыкально-стилистическими предпочтениями, товар на рынке музыкального шоу-бизнеса), т. е. выполнять номинативно-выделительную функцию имени собственного. Доономастическое значение – это семантика, положенная в основу названия и прямо или косвенно отражающая различные свойства денотата. Доономастическое значение является, таким образом, и средством выражения ономастической мотивированности. Смысл исходного, ономастически мотивирующего слова в семантике эргонима не исчезает, не растворяется полностью, ономастический и доономастический смысловые пласты сосуществуют в ониме, равно как в сознании именующих и пользующихся результатами ономастической номинации. В создании и использовании эргонима (в том числе и как товарного знака) задействованы механизмы обращения к культурным фоновым знаниям данной лингвокультурной общности, актуализации релевантных морально-этических смыслов.

Указанные процессы дают основание для понимания их природы в качестве синергической.

Оговоримся, что категорию *синергии* мы понимаем не столько в рамках активно развиваемой ныне парадигмы языка как самоорганизующейся системы, сколько в смысле онтологическом, символическо-ониматологическом (в свете реалистической лингвофилософии имяславия). В смысле соприкосновения активной семантики языка с творческой интенцией говорящего и миром внетекстового, внеязыкового бытия [2, с. 57, 60 – 62, 89]. Такой контакт, по нашему мнению, обязательно имеет место в исследуемом случае, ибо онимизация и трансонимизация неразрывно связаны с переосмыслением и рождением новой интерпретации идеи вещи как денотата и предмета речи. Эргоним (в нашем случае) выступает в речи как своеобразная мифологема, призванная динамично соединить, «столкнуть» в одном слове, нозматически интерпретировать в языковом сознании смысловые пласты, восходящие к разным типам образов: эйдетическим (архетипическим, некогнитивным, непсихологическим), образам коллективного сознания (формам общекультурного и общезыкового знания), а также индивидуально-личностным образам. Содержание эргонима *мифологично, многослойно*, а его употребление *динамично, оценочно* и непременно *выразительно*. В транскрипции онтологического учения о языке это означает, что природа словесной мифопоэтической выразительности принципиально синергична: «Выражение всегда динамично и подвижно... Выражение – арена встречи двух энергий, из глубины и извне, и их взаимообращение в некоем цельном и неделимом образе, который сразу есть и то и другое, так что нельзя решить, где тут «внутреннее» и где тут «внешнее»... Слово – всегда *выразительно*. Оно всегда есть *выражение, понимание*, а не просто вещь или смысл сами по себе. Слово всегда глубинно-перспективно, а не плоско. Токов же и миф. Миф или прямо словесен, или словесность его скрытая, но он всегда выразителен; всегда видно, что в нем два или больше слоев и что эти слои тем отождествляются друг с другом, что по одному из них всегда можно узнать другой» [1, с. 58].

На основе эйдетико-лингвистического метода и при опоре на исходную семантику дономатического значения (компонентов значения) эргонимов были выявлены следующие подмножества в сфере названий коллективов российского музыкального поп-арта (здесь приводим только отдельные примеры), отсылающие к:

1) прецедентным именам (мифология, сказки, литература, кино): *Братья Гримм, Иванушки Int., Кар-Мэн, Банд'эрос, Тутси, Уматурман, Доктор Ватсон, Мистер Твистер, Мумий Троль*; 2) сверхъестественным существам (мифология): *Мумий Троль, Леприконсы, Президент и Амазонка*; 3) сфере искусства: *А-Студио, Браво, БиС, Винтаж, Лейся, песня, Танцы минус, Турбо-Мода*; 4) социальным отношениям, праву, политике, управлению и власти: *Гости из будущего, Дискомафия, Лицей, Непара, Отпетые мошенники, Пропаганда*; 5) топонимам: *Ленинград, Челси, Мегapolis, Город 312, ЧИ-ЛИ*; 6) органическим, биоорганическим и неорганическим веществам (продуктам живой природы): *Plazma, Виагра, Динамит*; 7) продуктам питания: *Сливки, Ассорти, Чай вдвоем, Бахыт-Компот, Черный кофе, Дайкири*; 8) неживой природе: *Дюна, Лазурный берег, Диамант, Мираж*; 9) растениям (их частям): *Корни, Манго-Манго, Ранетки*; 10) живым существам, частям тела: *Reflex, Вирус*,

Горячие головы, Руки Вверх, Носу Светло; 11) животным: Звери, Белый орел, Божья коровка, Жуки, Шиншиллы.

Даже предварительное списочное обращение к лексико-эйдетическим группировкам семантики, являющейся дономастическим ресурсом исследуемых эргонимов, позволяет установить смысловую базу языка, на которую опирается языковое сознание, включаемое во взаимодействие с синергией эйдосов, в мифо-поэтическое, ценностное (морально-этическое), реально-жизненное движение, характеризующее синергию, действующую в современном ономастическом пространстве языка. Изучение векторов этого движения, линий «семантического роста» от дономастических значений к ономастическим представляет самостоятельный лингвистический интерес. Дономастический потенциал музыкальных эргонимов в русском языке может быть в целом охарактеризован как весьма широкий, социально ориентированный, с четко очерченной, прецедентно акцентированной ядерной зоной смыслов, представляющих мир образов художественного семиозиса.

При использовании эргонимов интеллектуальная, эмоциональная и морально-этическая перекодировка исходной когнитивной базы стандартного (словарного) значения или предтекста позволяет широко использовать аллюзии и реминисценции, в том числе предельно минимизируя используемые языковые средства. Апелляция к носителю языка в этом случае не ограничивается исключительно обращением к семантике языковой единицы с набором ее заданных, известных когний. Эргонимизация приводит в динамику стабильные, находящиеся в состоянии системного равновесия компоненты значения, перестраивает их, обеспечивает индивидуально-личностное и «реально-жизненное» понимание исходного значения. Таким образом, создатели эргонимов подчиняют активно-смысловое начало своей интенции не только регулярным, когнитивно обработанным ресурсам языковой системы, но и ее синергичному потенциалу.

Способы эргонимизации (они здесь специально не рассматриваются), как оказалось, определяются такими авторскими стратегиями (намерениями), которые, с одной стороны, призваны обеспечить узнавание (ноэмастическое отождествление) носителем исходного значения и лежащего в его основе архетипа, а с другой – зафиксировать позицию создателей эргонима и его правообладателей в отношении к общественно-политической, культурной, этической, правовой сфере и даже отдельным событиям мировой истории.

Эргонимизация по синергичной сути является не просто фактом структурного преобразования языковой единицы, но прежде всего свидетельствует о приращении / подавлении отдельных семантических компонентов языкового значения в ономастическом значении эргонима. Кроме того, новый, актуальный смысл позволяет осознать характер и направление заложенной автором трансформации исходного имени. Таким образом, базой эргонимизации является своеобразное языковое соглашение автора и пользователя, основанное на 1) особенностях ноэмастической интерпретации архетипических символов, 2) коллективном языковом знании прецедентов, общей когнитивной базе и 3) синергичных условиях организации смысловых реминисценций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лосев А. Ф. Миф – Число – Сущность. – М.: Мысль, 1994.
2. Тимирханов В. Р. Имяславие и лингвистика корня. – М.: МАКС Пресс, 2007.

С. П. Яковлева (Тверь)

ИМЯ ПЕРСОНАЖА КАК ОТРАЖЕНИЕ МОДЕЛИ ФАНТАСТИЧЕСКОГО МИРА

Для того чтобы определить, как имя персонажа отражает модель фантастического мира, рассмотрим, какими особенностями характеризуется фантастическое произведение в целом и произведения А. и Б. Стругацких в частности.

Фантастическое произведение представляет собой особую модель реальности, которая создается с помощью различных типов условности. В зависимости от используемой посылки, в фантастике можно выделить два направления: рациональная, или научная фантастика и фэнтези.

1. Модель реальности, создаваемая средствами *рациональной фантастики*, отличается прежде всего абсолютизацией интеллектуальной составляющей человеческой психики и материалистического осмысления бытия. В произведениях этого типа читателю предлагаются научные прогнозы, проецирование в будущее тенденций развития современного общества, а также анализ экспериментальных ситуаций, моделирующих поведение человека при встрече с неизвестным, в обстоятельствах, коренным образом изменяющих облик социума, условия жизни на Земле и т. п. [1, с. 374].

2. *Фэнтези* раскрывает внелогические аспекты сознания, апеллирует к подсознательным ассоциациям и сфере эмоций. В произведениях такого рода рационально-логическая интерпретация дополняется сверхъестественно-чудесной, а создаваемая картина мира опирается на широкий круг фольклорно-мифологических представлений [1, с. 375].

В рассматриваемых нами произведениях Аркадия и Бориса Стругацких используется рационально-фантастическая посылка, поэтому их можно отнести к разряду рациональной, или научной, фантастики.

Авторы описывают мир будущего, когда человечество вырывается за пределы родной планеты и осваивает безграничные просторы вселенной. Этот мир населен различными разумными существами, которые в большинстве своем являются представителями гуманоидных цивилизаций, за редким исключением. В этом проявляется рациональная сторона фантастической посылки. Стругацкие создают фантастический мир, но не ставят перед собой цели сделать его кардинально непохожим на реальный.

Негуманоидные разумные существа практически не принимают активного участия в развитии сюжета. В большинстве случаев они оказываются лишь частью фона произведения. Исключением является собакообразное разумное существо — голован *Щекн-Итрч*.

Стругацкие не просто создают отдельные картины будущего, они объединяют их общей идеей прогрессорства, формируя тем самым свою

собственную фантастическую вселенную. Прогрессорами они называют представителей высокоразвитых цивилизаций, которые незримо вмешиваются в ход истории планет, находящихся на более низком уровне социального развития.

Возможно, именно в этом кроется причина того, что негуманоидные разумные существа оказываются фоновыми персонажами в произведениях прогрессорского цикла. Прогрессорская деятельность в отношении их лишена всякого смысла, поскольку в этом случае не соблюдается одно из обязательных условий — незаметность вмешательства.

Идея прогрессорства предполагает деление мира на две части: мир землян и миры отстающих в развитии цивилизаций. В процессе формирования такой структуры фантастической вселенной авторы используют инструменты разных уровней. Например, в повести «Трудно быть богом» они заключают основную часть текста в рамку «эпilog — пролог» и тем самым разделяют два мира (рамка — земной мир, центральная часть — исследуемый).

Ономастическая лексика является одним из подобных инструментов. Организующая роль ономастического пространства в структуре художественного текста обуславливается системностью этого пространства: группировкой имен собственных по лексическим разрядам в зависимости от семантической функции, их словообразовательными особенностями, стилистической принадлежностью, отношением к категории узuality, степенью экспрессивности [2, с. 60].

Ономастическое пространство, подчиняясь общим законам вселенной Стругацких, делится на две части: имена землян и имена представителей инопланетных цивилизаций. Каждый отдельный мир этой вселенной является законченным целым и имеет свой ономастикон. Однако их настоящее — это прошлое землян, поэтому авторы создают окказиональные имена собственные, используя реальные модели.

Имя персонажа отражает модель создаваемого фантастического мира, и наиболее ярко это прослеживается в именах прогрессоров, поскольку их жизнь протекает сразу в двух мирах.

В прогрессоре уживаются две личности: реальный человек, землянин, и выдуманный персонаж, легенда, которая прикрывает истинную деятельность прогрессора. Соответственно, один герой имеет два абсолютно разных имени. Под именем мы в данном случае понимаем совокупность антропонимов, входящих в состав полной формулы именования героя. Состав этих имен и количество входящих в них элементов отличаются. При построении земного имени авторы используют существующие модели именования и заимствуют элементы из реального ономастикона. Имя, создаваемое для прикрытия, подчиняется законам того мира, в котором предстоит действовать прогрессору. Поскольку в рассматриваемых произведениях описываются в основном цивилизации, близкие к земной и во многом повторяющие ее историю, авторы используют существующие модели именования и наполняют их новыми элементами.

Например, в повести «Трудно быть богом» Стругацкие описывают мир, во многом копирующий Европу позднего Средневековья. Авторы используют формулы именования, характерные для того времени. Для аристократов полная формула включает определение принадлежности к дворянскому роду (*дон*), титул (*барон*, *герцог*), личное имя и родовое имя (*благородный дон Румата Эсторский*, *барон Пампа дон Бау-но-Суруга-но-Гатта-но-Арканара*); для священнослужителей — указание

на наличие сана (*отец, брат*) и личное имя (*отец Тарра, брат Нанин*); для простолюдинов — указание профессии, личное имя и прозвище (*Кира; Вага Колесо; кузнец Кикус, по прозвищу Храмач*). Такие формулы именования отражают характерное для этого мира сословное расслоение и помогают упорядочить описываемую реальность.

Имя невольного прогрессора *Максима Каммерера* в повести «Обитаемый остров» представляет особый случай. Этот герой не имеет специальной подготовки, легенды, а вымышленного имени. В начале повести его имя отражает модель земного мира: личное имя + фамилия. Оно построено с использованием реальных ономастических единиц. Однако в процессе того, как герой осваивается на чужой планете, его имя трансформируется и становится отражением иной модели бытия. Фамилия усекается, а личное имя *Максим* трансформируется в короткие отрывистые формы *Мак Сим*, которые в большей степени соответствуют тому неприветливому миру, в который он попадает.

Еще одной особенностью мира Стругацких является практически полное отсутствие имен представителей тех цивилизаций, которые существенно отличаются от земной: по уровню развития (странники), по стилю мышления (леонидяне) или по внешнему виду (голованы). Исключение составляет голован *Щекн-Итрч*. Его труднопроизносимое имя не имеет аналогов в реальном ономастиконе, и тем самым авторами еще раз подчеркивается различие двух цивилизаций.

Подобная ситуация безымянности в первую очередь обусловлена, конечно, тем, что контакты с данными расами ограничены, и прогрессорская деятельность в их мирах не ведется. В то же время такое отсутствие имен является отражением модели мира, в котором сосуществуют настолько разные расы, что грань понимания между ними не может быть преодолена.

Таким образом, имена персонажей в контексте прогрессорского цикла А. и Б. Стругацких являются отражением модели создаваемого мира и концепций, лежащих в его основе, а также помогают авторам структурировать пространство описываемой фантастической вселенной.

В заключение добавим, что любое произведение прогрессорского цикла представляет взору читателя лишь небольшой фрагмент сложной системы, которой является каждый описываемый мир. Нам доступна лишь малая часть ономастического пространства. В произведениях встречаются элементы, которые кардинально отличаются от общего массива ономастической лексики. Например, вымышленное имя одного из прогрессоров — *Шушутулетидоводус*, который изображает шамана в некоем племени («Трудно быть богом»). Эти онимы единичны и не позволяют составить общую картину общества, в котором они функционируют. Что касается приведенного примера, можно отметить сходство этого имени с индейскими антропонимами и на основе этого сходства воссоздать возможную модель общества, породившего данное имя.

Такие единичные вкрапления свидетельствуют о том, что создаваемый авторами мир является многогранным и органически сочетает в себе культуры разных народов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ковтун Е. Н.* Художественный вымысел в литературе XX века. М.: Высшая школа, 2008. — 406 с.
2. *Михайлов Н. В.* Экспрессивные свойства и функции собственных имен в русской литературе // Филологические науки. 1966. № 2. С. 55–66.
3. *Стругацкий А., Стругацкий Б.* Трудно быть богом: Повести. М.: Профиздат, 1990. — 304 с.
4. *Стругацкие А. и Б.* Будущее, XXII век: Прогрессоры: фантастические романы. М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2009. — 864 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абрамова Е. С., аспирант кафедры журналистики и связей с общественностью Белгородского государственного университета

Аксенова Е. Д., канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Тверской государственной медицинской академии

Алгунова Ю. В., ст. преподаватель кафедры русского языка Тверской государственной медицинской академии

Анисина Н. В., канд. пед. наук, доцент кафедры русского языка Санкт-Петербургского государственного политехнического университета

Арязмова О. В., канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Воронежского государственного университета

Арискина О. Л., канд. филол. наук, доцент Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (Саранск)

Бабий С. Н., канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Тверского государственного университета

Баландина Л. А., канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Финансового университета при Правительстве РФ (Москва)

Баранчеева Е. И., канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Новосибирского государственного технического университета

Барбашова Н. К., ст. преподаватель кафедры иностранных языков Кубанского государственного технологического университета (Краснодар)

Баскова Ю. С., канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков Кубанского социально-экономического института (Краснодар)

Белых А. Я., ст. преподаватель кафедры русского языка для иностранных студентов основных факультетов Донецкого национального университета

Бирюкова Е. А., канд. филол. наук, профессор Рязанского высшего воздушно-десантного командного училища

Бырдина Г. В., канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Тверского государственного университета

Быша Л. С., студентка 3 курса филологического факультета Тверского государственного университета

Варавва А. Д., студентка 3-го курса факультета печати и журналистики Кубанского социально-экономического института (Краснодар)

Витлинская Л. Г., ст. преподаватель доцент Тверской государственной медицинской академии

Власова О. Б., канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Тверского государственного университета

Волков В. В., докт. филол. наук, профессор кафедры русского языка Тверского государственного университета

Волкова Н. В., канд. филол. наук, доцент Тверского государственного университета

Волкова С. Н., аспирант кафедры русского языка Смоленского государственного университета

Габлина Т. В., канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Тверского государственного университета

Ганжина И. М., канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Тверского государственного университета

Гладилина И. В., канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Тверского государственного университета

Гордиенко О. А., канд. пед. наук, доцент Кубанского государственного технологического университета (Краснодар)

Горохова А. М., учитель начальных классов Шелаевской СОШ Белгородской области, дипломант Президентского гранта

Григоренко С. Г., канд. филол. наук, директор центра довузовской подготовки Института современных технологий и экономики (Краснодар)

Дитковская О. Н., учитель русского языка МОУ СОШ № 51 (Тверь)

Еременко О. И., канд. филол. наук, доцент кафедры педагогики и методики начального образования Белгородского государственного университета

Жгарева Т. И., ст. преподаватель Финансового университета при Правительстве РФ (Москва)

Зуева М. Н., учитель русского языка и литературы МОУ «Тверской лицей»

Иванова Е. А., ассистент кафедры английской филологии Курганского государственного университета

Ильина Е. В., канд. филол. наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета (Москва)

Какзанова Е. М., канд. филол. наук, доцент Института языкознания РАН (Москва)

Карпович М. И., соискатель по кафедре русского языка Тверского государственного университета

Карташева Е. А., соискатель по кафедре английской филологии Кубанского государственного университета (Краснодар)

Киселева И. В., аспирант Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Комарова Г. В., преподаватель международного факультета Донецкого национального университета (Украина)

Кононова Н. Н., ассистент Тверской государственной медицинской академии

Корякова Е., студентка 3 курса филологического факультета Тверского государственного университета

Кочанова Е. Н., канд. филол. наук, доцент, зав. кафедрой общих гуманитарных и социально-экономических дисциплин Московского государственного технического университета «МАМИ» (филиал в г. Ликино-Дулево Московской области)

Кузнецова А. А., канд. филол. наук, доцент Тверской государственной медицинской академии

Кузнецова Л. М., ст. преподаватель кафедры русского языка Тверского государственного университета

Куликова Э. М., преподаватель русского языка и литературы Тверского педагогического колледжа

Кулиш С. В., доцент, зав. кафедрой русского языка для иностранных студентов Донецкого национального университета (Украина)

Леонтьева К. И., аспирант Академии права и управления (филиал в г. Смоленске)

Леонтьева Т. В., канд. филол. наук, доцент Российского государственного профессионально-педагогического университета (Екатеринбург)

Лузикова С. Н., канд. филол. наук, Тверской государственный технический университет

Лысова О. Ю., канд. филол. наук, доцент Самарской гуманитарной академии (филиал в г. Тольятти)

Лю Яньчунь, доцент, преподаватель кафедры русского языка Ляонинского университета (Китай)

Макухина Е. В., студентка 4 курса Кубанского государственного университета (Краснодар)

Малюгина Н. М., доцент Финансового университета при Правительстве РФ (Москва)

Маркелова В. М., канд. филол. наук, ст. лаборант Арзамасского госпединститута им. А. П. Гайдара

Маркелова Г. В., канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Тверского госуниверситета

Меньшикова С. И., канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Тверского госуниверситета

Метликина Л. С. канд. филол. наук, ст. преподаватель кафедры русского языка Московского государственного областного социально-гуманитарного института

Мирзоева В. М., канд. филол. наук, доцент, завкафедрой русского языка Тверской государственной медицинской академии

Михайлова Л. П., канд. филол. наук, профессор Карельской государственной педагогической академии (Петрозаводск)

Михайлова Н. Д., канд. филол. наук, доцент Тверской государственной медицинской академии

Мкртычян С. В., канд. филол. наук, докторант Тверского госуниверситета

Мусатова Г. А., канд. филол. наук, ст. преподаватель Рязанского высшего воздушно-десантного командного училища им. генерала армии В. Ф. Маргелова

Мяосой Юань, аспирант Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва)

Некрасова А. В., аспирант кафедры русского языка Тверского госуниверситета

Нестерова Е. Н., доцент Финансового университета при Правительстве РФ (Москва)

Новикова Л. Н., канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Тверского госуниверситета

Олефир С. С., аспирант Московского государственного областного социально-гуманитарного института

Омельченко Е. В., канд. пед. наук, доцент Челябинского госпедуниверситета

Осипова Н. П., учитель русского языка МОУ СОШ № 46 (Тверь)

Павлова М. Н., ассистент Тверской государственной медицинской академии

Панова М. Н., докт. филол. наук, доцент Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации

Писарь Н. В., аспирант Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград)

Попова И. Л., канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Тверского госуниверситета

Преображенский С. Ю., канд. филол. наук, доцент Российского университета дружбы народов (Москва)

Приходько С. А., соискатель Калужского госуниверситета им. К. Э. Циолковского

Разумов Р. В., канд. филол. наук, доцент Ярославского госпедуниверситета им. К. Д. Ушинского

Рамазанова Л. Г., канд. филол. наук, доцент Дагестанского госпедуниверситета (Махачкала)

Родионова Н. А., канд. филол. наук, доцент Самарского госуниверситета

Романова Т. П., канд. филол. наук, доцент Самарского госуниверситета

Рюмина Н. В., доцент Тверской государственной медицинской академии

Савельева М. В., ст. преподаватель Курганского госуниверситета

Саятина Н. В., аспирант Саратовского госуниверситета им. Н. Г. Чернышевского

Сварчевская Т. В., канд. филол. наук, Тверской государственный технический университет

Селеменова О. А., канд. филол. наук, доцент Елецкого госуниверситета им. И. А. Бунина

Сергеева Н. М., канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Тверского госуниверситета

Сироткина Т. А., канд. филол. наук, доцент Сургутского госпедуниверситета

Скаковский В. Ю., ст. преподаватель Тверской государственной медицинской академии

Соколова Т. П., канд. филол. наук, доцент кафедры судебных экспертиз Московской государственной юридической академии

Солошина А. Н., студентка 5 курса педагогического факультета Белгородского госуниверситета

Суворова Н. В., старший преподаватель Тверской государственной медицинской академии

Тикун Е. С., аспирант Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград)

Тимирханов В. Р., докт. филол. наук, доцент Башкирского госуниверситета (Уфа)

Тихомирова Е. А., канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Тверского госуниверситета

Ткачева Р. А., канд. филол. наук, доцент Тверской государственной медицинской академии

Торопцева Е. С., студентка педагогического факультета Белгородского госуниверситета

Турко У. И., канд. филол. наук, ст. преподаватель Елецкого госуниверситета им. И. А. Бунина

Фахарова Г. Р., аспирант Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета (Казань)

Федорова Е. А., канд. филол. наук, доцент Финансового университета при Правительстве РФ (Москва)

Фёдорова К. Л., аспирант Курганского госуниверситета

Хоменко И. Б., канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Тверского госуниверситета

Чистякова Е. А., студентка 3 курса филологического факультета Тверского госуниверситета

Шыныбекова А. С., канд. филол. наук, доцент КазАТК им. М. Тынышпаева (Алматы)

Яковлева С. П., аспирант кафедры русского языка Тверского государственного университета

Яковлева Т. В., канд. пед. наук, доцент Белгородского государственного университета

Янова Н. Н., канд. филол. наук, доцент Тверской государственной медицинской академии

Оглавление

СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

<i>Аксенова Е. Д., Кузнецова А. А., Мирзоева В. М.</i> Национально-культурный компонент в языковой картине мира	3
<i>Арискина О. Л.</i> Лингвокультурологический аспект в исследовании метаязыка лингвистики XVI в.	7
<i>Бирюкова Е. А.</i> Способы выражения условия в сложноподчиненном предложении расчлененной структуры (на материале русских пословиц)	10
<i>Габлина Т. В.</i> Деловые документы семейного архива Бакуниных как лингвистический источник	15
<i>Иванова Е. А.</i> Семантические группы фразеологизмов-наименований человека по социальным свойствам в английском языке	20
<i>Карпович М. И.</i> Двоевластие в правилах правописания	23
<i>Карташева Е. А.</i> Лингвокультурологический подход к исследованию лексических единиц	27
<i>Киселева И. В.</i> Символьность пространственного кода культуры	30
<i>Кузнецова Л. М.</i> Особенности синтаксической организации газетного текста начала XVIII века	33
<i>Леонтьева Т. В.</i> Социальный аспект оценочных характеристик человека по способности работать и отношению к труду (на материале русской диалектной лексики)	38
<i>Лысова О. Ю.</i> Культурные смыслы фразеологизмов с компонентом «кровь»	42
<i>Лю Яньчунь.</i> Русская и китайская картины мира и их отражение в языках (на материале метеорологической лексики и фразеологии)	46
<i>Маркелова Г. В.</i> Азбучная реформа Петра и ее значение для русской и славянской письменности	51
<i>Михайлова Л. П.</i> Алгоритм выявления экстенциальных лексических единиц в русских говорах	54

<i>Мусатова Г. А.</i>	
Сложноподчиненные предложения с уступительно-сопоставительной семантикой	58
<i>Маосой Юань.</i>	
Предложно-субстантивные сочетания с уступительным значением	60
<i>Новикова Л. Н.</i>	
Лексика литературного языка в тверских говорах	64
<i>Олефир С. С.</i>	
К вопросу о лингвистической модальности	67
<i>Писарь Н. В.</i>	
Лексемы со значением "искушение" как средство реализации концепта "дьявол" (на материале древнерусских текстов XI-XIV веков)	71
<i>Приходько С. А.</i>	
Введение народно-просторечной лексики как аргументативный приём в монографии В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм»	76
<i>Савельева М. В.</i>	
Потенциальная перфектность форм прошедшего совершенного императивных процессуальных единиц	81
<i>Селеменова О. А.</i>	
Структурно-семантическая организация безличных предложений со значением состояния природы в русском языке	85
<i>Турко У. И.</i>	
О понятии <i>потенциальное слово</i>	90
<i>Фёдорова К. Л.</i>	
Фразеологизмы с компонентом-метеонимом «ветер» / «wind», «дождь» / «rain», «туман» / «fog» в русском и английском языках	93
<i>И. Б. Хоменко</i>	
Пространственная метафора как квалификатор нормы и антинормы	97
<i>Щербакова М. Е.</i>	
Производные имена существительные модификационного типа словообразовательного значения в говорах Тверской области	100

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОПИСАНИЮ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

<i>Абрамова Е. С.</i>	
Смысловая структура и языковая объективация концепта «Россия» (на материале журнала «Родина» за 2000 – 2010 гг.)	106
<i>Анисина Н. В.</i>	
Скрытое речевое воздействие учебно-научного текста как основа формирования профессиональной компетенции будущего специалиста	111
<i>Баскова Ю. С., Варавва А. Д.</i>	
Культурная и языковая картины мира Великобритании, Америки и России в опыте российских студентов	115

<i>Власова О. Б.</i>	
Теория относительности в лингвистическом преломлении	120
<i>Корякова Е.</i>	
Коммуникативно-речевые тактики в рекламе сотовой связи	126
<i>Мкртычян С. В.</i>	
Коммуникативная стилистика: лингвистический статус	128
<i>Павлова М. Н.</i>	
Эллидированность как структурный признак некорректных сравнений в рекламе	132
<i>Панова М. Н.</i>	
Специфика профессиональной языковой картины мира государственного служащего	135

СТРАТЕГИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА: ФУНКЦИОНАЛЬНО- СЕМАНТИЧЕСКОЕ И КОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ

<i>Алгунова Ю. В., Рюмина Н. В.</i>	
Особенности поэтики малой прозы Т. Толстой (на материале новеллы «Сюжет»)	141
<i>Арзямова О. В.</i>	
Композиционно-речевые структуры текста и их роль в процессе организации речевых партий автора и персонажа (на материале романа В. С. Маканина «Асан»)	145
<i>Барбашова Н. К., Макухина Е. В.</i>	
Некоторые аспекты перевода реалий как культурной коннотации текста	148
<i>Быша Л. С.</i>	
Идеографическое описание концепта «русский менталитет» на материале повести Н. С. Лескова «Очарованный странник»	151
<i>Григоренко С. Г.</i>	
Языковая игра как черта идиостиля Ф. Искандера (на материале сказки «Кролики и удавы»)	153
<i>Ильина Е. В.</i>	
Возможности анализа художественного текста в аспекте выявления его модально-временной организации	156
<i>Кононова Н. Н.</i>	
Некрасивая смерть (ключевые слова, связанные с концептом «болезнь», в повести Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича»)	162
<i>Кочанова Е. Н.</i>	
К вопросу о номинации и предикации в лирике (на материале функционирования номинативных предложений в поэтическом языке М. Цветаевой)	166

<i>Леонтьева К. И.</i> Звуковой повтор как смыслогенерирующий фактор (на примере стихотворения У. Х. Одена «O where are you going?») 170	170
<i>Маркелова В. М.</i> К определению лексико-семантического поля в художественном тексте 175	175
<i>Метликина Л. С.</i> Особенности окказионального словообразования в прозе Б. А. Пильняка 179	179
<i>Некрасова А. В.</i> Концепт «страх» в художественном мире Н. В. Гоголя («Страшная месть», «Выбранные места из переписки с друзьями») 183	183
<i>Преображенский С. Ю.</i> Лингвистика стиха: неон первый как стихема 187	187
<i>Родионова Н. А.</i> Способы концептуализации лексико-семантического поля «любовь» в рассказах Т. Толстой 192	192
<i>Сварчевская Т. В.</i> Лексико-синтаксические формы умаления женского письма (отзывы критиков конца 1840-х годов о произведениях А. Я. Марченко) 195	195
<i>Тикун Е. С.</i> Особенности реализации модальности необходимости в художественном тексте (на материале романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы») 200	200
<i>Фахарова Г. Р.</i> Функционирование деепричастий в цикле рассказов И. А. Бунина «Темные аллеи» 204	204
<i>Чистякова Е. А.</i> Художественное слово М. М. Зощенко в лексикографическом аспекте 207	207
<i>Шыныбекова А. С.</i> О прагматике художественного текста 211	211

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В ШКОЛЕ И ВУЗЕ

<i>Бабий С. Н., Попова И. Л.</i> Из опыта создания системы творческих заданий для подготовки к ЕГЭ 217	217
<i>Белых А. Я., Кулиш С. В., Комарова Г. В.</i> Активность и активизация как составляющие процесса обучения 220	220
<i>Волков В. В.</i> Курс «Идеографические аспекты русистики» в контексте инновационной подготовки филологов-преподавателей 224	224
<i>Горохова А. М.</i> Организация фразеологической работы в начальной школе 231	231

<i>Дитковская О. Н.</i>	
Метод учебного проектирования как средство развития познавательной активности учащихся на уроках русского языка	233
<i>Еременко О. И., Солошина А. Н.</i>	
Этимологический анализ как средство реализации культуроведческого подхода в обучении русскому языку в начальной школе	239
<i>Зуева М. Н.</i>	
Изучение сложных предложений в 5–7 классах в Тверском лицее	241
<i>Куликова Э. М.</i>	
Использование педагогики сотрудничества на уроках русского языка	244
<i>Жгарева Т. И., Малюгина Н. М.</i>	
Вертикаль школа – вуз: какой быть языковой личности выпускника средней школы?	248
<i>Меньшикова С. И.</i>	
Специфика репрезентации нравственных концептов в учебном тексте	254
<i>Омельченко Е. В.</i>	
Проектная коммуникативная стратегия в рамках образовательного дискурса	258
<i>Осипова Н. П.</i>	
Использование современных педагогических технологий в преподавании русского языка	262
<i>Рамазанова Л. Г.</i>	
Методика работы по развитию речи в связи с обучением чтению на русском языке в национальной школе	266
<i>Сергеева Н. М.</i>	
Словообразование в школьном курсе русского языка	270
<i>Суворова Н. В.</i>	
Гуманитаризация образования как компонент обучения на занятиях по русскому языку	275
<i>Яковлева Т. В. Торопцева Е. С.</i>	
Регионализация начального языкового образования	278

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО: ФОРМИРОВАНИЕ РАЗЛИЧНЫХ ВИДОВ КОМПЕТЕНЦИИ В УЧЕБНО-НАУЧНОЙ СФЕРЕ, СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ

<i>Баландина Л. А., Жгарева Т. И.</i>	
Организация контроля знаний иностранных студентов продвинутого этапа обучения («Русский язык как иностранный»)	281
<i>Витлинская Л. Г., Мирзоева В. М., Ткачёва Р. А.</i>	
Учебно-методические аспекты междисциплинарных образовательных программ для студентов-иностранцев медицинских вузов	283

<i>Гордиенко О. А.</i> Игровые технологии обучения в преподавании русского языка как иностранного	289
<i>Лузикова С. Н.</i> Об инновационных возможностях оптимизации курса русского языка при обучении иностранцев на этапе предвузовской подготовки	292
<i>Михайлова Н. Д., Ткачева Р. А., Кононова Н. Н.</i> Комплексно-аспектный подход в формировании лингвистической и культурологической компетенции иностраннных учащихся	295
<i>Скаковский В. Ю.</i> Формирование речевых интенций на начальном этапе обучения русскому языку как иностранному	297
<i>Бырдина Г. В., Тихомирова Е. А.</i> Развитие коммуникативной и культуроведческой компетенций учащихся-инофонов через знакомство с русским речевым этикетом	301
<i>Федорова Е. А., Нестерова Е. Н.</i> Принципы лингвистической и коммуникативной подготовки иностраннных бакалавров в вузах экономического профиля	305
<i>Янова Н. Н., Мирзоева В. В.</i> Лингвометодические аспекты изучения сложносочиненных конструкций с союзом <i>И</i> иностраннными студентами медицинского профиля	310

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ОНОМАСТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ И АПЕЛЛЯТИВНО-ОНОМАСТИЧЕСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

<i>Волкова Н. В.</i> Авторское «я» и «маски» Высоцкого в свете прономинальной антропонимики	314
<i>Волкова С. Н.</i> К вопросу о философско-символическом плане романа О. Ермакова «Знак зверя» (на материале имён собственных)	322
<i>Ганжина И. М.</i> О христианских личных именах на –ХНО в тверской письменности преднационального периода	327
<i>Какзанова Е. М.</i> Орфографические и фонетические искажения имен собственных	331
<i>Королева И. А.</i> Смоленская ономастическая школа: возможности выделения и перспективы развития	335
<i>Разумов Р. В.</i> Актуальные направления исследования городского онимического пространства	337

<i>Романова Т. П.</i>	
Фонетические и графико-орфографические приемы актуализации имени бренда в тексте слогана	341
<i>Сироткина Т. А.</i>	
О лингвокультурологическом описании этнонимов	345
<i>Соколова Т. П.</i>	
Ещё раз о Филонах и Филонах	350
<i>Тимирханов В. Р.</i>	
Синергийные механизмы номинации в сфере эргонимов русского музыкального поп-арта (доономастический ресурс)	355
<i>Яковлева С. П.</i>	
Имя персонажа как отражение модели фантастического мира	358
Сведения об авторах	362

Стратегии исследования языковых единиц
Научное издание

Подписано в печать 25. 05. 11. Формат 60х84 1/16.

Бумага типографская. Объем 19 п. л.

Тираж 100 экз.

Издательство М. Батасовой

(4822) 450–459, 8 920 684 6879

Отпечатано в ООО «Альфа-Пресс»

170000, г. Тверь, ул. Советская, 15

8 910 532 1504